ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

Томъ II.

1869.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

КАРТА

для поясненія путешествій ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го,

съ 1801-го по 1807-й годъ.

Масштабъ

Въ Англійскомъ дюймѣ 140 верстъ.

II-й ПЕРІОДЪ

Царствованія Императора Александра I-го.

(1805—1812 г.).

ГЛАВА XIII.

Кремсъ и Шёнграбенъ.

Истощивъ всѣ средства къ сохраненію мира въ Европѣ, Императоръ Александръ I обратился къ оружію. Готовясь вести войну противъ полководца славнаго побѣдами и сознавая свою неопытность въ трудномъ дѣлѣ командованія арміями, юный Монархъ искалъ военачальника, которому съ надеждою на успѣхъ могъ-бы ввѣрить судьбу своего воинства, поддержаніе славы русскаго оружія, и не находилъ его. Нестало полководцевъ Екатерины; оставались ихъ сподвижники, но общественное мнѣніе, убѣжденное въ ихъ мужествѣ, не довѣряло ихъ искусству. Въ такихъ обстоятельствахъ, Александръ, подобно своему великому предку, предлагавшему, при открытіи Сѣверной войны, начальство надъ русскими войсками знаменитому Марльборугу, обратился къ неменѣе славному чужеземцу, извѣстному—и мудрыми распоряженіями на поляхъ боя — и гражданскими доблестями — генералу Моро. Изгнанный изъ Фран- 1805.

1805. ціи, забывшей его заслуги, Моро тогда жилъ въ Америкѣ. Императоръ Александръ отправилъ къ нему камергера графа Палена, съ приглашеніемъ вступить въ русскую службу полнымъ генераломъ, или служить волонтеромъ, обѣщая, какой оборотъ ни приняли-бы дѣла, вѣрное убѣжище ему и его семейству въ Россіи.

Приготовленія Императора Александра къ войнѣ состояли: въ укомплектованіи арміи, въ образованіи новыхъ полковъ и въ снабженіи войскъ боевыми и жизненными припасами.

Въ концѣ августа 1805 года, когда война съ Франціей уже казалась неизбѣжна, были сформированы вновь два драгунскихъ, семь мушкетерскихъ, два егерскихъ и два артиллерійскихъ полка ([1]). Тогдаже послѣдовало повелѣніе о наборѣ рекрутъ, съ пятисотъ душъ по 4 человѣка ([2]), и разрѣшено вербовать нижнихъ чиновъ изъ иностранцевъ, на шесть, или на восемь лѣтъ, и на болѣе продолжительные сроки ([3]). Для предупрежденія дороговизны провіанта и фуража въ западныхъ губерніяхъ, запрещенъ вывозъ ржи и овса изъ Литвы за границу ([4]). Отпущена экстраординарная сумма на приготовленіе пороха и пріостановлена продажа за границу селитры ([5]). Повелѣно усилить заготовленіе ружей и штуцеровъ въ Тулѣ и Систербекѣ, такъ, чтобы имѣть въ запасѣ ручное огнестрѣльное оружіе на всѣ сухопутныя войска, кромѣ гарнизоновъ.

10—15 (22—27) августа, выступила изъ Петербурга въ походъ гвардія, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича. Самъ Государь провожалъ ее. Многіе изъ владѣльцовъ дачъ вдоль петергофской дороги угощали солдатъ на привалахъ; крестьяне дарили деньгами солдатскихъ женъ и дѣтей, слѣдовавшихъ за войсками до перваго ночлега.

Такой-же пріемъ встрѣчала гвардія на всемъ маршѣ 1805.
своемъ, чрезъ Псковъ, Оршу и Несвижъ, къ Бресту. Особеннымъ гостепріимствомъ отличились жители порховскаго уѣзда, села Бешковичъ; Государь, узнавъ о томъ, пожаловалъ имъ тысячу рублей.

Командиръ авангарда дѣйствующей арміи, князь Багратіонъ, предъ выступленіемъ въ походъ, отправился въ Александро-Невскую Лавру и, приказавъ тамъ отслужить панихиду за упокоеніе души бывшаго своего начальника Суворова, сталъ на колѣни у его могилы и какъ-будто призывалъ себѣ въ помощь тѣнь Великаго ([6]).

Войска, поставленныя на военное положеніе, были раздѣлены на нѣсколько армій: 1) армія, назначенная для совокупнаго дѣйствія съ Австрійцами, въ числѣ около 50,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова, въ ожиданіи перехода черезъ границу, стояла въ окрестностяхъ Радзивилова; 2) армія, собранная на западной границѣ, у Брестъ-Литовска и Гродна, въ числѣ 90,000 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Михельсона, состояла изъ трехъ корпусовъ: одинъ, генерала Беннигсена, въ 40,000 человѣкъ, былъ назначенъ для демонстраціи противъ Пруссіи, а прочіе два, графа Буксгевдена (Волынская армія) и Эссена, вообще силою до 50,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилась и гвардія, выступили въ послѣдствіи въ Моравію, на соединеніе съ арміей Кутузова; 3) корпусъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго, въ числѣ 20,000 человѣкъ, собирался въ Петербургѣ и Ревелѣ, для отплытія въ Стральзундъ; 4) корпусъ на Іоническихъ островахъ, въ числѣ болѣе 20,000 человѣкъ, былъ назначенъ къ отплытію въ Неаполь. Кромѣ того, на Днѣстрѣ,

1805. собирался резервный корпусъ, генерала отъ кавалеріи Тормасова, силою болѣе 15,000 человѣкъ (7).

По свидѣтельству современниковъ, войска русскія этой эпохи, сформированныя и обучаемыя по образцу прусскихъ, уступали въ достоинствѣ своимъ предшественникамъ — полкамъ екатерининскимъ; въ особенности-же кавалерія и артиллерія, тяжелыя и неповоротливыя, неудовлетворяли требованіямъ ветерановъ посѣдѣвшихъ подъ знаменами, при Румянцовѣ, Репнинѣ и Суворовѣ. Изъ нашихъ генераловъ, не было никого, которому прежняя слава его позволяла-бы помышлять о состязаніи съ Наполеономъ.

Императоръ Александръ, получивъ отъ нашего посланника при берлинскомъ дворѣ донесеніе о неудовольствіи Короля Фридриха-Вильгельма, возбужденномъ домогательствами Союзниковъ провести русскія войска чрезъ его владѣнія (8), рѣшился отправиться за границу, для свиданія съ нимъ и для побужденія его къ принятію участія въ борьбѣ за правое дѣло. Предъ отъѣздомъ своимъ Государь сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) демонстрація противъ Пруссіи была отмѣнена, и предписано Михельсону расположить корпусъ графа Буксгевдена впереди Пулавъ, на р. Пилицѣ, а Беннигсена у Гродно (9); 2) графъ Толстой (Петръ Александровичъ), съ ввѣреннымъ ему корпусомъ, получилъ повелѣніе отправиться моремъ изъ Кронштадта и Ревеля въ Стральзундъ и поступить подъ начальство Короля Шведскаго. „Vos sentimens, Sire, писалъ Императоръ Александръ Королю — me sont un sûr garant qu'en dirigeant ou en commandant Vous-même les troupes russes et suédoises, les unes ne l'emporteront pas d'affection sur les autres, comme je garantis que

leur dévouement pour Votre personne sera égal. C'est 1805.
donc à Votre Majesté que je confie l'honneur et la conservation de mes troupes". (Ваши чувства служатъ Мнѣ порукою, что распоряжаясь, либо предводя, Русскими и Шведами, вы не будете предпочитать однихъ другимъ, какъ и Я ручаюсь въ одинаковой преданности ихъ вашей особѣ, и потому Вашему Величеству ввѣряю честь и сохраненіе Моихъ войскъ) ([10]); 3) россійскому послу въ Лондонѣ, графу Воронцову, повелѣно домогаться, чтобы Англичане, по выступленіи наполеоновой арміи изъ булоньскаго лагеря, тревожили берега Франціи и немедленно отправили войска къ берегамъ Эльбы и Везера, для совокупнаго дѣйствія съ Русскими и Шведами въ сѣверной Германіи ([11]); наконецъ, 4) Высочайше утверждены правила для комитета министровъ, въ руководство при рѣшеніи дѣлъ, по отбытіи Государя ([12]).

Императоръ Александръ I выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи 9 (21) сентября, въ сопровожденіи оберъ-гофмаршала графа Толстаго (Никол. Александр.), генералъ-адъютантовъ графа Ливена, князя Долгорукова (Петра Петровича) и князя Волконскаго (Петра Мих.), управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князя Чарторыскаго и тайныхъ совѣтниковъ Новосильцова и графа Строганова. Государь отслушалъ въ сей день молебствіе въ Соборѣ Казанской иконы Божіей Матери. Обширная церковь и всѣ ведущія къ ней улицы мгновенно наполнились народомъ. „Государь ѣдетъ на войну"! повторяли тысячи людей, передавая роковую вѣсть другъ другу; многіе изъ нихъ плакали. Какъ только Александръ, выйдя изъ Собора, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ по Невскому проспекту, раздались громкія восклицанія, слившіяся въ общее дружное ура! „Счастливо, Го-

1805. сударь! Будь здоровъ"! и другія пожеланія, вырывавшіяся изъ глубины души, сопровождали отъѣздъ его.

Въ этотъ день графъ Шереметевъ (Никол. Петровичъ) пожертвовалъ 20,000 рублей на выкупъ должниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ; одинъ изъ русскихъ купцовъ, скрывшій свое имя, выкупилъ 15 человѣкъ; чиновникъ, посланный съ такою-же цѣлью Августѣйшею Матерью Императора, нашелъ въ городской тюрьмѣ только 14 человѣкъ, содержавшихся тамъ за долги, и возвратилъ имъ свободу ([13]).

Императоръ Александръ, нагнавъ гвардію близъ Витебска, продолжалъ путь чрезъ Могилевъ и 16 (28) сентября прибылъ въ Брестъ-Литовскъ. Получивъ тамъ извѣстіе о сборѣ прусскихъ войскъ близъ нашей границы, онъ немедленно послалъ въ Берлинъ генералъ-адъютанта князя Долгорукаго, съ предложеніемъ Королю свиданія въ мѣстечкѣ Грушинѣ, въ Галиціи, а самъ, осмотрѣвъ полки проходившіе чрезъ Брестъ, отправился 17 (29) въ Пулаву, имѣніе Чарторыскихъ. Государь рѣшился, въ случаѣ несогласія Фридриха-Вильгельма на движеніе нашихъ войскъ чрезъ прусскія владѣнія, объявить ему войну. Ставя честь выше всего, Императоръ Александръ хотя и постигалъ вполнѣ всѣ невыгоды такой войны, хотя и былъ расположенъ дружески къ Прусскому Королю, однако-же не хотѣлъ измѣнить свое намѣреніе ([14]).

Въ ожиданіи возвращенія изъ Берлина князя Долгорукова, которому было повелѣно оставаться тамъ не болѣе сутокъ, Государь ежедневно производилъ смотры полкамъ графа Буксгевдена, приходившимъ для содержанія карауловъ въ Пулаву. Вскорѣ послѣ того послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи резервной арміи, подъ на-

чальствомъ генерала Римскаго-Корсакова, долженствовавшей расположиться вдоль нашей западной границы, отъ Полангена до Проскурова ([15]). Получивъ приглашеніе Императора Франца — пріѣхать на свиданіе съ нимъ въ Краковъ, ([16]) Императоръ Александръ, изъявивъ свое искреннее желаніе лично познакомиться съ Австрійскимъ Монархомъ, писалъ ему о необходимости отложить ихъ свиданіе, пока не устроятся дѣла съ Пруссіею. Между тѣмъ Король Прусскій, принявъ предложеніе нашего Государя, собирался ѣхать въ Грушинъ, какъ вдругъ было получено въ Берлинѣ извѣстіе о нарушеніи Французами неутралитета Пруссіи: дѣйствительно—Бернадоттъ, съ тремя корпусами, при движеніи отъ Майна къ Дунаю, прошелъ чрезъ маркграфство анпахское, принадлежавшее Пруссіи, не уваживъ представленій тамошняго управленія. Извѣстіе о томъ взолновало Берлинъ и разнеслось съ быстротою молніи по всей странѣ. Войска и народъ единодушно взывали о мщеніи за оскорбленную честь Монархіи. Король, увлеченный общественнымъ мнѣніемъ, въ первомъ порывѣ негодованія, приказалъ-было выслать изъ Берлина французскаго посланника Лафореста (Laforest) и присланнаго съ порученіемъ отъ Наполеона, гофмаршала Дюрока, но потомъ отмѣнилъ это приказаніе ([17]). 1805.

Послѣдующія дѣйствія берлинскаго двора явно обнаружили измѣненіе прежней его политики и подали Императору Александру надежду, что Король станетъ дѣйствовать въ пользу Союзниковъ. 14 (26) октября, прусскія войска перешли границу курфиршества ганноверскаго. Корпусъ графа Толстаго, высадившійся въ Шведской Помераніи еще 8-го октября н. ст. оставался у Стральзунда, въ ожиданіи успѣха переговоровъ Россіи съ Пруссіей, а потомъ,

1805 одновременно со вступленіемъ прусскаго корпуса въ Ганноверъ, двинулся впередъ, занялъ герцогство лауэнбургское и перешелъ въ Люнебургъ, между тѣмъ какъ прусскія войска, очистивъ курфиршество, расположились во Франконіи. Армія Кутузова, съ разрѣшенія Короля Фридриха-Вильгельма, 11 (23) октября, вступила въ Прусскую Силезію. Тогда-же Императоръ Александръ отправился въ Берлинъ и прибылъ туда 13-го (25-го) октября. Свиданіе нашего Государя съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ упрочило ихъ дружбу и положило основаніе многолѣтнему союзу Россіи съ Пруссіей ([18]).

Король Фридрихъ-Вильгельмъ III и супруга его Королева Луиза могли служить примѣромъ семейнаго счастія. Король, соединявшій въ себѣ многія превосходныя качества частнаго человѣка, умѣренный въ расходахъ, привѣтливый, избѣгалъ всякаго внѣшняго блеска и любилъ проводить время въ небольшомъ кругу, куда имѣли доступъ лишь немногія лица, удостоенныя его дружбою; простота и безцеремонность его домашняго быта простиралась до того, что Королева Луиза, послѣ обѣда, сама подавала трубку генералу Кёкрицу (Köckeritz), любимому собесѣднику Фридриха-Вильгельма. Въ походахъ на Рейнѣ, Король выказалъ на дѣлѣ воинскую отвагу. Къ сожалѣнію—всѣ его достоинства не могли вознаградить въ немъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ качествахъ, необходимыхъ для Государя, и необходимыхъ болѣе нежели когда-либо, въ трудную эпоху революціонныхъ сатурналій и наполеоновскаго деспотизма. Король, не обладавшій высокими природными дарованіями и получившій самое плохое воспитаніе, до того былъ чуждъ всѣмъ обычнымъ житейскимъ условіямъ, что, будучи весьма недуренъ собою, не умѣлъ себя держать прилично своему сану.

Его застѣнчивость, доходившая до неловкости, его несвязная рѣчь, его колебанія въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежало дѣйствовать рѣшительно, и его недовѣріе къ самому себѣ: все это препятствовало ему проявить свои превосходныя душевныя качества. 1805.

Королева Луиза — „прекраснѣйшая женщина съ еще болѣе прекрасною душею“, обладала даромъ слова и страстью ко всему высокому и изящному. Ея большія голубыя глаза блистали свѣтомъ ума, силою мужества и добротою въ высшей степени женственною, и хотя она съ своимъ супругомъ проводила цѣлые часы за чтеніемъ Августа Лафонтена, однакоже это не мѣшало ей удивляться твореніямъ Гёте, уважать Шиллера и любить Жанъ-Поля (19).

Прибытіе Императора Александра въ Берлинъ, одновременно съ полученнымъ тамъ извѣстіемъ объ уничтоженіи макковой арміи, угрожавшимъ Германіи опустошеніемъ и рабствомъ, положило конецъ колебаніямъ Фридриха-Вильгельма. Правда—Король все еще не могъ рѣшиться на присоединеніе къ коалиціи, а согласился только принять на себя посредничество для достиженія условій требуемыхъ Союзниками, именно: независимости Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Неаполя, вознагражденія сардинской династіи и самостоятельности Италіянскаго Королевства. Но, въ случаѣ отказа Бонапарта на предложенія Союзниковъ, Король обязался содѣйствовать имъ въ войнѣ противъ Франціи сто восемьдесятью тысячами человѣкъ: таковы были главныя статьи договора, заключеннаго въ Потсдамѣ, 3-го ноября н. ст. Вслѣдъ за тѣмъ, Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, у гроба Великаго Фридриха, утвердили

1805 сей договоръ обѣщаніемъ взаимно поддерживать другъ друга ([20]). Въ настоящій вѣкъ разочарованія и скептицизма, порицали торжественность этой сцены, но—быть можетъ—самая торжественность ея укрѣпила союзъ Государей и заставила ихъ въ послѣдствіи исполнить принятыя ими на себя обязательства.

По заключеніи потсдамской конвенціи, всѣ прусскія арміи, уже поставленныя на военное положеніе, были направлены къ австрійскимъ границамъ: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ герцога брауншвейгскаго собралась въ нижней Саксоніи; другая—курфирста гессенскаго, въ Вестфаліи, а третья—владѣтельнаго принца Гогенлоэ (Hohenlohe-Ingelfingen) во Франконіи. Кромѣ того — генералъ Гравертъ съ наблюдательною арміей расположился въ Силезіи, а резервы формировались на Одерѣ. Но всѣ эти приготовленія, могшія дать благопріятный оборотъ дѣлу Союзниковъ, были поражены бездѣйствіемъ. Король, неохотно склонившійся на принятіе рѣшительныхъ мѣръ, послалъ къ Наполеону графа Гаугвица, поручивъ ему объявить крайнія условія (ultimatum) прусскаго правительства. Легко было предвидѣть, что этотъ дипломатъ, убѣжденный въ необходимости союза Пруссіи съ Франціей, не станетъ торопиться исполненіемъ даннаго ему порученія и дастъ Наполеону возможность рѣшить участь войны прежде, нежели содѣйствіе Союзникамъ прусскихъ войскъ могло побудить его къ миру.

Наполеонъ, не успѣвъ нанести ударъ Англичанамъ, поразилъ своихъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ ихъ союзниковъ. Въ половинѣ (въ концѣ) сентября, 180 тысячъ человѣкъ французскихъ войскъ уже находились въ цвѣтущихъ долинахъ Рейна и Майна, откуда Наполеонъ устремился кратчайшимъ путемъ къ средоточію австрійской монархіи—Вѣнѣ.

Австрійцы сами облегчили успѣхъ его намѣренія: главныя силы ихъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, находились въ Италіи; а въ долинѣ Дуная должны были собраться вспомогательныя русскія войска; въ ожиданіи-же ихъ прибытія, восемьдесять тысячъ Австрійцевъ были выдвинуты въ Баварію. Ежели поводомъ къ тому была надежда привлечь на сторону союзниковъ курфирста баварскаго, то такое соображеніе было весьма ошибочно, какъ по бывшимъ примѣрамъ преданности баварскаго правительства Франціи, такъ и по вліянію Наполеона на всѣхъ его германскихъ сосѣдей. Да и стоило-ли, изъ сомнительной надежды на содѣйствіе тридцати тысячъ Баварцевъ, удаляться отъ русскихъ армій и отъ собственныхъ резервовъ? Главнокомандующимъ австрійскихъ войскъ на Дунаѣ былъ назначенъ одинъ изъ братьевъ Императора, эрцгерцогъ Фердинандъ; въ дѣйствительности-же ими распоряжалъ Маккъ, извѣстный предшествовавшими неудачами на Рейнѣ и въ южной Италіи, Маккъ, котораго, какъ говорятъ нѣмцы, самое имя означало „пораженіе" (21), Маккъ, соединявшій въ себѣ самонадѣянность съ пылкимъ воображеніемъ, извращавшимъ въ его понятіяхъ сущность всякаго дѣла. И такого человѣка противопоставили Наполеону! 1805.

Французскіе писатели справедливо удивляются быстротѣ соображенія, выказанной Наполеономъ при составленіи плана дѣйствій въ долинѣ Дуная, но еще изумительнѣе быстрота, съ которою этотъ планъ былъ исполненъ великимъ полководцемъ: между тѣмъ какъ вѣнскіе стратеги, по всѣмъ правиламъ нѣмецкаго методизма, разсчитывали, съ циркулемъ въ рукахъ, что для передвиженія французской арміи отъ береговъ океана къ верхнему Дунаю требовалось по крайней мѣрѣ два мѣсяца (по точному ихъ счи-

1805 сленію — 64 дня). Наполеонъ. съ своими легіонами, перешелъ это пространство менѣе нежели въ 40 дней, отрѣзалъ маккову армію отъ двигавшихся ускоренными переходами ей въ помощь войскъ Кутузова, и ослабивъ Австрійцевъ въ нѣсколькихъ незначительныхъ дѣлахъ, заставилъ ихъ положить оружіе, по капитуляціи заключенной Маккомъ въ Ульмѣ. Только-лишь остаткамъ этой арміи удалось избѣгнуть общей участи—гибели или плѣна: эрцгерцогъ Фердинандъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ кавалеріи ушелъ въ Богемію, а генералъ Кинмейеръ, съ 10-ю тысячами человѣкъ, въ послѣдствіи усиленныхъ такимъ-же числомъ войскъ прибывшихъ изъ Австріи, успѣлъ присоединиться къ арміи Кутузова въ Браунау.

Кутузовъ, получивъ 9 (21) августа, въ Радзивиловѣ, повелѣніе Государя — идти на соединеніе съ Австрійцами въ Баварію, выступилъ въ походъ, 13-го (25-го). Войска его, для удобности движенія и снабженія продовольствіемъ, были раздѣлены на шесть колоннъ ([22]), которыя двигались въ разстояніи перехода одна отъ другой; послѣдняя (шестая) оставалась на время въ Подоліи и присоединилась къ арміи уже при отступленіи ея изъ Баваріи. По прибытіи въ Тешенъ, Кутузовъ, исполняя желаніе Императора Франца, продолжалъ движеніе усиленными переходами. Пѣхота, пользуясь подводами, выставленными на каждомъ ночлегѣ, дѣлала отъ 50-ти до 60-ти верстъ въ сутки; кавалерійскимъ и артиллерійскимъ лошадямъ прибавили фуража; офицеровъ везли въ почтовыхъ коляскахъ. По мѣрѣ опасности угрожавшей макковой арміи, вѣнскій дворъ болѣе и болѣе настоятельно упрашивалъ Кутузова объ ускореніи марша русскихъ войскъ, и хотя, по предварительному условію между союзными правитель-

ствами, Русскіе были обязаны продовольствоваться 1805.
на собственный счетъ ([23]), однакоже Императоръ Францъ приказалъ отпускать въ нашу артиллерію безплатно прибавочный фуражъ и выдать русскимъ офицерамъ, въ видѣ столовыхъ денегъ, 60,000 гульденовъ. На маршѣ арміи отъ Тешена къ Браунау, Кутузовъ отправился въ Вѣну и по совѣщаніи тамъ съ австрійскимъ правительствомъ, продолжалъ путь къ Браунау, гдѣ въ началѣ (въ половинѣ) октября собрались всѣ его колонны, за исключеніемъ оставшейся въ Подоліи.

Русская армія, быстро пройдя пространство отъ Буга до Инна, значительно ослабилась и считала въ рядахъ своихъ около 35-ти, а вмѣстѣ съ Австрійцами—всего до 50-ти тысячъ человѣкъ. Прочія-же наши войска находились далеко назади: Буксгевденъ—на маршѣ отъ Пулавы къ Ольмюцу; Беннигсенъ—у Варшавы; гвардія—только-лишь выступила изъ Брестъ-Литовска. Не смотря однакоже на малочисленность русскихъ войскъ, они горѣли желаніемъ помѣряться съ непріятелемъ. Князь Багратіонъ писалъ изъ Браунау, 7 (19) октября, къ князю Чарторыскому:

„Въ сію минуту я пріѣхалъ отъ авангарда моего въ главную квартиру, гдѣ получены разныя непріятныя извѣстія, которымъ однако мало вѣрю. Въ сію-же минуту, мнѣ велѣно приблизиться къ арміи нашей. По слухамъ Французы роятся со всѣхъ сторонъ какъ пчелы; они сильны, а съ нами — Богъ! Только того и прошу, чтобы съ ними повстрѣчаться; надѣюсь съ ними иначе раздѣлаться.... Сегодня пришла и пятая колонна. Ежели Бонапарте, какъ говорятъ, разбилъ эрцгерцога Фердинанда, то намъ надо непремѣнно противъ Бонапарта идти. Я теперь вамъ говорю, какъ слѣпой человѣкъ, для того, что

1805. нѣтъ у насъ коммуникаціи съ Эрцгерцогомъ, а только имѣемъ извѣстія отъ партикулярныхъ, также и отъ непріятельскаго генерала, что Цесарцы разбиты. Богъ вѣдаетъ, правда-ли; на сихъ дняхъ надо ожидать рѣшительнаго. Съ нами Богъ, милость Государя; войско храброе, усердія много; ожидаемъ только нетерпѣливо повелѣнія ударить. Вотъ, Ваше Сіятельство, все, что̀ я знаю. Мнѣ больно, что не получаете отъ меня первое письмо—Тебе Бога хвалимъ! Какъ быть, не наша воля; имѣйте терпѣніе до другой оказіи. Скоро, скоро повеселимся".

Австрійцы, послѣ пораженія Макка, не смѣли и думать, чтобы Кутузовъ рѣшился прикрывать Вѣну, и потому предложили ему переправиться на лѣвый берегъ Дуная и отступить въ Богемію, но русскій полководецъ предпочелъ оставаться на правой сторонѣ рѣки, пока чрезъ то не подвергалась явной опасности ввѣренная ему армія, и донесъ Императору Францу, что, по совѣщаніи съ австрійскими генералами, онъ принялъ намѣреніе преградить непріятелю путь къ Вѣнѣ, и что, безъ разрѣшенія Его Величества, не уступитъ ее Французамъ. Въ заключеніи своего донесенія, Кутузовъ писалъ: „неудача арміи В-го В-ва подъ Ульмомъ весьма чувствительна, но не въ такой степени, чтобы ее нельзя было загладить непоколебимостью и мужествомъ союзныхъ армій".

Не смотря на блистательные успѣхи, одержанные Наполеономъ въ самомъ началѣ войны, онъ находился въ довольно затруднительномъ положеніи. При обходѣ имъ съ фланга макковой арміи, онъ, желая вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, приказалъ, (какъ уже сказано), Бернадотту съ тремя корпусами пройти кратчайшимъ путемъ отъ Вюрцбурга къ Ингольштадту, чрезъ маркграфство аншпахское, при-

надлежавшее Пруссіи. Такому нарушенію неутралитета подавало поводъ преслѣдованіе Австрійцами за нѣсколько дней предъ тѣмъ чрезъ Анншахъ баварскаго корпуса, отступавшаго отъ Дуная къ Вюрцбургу (24). Тѣмъ не менѣе однакоже Наполеонъ, возбудивъ противъ себя неудовольствіе Пруссіи, подвергался опасности, при дальнѣйшемъ движеніи внизъ по Дунаю, быть отрѣзаннымъ отъ Рейна прусскими арміями. Нѣкоторые изъ его сподвижниковъ совѣтовали ему остановиться на Иннѣ. Но Наполеонъ, вмѣсто того, рѣшился ускорить движеніе къ Вѣнѣ. Онъ зналъ, что продолжительный миръ и удряхлѣвшія государственныя учрежденія угасили въ прусскомъ народѣ священный огонь доблести и самопожертвованія, возженный преданіями Семилѣтней войны; ему былъ извѣстенъ нерѣшительный характеръ Фридриха-Вильгельма; не скрылась отъ него и неспособность людей тогда располагавшихъ судьбами Пруссіи: сообразивъ всѣ эти обстоятельства, Наполеонъ не сомнѣвался ва томъ, что покореніе Вѣны должно было парализировать дѣятельность прусскаго правительства. Что-же касается до австрійскихъ войскъ, остававшихся у него на флангахъ, при наступленіи къ Вѣнѣ, то они не могли быть ему опасны: въ Тиролѣ, подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, было не болѣе 20,000 человѣкъ, разобщенныхъ на нѣсколько отрядовъ: въ Богеміи, эрцгерцогъ Фердинандъ, въ половинѣ (въ концѣ) октября, едва могъ собрать около 10,000 человѣкъ; наконецъ — войска эрцгерцога Карла въ Италіи и Союзные корпусы въ Неаполѣ и Ганноверѣ, по значительному разстоянію сихъ странъ отъ главнаго театра дѣйствій, немогли оказать непосредственное вліяніе на ходъ войны. 1805.

Въ продолженіи пребыванія Кутузова въ Вѣнѣ,

1805. получены были отъ Макка самыя успокоительныя извѣстія, но по прибытіи русской главной квартиры въ Браунау, явился туда нашъ резидентъ при баварскомъ дворѣ, баронъ Бюллеръ, съ донесеніемъ о занятіи Французами Мюнхена. Кутузовъ, еще незная ничего объ участи постигшей австрійскую армію, но удостовѣрясь, что она была отрѣзана отъ него непріятелемъ, остановилъ свои войска на Иннѣ и выслалъ на лѣвую сторону сей рѣки только разъѣзды отъ примкнувшаго къ его арміи австрійскаго коннаго полка, а также отправилъ во всѣ стороны лазутчиковъ. Сообщенныя ими свѣдѣнія и донесенія согласовались въ томъ, что всякое сообщеніе съ Ульмомъ было прервано Французами, но на другой-же день по прибытіи Кутузова въ Браунау, 26-го сентября (8-го октября), онъ получилъ отъ эрцгерцога Фердинанда письмо, въ коемъ принцъ, извѣщая о выгодномъ расположеніи своихъ 70,000 человѣкъ подъ Ульмомъ, которое—будтобы — „давало австрійской арміи возможность маневрировать на обоихъ берегахъ Дуная“, приглашалъ нашего полководца дѣйствовать наступательно (55). Нѣсколько дней спустя, получено было въ нашей главной квартирѣ отъ австрійскаго генерала Кренневиля извѣстіе о побѣдѣ, одержанной эрцгерцогомъ Фердинандомъ. (По всей вѣроятности—оно было основано на преувеличенныхъ слухахъ о нерѣшительномъ дѣлѣ при Гаслахѣ). Какъ изъ письма Кренневиля нельзя было вывести никакого опредѣлительнаго заключенія, то Кутузовъ, поздравя эрцгерцога съ успѣхомъ (26), остался въ прежнемъ расположеніи на Иннѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, прибыли къ нему отрядъ Кинмейера, отброшенный непріятелемъ отъ Донауверта и усиленный подкрѣпленіями прибывшими изъ Австріи до 18-ти тысячъ человѣкъ, и небольшой отрядъ Но-

стица, отрѣзанный Французами отъ Ульма: эти войска, 1805.
по приказанію Императора Франца, поступили подъ начальство австрійскаго генерала Мерфельдта. Австрійскіе генералы настаивали, чтобы Кутузовъ двинулся къ Ульму и открылъ силою сообщеніе съ арміей Макка (27), которая въ то время уже несуществовала. Кутузовъ, не трогаясь съ мѣста, донесъ Императору Александру, что не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, будетъ дѣйствовать сообразно съ извѣстіями объ арміи эрцгерцога Фердинанда и съ движеніями непріятеля (28). Главныя силы Кутузова были сосредоточены у Браунау; графъ Ностицъ, съ 6-ю баталіонами и 14-ю эскадронами, стоялъ у Пассау, на правомъ крылѣ, а Кинмейеръ, съ остальными австрійскими войсками, у Мюльдорфа и Розенгейма, на лѣвомъ крылѣ. Между союзниками не было согласія: Русскіе смотрѣли съ презрѣніемъ на Австрійцевъ, допустившихъ такъ легко побить себя Французамъ; Австрійцы считали Русскихъ варварами и невѣждами въ военномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности-же наши солдаты, хотя изнуренные усиленными переходами, въ ненастное время, по грязнымъ дорогамъ, хотя износившіе обувь и даже босые, какъ будтобы закалились въ военныхъ трудахъ и были способны къ великимъ подвигамъ, тѣмъ болѣе, что подъ начальствомъ осторожнаго и хитраго полководца — Кутузова были нѣсколько отличныхъ генераловъ: князь Багратіонъ — герой „по образу и подобію Суворова“ *); неустрашимый, хладнокровный въ бояхъ — Дохтуровъ; русскій Баярдъ — Милорадовичъ.

Наполеонъ, окончивъ дѣло съ Маккомъ, немед-

*) Такъ выражался о князѣ Багратіонѣ одинъ изъ знаменитыхъ русскихъ людей — графъ Ростопчинъ

1805. ленно обратился къ Инну, противъ Кутузова. Для охраненія своихъ сообщеній съ праваго фланга и для открытія связи съ арміей Массены, дѣйствовавшею въ Италіи, Наполеонъ отрядилъ въ Тироль Нея, съ частью его корпуса, отъ Ульма, и Ожеро, перешедшаго, 11-го (23-го) октября, черезъ Рейнъ, у Гюннингена. Прочія-же французскія войска, въ числѣ около полутораста тысячъ человѣкъ, направились къ Инну ([29]).

Наконецъ — 11-го (23-го) октября, Кутузовъ получилъ лично отъ самаго Макка положительныя свѣдѣнія о разгромѣ австрійской арміи. Извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ нашего полководца о сосредоточеніи въ окрестностяхъ Мюнхена 140 тысячъ непріятельскихъ войскъ, Маккъ напрасно старался убѣдить его, чтобы онъ двинулся на встрѣчу Наполеону. Исполняя желаніе Императора Франца, Кутузовъ пригласилъ Макка и Меерфельдта на совѣщаніе о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, но отклонилъ также ихъ предложеніе—переправиться на лѣвый берегъ Дуная и идти чрезъ Богемію, чтобы кратчайшимъ путемъ соединиться съ корпусомъ Буксгевдена. Онъ рѣшился отступать по правой сторонѣ Дуная и прикрывать Вѣну, не подвергая однакоже опасности ввѣренную ему армію. Сохраняя обычное хладнокровіе, Кутузовъ еще нѣсколько дней оставался на Иннѣ, приказалъ уничтожить переправы на сей рѣкѣ и выжидалъ, пока объяснятся намѣренія непріятеля, чтобы сообразить съ ними свои дѣйствія.

14 (26) и 15 (27) октября, французскія войска выступили изъ окрестностей Мюнхена, двумя колоннами: *лѣвая*, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, двинулась эшелонами къ Пассау; *правая*-же была послана къ Вассербургу и Розенгейму ([30]). Какъ только Кутузовъ узналъ о появленіи непрія-

теля на Иннѣ, 17 (29) октября, то приказалъ отступать: русскимъ войскамъ — отъ Браунау къ Ламбаху; Кинмейеру отъ Зальцбурга, оставаясь на одной высотѣ и сохраняя сообщеніе съ русскими войсками, а Ностицу отъ Пассау, по лѣвому берегу Дуная, къ Линцу. Арріергардъ былъ порученъ князю Багратіону; кавалерія его состояла подъ начальствомъ генерала графа Витгенштейна, артиллеріей командовалъ подполковникъ Ермоловъ; въ полупереходѣ отъ арріергарда, для поддержанія его, въ случаѣ надобности, отступалъ отрядъ Милорадовича. Такимъ образомъ, при первой встрѣчѣ Наполеона съ войсками Александра, предводили ими люди, коимъ суждено было стяжать громкую славу въ гигантской борьбѣ, окончившейся низложеніемъ гордаго завоевателя. 1805.

Въ крѣпости Браунау, очищенной безъ сопротивленія Австрійцами, Французы нашли сорокъ пять орудій и большое количество различныхъ запасовъ; этотъ пунктъ послужилъ Наполеону надежнымъ базисомъ при дальнѣйшемъ его наступленіи ([31]). Непріятель, задержанный возобновленіемъ мостовъ на Иннѣ и Зальцѣ, не могъ быстро преслѣдовавь Союзниковъ, что̀ дало время Кутузову отступить за Траунъ, къ Вельсу, и потомъ за рѣку Энсъ, на которой русскія войска, вмѣстѣ съ прибывшимъ отъ Линца австрійскимъ отрядомъ Ностица, расположились у города Энса, а остальныя австрійскія войска, подъ начальствомъ Меерфельдта, стали, для прикрытія главныхъ силъ Кутузова отъ обхода съ лѣваго фланга, у Штейера. Наполеонъ, по занятіи Линца, 23-го октября (4-го ноября), оставался тамъ до 29-го (10-го ноября), выславъ главныя силы къ Энсу и Штейеру и поручивъ Мортье, съ сводным корпусомъ, переправиться у Линца черезъ Дунай и дви-

нуться лѣвымъ берегомъ сей рѣки, чтобы отрѣзать Кутузову путь въ Моравію. Тогда-же Французы составили изъ всѣхъ собранныхъ на Дунаѣ судовъ флотилію, которая должна была, держась на одной высотѣ съ корпусомъ Мортье, сохранять сообщеніе его съ войсками наступавшими по правой сторонѣ Дуная.

Кутузовъ, расположась на рѣкѣ Энсѣ, усилилъ укрѣпленіями занятые имъ пункты и намѣренъ былъ, согласно волѣ Императора Франца, удерживать непріятеля до послѣдней крайности. Но когда Меерфельдтъ, атакованный войсками Даву, снялся съ своей выгодной позиціи у Штейера и отошелъ, въ расходящемся съ прочими союзными войсками направленіи, къ Маріацелю, Кутузовъ былъ принужденъ также отступать, подъ прикрытіемъ арріергарда князя Багратіона ([32]). 24-го октября (5-го ноября), Мюратъ съ кавалеріей и Удино съ гренадерами атаковали его на позиціи у Амштетена. Кутузовъ, не надѣясь, чтобы нашъ арріергардъ могъ устоять въ борьбѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ, послалъ въ помощь Багратіону Милорадовича съ резервомъ арріергарда ([33]), который, смѣнивъ сражавшіяся войска, возобновилъ бой, уже продолжавшійся нѣсколько часовъ. Напрасно Мюратъ покушался обойти нашу позицію съ фланговъ: на правомъ крылѣ его удержали Малороссійскіе гренадеры; на лѣвомъ — Павлоградцы подъ личнымъ начальствомъ Витгенштейна. Милорадовичъ, замѣтя наступленіе французскихъ гренадеръ, повелъ противъ нихъ гренадерскіе баталіоны Апшеронскаго и Смоленскаго полковъ, запретивъ имъ стрѣлять и напомнивъ имъ, какъ они били Французовъ въ Италіи. Войска обѣихъ сторонъ сражались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. По свидѣтельству генерала Дюма (Dumas)

„при встрѣчѣ грудь съ грудью французской пѣхоты съ русскою, гренадеры Удино̀ выказали чрезвычайную неустрашимость, Русскіе—свирѣпое мужество (!). Раненые, истерзанные, они сражались съ бѣшенствомъ, пока у нихъ оставалось въ рукахъ оружіе, и даже плѣнные кидались на конвойныхъ“ (34). Войска Милорадовича удержались на занятыхъ ими мѣстахъ и къ концу дѣла заставили непріятеля податься назадъ. 1805.

Отступленіе Меерфельдта имѣло, напротивъ того, весьма невыгодныя для него послѣдствія. Желая избѣжать движеній по проселочнымъ дорогамъ, онъ направился въ обходъ по большой дорогѣ, чрезъ Альтенмаркъ и Маріацель. Наполеонъ, занявъ линію по Энсу, отрядилъ корпусъ Даву изъ Штейера, прямо чрезъ Вайдгофенъ и Гамингъ, на-перерѣзъ Меерфельдту, который, будучи предупрежденъ и атакованъ Французами у Аннаберга, 7-го ноября н. ст. кинулся вправо, потерялъ при отступленіи 4,000 человѣкъ плѣнными и всю свою артиллерію, и собравъ въ Грецѣ (Grätz) остатки своего корпуса, въ числѣ неболѣе двухъ тысячъ человѣкъ, ушелъ въ Венгрію (35). Разсѣявъ войска Меерфельдта, Даву обратился чрезъ Лиліенфельдтъ къ Санктъ-Пельтену. Упорное сопротивленіе русскаго арріергарда въ дѣлѣ при Амштетенѣ заставило Наполеона полагать, что Кутузовъ былъ намѣренъ принять бой на позиціи у Санктъ-Пельтена; въ этомъ убѣжденіи утвердило его полученное отъ лазутчиковъ извѣстіе о движеніи чрезъ Моравію второй русской арміи, чему подало поводъ прибытіе туда шестой колонны Кутузова, которая сперва была направлена къ турецкой границѣ, а потомъ двинулась въ слѣдъ за прочими войсками посланными въ помощь Австріи. Наполеонъ, полагая встрѣтить значительныя силы союзниковъ

1805. у Санктъ-Пельтена, направилъ туда не только всѣ французскіе корпусы наступавшіе противъ Русскихъ съ фронта, кромѣ войскъ Мармона, отряженныхъ къ Леобену для развѣданія объ эрцгерцогѣ Карлѣ, но и корпусъ Даву, которому было поручено обойти съ лѣваго фланга санктъ-пельтенскую позицію.

23-го октября (4-го ноября), Императоръ Францъ собралъ въ Вѣнѣ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ фельдцейгмейстера Бальѐ де-Латура, для рѣшенія вопроса о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Принявъ въ соображеніе, что всѣ силы союзниковъ, со включеніемъ резервовъ находившихся въ Вѣнѣ, не превышали 50-ти тысячъ человѣкъ, совѣтъ убѣдился въ невозможности прегражденія непріятелю доступа къ австрійской столицѣ. Положено было -- пожертвовать Вѣною; Кутузовъ, съ состоявшими при его корпусѣ отрядами Кинмейера и Ностица, долженъ былъ, переправясь у Маутерна на лѣвый берегъ Дуная, расположиться у Кремса, въ ожиданіи прибытія корпуса Буксгевдена, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ снова перейти на правую сторону Дуная и дѣйствовать наступательно; для прикрытія-же русской арміи отъ обхода съ лѣваго фланга, надлежало графу Ауэрспергскому, съ 13-ю тысячами человѣкъ австрійскаго резерва, занять позицію на лѣвомъ берегу Дуная противъ Вѣны, уничтожить мосты, и въ случаѣ переправы непріятеля на этомъ пунктѣ отступить къ Волькерсдорфу. Но какъ Буксгевденъ могъ прибыть къ Кремсу, по разсчету австрійскихъ стратеговъ, не прежде начала (половины) декабря, то и нельзя было надѣяться, чтобы Наполеонъ, занявъ Вѣну, допустилъ Союзниковъ оставаться такъ долго въ занятыхъ ими позиціяхъ на Дунаѣ ([36]). Сами Австрійцы, чувствуя необходимостъ выиграть время, нужное для сосредоточенія русскихъ войскъ и для прибытія къ

нимъ въ помощь эрцгерцоговъ Карла и Іоанна, изъ 1805.
Италіи и Тироля, хотѣли достигнуть этой цѣли посредствомъ перемирія. Въ продолженіи пребыванія Наполеона въ Линцѣ, прибылъ къ нему, 27-го октября (8-го ноября), для переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, генералъ Гіулай. Но Наполеонъ, разгадавъ намѣреніе австрійскаго правительства, поставилъ первымъ условіемъ перемирія немедленное удаленіе русскихъ войскъ. Гіулай, не имѣя полномочія согласиться на такое требованіе, предававшее Австрію на произволъ побѣдителя, возвратился въ Вѣну ([37]).

Между тѣмъ какъ Наполеонъ готовился атаковать русскую армію тройными силами, Кутузовъ отошелъ 26-го октября (7-го ноября) къ позиціи у Санктъ-Пельтена и присоединилъ къ себѣ арріергардъ Милорадовича. Мюратъ преслѣдовалъ Русскихъ довольно слабо, желая дать время главнымъ силамъ Наполеона сблизиться къ Санктъ-Пельтену и повести нападеніе на позицію съ нѣсколькихъ сторонъ. Но Кутузовъ, получивъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніе о наступленіи корпуса Мортье по лѣвому берегу Дуная и разгадавъ намѣреніе непріятеля, быстро перешелъ къ Маутерну и тамъ переправился на лѣвую сторону рѣки. Хотя успѣху флангового движенія и переправы русскихъ войскъ много способствовали медленность и колебанія Мюрата, однакоже должно отдать справедливость и благоразумнымъ распоряженіямъ Кутузова. Рѣшась перейти на лѣвый берегъ Дуная, онъ, 27-го октября (8-го ноября), развернулъ на высотахъ у рѣки Тразенъ кавалерію Кинмейера, приказавъ ему оставаться на мѣстѣ до наступленія ночи, а потомъ отступить по дорогѣ къ Вѣнѣ. Главныя-же силы Кутузова, именно русскія войска и отрядъ Ностица, стояли все утро между

1805. помянутыми высотами и лѣвымъ берегомъ Тразена, будучи прикрыты отъ непріятеля кавалеріей Кинмейера, а къ вечеру незамѣтно отъ Французовъ перешли къ Маутерну. Кутузовъ, найдя тамошнее мостовое укрѣпленіе неудобнымъ къ оборонѣ, сдѣлалъ распоряженія къ уничтоженію моста, перевелъ въ продолженіи слѣдующаго дня всѣ войска и обозы на лѣвую сторону рѣки и 28-го октября (9-го ноября) приказалъ зажечь мостъ. Мюратъ еще наканунѣ атаковалъ передовые посты Кинмейера, перешелъ черезъ Тразенъ и желая вознаградить потерянное время, увлекся на слѣдующій день преслѣдованіемъ кинмейерова отряда до окрестностей Вѣны. Главныя силы французской арміи, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, слѣдовали за движеніемъ авангарда. Самъ Наполеонъ 29-го октября (10-го ноября) переѣхалъ въ Мёлькъ (Mölk) (38).

Въ то самое время, когда Кутузовъ, перейдя черезъ Дунай, находился у Кремса, получено было отъ нѣсколькихъ плѣнныхъ Французовъ свѣдѣніе о наступленіи корпуса Мортье по лѣвому берегу Дуная. Дѣйствительно — самъ маршалъ съ дивизіей Газана, выступивъ, 25-го октября (6-го ноября), изъ окрестностей Линца, прибылъ, трое сутокъ спустя, къ Спицу, и на слѣдующій день, 29-го октября (10-го ноября), находился на маршѣ оттуда къ Штейну; прочія-же его дивизіи, Дюпона и Дюмонсо, прибывшія изъ Пассау къ Линцу 26-го октября (7-го ноября), отстали отъ Газана — первая на одинъ, а вторая на два перехода. Дорога отъ Линца до Дюрнштейна идетъ чрезъ почти безпрерывную тѣснину, далѣе-же къ Кремсу — мѣстами расширяется, представляя площадки усаженныя виноградниками. Французскія войска, двигаясь по такой мѣстности, растянулись на значительное протяженіе: кавалерія, состоявшая при

корпусѣ, была отряжена влѣво, по проселочной дорогѣ къ Цветтелю, для облегченія марша и для развѣданія о Русскихъ; артиллерія и тяжести, нагруженныя на дунайской флотиліи, плыли на одной высотѣ съ дивизіей Газана. Кутузовъ, узнавъ о разобщенномъ отъ всѣхъ прочихъ французскихъ войскъ положеніи этой дивизіи, предпринялъ атаковать ее съ нѣсколькихъ сторонъ превосходными силами. Войска его, послѣ переправы на лѣвую сторону Дуная, были расположены слѣдующимъ образомъ: самъ онъ, съ большею частью корпуса, стоялъ между Кремсомъ и Штейномъ; князь Багратіонъ, съ 11-ю баталіонами и 20-ю эскадронами ([39]), былъ высланъ отъ Кремса по дорогѣ ведущей въ Цветтель, для открытія сообщенія съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ и для прикрытія арміи отъ обхода съ праваго фланга; авангардъ Милорадовича выдвинутъ по дорогѣ къ Дюрнштейну: число всѣхъ войскъ Кутузова не превосходило 28-ми или 30-ти тысячъ человѣкъ. Предпринимая обойти непріятеля, съ его лѣваго фланга, Кутузовъ совѣщался о томъ съ исправлявшимъ при арміи должность генералъ-квартирмейстера, австрійскимъ генераломъ Шмидтомъ. Австрійцы не имѣли топографической карты окрестностей Кремса; но Шмидтъ ручался въ возможности пройти войскамъ горными дорогами и самъ вызвался провести ихъ. 21 баталіонъ и 2 эскадрона, съ двумя орудіями, подъ начальствомъ генерала Дохтурова ([40]), долженствовали обойти непріятеля и въ тылу его занять мѣстечко Дюрнштейнъ, между тѣмъ какъ авангардъ Милорадовича ([41]), поддержанный резервомъ Эссена ([42]) и отрядомъ Кинмейера, былъ назначенъ для удержанія Французовъ съ фронта. Большая часть артиллеріи, въ нѣсколькихъ батареяхъ, расположилась на берегу Дуная, для дѣйствія по французской флотиліи. 1805.

1805 Желая заманить непріятеля впередъ, чтобы вѣрнѣе приуготовить ему пораженіе, Кутузовъ довелъ до Мортье чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, будтобы Русскіе, спѣша уйти въ Моравію, расположили отрядъ у Штейна для прикрытія отступленія главныхъ силъ. Мортье вдался въ обманъ и, не обезпечивъ себя надлежащимъ образомъ съ лѣваго фланга, двинулся утромъ 30-го октября (11-го ноября), отъ Дюрнштейна по дорогѣ къ Кремсу (43).

Погода была пасмурна. Незадолго предъ тѣмъ выпавшій снѣгъ покрывалъ землю. Войскамъ Дохтурова назначено выступить еще въ ночи съ биваковъ отъ Кремса къ Эгельзее, откуда Дохтуровъ, оставя генерала Штрика съ пятью баталіонами (44), долженъ былъ, въ 5 часовъ утра, двинуть войска тремя колоннами: двумъ изъ нихъ, направленнымъ на Шейбенгофъ, и далѣе къ Дюрнштейну и Вадштейну, надлежало отъ Эгельзее до берега Дуная пройти около полумили (три версты съ небольшимъ), а третьей, при которой находился Шмидтъ, сдѣлать еще болѣе окольное движеніе чрезъ Решъ (Resch), въ три четверти мили (пять верстъ). Принимая во вниманіе, что въ сильнѣйшей изъ колоннъ было неболѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, надѣялись совершить предположенныя движенія и атаковать непріятеля не позже семи часовъ утра.

Сообразно сдѣланнымъ распоряженіямъ, Дохтуровъ собралъ ввѣренныя ему войска у Эгельзее, 30-го октября (11-го ноября) въ два часа утра, и оставя тамъ при отрядѣ Штрика оба орудія, (которыя, по дурному качеству дороги, не могъ взять съ собою), выступилъ далѣе ровно въ 5 часовъ. Колонны, двигавшіяся на Шейбенгофъ, успѣли придти туда не прежде 8-ми часовъ. Затѣмъ — данъ былъ отдыхъ войскамъ и произведено обозрѣніе путей, ведущихъ

въ окрестности Дюрнштейна: на это потребовалось 1805.
около трехъ часовъ, такъ что обѣ колонны, двинувшись въ 11 часовъ, прибыли на указанные имъ пункты, вмѣсто 7-ми часовъ утра, уже въ 4 часа по полудни, а колонна Шмидта еще позже. А, между тѣмъ, давно уже начался бой въ долинѣ Дуная. Французы, переночевавъ у селеній Оберъ и Унтеръ-Лойбена, снялись съ биваковъ въ восьмомъ часу утра и атаковали передовые посты Милорадовича. Мортье постепенно ввелъ въ дѣло всю дивизію Газана и пользуясь превосходствомъ въ силахъ, обошелъ по горнымъ тропинкамъ нашъ авангардъ и заставилъ Милорадовича, успѣвшаго занять Унтеръ-Лойбенъ, отступить къ Штейну. Тогда было 11 часовъ утра. Кутузовъ, съ минуты на минуту ожидая появленіе войскъ Дохтурова въ тылу непріятеля, счелъ нужнымъ для поддержанія Милорадовича ввести въ бой резервы. Часть пѣхоты, стоявшей впереди Кремса, была послана на смѣну сражавшимся войскамъ, а Бутырскій полкъ отъ Эгельзее спустился къ Унтеръ-Лойбену. Мортье, встрѣченный картечью и атакованный съ фронта и лѣваго фланга, пріостановилъ атаку и послалъ приказаніе Дюпону ускорить маршъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, бой ограничивался перестрѣлкою въ виноградникахъ.

Наступалъ вечеръ, а о войскахъ посланныхъ въ обходъ непріятелю не было никакого слуха. Дохтуровъ, задержанный непроходимостью горныхъ тропинокъ, принужденный идти подъ дождемъ чрезъ лѣса, гдѣ съ большимъ лишь трудомъ можно было пробираться по два человѣка рядомъ, подвигался медленно, шагъ за шагомъ. Русскія войска, слыша вблизи себя канонаду и перестрѣлку, рвались впередъ, но встрѣчая препятствія, безпрестанно останавливались. Наконецъ, уже въ 5-мъ часу по по-

1805. лудни. спустились въ долину Дуная передовыя войска Дохтурова—6-й егерскій полкъ и гренадерскій баталіонъ Ярославскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Уланіуса. Французы, завидя ихъ наступленіе, вывезли къ выходу изъ Дюрнштейна три орудія и открыли огонь картечью, но егеря разогнали прикрытіе артиллеріи, отбили одно орудіе и заняли мѣстечко; вслѣдъ за тѣмъ Дохтуровъ, замѣтя появленіе войскъ со стороны Спица, выдвинулъ противъ нихъ Вятскій полкъ. Войска эти—какъ вскорѣ оказалось — составляли авангардъ дивизіи Дюпона. Тогда-же Мортье, съ дивизіей Газана, тѣснимый съ фронта и лѣваго фланга Милорадовичемъ и Штрикомъ, услышалъ въ тылу у себя пальбу въ Дюрнштейнѣ, и тогда лишь убѣдился въ угрожавшей ему опасности. Положеніе его казалось безвыходно, но онъ не потерялъ присутствія духа и немедленно собралъ войска, намѣреваясь проложить себѣ путь оружіемъ. Напрасно предлагали ему спастись въ лодкѣ, чтобы не подвергся плѣну французскій маршалъ; Мортье отвѣчалъ, что онъ пробьется вмѣстѣ съ своими солдатами, либо станетъ сражаться до послѣдняго человѣка.

Уже смеркалось. Мортье, оставя противъ Милорадовича небольшую часть войскъ, пошелъ на проломъ къ Дюрнштейну. Съ другой стороны, Дюпонъ, найдя мѣстечко занятымъ Русскими, вполнѣ постигъ необходимость выручить отрѣзанную дивизію. Тѣснота мѣста не позволяла сражающимся развернуть войска и усилила жестокость побоища. Нѣсколько ядеръ, пущенныхъ Французами въ дефиле, по густымъ массамъ въ немъ столпившимся, отбивая камни и сучья, нанесли чувствительный вредъ наступавшимъ отъ Штейна колоннамъ, что̀ дало время войскамъ Мортье ворваться въ Дюрнштейнъ. Съ другой

стороны. Дюпонъ, наткнувшись на колонну Шмидта прибывшую отъ Реша къ Вадштейну, завязалъ упорный бой, къ западу отъ этого селенія. Наступившая ночь непрекратила побоища; въ продолженіи трехъ часовъ, войска сражались въ темнотѣ, освѣщаемой пальбою, и безпрестанно сходились въ рукопашную, поражая одни другихъ штыками и прикладами. Самъ Мортье, окруженный нѣсколько разъ непріятелями, пролагалъ себѣ путь оружіемъ. Наконецъ — успѣвъ занять Дюрнштейнъ, онъ воспользовался судами, тамъ приставшими къ берегу, для переправы своихъ войскъ на правый берегъ Дуная. При этомъ одна изъ лодокъ, на которой находился генералъ Грендоржъ и два полковника, была занесена теченіемъ рѣки на мель близъ лѣваго берега. Апшеронскаго полка поручикъ Шкляревичъ кинулся съ нѣсколькими гренадерами въ челнокъ и подплывъ къ лодкѣ, взялъ въ плѣнъ Французовъ. Генералъ Газанъ, съ остальными людьми своей дивизіи, долго удерживалъ натискъ Милорадовича, а потомъ ушелъ чрезъ Шейбенгофъ къ Спицу. Войска Дюпона, отброшенныя къ Дунаю, были много обязаны спасеніемъ тому, что стольже храбрый, сколько и распорядительный Шмидтъ былъ убитъ при первыхъ выстрѣлахъ. Когдаже всѣ войска русской колонны прибывшей отъ Реша были введены въ дѣло, Дюпонъ отступилъ вверхъ по Дунаю. Дивизія Дюмонсо, подойдя уже въ ночи къ Вейссенкирхену, вовсе не участвовала въ сраженіи. Потери Французовъ были весьма значительны: дивизія Газана, считавшая на-канунѣ въ рядахъ своихъ до 6,000 человѣкъ, ослабилась до 2,000; число плѣнныхъ непріятелей вообще простиралось до полуторы тысячи; захвачены Русскими пять орудій, штандартъ и знамя отбитое Московскимъ мушкетерскимъ полкомъ. „Cette journée a été une journée de

1805. massacre“ — (Этотъ день былъ днемъ рѣзни) писалъ Наполеонъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней. Уронъ нашихъ войскъ былъ также очень великъ, но нигдѣ въ точности не показанъ. Въ особенности-же была чувствительна союзникамъ потеря генерала Шмидта, самаго свѣдущаго и практическаго офицера во всемъ австрійскомъ генеральномъ штабѣ. Вмѣсто его, былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ союзныхъ войскъ генералъ Вейротеръ, извѣстный своими неудачными планами дѣйствій въ италіянскую кампанію 1796 года.

На слѣдующее утро, русскія войска возвратились къ Кремсу. Мортье, собравъ свои разсѣянныя войска, переправилъ ихъ на правую сторону Дуная, что̀ доставило Кутузову полную свободу дѣйствій ([45]). Дѣло при Кремсѣ оказало большое вліяніе на духъ нашихъ союзниковъ. Императоръ Францъ, обрадованный неожиданнымъ успѣхомъ русскихъ войскъ, прислалъ Кутузову орденъ Маріи Терезіи 1-й степени, который прежде имѣли въ Россіи только Великій Князь Константинъ Павловичъ и Суворовъ. Императоръ Александръ удостоилъ своего полководца слѣдующимъ рескриптомъ. „Сраженіе при Кремсѣ есть новый вѣнецъ славы для россійскаго войска и для того, кто онымъ предводительствовалъ. Моихъ словъ недостаетъ изъявить вамъ и всему корпусу, подъ вашимъ начальствомъ состоящему, то удовольствіе и ту признательность, кою Я ощущаю съ полученія сего пріятнаго извѣстія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ рапортовъ объ отличившихся, какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ предъидущихъ. На васъ возлагаю также объявить всему корпусу чувства изъявленныя въ семъ рескриптѣ“.

Наполеонъ исказилъ истину въ своихъ бюллетеняхъ, стараясь представить дѣло при Дюрнштейнѣ

въ видѣ побѣды французскихъ войскъ. По словамъ его: „четыре тысячи Французовъ, атакованные двадцатью пятью или тридцатью тысячами Русскихъ, удержались въ своей позиціи, побили отъ трехъ до четырехъ тысячъ непріятелей, отбили нѣсколько знаменъ (?) и захватили въ плѣнъ тысячу триста человѣкъ“ (46). Въ дѣйствительности-же Наполеонъ, тогда находившійся въ Санктъ-Пельтенѣ, слыша канонаду, гремѣвшую на Дунаѣ и не имѣя возможности поддержать Мортье, выходилъ изъ себя и упрекалъ Мюрата въ неудачѣ постигшей „побѣдоносныя французскія войска“, обвиняя его въ торопливомъ движеніи авангарда, увлекшемъ въ слѣдъ за нимъ главныя силы арміи. Потерявъ надежду разбить Кутузова на правой сторонѣ Дуная, Наполеонъ предпринялъ нанести ему ударъ на лѣвой, отрѣзавъ его отъ шедшихъ къ нему подкрѣпленій. Съ этою цѣлью, Мюратъ, пріостановившійся у Зигартскирхена, въ одномъ переходѣ отъ Вѣны, долженъ былъ, съ большою частью кавалеріи, корпусами Ланна и Сульта и съ гренадерскою дивизіей Удино, немедленно овладѣвъ австрійскою столицею и тамошнимъ мостомъ, направиться по дорогѣ къ Цнайму, на-перерѣзъ Кутузову, и стараться отрѣзать его отъ шедшихъ къ нему на подкрѣпленіе войскъ. Заключивъ изъ неопредѣлительнаго донесенія о дѣлѣ при Дюрнштейнѣ маршала Мортье, что онъ, по прежнему, находился на лѣвомъ берегу Дуная, Наполеонъ, 1 (13) ноября, приказалъ Бернадотту съ его корпусомъ, переправиться у Мёлька (Mölk) и вмѣстѣ съ войсками Мортье преслѣдовать Кутузова. Корпусъ Мармона былъ отряженъ къ Леобену, для наблюденія за арміями эрцгерцоговъ Іоанна и Карла. Наконецъ — корпусъ Даву и гвардія подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, 31-го октября (12 ноября),

1805.

двинулись отъ Санктъ-Пельтена по дорогѣ къ Вѣнѣ (47).

Въ тотъ-же день, русскія войска, собравшись у Кремса, отдыхали спокойно послѣ двухъ-недѣльныхъ маршей и сраженій. Тогда-же пришла изъ Россіи шестая колонна арміи, въ числѣ 8.000 человѣкъ. Кутузовъ выжидалъ, пока объяснятся дальнѣйшія намѣренія Наполеона, считая себя совершенно безопаснымъ со стороны Вѣны, гдѣ для обороны переправы черезъ Дунай стояли 13.000 человѣкъ австрійскихъ войскъ. Но ожиданія его не сбылись. Мюратъ и Ланнъ, съ авангардомъ французской арміи, 1 (13) ноября, вступивъ безъ сопротивленія въ Вѣну, поспѣшили къ мосту на Дунаѣ; за ними вблизи слѣдовали драгунская бригада Себастіани и гренадеры Удино. Достигнувъ, подъ прикрытіемъ строеній и садовъ, южной оконечности моста, Французы наткнулись на австрійскій кавалерійскій пикетъ, который, подавъ сигналъ нѣсколькими выстрѣлами, ускакалъ на другую сторону рѣки. Французская колонна, все еще прикрываясь садами и рощами, перешла по мосткамъ черезъ нѣсколько рукавовъ Дуная, до главнаго моста, за которымъ, на лѣвомъ берегу, стоялъ сильный австрійскій отрядъ. Тамъ уже были приготовлены горючіе матеріалы и стоялъ фейерверкеръ въ готовности зажечь мостъ. Мюратъ съ своею свитою быстро кинулся къ нему, а полковникъ Додъ вырвалъ у него фитиль, между тѣмъ какъ французскіе офицеры, махая бѣлыми платками, подавали стоявшимъ на берегу Австрійцамъ знакъ, будтобы заключено перемиріе. Замѣтивъ недоумѣніе ихъ, Мюратъ поспѣшилъ переѣхать черезъ мостъ; гренадеры Удино, прибывшіе въ слѣдъ за нимъ на лѣвый берегъ рѣки, овладѣли въ мигъ стоявшими тамъ орудіями. Мюратъ объявилъ графу Ауэрспергу о заключеніи пе-

ремирія и требовалъ, чтобы онъ отвелъ назадъ свои 1805.
войска. Какъ между тѣмъ Французы перешедшіе черезъ мостъ ежеминутно усиливались, то австрійскій генералъ отступилъ безъ сопротивленія по брюннской дорогѣ. Мюратъ, поручивъ генералу Бертрану донести Наполеону о своемъ успѣхѣ, послалъ драгунъ и гренадеръ въ слѣдъ за отступавшими Австрійцами; за ними двинулась дивизія Сюше ([48]).

Наполеонъ, получивъ въ Зигартскирхенѣ донесеніе Мюрата о занятіи переправы у Вѣны, прибылъ, въ ночь съ 1-го на 2-е (съ 13-го на 14-е) ноября, къ мосту и приказалъ принять мѣры для его охраненія ([49]). Намѣреваясь продолжать наступленіе противъ Русскихъ по лѣвую сторону Дуная, онъ, по прежнему, поручилъ прикрытіе своей арміи со стороны Тироля и Италіи корпусамъ: Ожеро, Нея, баварскому и Мармона; для обезпеченія-же со стороны Венгріи, оставилъ корпусъ Даву, частью въ Вѣнѣ, частью на путяхъ ведущихъ оттуда къ Пресбургу. Прочія войска были назначены для преслѣдованія Кутузова и прегражденія ему отступленія въ Моравію. Съ этою цѣлью, корпусамъ Бернадотта и Мортье, (о переправѣ коего на правую сторону Дуная все еще не было извѣстно въ главной квартирѣ Наполеона), было предписано, ввечеру 1-го (13-го), тѣснить неотступно Русскихъ съ тыла, а Мюрату, съ его кавалеріей, гренадерами Удино и корпусами Ланна и Сульта, всего въ числѣ до 50,000 человѣкъ, быстро двинуться къ Стокерау, на перерѣзъ Кутузову ([50]). Въ Вѣнѣ были найдены несмѣтные запасы артиллеріи, различнаго оружія, снарядовъ, аммуниціи, и проч. ([51]). Австрійское правительство нисколько не озаботилось о ихъ вывозѣ изъ столицы. За то — были приняты мѣры для удержанія въ спокойствіи и совершенномъ повиновеніи

1805 „добрыхъ“ жителей Вѣны. Графъ Врбна, удостоенный особенною довѣренностью Императора Франца, отправился въ Шёнбруннъ, гдѣ находилась главная квартира Наполеона, умолять о пощадѣ столицы, уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ невидавшей непріятеля въ стѣнахъ своихъ, и изъявить готовность исполнить велѣнія побѣдителя (52). Станемъ-ли, послѣ такого униженія народной чести, удивляться высокомѣрію, обуявшему Наполеона по занятіи Вѣны. Въ бюллетенѣ 15-го ноября н. ст. было сказано: „Въ кабинетѣ шёнбрунскаго дворца, гдѣ занимается Императоръ, стоитъ мраморная статуя Маріи-Терезіи. Императоръ, увидѣвъ ее, сказалъ, что эта великая Государыня не позволила-бы управлять собою какой-нибудь госпожѣ Коллоредо. Постоянно окруженная сановниками своей Имперіи, она не допустила-бы казаковъ и „московитовъ“ разорять свои области; она не послѣдовала-бы совѣтамъ придворнаго, подобнаго Кобенцелю, который, зная вполнѣ дворскіе происки, боится прогнѣвать иностранку, во зло употребляющую свое вліяніе; совѣтамъ писаки (scribe), подобнаго Коллембаху; человѣка гнуснаго всему свѣту — подобнаго Ламберти. Она невручила-бы начальство надъ арміей Макку, назначенному не по волѣ своего Государя, не по довѣрію народа, но по домогательствамъ Англіи и Россіи.... Вся Европа должна сожалѣть о томъ, что Императоръ Германскій, благонамѣренный, болѣе дальновидный, нежели его министры, и обладающій, во многихъ отношеніяхъ, качествами великаго Государя, до такой степени мало увѣренъ въ самомъ себѣ и такъ одинокъ; его сановники, питающіе въ себѣ къ нему уваженіе, могли-бы помочь тому, но никто изъ достойнѣйшихъ людей, преданныхъ отечеству, не имѣетъ доступа къ Императору Францу. Такое от-

чужденіе приписываютъ вліянію Императрицы, и это поселяетъ въ народѣ общую къ ней ненависть“... ([53]). 1805.

Кутузовъ, щедро платившій лазутчикамъ, получивъ, еще ввечеру 1-го (13-го) ноября, отъ нихъ свѣдѣніе о занятіи Французами переправы у Вѣны и о движеніи Мюрата къ Корнейбургу, немедленно выступилъ по дорогѣ къ Шратенталю и на слѣдующее утро прибылъ къ Мейссау, гдѣ далъ отдыхъ своей утомленной арміи. Передовыя войска Мюрата тогда находились у Штокерау, въ 35-ти верстахъ отъ главныхъ силъ Кутузова, а Бернадоттъ и Мортье еще оставались за Дунаемъ: такимъ образомъ Кутузовъ подвергался нападенію только со стороны Мюрата, и ему надлежало выдти, какъ можно быстрѣе, на дорогу, ведущую отъ Вѣны къ Цнайму, у Ецельсдорфа (Jetzelsdorf), чтобы не позволить непріятелю отрѣзать путь отступленія къ Брюнну. Разстояніе отъ Ецельсдорфа до Мейссау было нѣсколько менѣе, нежели до Штокерау, но тогдашнія русскія войска уступали въ движимости Французамъ, и къ тому-же Кутузовъ, неимѣя точныхъ свѣдѣній — гдѣ находился Мюратъ, опасался, чтобы онъ не предупредилъ его у Ецельсдорфа, и потому рѣшился выслать князя Багратіона съ отрядомъ къ ближайшему пункту на вѣнской дорогѣ — Голлабрунну, для удержанія непріятеля, пока главныя силы арміи выйдутъ къ Ецельсдорфу. Отрядъ князя Багратіона, ночью прибывшій къ Эберсбрунну (близъ Мейссау) и еще неуспѣвшій сварить себѣ пищи, немедленно выступилъ на-легкѣ по просёлочному пути къ Голлабрунну, и пройдя ночью двадцать верстъ, по весьма дурнымъ дорогамъ, подъ дождемъ, прибылъ туда 3-го (15-го) ноября, въ девять часовъ утра ([54]).

Кутузовъ, съ главными силами, выступивъ отъ Эберсбрунна, ввечеру 2-го (14-го), шелъ безостано-

1805. вочно всю ночь. Войска его, на всякомъ шагу увязая въ грязи, достигли утромъ Ецельсдорфа. Такимъ образомъ обезпечивъ свое дальнѣйшее отступленіе, Кутузовъ далъ отдыхъ арміи, сдѣлавшей въ полторы сутки переходъ въ 56 верстъ. А, между тѣмъ, князю Багратіону предстояло удерживать несравненно сильнѣйшаго непріятеля. Никто не могъ исполнить такого порученія лучше Багратіона. Неустрашимый среди смертей, хладнокровный въ пылу боя, онъ обладалъ сердцами своихъ подчиненныхъ; одно его слово — одинъ взглядъ — содѣлывали героями и офицеровъ, высоко цѣнившихъ его военныя дарованія, и солдатъ, свидѣтелей его подвиговъ въ Италіи и Швейцаріи.

Прибывъ къ Голлабрунну, Багратіонъ нашелъ тамъ мѣстность невыгодною для обороны, и потому отступилъ версты съ двѣ за шёнграбенскій ручей, гдѣ и расположилъ войска своего отряда. Оставя графа Ностица, съ его гусарами и двумя казачьими полками, у Голлабрунна, и занявъ селеніе Шёнграбенъ 6-мъ егерскимъ полкомъ, князь Багратіонъ построилъ прочія войска въ три линіи: въ 1-й батарейную роту и по сторонамъ ея на правомъ крылѣ Черниговскихъ драгунъ, а на лѣвомъ — Павлоградскихъ гусаръ; во 2-й линіи — полки: Кіевскій гренадерскій и мушкетерскіе Подольскій и Азовскій; въ резервѣ — два баталіона Новгородскаго и Нарвскаго полковъ.

Мюратъ, приблизясь къ Голлабрунну, развернулъ двигавшуюся въ его авангардѣ кавалерію, но, полагая здѣсь встрѣтить всѣ силы Союзниковъ, остановился въ ожиданіи прибытія корпуса Сульта и прочей пѣхоты, а также хотѣлъ выждать, пока Бернадоттъ, (замедленіе котораго было ему неизвѣстно), приметъ участіе въ дѣлѣ. Въ ожиданіи того, Мю-

ратъ, пользуясь ходившими тогда слухами о перемиріи, предпринялъ ими воспользоваться, какъ удалось ему подъ Вѣною, и завелъ переговоры съ Ностицемъ, увѣряя его въ предстоявшемъ заключеніи мира, а между тѣмъ выслалъ сильныя партіи въ обходъ ностицевыхъ войскъ. Обманутый непріятелемъ Ностицъ не только не принялъ никакихъ мѣръ для охраненія отряда, но, видя себя обойденнымъ, отступилъ безъ сопротивленія и даже не далъ заблаговременно знать князю Багратіону о наступленіи Французовъ. Внезапно атакованный Мюратомъ, уже успѣвшимъ собрать часть пѣхоты, Багратіонъ приказалъ егерямъ отойти на правое крыло позиціи и расположилъ казачьи полки на флангахъ. Но едва лишь началась перестрѣлка, какъ Мюратъ, въ надеждѣ выиграть время и сосредоточить прочія свои силы, послалъ къ Багратіону переговорщика съ предложеніемъ перемирія, съ тѣмъ, чтобы оставаться войскамъ обѣихъ сторонъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ. Князь Багратіонъ отослалъ переговорщика къ Кутузову, который, съ свойственною ему тонкостью, обратилъ противъ непріятеля его собственную хитрость. Желая выиграть время, чтобы дать отдыхъ нашей изнуренной арміи и отступить въ порядкѣ, онъ послалъ къ Мюрату находившагося тогда въ главной квартирѣ русской арміи генералъ-адъютанта Винцингероде, давъ ему словесное приказаніе — открыть переговоры и заключить перемиріе. Хотя Винцингероде не былъ снабженъ никакимъ официальнымъ полномочіемъ, однакоже Мюратъ счелъ, что носимое русскимъ парламентёромъ званіе генералъ-адъютанта Императора Александра было достаточно для открытія переговоровъ. Положено было заключить перемиріе на неопредѣленный срокъ, съ обязательствомъ извѣстить о его окончаніи за четыре 1805.

1805. часа до возобновленія дѣйствій. „Войска Кутузова должны были возвратиться въ Россію, по той-же дорогѣ, по которой пришли, а Мюратъ — нейти далѣе въ Моравію“. Эти условія были отправлены на утвержденіе Наполеону и Кутузову, а въ ожиданіи ихъ ратификаціи постановлено войскамъ обѣихъ сторонъ оставаться въ занимаемыхъ ими позиціяхъ.

Мюратъ торжествовалъ, надѣясь устранить русскую армію и предать беззащитную Австрію на произволъ Наполеона. Напротивъ того — Ланнъ полагалъ, что слѣдовало, не теряя времени, атаковать Русскихъ. Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ Наполеона, который тогда находился въ Шёнбруннѣ. Разстояніе отъ Голлабрунна до Шёнбрунна не менѣе 50-ти верстъ, и потому офицеръ, посланный къ Наполеону, могъ возвратиться не прежде, какъ чрезъ 10 часовъ: слѣдовательно — Кутузовъ выигралъ, вмѣстѣ съ четырехъ-часовымъ срокомъ, условленнымъ для извѣщенія о возобновленіи дѣйствій, около 15-ти часовъ ([55]). Пользуясь тѣмъ, онъ 4-го (16-го) перешелъ отъ Ецельсдорфа къ Лехвицу. Князь Багратіонъ, не могшій въ виду непріятеля нарушить конвенцію, оставался на своей позиціи, усиливъ ее по возможности искусственными средствами.

Наполеонъ, получивъ депешу Мюрата, разгадалъ настоящее положеніе дѣлъ и послалъ 4 (16) ноября, въ девять часовъ утра, съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, генераломъ Лемаруà, строгій выговоръ Мюрату за его оплошность и повелѣніе — немедленно атаковать Русскихъ. Тогда-же направлена была по дорогѣ къ Голлабрунну вся французская гвардія, а нѣсколько часовъ спустя поѣхалъ туда и самъ Наполеонъ.

По прибытіи генерала Лемаруà въ Голлабруннъ, въ 4-мъ часу по полудни, Мюратъ немедленно ата-

ковалъ стоявшія противъ него русскія войска, недавъ 1805
князю Багратіону условленнаго четырехъ-часоваго срока, и оправдывая такое несоблюденіе конвенціи тѣмъ, что Кутузовъ нарушилъ ее, отступивъ въ продолженіи перемирія. Это обвиненіе было основательно, но Мюратъ не могъ знать достовѣрно объ отступленіи русской арміи и повторилъ на-угадъ то, что̀ ему было сообщено Наполеономъ. Получивъ приказаніе идти въ дѣло, французскія войска развернулись къ сѣверу отъ Голлабрунна: то были кирасиры Нансути и д'Опу (d'Hautpouls), драгуны Вальтера, кавалерія Лассаля, пѣхота Ланна и Сульта: всего до сорока тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ до 6-ти тысячъ кавалеріи. Французы, выставя сильныя батареи, двинулись впередъ противъ позиціи князя Багратіона: Удино, съ своими гренадерами, поддержанный резервною кавалеріей, въ центрѣ на Шёнграбенъ; маршалъ Ланнъ, съ дивизіей Сюшѐ, въ обходъ праваго фланга; маршалъ Сультъ, съ дивизіей Леграна — въ обходъ лѣваго; за нимъ — Вандаммъ. Но еще они не успѣли построить къ бою своихъ войскъ, когда наступили сумерки. Русская артиллерія, отвѣчая на канонаду Французовъ, зажгла селеніе Шёнграбенъ и съ успѣхомъ дѣйствовала по французскимъ войскамъ, освѣщеннымъ пламенемъ пожара. Непріятель, наступавшій въ центрѣ, былъ принужденъ податься назадъ, но, въ тоже время, Сюшѐ обошелъ правый флангъ русской позиціи, а Легранъ, съ другой стороны, достигъ до селенія Грунда, въ тылу нашихъ войскъ. Князь Багратіонъ, принужденный отступать, чтобы не быть совершенно отрѣзаннымъ, направилъ свою пѣхоту въ нѣсколькихъ колоннахъ къ Грунду, гдѣ вскорѣ завязался рукопашный бой; столпленіе войскъ и неизбѣжный при томъ безпорядокъ увеличились темнотою, непоз-

1805. волявшею ничего видѣть въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Нѣкоторымъ изъ русскихъ офицеровъ удалось провести отрѣзанныя части войскъ сквозь окружавшихъ ихъ непріятелей, поставя въ головѣ своихъ колоннъ нѣсколько взятыхъ въ плѣнъ Французовъ, и встрѣтивъ войска, преграждавшія имъ путь, криками: „что вы дѣлаете? Вы стрѣляете по своимъ; мы Французы!" (Que faites vous? C'est sur vos gens que vous tirez; nous sommes Français!). Тамъ, гдѣ нельзя было пробраться хитростью, пробивались силою, либо дрались до послѣдняго человѣка. Бой продолжался съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ до 11-ти часовъ ночи. Русскіе потеряли болѣе 2,000 человѣкъ и всѣ свои орудія, которыя невозможно было провезти чрезъ тѣснины, по топкой мѣстности. Потеря непріятеля также была весьма значительна; у Французовъ, въ ночной схваткѣ, отбито знамя; въ числѣ раненыхъ былъ генералъ Удино (56).

Когда Кутузову въ Погорлицѣ (Pohorlitz) донесли о приближеніи князя Багратіона, котораго самъ главнокомандующій считалъ „оставленнымъ на неминуемую гибель для спасенія арміи", *) онъ поѣхалъ на встрѣчу „геройской дружинѣ" (Heldenschaar), какъ называли отрядъ Багратіона не щедрые на похвалы Русскимъ наши союзники — Австрійцы. Обнявъ Багратіона, Кутузовъ сказалъ ему: „о потерѣ не спрашиваю; ты живъ — этого довольно!" Всѣ съ уваженіемъ смотрѣли на горсть храбрыхъ, заслонившихъ грудью путь непріятелю, отстоявшихъ честь и славу русской арміи. Дорогое Россіи имя князя Багратіона повторялось во всѣхъ концахъ нашей страны, и даже въ одномъ изъ наполеоновскихъ бюллетеней, обычныхъ глашатаевъ презрѣнія къ непріяте-

*) Подлинныя слова Кутузова.

лямъ Франціи, было сказано: „русскіе гренадеры выказали неустрашимость". (Des bataillons de grenadiers russes ont montré de l'intrepidité). Императоръ Францъ пожаловалъ князю Багратіону командорскій крестъ ордена Маріи-Терезіи. За дѣло при Шёнграбенѣ награждены полки: Павлоградскій гусарскій и Черниговскій драгунскій — Георгіевскими штандартами; Кіевскій гренадерскій и казачьи Сысоева 3-го и Ханженкова 1-го — Георгіевскими знаменами; 6-й егерскій — серебряными трубами. Князь Багратіонъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты *) и награжденъ орденомъ Св. Георгія 2-й степени. Получивъ первое донесеніе Кутузова о дѣлѣ при Шёнграбенѣ, Императоръ Александръ писалъ ему: „наши сражаются геройски; нельзя ими не восхищаться. Горжусь честью стоять во главѣ такого народа. Пришлите мнѣ поскорѣе вѣдомость о наградахъ отличившимся, не ожидая подробныхъ реляцій. Полагаюсь съ довѣріемъ на ваше свидѣтельство" ([57]). 1805.

Изъ Погорлица Кутузовъ, съ главными своими силами, отошелъ къ Брюнну, гдѣ къ нему присоединился австрійскій отрядъ, отступившій изъ Вѣны, подъ начальствомъ графа Ауэрсперга, вмѣсто котораго былъ назначенъ начальникомъ австрійскихъ войскъ принцъ Лихтенштейнъ. На маршѣ въ Брюннъ, получено было Кутузовымъ повелѣніе Императора Франца — остановиться и дать сраженіе Наполеону, котораго армію считали Австрійцы болѣе разобщенною, нежели она была въ дѣйствительности. Кутузовъ, изъявивъ безпредѣльную преданность Австрійскому Монарху, уклонился однакоже отъ дѣйствій,

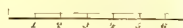
*) Въ одномъ приказѣ съ нимъ произведенъ также въ генералъ-лейтенанты Милорадовичъ.

1805. подвергавшихъ союзныя войска несомнѣнному пораженію ([58]), и отступилъ къ Вишау, гдѣ, 8-го (20-го) ноября, соединился съ корпусомъ графа Буксгевдена. 10-го (22-го) союзники отошли къ Ольшану, близъ Ольмюца, и тамъ заняли довольно выгодную позицію, а два дня спустя туда-же прибыла русская гвардія: соединеніе всѣхъ этихъ войскъ составило армію, въ числѣ около 80,000 человѣкъ ([59]).

Одновременно съ отступленіемъ Кутузова къ Ольмюцу, Наполеонъ занялъ безъ сопротивленія Брюннъ и сосредоточилъ въ окрестностяхъ этого укрѣпленнаго пункта свои главныя силы, въ числѣ 50,000 челов. пѣхоты и 10,000 челов. кавалеріи ([60]), отрядивъ корпусъ Бернадотта на богемскую границу, къ Иглау, чтобы обезпечить добываніе продовольствія для арміи изъ страны еще неопустошенной войною; корпусъ Даву, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, былъ выдвинутъ къ Пресбургу, для разсѣянія венгерскихъ ополченій; совершенно разстроенный корпусъ Мортьè оставался въ Вѣнѣ: такимъ образомъ Наполеонъ, подъ прикрытіемъ укрѣпленій Брюнна, имѣлъ возможность, притянувъ къ своимъ главнымъ силамъ корпусъ Бернадотта и всѣ дивизіи корпуса Даву, сосредоточить въ продолженіи двухъ или трехъ сутокъ болѣе 80,000 человѣкъ ([61]).

ОКРЕСТНОСТ

Въ Англійско

КАРТА
ОКРЕСТНОСТЕЙ АУСТЕРЛИЦА
Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 7 верстъ.
АУСТЕРЛИЦЪ
Брюнъ
Г. Вишау
Аусшицъ
Николсбургъ
Костелъ
Р. Литтава
Р. Шварца
Р. Марахъ

ГЛАВА XIV.

Сраженіе при Аустерлицѣ.

По заключеніи Постдамской конвенціи, 3-го ноября н. ст. 1805 года, Императоръ Александръ вскорѣ отправился въ Ольмюцъ, гдѣ ожидалъ Его Императоръ Францъ. 1805

По свидѣтельству знаменитаго Іосифа II, 17-тилѣтній племянникъ его (въ послѣдствіи Императоръ Францъ) — „запоздавшій въ своемъ физическомъ и нравственномъ развитіи, матушкинъ сынокъ — придавалъ первостепенную важность всему, что̀ касалось его особы, не удостоивая вниманіемъ ничего прочаго. Лѣнивый и вялый, онъ избѣгалъ всего, что̀ требовало какого-либо труда, нетерпѣлъ правды и любилъ пощеголять своею счастливою памятью и быстрымъ соображеніемъ. Кольже скоро отъ него требовалось малѣйшее напряженіе умственныхъ и душевныхъ силъ, при исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей, немедленно обнаруживалась его неспособность. Его напичкали свѣдѣніями, не научивъ примѣнять ихъ къ дѣлу, что̀ въ послѣдствіи побуждало его находить удовольствіе въ мѣлочныхъ занятіяхъ“ (какъ напр. въ дѣланіи сургуча и т. под.). Скрытность и двуличіе Франца дали поводъ къ лож-

1805. ному заключенію о его характерѣ: его считали добродушнымъ, простымъ, состоявшимъ подъ ферулою своихъ министровъ; напротивъ того, его высокомѣріе и самонадѣянность неимѣли предѣловъ, и ежели онъ вручалъ бразды правленія сперва Тугуту, а потомъ Меттерниху, то это было послѣдствіемъ его убѣжденія, что они дѣйствовали совершенно въ его духѣ. Всякое-же самостоятельное дѣйствіе считалъ онъ какъ-бы нарушеніемъ ревниво имъ охраняемаго самодержавія: таковъ былъ поводъ непримиримой ненависти Франца къ его братьямъ, эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну, и его несогласій съ своею третьею супругою Маріею-Луизой-Беатриче, отравившихъ жизнь этой великодушной принцессы. Онъ обладалъ умомъ, но его умъ былъ мѣлоченъ, а прославленное трудолюбіе, непроизводившее ничего полезнаго, въ дѣйствительности было не что иное какъ рабочая праздность. Его абсолютизмъ налагалъ печать неподвижности на все ему подвластное. Никогда онъ не обращалъ вниманія — ни на духъ вѣка, ни на современныя требованія, и — напротивъ того — постоянно старался дѣйствовать на перекоръ общественному мнѣнію. О желаніяхъ народа онъ не хотѣлъ и слышать, говоря: „Народъ? Что̀ это? У меня нѣтъ народовъ, у меня только подданные“. Его чисто — прозаическая природа не могла усвоить никакихъ понятій о высокомъ, о прекрасномъ: глубокія изслѣдованія Науки, свободное творчество Искусства, порывъ Поэзіи, были ему чужды. По свидѣтельству одного изъ его современниковъ: „Императоръ (Францъ) одинъ изъ холоднѣйшихъ, себялюбивѣйшихъ людей, сдѣлавшійся отъ неудачъ безчувственнымъ. Онъ жилъ со второю изъ своихъ четырехъ супругъ Терезою въ величайшемъ согласіи и однакоже перенесъ потерю этой матери

тринадцати дѣтей своихъ съ тупымъ равнодушіемъ. 1805.
Получивъ послѣ своего отца Имперію съ 34 милліонами подданныхъ, счастливыхъ, довольныхъ, обожавшихъ своего Монарха, онъ возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе и ропотъ, нисколько не обращая на то вниманія. Онъ такъ привыкъ видѣть хладнокровно страданія своихъ подданныхъ, что на всякую просьбу имѣвшаго нужду въ его помощи, отвѣчалъ одною и тою-же фразою: „ну! ну! мы ужо сдѣлаемъ“. (Nu, nu, Wir wollen's machen) (1).

Таковъ былъ Императоръ Францъ. Русскій Монархъ, предпринимая трудную борьбу противъ перваго изъ современныхъ полководцевъ, въ отдаленности отъ источниковъ своихъ средствъ, не нашелъ себѣ надежной опоры въ Австрійцахъ: войска ихъ были уничтожены, либо значительно ослаблены; арсеналы и склады военныхъ запасовъ преданы въ жертву непріятелю; объ устройствѣ магазиновъ съ продовольствіемъ для русскихъ, и даже для собственныхъ войскъ, австрійское правительство не приняло ни малѣйшаго попеченія. Въ такихъ обстоятельствахъ, Императору Александру надлежало дѣйствовать съ такою осторожностью, какой нельзя было ожидать отъ юнаго, неопытнаго Монарха, окруженнаго стольже неопытными совѣтниками. Обстоятельства требовали, чтобы онъ не торопился развязкою дѣла, потому, что выжиданіе было стольже полезно для союзниковъ, сколько гибельно для Наполеона. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣлей, прибытіе войскъ эрцгерцоговъ Карла, Іоанна и Фердинанда могло удвоить силы союзниковъ подъ Ольмюцомъ, а содѣйствіе Пруссіи—по крайней мѣрѣ—утроить ихъ. Наполеонъ, въ тоже время, присоединивъ къ своей арміи войска дѣйствовавшія въ Италіи и Тиролѣ, все таки былъ-бы гораздо слабѣе

1805. союзниковъ и принявъ бой въ отдаленіи отъ своихъ средствъ, подвергался, въ случаѣ неудачи, неминуемой опасности (2).

Казалось — обстоятельства, побуждавшія союзниковъ къ отсрочкѣ рѣшительныхъ дѣйствій, были очевидны; но, съ другой стороны, австрійская администрація поставила своимъ нерадѣніемъ нашу армію въ такое положеніе, что она не могла оставаться у Ольмюца: въ то время, когда непріятельскія войска, благодаря реквизиціямъ, и ста милліонамъ контрибуціи, наложеннымъ на жителей занятаго Французами края, были снабжены въ изобиліи жизненными припасами, союзники подъ Ольмюцемъ терпѣли крайнюю нужду въ необходимѣйшихъ потребностяхъ, и не получая ничего законнымъ образомъ, грабили и опустошали окрестную страну. Такіе безпорядки усиливали со дня на день взаимную непріязнь между войсками союзныхъ армій, которую и безъ того уже возбуждали неумѣстные упреки Русскихъ Австрійцамъ въ понесенныхъ ими неудачахъ.

Къ сожалѣнію — лица, окружавшія Императора Александра, и даже ближайшіе сотрудники его, раздѣляли преувеличенное понятіе о непобѣдимости русскихъ войскъ и заранѣе торжествовали успѣхъ надъ „Корсиканцемъ Бонапартіемъ". Гордясь воспоминаніями прежнихъ побѣдъ и показавъ на дѣлѣ подъ Амштетеномъ, Кремсомъ, Шёнграбеномъ, что Французы наконецъ нашли достойныхъ себя противниковъ, наши воины забыли, что для одержанія побѣды въ генеральномъ сраженіи недостаточно храбрости. Они полагали, что союзники, будучи сильнѣе непріятеля, раздробившаго свою армію, не только не имѣли надобности въ отступленіи отъ Ольмюца, для удобнѣйшаго продовольствія войскъ

и для сближенія съ ожидаемыми подкрѣпленіями, 1805
но, напротивъ того, должны были неотлагательно воспользоваться разобщеніемъ французской арміи. Въ особенности-же утвердило въ этомъ мнѣніи молодыхъ совѣтниковъ Александра бездѣйствіе Наполеона у Брюнна. Что̀ могло заставить его измѣнить свою обычную систему войны? Почему онъ не шелъ далѣе? Въ главной квартирѣ союзниковъ, многіе полагали, что единственною причиною тому было вліяніе дѣлъ при Кремсѣ и Шёнграбенѣ, поколебавшихъ рѣшимость Французовъ и самаго Наполеона; нѣкоторые, увлекаясь пылкостью воображенія, увѣряли, что непріятельская армія, утомленная форсированными переходами и ослабленная урономъ въ бояхъ, была преисполнена негодованіемъ къ Наполеону (3).

Тогда-же — довольно удачное для насъ дѣло утвердило союзниковъ въ надеждахъ на вѣрную побѣду. Главныя силы противныхъ сторонъ находились въ разстояніи между собою около шестидесяти верстъ; но случайная встрѣча ихъ авангардовъ повела, 8-го (20-го) ноября, къ упорному кавалерійскому бою. Непріятель былъ опрокинутъ съ потерею штандарта 11-го драгунскаго полка, значительнаго числа убитыми и девяноста человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ; уронъ со стороны Русскихъ вообще простирался до ста человѣкъ (4).

Въ продолженіи пребыванія армій у Брюнна и Ольмюца, были ведены переговоры. 15-го (27-го) ноября, Императоръ Францъ вторично послалъ къ Наполеону графа Гіулая, вмѣстѣ съ графомъ Стадіономъ, извѣстнымъ ненавистникомъ Французовъ. Наполеонъ принялъ ихъ въ Брюннѣ и изъявилъ готовность заключить перемиріе, если австрійское правительство дѣйствительно желаетъ окончатель-

1805. наго прекращенія войны, но замѣтя, что прибывшіе къ нему дипломаты имѣли въ виду только выиграть время, предложилъ имъ отправиться въ Вѣну для совѣщанія съ Талейраномъ. Точно также поступилъ Наполеонъ и съ Гаугвицемъ, который, послѣ долгаго странствованія, наконецъ пріѣхалъ въ Брюннъ. Надѣясь на бездѣйствіе Пруссіи, Наполеонъ рѣшился прибѣгнуть къ оружію, чтобы, побѣдою надъ союзниками, отнять у прусскаго правительства охоту къ войнѣ противъ Франціи (5).

По всей вѣроятности, Наполеонъ, желая разгадать намѣренія союзниковъ, послалъ съ письмомъ къ Императору Александру одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Савари, поручивъ ему поздравить нашего Государя съ прибытіемъ къ арміи, отъ имени Императора Французовъ. Савари, будучи весьма хорошо принятъ Государемъ, убѣдился въ слѣпой увѣренности его сподвижниковъ и согласно съ видами Наполеона выказалъ сговорчивость къ миру (6). Этого было достаточно для побужденія союзниковъ къ общему наступленію.

Кутузовъ, со взаимнаго согласія обоихъ Союзныхъ Государей, назначенный главнокомандующимъ всѣми войсками собранными подъ Ольмюцомъ, видѣлъ, что власть, сопряженная съ симъ званіемъ, ускользала изъ рукъ его, но выказавъ себя болѣе ловкимъ придворнымъ, нежели полководцемъ, чувствующимъ важность лежавшей на немъ обязанности, не поддержалъ съ надлежащею настойчивостью своего мнѣнія о необходимости отложить развязку дѣла до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Такимъ образомъ ему присвоено было только званіе главнокомандующаго; а распорядителями военныхъ дѣйствій сдѣлались — частью благонамѣренные, но неопытные совѣтники Императора Александра, частью

Австрійцы, которыхъ военныя правила издавна несогласовались съ практикою. Генералъ Вейротеръ, отличавшійся болѣе велерѣчіемъ, нежели полезными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, пріобрѣлъ господствующій голосъ въ совѣщаніяхъ союзниковъ. Въ продолженіи всей войны, дѣйствія австрійскихъ генераловъ—Макка, Ауэрсперга, Ностица, носили на себѣ печать слабости и безтолковости, доходившей до идіотизма, и потому нисколько неудивительно, что Австрійцы, сознавъ свое безсиліе, готовы были заключить миръ какою-бы то ни было цѣною. Отступленіе арміи въ Венгрію, для обезпеченія продовольствованія войскъ и для сосредоточенія силъ, предавало на время во власть непріятелю Богемію и Моравію и сопряжено было съ новыми пожертвованіями, на которыя не рѣшалось австрійское правительство. Самое содѣйствіе Россіи, по всегдашнему недовѣрію къ намъ Австрійцевъ, сдѣлалось для нихъ тягостно до того, что они не хотѣли быть обязаны побѣдою русскимъ войскамъ и злорадствовали имъ. Таково было положеніе, въ которомъ находилась наша армія въ Моравіи — положеніе, напоминающее обстоятельства, сопровождавшія за шесть лѣтъ предъ тѣмъ вступленіе русскихъ войскъ изъ Италіи въ Швейцарію. Но тамъ былъ Суворовъ, а здѣсь его не было. 1805.

Затрудненія, встрѣченныя нашими войсками, не могли быть достовѣрно извѣстны въ Россіи; тѣмъ не менѣе однакоже, какъ только узнали въ Петербургѣ о прибытіи Государя въ армію и о намѣреніи его принять участіе въ дѣйствіяхъ, любовь народа къ нему обнаружилась безпокойствомъ и страхомъ за жизнь его. Съ ранняго утра до ночи, всѣ церкви были наполнены молящимися за сохраненіе дней обожаемаго Монарха. Императоръ Алек-

1805. сандръ, узнавъ о томъ, удостоилъ главнокомандующаго въ Петербургѣ, генерала Вязмитинова собственноручнымъ рескриптомъ слѣдующаго содержанія:

„Сергѣй Козмичъ! Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня извѣстія о неоднократныхъ изъявленіяхъ привязанности ко мнѣ публики Петербургской и вообще всѣхъ жителей сего любезнаго Мнѣ города. Не могу довольно изобразить, сколь лестно для Меня сіе чувство. Изъявите имъ отъ имени Моего искреннюю и чувствительную Мою признательность. Никогда болѣе не наслаждался Я честью быть начальникомъ столь почтенной и отличной націи. Изъявите равномѣрно всѣмъ, что единое мое желаніе есть заслужить то званіе, которое Я на Себѣ ношу, и что всѣ Мои старанія сему одному предмету обращены“ (7).

15-го (27-го) ноября, союзная армія, выступивъ изъ лагеря подъ Ольшаномъ, двинулась впередъ пятью колоннами: средняя направилась по большой дорогѣ чрезъ Просницъ, а прочія по сторонамъ большой дороги; главная квартира двигалась въ головѣ средней колонны, а русская гвардія, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, слѣдовала въ резервѣ и къ вечеру расположилась вмѣстѣ съ главною квартирою обоихъ Монарховъ, въ Просницѣ. Авангардъ Багратіона остановился въ шести верстахъ отъ Вишау, гдѣ стояла бригада французскихъ гусаръ Трельяра, въ составѣ 8-ми эскадроновъ. Какъ извѣстно было, что за ними вблизи, у Раусница, находились 20 эскадроновъ тяжелой кавалеріи, то союзники, предположивъ атаковать на слѣдующій день передовыя французскія

войска, усилили авангардъ князя Багратіона конными полками Кинмейера и Эссена 2-го. 16-го (28-го) ноября, Багратіонъ устремилъ всю свою кавалерію, въ составѣ 60-ти эскадроновъ, тремя колоннами, къ Вишау; за среднею колонною двигалась пѣхота авангарда подъ начальствомъ князя Долгорукова. Непріятель, обойденный съ фланговъ, былъ вытѣсненъ изъ Вишау и къ вечеру очистилъ безъ сопротивленія Рауницъ. Князь Долгоруковъ, занявъ это мѣстечко, расположилъ впереди его передовые посты авангарда. Потеря французовъ въ дѣлѣ при Вишау была весьма значительна; въ плѣнъ захвачено союзными войсками 23 офицера и 500 нижнихъ чиновъ. Въ продолженіи боя, главныя силы нашей арміи двинулись впередъ и расположились впереди Вишау (8). 1805.

Удача въ этомъ дѣлѣ и поспѣшное отступленіе Мюрата отъ Рауница по дорогѣ къ Брюнну утвердили союзниковъ въ убѣжденіи, что Наполеонъ былъ не въ состояніи противиться имъ. Полагали излишнимъ выжидать подкрѣпленій и заботились только о томъ, чтобы непріятель не избѣжалъ рѣшительной встрѣчи. Для побужденія Французовъ къ принятію боя, рѣшились отрѣзать имъ путь отступленія, обойдя ихъ съ праваго фланга и отбросивъ отъ Дуная къ границамъ Пруссіи (9).

На слѣдующій день, 17-го (29-го), Наполеонъ расположилъ свои войска на бивакахъ впереди Брюнна. Правое крыло его арміи упиралось въ Меницское озеро; центръ былъ прикрытъ рѣчками и болотами; лѣвому крылу, примыкавшему къ горамъ, служила опорнымъ пунктомъ крутая высота (Bosenitzberg), на которой Наполеонъ приказалъ поставить сильную батарею. Эта высота получила отъ французскихъ солдатъ названіе Сантонъ (Santon), по сходству съ чалмами дервишей, ими видѣнныхъ въ Египтѣ (10).

1805. Наполеонъ, успѣвъ сосредоточить большую часть арміи и надѣясь на успѣхъ въ генеральномъ сраженіи, не упустилъ изъ вида ничего для скрытія своихъ замысловъ и для вовлеченія въ заблужденіе противниковъ. Занявъ мѣстность, способствовавшую болѣе оборонѣ, нежели наступленію, онъ приказалъ усилить укрѣпленіями эту позицію; рекогносцировки, произведенныя Мюратомъ, по отступленіи отъ Раусница, были нерѣшительны и выказывали желаніе уклониться отъ боя (11). Недовольствуясь тѣмъ, Наполеонъ, 18-го (30-го) ноября, послалъ вторично генерала Савари, къ Императору Александру, съ предложеніемъ свиданія, для соглашенія взаимныхъ домогательствъ. Прибывъ въ нашу главную квартиру, Савари былъ изумленъ самонадѣянностью молодыхъ людей, изъявлявшихъ прямо увѣренность, что они побьютъ Французовъ и заставятъ Наполеона очистить Германію. Императоръ Александръ, по прежнему, принялъ парламентёра ласково, и когда Савари сталъ говорить о наклонности Наполеона къ миру, Государь пожелалъ знать, на какихъ условіяхъ французское правительство предполагало заключить его. Какъ Савари не могъ дать на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта, то Императоръ Александръ, не изъявивъ согласія на свиданіе съ Наполеономъ, отправилъ, по просьбѣ Савари, вмѣстѣ съ нимъ, для переговоровъ, князя (Петра Петровича) Долгорукова. Наполеонъ, объѣзжая тогда аванпосты, встрѣтился съ нашимъ посланнымъ и вступилъ съ нимъ въ довольно продолжительный разговоръ. Князь Долгоруковъ велъ себя очень гордо и безъ обиняковъ высказалъ Наполеону, что Императоръ Александръ согласится на миръ не иначе, какъ обезпечивъ независимость Италіи, Голландіи,

и даже Бельгіи*). Наполеонъ, глубоко оскорбленный высокомѣріемъ русскаго парламентёра, скрылъ свой гнѣвъ и заключилъ совѣщаніе, сказавъ, что взаимныя недоразумѣнія едвали могутъ быть устранены путемъ дипломатіи ([12]). 1805.

По возвращеніи къ Императору Александру, князь Долгоруковъ изложилъ все замѣченное имъ такъ, какъ оно представлялось его воображенію: нерѣшительность и робость непріятеля были господствующими чертами его донесенія. Союзники, изъ опасенія упустить вѣрную добычу, ускорили предположенное ими нападеніе.

Еще 17-го (29-го) ноября, главныя силы союзной арміи, выступивъ отъ Вишау, перешли, подъ прикрытіемъ авангарда, влѣво къ Кучерау, откуда, на слѣдующій день, 18-го (30-го), продолжали фланговое движеніе по направленію къ Аустерлицу; отрядъ Кинмейера, высланный въ авангардѣ лѣваго крыла, для нападенія на непріятеля въ Аустерлицѣ, нашелъ это мѣстечко оставленнымъ войсками Сульта, которыя отступили за Гольдбахъ, болотистую рѣчку прикрывавшую съ фронта расположеніе французской арміи. 19-го ноября (1-го декабря) передовыя войска обѣихъ сторонъ сошлись между собою и произошло нѣсколько стычекъ. Авангардъ Кинмейера занялъ Ауэздъ; правѣе его, нѣсколько позади, по обѣ стороны селенія Праценa, стали войска, состоявшія въ трехъ колоннахъ Дохтурова, Ланжерона и Прибышевскаго; а за ними, на юго-восточномъ склонѣ праценскихъ высотъ, обращенномъ къ рѣкѣ Литтавѣ, войска 4-й и 5-й колоннъ,

*) Въ письмѣ Наполеона къ Талейрану (Correspondance de Napoléon I-er. XI. 440), вѣроятно по ошибкѣ, сказано, будтобы эти предложенія были сдѣланы Новосильцовымъ.

1805. подъ начальствомъ Колловрата, Милорадовича и Лихтенштейна. Всѣ эти войска были расположены въ двѣ линіи, кромѣ пѣхоты Прибышевскаго, растянутой въ одну линію. Авангардъ князя Багратіона, оставленный, по прежнему, на большой ольмюцской дорогѣ, стоялъ у Голубица, для прикрытія пресѣченія этой дороги съ другою ведущею въ Гёдингъ: такимъ образомъ между правымъ крыломъ Прибышевскаго и лѣвымъ князя Багратіона образовалось незанятое войсками пространство въ полмили (болѣе трехъ верстъ). За этимъ промежуткомъ, по лѣвую сторону Литтавы, впереди Аустерлица, стала русская гвардія подъ начальствомъ Цесаревича ([13]). Медленное фланговое передвиженіе союзной арміи отъ Вишау къ Працену, на разстояніи отъ пяти до шести милей (отъ 35 до 40 верстъ), тянувшееся цѣлые три дня, обнаружило намѣреніе союзниковъ и дало Наполеону возможность противодѣйствовать имъ. За тѣмъ — уже 19-го ноября (1-го декабря), убѣдясь „съ неизъяснимою радостью", изъ обозрѣнія, произведеннаго генераломъ Маргарономъ, съ праценскихъ высотъ, въ обходномъ движеніи союзниковъ ([14]), Наполеонъ рѣшился собрать большую часть войскъ на лѣвомъ крылѣ и повести оттуда усиленное нападеніе; для того онъ нашелся въ необходимости ослабить правое крыло своей арміи, но это не подвергало его никакой опасности, по свойствамъ мѣстности, на которой стояли эти войска, удобной для обороны и затруднявшей наступленіе. Сообразно тому, Наполеонъ предполагалъ ограничить дѣйствія своего праваго крыла защитою тѣснинъ между нижнею частью Гольдбаха и озерами Сачаномъ и Меницемъ, либо даже, въ случаѣ сильнаго напора Союзниковъ, отвести назадъ стоявшія тамъ войска. Чѣмъ далѣе углубилась-бы Союзная

армія въ это неудобное для быстраго наступленія пространство, тѣмъ вѣрнѣе было ея пораженіе ([15]). 1805.

Вечеромъ 19-го ноября (1-го декабря), накануне битвы, Наполеонъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Даву, съ дивизіей Фріана и съ драгунами Бурсье, всего 7,700 человѣкъ получилъ приказаніе перейти въ 5 часовъ слѣдующаго утра отъ Райгерна къ нижнему Гольдбаху; Сультъ, со всѣмъ своимъ корпусомъ, кромѣ дивизіи Сюшѐ, въ числѣ 23,700 человѣкъ, долженъ былъ перейти чрезъ Гольдбахъ и бозеницкій ручей *), у Сокольница, Кобельница и Пунтовица, и къ 7-ми часамъ утра находиться въ готовности къ дальнѣйшему наступленію; корпусъ Бернадотта, въ числѣ 10,300 человѣкъ, расположенный лѣвѣе Сульта, получилъ приказаніе наступать на Гиршковицъ, одновременно съ его войсками; Ланнъ, съ дивизіями Сюшѐ и Кафарелли, всего 13,400 человѣкъ, расположенныхъ по обѣ стороны брюннской дороги, назначенъ былъ сперва дѣйствовать оборонительно, а потомъ наступать на оконечности лѣваго крыла. Резервы, собранные за лѣвымъ крыломъ, состояли изъ кавалеріи Мюрата, гренадеровъ Удинѐ и гвардіи, въ числѣ 18,700 человѣкъ. Вообще-же у Наполеона было подъ ружьемъ болѣе 60,000 человѣкъ пѣхоты и 14,000 кавалеріи ([16]).

Наполеонъ до того былъ увѣренъ въ успѣхѣ предположеннаго имъ плана дѣйствій, что приказалъ тогда-же объявить по арміи слѣдующее воззваніе:

„Воины! Русская армія стоитъ противъ васъ, въ намѣреніи отомстить за пораженіе австрійской арміи подъ Ульмомъ. Здѣсь тѣ самые баталіоны, которые

*) Войска Сульта перешли черезъ Гольдбахъ въ 4 часа по полуночи.

1805. вы разбили при Голлабруннѣ и постоянно преслѣдовали. Мы занимаемъ грозную позицію, и когда непріятель станетъ обходить меня съ права, я ударю ему во флангъ".

„Воины! Я дамъ направленіе каждому изъ вашихъ баталіоновъ; я останусь внѣ опасности, ежели вы, съ обычною вамъ храбростью, приведете непріятеля въ разстройство и безпорядокъ; но если хотя на мигъ будетъ сомнѣніе въ успѣхѣ, вы увидите въ первыхъ рядахъ своихъ вашего императора, потому что въ сей день вы должны побѣдить непремѣнно. и особенно потому что здѣсь идетъ дѣло о чести французской пѣхоты, столь важной для чести всей націи" ([17]).

Это воззваніе, въ коемъ великій полководецъ посвящалъ въ тайну своихъ соображеній всѣхъ своихъ воиновъ до послѣдняго солдата, поселило общій восторгъ во французской арміи, проявившійся съ наибольшею силою, когда Наполеонъ, при наступленіи ночи, пѣшкомъ, безъ всякой свиты, отправился на биваки. Солдаты, узнавъ своего Государя, встрѣтили его радостными восклицаніями. Нѣкоторые изъ нихъ зажгли пуки соломы и тѣмъ подали примѣръ иллюминаціи по всему лагерю ([18]). Такъ встрѣчали французскія войска канунъ годовщины коронованія Наполеонова, и подобное настроеніе ихъ духа было залогомъ успѣха. Достойно замѣчанія, что союзники, какъ-бы съ умысломъ, доставили Наполеону случай одержать побѣду въ день ознаменованный его возвышеніемъ въ санъ Императора ([19]). Молодые сподвижники Императора Александра, готовясь къ рѣшительному бою, заботились только о томъ, чтобы непріятель не ушелъ отъ нихъ подъ покровомъ ночи. Князь Долгоруковъ, объѣзжая въ ночи передовые посты, напоминалъ часовымъ, чтобы они сторожили,

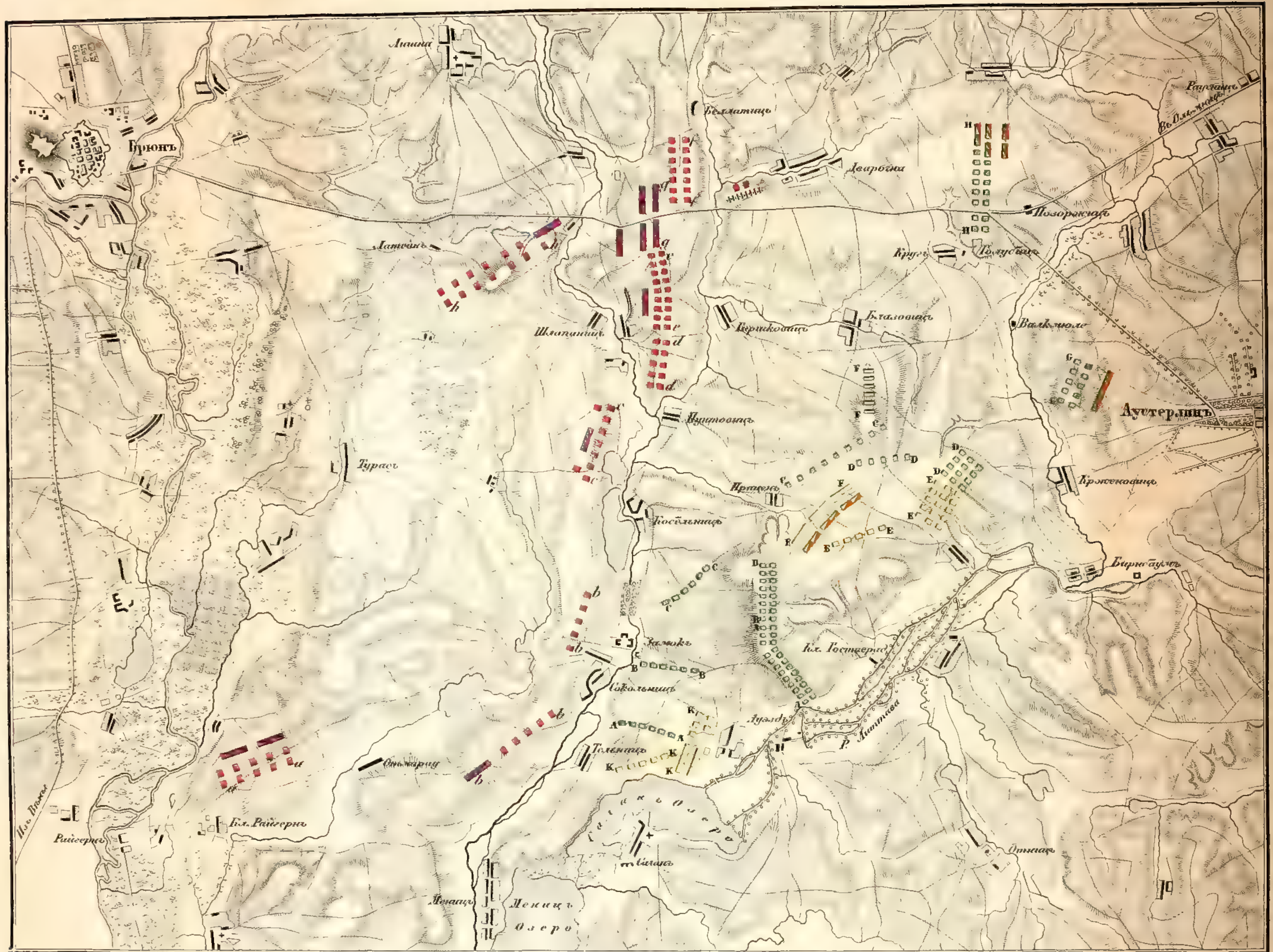
куда Французы станутъ отступать ([20]). Огни, зажженные на французскихъ бивакахъ при появленіи Наполеона, были приняты въ союзной арміи за пылающіе шатры — несомнѣнный знакъ отступленія непріятельской арміи! 1805.

Диспозиція для дѣйствій Союзниковъ въ предстоявшемъ бою была составлена Вейротеромъ и утверждена Императоромъ Александромъ уже поздно вечеромъ. Въ составленіи ея Кутузовъ не принималъ никакого участія: по его мнѣнію, слѣдовало приступить къ рѣшительному нападенію на непріятеля не прежде, какъ собравъ достовѣрныя свѣдѣнія о силахъ и расположеніи его, и, между тѣмъ, сосредоточить войска по возможности на небольшомъ пространствѣ, а потомъ уже составить диспозицію сообразно обстоятельствамъ, въ особенности-же избѣгать сложныхъ маневровъ: всѣ эти соображенія были достойны бывшаго сподвижника Суворова, и ежели въ чемъ можно упрекать Кутузова, то единственно въ томъ, что онъ не выказалъ силы характера и не отвергъ рѣшительно предположенія, котораго необдуманность была ему очевидна. Въ полночь пригласили къ нему колонныхъ начальниковъ, а также дежурнаго генерала князя Волконскаго и Вейротера. Кутузовъ, обратясь къ собравшимся генераламъ, сказалъ имъ: „Завтра въ семь часовъ атакуемъ непріятеля въ занимаемой имъ позиціи". Затѣмъ Вейротеръ развернулъ планъ окрестностей Брюнна и сталъ читать свою диспозицію, указывая расположеніе французскихъ войскъ, на основаніи того, что̀ было замѣчено съ нашихъ аванпостовъ. Сущность многорѣчиваго нѣмецкаго документа заключалась въ томъ, что лѣвое крыло арміи, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, въ трехъ колоннахъ, должно было устремиться къ Тельницу и Со-

1805. кольницу, и овладѣть этими селеніями; въ центрѣ, четвертая колонна, графа Колловрата, получила назначеніе двинуться правѣе праценскихъ высотъ къ Кобельницу; на правомъ крылѣ, князю Багратіону было поручено въ началѣ сраженія удерживаться на занятой имъ позиціи, а потомъ, по мѣрѣ успѣха прочихъ колоннъ, также дѣйствовать наступательно; въ подкрѣпленіе ему ввечеру были отряжены изъ колонны князя Лихтенштейна три кавалерійскихъ полка ([21]), подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Уварова. 5-я колонна князя Лихтенштейна должна была сохранять связь между войсками Колловрата и Багратіона, а гвардія — составить ея резервъ. Въ случаѣ неудачи, предполагалось отступать по дорогѣ къ Годьежицу, въ Венгрію ([22]).

При чтеніи этой диспозиціи, Вейротеръ педантически объяснялъ ея содержаніе присутствовавшимъ генераламъ, которые, вовсе небудучи расположены слушать его бредни, не обращали вниманія на запутанныя подробности предполагаемыхъ дѣйствій. Говорятъ даже, будтобы Кутузовъ къ концу чтенія заснулъ такъ крѣпко, что пришлось разбудить его. Только Дохтуровъ и Ланжеронъ имѣли терпѣніе неутомимо выслушать диспозицію. Послѣдній, обратясь къ Вейротеру, спросилъ: „что̀ сдѣлаемъ, если Наполеонъ, неоставаясь на мѣстѣ, атакуетъ насъ у Працена“, на что̀ Вейротеръ отвѣчалъ ему: „Нельзя предполагать, чтобы Наполеонъ рѣшился напасть на насъ; еслибы онъ считалъ это возможнымъ, то давно уже атаковалъ-бы нашу армію. У него не болѣе сорока тысячъ человѣкъ. Быть можетъ, что онъ займетъ другую позицію у Тураса; въ такомъ случаѣ, отданная диспозиція останется во всей силѣ, и даже мы, овладѣвъ безъ сопротивленія тѣснинами Гольдбаха, легче достигнемъ своей

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ АУСТЕРЛИЦѢ
20 Ноября (2 Декабря) 1805 года.

цѣли". Когда-же Вейротеръ заключилъ объясненіе 1805.
составленной имъ диспозиціи, сказавъ, что всѣ упомянутыя въ ней мѣста ему коротко знакомы, по случаю происходившихъ тамъ въ минувшемъ году манёвровъ, помощникъ его, графъ Бубна замѣтилъ ему: „не надѣлайте только опять такихъ ошибокъ, какъ на прошлогоднихъ манёврахъ" ([23]). Въ три часа утра, всѣ участвующіе въ совѣщаніяхъ генералы, оставя въ главной квартирѣ своихъ адъютантовъ, для полученія русскаго перевода диспозиціи, отправились въ лагерь. Переводъ былъ порученъ одному изъ главныхъ сподвижниковъ Императора Александра въ послѣдующихъ войнахъ, маіору Толю. Къ шести часамъ утра диспозиція была доставлена начальникамъ колоннъ и тогда-же пріѣхали къ нимъ австрійскіе колонновожатые. Князь Багратіонъ, получивъ диспозицію и на-скоро просмотрѣвъ ее, сказалъ состоявшему при немъ офицеру австрійскаго генеральнаго штаба: „мы получили приказаніе атаковать непріятеля не прежде, какъ въ то время, когда кавалерія Лихтенштейна опрокинетъ его къ Лешской гостинницѣ. Такія отдѣльныя нападенія мнѣ не нравятся, и если мы не атакуемъ одновременно на всѣхъ пунктахъ, то будемъ разбиты". (Nous réçevons ici l'ordre de n'attaquer l'ennemi sur notre point que lorsque la cavalerie de Lichtenstein l'aura repoussé jusqu'à l'auberge de Lesch. Ces attaques partielles ne me plaisent point, et si nous n'attaquons pas sur tous les points, nous serons battus) ([24]).

Въ продолженіи ночи, большая часть корпуса Сульта, соблюдая всевозможную тишину, перешла черезъ Гольдбахъ и расположилась впереди этой рѣчки: это былъ первый шагъ къ наступленію противъ Союзной арміи.

Между тѣмъ какъ Союзники, неимѣя достовѣр-

1805. ныхъ свѣдѣній ни о силахъ, ни о расположеніи Французовъ, готовились атаковать ихъ по диспозиціи наполненной мѣльчайшими указаніями подробностей дѣйствій, Наполеонъ, переведя большую часть своихъ войскъ, чрезъ прикрывавшія ихъ рѣчки (Гольдбахъ и бозеницскій ручей), расположилъ ихъ, на разсвѣтѣ 20-го ноября (2-го декабря), въ слѣдующемъ порядкѣ:

На лѣвомъ крылѣ, всего до 46-ти тысячъ человѣкъ, именно: корпусы Ланна и Бернадотта съ тремя конными бригадами, впереди и позади бозеницскаго ручья, отъ высоты Сантонъ до селенія Гиршковица. Самая высота была занята восмнадцати-пушечною батареей, съ прикрытіемъ 17-го легкаго пѣхотнаго полка. Оборона этого пункта, служившаго опорою лѣваго фланга, была поручена Наполеономъ генералу Клапареду, съ приказаніемъ „обороняться до послѣдняго человѣка“. За войсками Ланна и Бернадотта стояли резервы, именно: кавалерія Мюрата, гренадеры Удино̀, подъ начальствомъ Дюрока, и гвардія; здѣсь-же находился и самъ Наполеонъ.

Въ центрѣ, на лѣвыхъ берегахъ бозеницскаго ручья и Гольдбаха, впереди селеній Пунтовица и Кобельница, стояли ололо 16-ти тысячъ человѣкъ корпуса Сульта.

На правомъ крылѣ, часть дивизіи Леграна сультова корпуса и кавалерія Маргарона (4,000 челов. пѣхоты и 800 челов. кавалеріи) занимали все пространство праваго берега Гольдбаха, отъ Кобельница до Тельница, въ ожиданіи прибытія отъ Райгерна Даву съ дивизіями Фріана и Бурсьѐ (6,000 челов. пѣхоты и 1,700 челов. кавалеріи) ([25]). Слѣдовательно — число наполеоновой арміи, по утру 20-го ноября (2-го декабря), простиралось до 74,500 человѣкъ ([25]).

Въ 7 часовъ утра, еще предъ разсвѣтомъ, и 1805.
когда густой туманъ покрывалъ не только долины, но и высоты, прибыли всѣ маршалы на лѣвый флангъ арміи къ Наполеону, для полученія окончательныхъ приказаній къ предстоявшему бою. Тогда-же началось наступленіе Союзниковъ. Авангардъ Кинмейера, въ числѣ 6,400 человѣкъ, двинувшись отъ Аузда къ Тельницу, овладѣлъ высотою лежащею къ востоку отъ этого селенія и завязалъ упорный бой съ занимавшими его войсками Леграна. Въ половинѣ 9-го, графъ Буксгевденъ, прибывъ туда съ главною частью колонны Дохтурова, послалъ въ помощь Австрійцамъ баталіонъ 7-го егерскаго полка. Непріятель былъ принужденъ очистить Тельницъ, но Буксгевденъ не воспользовался этимъ успѣхомъ, и вмѣсто того, чтобы настойчиво продолжать наступленіе, остановилъ войска Дохтурова, въ ожиданіи прибытія къ Гольдбаху колонны Ланжерона, (съ которою, по диспозиціи, онъ долженъ былъ наступать на одной высотѣ), и выслалъ за рѣчку только отрядъ Кинмейера, продолжавшій сражаться противъ Леграна и Маргарона. Въ началѣ 10-го, Даву, съ дивизіями Фріана и Бурсьѐ, подоспѣвъ въ помощь Леграну, оттѣснилъ Австрійцевъ на лѣвый берегъ рѣчки и выбилъ русскихъ егерей изъ Тельница. Войска обѣихъ сторонъ наступали въ густомъ туманѣ, не различая предъ собою ничего въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и въ такомъ безпорядкѣ, что пѣхота Леграна стрѣляла по двумъ баталіонамъ бригады Гёделѐ, принявъ ихъ за Русскихъ. Наконецъ, около десяти часовъ, Буксгевденъ окончательно овладѣлъ Тельницемъ ([27]).

Колонна графа Ланжерона, выступивъ съ мѣста ночлега нѣсколько позже первой колонны, двинулась по указанному направленію: впереди шелъ 8-й

1805. егерскій полкъ; за нимъ слѣдовали Выборгскій, Пермскій и Курскій полки; бригада-же графа Каменскаго 2-го *) (Ряжскій мушкетерскій и Фанагорійскій гренадерскій полки), задержанная двигавшеюся на-перерѣзъ кавалеріей принца Лихтенштейна, еще находилась на праценскихъ высотахъ въ девять часовъ, когда егеря атаковали Сокольницъ. Послѣ упорнаго боя войска Ланжерона овладѣли этимъ селеніемъ, что̀ заставило маршала Даву отвести назадъ правое крыло французской арміи и расположить его въ 10 часовъ между сокольницскимъ замкомъ и прудомъ, у Отмарау.

Колонна Прибышевскаго выступила одновременно съ войсками Ланжерона, но будучи принуждена проходить чрезъ селеніе Праценъ, растянулась на всемъ протяженіи до сокольницскаго замка. Въ 9 часовъ, Прибышевскій, спустившись въ долину Гольдбаха, и полагая, что четвертая колонна (Колловрата и Милорадовича) уже достигла Кобельница, отрядилъ для открытія съ нею связи одинъ изъ баталіоновъ 7-го егерскаго полка, а генералу Миллеру, съ другимъ баталіономъ егерей и съ Галицкимъ полкомъ, приказалъ овладѣть замкомъ. Миллеръ успѣшно выполнилъ данное ему порученіе и отбилъ два орудія, при чемъ былъ тяжело раненъ. Тогда Прибышевскій, усиливъ сражавшіяся войска Бутырскимъ полкомъ, послалъ генерала Штрика съ ними впередъ, для овладѣнія высотами по правую сторону Гольдбаха. Прочіе-же полки были оставлены въ резервѣ по-сю сторону рѣчки. Русскія войска взошли на высоты, и хотя маршалу Даву, послѣ весьма жаркаго боя, наконецъ удалось, въ 11 часовъ утра,

*) Графъ Сергѣй Михайловичъ старшій сынъ фельдмаршала Михаила Федотовича.

снова занять ихъ, однакоже всѣ усилія его овладѣть селеніемъ и замкомъ Сокольницъ не имѣли успѣха (28). 1805.

Тѣмъ не менѣе бездѣйствіе Буксгевдена способствовало Даву съ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2,500 чаловѣкъ кавалеріи удерживаться цѣлые три часа противъ 35,000 челов. пѣхоты и 3,000 челов. кавалеріи, что̀ дало время Наполеону разбить войска наступавшія въ центрѣ союзной арміи (29).

Четвертая колонна, графа Колловрата, долженствовавшая двинуться къ Кобельницу, состояла изъ четырехъ русскихъ полковъ, совершившихъ отступленіе отъ Инна въ Моравію, и 15-ти австрійскихъ баталіоновъ. Первые въ продолженіи похода потеряли много людей, такъ что въ нѣкоторыхъ баталіонахъ оставалось по 400 человѣкъ; австрійскія-же войска состояли большею частью изъ рекрутъ еще никогда не бывшихъ въ огнѣ. При этой колоннѣ находился Кутузовъ. Графъ Колловратъ выступилъ гораздо позже Буксгевдена, какъ для того, чтобы пропустить чрезъ селеніе Праценъ колонну Прибышевскаго, такъ и по личному вліянію Кутузова, неохотно оставлявшаго праценскія высоты. Въ девять часовъ утра, прибыли на поле сраженія Союзные Монархи съ большою свитою. Императора Александра, въ числѣ прочихъ, сопровождали: Сухтеленъ, графъ Ливенъ, Винцингероде, князь Гагаринъ, Новосильцовъ, графъ Строгановъ и князь Чарторыскій. Подъѣхавъ къ войскамъ и видя, что солдаты отдыхали, сложивъ ружья въ козлы, Государь спросилъ у Кутузова: „почему вы нейдете впередъ?“ — „Поджидаю, чтобы собрались всѣ войска колонны“ отвѣчалъ Кутузовъ. — „Да вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки“ — сказалъ Императоръ Александръ.

1805. „Государь“—отвѣчалъ Кутузовъ—„потому-то я и не начинаю, что не на Царицыномъ лугу“. Получивъ повелѣніе идти впередъ, Кутузовъ выслалъ въ авангардъ колонны два баталіона Новгородскаго и одинъ баталіонъ Апшеронскаго полковъ, со взводомъ австрійскихъ драгунъ. подъ начальствомъ подполковника Манахтина. Самъ Милорадовичъ сопровождалъ эти войска, и когда проходили мимо Государя Апшеронцы, напомнилъ имъ Италію и сказалъ: „вамъ не первую деревню брать“ (30).

Наполеонъ, вмѣстѣ съ маршалами, оставаясь на лѣвомъ крылѣ, слышалъ канонаду раздававшуюся у Тельница и Сокольница, но за густымъ туманомъ долго не могъ вывести никакого положительнаго заключенія о ходѣ боя. Наконецъ въ восемь часовъ, когда взошло солнце *) и разогнало туманъ на высшихъ пунктахъ поля сраженія, Наполеонъ усмотрѣлъ, что Союзныя войска, занимавшія высоты Працена, спускались оттуда въ долину Гольдбаха, и обратясь къ Сульту, спросилъ: „сколько нужно времени дивизіямъ Сентъ-Илера и Вандамма, чтобы взобраться на эти высоты?“ — „Неболѣе двадцати минутъ“, отвѣчалъ маршалъ. — „Такъ подождемъ еще четверть часа“, сказалъ Наполеонъ, желая, чтобы Союзники совершенно очистили возвышенія, составлявшія ключь поля битвы. Пока Сультъ, получивъ приказаніе наступать, передалъ его своимъ войскамъ, миновала половина 9-го. Вслѣдъ за тѣмъ, Французы двинулись впередъ: Вандаммъ отъ Гиршковица и Сентъ-Илеръ отъ Пунтовица; первый шелъ лѣвѣе, а второй — правѣе праценской колокольни; Бернадоттъ направился влѣво отъ Сульта; за ними, какъ

*) Наполеонъ въ послѣдствіи вспоминалъ «солнце Аустерлица». Къ вечеру опять сдѣлалось пасмурно и пошелъ дождь съ мокрымъ снѣгомъ.

грозныя тучи на дальнемъ горизонтѣ, скопились резервы. 1805.

Войска четвертой колонны, подобно бригадѣ Каменскаго, были задержаны переѣзавшею имъ путь кавалеріей Лихтенштейна. Едва лишь два баталіона Новгородскаго полка, шедшіе въ головѣ войскъ Милорадовича, успѣли достигнуть Працена, какъ были атакованы превосходными силами дивизіи Сентъ-Илера и обращены въ бѣгство. Французы овладѣли Праценомъ и заняли къ югу отъ этого селенія высоту господствующую всею окрестностью. Милорадовичъ возстановилъ порядокъ въ опрокинутыхъ войскахъ и повелъ въ дѣло полки: Малороссійскій, Смоленскій, Апшеронскій и гренадерскій баталіонъ Новгородскаго полка. Самъ Кутузовъ, пославъ принцу Лихтенштейну, находившемуся у Блазовица, приказаніе атаковать Вандамма съ лѣваго фланга, поскакалъ впередъ и былъ раненъ пулею въ щеку. Императоръ Александръ послалъ къ нему Лейбъ-медика Вилльe. „Поблагодарите Государя. Моя рана не опасна; вотъ гдѣ смертельная рана!“ сказалъ Кутузовъ, указавъ на Французовъ, уже бывшихъ такъ близко, что можно было различать ихъ лица. Генералъ-маіоры Бергъ и Репнинскій и австрійскій генералъ Юрчекъ были ранены; любимый зять Кутузова, флигель-адъютантъ графъ Тизенгаузенъ бросился впередъ со знаменемъ въ рукахъ, повелъ одинъ изъ разстроенныхъ баталіоновъ и палъ мертвъ пронзенный пулею. Всѣ усилія Милорадовича остановить непріятеля были напрасны. Императоръ Александръ, въ продолженіи боя у Працена, постоянно находившійся подъ картечами, приказалъ въ 11 часовъ войскамъ 4-й колонны отступать къ Аустерлицу ([31]). Здѣсь потеряно было Союзниками много артиллеріи, и въ томъ числѣ одна австрійская батарея, которая,

1805. по сходству цвѣта шинелей, принявъ Французовъ за Русскихъ, допустила непріятеля подойти къ орудіямъ. Безпорядокъ и смятеніе простирались до того, что свита Государя потеряла его изъ вида, разсѣялась въ различныя стороны и присоединилась къ нему уже въ ночи, либо на слѣдующіе два дня. Изъ всѣхъ лицъ, сопровождавшихъ его въ началѣ сраженія, постоянно оставался при немъ только Виллье, да еще берейторъ, конюшій и два казака (32).

При отступленіи съ позиціи войскъ 4-й колонны, Кутузовъ поѣхалъ на лѣвый флангъ ихъ, гдѣ австрійскія войска, именно Зальцбургскій полкъ и баталіонъ Ауэрсперга, продолжали мужественно сопротивляться превосходному въ числѣ непріятелю. Поднявшись на высоту, онъ увидѣлъ бригаду графа Каменскаго 2-го, которая, въ началѣ сраженія, слѣдовала въ за̀мкѣ за прочими войсками графа Ланжерона. Подходя къ Сокольницу, Каменскій увидѣлъ вправо отъ себя Французовъ наступавшихъ на праценскія высоты, и давъ знать о томъ Ланжерону, перемѣнилъ дирекцію своихъ полковъ и атаковалъ Сентъ-Илера въ правый флангъ. Нападеніе его было отбито, но прибывшій туда вмѣстѣ съ Кутузовымъ дежурный князь Волконскій снова устроилъ бригаду и лично повелъ въ штыки Фанагорійскихъ гренадеръ. Многочисленность непріятельскихъ войскъ недозволила намъ одержать успѣха. Тѣмъ не менѣе однакоже князь Волконскій, по словамъ самаго Кутузова, свидѣтеля его подвиговъ — „оказалъ достоинства, кои при несчастіи болѣе видны, нежели при счастливомъ сраженіи. Онъ не только отличался храбростью, но благоразуміемъ и сохраненіемъ всего нужнаго при подобныхъ случаяхъ хладнокровія, способствуя подъ самымъ огнемъ непріятельскимъ троекратно къ собранію людей Фанагорійскаго и Ряж-

скаго полковъ, съ которыми могъ я въ нѣкоторомъ порядкѣ ретироваться“ ([33]). 1805.

Наступленіе непріятеля къ праценскимъ высотамъ отрѣзало Кутузова отъ Аустерлица, куда отошли войска центра союзной арміи. Такимъ образомъ главнокомандующій, оставшись съ одною бригадою, къ которой случайно присоединились два эскадрона С.-Петербургскихъ драгунъ и сотня казаковъ, отступилъ къ Клейнъ-Гостьерадеку, въ долину Литавы ([34]). Тогда-же онъ послалъ приказаніе графу Буксгевдену — отступать съ войсками лѣваго крыла. Государь, не зная, что̀ сдѣлалось съ Кутузовымъ, посылалъ казаковъ во всѣ стороны отыскивать его и увидѣлся съ нимъ уже по окончаніи сраженія ([35]).

Въ продолженіи боя у праценскихъ высотъ, графъ Ланжеронъ, прибывъ отъ Сокольница къ полкамъ Каменскаго и убѣдясь въ необходимости подкрѣпить ихъ, поручилъ на время свою колонну генералу Олсуфьеву, а самъ повелъ два баталіона Курскаго полка къ Працену; но тогда войска графа Каменскаго уже были принуждены отступить, и Французы, встрѣтивъ Курскій полкъ превосходными силами, опрокинули его, при чемъ у насъ выбыло изъ строя болѣе тысячи человѣкъ.

Пятой колоннѣ князя Лихтенштейна, по отряженіи отъ ней трехъ полковъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Уварова, состоявшей изъ полковъ: уланскаго Его Высочества Цесаревича, С.-Петербургскаго драгунскаго и 18-ти австрійскихъ эскадроновъ, слѣдовало, на основаніи диспозиціи, занять пространство между центромъ и правымъ крыломъ, именно — равнину между Блазовицемъ и Кругомъ. Для этого кавалеріи Лихтенштейна пришлось двигаться на перерѣзъ 2-й и 4-й колоннамъ, безпрестанно останавливаясь и задерживая пѣхоту. Замед-

1805. леніе нашей кавалеріи дало непріятелю время занять указанное ей пространство. То былъ резервъ Мюрата — въ первой линіи легкая кавалерія, во второй кирасиры, въ третьей драгуны; за ними слѣдовали пѣхотныя дивизіи Риво̀ и Кафарелли. Русская гвардія, подъ личнымъ начальствомъ Цесаревича, долженствовавшая составлять резервъ праваго крыла, по неприбытію во̀-время на указанное по диспозиціи мѣсто кавалеріи Лихтенштейна, очутилась въ первой линіи и неожиданно встрѣтилась съ непріятелемъ. Великій князь, выступивъ отъ Аустерлица, перевелъ гвардію черезъ раусницскій ручей у Валькмюле и подходилъ къ Блазовицу, когда замѣчены были впереди войска. Сначала приняли ихъ за кавалерію Лихтенштейна. Имѣя въ виду поддержать его, Цесаревичъ построилъ гвардейскую пѣхоту развернутымъ фронтомъ, въ двѣ линіи: въ первой — полки Преображенскій и Семеновскій, и, передъ интерваломъ между ними, артиллерійскую роту Великаго Князя Михаила Павловича; во второй — Измайловскій полкъ и гвардейскій егерскій баталіонъ; въ резервѣ стали Конная гвардія и Лейбъ-гусары. Состоявшіе въ отрядѣ генерала Малютина, Кавалергарды, Лейбъ-гренадеры и Лейбъ-казаки, пришли на поле сраженія нѣсколько позже.

Едва лишь гвардія построилась къ бою, какъ непріятель открылъ по ней канонаду. Великій Князь тотчасъ приказалъ лейбъ-егерскому баталіону графа Сенъ-Пріеста *) занять селеніе Блазовицъ и извѣстилъ князя Багратіона о неожиданной встрѣчѣ съ Французами. За тѣмъ, подкрѣпивъ Лейбъ-егерей однимъ изъ баталіоновъ Семеновскаго полка, онъ послалъ, по повелѣнію Государя, въ помощь центру

*) Въ послѣдствіи смертельно раненый подъ Реймсомъ.

баталіонъ Измайловскаго полка, полковника Храповицкаго *). Но прибытіе этой горсти войскъ въ то время, когда 4-я колонна Союзной арміи уже была совершенно разстроена, не могло принести ни малѣйшей пользы; Храповицкій, не успѣвъ сдѣлать ни одного выстрѣла, отступилъ вмѣстѣ съ войсками Милорадовича къ Аустерлицу. 1805.

Въ то самое время, когда два баталіона русской гвардіи, занявшіе Блазовицъ, были вытѣснены оттуда пѣхотою генерала Ривò, и непріятель открылъ по нимъ сильную канонаду, появилась на полѣ сраженія и примкнула къ лѣвому флангу гвардіи кавалерія князя Лихтенштейна. Великій Князь, обрадованный прибытіемъ сильнаго подкрѣпленія, поскакалъ къ шедшему впереди, уланскому Имени Его полку, поздоровался съ солдатами, обнялъ полковаго командира, барона Меллера-Закомельскаго, и обратясь къ фронту, сказалъ: „Ребята! Помните, чье имя вы носите! Не выдавай!“ Не дожидаясь построенія къ бою австрійской кавалеріи, храбрый Меллеръ кинулся на непріятеля въ атаку; возбужденные къ отважному подвигу присутствіемъ Цесаревича, уланы понеслись стремглавъ, опрокинули всѣ три линіи французскихъ всадниковъ, промчались сквозь интервалы карреевъ, и повернувъ вправо, бросились на ближайшую непріятельскую батарею. Здѣсь былъ смертельно раненъ генералъ-лейтенантъ Эссенъ 2-й. Ни картечь орудій, ни пули прикрывавшей ихъ пѣхоты, не могли остановить уланъ, которые, наскакавъ на канонировъ, стали рубить ихъ; французскіе артиллеристы оборонялись банниками; прикрытіе пришло въ безпорядокъ. Все смѣ-

*) Храповицкій, прославившійся въ битвѣ при Бородинѣ мужественною обороною Семеновскаго оврага.

1805 шалось въ кучу — свои и чужіе. Нѣкоторые изъ уланъ соскакивали съ коней и продолжали сражаться въ рукопашную, пѣшкомъ. Но эта отчаянная атака, неподдержанная прочею кавалеріей Лихтенштейна — подобно тому какъ славная атака кирасиръ полка принца Алберта подъ Прагою — имѣла такія-же послѣдствія. Генералъ Келлерманъ, тотъ самый, котораго считали рѣшителемъ сраженія при Маренго, атаковалъ нашихъ уланъ своими полками съ нѣсколькихъ сторонъ. Неровный бой продолжался недолго. Потерявъ тяжело-раненаго и захваченнаго въ плѣнъ своего командира, 28 офицеровъ и 480 нижнихъ чиновъ, уланы въ разсыпную пристроились къ лѣвому флангу войскъ князя Багратіона ([36]).

Князь Лихтенштейнъ, получивъ между тѣмъ свѣдѣніе объ опасномъ положеніи центра Союзной арміи, двинулся съ австрійскими кирасирами ему въ помощь и атаковалъ съ фланга дивизію Вандамма, но, будучи встрѣченъ канонадою сильныхъ непріятельскихъ батарей, остановился, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ войсками наступавшими противъ русской гвардіи.

Это отборное, но малочисленное войско было подвержено явной опасности. Великій Князь имѣлъ при себѣ только 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ ([37]). Предоставленный самому себѣ, онъ повелъ свой отрядъ впередъ, подъ прикрытіемъ цѣпи стрѣлковъ, стараясь возстановить связь съ центромъ Союзной арміи. Внезапно показались справа двѣ непріятельскія колонны; наши богатыри — Преображенцы ударили въ штыки и смяли Французовъ, но будучи встрѣчены картечью, подались назадъ съ потерею одного орудія. Вслѣдъ за тѣмъ кавалерія Келлермана, кинувшаяся на отступавшій полкъ, была атакована Конно-гвардейскимъ полкомъ: первые два эскадрона, подъ начальствомъ полковника Оленина,

ударили во флангъ Французамъ, обратили ихъ въ бѣгство, наскакали на два баталіона вандаммовой дивизіи, увлекшіеся далеко впередъ отъ прочихъ войскъ, совершенно разсѣяли ихъ и овладѣли орломъ 4-го линейнаго полка *) (38). Наполеонъ узнавъ о томъ, послалъ въ помощь атакованной пѣхотѣ генерала Раппа, съ Мамелюками и другими эскадронами своего собственнаго конвоя. Какъ въ тоже самое время подоспѣли на поле сраженія Кавалергарды и Лейбъ-казаки, то Великій Князь приказалъ имъ встрѣтить французскую кавалерію шедшую въ атаку. Командиръ Кавалергардскаго полка Депрерадовичъ, пославъ средній эскадронъ противъ непріятеля съ фронта, направилъ по два крайнихъ эскадрона въ обходъ его фланговъ; Лейбъ-казаки также ринулись на Французовъ. Здѣсь возгорѣлось весьма жаркое дѣло: въ продолженіи четверти часа Кавалергардскій полкъ потерялъ 15 офицеровъ, 200 нижнихъ чиновъ и 300 лошадей; въ особенности-же потерпѣли 4-й и 5-й эскадроны, кинувшіеся на выручку Семеновскаго полка; изъ 4-го эскадрона остались невредимы только 18 человѣкъ; командиръ его, полковникъ князь Репнинъ и нѣсколько офицеровъ, всѣ раненые, захвачены въ плѣнъ. Со стороны Французовъ, убитъ полковникъ Морланъ (Morland) и раненъ самъ Раппъ: по словамъ его: „Русскіе дрались съ мужествомъ достойнымъ удивленія, но не могли устоять противъ хладнокровныхъ и неустрашимыхъ Французовъ"…. (Les Russes se battirent avec une valeur digne d'admiration, mais ne purent resister au sang-froid et à l'intrepidité de nos soldats). Подъ покровительствомъ Кавалергардовъ, пожертвовавшихъ со-

*) Отбитъ орелъ рядовыми Яковлевымъ и Глазуновымъ, кои за сей подвигъ были произведены въ унтеръ-офицеры.

1805. бою для спасенія гвардіи. Цесаревичъ отвелъ свои войска за раусницкій ручей. Тогда-же генералъ-маіоръ Лобановъ. прійдя съ Лейбъ-гренадерскимъ полкомъ на поле сраженія. поставилъ всѣ три баталіона развернутымъ фронтомъ впереди Аустерлица. Французы. преслѣдовавшіе гвардію. завидя Лейбъ-гренадеръ, приняли ихъ за авангардъ корпуса Эссена и прекратили дальнѣйшее наступленіе противъ гвардіи и войскъ центра Союзной арміи. также отступившихъ за ручей, около 11 часовъ утра (39).

На правомъ крылѣ Союзниковъ. князь Багратіонъ, занявъ рано утромъ тремя баталіонами 6-го егерскаго полка селенія Кругъ и Голубицъ. расположилъ свои прочія войска впереди перваго изъ этихъ селеній поперегъ дороги, въ двѣ линіи, и выслалъ четыре баталіона съ нѣсколькими эскадронами вправо. къ Дварошнѣ. Пѣхотою князя Багратіона командовалъ князь Долгоруковъ; кавалеріей—графъ Витгенштейнъ и Чаплицъ. На лѣвомъ крылѣ, впереди оврага, построились въ одну линію, полки Елисаветградскій гусарскій. Харьковскій и Черниговскій драгунскіе, подъ начальствомъ генерала Уварова.

Сообразно диспозиціямъ обѣихъ сторонъ. какъ Багратіонъ. такъ и Ланнъ. должны были дѣйствовать оборонительно, и потому бой между ними долго ограничивался канонадою и атаками Елисаветградскаго и Павлоградскаго гусарскихъ полковъ. Но наконецъ, князь Багратіонъ. желая дать рѣшительный оборотъ дѣлу. приказалъ 5-му егерскому полку овладѣть селеніемъ Дварошною и послалъ Чаплица. съ полками Маріупольскимъ гусарскимъ, Тверскимъ драгунскимъ и двумя казачьими, въ обходъ лѣваго фланга непріятельской позиціи. Русскіе егеря овладѣли селеніемъ, но будучи встрѣчены по выходѣ

оттуда канонадою и ружейнымъ огнемъ войскъ Клапареда, занимавшихъ высоту Сантонъ, были принуждены остановиться и вслѣдъ за тѣмъ очистить Дварошну. Когда-же наша гвардія и колонны дѣйствовавшія въ центрѣ отступили за раусницкій ручей и въ долину Литтавы, Ланнъ направилъ противъ Багратіона обѣ свои дивизіи и кирасировъ д'Опу (d'Hautpouls) и Нансути. Генералъ Уваровъ, съ своими тремя полками, кинулся на встрѣчу французскимъ всадникамъ, но былъ опрокинутъ за оврагъ; здѣсь конная рота Ермолова, поражавшая непріятеля до послѣдней возможности, потеряла свои орудія. Когда-же кавалерія Уварова, атакованная несравненно многочисленнѣйшими французскими кирасирами, была принуждена отступить за раусницкій ручей, Ланнъ обошелъ позицію Багратіона съ лѣваго фланга всѣми силами дивизіи Кафарелли и выбилъ 6-й егерскій полкъ изъ Круга и Голубица. Князь Багратіонъ, желая замедлить наступленіе Французовъ, смѣнилъ егерей Архангелогородскимъ полкомъ, подъ начальствомъ героя — Каменскаго 3-го *). Въ продолженіи цѣлаго часа, этотъ полкъ выдерживалъ быстро слѣдовавшія одна за другою кавалерійскія атаки, въ промежутки коихъ осыпала его картечью сильная батарея. Потерявъ 1,600 человѣкъ, Архангелогородцы въ совершенномъ разстройствѣ примкнули къ прочей пѣхотѣ. Самъ Каменскій, упавъ съ убитой подъ нимъ лошади, едва не погибъ и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ самоотверженію баталіоннаго адъютанта Закревскаго, предложившаго ему свою лошадь. Князь Багратіонъ потерялъ связь съ прочими союзными войсками и сталъ отступать, 1805.

*) Графъ Никол. Михайл. Каменскій, прославившійся завоеваніемъ Финляндіи въ 1809 году.

1805. обороняясь на каждомъ шагу и удивляя нашихъ союзниковъ — Австрійцевъ обычными ему хладнокровіемъ и презрѣніемъ смерти (40). Ланнъ слѣдовалъ за нимъ, но сперва былъ остановленъ удачнымъ дѣйствіемъ двухъ австрійскихъ батарей, прибывшихъ отъ Ольмюца, а потомъ, подходя къ Раусницу, получилъ тамъ приказаніе Наполеона — остановиться, въ ожиданіи окончательнаго удара лѣвому крылу Союзной арміи. Вслѣдъ за тѣмъ, Багратіонъ, для возстановленія связи съ прочими войсками, перешелъ къ Аустерлицу: такимъ образомъ дорога въ Вишау была открыта, и непріятель, пользуясь тѣмъ, захватилъ большую часть нашихъ обозовъ (41).

Въ 11 часовъ утра, правое крыло и центръ Союзниковъ уже были принуждены оставить поле сраженія; войска-же лѣваго крыла находились далеко впереди, именно: графъ Буксгевденъ съ полками Доктурова все еще за Тельницемъ, въ ожиданіи успѣха прочихъ колоннъ; графъ Ланжеронъ возвращался къ Сокольницу, гдѣ стоялъ Олсуфьевъ, съ тремя полками: 8-мъ егерскимъ, Выборгскимъ и Пермскимъ; войска Прибышевскаго у сокольницскаго замка, именно: 10 баталіоновъ по правую сторону Гольдбаха и 7 баталіоновъ — по лѣвую сторону, въ резервѣ. Со стороны Французовъ, войска маршала Даву, именно: дивизія Фріана, одна бригада дивизіи Леграна и драгуны Бурсьè, были расположены правымъ флангомъ у отмараускаго пруда, а лѣвымъ — на правомъ берегу Гольдбаха, къ сѣверу отъ сокольницскаго зàмка. По отступленіи центра Союзной арміи, Даву получилъ приказаніе атаковать стоявшія въ виду его войска, противъ которыхъ, въ то-же время, Наполеонъ устремилъ во флангъ и тылъ большую часть корпуса Сульта и за нею — гвардію и гренадеръ: вообще-же про-

тивъ Буксгевдена, имѣвшаго въ то время около 1805.
33,000 человѣкъ, было направлено болѣе 40,000 человѣкъ (42).

Въ половинѣ 12-го, генералъ Сентъ-Илеръ, расположивъ батареи на высотахъ лѣваго берега рѣчки, при Сокольницѣ, открылъ сильную канонаду въ тылъ резерву Прибышевскаго, и построивъ въ колонны свою пѣхоту, повелъ ихъ въ долину Гольдбаха, между тѣмъ какъ бригада Левассёра, опрокинувъ баталіонъ, высланный въ началѣ сраженія къ Кобельницу, ударила въ правый флангъ русскимъ войскамъ; находившіеся тамъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вимпфена полки Азовскій и Подольскій, потерявшіе много людей подъ Шёнграбеномъ, считали въ рядахъ своихъ вообще только 1,700 человѣкъ, и будучи подавлены превосходными силами, кинулись къ правому берегу Гольдбаха; Даву, съ своей стороны, атаковалъ стоявшіе противъ него 10 баталіоновъ и оттѣснилъ ихъ къ лѣвому берегу рѣчки. Русскія войска, окруженныя непріятелями, громимыя батареями съ обѣихъ сторонъ рѣчки, смѣшались въ нестройную толпу; потеря Вимпфена, раненаго, захваченнаго въ плѣнъ, и другихъ начальниковъ, довершила общее смятеніе. Прибышевскій, съ тремя тысячами человѣкъ, пробился сквозь густыя массы Французовъ и ушелъ къ Кобельницу, въ надеждѣ примкнуть къ 4-й колоннѣ, объ отступленіи которой неимѣлъ никакого свѣдѣнія, но встрѣтясь съ пятью баталіонами гренадеръ Удино, шедшими подъ начальствомъ Дюрока отъ Гиршковица внизъ по лѣвому берегу Гольдбаха, положилъ оружіе; вмѣстѣ съ нимъ полонены генералы: Селеховъ, Штрикъ, а также лежавшій въ сокольницскомъ замкѣ раненый Миллеръ. Изъ всей 3-й колонны Союзной арміи спаслось 2,300 человѣкъ (43).

1805. Между тѣмъ графъ Буксгевденъ получилъ приказаніе отступать, но не видя передъ собою значительныхъ непріятельскихъ силъ, оставался на мѣстѣ; призванные имъ на совѣтъ австрійскіе генералы Штутергеймъ и Кинмейеръ полагали, что не было никакой надобности въ поспѣшномъ отступленіи, но въ часъ по полудни, когда загремѣла канонада съ сокольницскихъ высотъ и Французы стали спускаться оттуда въ тылъ 2-й и 3-й колоннамъ Союзной арміи, Буксгевденъ повелъ назадъ чрезъ Тельницъ войска Дохтурова и послалъ Ланжерону приказаніе отступать. Это распоряженіе не могло быть исполнено: изъ трехъ полковъ 2-й колонны, остававшихся въ долинѣ Гольдбаха, Ланжеронъ успѣлъ вывести только два, 8-й егерскій и Выборгскій, а находившійся впереди Пермскій полкъ, окруженный Французами со всѣхъ сторонъ, былъ почти совершенно истребленъ (44). Войска обѣихъ первыхъ колоннъ спѣшили къ селенію Ауэзду, чрезъ которое пролегалъ ихъ путь отступленія, но еще не успѣли придти туда, когда генералъ Вандаммъ расположилъ сильныя батареи на высотахъ противъ Ауэзда и поражая наши войска, заставилъ ихъ обратиться назадъ къ Тельницу. Имѣя въ виду отступить кратчайшимъ путемъ за Литтаву, графъ Буксгевденъ направилъ войска къ мосту на сей рѣкѣ между Ауэздомъ и сачанскимъ озеромъ. Но едва лишь онъ съ двумя баталіонами успѣлъ перейти на другую сторону рѣки, и стала переправляться артиллерія, какъ мостъ проломился подъ тяжестью орудій. Пѣхота кинулась починять его. Непонятно, почему не позаботились о томъ прежде, предпринимая обходъ непріятеля съ праваго фланга и двинувшись между его арміей и Литтавой. Едва лишь начали таскать бревна изъ Ауэзда для починки моста, какъ дивизія

Вандамма, занявъ это селеніе и открывъ канонаду 1805.
по отступавшимъ войскамъ, заставила ихъ обратиться вправо наузкую плотину между сачанскимъ и меницскимъ озерами. Нѣкоторые частные начальники покушались перевести людей и артиллерію по льду озера, но тонкій ледъ погнулся подъ тяжестью войскъ. Оставался единственный путь отступленія чрезъ Тельницъ, и далѣе по плотинѣ, между сачанскимъ и меницскимъ озерами, къ Нейдорфу. Дохтуровъ, за отсутствіемъ графа Буксгевдена, принявъ начальство надъ войсками первыхъ двухъ колоннъ, распоряжался съ обычнымъ ему хладнокровіемъ. Какъ непріятель, перейдя черезъ Литтаву близъ Ауэзда и направясь на дорогу ведущую отъ Сачана къ Оттницу, могъ отрѣзать отступленіе остаткамъ лѣваго крыла Союзной арміи, то Кинмейеръ, съ Гессенъ-Гомбургскими гусарами и нѣсколькими орудіями, перейдя съ большимъ трудомъ чрезъ узкую плотину, расположился противъ Ауэзда. Между тѣмъ, генералъ Левизъ, съ Ново-Ингерманландскимъ полкомъ, занявъ Тельницъ и стойко удерживая непріятеля, прикрывалъ отступленіе прочихъ войскъ. Даву и Сультъ атаковали его съ обѣихъ сторонъ рѣчки; тогда-же Наполеонъ съ гвардіей и пятью баталіонами прибылъ къ Ауэзду. Русскія войска, выбитыя изъ Тельница, оспаривали каждый шагъ; здѣсь также отличились австрійскіе полки: Гессенъ-Гомбургскій, Орельи и Шеклеровъ. Ихъ отважное сопротивленіе дало возможность войскамъ отступать въ довольно хорошемъ порядкѣ. Но когда у Тельница взлетѣлъ одинъ изъ нашихъ зарядныхъ ящиковъ и вскорѣ послѣ того загорѣлась сачанская мѣльница, войска, шедшія въ хвостѣ колонны, ускорили шагъ и не находя себѣ исхода, стали переходить сачанское озеро, по льду, который, будучи весьма непроченъ,

1805. обрушился подъ тяжестью столпившихся людей, лошадей и орудій. Наполеонъ, прибывъ туда, приказалъ гвардейскимъ батареямъ стрѣлять гранатами въ густыя массы, что̀ увеличило въ нихъ смятеніе и безпорядокъ. Хотя свидѣтельство наполеоновскаго бюллетеня, будтобы здѣсь утонуло въ озерѣ двадцать тысячъ человѣкъ (!), не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, однакоже не подвержено сомнѣнію, что наши потери, при отступленіи лѣваго крыла, были весьма велики. Дохтуровъ, уже въ ночи, собралъ свои разстроенныя войска у Нейдорфа и отошелъ къ Миллешовицу. По словамъ Французовъ: „въ концѣ проиграннаго сраженія и въ положеніи отчаянномъ невозможно оказать твердости болѣе Дохтурова“ (45). Правое крыло и центръ отступили къ Годьежицу. Въ полночь, послѣ кратковременнаго привала, Союзныя войска продолжали дальнѣйшее движеніе по дорогѣ на Гёдингъ въ Венгрію. Со стороны Французовъ: гвардейская кавалерія и нѣсколько эскадроновъ мюратова резерва перешли чрезъ сачанскую плотину и преслѣдовали Дохтурова, но остановились не достигнувъ Нейдорфа; войска Даву стали близъ Меница, по правую сторону Гольдбаха; корпусъ Сульта — у Меница, Тельница и Ауэзда; гвардейская пѣхота и гренадеры — у Клейнъ-Гостьерадека; корпусъ Бернадотта — между Праценомъ и Аустерлицемъ; резервъ Мюрата и корпусъ Ланна, по обѣ стороны ольмюцской дороги, между Позоричемъ и Рауснидомъ (46).

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ выбыло изъ рядовъ русской арміи вообще 21,000 человѣкъ (47) и потеряно 133 орудія (48) и 30 знаменъ (49). Въ числѣ раненыхъ, кромѣ Кутузова, находились: генералъ-лейтенантъ Эссенъ 2-й (вскорѣ умершій) и генералъ-маіоры: Репнинскій, баронъ Сакенъ 2-й,

Депрерадовичъ, Миллеръ 3-й, Штрикъ, Бергъ и Меллеръ-Закомельскій (послѣдніе четверо взяты въ плѣнъ); кромѣ того полонены: генералъ-лейтенанты: Прибышевскій, Вимпфенъ и генералъ-маіоръ Селеховъ. Австрійцы потеряли вообще 5,922 человѣка и 25 орудій. (Въ числѣ раненыхъ былъ генералъ Юрчекъ). Со стороны Французовъ, по ихъ показанію, выбыло изъ строя вообще 8,644 человѣка, но какъ въ это число не помѣщенъ уронъ артиллеріи и нѣсколькихъ дивизій, то можно безошибочно положить всю потерю непріятельскихъ войскъ отъ 10-ти до 12-ти тысячъ человѣкъ. Ранены дивизіонные генералы: Келлерманъ, Сентъ-Илеръ и Вальтеръ; бригадные: Вальгюберъ (умершій отъ раны), Тибо, Компанъ, Раппъ, Маризи и Демонтъ. 1805.

Наполеонъ, въ своихъ бюллетеняхъ, (какъ принято имъ было за правило), преувеличилъ выше всякой мѣры потери нашихъ войскъ; эти лживыя показанія съ небольшими исправленіями перешли въ Исторію ([50]). Причиною такого заблужденія было то, что въ дѣйствительности непосредственно послѣ сраженія въ Союзной арміи недоставало много людей, разсѣявшихся либо захваченныхъ въ плѣнъ, которымъ въ послѣдствіи удалось уйти въ Богемію и Силезію и пробраться въ Россію.

Какъ обыкновенно бываетъ, Австрійцы и Русскіе взаимно обвиняли одни другихъ въ понесенной неудачѣ. Отдавая справедливость мужеству русскихъ войскъ, наши Союзники приписывали общее пораженіе нашему неумѣнью маневрировать, неповоротливости нашей пѣхоты, тяжести нашихъ ружей, неудободвижимости нашей артиллеріи: послѣднее было справедливо; впрочемъ — едвали можно было требовать быстроту движеній отъ лошадей, кормленыхъ нѣсколько дней одной соломою. Съ нашей стороны,

1805. упрекали Австрійцевъ въ томъ, что, ведя войну въ собственной странѣ, они неозаботились — ни заготовленіемъ провіанта и фуража, ни изслѣдованіемъ мѣстности, на которой ежегодно производили маневры. Пораженіе при Аустерлицѣ, послѣ надеждъ на успѣхъ, которыми былъ преисполненъ юный штабъ Императора Александра, было такъ неожиданно для Русскихъ, что, не вникая въ причины пораженія, объясняли его измѣною Австрійцевъ. Князь Долгоруковъ, главный виновникъ неосторожныхъ распоряженій, облегчившихъ торжество Наполеона, увѣрялъ гласно, будтобы наши Союзники, наскучивъ безуспѣшною и безславною для нихъ войною, и желая, во что-бы то ни стало, прекратить ее, вовлекли насъ съ умысломъ въ сраженіе, которое, по незначительному числу ихъ собственныхъ войскъ, не могло угрожать имъ чувствительными потерями. По словамъ князя Долгорукова, Австрійцы, недовольствуясь тѣмъ, сообщили передъ сраженіемъ Наполеону планъ дѣйствій Союзной арміи. Подобныя тяжкія обвиненія должны-бы быть основаны на достовѣрныхъ фактахъ. Утвердительно можно сказать, что если-бы Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ какія-либо доказательства такой гнусной измѣны, то не преминулъ-бы воспользоваться ими въ послѣдствіи. Въ письмѣ одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Императора Александра, Новосильцова, къ графу Павлу Александровичу Строганову, послѣ сраженія при Аустерлицѣ, находимъ: „Представьте наше удивленіе.... всѣ добрые жители Петербурга восхищены отличными дѣйствіями нашей арміи въ послѣднемъ дѣлѣ; говорятъ, что она состоитъ изъ героевъ, что мы трое *) совершили бле-

*) Графъ Строгановъ, Новосильцовъ и князь Чарторыскій.

стящіе подвиги, что наша армія горѣла желаніемъ возобновить бой, но что Австрійцы не хотѣли того и въ тайнѣ отъ насъ заключили перемиріе; что, наконецъ, они были настоящіе измѣнники, продавшіе насъ Французамъ, и что мы проиграли сраженіе единственно отъ того, что они сообщили планъ его непріятелю“, и проч. ([51]). Вотъ какъ тогда люди близкіе къ Государю вѣрили обвиненіямъ въ измѣнѣ Австрійцевъ! 1805.

Будемъ безпристрастнѣе: допустивъ даже, что Австрійское правительство наскучило войною, (и, правду сказать, было отъ чего!), скажемъ, что никакой измѣны не было и не могло быть, что австрійскія войска, и въ особенности войска Кинмейера, въ сраженіи при Аустерлицѣ дрались отлично и потеряли вообще почти половину наличнаго числа людей. Главною причиною пораженія Союзниковъ было то, что они, сражаясь противъ геніяльнаго полководца, вовсе не имѣли главнокомандующаго, что Кутузовъ, считаясь имъ, соглашался, изъ угожденія Императору Александру, на всѣ распоряженія австрійскаго штаба, хотя и постигалъ ихъ неосновательность. Въ послѣдствіи, онъ старался отклонить отъ себя упрекъ въ потерѣ аустерлицскаго сраженія, но судъ современниковъ справедливо обвинялъ его въ сговорчивости, недостойной полководца опытнаго, пріобрѣвшаго общее уваженіе. Съ перваго взгляда непонятно, почему Императоръ Александръ, отнявъ у Кутузова власть распоряжаться ходомъ дѣйствій, оставилъ ему званіе главнокомандующаго? Гораздо проще было-бы стать во главѣ арміи самому Государю, руководясь совѣтами Вейротера. Но это объясняется одною изъ особенностей характера Александра — оставлять, въ рѣшительныя минуты жизни, многое въ сомнѣніи, въ не-

1805. опредѣленности. Колеблясь между желаніемъ пожать лавры побѣды и опасеніемъ неудачи, онъ не хотѣлъ ни уступить Кутузову славу, въ случаѣ успѣха, ни принять на себя упрекъ, въ случаѣ пораженія. И вотъ почему Кутузовъ былъ поставленъ въ такое двусмысленное положеніе. Но онъ могъ изъ него выдти, еслибы сила его характера равнялась тонкости ума его. Императоръ Александръ самъ, вспоминая объ аустерлицскомъ сраженіи, сказалъ: „Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ Мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе!“ ([52]). Такъ говорилъ Александръ, побѣдивъ своего противника, и торжество его не омрачилось великодушнымъ признаніемъ въ сдѣланной ошибкѣ.

ГЛАВА XV.

Послѣдствія сраженія при Аустерлицѣ.

Сраженіе при Аустерлицѣ имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ расторженіе коалиціи. Несмотря на потери, понесенныя союзниками, положеніе дѣлъ ихъ вовсе не было отчаянно: прибытіе въ Силезію генералъ-лейтенанта Эссена (Ивана Иванов.) съ резервомъ, въ числѣ болѣе 10-ти тысячъ человѣкъ, отчасти вознаградило уронъ русской арміи; болѣе 80-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ эрцгерцоговъ, уже прибыли въ Венгрію, гдѣ формировалась инсуррекція (земская сила); въ Богеміи, жители, возбужденные эрцгерцогомъ Фердинандомъ, готовились возстать поголовно; болѣе 120-ти тысячъ человѣкъ прусскихъ войскъ ожидали приказанія идти противъ Французовъ; сильныя диверсіи на сѣверѣ Германіи и на югѣ аппенинскаго полуострова — съ одной стороны направились къ границамъ Нидерландовъ, а съ другой грозили положить конецъ преобладанію Наполеона въ Италіи. Французская армія, ослабленная потерями въ сраженіяхъ и необходимостью занимать край въ тылу своемъ, не могла надѣяться на значительныя подкрѣпленія (1). 1805.

Императоръ Александръ, пораженный неожидан-

1805. нымъ ударомъ, не сомнѣвался однакоже въ возможности поправить дѣло. Не такъ думалъ союзникъ его Францъ. Устрашенный наступленіемъ Мюрата по дорогѣ къ Ольмюцу и обходомъ Даву къ Гёдингу, на путь отступленія Союзниковъ въ Венгрію, между тѣмъ, какъ самъ Наполеонъ преслѣдовалъ ихъ съ тыла, Императоръ Францъ считалъ все потеряннымъ. На другой день послѣ сраженія, 21-го ноября (3-го декабря), явился къ Наполеону посланный съ предложеніемъ мира князь Іоаннъ Лихтенштейнъ. Свиданіе между потомкомъ Габсбурговъ и вѣнчаннымъ воиномъ назначено было на слѣдующее утро, 22-го ноября (4-го декабря), въ условленный часъ, Императоръ Францъ прибылъ на аванпосты французской арміи въ Саручицъ, гдѣ ожидалъ его побѣдитель. Вмѣстѣ съ Австрійскимъ Императоромъ пріѣхали князья: Іоаннъ Лихтенштейнъ, Шварценбергъ, и генералы: Кинмейеръ, Бубна и Штутергеймъ (2). Наполеонъ, обнявъ Франца и пригласивъ его занять мѣсто у бивачнаго огня, сказалъ ему: „В. В. я принимаю васъ во дворцѣ, въ которомъ живу два мѣсяца“. — „Э́то жилище приноситъ вамъ столько выгодъ, что вы должны быть довольны имъ“ — отвѣчалъ Францъ. Наполеонъ не поскупился на увѣренія, что онъ былъ вовлеченъ въ войну съ Австріей противъ собственной воли, не помышляя о томъ и будучи совершенно занятъ дѣйствіями противъ Англіи, а Императоръ Францъ сознался, что его заставили вооружиться покушенія Французовъ на Италію. Когда Наполеонъ изъявилъ намѣреніе помириться на условіяхъ объявленныхъ имъ графу Гіулаю, Императоръ Австрійскій, не касаясь этого щекотливаго предмета, спросилъ у него: что̀ думаетъ онъ на счетъ русской арміи? Наполеонъ потребовалъ, чтобы она оставила австрійскія владѣнія, и чтобы Австрія отдѣлилась

отъ Россіи. „Вѣрьте мнѣ — сказалъ онъ — не смѣшивайте вашихъ дѣлъ съ дѣлами Императора Александра. Одна лишь Россія можетъ теперь вести войну безъ надобности (une guerre de fantaisie). Русская армія, будучи побѣждена, возвратится въ свои пустыни, а вы должны будете вознаградить военныя издержки уступкою областей своихъ“ ([3]). 1805

Положено было заключить перемиріе *для обѣихъ союзныхъ армій*, съ тѣмъ, чтобы русскія войска ушли въ свою страну, по опредѣленному маршруту, и чтобы австрійскій кабинетъ немедленно прислалъ въ Брюннъ уполномоченныхъ для заключенія отдѣльнаго мира съ Франціею. Что-же касается до хвастовскихъ увѣреній нѣкоторыхъ французскихъ историковъ, будтобы Наполеонъ явилъ неслыханное великодушіе, дозволивъ Императору Александру и русской арміи, окруженнымъ его войсками, возвратиться въ Россію, то этого никогда не было и не могло быть, по весьма простой причинѣ: русская армія не была отрѣзана. Переправясь еще 21-го ноября (3-го декабря) чрезъ Мораву (March), главныя силы союзниковъ, на слѣдующій день утромъ, были расположены у Гёдинга, а Императоръ Александръ — находился въ Голичѣ, между тѣмъ какъ Даву, съ войсками, двигавшимися на перерѣзъ Русскимъ, прибылъ къ Іозефсдорфу, въ 10-ти верстахъ отъ Гёдинга и въ 15-ти верстахъ отъ Голича; получивъ тамъ письмо Кутузова о заключеніи перемирія на 24 часа, и вслѣдъ за тѣмъ — собственноручную записку (карандашемъ) Императора Александра, подтверждавшую тоже извѣстіе ([4]), Даву остановилъ движеніе своихъ войскъ ([5]). Слѣдовательно — не только Государь тогда не подвергался лично никакой опасности, но и вся наша армія уже успѣла перейти на лѣвую сторону Моравы.

1805. Два дня спустя, 24-го ноября (6-го декабря), присоединился къ русской арміи десяти-тысячный корпусъ генерала Эссена, который, выступивъ 20-го ноября (2-го декабря) изъ Прерау, двинулся чрезъ Кремсиръ къ Голичу. 6-го-же декабря н. ст. заключено между Франціею и Австріей формальное перемиріе, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) французская армія займетъ; эрцгерцогство австрійское, Штирію, Каринтію, Карніолію, Гёрцъ, Истрію, Венецію, Тироль, въ Богеміи таборскій округъ; въ Моравіи, кромѣ Цнаймскаго, Иглаускаго и Брюннскаго округовъ, всю страну по правымъ берегамъ рѣкъ Тршебовки (къ сѣверу отъ Просница) и Моравы, и въ Венгріи — Пресбургъ; 2) русская армія очиститъ Моравію и Венгрію въ продолженіи 14-ти дней, а Галицію чрезъ мѣсяцъ, и возвратится въ свою страну по опредѣленному маршруту; 3) въ Венгріи и Богеміи прекратятся всякія вооруженія и никакая чужеземная армія не перейдетъ границы Австріи ([6]). На другой день по заключеніи перемирія, Наполеонъ наложилъ на австрійскія области занятыя его войсками контрибуцію въ сто милліоновъ франковъ ([7]).

27-го ноября (9-го декабря), Кутузовъ, выступивъ отъ Голича, повелъ русскую армію чрезъ Тренчинъ, Кашау и Лембергъ, и прибылъ въ Радзивиловъ 26-го декабря (7-го генваря 1806 года).

Такимъ образомъ австрійское правительство, добровольно отказавшись отъ возможности вознаградить пораженіе при Аустерлицѣ, поставило себя въ совершенную зависимость отъ произвола побѣдителя. Письмо Императора Франца къ Королю Фридриху-Вильгельму показываетъ, какъ тогда упалъ духъ австрійскаго монарха. „Государь, мой братъ— писалъ онъ. Неслыханныя жертвы, всевозможныя

усилія мои, для выполненія принятыхъ мною на 1805
себя обязательствъ, поставили меня въ положеніе, тѣмъ болѣе злополучное, что я лишился почти всякихъ средствъ поправить его. Поручаю моему генералъ-маіору ф. Штутергейму, бывшему въ авангардѣ моей арміи въ несчастный день 2-го декабря, изложить въ подробности всѣ обстоятельства этого событія, а равно довести до свѣдѣнія В. В. о послѣдовавшемъ за тѣмъ свиданіи моемъ съ Императоромъ Французовъ и перемиріи съ нимъ. Я поспѣшилъ-бы немедленно сообщить В. В. о всемъ происшедшемъ, еслибы при мнѣ находился кто-либо изъ моихъ министровъ, но всѣ они далеко отъ моей главной квартиры, и какъ ихъ доселѣ еще нѣтъ, то я рѣшился доставить, чрезъ подателя сего письма, извѣстія, которыя, не смотря на отсутствіе обычныхъ дипломатическихъ формъ, совершенно точны и положительны. Вы увидите, Государь братъ мой, изъ самыхъ условій перемирія, которыя, по порученію моему, передастъ В. В. генералъ ф. Штутергеймъ, какъ рѣшительно было это сраженіе и какія оно можетъ имѣть послѣдствія.

„Я готовъ на всѣ пожертвованія, могущія обезпечить спокойствіе Европы и благодѣтельный союзъ мой съ Вашимъ Величествомъ“ ([8]).

Еще за три дня до сраженія при Аустерлицѣ, 17-го ноября ст. ст. князь Чарторыскій, по повелѣнію Императора Алекандра, извѣстилъ командовавшихъ прусскими войсками въ Турингіи и Силезіи, принца Гогенлоэ и генерала Граверта, о фланговомъ маршѣ Союзной арміи на сообщенія непріятеля. При семъ Чарторыскій, поставляя на видъ прусскимъ генераламъ, что такое движеніе откры-

1805. вало Наполеону доступъ въ Силезію, совѣтовалъ имъ принять мѣры для противодѣйствія непріятельскимъ покушеніямъ. Въ отвѣтъ на это письмо, Гравертъ сообщилъ Чарторыскому, что большая часть прусскихъ войскъ расположенныхъ въ Силезіи была размѣщена по тамошнимъ крѣпостямъ, но что, получивъ свѣдѣніе о фланговомъ передвиженіи Союзной арміи, онъ немедленно выдвинулъ на границу двѣ колонны: одну отъ Нейссе чрезъ Цукмантель къ Ольмюцу, а другую по дорогѣ ведущей отъ Глаца, чрезъ Миттельвальде, мимо Грулиха, также къ Ольмюцу (9).

Принцъ Гогенлоэ писалъ князю Чарторыскому:

„Имѣя честь командовать правымъ крыломъ, я буду вашимъ ближайшимъ сосѣдомъ. Состязаясь съ вашими храбрыми войсками, постараюсь заслужить ихъ уваженіе. Меня сильно поощряетъ къ тому чувство почтительной преданности Его Величеству, вашему Государю, и я сдѣлаю всевозможныя усилія, чтобы доказать Ему мое усердіе и желаніе содѣйствовать Его высокимъ видамъ, направленнымъ къ общему благу. Берлинскій и Постдамскій резервы расположатся между Лейпцигомъ и Вейссенфельсомъ, и Король на дняхъ отправится въ армію. Вчера, по эстафетѣ изъ Берлина, дали мнѣ знать, что еще нѣтъ никакого извѣстія о графѣ Гаугвицѣ. Полагаю, что веденные имъ переговоры не могутъ имѣть никакого послѣдствія кромѣ войны, и по тому надѣюсь, что не останемся въ бездѣйствіи а пойдемъ прямо впередъ, не колеблясь“.... (10)

Вообще прусскія войска и начальники ихъ желали войны съ Французами. Напротивъ того, Король, по прежнему, не могъ ни на что̀ рѣшиться, и свидѣтельствомъ тому служитъ рескриптъ его къ графу Гаугвицу, отъ 19-го ноября н. ст., посланный въ то

время, когда онъ еще не зналъ о конвенціи заклю- 1805.
ченной 15-го числа того-же мѣсяца симъ диплома-
томъ. Изъявивъ Гаугвицу крайнее нетерпѣніе (la dernière impatience) знать послѣдствія его разговора съ Наполеономъ, Король писалъ, что Императоръ Францъ присылалъ къ нему генерала Штутергейма съ извѣщеніемъ о послѣднихъ событіяхъ и о своихъ видахъ, ограничиваясь увѣреніемъ, что онъ готовъ на всевозможныя пожертвованія, чтобы обезпечить спокойствіе Европы и мирную связь съ Пруссіей. По словамъ Штутергейма, онъ былъ присланъ наблюдать, что̀ сдѣлаетъ Пруссія; онъ увѣрялъ Короля, что Императоръ Францъ будетъ тянуть переговоры, и ежели получитъ надежду на содѣйствіе прусскаго правительства, то не согласится на тяжкія условія мира; въ противномъ-же случаѣ — уступитъ необходимости, и даже, можетъ статься, вступитъ въ союзъ съ Наполеономъ. И потому Штутергеймъ настаивалъ, чтобы Король, принявъ на себя посредничество между Франціей и Австріей, поддержалъ его достаточными силами. Когда-же Король спросилъ генерала Штутергейма — былъ-ли онъ уполномоченъ своимъ Государемъ на такія заявленія, Штутергеймъ отвѣчалъ, что не былъ, и это утвердило Фридриха-Вильгельма въ намѣреніи — не принимать на себя никакихъ обязательствъ (de ne s'engager à rien), т. е. другими словами: дать волю Наполеону распоряжаться по его произволу. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Берлинъ князь Долгоруковъ съ весьма дружескимъ письмомъ Императора Александра къ Фридриху-Вильгельму. Русскій Монархъ отдавалъ въ распоряженіе Короля войска Беннигсена тогда двигавшіяся въ Силезію, въ числѣ 40.000 человѣкъ, и двадцати-тысячный корпусъ генерала Толстаго, въ Ганноверѣ, и обѣщалъ поддерживать

1805. Пруссію всѣми своими средствами. И такъ – писалъ Король — положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, но затрудненія и опасности остались тѣже (Voilà donc la face des affaires changée du tout au tout, mais les difficultés sont aussi peu levées que le danger). Далѣе — Король изъявлялъ опасеніе, чтобы Наполеонъ, окончивъ дѣло съ Австріею, не обратился противъ Пруссіи. „Я желалъ-бы — писалъ онъ — ускорить объясненіе и вмѣстѣ съ Россіей избѣжать войны, если это совмѣстно съ честью и съ безопасностью, (si cela se peut avec honneur et sûreté) а между тѣмъ стараться о возстановленіи мира". Онъ полагалъ, что обязательства, которыя отъ него прежде требовало французское правительство, по измѣнившимся обстоятельствамъ, сдѣлались менѣе затруднительны, и соглашался принять ихъ на себя, если Наполеонъ не станетъ вводить войскъ въ сѣверную Германію. Король надѣялся, съ содѣйствіемъ русскаго корпуса стоявшаго въ Ганноверѣ, удержать своихъ прежнихъ союзниковъ — Англичанъ и Шведовъ. Не имѣя свѣдѣнія, что̀ было сдѣлано Гаугвицомъ и даже гдѣ онъ тогда находился, Король послалъ въ главную квартиру наполеонову маіора Пфуля, поручивъ ему ускорить переговоры, подъ руководствомъ Гаугвица, и передать этому дипломату приказаніе — объявить Наполеону, что въ продолженіи переговоровъ о всеобщемъ мирѣ никакія войска, англійскія, русскія, либо шведскія, не войдутъ въ Голландію, но что вступленіе французскихъ войскъ въ Ганноверъ, либо въ сѣверную Германію, будетъ принято за мѣру враждебную Пруссіи. Въ заключеніе своего рескрипта Гаугвицу, Фридрихъ-Вильгельмъ счелъ нужнымъ извѣстить его, что прибывшій тогда въ Берлинъ Великій Князь

Константинъ Павловичъ не имѣлъ никакого офиціальнаго порученія ([11]). 1805.

Отношенія Берлинскаго Двора къ французскому посланнику Лафоресту, (Laforest), послѣ аустерлицскаго сраженія, совершенно измѣнились. Не только Ломбардъ, но и ветеранъ прусской арміи герцогъ брауншвейгскій старались увѣрить его, что „Король никогда не имѣлъ намѣренія вести войну противъ Франціи, и что онъ обѣщалъ поддерживать Австрію только въ такомъ случаѣ, еслибъ французское правительство домогалось отъ ней пожертвованій несовмѣстныхъ съ ея безопасностью. Но Король полагалъ, что Австрія могла уступить свои владѣнія въ Швабіи и утвердить положеніе дѣлъ въ Италіи, и хотя въ Берлинѣ опасались, чтобы Наполеонъ не потребовалъ части Тироля, либо венеціянской области, однакоже, по сознанію герцога, такое притязаніе не побудило-бы Короля помогать Россійскому и Австрійскому Императорамъ“ ([12]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, снѣдаемый безпокойствомъ на счетъ видовъ Наполеона, старался обезпечить себя на случай враждебныхъ дѣйствій его противъ Пруссіи. Съ этою цѣлью, Король не только принялъ предложеніе Императора Александра о содѣйствіи Пруссіи русскаго корпуса, стоявшаго въ Мекленбургѣ, но просилъ великобританское правительство о поддержаніи его англійскими войсками собранными въ Ганноверѣ. По этому поводу, прусскій министръ баронъ Гарденбергъ писалъ лорду Гарроуби (Harrowby): „послѣ несчастнаго сраженія при Аустерлицѣ и отступленія главной россійской арміи, находясь въ совершенной неизвѣстности на счетъ намѣреній Наполеона къ Пруссіи, мы должны быть осторожны въ высшей степени“... ([13]). Великобританское правительство согласилось испол-

1805. нить желаніе Фридриха-Вильгельма; вмѣстѣ съ тѣмъ, положено было, чтобы въ случаѣ вторженія значительныхъ силъ Наполеона въ Ганноверъ, англійскія войска занимавшія сію страну отступили въ прусскія владѣнія ([14]).

Упрекали весьма справедливо Гаугвица въ малодушной сговорчивости, но станемъ-ли удивляться тому? Онъ зналъ нерѣшительность своего Государя и шаткость прусской политики. Наполеонъ принялъ его 16-го (28-го) ноября, когда участь войны еще не была рѣшена, но не позволилъ ему высказаться на счетъ предложеній берлинскаго кабинета. Отложивъ объясненіе съ нимъ до развязки борьбы предстоявшимъ сраженіемъ, Наполеонъ однакоже объявилъ ему, что приметъ посредничество Короля Фридриха-Вильгельма не иначе, какъ на двухъ условіяхъ: во первыхъ, что, въ продолженіи переговоровъ, англійскія, русскія либо шведскія войска не войдутъ въ Голландію, и во вторыхъ, что французскому гарнизону крѣпости Гамельна будетъ предоставленъ для снабженія продовольствіемъ, болѣе обширный раіонъ ([15]). Гаугвицъ, не давъ никакого отвѣта на эти предложенія, отправился, въ ожиданіи послѣдствій сраженія, въ Брюннъ, а потомъ, вслѣдъ за главною квартирою французской арміи, въ Вѣну. Наполеонъ принялъ его вторично 25-го ноября (7-го декабря). Въ то время русская армія находилась близко, войска эрцгерцога Карла стояли въ Венгріи и переговоры о мирѣ еще не были открыты. Австрійскіе министры умоляли Гаугвица требовать настоятельно, чтобы Пруссіи было предоставлено вооруженное посредничество: само собою разумѣется, что цѣлью такихъ домогательствъ было желаніе заключить миръ на лучшихъ по возможности условіяхъ. Какъ тогда еще ничего не было рѣшено

окончательно между Франціею и Австріею, то Наполеонъ скрылъ свое неудовольствіе на прусское правительство и даже явно одобрилъ его дѣйствія. „Полтораста тысячъ лишнихъ непріятелей — писалъ онъ въ бюллетенѣ 7-го декабря — только продлилибы войну; всѣ происки не устояли противъ воли Короля Прусскаго“ (16). Графъ Гаугвицъ, съ своей стороны, выразилъ чувства удивленія къ побѣдителю при Аустерлицѣ. Наполеонъ ограничился колкимъ отвѣтомъ: „ваше привѣтствіе было назначено другимъ; Фортуна перемѣнила его адресъ“ — сказалъ онъ (17). 1805

Нѣсколько дней спустя, 2-го (14-го) декабря, когда французскія войска, на основаніи перемирія, заняли значительную часть австрійскихъ владѣній, Наполеонъ счелъ возможнымъ объясниться откровеннѣе съ прусскимъ правительствомъ. Призвавъ къ себѣ опять графа Гаугвица, Наполеонъ сказалъ нѣсколько ласковыхъ фразъ, лично къ нему относившихся; но вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ горькимъ упрекамъ и порицанію „вѣроломныхъ“ поступковъ берлинскаго кабинета. „Вашъ Государь поступилъбы гораздо честнѣе — сказалъ онъ — еслибы прямо объявилъ мнѣ войну; это было-бы полезнѣе для его новыхъ союзниковъ; быть-можетъ — я не рѣшилсябы дать имъ сраженіе. Но вы хотите дружиться со всѣми: это невозможно; что-нибудь одно: либо они, либо я. Будьте искренни; иначе — оставлю васъ; лучше имѣть враговъ, нежели ложныхъ друзей. Вы допускаете стоять въ Ганноверѣ тридцати-тысячному корпусу, который находится въ связи съ русскою арміею чрезъ ваши владѣнія: это мнѣ явно враждебно. Я иду прямо противъ своихъ непріятелей, гдѣ-бы они не были. Я могъ-бы наказать васъ страшно за такое вѣроломство, занять Силезію,

1805. возстановить Польшу, нанести Пруссіи удары, отъ коихъ она никогда не оправилась-бы. Но я предпочитаю позабыть прошедшее и поступить великодушно. Прощаю вашему мимолетному увлеченію, но только съ тѣмъ, чтобы Пруссія соединилась съ Франціей неразрывными узами, и въ залогъ этого союза приняла отъ меня Ганноверъ".

Смущенный столько-же упреками, сколько неожиданнымъ предложеніемъ Наполеона, Гаугвицъ хотѣлъ уклониться отъ рѣшительнаго отвѣта. Ему предлежало подвергнуть Пруссію послѣдствіямъ войны съ побѣдителемъ сильной коалиціи, либо нарушить только-что заключенный союзъ съ Императоромъ Александромъ, измѣнить обѣщаніямъ даннымъ Россіи, Англіи и Швеціи, и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать охраненію отъ Французовъ сѣверной Германіи, принять участіе въ присоединеніи страны принадлежавшей союзникамъ Пруссіи. Не смѣя принять на себя отвѣтственность въ столь щекотливомъ дѣлѣ, волнуемый сомнѣніями, графъ Гаугвицъ отвѣчалъ, что ему не дано было полномочін на заключеніе такихъ условій. Но Наполеонъ потребовалъ немедленнаго отвѣта, предоставя на выборъ прусскому дипломату—Ганноверъ, либо войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ осыпалъ Гаугвица знаками своего уваженія, увѣряя его, что для искренняго союза Пруссіи и Франціи надлежало-бы ввѣрить ему управленіе прусскою политикою. По выходѣ отъ Наполеона, Гаугвицъ былъ окруженъ французскими маршалами, которые, изъявляя участіе къ нему, искусно проговорились о намѣреніи своего властителя вторгнуться въ прусскія владѣнія. „Уже все готово къ походу въ Силезію," сказали они. А, между тѣмъ, почти всѣ войска Фридриха-Вильгельма были собраны во Франконіи, а въ Силезіи оставались только

гарнизоны тамошнихъ крѣпостей. Въ такихъ обстоятельствахъ, Гаугвицъ, для спасенія прусской монархіи, рѣшился пожертвовать ея честью, забывъ. что потеря чести потрясаетъ въ основаніи сильнѣйшія державы. 15-го декабря н. ст. была заключена имъ съ гофмаршаломъ Дюрокомъ конвенція, главными условіями коей были: во 1-хъ, взаимное ручательство въ цѣлости владѣній, во 2-хъ, уступка Пруссіей Франціи маркграфства аншпахскаго, княжества нефшательскаго и герцогства клевскаго, и въ 3-хъ вознагражденіе Пруссіи курфиршествомъ ганноверскимъ, которое долженствовало быть немедленно занято прусскими войсками (18). 1805.

По этой конвенціи, умышленно облеченной названіемъ оборонительнаго и наступательнаго союзнаго трактата, и въ дѣйствительности имъ бывшей (19), Пруссія теряла 400 тысячъ подданныхъ и пріобрѣла милліонъ ихъ. Но уступаемыя ею области составляли законное, признанное всѣми европейскими державами владѣніе, а полученное въ замѣнъ ихъ курфиршество принадлежало Наполеону по праву сильнаго, и принятіе его ставило Пруссію въ такое-же враждебное положеніе къ Англіи, въ какомъ находилась Франція. Самъ Гаугвицъ вполнѣ сознавалъ опасность навязаннаго Пруссіи обладанія Ганноверомъ: Timeo Danaos et dona ferentes *). Не отваживаясь донести Королю письменно о заключеніи злополучной конвенціи 3 (15) декабря, онъ два дня спустя отправился въ Берлинъ и прибылъ туда 13 (25), вмѣстѣ со встрѣченнымъ имъ на пути маіоромъ Пфулемъ (20). Фридрихъ-Вильгельмъ выразилъ ему свое неудовольствіе. Да и не могло быть иначе: Король зналъ, что самыя близкія къ нему лица не-

*) Страшусь Грековъ и въ дарахъ ихъ.

Виргилій.

1805. навидѣли Наполеона и были расположены въ пользу непріятелей Франціи. Общественное мнѣніе, враждебное Наполеону, не могло быть обмануто коварною уступкою Ганновера; въ довершеніе затрудненій нерѣшительнаго берлинскаго кабинета, только лишь за три дня предъ тѣмъ, 10 (22) декабря, Король самъ предложилъ великобританскому правительству утвердить существовавшій съ нимъ союзъ новыми обязательствами.

Послѣ долгаго колебанія, Фридрихъ-Вильгельмъ успокоилъ свою совѣсть нотою великобританскому правительству, въ коей положительно объявилъ, что занятіе Ганновера прусскими войсками нисколько не имѣетъ цѣлью овладѣніе сею страною безъ согласія на то Англіи (21). Въ такомъ-же смыслѣ было сообщено о предстоявшемъ вступленіи въ курфиршество прусскихъ войскъ графу Мюнстеру (22). Въ дѣйствительности, графъ Шуленбургъ (Schulenburg-Kehnert), въ началѣ (въ половинѣ) февраля, занялъ войсками своего корпуса Ганноверъ, объявивъ, что сія страна будетъ оставаться въ залогѣ до заключенія мира. А, между тѣмъ, Гаугвицъ отправился въ Парижъ съ новыми предложеніями прусскаго правительства (23).

Наполеонъ, пользуясь уступчивостью берлинскаго кабинета, въ коей слѣдуетъ винить столько-же самаго Короля, сколько министровъ его, Ломбарда, Гаугвица и Лукезини, успѣлъ заключить весьма выгодный для себя миръ съ Австріею. На основаніи Пресбургскаго трактата, подписаннаго 14 (26) декабря, постановлены слѣдующія условія:

Австрія уступила венеціянскую область и прочія владѣнія въ Италіи до рѣки Изонцо (ст. 4-я).

Она-же признала Наполеона Королемъ Италіи (ст. 5-я).

Курфирсты баварскій и виртембергскій также 1805.
были признаны въ королевскомъ санѣ (ст. 7-я).

Въ Германіи (по 8-й статьѣ) уступлены Австріей:

Въ пользу Баваріи: Тироль и Фарарльбергъ, съ нѣкоторыми другими владѣніями, всего 500 квадр. м. съ 620,000 жителей.

Въ пользу Виртемберга: такъ называемые *дунайскіе* города, часть Брисгау, и проч. всего $48^1/_2$ квадр. м. съ 158,000 жителей.

Въ пользу Бадена: остальная часть Брисгау, Ортенау, Констанцъ, всего 47 квадр. м. съ 152,000 жителей.

Въ замѣну этихъ уступокъ, Австрія получила только Зальцбургъ и Берхтольсгаденъ, отданные въ 1803 году великому герцогу тосканскому, который былъ вознагражденъ Вюрцбургомъ, уступленнымъ Баваріей, и сохранилъ курфиршескій титулъ (ст. 10-я и 11-я).

Вообще-же Австрія потеряла въ Италіи и Германіи $1,318^1/_4$ квадр. м. съ 2,997,000 жителей, а получила всего на все 204 квадр. м. съ 212,000 жителей, слѣдовательно потери ея простирались до $1,114^1/_4$ квадр. м. съ 2,785,000 жителей ([24]).

Короли Баварскій, Виртембергскій и Курфирстъ Баденскій были облечены вполнѣ правами непосредственнаго владѣнія принадлежащими имъ странами и вмѣстѣ съ тѣмъ приняли на себя обязанность содѣйствовать Франціи во всѣхъ войнахъ; съ своей стороны, Наполеонъ обязался поддерживать оружіемъ неприкосновенность владѣній сихъ государей (ст. 14-я).

Такимъ образомъ они вышли изъ зависимости, которой подвергала ихъ конституція, гарантированная австрійскимъ и прусскимъ правительствами, и многіе изъ мѣлкихъ германскихъ князей сдѣлались

1805. ихъ подданными (médiatisés). Но за то они сами подпали подъ желѣзное иго Наполеона и по неволѣ сдѣлались участниками всѣхъ послѣдующихъ предпріятій его.

Не смотря на выгоды доставленныя Франціи пресбургскимъ трактатомъ, многіе полагали, что Наполеону слѣдовало сдѣлать что-либо одно изъ двухъ: совершенно ослабить Австрію, либо вознаградить ее за владѣнія у ней отнятыя въ Германіи и Италіи. Послѣ ульмской капитуляціи, Талейранъ представилъ Наполеону планъ размежеванія Европы, на основаніи котораго Австрія, потерявъ венеціянскую область, Тироль и всѣ свои швабскія владѣнія, получила-бы въ замѣну ихъ страны по нижнему Дунаю: Сербію, Молдавію съ Бессарабіей и сѣверную часть Булгаріи, что̀ отдаливъ ее отъ Франціи и поставя въ соприкосновеніе съ Россіей, сдѣлало-бы Австрійцевъ союзниками Французовъ и естественными непріятелями Русскихъ. Турція была-бы ограждена со стороны Россіи. которая, будучи принуждена обратить свои усилія въ среднюю Азію, пришла-бы въ столкновеніе съ Англіей: такимъ образомъ разрушилась-бы коалиція враждебная Франціи. Послѣ сраженія при Аустерлицѣ. Талейранъ снова убѣждалъ Наполеона осуществить задуманное имъ предначертаніе ([25]). Но исполненіе такого плана было подвержено большому сомнѣнію; ближайшимъ послѣдствіемъ покушенія Австріи присвоить дунайскія области, (еслибы она согласилась измѣнить свою политику), могла быть новая коалиція между Россіею, Пруссіею и Турціей, поддержанная англійскими субсидіями.

Въ самый день заключенія Пресбургскаго трактата, 14 (26) декабря, Талейранъ и князь Лихтенштейнъ подписали отдѣльную секретную статью, на основаніи коей Императоръ Францъ обязался упла-

тить сорокъ милліоновъ франковъ, въ замѣну всѣхъ контрибуцій наложенныхъ на австрійскія владѣнія, но еще не взысканныхъ французскимъ правительствомъ. Кромѣ того, уже было получено Французами съ занятыхъ ими областей около тридцати двухъ милліоновъ франковъ. Присоединивъ къ тому суммы вырученныя продажею магазиновъ, оказывается, что Наполеонъ въ 1805-мъ году собралъ съ Австріи до 85-ти милліоновъ франковъ ([26]). 1805.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій разгрома при Аустерлицѣ и Пресбургскаго трактата было низверженіе съ престола неаполитанской династіи. Вторженіе Французовъ въ южную Италію и занятіе Неаполя войсками Сенъ-Сира, въ іюнѣ 1803 года, заставили Короля Фердинанда IV-го обратиться къ помощи непріятелей Франціи, и хотя Наполеонъ, на основаніи конвенціи 9 (21) сентября 1805 года, приказалъ Сенъ-Сиру очистить Неаполь, однакоже причиною тому было не желаніе возстановить дружескія сношенія съ Королемъ Фердинандомъ, а необходимость сосредоточить силы противъ эрцгерцога Карла въ сѣверной Италіи. Король, справедливо недовѣрявшій Наполеону, хотя и обѣщалъ оставаться неутральнымъ, однакоже неотложился отъ коалиціи. Едва лишь Сенъ-Сиръ выступилъ изъ неаполитанскихъ владѣній, какъ начались тамъ вооруженія долженствовавшія образовать армію въ 60,000 человѣкъ. Для содѣйствія неаполитанцамъ, съ общаго согласія Союзниковъ, положено было послать 20 тысячъ человѣкъ англо-россійскихъ войскъ, находившихся на островѣ Мальтѣ и въ Корфу. Главнымъ начальникомъ всѣхъ Союзныхъ силъ въ южной Италіи былъ назначенъ русскій генералъ Ласси, ко-

1805. торый отправился въ Неаполь, какъ частный человѣкъ, и прибылъ туда 10 (22) апрѣля, когда тамъ еще находились войска Сенъ-Сира. Будучи въ тайнѣ принятъ Королемъ и отважною его супругою, Ласси вскорѣ убѣдился въ трудности даннаго ему порученія. По свѣдѣніямъ имъ полученнымъ отъ Королевы, число неаполитанскихъ войскъ не превышало 8,000 человѣкъ пѣхоты, 1,700 кавалеріи и 500 артиллеристовъ. Жители неоказывали никакой готовности къ возстанію противъ Французовъ. Пѣхота состояла изъ молодцоватыхъ, но плохо обученныхъ людей; офицеры не отличались ни образованіемъ, ни военною опытностью. Арсеналъ и литейный дворъ находились въ хорошемъ состояніи; орудія и лафеты были превосходны, но недоставало прислуги, а конная артиллерія вовсе несуществовала. Начальники войскъ сами подавали примѣръ неповиновенія. Генеральнаго штаба не было; инженерные офицеры, довольно порядочные строители, не имѣли понятія о военныхъ дѣйствіяхъ. Генералъ Ласси не могъ достать ни топографическихъ картъ, ни описаній страны; министръ финансовъ Г. де Медичи (de Medicis) сказалъ ему, что во время послѣднихъ возмущеній были сожжены военные архивы. За недостаткомъ регулярныхъ войскъ слѣдовало-бы образовать народныя ополченія, но хотя жители Калабріи и Абруццы храбры и искусны въ стрѣльбѣ, однакоже воспоминаніе о грабежахъ о опустошеніяхъ ихъ заставило дворянство, и вообще зажиточныхъ людей, принимать всевозможныя мѣры для противодѣйствія народнымъ вооруженіямъ. Ко всему этому нужно присовокупить, что за отсутствіемъ генерала Дамаса (Damas), вполнѣ преданнаго неаполитанской династіи, Король и Королева не могли положиться ни на кого изъ военныхъ начальниковъ и не довѣряли даже своему военному

министру. Генералъ Ласси, ознакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, полагалъ, что дѣйствія въ неаполитанскихъ владѣніяхъ могли быть успѣшны только въ такомъ случаѣ, еслибъ число русскихъ войскъ тамъ простиралось до 25,000 человѣкъ. По его мнѣнію, открывъ дѣйствія со стороны Неаполя, одновременно съ наступленіемъ Австрійцевъ въ сѣверной Италіи, можно было сдѣлать весьма полезную диверсію, и — напротивъ того — начавъ дѣйствія ранѣе и небудучи въ состояніи отстоять нашихъ союзниковъ, мы подвергли-бы опустошенію лучшія области Италіи. 1805.

Что касается до продовольствія русскихъ войскъ, то неаполитанское правительство обязалось заготовить магазины, а равно увеличить имѣвшіеся въ крѣпостяхъ Королевства запасы пороха и снарядовъ. Но какъ необходимо было скрывать отъ Французовъ эти приготовленія, то генералъ Ласси считалъ необходимымъ, чтобы наши войска, долженствовавшія прибыть въ Неаполь, имѣли съ собою нѣкоторое количество провіанта ([27]).

Наконецъ, когда Австрія, побуждаемая настояніями Англіи, открыла военныя дѣйствія вторженіемъ въ Баварію, войска, назначенныя для содѣйствія Неаполитанцамъ, получили приказаніе отплыть въ южную Италію ([28]). Но Союзныя эскадры были задержаны на пути отчасти штилемъ, отчасти противными вѣтрами, и бросили якорь въ неаполитанской бухтѣ уже въ ночи съ 6-го на 7-е (съ 18-го на 19-е) ноября. Въ слѣдующіе дни была произведена высадка — Русскими — у самаго города, Англичанами — у Кастелламаре: число этихъ войскъ вообще простиралось до 20,000 человѣкъ. Вскорѣ за тѣмъ, генералъ Ласси, получивъ отъ эрцгерцога Карла приглашеніе — высадиться у Тріеста, либо Фіуме, и присоединиться

1805. къ его арміи, отвѣчалъ, что король Фердинандъ, призвавъ себѣ въ помощь Союзниковъ, сталъ во враждебное положеніе къ Франціи, и по тому нельзя было предоставить оборону Неаполя однимъ лишь туземнымъ войскамъ (29). Генералъ Ласси предполагалъ, сосредоточивъ силы Союзной арміи въ числѣ до 60,000 человѣкъ, пройти чрезъ среднюю Италію, переправиться на лѣвую сторону рѣки По и двинуться въ тылъ арміи Массены. Но прежде нежели могъ быть исполненъ этотъ планъ дѣйствій, Массена, оставя подъ стѣнами Венеціи небольшой отрядъ, направилъ на Болонію Сенъ-Сира, съ 25,000 человѣкъ италіянской національной стражи, поддержанными анконскимъ гарнизономъ и войсками собранными генераломъ Вердье, въ Ливурнѣ, всего-же въ числѣ до 45-ти тысячъ человѣкъ. Узнавъ о наступленіи непріятеля, Союзники собрали 3-го генваря н. ст. 1806 года военный совѣтъ. По большинству голосовъ, было рѣшено отступить въ Калабрію и съ помощью тамошнихъ жителей держаться въ этой горной странѣ до послѣдней крайности. Но генералъ Ласси, получивъ повелѣніе Государя—отплыть обратно въ Корфу, не могъ остаться въ южной Италіи, а великобританскій генералъ Крейгъ (Crayg) съ своими войсками удалился въ Сицилію (30).

Наполеонъ не замедлилъ отмстить неаполитанскому правительству. 16 (28) декабря, на третій день послѣ подписанія Пресбургскаго трактата, онъ объявилъ въ бюллетенѣ, что „генералъ Сенъ-Сиръ быстро идетъ къ Неаполю, для наказанія Королевы за ея вѣроломство и для низверженія съ престола сей преступной женщины, съ такимъ безстыдствомъ поправшей все священное“ (Le général St.-Cyr marche à grandes journées sur Naples, pour punir la trahison de la Reine et précipiter du trône cette femme crimi-

nelle, qui avec tant d'impudeur a violé tout ce qui 1806
est sacré parmi les hommes). Мѣсяцъ спустя, Наполеонъ возвѣстилъ, что „неаполитанская династія престала царствовать“ (la dynastie de Naples a cessé de regner) ([31]). Поступая самовластно съ государями, онъ не щадилъ ихъ подданныхъ: 15 (27) февраля 1806 года, онъ писалъ своему брату Іосифу, назначенному главнокомандующимъ войскъ посланныхъ въ южную Италію *): „обезоружьте жителей Неаполя и наложите на нихъ 10 милліоновъ контрибуціи“. 8-го марта н. ст. онъ поставлялъ на видъ своему брату, что „народная преданность не пріобрѣтается ласкательствомъ“. 12-го, повелѣно было наложить на неаполитанское королевство контрибуцію въ 30 милліоновъ. 23-го, Наполеонъ писалъ къ брату: „въ завоеванной странѣ доброта несовмѣстна съ человѣколюбіемъ (dans un pays conquis, la bonté n'est pas de l'humanité) ([32]). Всѣ эти назиданія предшествовали императорскому декрету 18 (30) марта, коимъ Іосифъ Бонапарте былъ возведенъ въ санъ Короля Обѣихъ Сицилій. Война въ Калабріи однакоже продолжалась до ноября 1806 года ([33]).

Неудачи понесенныя Союзниками и распаденіе коалиціи, бывшее ихъ послѣдствіемъ, ускорили кончину одного изъ главныхъ дѣятелей сей эпохи — Питта. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ, Питтъ, достойный сынъ графа Четема, велъ свою страну по пути преуспѣянія и славы, единственно силою своего генія. Ему было только 47 лѣтъ, когда труды, огорченія и незаслуженные упреки въ неудачахъ Австрійцевъ преждевременно свели его въ могилу.

По смерти Питта, возникла въ Англіи идея со-

*) Іосифъ былъ главнокомандующимъ только номинально; въ дѣйствительности-же командовалъ арміей Массена.

1806. ставить министерство изъ лучшихъ людей страны обѣихъ партій (Whig и Tories). Король совѣтовался на счетъ состава новаго министерства съ лордомъ Гренвиллемъ, главою той части оппозиціи, которая пользовалась въ высшей степени довѣренностью отличнѣйшихъ гражданъ. Гренвилль пригласилъ въ сотрудники къ себѣ знаменитаго Фокса, соперника питтова, стоявшаго въ челѣ другой части оппозиціи и любимаго народомъ. Принявъ должность министра иностранныхъ дѣлъ и уступивъ Гренвиллю мѣсто главнаго министра, Фоксъ, по увѣренію его друзей, поступилъ такъ изъ желанія достигнуть своей постоянной цѣли—общаго мира въ Европѣ. Гренвилль и Фоксъ, при образованіи министерства изъ Виговъ, приняли въ товарищи къ себѣ нѣкоторыхъ Тòри, и въ числѣ ихъ лорда Сидмута (Sidmouth), извѣстнаго благородствомъ характера и уже бывшаго прежде министромъ. Такимъ образомъ въ Англіи составилось новое управленіе, получившее названіе „министерства талантовъ". Участіе въ немъ Фокса подавало надежду, (и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не безъ основанія), на возобновленіе переговоровъ о мирѣ съ французскимъ правительствомъ ([34]).

Императоръ Александръ, не смотря ни на потерю генеральнаго сраженія, въ которомъ принималъ личное участіе, ни на отложеніе своихъ союзниковъ, постоянно оставался при прежнемъ намѣреніи – положить конецъ преобладанію Наполеона въ Европѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что пораженіе, понесенное русскими войсками, произвело на Александра сильное вліяніе, и тѣмъ болѣе, что самъ онъ и всѣ окружавшіе его были увѣрены въ успѣхѣ. Какъ обыкновенно бываетъ послѣ неудачи, многіе

старались объяснить ее частными промахами. Русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго, обвиняли въ томъ, что онъ не извѣстилъ нашъ Дворъ объ ошибочныхъ мѣрахъ принятыхъ австрійскимъ правительствомъ и не протестовалъ гласно противъ преждевременнаго перехода Австрійцевъ чрезъ Иннъ. Дѣйствительно — Разумовскій, пріобрѣвшій обширныя маетности въ окрестностяхъ Вѣны и соорудившій на собственныя деньги мостъ на Дунаѣ, былъ плохимъ стражемъ дѣйствій изворотливаго австрійскаго кабинета (35). Генералъ Кутузовъ получилъ повелѣніе — доставить полныя свѣдѣнія о сраженіи подъ Аустерлицемъ и прислать въ непродолжительномъ времени Государю двѣ реляціи: „одну, въ коей, по чистой совѣсти и совершенной справедливости, были-бы изложены дѣйствія и поведеніе, какъ лично генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и вообще полковъ, которые въ сей день отличили себя, въ честь или поношеніе ихъ; а другую, для публикованія, въ коей, между прочимъ, должны быть помѣщены и тѣ обстоятельства, кои были намъ препоною къ удачѣ“ (36). Нѣкоторые изъ начальниковъ войскъ были отданы подъ военный судъ и подверглись различнымъ взысканіямъ. Генералу Ланжерону велѣно подать въ отставку. Императоръ Александръ, недовольный его дѣйствіями, но всегда милостивый и снисходительный, приказалъ написать къ нему слѣдующій отзывъ: „послѣдствія сраженія 20-го ноября были особенно гибельны для колонны состоявшей подъ вашимъ начальствомъ. Государь недоволенъ вашими распоряженіями, но щадя вашу чувствительность, дозволяетъ вамъ просить объ увольненіи отъ службы“ (37). Генералъ Прибышевскій, обвиненный въ сдачѣ въ плѣнъ, при самомъ началѣ сраженія, былъ отданъ подъ судъ по возвращеніи

1806. въ Россію. Генералъ-аудиторіатъ оправдалъ его, но государственный совѣтъ, въ который перенесено было это дѣло, призналъ Прибышевскаго виновнымъ ([38]) и приговорилъ: „отставить его отъ службы, разжаловавъ на мѣсяцъ въ рядовые“. Императоръ Александръ утвердилъ приговоръ ([39]). Шефъ Галицкаго полка, генералъ-маіоръ Лошаковъ также былъ преданъ суду и разжалованъ въ солдаты „за то, что безъ спроса и позволенія уѣхалъ послѣ сраженія въ вагенбургъ и потомъ въ Лембергъ“ ([40]). Штабъ и оберъ-офицерамъ двухъ баталіоновъ Новгородскаго полка, обратившихся въ бѣгство, приказано носить шпаги безъ темляковъ; у нижнихъ чиновъ отняты тесаки и увеличенъ срокъ ихъ службы пятью годами. Государь повелѣлъ объявить имена офицеровъ и солдатъ найденныхъ въ вагенбургѣ; офицеровъ не производить въ слѣдующіе чины и неувольнять въ отставку до отличной заслуги ихъ проступка, а нижнимъ чинамъ, самовольно отлучившимся отъ полковъ, прибавить къ сроку службы по пяти лѣтъ и лишить ихъ права на полученіе знака отличія Св. Анны ([41]).

Императоръ Александръ, возвратясь въ Петербургъ, былъ встрѣченъ съ такимъ-же сочувствіемъ, какое сопровождало его отъѣздъ въ армію. Молодые сотрудники Государя нашли въ столицѣ совершенно неожиданный ими, весьма благопріятный пріемъ. Ихъ величали, какъ героевъ совершившихъ чудеса храбрости и самоотверженія. Но вскорѣ народное самолюбіе, оскорбленное хвастливымъ торжествомъ Наполеона, заглушило безотчетный взрывъ восторга, и только лишь въ высшемъ кругу общества сдерживали негодованіе, понимая, что униженіе распоря-

дителей дѣйствій, было униженіемъ Россіи. Напротивъ того, большинство публики не щадило юныхъ совѣтниковъ Императора, приписывая ихъ неразумію понесенную неудачу. Князь Чарторыскій подвергся наиболѣе тяжкимъ обвиненіямъ: его считали измѣнникомъ, злорадствовавшимъ всему русскому (42). Самъ Государь охладѣлъ къ нему, что̀ заставило его просить увольненія отъ исправляемой имъ должности министра иностранныхъ дѣлъ (43). Вслѣдъ за тѣмъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на эту просьбу, съ оставленіемъ его попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ общія проявленія народныхъ чувствъ живѣе и глубже нежели въ Петербургѣ, рѣзко осуждали наши военныя дѣйствія и выказывали ненависть и презрѣніе къ побѣдителю, называя его *Наполеошкою*, *Корсиканцемъ*, и т. под. Князь Багратіонъ, пріѣхавшій въ Москву со многими изъ молодыхъ офицеровъ, отличавшихся подъ его начальствомъ, обращалъ на себя общее вниманіе. Въ честь ему и его сподвижникамъ было дано множество праздниковъ, съ похвальными куплетами и хорами. Вигель, между прочимъ, разсказываетъ, что на одномъ изъ баловъ въ благородномъ собраніи, самомъ блистательномъ и многолюдномъ, явилась старшая дочь князя Василія Алексѣевича Хованскаго, съ каской на головѣ, вмѣсто обыкновенныхъ лентъ украшенная георгіевскими, въ курткѣ свѣтлозеленаго и оранжеваго цвѣтовъ, гвардейскаго егерскаго полка, коего Багратіонъ былъ шефомъ, и прекраснымъ голосомъ пропѣла стихи во славу русскаго героя. Никто не унывалъ; всѣ приписывали успѣхъ непріятеля болѣе счастію, нежели искусству и храбрости; желаніе новой войны съ Французами было общее (44).

1806. Въ концѣ генваря 1806 года, Императоръ Александръ, уже имѣя свѣдѣнія о переговорахъ веденныхъ прусскимъ правительствомъ съ Наполеономъ, предоставилъ государственному совѣту „обсудить положеніе дѣлъ въ Европѣ“.

По мнѣнію графа Александра Сергіев. *Строганова*, Наполеонъ *) могъ нарушить безопасность Россіи покушеніями на Польшу и на турецкія владѣнія. Для предупрежденія первой изъ сихъ попытокъ, онъ предложилъ отправить въ Польшу расторопныхъ людей, которые наблюдали-бы за всѣмъ тамъ происходящимъ, и задержать, подъ какимъ-либо предлогомъ, наши войска въ Галиціи до возвращенія наполеоновой арміи изъ Германіи во Францію. Что-же касается до предпріятій Наполеона въ Турціи, то о семъ можно основательно заключить не прежде, какъ въ то̀ время, когда узнаемъ въ точности отношенія Австріи и Пруссіи къ Франціи, и въ какомъ расположеніи Наполеонъ дѣйствительно находится къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ полагалъ нужнымъ послать, тоже подъ какимъ нибудь предлогомъ, къ Наполеону чиновника, который старался-бы проникнуть его намѣренія и приготовилъ-бы средства къ открытію формальныхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ.

Графъ *Завадовскій* считалъ Россію внѣ опасности со стороны умысловъ Наполеона къ возмущенію Польши: „тамъ въ вольности и въ народоправленіи главная масса жителей никогда не участвовала, и не имѣетъ о томъ понятія“. Напротивъ того, онъ полагалъ возможнымъ и удобнымъ для Наполеона дѣйствовать на Турцію. По мнѣнію графа, надлежало:

*) Должно замѣтить, что какъ Наполеонъ тогда еще не былъ признанъ русскимъ правительствомъ въ санѣ императора, то его у насъ называли *Бонапартіемъ*.

войти въ сношеніе по сему предмету, съ англійскимъ 1806.
министерствомъ; предупредить Оттоманскую Порту на счетъ угрожающей ей гибели; послать эмиссаровъ въ греческія и славянскія области Турціи, для противодѣйствія пагубнымъ внушеніямъ Французовъ, и — наконецъ — съ наступленіемъ лѣта размѣстить сильную армію на молдавской границѣ и пріуготовить къ дѣйствію флотъ въ черноморскихъ гаваняхъ; а, между тѣмъ, открыть непосредственно, подъ благовиднымъ предлогомъ, переговоры съ Наполеономъ.

Князь Александръ Борис. *Куракинъ* изъявилъ мнѣніе, что Наполеонъ имѣлъ виды на возстаніе Польши и на возбужденіе противъ Россіи Турокъ, либо на уступку части ихъ владѣній Австрійской Имперіи въ вознагражденіе потерь ея. По словамъ его, для противодѣйствія Наполеону, надлежало скрѣпить нашъ союзъ съ Пруссіею; со стороны-же Англіи, нельзя было ожидать никакой пользы, кромѣ усиленія нашихъ дѣйствій на морѣ и развитія нашей торговли. Вообще-же Россія не могла положиться ни на одну изъ европейскихъ державъ, и потому намъ слѣдовало стараться о возстановленіи мира съ Франціей, отправя къ Наполеону въ тайнѣ кого-либо, для предварительнаго сообщенія о желаніи нашемъ сблизиться съ французскимъ правительствомъ, а, между тѣмъ, имѣть армію и флотъ въ готовности къ дѣйствіямъ.

Графъ Никол. Петров. *Румянцевъ* считалъ несвоевременнымъ отправленіе чиновника къ Наполеону, для переговоровъ о мирѣ, и предложилъ оставаться въ выжидательномъ положеніи. По его мнѣнію, надлежало объявить вѣнскому двору, что Россія, вооружась на защиту другихъ державъ, считаетъ себя въ мирѣ со времени примиренія ихъ съ

1806. Франціей, но не можетъ принять участія въ трактатѣ, потому что въ немъ ничего неупомянуто о Россіи, и что мы не находимъ надобности входить въ разсужденіе о новыхъ достоинствахъ принятыхъ курфирстами баварскимъ и виртембергскимъ. Полагая невѣроятнымъ, чтобы Наполеонъ помышлялъ о возстановленіи Польши, но принимая во вниманіе, что въ пресбургскомъ трактатѣ весьма сбережены выгоды Австрійскаго Дома, (?) графъ Румянцевъ изъявилъ подозрѣніе — не существуетъ-ли между Австріею и Франціей какого-либо особеннаго договора, коимъ первая изъ сихъ державъ обязалась содѣйствовать Наполеону, и не обѣщаны-ли ей за то Молдавія и Валахія, и потому слѣдовало расположить наши войска на Днѣстрѣ такимъ образомъ, чтобы они могли перейти за границу коль скоро Австрійцы вторгнутся въ турецкія владѣнія.

Графъ Серг. Петр. *Румянцевъ* также совѣтовалъ оставаться въ настоящемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что оно для Россіи не представляло никакой опасности. По его мнѣнію, равновѣсіе Европы для Россіи было „слабымъ пугалищемъ“, и все искусство нашего кабинета долженствовало состоять въ томъ, чтобы предоставить прочимъ державамъ изнурять силы возстановленіемъ общаго политическаго равновѣсія. Сверхъ того, онъ изъявилъ убѣжденіе въ пользѣ посредничества Испаніи, при сближеніи Россіи съ Франціей.

Вице-адмиралъ *Чичаговъ* признавалъ полезнымъ сблизиться съ Франціей и войти въ подробное разсмотрѣніе положенія Имперіи, чтобы не только оградить ее отъ всякаго враждебнаго покушенія, но и увеличить ея силы.

Графъ Ник. Иван. *Салтыковъ* соглашался съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ членовъ совѣта, о необходимости

сдѣлать попытку къ сближенію съ Франціей, чрезъ 1806
французскаго торговаго агента Лессепса; посылку-же къ Наполеону чиновника считалъ излишнею и могущею увеличить его надменность. По словамъ графа, надлежало принять мѣры къ охраненію государства отъ враждебныхъ покушеній Франціи. Въ заключеніе, онъ присовокупилъ, что хотя и нельзя было полагаться на Прусскаго Короля, однако-же личная дружба его съ нашимъ Государемъ подавала намъ надежду удержать по крайней мѣрѣ берлинскій дворъ отъ тѣснѣйшей связи съ Наполеономъ.

Генералъ *Вязмитиновъ* выразилъ мнѣніе, что мы не можемъ полагаться ни на какую державу и что намъ надлежитъ находиться въ постоянной готовности къ отраженію непріятеля. Онъ полагалъ, что мы должны, не выжидая вторженія въ наши предѣлы, предупредить его наступательными дѣйствіями и встрѣтить враговъ въ чужой землѣ. Полагая полезнымъ не прерывать дружескихъ связей ни съ одною изъ союзныхъ намъ державъ, онъ не отрицалъ пользы возстановленія мира съ Франціей, однакоже считалъ неприличнымъ открыть съ нашей стороны какіе-либо переговоры.

По мнѣнію графа *Кочубея*, нашъ кабинетъ долженъ былъ руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Поставить армію въ полную готовность къ дѣйствіямъ.

2) Показать нашимъ союзникамъ, и въ особенности Англичанамъ, что мы не отдѣляемъ ихъ выгодъ отъ своихъ собственныхъ.

3) Вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть прямо, подъ какимъ-либо предлогомъ, переговоры съ Наполеономъ, потому что посредничество Пруссіи, по всей вѣроятности, не можетъ быть благонадежно.

1806. 4) Сообщить прусскому правительству о нашемъ намѣреніи — вступить въ негоціацію съ Французами, и ежели окажется невозможнымъ побудить его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то предложить ему войти въ соглашеніе съ нами на счетъ мѣръ, которыя должны быть приняты въ случаѣ опасности, а равно условиться о всемъ относящемся къ бывшимъ польскимъ провинціямъ.

5) Изъявить Австріи доброжелательство, войдя въ сношеніе о томъ — согласна-ли она будетъ на пребываніе русскихъ войскъ въ ея владѣніяхъ, въ продолженіи нашихъ переговоровъ съ Наполеономъ.

6) Графъ Кочубей считалъ труднымъ положительно опредѣлить условія переговоровъ съ Наполеономъ, пока еще были неизвѣстны предложенія сдѣланныя Гаугвицу и пока мы еще не знали — согласиться-ли на нихъ Пруссія, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствуя за одно съ прусскимъ правительствомъ, мы могли заставить Наполеона обнаружить его намѣренія.

7) По мнѣнію графа Кочубея, надлежало намъ сохранять связи съ Англіей и непринимать никакого участія во враждебныхъ противъ нея дѣйствіяхъ Наполеона. Въ особенности-же Англія могла быть полезна Россіи въ случаѣ покушеній его на Турцію и препятствовать водворенію Французовъ въ Египтѣ. Графъ Кочубей предлагалъ заблаговременно поставить на видъ Туркамъ, какъ угрожающую имъ опасность, такъ и желаніе Россіи вмѣстѣ съ Англіей отвратить отъ нихъ бѣдствія, а, между тѣмъ, слѣдовало разузнать намѣренія турецкаго министерства и войдя въ соглашеніе съ Англіей, принять наиболѣе сообразную обстоятельствамъ систему дѣйствій. По его мнѣнію, было полезно перевести наши морскія силы изъ Средиземнаго въ Черное море и тамъ оставить ихъ.

8) Надлежитъ употребить всевозможныя средства къ открытію намѣреній Наполеона въ отношеніи къ Польшѣ и усугубить наблюденіе за всѣмъ происходящимъ въ областяхъ присоединенныхъ отъ Польши. 1806.

Ко всему этому слѣдовало присоединить демонстраціи большихъ военныхъ приготовленій и рѣшимости нашей продолжать войну.

Наконецъ — *Трощинскій*, упомянувъ о маломъ упражненіи своемъ политическими дѣлами, ограничился замѣчаніемъ, что для Россіи нуженъ миръ, и что содержаніе арміи на военномъ положеніи можетъ имѣть выгодное вліяніе на условія мира.

Министръ финансовъ и министръ юстиціи согласились во всемъ съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, а товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, князь Чарторыскій, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ ([45]).

Изъ всѣхъ этихъ мнѣній, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ составленъ слѣдующій выводъ.

„1) Что Россія ни въ какомъ случаѣ не должна опасаться послѣдствій отъ возмущенія Польши, и въ особенности по выступленіи французскихъ войскъ изъ австрійскихъ владѣній.

„2) Что Франція, пріобрѣвъ Далмацію, вмѣстѣ съ тѣмъ получила средства измѣнить отношенія существующія между Россіею и Турціей и привесть въ исполненіе свои виды на сію послѣднюю державу.

„3) Что, для противодѣйствія тому, надлежитъ быть въ союзѣ съ Англіей, сохранить довѣренность Дивана и войти въ сношенія съ славянскими народами и Греками подвластными Турціи.

„4) Что должно озаботиться о недопущеніи Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей и въ случаѣ надобности предложить помощь прусскому правительству.

1806. „5) Что нужно принять мѣры къ открытію намѣреній Наполеона въ отношеніи къ Россіи, посредствомъ Лессепса *), либо отправя довѣренное лицо, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, во Францію.

„6) Но чтобы, на всякій случай, быть въ готовности отразить непріязненныя покушенія, надлежитъ держать на военномъ положеніи сухопутныя и морскія силы, расположивъ ихъ такъ, чтобы мы немедленно могли ими дѣйствовать, гдѣ потребуется, и въ особенности въ Молдавіи и Валахіи, если Австрійцы покусились-бы занять сіи княжества, или еслибы Французы открыли дѣйствія противъ Оттоманской Порты“ ([46]).

По заключеніи Пресбургскаго договора, Россія и Франція, взаимно разобщенныя владѣніями двухъ первостепенныхъ державъ и Германскаго Союза, лишились возможности придти въ столкновеніе между собою. Но вскорѣ Наполеонъ, оскорбленіями нанесенными Пруссіи, подалъ поводъ къ новой войнѣ, которой все бремя пало на наше отечество.

Конвенція, заключенная Гаугвицомъ, или — лучше сказать — навязанная ему Наполеономъ въ Шёнбрюннѣ, возбудила справедливыя порицанія опытнѣйшихъ прусскихъ сановниковъ. По ихъ мнѣнію, Пруссія, состоявшая съ 1800 года въ оборонительномъ союзѣ съ Россіей, не могла заключать оборонительнаго и наступательнаго союза съ другою державою. Гарденбергъ возсталъ противъ вознагражденія Пруссіи за потерю безспорно принадлежавшихъ

*) Французскаго генеральнаго коммисара по торговымъ дѣламъ въ Петербургѣ.

ей областей Ганноверомъ, составлявшимъ собственность Англіи. Фридрихъ-Вильгельмъ, присоединивъ замѣчанія своего министра, въ видѣ объяснительной записки, къ акту собственной ратификаціи шёнбрюнскаго трактата, послалъ съ этими документами, (какъ уже сказано), Гаугвица въ Парижъ, поручивъ ему склонить Наполеона къ согласію на предложенныя Королемъ измѣненія. Въ довершеніе ошибочныхъ мѣръ прусскаго правительства, Король, желая высказать свое расположеніе къ миру, либо изъ неумѣстныхъ экономическихъ разсчетовъ, расположилъ свою армію на кантониръ-квартирахъ и предложилъ Россіи и Англіи вывести ихъ войска изъ Лауэнбурга и Ганновера. 1806.

Наполеонъ, слѣдя орлинымъ взоромъ за всѣми поступками берлинскаго двора, не упустилъ случая воспользоваться его нерѣшительностью. Зная чрезъ своего посланника Лафореста о порученіи данномъ Гаугвицу, онъ выждалъ его прибытіе въ Парижъ, не торопился принять его, оставилъ его въ томительной неизвѣстности цѣлые пять дней, и наконецъ празвавъ къ себѣ, осыпалъ упреками. Наполеонъ, раздраженный, либо притворившійся такимъ для достиженія своихъ видовъ, жаловался на вѣроломство и неблагодарность Короля Фридриха-Вильгельма, обвинялъ Гарденберга въ продажности и измѣнѣ, грозилъ отмстить за оскорбленія нанесенныя прусскимъ правительствомъ (?) и отпустилъ озадаченнаго дипломата, не давъ ему возможности сказать что-либо объ измѣненіи злосчастной конвенціи. Нѣсколько дней спустя, Талейранъ объявилъ Гаугвицу, что какъ договоръ 15-го декабря не былъ утвержденъ Королемъ въ условленный срокъ, то Императоръ Наполеонъ не считаетъ его для себя обязательнымъ, и что надлежало заключить другой.

1806. Вслѣдъ за тѣмъ, 15-го февраля н. ст. 1806 года, явился къ прусскому министру Дюрокъ, съ новою конвенціей, гораздо болѣе невыгодною для Пруссіи. Король, вмѣсто того, чтобы оставаться неутральнымъ, долженъ былъ закрыть Англичанамъ свои гавани и устья Эльбы и Везера и окончательно занять Ганноверъ, какъ страну ему принадлежащую, что̀ ставило Пруссію во враждебное положеніе къ Англіи. Кромѣ того, отмѣнена была уступка Королю части аншпахскаго округа съ 20,000 жителей. Наконецъ, Пруссія обязывалась гарантировать не только настоящее положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи, но и всѣ распоряженія, могущія быть послѣдствіями войны Французовъ противъ Неаполя, т. е. соглашалась на низложеніе тамошней династіи Бурбоновъ, на перекоръ покровителю ихъ — Императору Александру. Дюрокъ, не входя ни въ какія объясненія съ Гаугвицомъ, объявилъ ему, что если онъ откажется подписать новый трактатъ, то французскія войска немедленно двинутся въ прусскія владѣнія. Устрашенный угрозами Французовъ, Гаугвицъ подписалъ этотъ актъ политическаго униженія Пруссіи, но не осмѣлился явиться съ нимъ въ Берлинъ и передалъ его прусскому посланнику при тюильрискомъ дворѣ, маркизу Лукезини, который вызвался представить Королю новую конвенцію и объяснить причины побудившія къ ея заключенію. Король, съ своей стороны, утративъ довѣренность къ собственнымъ силамъ, утвердилъ, 3-го марта н. ст. 1806 года, новую конвенцію ([47]). Одинъ изъ современныхъ этой эпохѣ прусскихъ патріотовъ увѣряетъ, будтобы въ тотъ самый день сильная буря, свирѣпствовавшая въ Берлинѣ, сорвала голову съ стоявшей на цейхгаузѣ, противъ оконъ королевскаго дворца, статуи Беллоны и разбила ее о мостовую въ дре-

безги ([48]). Презрѣніе Наполеономъ Пруссіи простиралось до того, что, еще прежде ратификаціи Королемъ конвенціи, посланы были французскія войска для занятія Аншпаха, Нёфшателя и Везеля ([49]). Обративъ батавскую республику въ королевство и возвысивъ своего брата Людовика въ санъ Короля, Наполеонъ ограничился объявленіемъ своей воли въ Монитёрѣ, и потомъ уже офиціально извѣстилъ о томъ Фридриха-Вильгельма. Аббатства Эльтенъ, Эссенъ и Верденъ, принадлежавшія Пруссіи, были самовластно присоединены къ великому герцогству бергскому и заняты французскими войсками. Наполеонъ, не довольствуясь тѣмъ, потребовалъ отъ Короля Прусскаго, чтобы онъ удалилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Гарденберга, навлекшаго на себя ненависть властителя Франціи. Еще 10-го декабря 1805 года, было объявлено въ одномъ изъ наполеоновыхъ бюллетеней „о министрѣ, ганноверскомъ уроженцѣ, который поддался золотому дождю“ (qui, né en Hanovre, n'a pas été inaccessible à la pluie d'or). Вслѣдъ за тѣмъ, 27-го декабря, Талейранъ предписалъ французскому резиденту при берлинскомъ дворѣ Лафоресту „прекратить всякія сношенія съ человѣкомъ, который оскорбилъ Францію, отказавъ принять представителя великаго монарха“. Когда-же Фридрихъ-Вильгельмъ утвердилъ конвенцію 3 (15) февраля, и англійское министерство, желая выказать двуличіе Пруссіи, сообщило парламенту письмо Гарденберга къ лорду Гарроуби отъ 22-го декабря н. ст. 1805 года *), Наполеонъ приказалъ объявить о томъ въ Монитёрѣ, замѣтивъ, что „вотъ какъ наградили Г. Гарденберга, за его безчестное угожденіе вѣчнымъ врагамъ Европы!“ Фридрихъ-Вильгельмъ ясно 1806.

*) См. стран. 91-ю.

1806. видѣлъ, что отстраненіе отъ дѣлъ Гарденберга, по волѣ Наполеона, унижало достоинство Пруссіи, но былъ принужденъ покориться силѣ обстоятельствъ. 1-го апрѣля н. ст. 1806 года Гарденбергъ, подавъ въ отставку, передалъ свои обязанности Гаугвицу.

Неуваженіе къ берлинскому кабинету, выказываемое Наполеономъ, поселяло въ Королѣ и новомъ министрѣ его справедливыя опасенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежніе союзники Пруссіи сдѣлались ея врагами: 20-го апрѣля, было наложено амбàрго на всѣ прусскія суда въ англійскихъ гаваняхъ. „Дѣйствія Пруссіи, по словамъ Фокса, соединяли въ себѣ ненавистную алчность съ презрительною подлостью: она была отважною отъ трусости, завоевательною отъ слабости, хищною въ отношеніи къ государю, своему родственнику и сосѣду, изъ покорности къ чуждому вліянію". Король шведскій, съ своей стороны, не только не согласился на очищеніе Лауэнбурга, но объявилъ состоящими въ блокадѣ всѣ прусскіе порты отъ Мемеля до устья Пеены и выслалъ эскадру для преслѣдованія купеческихъ судовъ Пруссіи. Наполеонъ, желая разсорить Фридриха-Вильгельма съ Императоромъ Александромъ, постояннымъ покровителемъ Густава IV, возбуждалъ прусское правительство къ занятію Шведской Помераніи ([50]). Но Король Прусскій, дорожа дружбою Россійскаго Монарха, не обращалъ вниманія на необдуманныя выходки Густава. Оскорбляемый Наполеономъ и подвергнувшійся чувствительнымъ потерямъ отъ непріязненныхъ дѣйствій Англіи и Швеціи, Фридрихъ-Вильгельмъ не находилъ себѣ опоры въ своихъ подданныхъ: общественное мнѣніе упрекало его въ неспособности и малодушіи; въ особенности-же роптали войска, не скрывая ненависти къ Наполеону и Гаугвицу, котораго многіе считали из-

мѣнникомъ, преданнымъ Франціи. Гвардейскіе офицеры, собравшись ночью у дома, занимаемаго прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, перебили у него стекла въ окнахъ и выразили свое негодованіе бѣшеными криками; въ послѣдствіи оказалось, что въ этой демонстраціи участвовали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій, и даже принцъ Людовикъ прусскій *). 1806.

Такимъ образомъ, казалось — сама судьба влекла Короля Фридриха-Вильгельма въ пучину войны, въ которой онъ уже не могъ надѣяться на помощь бывшихъ союзниковъ своихъ. Какъ главною причиною недовѣрчивости Наполеона къ Пруссіи было убѣжденіе его въ неразрывности союза между россійскимъ и прусскимъ правительствами, то Король, желая, во чтобы то не стало, избѣгнуть войны, рѣшился обратиться къ Императору Александру и склонить его къ заключенію отдѣльнаго мира съ Франціей. Посланный съ этою цѣлью, знаменитый сподвижникъ Фридриха Великаго, герцогъ брауншвейгскій прибылъ въ Петербургъ 7 (19) февраля, въ самое то время, когда была уже извѣстна у насъ ратификація Королемъ парижской конвенціи. Не смотря на особенное уваженіе Императора Александра къ герцогу и на отличный пріемъ ему сдѣланный, нельзя было не замѣтить охлажденія и недовѣрчивости нашего двора къ прусскому правительству. Общественное мнѣніе явно выказывалось противъ союзниковъ, измѣнившихъ общему дѣлу. Когда герцогъ пріѣхалъ въ эрмитажный театръ, гдѣ въ тотъ вечеръ давали Тартюфа, нѣкоторые отзывались, что эта піэса была очень кстати ([51]). Впрочемъ — непріязненное расположеніе публики продолжалось недолго. Лестные знаки вниманія, оказаннаго Государемъ представи-

*) Принцъ Людовикъ, сынъ Фердинанда брата Фридриха-Великаго.

1806. телю Пруссіи, и блистательныя празднества въ честь ему данныя заглушили ропотъ негодованія и дали общему мнѣнію иной оборотъ: не только перестали порицать Пруссаковъ, но сдѣлались необычайно снисходительны даже къ Французамъ, толковали о бѣдствіяхъ войны, о благоденствіи мира, и проч. Двадцати-дневное пребываніе герцога въ Петербургѣ отчасти разсѣяло опасенія Фридриха-Вильгельма, а вслѣдъ за тѣмъ, открытіе переговоровъ между Франціею и Англіей подало ему надежду на общее успокоеніе Европы. Дѣйствительно—смерть Питта, передавъ кормило правленія въ руки соперника его Фокса, способствовала миролюбивой партіи одержать перевѣсъ. Вскорѣ представился случай къ возобновленію сношеній между враждующими народами. Въ февралѣ 1806 года, явился къ Фоксу французскій выходецъ Гилье (Guillet) съ гнуснымъ предложеніемъ убить Наполеона. Великобританскій министръ приказалъ арестовать злодѣя и извѣстилъ о томъ Талейрана, предлагая французскому правительству принять надлежащія мѣры для противодѣйствія подобнымъ покушеніямъ. Въ то время думали, будтобы самъ Наполеонъ подослалъ одного изъ своихъ шпіоновъ, чтобы испытать прямодушіе Фокса. Получивъ отъ Талейрана свѣдѣніе о поступкѣ великобританскаго министра, Наполеонъ приказалъ послать ему весьма лестный отвѣтъ ([52]), вмѣстѣ съ рѣчью Императора Французовъ 2-го марта н. ст. въ законодательномъ собраніи, заключавшею въ себѣ увѣреніе въ готовности его открыть переговоры съ англійскимъ кабинетомъ на основаніи Аміенскаго трактата ([53]). По сему поводу, Фоксъ писалъ Талейрану о готовности Англіи къ честному миру, могущему обезпечить спокойствіе Европы, но объявилъ, что союзъ между великобританскимъ и русскимъ прави-

тельствами не позволяетъ ему приступить къ веденію переговоровъ отдѣльно отъ Россіи (54). Переписка между французскимъ и англійскимъ министрами не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, но когда Императоръ Александръ устранилъ затрудненіе, изъявивъ согласіе послать уполномоченнаго въ Парижъ, для веденія переговоровъ прямо съ Наполеономъ, тогда и Король Англійскій, въ началѣ (въ половинѣ) іюня, отправилъ туда, съ такою-же цѣлью, графа Ярмута (Yarmouth), который, будучи въ числѣ Англичанъ, задержанныхъ во Франціи при открытіи враждебныхъ дѣйствій, получилъ свободу и еще до отъѣзда изъ Парижа имѣлъ случай говорить съ Талейраномъ объ условіяхъ мира предположенныхъ Наполеономъ. По словамъ французскаго министра, въ уступкѣ Англичанамъ Мальты и возвращеніи имъ Ганновера не могло быть никакого сомнѣнія. „Что-же касается до Сициліи, продолжалъ Талейранъ, вы ею владѣете, и мы ее отъ васъ не потребуемъ“. Но при открытіи переговоровъ съ лордомъ Ярмутомъ, 4 (16) іюня, онъ оказался менѣе уступчивымъ. Наполеонъ, удостовѣрясь въ намѣреніи Императора Александра прислать уполномоченнаго въ Парижъ, для заключенія отдѣльнаго мира, счелъ возможнымъ возвысить свои требованія въ отношеніи къ Англіи. По его приказанію, Талейранъ объявилъ лорду Ярмуту, что, на основаніи свѣдѣній полученныхъ изъ Италіи, оказывалось столь-же невозможнымъ обладаніе Королевствомъ Неаполитанскимъ безъ Сициліи, сколько легкимъ занятіе сего острова, и потому французское правительство не могло уступить его. Лордъ Ярмутъ, сознавая истину выводовъ Талейрана, присовокупилъ, что ему было приказано домогаться возвращенія Неаполя Королю Обѣихъ Сицилій. Такое измѣненіе предположенныхъ условій оправдывало въ 1806.

1806. нѣкоторой степени притязанія Наполеона. По словамъ Талейрана: „Императоръ Наполеонъ достаточно выказывалъ наклонность къ миру, предлагая Англіи Ганноверъ для правительства, Мальту для морскихъ силъ и мысъ Доброй-Надежны для торговли ея“ (Sa Majesté croyait donner assez de preuves de Ses sentiments de conciliation en offrant à l'Angleterre le Hannovre pour l'honneur de la couronne britannique, Malte pour l'honneur de la marine et le Cap de Bonne-Espérance pour l'honneur du commerce).

Какъ лордъ Ярмутъ не соглашался на предложенныя ему условія, то французскій министръ потребовалъ, чтобы уступка Сициліи Наполеону послужила вознагражденіемъ за возвращеніе Ганновера Англичанамъ: въ такомъ случаѣ, сенъ-джемскому кабинету предоставлялось право не признавать новыя государства, созданныя Наполеономъ. Когда-же лордъ Ярмутъ отказалъ и въ томъ, Талейранъ предложилъ вознаградить Короля Фердинанда ганзеатическими городами, либо даже присоединить ихъ къ германскимъ владѣніямъ Короля Великобританскаго, если англійское правительство приметъ на себя удовлетвореніе Короля Неаполитанскаго. Наконецъ — Талейранъ 8-го іюля н. ст. изъявилъ намѣреніе Наполеона отдать Королю: Далмацію, Албанію и Рагузу. Прибывшій тогда въ Парижъ, въ качествѣ русскаго уполномоченнаго, Убри полагалъ выгоднымъ, какъ для Австріи, такъ и для Россіи, чтобы Французы не владѣли Далмаціей, и самъ Фоксъ, уступая желанію Императора Александра, не отказывался отъ предложеннаго вознагражденія, но требовалъ: во 1-хъ, чтобы оно послѣдовало не иначе, какъ съ согласія Короля Неаполитанскаго, и во 2-хъ, чтобъ новое его владѣніе было довольно значительно для образованія самостоятель-

наго государства. Отвергая Албанію и Рагузу, какъ области принадлежащія Оттоманской Портѣ, Фоксъ требовалъ, чтобы къ Далмаціи были присоединены вся Истрія и большая часть венеціянскихъ владѣній съ городомъ Венеціей (55). 1806.

Императоръ Александръ, желая возобновить переговоры съ французскимъ правительствомъ, повелѣлъ чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, статскому совѣтнику Убри отправиться съ порученіемъ къ русскому послу графу Разумовскому въ Вѣну, откуда онъ долженъ былъ проѣхать въ Парижъ, войти въ сношеніе съ французскимъ министерствомъ на счетъ находившихся въ плѣну Русскихъ и стараться облегчить ихъ участь, на что̀ ему была отпущена особая сумма (56). На случай-же возможности войти въ соглашеніе съ французскимъ правительствомъ, Убри былъ снабженъ полномочьемъ, которое предоставлялось ему предъявить не прежде, какъ достигнувъ сближенія между обѣими державами на опредѣленныхъ условіяхъ (57). Въ нотѣ, долженствовавшей служить ему инструкціей, было сказано, что онъ не имѣлъ права подписывать никакихъ условій, которыя: во 1-хъ, препятствовали-бы Россіи содержать гарнизонъ въ Корфу, либо давали Франціи право отмѣнять (invalider) обязательства принятыя Оттоманскою Портою въ отношеніи къ Россіи; во 2-хъ, которыя-бы признавали обмѣнъ владѣній между Франціею и Пруссіей, въ ущербъ Курфирсту Ганноверскому, и стѣсненіе торговли сѣверогерманскихъ государствъ, и тѣмъ паче Даніи и Швеціи; въ 3-хъ, ему предоставлялось согласиться на признаніе Бонапарта въ санѣ Императора только въ такомъ случаѣ, если достигнетъ: уступки Сициліи Королю Неаполитанскому, очищенія Французами всей, или части, Далмаціи, и основанія независимыхъ вла-

1806. дѣній между Оттоманскою Портою и Италіей; въ 4-хъ, ему предоставлялось признать прочія измѣненія сдѣланныя Бонапартомъ только тогда, когда удалось-бы достигнуть возстановленія Короля Неаполитанскаго и образованія самостоятельнаго владѣнія въ пользу Короля Сардинскаго; въ 5-хъ, онъ могъ заключить миръ отдѣльно отъ Англіи только въ случаѣ достиженія какихъ-либо особенныхъ выгодъ (des avantages infiniment marquans) для Россіи, или еслибы заключенный имъ трактатъ могъ послужить къ непосредственному соглашенію трехъ державъ (58). Очевидно, что эта инструкція ограничивала полномочье, данное русскому дипломату, да еслибы даже оно было ему предоставлено во всей силѣ, то для утвержденія подписаннаго имъ трактата обычнымъ порядкомъ требовалась ратификація Россійскаго Монарха.

Веденіе переговоровъ не было поручено комулибо изъ высшихъ сановниковъ, потому что нельзя было предвидѣть какъ онъ будетъ принятъ. Обычное обращеніе Наполеона съ представителями великихъ державъ не позволяло подвергнуть оскорбленію посла, формально облеченнаго симъ достоинствомъ, чего нельзя было опасаться въ лицѣ такого чиновника, какимъ былъ статскій совѣтникъ Убри. Къ тому-же русскій агентъ соединялъ въ себѣ многія качества, необходимыя при исполненіи даннаго ему порученія. По довольно продолжительному служенію своему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, онъ имѣлъ полное свѣдѣніе о всѣхъ современныхъ происшествіяхъ, а равно объ отношеніяхъ и взаимныхъ интересахъ разныхъ кабинетовъ, пріобрѣлъ довѣріе правительства исполненіемъ довольно трудныхъ порученій въ Берлинѣ и Лондонѣ и занималъ съ честью мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ (59).

По прибытіи въ Парижъ, Убри сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Талейранъ отвѣчалъ, что съ нимъ не станутъ вести никакихъ переговоровъ не относящихся къ заключенію мира, и даже отказывался открыть какія-либо дипломатическія сношенія съ нашимъ агентомъ, если онъ не снабженъ неограниченнымъ полномочьемъ отъ своего правительства. Удивленный такимъ домогательствомъ, Убри былъ поставленъ въ безвыходное положеніе: съ одной стороны, ему предстояло отказаться отъ веденія переговоровъ и — быть можетъ — упустить случай къ заключенію мира, достиженіе котораго составляло предметъ искреннихъ желаній Императора Александра, а съ другой, предъявивъ данное полномочіе, русскій дипломатъ подвергался опасности превзойти предоставленныя ему права, ограниченныя данною ему инструкціей. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, онъ рѣшился предъявить свое полномочіе (plein-pouvoir absolu). Начались переговоры. Убри не соглашался на предложенія французскаго министра, несовмѣстныя съ инструкціями Императора Александра, и послалъ въ Петербургъ курьера, испрашивая разрѣшеніе на принятіе нѣкоторыхъ условій, по его мнѣнію, выгодныхъ для Россіи. Но вмѣсто того, чтобы выждать отвѣтъ на эту депешу, французское правительство ускорило развязку дѣла: Наполеонъ, отмѣнивъ все, что̀ было обѣщано отъ его имени Талейраномъ, поручилъ продолжать переговоры генералу Кларке. При этомъ не были соблюдены ни дипломатическія формы, ни обычныя правила приличія: въ продолженіи нѣсколькихъ дней не давали покоя нашему посланнику, утомляя его продолжительными совѣщаніями, и приглашая его внезапно, иногда въ два часа утра, въ министер-

1806.

1806. ство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ надлежало ему выдерживать пренія по 14-ти часовъ сряду, то съ Талейраномъ, то съ Кларке, смѣнявшими другъ друга.

Въ продолженіи этихъ переговоровъ, французскіе дипломаты, упоенные успѣхами своего повелителя, предъявляли непомѣрные домогательства, преувеличивали силы Наполеона, не щадили угрозъ и требовали отъ Убри, чтобы онъ непремѣнно согласился на ихъ требованія. (On ne parla à M-r d'Oubril que d'accepter ou de tout rompre). Едва лишь онъ, послѣ долгихъ преній, достигалъ согласія противниковъ на какое-либо условіе, какъ они отказывались отъ своихъ словъ и ограничивались ничтожными уступками, требуя отъ него пожертвованій несовмѣстныхъ съ выгодами и достоинствомъ Россіи. Измученный, истомленный, подавленный лежавшею на немъ отвѣтственностью, Убри изъявляетъ согласіе на нѣкоторыя изъ условій, но не рѣшается утвердить ихъ своею подписью, говоря, что подобный трактатъ противорѣчитъ даннымъ ему инструкціямъ. „Подпишите, подпишите, настаиваютъ французскіе министры; отъ воли вашего государя зависитъ утвердить, либо нѣтъ, заключенныя вами условія.“ Убри все еще колеблется, берется за перо нѣсколько разъ и снова оставляетъ его, и наконецъ подписываетъ поднесенную ему бумагу. Пользуясь его смущеніемъ, Талейранъ и Кларке уговорили его послать адмиралу Сенявину приказаніе — отдать Бокке-ди-Катаро французскимъ войскамъ (!). Но едва лишь несчастный дипломатъ пришелъ въ себя, какъ сознавъ сдѣланную имъ ошибку, онъ извѣстилъ русское посольство въ Лондонѣ о всѣхъ обстоятельствахъ своей негоціаціи и присовокупилъ, что „идетъ отвѣтить за то головою“ (qu'il va porter sa tête à Pétersbourg) ([60]).

Главныя условія трактата, подписаннаго генераломъ Кларке и Г. Убри, 8 (20) іюля, заключались въ слѣдующемъ: 1806.

Русскія войска уступятъ Французамъ область Бокке-ди-Катаро. Въ случаѣ занятія Черногоріи французскими войсками, они очистятъ сію страну, а равно и Рагузу (ст. 3-я и 4-я).

Независимость республики Семи-Острововъ признана обѣими державами. Россія обязывается содержать тамъ неболѣе 4,000 человѣкъ (ст. 5-я).

Обѣ державы взаимно ручались за независимость и цѣлость владѣній Оттоманской Порты (ст. 6-я).

Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, всѣ французскія войска расположенныя въ Германіи должны были возвратиться во Францію (ст. 7-я).

Обѣ державы примутъ мѣры для прекращенія войны между Пруссіею и Швеціей (ст. 8-я).

По секретной статьѣ, обѣ державы взаимно обязывались, въ случаѣ присоединенія Сициліи къ неаполитанскимъ владѣніямъ, испросить у Короля Испанскаго Балеарскіе острова въ пользу сына Короля Фердинанда, наслѣднаго принца, съ королевскимъ титуломъ. ([61]).

Очевидно, что, по условіямъ сего трактата, всѣ недоразумѣнія между Россіею и Франціей были рѣшены въ пользу послѣдней. Короли Неаполитанскій и Сардинскій лишились покровительства Россіи; о Ганноверѣ не было и въ поминѣ. И по тому неудивительно, что Наполеонъ ратификовалъ эти условія чрезъ шесть часовъ послѣ ихъ заключенія и потребовалъ, чтобы со стороны Россіи послѣдовала ратификація непозже 15-го августа н. ст. Желая отнять у русскаго правительства возможность къ уничтоженію трактата, онъ поторопился сообщить его Портѣ и приказалъ прекратить враждебныя дѣй-

1806 ствія противъ Россіи на морѣ, но не позаботился объ исполненіи болѣе важнаго условія — освобожденія русскихъ плѣнныхъ. Онъ предвидѣлъ, что Императоръ Александръ не утвердитъ договора несовмѣстнаго съ его великодушными видами, и въ особенности послѣ самовластнаго учрежденія Рейнскаго Союза договоромъ 12-го іюля н. ст. уничтожившимъ Германскую Имперію. Россійскій Монархъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ преобладанія Франціи, угрожавшаго порабощеніемъ его союзникамъ. Самъ Убри, рѣшаясь подписать столь невыгодныя условія, руководился (хотя и ошибочно) благою цѣлью спасти Австрію удаленіемъ изъ Германіи французскихъ войскъ. Но лордъ Ярмутъ, которому онъ открылъ свои надежды, полагалъ, что заключеніе мира не заставитъ Наполеона вывести изъ Германіи ни одного баталіона ([62]).

Императоръ Александръ, получивъ трактатъ отъ прибывшаго съ симъ документомъ Убри, повелѣлъ внести это дѣло на разсмотрѣніе въ Совѣтъ и по единогласному мнѣнію всѣхъ членовъ Совѣта, признавъ условія, заключенныя съ французскимъ правительствомъ, необязательными для себя и несовмѣстными съ достоинствомъ Россіи, отказалъ въ ратификаціи ихъ. Наполеонъ, раздраженный тѣмъ, обратился къ обычному своему способу вліянія на общественное мнѣніе: французскія газеты, официальныя и неофиціальныя, на-перерывъ разразились упреками с.-петербургскому кабинету въ вѣроломствѣ и нарушеніи данныхъ имъ обѣщаній, приписывая отказъ въ ратификаціи трактата (мнимой) смѣнѣ нашихъ министровъ и преобладанію Англіи въ нашей дипломатіи ([63]). Императоръ Александръ ограничился немедленнымъ объявленіемъ о содержаніи трактата

8 (20) іюля и причинахъ побудившихъ русское правительство отказать въ ратификаціи его. 1806.

Убри, зная вліяніе Лагарпа на его бывшаго царственнаго питомца, привезъ въ Петербургъ письмо къ Императору Александру, въ которомъ Лагарпъ увѣрялъ Государя, что нашъ дипломатъ дѣйствовалъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ и сдѣлалъ все, что̀ только отъ него зависѣло. По мнѣнію Лагарпа, Убри достигъ-бы лучшихъ результатовъ, еслибы переговоры съ Франціей были поддержаны силою оружія; впрочемъ — трактатъ 8 (20) іюля казался Лагарпу не безвыгоднымъ для Россіи (le traité me paraît convenir assez à la Russie). „Условія на счетъ Семи-Острововъ и Черногоріи вполнѣ обезпечивали вліяніе Россіи на эти страны, а возстановленіе Рагузы служило ручательствомъ въ дѣйствительности ея покровительства. Предстоящее выступленіе французскихъ войскъ изъ Германіи долженствовало убѣдить народы ея въ томъ, что русское правительство неупускало изъ вида ихъ благоденствія, и что еслибы ихъ властители были болѣе мужественны и честны, то съ ними не отваживались-бы поступать столь недостойнымъ образомъ. Россія, по отдаленію своему, не имѣя возможности препятствовать разрушенію Германскаго Союза, должна ограничиваться наблюденіемъ, чтобы вѣнчанные рабы Франціи не были устремлены противъ ней по неволѣ, и приготовиться къ оказанію помощи тѣмъ изъ нихъ, которые свергнутъ наложенное на нихъ иго.“ По мнѣнію Лагарпа, Россія не имѣла средствъ непосредственно поддерживать Короля Неаполитанскаго; покровительство-же Сициліи долженствовало быть предоставлено Англичанамъ, для которыхъ было весьма важно, чтобы этотъ островъ, служащій житницею для Мальты, не достался въ руки Французамъ.

1806. Во всякомъ случаѣ — продолжалъ Лагарпъ — настоящій миръ есть не что иное какъ перемиріе, и потому должно, отказавшись надолго отъ мысли успокоенія Европы, принять мѣры на случай новаго столкновенія (de Vous mettre en état d'agir lorsqu'il en sera tems). Вашъ непріятель никогда не откажется искренно отъ своихъ гигантскихъ видовъ; онъ слишкомъ подался впередъ чтобы отступить. Его обычный способъ дѣйствій — пріостановиться на время, чтобы оправиться, устроиться. Когда-же у него все готово, являются предлоги для возобновленія войны; онъ устремляется съ быстротою молніи, поражаетъ все встрѣчаемое имъ на пути и останавливается не прежде какъ достигнувъ наибольшихъ залоговъ успѣха (et ne s'arrête qu'après avoir saisi autant de gages qu'il peut). Тогда снова настаютъ переговоры, постоянно основанные на послѣднихъ завоеваніяхъ, переговоры — которые продолжаются до возобновленія войны. Такія насилія могутъ быть укрощены не коалиціями, а слѣдующими средствами: во 1-хъ, пріуготовленіемъ въ тайнѣ и съ неутомимою насстойчивостью способовъ къ наступательнымъ и оборонительнымъ дѣйствіямъ; во 2-хъ, сохраненіемъ въ тайнѣ своихъ намѣреній; въ 3-хъ, помѣщеніемъ въ иностранныя миссіи не знатныхъ и не придворныхъ, а людей способныхъ, дѣятельныхъ, могущихъ слѣдить за происками и давать настоящее понятіе о событіяхъ; въ 4-хъ, такимъ устройствомъ внутренняго управленія, *чтобы всѣ распоряженія исполнялись въ точности и въ надлежащее время, и чтобы ослушаніе или замедленіе въ исполненіи данныхъ приказаній подвергалось строгому наказанію, не обращая вниманія на личность виновныхъ;* въ 5-хъ, заблаговременнымъ назначеніемъ въ секретѣ выгоднѣйшихъ пунктовъ, для рѣшительныхъ дѣйствій пре-

восходныти силами, и наконецъ въ 6-хъ, когда настанетъ время дѣйствовать, должно сообщить ноты и манифесты чрезъ гренадеръ (de faire porter les notes explicatives et les manifestes par les grenadiers) и быстро захватить залоги достаточные для возстановленія политическаго равновѣсія и для *предписанія* мира ([64]). 1806.

Послѣ неудачной посылки Убри, въ 1806 году, военныя дѣйствія Россіи противъ Франціи ограничивались столкновеніемъ войскъ обѣихъ сторонъ въ Далмаціи и на Іоническихъ островахъ.

Вице-адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ, еще въ генварѣ 1806 года, прибывъ въ Корфу принялъ отъ генерала Ласси начальство надъ русскими морскими и сухопутными силами, тогда находившимся въ Средиземномъ морѣ: эскадра его состояла изъ 10-ти линейныхъ кораблей, 5-ти фрегатовъ и 24-хъ меньшихъ судовъ; матросовъ, морскихъ солдатъ и артиллеристовъ было 8,000, а сухопутныхъ войскъ до 12,000 человѣкъ. Желая утвердить за собою господство на Адріатическомъ морѣ, Сенявинъ, съ помощью Черногорцевъ, овладѣлъ укрѣпленною гаванью Каттаро, присоединилъ къ своимъ войскамъ 12,000 боккезскихъ и черногорскихъ охотниковъ, вошелъ въ сношенія съ предводителемъ Сербовъ, Георгіемъ Чернымъ, и склонилъ на свою сторону алчнаго Али-пашу янинскаго. Встрѣченный съ торжествомъ жителями Каттаро, Сенявинъ обезпечилъ свои сообщенія съ Герцеговиною; въ нѣсколько дней, туземцы вооружили на собственный счетъ и выслали въ помощь русской эскадрѣ 30 вооруженныхъ судовъ.

Наполеонъ, между тѣмъ, заключивъ съ Австріей

1806. миръ, заставилъ вѣнскій дворъ не только закрыть доступъ въ свои гавани Русскимъ и Англичанамъ, но задерживать наши купеческія суда, тогда нахо-находившіяся въ Тріестѣ. Сенявинъ, узнавъ о томъ, отправился 13-го мая н. ст. съ тремя кораблями и фрегатомъ къ Тріесту и расположилъ свою небольшую эскадру тамъ, подъ самыми батареями крѣпости; когда-же тріестскій комендантъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ Цахъ потребовалъ, чтобы наши суда отошли на пушечный выстрѣлъ, Сенявинъ отвѣчалъ: „стрѣляйте! Я увижу, гдѣ лягутъ ваши ядра, и гдѣ мнѣ должно стать". Напрасно Австрійцы стращали его двадцати-тысячнымъ французскимъ корпусомъ, стоявшимъ близъ Тріеста. Сенявинъ приказалъ сказать Цаху, что откроетъ канонаду по городу черезъ часъ, ежели не получитъ задержанныхъ судовъ, и заставилъ австрійскаго коменданта исполнить свое требованіе.

Въ началѣ іюня, Сенявинъ, по соглашенію съ отважнымъ черногорскимъ митрополитомъ Петромъ Негушемъ, двинулся противъ Лористона, занимавшаго крѣпкую позицію близъ Рагузы и сбилъ французскія войска съ тамошнихъ высотъ, 5-го іюня н. ст. Какъ Черногорцы не щадили плѣнныхъ, то Сенявинъ обѣщалъ давать имъ по червонцу за каждаго захваченнаго въ плѣнъ Француза, однако-же, не смотря на то, наши союзники продолжали рѣзать головы плѣннымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Сенявинъ обложилъ Новую Рагузу и держалъ непріятеля въ осадѣ до 24-го іюня.

Неожиданное событіе—подписаніе предварительныхъ условій мира, въ Парижѣ, статскимъ совѣтникомъ Убри, разстроило предположенія Сенявина: получивъ Высочайшее повелѣніе сдать Бокке-ди-Каттаро Австрійцамъ, обязавшимся уступить сію

область Французамъ, онъ сохранялъ въ тайнѣ роковую вѣсть, но вскорѣ Боккезцы узнали объ ожидавшей ихъ участи и по прибытіи адмирала въ Кастельново выслали къ нему депутатовъ, которые объявили, что всѣ жители согласились между собою, опустошивъ страну, оставить свое отечество и всюду послѣдовать за его эскадрою, чтобы не сдѣлаться рабами Бонапарта. Многія семейства отплыли въ Корфу; другія, приготовя къ сожженію свои домы, перебирались на суда; нѣкоторые изъ жителей, движимые озлобленіемъ, хотѣли напасть на австрійскій гарнизонъ, занимавшій островъ Курцолу, и истребить его; вездѣ раздавался плачъ дѣтей и женщинъ. Сенявину предстояло, исполнивъ данное ему повелѣніе, повергнуть въ отчаяніе народъ преданный Россіи, либо принять на себя строгую отвѣтственность — замедлить исполненіе Высочайшей воли и оскорбить всемощнаго тогда Наполеона: Сенявинъ не колебался въ выборѣ. „Пошлемъ къ Государю выборныхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ — сказалъ онъ депутатамъ. Будемъ надѣяться на его милосердіе, а въ ожиданіи отвѣта, я не оставлю васъ“. Немедленно привели каттарскую крѣпость въ оборонительное состояніе; весь народъ дружно вооружился; вездѣ раздавались клики: „да здравствуетъ Сенявинъ!“ Жители толпились вокругъ его, кланялись ему до земли, лобзали слѣды ногъ его. Получивъ изъ Парижа извѣстіе о подписаніи предварительныхъ статей мирнаго трактата между Россіею и Франціей, Сенявинъ потребовалъ, чтобы Французы очистили Рагузу, изъявлялъ сомнѣніе на счетъ достовѣрности мира, и медлилъ передачею области даже и тогда, когда получилъ депешу о томъ отъ самаго Убри, подъ предлогомъ, что въ трактатѣ не было сказано ничего о сдачѣ Каттаро французскимъ 1806.

1806. войскамъ. Единственная уступка, имъ сдѣланная, состояла въ прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Французовъ. Получивъ, 13-го августа, чрезъ русскаго посла при вѣнскомъ дворѣ, графа Разумовскаго, отзывъ министра морскихъ силъ, съ объявленіемъ Высочайшей воли о сдачѣ Каттаро Австрійцамъ, Сенявинъ отвѣчалъ, что, пославъ донесеніе Государю по сему предмету, остается въ ожиданіи новаго приказанія. А, между тѣмъ, 26-го августа, прибылъ къ нему курьеръ, съ повелѣніемъ отъ 31-го іюля — продолжать военныя дѣйствія, и если Каттаро уже сдано Французамъ, снова занять его, потому что трактатъ подписанный Убри не былъ ратификованъ Государемъ.

Дѣйствія возобновились 2-го сентября, 1806 года. У Французовъ въ Далмаціи было до двадцати тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ опытнаго, искуснаго Мармона; у Сенявина, за отдѣленіемъ отрядовъ на Іоническіе острова, всего 3,500 человѣкъ регулярныхъ и 2,000 иррегулярныхъ войскъ. Мармонъ, пользуясь значительнымъ превосходствомъ силъ, атаковалъ Сенявина, заставилъ его отступить и дошелъ до Кастельново, но возстаніе жителей въ тылу его и участіе въ дѣйствіяхъ нашихъ морскихъ силъ положили предѣлъ успѣхамъ непріятеля; Французы, потерявъ три тысячи человѣкъ и пятьдесятъ орудій, были принуждены отступить, во второй половинѣ сентября, въ укрѣпленный лагерь при Старой-Рагузѣ; наши моряки захватили призовъ болѣе нежели на милліонъ рублей и множество военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Съ нашей стороны, уронъ вообще не превышалъ четырехъ сотъ Русскихъ и восьмисотъ Черногорцевъ. Французы, отрѣзанные отъ моря, томимые голодомъ, окруженные черногорскими и боккезскими партизанами, оставались въ бездѣй-

ствіи. Съ наступленіемъ глубокой осени, Сенявинъ распустилъ всѣ иррегулярныя войска, кромѣ двухъ тысячъ трехъ сотъ человѣкъ, учредивъ телеграфы, посредствомъ которыхъ вооруженные туземцы, въ случаѣ надобности, могли собраться въ 24 часа, усилилъ гарнизонъ въ Каттаро, занялъ войсками острова Курцолу и Браццу и уговорилъ Али-пашу прекратить вооруженія, коими онъ угрожалъ республикѣ Семи-Островов. 1806.

Какъ тогда уже были получены достовѣрныя извѣстія о разрывѣ Россіи съ Оттоманскою Портою и повелѣніе нашей эскадрѣ отплыть въ Архипелагъ, для дѣйствій противъ Турокъ, то Сенявинъ поручилъ начальство въ Каттаро капитану 1-го ранга Баратынскому и оставилъ для защиты Іоническихъ островов часть сухопутныхъ войскъ и нѣсколько судовъ, а самъ, съ 10-ю кораблями, фрегатомъ и шлюпомъ, 10 (22) февраля 1807 года, отправился въ Архипелагъ. На эскадрѣ его, кромѣ двухъ баталіоновъ Козловскаго полка, находились 36 человѣкъ артиллерійской прислуги и 270 стрѣлковъ. Жители Идры, Специи и другихъ островов выслали, для содѣйствія ему, пять вооруженныхъ судовъ. Миновавъ Тенедосъ, наша эскадра, 20 февраля (4-го марта), стала на якорь возлѣ англійской, вице-адмирала Дукворта, только-что возвратившейся послѣ неудачнаго покушенія на Константинополь (65).

ГЛАВА XVI.

Разрывъ Франціи съ Пруссіей. Война 1806 года.

1806. По расторженіи коалиціи 1805 года, Россія прекратила на время борьбу, предпринятую въ защиту государствъ угнетенныхъ Наполеономъ, но несблизилась съ Франціей. Австрія, обезпокоенная пребываніемъ наполеоновыхъ войскъ въ югозападной Германіи, враждовала Франціи, но остерегалась навлечь на себя гнѣвъ побѣдителя. Пруссія, оставаясь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Россіей, заключила формальный союзъ съ Наполеономъ и разсорилась съ Англіей и Швеціей. Англія, наскучивъ войною, стоившею ей огромныхъ издержекъ, вела переговоры о мирѣ. Наполеонъ постоянно стремился къ своей цѣли — порабощенію Италіи и Германіи. Не встрѣчая сопротивленія властолюбивымъ замысламъ, онъ назначилъ своего брата Іосифа Королемъ Неаполитанскимъ; зять его Мюратъ получилъ Клевъ, Юлихъ и Бергъ съ велико-герцогскимъ титуломъ; Бертье — княжество нефшательское; сестра наполеонова Паулина — княжество гвастальское. Многіе изъ французскихъ маршаловъ, генераловъ и сановниковъ были награждены участками добычи похищенной у сосѣдей, съ титулами князей, графовъ и

бароновъ Имперіи. Голландцы были принуждены 1806.
просить, какъ милости, преобразованія — такъ называемой — своей республики въ монархію, для кого-либо изъ принцевъ наполеоновой династіи, и получили Короля въ особѣ брата его Людовика.

Тогда-же рушилась девяти-вѣковая, одряхлѣвшая Римская Имперія. Наполеонъ желалъ дать подпавшимъ подъ иго Франціи германскимъ владѣтелямъ такое устройство, которое способствовало-бы ему удобнѣе располагать ихъ средствами, и въ особенности ихъ войсками (chair à canon, какъ называлъ онъ солдатъ своихъ). Для достиженія этой цѣли, по его внушенію, 12-го іюля н. ст. 1806 года, былъ заключенъ въ Парижѣ актъ образованія *Рейнскаго Союза*, въ составъ коего, на первый разъ, кромѣ курфирста-архиканцлера, вошли: Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Бергъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау-Узингенъ и Нассау-Вейльбургъ, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ и Гогенцоллернъ-Гехингенъ, княжества: Сальмъ-Сальмъ и Сальмъ-Кирбургъ, Изенбургъ-Бирштейнъ, Лихтенштейнъ, герцогство Аремберг-ское и графство Лейенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые изъ сихъ владѣтелей приняли новые титулы: курфирстъ-архиканцлеръ (Дальбергъ) — принца примата; курфирстъ баденскій, герцогъ бергскій (Мюратъ) и ландграфъ гессенъ-дармштадскій — великихъ герцоговъ; принцъ Нассау — герцога и графъ Лейенъ — князя. Многія изъ мѣлкихъ германскихъ владѣній были медіатизированы, (т. е. потеряли свою независимость), и владѣтели ихъ сдѣлались подданными государствъ, въ составъ коихъ поступили ихъ земли. Самъ Наполеонъ, подъ скромнымъ званіемъ покровителя Рейнскаго Союза, (protecteur de la Confédération du Rhin), сдѣлался распорядителемъ вооруженныхъ силъ его. Во всѣхъ войнахъ, веденныхъ

1806. Франціею, должны были выставлять: Баварія 30,000 человѣкъ, Виртембергъ 12,000. Баденъ 8,000, Бергъ 5.000, Гессенъ-Дармштадтъ 4,000, Нассау съ прочими владѣніями (изъ числа коихъ контингентъ принца Лейенъ 29 человѣкъ), 4,000, и того 63,000 человѣкъ ([1]). Впрочемъ Наполеонъ не ограничивалъ своихъ требованій этими условіями. Вслѣдъ за подписаніемъ акта Рейнскаго Союза, повѣренный въ дѣлахъ Франціи при регенсбургскомъ сеймѣ и члены Союза одновременно объявили сейму — первый, что Императоръ Наполеонъ, послѣ всѣхъ перемѣнъ послѣдовавшихъ въ Германіи, не признаетъ существованія Германской (Римской) Имперіи, а послѣдніе, что они отдѣляются отъ сей Имперіи ([2]). Императоръ Францъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, немедленно сложилъ съ себя санъ Германскаго (Римскаго) Императора и принялъ титулъ Императора Австрійскаго ([3]).

Постыдное рабство Германіи чужеземному властителю, дѣло нѣсколькихъ лицъ движимыхъ корыстью либо страхомъ, было признано во всей странѣ съ тупымъ равнодушіемъ, и среди общаго безмолвія раздался въ защиту оскорбленнаго отечества только одинъ голосъ. Въ виртембергскомъ городкѣ Альтдорфѣ ф. Гессель напечаталъ брошюру: „Германія въ глубокомъ униженіи своемъ“ (Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung) *), которая была въ тайнѣ распространяема нюренбергскимъ книгопродавцемъ Пальмомъ. Даву, узнавъ о томъ, приказалъ предать Пальма военному суду и по повелѣнію самаго Наполеона разстрѣлять его ([4]).

Въ отношеніи къ Пруссіи, Наполеонъ поступалъ

*) Нѣкоторые приписывали эту брошюру извѣстному публицисту Генцу.

стольже насильственно, сколько и презрительно. Онъ 1806.
позволилъ Мюрату овладѣть вестфальскими аббатствами: Эссеномъ, Эльтеномъ и Верденомъ, уступленными прусскому правительству, самовластно присоединилъ къ Франціи Везель и неозаботился своевременнымъ сообщеніемъ берлинскому двору извѣстія объ учрежденіи Рейнскаго Союза. Предлагая Королю Фридриху-Вильгельму образовать Сѣверогерманскій Союзъ, подъ покровительствомъ Пруссіи, онъ въ тоже время старался подъ рукою чрезъ агентовъ своихъ препятствовать исполненію этого замысла. Ведя переговоры съ Россіею и Англіею, онъ имѣлъ въ виду изолировать Пруссію, лишить ее всякой посторонней помощи и унизить ее въ глазахъ ея прежнихъ союзниковъ. Когда лордъ Ярмутъ объявилъ, что возвращеніе Ганновера Англійскому Королю было необходимымъ условіемъ мира, Талейранъ отвѣчалъ ему, что „на счетъ Ганновера не будетъ никакого затрудненія!“ Фридрихъ-Вильгельмъ, постигая непрочность своего союза съ Наполеономъ, всячески желалъ замедлить явный разрывъ съ нимъ, и не только соблюдалъ въ отношеніи къ Франціи осторожность доходившую до робости, но принужденъ былъ ввѣрить управленіе прусскою политикою Гаугвицу и Луккезини, совершенно преданнымъ Наполеону. А, между тѣмъ, дорожа дружбою Императора Александра, Король продолжалъ вести съ нимъ переписку въ тайнѣ, чрезъ Гарденберга, и даже, спустя нѣсколько времени по заключеніи союза съ Наполеономъ, подписалъ секретный трактатъ съ Россіею противъ Франціи, о которомъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Гаугвицъ не имѣлъ никакого свѣдѣнія. Это заставило Короля вести съ русскимъ правительствомъ двоякія сношенія: одни,

1806. явныя, чрезъ Гаугвица, и другія, тайныя, чрезъ бывшаго министра Гарденберга (5).

Въ тоже время, Фридрихъ-Вильгельмъ, получая изъ Парижа, отъ своего посла маркиза Луккезини, успокоительныя извѣстія на счетъ видовъ Наполеона, оставался въ нерѣшительномъ положеніи и въ отношеніи къ Франціи. Но вскорѣ онъ уже не могъ сомнѣваться въ угрожавшей ему опасности.

Великобританское министерство, будучи недовольно своимъ уполномоченнымъ, лордомъ Ярмутомъ, поручило дальнѣйшую негоціацію въ Парижѣ лорду Лаудердалю. Настойчивыя требованія Наполеона на счетъ уступки Сициліи и быть-можетъ еще болѣе разрушеніе Германской Имперіи — все это заставило самаго Фокса отказаться отъ надежды на миръ и обратить всѣ усилія на образованіе новой коалиціи противъ Франціи. Съ первыхъ словъ лорда Лаудердаля легко было генералу Кларке замѣтить, что англійское правительство искало предлога на разрывъ переговоровъ. Лордъ Лаудердаль объявилъ, что Е. В. Король Великобританскій рѣшился заключить миръ не иначе, какъ на основаніи настоящаго положенія обѣихъ державъ (uti possidetis) (6). Генералъ Кларке отвѣчалъ, что еслибы Императоръ Наполеонъ предполагалъ заключить миръ на такомъ основаніи, то онъ не выпустилъ-бы изъ рукъ завоеванныя имъ австрійскія области, съ Вѣною, Тріестомъ и Фіуме, а равно Ганноверъ и сѣверное прибрежье Германіи; что̀-же касается до Сициліи, то онъ не прежде согласился-бы на открытіе переговоровъ, какъ по занятіи этого острова французскими войсками. „Ежели вы станете настаивать, чтобы за вами остались голландскія колоніи, продолжалъ Кларке — то Голландія по необходимости сдѣлается областью Французской Имперіи, потому что Король Людовикъ объя-

вилъ о намѣреніи своемъ отказаться отъ престола, 1806
если колоніи принадлежавшія Голландіи не будутъ возвращены ей, при заключеніи общаго мира"....(7). Послѣ такого рѣшительнаго отзыва, совѣщанія были прерваны въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, хотя оба англійскіе уполномоченные оставались въ Парижѣ. Желая возбудить неудовольствіе Пруссіи противъ Наполеона, лордъ Ярмутъ проговорился съ умысломъ на дипломатическомъ обѣдѣ маркизу Луккезини, что французское правительство предлагало возвратить Ганноверъ Королю Великобританскому. Прусскій посланникъ поспѣшилъ сообщить это свѣдѣніе въ Берлинъ, присовокупивъ отъ себя, что „не всегда въ винѣ бываетъ правда, и что быть-можетъ англійскій уполномоченный хотѣлъ поселить раздоръ между берлинскимъ и парижскимъ кабинетами". Но изъявивъ сомнѣніе на счетъ дѣйствительнаго факта, Луккезини, по обычной склонности своей распускать всевозможныя сплетни, донесъ своему двору, будтобы Наполеонъ предлагалъ Россіи Прусскую Польшу, и еще будтобы Императоръ Александръ и Наполеонъ въ тайнѣ согласились между собою возстановить Королевство Польское въ пользу Великаго Князя Константина Павловича (8). Хотя французскому правительству удалось перехватить депешу прусскаго посланника, однакоже дубликатъ ея былъ полученъ 7-го августа н. ст. въ Берлинѣ и возбудилъ тамъ большую тревогу. Роковое донесеніе о намѣреніи Наполеона — отнять Ганноверъ у Пруссіи, подтвержденное извѣстіями изъ Лондона, разнеслось съ быстротою молніи по всей странѣ; и безъ того уже проявлявшееся въ Пруссіи чувство ненависти къ Наполеону и Французамъ возникло съ новою силою. 9-го августа н. ст. Король приказалъ немедленно поставить армію на военное положеніе.

1806. Желая однакоже выиграть время, необходимое для приготовленія къ войнѣ, и быть-можетъ все еще лаская себя надеждою избѣжать разрыва съ Франціей, Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ генерала Кнобельсдорфа въ Парижъ, на смѣну отозваннаго по желанію Наполеона маркиза Луккезини. Графъ Гаугвицъ полагалъ, что Кнобельсдорфу удастся усыпить бдительность опаснаго непріятеля и дать время Пруссіи не только собраться съ силами, но и войти въ сношеніе съ прочими державами для совокупнаго дѣйствія противъ Франціи (9).

Предпринимая войну, Пруссія вовсе не была готова къ ней и не могла надѣяться на быструю помощь своихъ сосѣдей. Императоръ Александръ, получивъ извѣстіе о вооруженіяхъ прусскаго правительства и приглашеніе участвовать въ предлежащей борьбѣ, далъ весьма благопріятный отвѣтъ Королю, увѣряя его, что: „не только союзникъ пребудетъ вѣренъ своему союзнику, но что другъ явится въ челѣ многочисленной и отличной арміи въ помощь своему другу“ (10). Слова эти были искренни, но для сбора сильной русской арміи, послѣ разгрома при Аустерлицѣ, и для прибытія ея въ Пруссію требовалось болѣе трехъ мѣсяцевъ. Со стороны Англіи, хотя были отмѣнены враждебныя дѣйствія, столь вредныя для прусской торговли, однакоже блокада сѣверо-германскаго прибрежья продолжалась до 13-го (25-го) сентября, потому что берлинскій дворъ долго не посылалъ въ Лондонъ офиціальнаго извѣщенія о разрывѣ съ Франціею. Великобританское правительство настаивало, чтобы первымъ условіемъ союза между Англіею и Пруссіею было возвращеніе Ганновера Королю Георгу III, но графъ Гаугвицъ, не желая разстаться съ пріобрѣтенною имъ добычею,

тянулъ дѣло, и союзный трактатъ съ Англіей былъ подписанъ уже въ ноябрѣ. 1805.

Соглашеніе съ Австріею шло еще медленнѣе, какъ увѣрялъ графъ Гаугвицъ — изъ опасенія, чтобы Австрійцы не извѣстили Наполеона о намѣреніяхъ Пруссіи; въ дѣйствительности-же — быть-можетъ — изъ стыда просить помощи у тѣхъ, которымъ Пруссія незадолго предъ тѣмъ отказала въ содѣйствіи. Переговоры между обѣими державами открылись не прежде начала сентября н. ст. Австрія изъявила сочувствіе къ Пруссіи, но послѣ значительныхъ потерей ею понесенныхъ была принуждена ограничиться вооруженнымъ неутралитетомъ и высылкою сильнаго корпуса въ Богемію для охраненія собственныхъ предѣловъ.

Война съ Швеціей была прекращена и прусскій корпусъ Калькрейта, стоявшій въ Помераніи, перешелъ на западную границу государства, но не было принято никакихъ мѣръ къ своевременному содѣйствію Шведовъ, что̀ имѣло весьма невыгодныя послѣдствія для Пруссіи.

Что̀ касается до сѣверо-германскихъ владѣтелей, то всѣ они, за исключеніемъ курфирста гессенскаго и герцога мекленбургъ-шверинскаго, съ большею или меньшею готовностью, изъявили согласіе вооружиться въ пользу Пруссіи, но силы ихъ вообще не могли оказать значительнаго вліянія въ борьбѣ противъ Франціи ([11]).

Такимъ образомъ Пруссія въ началѣ войны могла надѣяться только на свои собственныя войска, которыя частью изъ опасенія преждевременно возбудить подозрѣніе Франціи, частью изъ экономическихъ разсчетовъ, были весьма недостаточны. Забыто было старое правило: „если хочешь избѣжать войны, будь готовъ къ ней“. Армія, выставленная для про-

1806. тиводѣйствія Французамъ, считала въ рядахъ не болѣе 130,000, а вмѣстѣ съ саксонскими войсками до 150,000 человѣкъ ([12]). Со стороны-же Наполеона, было собрано въ Германіи до 200,000 человѣкъ ([13]), не считая контингентовъ Рейнскаго Союза.

Въ отношеніи къ качеству войскъ и къ способностямъ ихъ начальниковъ, прусская армія стояла несравненно ниже французской. Будучи слишкомъ многочисленна въ отношеніи къ народонаселенію страны, она комплектовалась не только наборами, но и вербовкою, доставлявшею весьма ненадежныхъ солдатъ. Какъ производство въ офицеры было доступно только дворянамъ, то нижніе чины, невозбуждаемые надеждою на повышеніе, удерживались въ порядкѣ лишь однимъ страхомъ. Прусскій солдатъ въ глазахъ его начальниковъ былъ дикая тварь, управляемая исключительно посредствомъ фухтелей, палокъ и шпицрутена. Продовольствіе его было весьма скудно: каждый изъ нижнихъ чиновъ получалъ въ годъ отъ 2 талеровъ до 2 талеровъ 12 грошей и ежедневно 1⅕ фунт. плохо испеченнаго хлѣба (Kleibrod). Въ походѣ выдавалось по два фунта хлѣба и по ½ фунта мяса въ сутки. Одежда прусскаго солдата — мундиръ и исподнее платье, сшитые изъ толстаго сукна, сквозь которое, по современной поговоркѣ „можно было просѣевать горохъ“, были такого покроя, что носившіе ихъ люди не могли свободно дѣйствовать оружіемъ. Лѣтомъ нижніе чины носили холщевыя рейтузы, оставаясь въ нихъ и въ осеннемъ походѣ 1806 года, не смотря на холодныя ночи. Шинелей у солдатъ не было. Въ прусской арміи употребляли пудру и носили косы; высшіе начальники на инспекторскихъ смотрахъ имѣли при себѣ нормальную мѣру, которою мѣряли косы нижнихъ чиновъ. Почти всѣ прусскіе генералы были

люди выжившіе изъ лѣтъ и ни къ чему неспособные. Генералъ моложе 64-хъ лѣтъ считался исключеніемъ; почти всѣмъ генералъ-лейтенантамъ было до 70 и болѣе лѣтъ; штабъ-офицерамъ — отъ 50 до 60. У Клейста въ магдебургскомъ гарнизонѣ находилось 19 генераловъ, которымъ въ совокупности было 1300 лѣтъ. Представителемъ прусскаго генералитета могъ считаться Рюхель, тотъ самый, который, на одномъ изъ потсдамскихъ парадовъ, увлеченный безсмысленнымъ восторгомъ, сказалъ: „такихъ генераловъ, какъ господинъ Бонапарте, въ арміи Его Величества нашего Короля много". Хозяйственная часть войскъ представляла странныя противоположности: подвижные магазины и лазареты были недостаточны и не поспѣвали вслѣдъ за арміей, а, между тѣмъ, огромные обозы затрудняли ея движеніе. Не говоря уже, что у всякаго пѣхотнаго офицера была верховая лошадь, (потому что — говорилъ Рюхель — прусскому дворянину не пристало ходить пѣшкомъ), и чрезъ то баталіонный обозъ напрасно увеличивался пятидесятью лошадьми, начальники войскъ возили за собою множество ненужныхъ вещей. Въ походѣ 1806 года, одинъ изъ поручиковъ мёллендорфова полка имѣлъ въ обозѣ фортепьяно. Самъ прусскій генералисимусъ, семидесяти-лѣтній герцогъ брауншвейгскій, считалъ необходимымъ имѣть при себѣ молоденькую француженку (14). 1806.

Вооруженіе прусской пѣхоты было весьма плохо. Для удобнѣйшей носки ружей въ отвѣсномъ положеніи, дѣлали прямые короткіе приклады (Kuhfüsse), не позволявшіе удобно прицѣливаться, а для звонкихъ темповъ ослабляли гайки. Ружья полировали и тёрли съ такимъ усердіемъ, что изъ нихъ было опасно стрѣлять боевыми зарядами. Стрѣльбѣ въ цѣль обучались только по десяти человѣкъ (стрѣл-

1806. ковъ) въ ротѣ, снабженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ, да и тѣ не имѣли понятія о дѣйствіи въ разсыпномъ строю. Боевыя движенія производились медленно, по 75-ти шаговъ въ минуту, и только лишь при развертываніи фронта пѣхота двигалась удвоеннымъ шагомъ (Dublir-schritt). При встрѣчѣ съ непріятелемъ, предполагалось выдвигать, сквозь интервалы между баталіонами, впередъ на 50 шаговъ, полковыя орудія, которыя должны были, открывъ огонь, продолжать стрѣльбу до сближенія пѣхоты на ружейный выстрѣлъ, а потомъ отъѣзжали за фронтъ. Наступленіе пѣхоты производилось — какъ въ Семилѣтнюю войну — эшелонами и цѣлыми линіями. Противъ кавалеріи строили баталіонныя трехъ-шереножныя каре, при чемъ полковая артиллерія становилась по угламъ, а передки и зарядные ящики — внутри каре.

Кавалерія вообще была лучше пѣхоты, но неудобства, происходившія отъ слишкомъ старыхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, оказывались въ ней еще болѣе вредными нежели въ другихъ родахъ войскъ.

Артиллерія, за исключеніемъ конныхъ и баталіонныхъ (полковыхъ) орудій, состояла изъ двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, кои предпочитались орудіямъ меньшихъ калибровъ, по дальности своего дѣйствія, и въ особенности по большей дѣйствительности стрѣльбы картечью.

Прусскій генеральный штабъ отличался обширными свѣдѣніями исключительно по математической и топографической частямъ, и по тому мѣстность преимущественно обращала на себя вниманіе офицеровъ этого вѣдомства, безпрестанно разсуждавшихъ о сообщеніяхъ и позиціяхъ и никогда не принимавшихъ въ разсчетъ вооруженныя силы и духъ войскъ. Генералъ-лейтенантъ Гравертъ и полковникъ Массен-

бахъ были представителями такого односторонняго воззрѣнія на военное дѣло (15). 1806.

Прусская армія, уступавшая и въ числѣ и въ качествѣ арміи Наполеона, плохо одѣтая, обутая и скудно снабженная необходимѣйшими жизненными запасами, не получившая настоящаго боеваго образованія, предводимая дряхлыми генералами и неопытными офицерами, не смотря на все это, считала себя первою арміей въ Свѣтѣ. Конечно — прусскіе солдаты, особенно женатые, оставлявшіе свои семейства въ самой крайней нуждѣ, выступали въ походъ не съ такимъ увлеченіемъ, какимъ были преисполнены Французы, изъ коихъ каждый мечталъ „носить маршальскій жезлъ въ ранцѣ". За то — самонадѣянность прусскихъ офицеровъ не имѣла предѣловъ. Порицая Австрійцевъ (Weissröcke) за неудачи ими понесенныя при Ульмѣ и Аустерлицѣ и глумясь надъ ними, прусскіе прапорщики и поручики (Blauröcke) отзывались съ презрѣніемъ о Французахъ. „Они еще не имѣли дѣла съ Пруссаками — говорили эти безбородые воины. Пусть только встрѣтятся съ нами; на нашей сторонѣ будетъ побѣда, вѣроятно слишкомъ легкая, чтобы доставить намъ славу". (Sie haben noch keine Preussen vor sich gehabt. Ertönte nur einmal der Ruf ins Feld, so wäre der Sieg unser; ein leichter Sieg, wahrscheinlich allzu leicht, um ehrenvoll zu sein). Еще наканунѣ сраженій при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, прусскіе офицеры, проходя чрезъ Веймаръ, давали обѣщаніе: „покончить разомъ съ санъ-кюлотами!" (mit diesen jenigten Sans-culotten wollen wir schon fertig werden)... Одинъ изъ генераловъ увѣрялъ, что Бонапарте негодится въ прусскіе капралы (Der Bonaparte verdient nicht einmal Korporal in der preussischen Armee zu sein). Весьма замѣчательно, что герцогъ браун-швейгскій не раздѣлялъ этихъ сангвиническихъ убѣж-

1806. деній, сомнѣвался въ успѣхѣ и даже согласился принять начальство надъ арміей единственно для того, чтобы отклонить войну (!). Нерѣдко въ откровенной бесѣдѣ съ ближайшими къ нему лицами онъ отзывался о принцѣ Гогенлоэ, какъ о пустомъ, слабомъ человѣкѣ, позволявшемъ водить себя за насъ Массенбаху, называлъ фельдмаршала Мёллендорфа тупымъ старцемъ, Калькрейта — пронырою, прочихъ генераловъ — бездарными старовѣрами: „и съ такими людьми хотятъ воевать противъ Наполеона!“ говорилъ герцогъ. Впрочемъ — какъ самъ онъ, такъ многіе другіе, полагаясь на увѣренія Гаугвица и прибывшаго тогда изъ Парижа въ Берлинъ Луккезини, полагали, что еще не скоро дойдетъ дѣло до разрыва съ Франціей ([16]). Графъ Нессельродъ, посланный въ главную квартиру прусской арміи, удивлялся, не видя никакихъ военныхъ приготовленій ([17]).

Фридрихъ-Вильгельмъ видѣлъ недостатки своей арміи, и потому весьма основательно не желалъ войны; измѣнить-же военныя учрежденія Пруссіи, освященные подвигами Семилѣтней войны, онъ не отваживался: что̀ сказали-бы герои прошлаго вѣка, еслибы молодой, неопытный въ боевомъ ремеслѣ, Государь сталъ вводить новые уставы? Но не желая войны и не будучи готовъ къ ней, Король самъ ускорилъ развязку своихъ сомнительныхъ отношеній къ Франціи. 25-го сентября н. ст. была отправлена къ прусскому резиденту въ Парижѣ, генералу Кнобельсдорфу, нота, заключавшая въ себѣ крайнія условія (ultimatum) берлинскаго двора, вмѣстѣ съ письмомъ Короля къ Наполеону, на двадцати страницахъ, въ коемъ были изложены всѣ поводы къ неудовольствію Пруссіи, поданные французскимъ правительствомъ. Эти злополучныя депеши были отосланы Талейраномъ въ

главную квартиру Наполеона, находившуюся въ Бамбергѣ, и получены тамъ 25-го сентября (7-го октября). 1806.

Король домогался: во 1-хъ, чтобы французскія войска, расположенныя въ Германіи, немедленно отошли за Рейнъ, начавъ отступленіе въ тотъ самый день, когда послѣдуетъ отвѣтъ на отзывъ прусскаго правительства, именно 8-го октября н. ст., во 2-хъ, чтобы со стороны Франціи не было никакого препятствія образованію Сѣвернаго Союза, заключающаго въ себѣ германскія владѣнія непоименованныя въ актѣ Рейнскаго Союза, и въ 3-хъ, чтобы неотлагательно были открыты переговоры для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, при чемъ предварительными условіями долженствовали быть отдѣленіе Везеля отъ Французской Имперіи и возвращеніе Пруссіи трехъ вестфальскихъ аббатствъ занятыхъ войсками великаго герцога бергскаго ([18]).

Отвѣтомъ Наполеона прусскому правительству были воззваніе къ своей арміи о началѣ войны и оскорбительныя выходки въ бюллетенѣ на счетъ Короля и Королевы ([19]). Со стороны Пруссіи послѣдовало объявленіе войны немедленно по истеченіи срока, означеннаго въ предложенныхъ условіяхъ, именно 9-го октября н. ст. ([20]).

Пользуясь сосредоточеніемъ своихъ силъ на немногихъ пунктахъ, способностью своихъ войскъ къ быстрымъ движеніямъ и умѣньемъ продовольствовать армію средствами страны служившей театромъ дѣйствій, Наполеонъ отрѣзалъ прусскую армію отъ ея сообщеній съ Берлиномъ и другими важнѣйшими пунктами. Въ одной изъ первыхъ встрѣчъ былъ убитъ принцъ Людовикъ, прусскій Алкивіадъ, давшій слово — не пережить бѣдствій своего отечества, и погибшій прежде нежели они обрушились на Пруссію. Вскорѣ за тѣмъ, въ одинъ и тотъ-же день, 2

1805. (14) октября, вооруженныя силы Пруссіи были сокрушены въ двухъ сраженіяхъ, при Іенѣ и Ауэрштедтѣ: ни отвага Блюхера, ни самоотверженіе Короля и старыхъ героевъ Семилѣтней войны, немогли устоять противъ превосходныхъ войскъ, движимыхъ мыслью геніяльнаго полководца. Самъ герцогъ брауншвейгскій, Рюхель и другіе прусскіе начальники были убиты, либо ранены. Безсознательная самонадѣянность уступила мѣсто паническому страху; цѣлыя дивизіи слагали оружіе безъ выстрѣла; сильныя крѣпости сдавались гусарскимъ отрядамъ. Величественное созданіе Великаго Фридриха пало въ нѣсколько дней. Король Прусскій, потерявъ армію, столицу, государство, искалъ спасенія въ отдаленнѣйшей изъ областей своихъ. Наполеонъ, властелинъ Германіи, объявилъ курфирста гессенъ-кассельскаго и герцога брауншвейгскаго лишенными владѣній. Потомки мужественныхъ Тевтоновъ трепетали предъ нимъ, и только лишь твердая душею жена — герцогиня веймарская Луиза неустрашилась его. Удивленный ея присутствіемъ духа, Наполеонъ сказалъ Раппу: „вотъ женщина, которую не могли испугать наши двѣсти пушекъ.“ (Voilà une femme à la quelle pas même nos deuxcents canons n'ont pu faire peur).

9-го (21-го) октября, Наполеонъ, на маршѣ къ Берлину, встрѣтивъ маркиза Луккезини, посланнаго къ нему Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, съ просьбою о мирѣ, предложилъ ему чрезъ гофмаршала Дюрока: „уступку всѣхъ областей лежащихъ между Эльбою и Рейномъ; уплату контрибуціи въ сто милліоновъ франковъ; обязательство невмѣшиваться, ни подъ какимъ предлогомъ, въ дѣла Германіи, и согласіе на всѣ перемѣны тамъ сдѣланныя, либо могущія произойти въ послѣдствіи.“ Лукке-

зини не отважился подписать такія условія и отправился къ Королю, чтобы испросить его разрѣшеніе. Фридрихъ-Вильгельмъ, покоряясь необходимости, согласился на все и уполномочилъ генерала Цастрова, вмѣстѣ съ маркизомъ Луккезини, заключить миръ. Но когда они прибыли въ Берлинъ, занятый французскими войсками, и изъявили Дюроку, 18 (30) октября, согласіе на помянутыя предложенія, Наполеонъ, тогда уже получивъ свѣдѣніе о сдачѣ корпуса принца Гогенлоэ, вознамѣрился продолжать войну. Король, еще не зная о томъ, послалъ къ нему слѣдующее письмо: 1806.

„Государь, братъ мой!

„Рѣшась просить миръ у Вашего Императорскаго Величества, я руководился нетолько разсудкомъ, но и сердцемъ. Не смотря на ужасныя жертвы отъ меня Вами требуемыя, я желаю искренно, чтобы сей миръ, уже упроченный принятіемъ предложенныхъ условій, подалъ мнѣ возможность возстановить дружескія отношенія съ Вашимъ Величествомъ, прерванныя кратковременною войною. Желая неотлагательно явить доказательствомъ довѣрія къ вамъ искренность моихъ чувствъ, я, не ожидая даже подписанія мирныхъ условій, остановилъ движеніе русскихъ войскъ.

„Душевно желаю, чтобы Вы были приняты въ моемъ дворцѣ, какъ можно лучше, къ чему принялъ я всѣ зависѣвшія отъ меня мѣры. Позвольте мнѣ, съ моей стороны, поручить великодушію Вашего Императорскаго Величества мою столицу и Бранденбургію. Скудно одаренная природою эта область есть какъ-бы созданіе моего безсмертнаго дѣда. Благоволите, Государь, считать ее памятникомъ имъ воздвигнутымъ самому себѣ: сходство между вами и симъ великимъ мужемъ, конечно, побудитъ Васъ

1806. пощадить его твореніе. Осмѣливаюсь также просить Васъ объ исключеніи изъ тяжкихъ жертвъ отъ меня требуемыхъ гальберштатской области и земель принадлежащихъ къ герцогству магдебургскому. Исполненіе этой просьбы почту драгоцѣннымъ знакомъ вашего ко мнѣ благорасположенія," и проч. ([21]).

Письмо Короля не измѣнило намѣренія Наполеона — пріобрѣсть на счетъ Пруссіи залоги, могущіе, при заключеніи общаго мира, послужить вознагражденіемъ за французскія, голландскія и испанскія колоніи захваченныя Англичанами. Уполномоченные Пруссіи просили, чтобы, по крайней мѣрѣ, было заключено перемиріе, и Наполеонъ согласился на то съ условіями: во 1-хъ, чтобы прусскія войска отступили за нижнюю Вислу, въ Кенигсбергу, предоставя Французамъ крѣпости: Данцигъ, Грауденцъ, Торнъ, Кольбергъ, Глогау, Бреславль, Гамельнъ и Ніенбургъ; во 2-хъ, чтобы Король обязался, въ продолженіи перемирія, недопускать въ свои владѣнія никакихъ чужеземныхъ войскъ. Фридрихъ-Вильгельмъ не подписалъ этого перемирія, поручивъ судьбу собственную и своей монархіи великодушному заступничеству Императора Александра ([22]).

Такой поступокъ Короля, несогласовавшійся съ обычною ему нерѣшимостью, былъ послѣдствіемъ его дружескихъ сношеній съ Россійскимъ Монархомъ. Еще 11 (23) октября, Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ изъ Кюстрина въ Петербургъ капитана Шёлера, съ извѣстіемъ о пораженіяхъ понесенныхъ на рѣкѣ Заалѣ. Но еще прежде нежели Шёлеръ успѣлъ исполнить данное ему порученіе, Императоръ Александръ, уже получивъ свѣдѣніе о несчастіяхъ, постигшихъ Короля, писалъ къ нему, увѣряя въ неизмѣнной своей къ нему преданности.... „Волнуемый сомнѣніемъ и душевнымъ безпокой-

ствомъ, долгомъ считаю повторить Вашему Величеству самое торжественное обѣщаніе въ томъ, что каковы бы ни были послѣдствія вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не откажусь отъ извѣстныхъ вамъ моихъ намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ В-мъ В-мъ, въ качествѣ союзника и узами нѣжнѣйшей дружбы, не нахожу никакой жертвы, никакихъ усилій, которыхъ-бы я несдѣлалъ, чтобы доказать вамъ вполнѣ мою преданность драгоцѣннымъ обязанностямъ, на мнѣ лежащимъ..... 1806.

„Соединимся тѣснѣе, нежели когда либо; пребудемъ вѣрны чести и славѣ, и предоставимъ прочее Промыслу, который, рано или поздно, положитъ конецъ успѣхамъ хищенія и тиранства, даруя торжество святому дѣлу“.... ([23]).

Въ отвѣтъ на это письмо, Король, уже отказавъ утвердить перемиріе на предложенныхъ Наполеономъ условіяхъ и уволивъ въ отставку Гаугвица, *) писалъ между прочимъ, Императору Александру:

.....„Нѣтъ ничего столь неизмѣннаго, Государь, какъ мною принятое намѣреніе — слѣдовать вмѣстѣ съ вами одной и той-же политикѣ. Каждый день утверждаетъ меня въ этомъ намѣреніи, потому что въ каждый день болѣе и болѣе развиваются обширные планы необъятнаго властолюбія Наполеона, побуждая всѣ государства, сохранившія независимость, соединиться противъ отъявленнаго врага ихъ самостоятельности“ ([24]).

Тогда-же Фридрихъ-Вильгельмъ, въ письмѣ къ Императору Францу, извѣщалъ его о рѣшимости своей — дѣйствовать за-одно съ Императоромъ Але-

*) Король предложилъ министерство иностранныхъ дѣлъ Штейну; когда-же Штейнъ уклонился отъ этого назначенія, министерство было ввѣрено генералу Цастрову, котораго всѣ виды клонились къ тому, чтобы, во что ни стало, помириться съ Наполеономъ (Höpfner. III. 5).

1806. ксандромъ. „Принимаю — писалъ Король — такое-же обязательство и въ отношеніи къ Австріи, если это, какъ я льщу себя надеждою, можетъ побудить В. В-во къ содѣйствію намъ.“

Наполеонъ, по вторженіи въ Пруссію, учредилъ въ завоеванныхъ областяхъ французское управленіе. Въ Берлинѣ, онъ потребовалъ, чтобы прусскіе сановники и прочіе гражданскіе чины присягнули ему на вѣрность службы. Пять министровъ рѣшились первые на это постыдное дѣло, извиняясь въ послѣдствіи желаніемъ сохранить въ порядкѣ ввѣренныя имъ вѣдомства. Декретъ Наполеона о чрезвычайной контрибуціи въ 100 милліоновъ франковъ, наложенной на Пруссію, послѣдовалъ 15-го октября н. ст. на другой день по одержаніи побѣдъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ; курфирстъ саксонскій также долженъ былъ уплатить 25 милліоновъ, герцогъ саксенъ-веймарскій 2 милліона, Гановеръ 9 милліоновъ, курфиршество гессенское, герцогство браунштейгское и нѣкоторыя мѣлкія владѣнія 23 милліона, всего-же на Пруссію и бывшихъ ея германскихъ союзниковъ наложена была сумма въ 159 милліоновъ франковъ. Биньонъ, стараясь оправдать эти алчные поборы, приводитъ слова Маккіавелли: „Французы падки на чужое добро, но они расточаютъ его также какъ и свое..... Они проѣдаютъ охотно съ ограбленными имъ людьми полученную отъ нихъ наживу“ ([25]).

Въ продолженіи полутора мѣсяца, многія прусскія крѣпости, вмѣстѣ съ главною изъ нихъ Магдебургомъ, почти безъ выстрѣла сдались Французамъ. Наибольшее сопротивленіе оказали силезскія крѣпости германскимъ контингентамъ наполеонова брата Іеронима и приставленнаго къ нему, въ качествѣ дядьки, Вандамма. Народы Германіи сами ковали цѣпи на своихъ братій, а властители ихъ напере-

рывъ изъявляли покорность чужеземному государю. 1805.
Саксонскій курфирстъ присоединилъ свои войска къ арміи Наполеона. Король баварскій первый подалъ примѣръ родственнаго союза одной изъ древнихъ европейскихъ династій съ семействомъ Бонапартовъ, выдавъ свою дочь Августу за наполеонова пасынка Евгенія Богарне. Личныя качества юнаго принца оправдывали сей союзъ, но Императоръ Александръ не одобрялъ его, потому что это вело къ возвышенію гордыни Наполеона, и желая выказать свой образъ мыслей, приказалъ объявить секретарю баварской миссіи въ Петербургѣ Г. д'Ольри (d'Olry), что предположенный незадолго предъ тѣмъ бракъ Великой Княжны Екатерины Павловны съ Наслѣднымъ баварскимъ принцемъ не могъ состояться, за тѣмъ, что Государь Императоръ не хотѣлъ затруднять (gêner) принца, которому быть-можетъ Бонапарте назначалъ супругою какую-либо изъ своихъ родственницъ, подобно тому, какъ вышла принцесса Августа за Евгенія Богарне. Г. Ольри отвѣчалъ передавшему волю Государя, князю Чарторыскому, увѣреніемъ, что его Государь и вся его фамилія, въ особенности-же Наслѣдный принцъ, искренно будутъ сожалѣть о томъ, и что потеря благоволенія Его Императорскаго Величества для нихъ весьма горестна. Князь Чарторыскій, невходя въ дальнѣйшія официальныя объясненія, упомянулъ о содѣйствіи баварскихъ войскъ Французамъ въ минувшую войну противъ Россіи и Австріи, которыя не только не сдѣлали никакого вреда курфирсту *), но, напротивъ того, предполагали доставить ему значительныя выгоды, еслибы онъ присоединился къ ихъ

*) Владѣтель Баваріи тогда еще не былъ признанъ Россіей въ королевскомъ санѣ.

1806. союзу. Г. д'Ольри изъявилъ сожалѣніе, что объ этомъ не было своевременно сообщено курфирсту, который, вѣроятно, не принялъ-бы сторону Франціи. Но князь Чарторыскій весьма основательно замѣтилъ, что „зная достаточно курфирстовых министровъ, союзники немогли открыть имъ своихъ плановъ“ (26). Дѣйствительно Монжеласъ и прочіе баварскіе министры были на жалованьѣ французскаго правительства.

Наполеонъ, въ продолженіи пребыванія своего въ Берлинѣ, объявилъ, декретомъ отъ 21-го ноября н. ст. о *континентальной блокадѣ.* Преобладаніе Англичанъ на морѣ побудило его къ принятію враждебныхъ мѣръ противъ торговли и частной собственности англійскихъ подданныхъ на материкѣ Европы. На основаніи помянутаго декрета, было повелѣно:

1) Считать великобританскіе острова состоящими въ блокадномъ состояніи.

2) Прекратить съ ними торговлю и всякія сношенія.

3) Каждый изъ англійскихъ подданныхъ, находящихся въ странахъ занятыхъ французскими, либо союзными Франціи, войсками, подвергался аресту въ качествѣ военноплѣннаго.

4) Магазины, товары и всякія имущества, принадлежащія Англичанамъ, подлежали конфискаціи.

5) Торговля англійскими товарами и издѣліями англійскихъ фабрикъ была запрещена.

6) Морскимъ судамъ, плывущимъ изъ Англіи, либо изъ англійскихъ колоній, не дозволенъ былъ входъ во французскія гавани.

7) Окончательное, разбирательство вопросовъ по исполненію настоящаго декрета, было предоставлено

особымъ судамъ (tribunaux des prises), учрежденнымъ въ Парижѣ и Миланѣ. 1805.

8) Повелѣно министру иностранныхъ дѣлъ сообщить помянутый декретъ Королямъ: Испанскому, Неаполитанскому, Голландскому и Этрурійскому, а равно и всѣмъ прочимъ союзникамъ Франціи (27).

Въ послѣдствіи увидимъ, какихъ притѣсненій и бѣдствій послужилъ поводомъ этотъ декретъ, и какъ самый виновникъ его сдѣлался нарушителемъ своего чудовищнаго созданія.

Наполеонъ, выѣхавъ 25-го ноября н. ст. изъ Берлина въ Кюстринъ, получилъ тамъ отъ Дюрока извѣстіе объ отказѣ Короля заключить перемиріе на требуемыхъ отъ него условіяхъ. По прибытіи въ Познань, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его туда прусскимъ генераломъ Цастровымъ, Наполеонъ сказалъ ему: „Король объявилъ генералу Дюроку, что онъ не оставитъ союза съ Россіей; на его отвѣтственности лягутъ всѣ послѣдствія могущія произойти отъ продолженія войны. Ежели французскія войска одержатъ побѣду надъ русскими, то не станетъ Королевства Прусскаго. Я желаю мира съ Англіею и Россіей и отъ нихъ зависитъ будущность Пруссіи“, и проч. (28). Нѣсколько дней спустя, 6-го декабря, онъ писалъ къ Королю въ такомъ-же тонѣ (29). Переговоры не имѣли — да и не могли имѣть — успѣха. Еще 7 (19) ноября, Наполеонъ объявилъ своему сенату, что онъ принялъ неизмѣнно намѣреніе не возвращать ни Берлина, ни Варшавы, ни прусскихъ областей занятыхъ его войсками, до заключенія общаго мира, пока не будутъ возвращены французскія, испанскія и голландскія колоніи, и не упрочится независимость Оттоманской Порты (30).

1806. Успѣхи Наполеона возбудили надежды Поляковъ на возстановленіе независимости ихъ отечества. Еще въ 1805 году, они хотѣли вооружиться въ пользу Французовъ, но Пресбургскій миръ не позволилъ осуществиться ихъ намѣренію. Когда-же Наполеонъ, послѣ сраженія при Іенѣ, прибылъ въ Берлинъ, явились къ нему познанскіе депутаты съ просьбою принять ихъ страну подъ покровительство Франціи. Предложеніе было принято, и въ началѣ ноября н. ст. появилась прокламація, за подписью служившаго во французской арміи генерала Домбровскаго и одного изъ защитниковъ конституціи 3-го мая 1791 года, Выбицкаго, призывавшая польскую молодёжь на защиту отечества (31). Въ короткое время было сформировано нѣсколько баталіоновъ. Поляки принимали Французовъ какъ братьевъ, а прибытіе Наполеона въ Познань послужило сигналомъ къ шумнымъ изъявленіямъ восторга. Замѣтимъ однакоже, что Наполеонъ и тогда, какъ и впослѣдствіи, выказалъ въ отношеніи къ Польшѣ осторожность, долженствовавшую охладить ихъ безотчетныя выходки. Восхваляя ихъ самоотверженіе, онъ отзывался загадочно о судьбѣ Польши (32). Благоразумнѣйшіе изъ Поляковъ весьма основательно полагали, что возстановленіе Польской Монархіи не согласовалось съ видами и обычною системою дѣйствій Наполеона (33). По занятіи Варшавы французскими войсками, Наполеонъ, одобривъ учрежденіе тамъ временнаго правительства, приказалъ назначить въ составъ его исключительно уроженцевъ Прусской Польши (34). Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ избѣгалъ разрыва съ вѣнскимъ дворомъ, расположеніе котораго для него было очень важно, и въ особенности при наступленіи къ русскимъ границамъ.

ГЛАВА XVII.

Война съ Французами 1806—1807 годовъ. Сраженія при Пултускѣ и Голыминѣ.

Приступая къ изложенію событій войны 1806 и 1807 годовъ, со времени появленія на главномъ театрѣ дѣйствій русскихъ войскъ, считаю необходимымъ дать понятіе о приготовленіяхъ къ войнѣ и средствахъ Россіи. 1806.

Во второй половинѣ 1806 года, Россія не успѣвъ еще прекратить враждебныя дѣйствія въ Закавказьѣ съ Персіею, была угрожаема войною со стороны Оттоманской Порты, возбужденной противъ Россіи происками Французовъ. Это обстоятельство, отвлекая къ югу значительную часть русскихъ войскъ, непозволяло намъ дѣйствовать на западѣ всею массою силъ и много способствовало успѣхамъ Наполеона. По уничтоженіи прусской арміи и завоеваніи Французами большей части прусскихъ владѣній, нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей полагали, что мы должны были, во что бы то ни стало, искать мира. По словамъ ихъ, Россія тогда находилась почти въ такомъ-же положеніи, въ какомъ была Пруссія въ началѣ октября 1806 года и если единственная армія, состоявшая въ нашемъ распо-

1806. ряженіи, была-бы разбита, то все пространство западныхъ областей Россіи подверглось-бы нашествію непріятеля, который могъ не только возбудить въ нихъ возстаніе, но и взволнобать весь народъ обѣщаніемъ свободы помѣщичьимъ крестьянамъ. Въ настоящее время (въ 1806 году) — по ихъ мнѣнію — нельзя было дѣйствовать такъ, какъ при открытіи войны съ Французами въ 1805 году: прежде шло дѣло о поддержаніи государствъ служившихъ преградою Наполеону, а теперь, когда они пали, либо приведены въ бездѣйствіе, надлежало ограничиться собственнымъ охраненіемъ, и этого требовала самая польза нашихъ сосѣдей, потому что еслибы мы подверглись гибели, то они потеряли-бы послѣднюю надежду лучшей будущности. Слѣдовательно — мы должны были открыть переговоры о мирѣ, и открыть ихъ какъ можно скорѣе, пока наша армія еще не подверглась пораженію. Непріятель, по всей вѣроятности, уже имѣя свѣдѣнія о формированіи нашихъ резервовъ и сборѣ милиціи, о значительныхъ пожертвованіяхъ, предложенныхъ всѣми народными сословіями, о нашихъ побѣдахъ надъ Персіянами и выгодномъ расположеніи нашей арміи на Дунаѣ, сообразитъ затрудненія его ожидающія при вторженіи въ Россію: удаленіе отъ источниковъ его собственныхъ средствъ, суровый климатъ, неблагопріятное время года. Что̀-же касается до условій, на которыхъ намъ слѣдовало заключить миръ, то главнымъ изъ нихъ — говорили они — долженствовало быть спасеніе Имперіи. Основанія трактата 8 (20) іюля были несвоевременны: съ одной стороны, мы уже не могли надѣяться, чтобы Французы очистили Германію послѣ всѣхъ сдѣланныхъ ими завоеваній, а съ другой — мы получили право на вознагражденіе за обратную уступку Портѣ турецкихъ

областей занятыхъ нашими войсками. Впрочемъ — 1806.
многіе у насъ полагали, что учрежденіе въ сосѣдствѣ Россіи новыхъ государствъ, хотя-бы даже состоящихъ въ зависимости отъ Наполеона (!), нисколько не было для насъ вредно, но мы должны были поставить за непремѣнное условіе (sine qua non), чтобы французскія войска въ непродолжительный срокъ очистили занятыя ими прусскія области и отошли за Везеръ, либо, по крайней мѣрѣ, за Эльбу. Россія, съ своей стороны, могла возвратить Туркамъ всѣ отнятыя у нихъ крѣпости и земли, и очистить Каттаро, и даже республику Семи Острововъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы Франція отказалась отъ Венеціянской Далмаціи, либо, по крайней мѣрѣ, отъ Каттаро. Королю Фердинанду надлежало отдать Сицилію, а Короля Сардинскаго предполагалось вознаградить и обезпечить ручательствомъ всѣхъ державъ ([1]).

Таковы были основанія, на которыхъ хотѣли у насъ открыть переговоры съ Наполеономъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ не принялъ-бы этихъ условій и воспользовался-бы такими предложеніями для убѣжденія союзныхъ съ Россіей державъ въ себялюбіи нашей политики. Но Императоръ Александръ не вдался въ ошибку, руководясь высокою цѣлью — исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ, поддерживать своихъ союзниковъ и не допускать исключительнаго преобладанія Наполеона.

Послѣ разгрома при Аустерлицѣ, одною изъ первыхъ заботъ Россійскаго Монарха было приведеніе нашихъ вооруженныхъ силъ въ такое положеніе, чтобы онѣ могли съ успѣхомъ противиться грозному противнику. Для изысканія къ тому средствъ, Государь, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, учредилъ Военный Совѣтъ, въ составѣ коего были

1806. членами: фельдмаршалы графъ Салтыковъ (воспитатель Императора) и графъ Мих. Ѳедот. Каменскій; генералы: Мих. Илар. Кутузовъ, военный министръ Вязмитиновъ, Ласси, генералъ-квартирмейстеръ Сухтеленъ и графъ Петръ Александр. Толстой, а правителемъ дѣлъ начальникъ военно-походной канцеляріи, графъ Ливенъ. Обязанностями Совѣта были: начертаніе операціоннаго плана на случай войны и пріисканіе мѣръ къ скорѣйшему и удобнѣйшему формированію войскъ.

Потери въ войскахъ, понесенныя въ 1805 году, и учрежденіе новыхъ полковъ заставили сдѣлать два набора: одинъ по 4 человѣка съ 500 душъ, съ разрѣшеніемъ принимать новобранцевъ полувершкомъ ниже указной мѣры, т. е. въ 2 аршина 3½ вершка (2), и другой по одному человѣку съ 500 душъ, съ уменьшеніемъ указной мѣры еще на полувершокъ т. е. до 2-хъ аршинъ 3-хъ вершковъ, и съ тѣмъ, чтобы поступающіе на службу были не старѣе 36-ти лѣтъ (3). Сформированы вновь полки: Гродненскій гусарскій, восемь драгунскихъ, одиннадцать мушкетерскихъ и девять егерскихъ (4). Л. Гв. Егерскій баталіонъ, усиленный другимъ баталіономъ, названъ Л. Гв. Егерскимъ полкомъ (5). Сформировано вновь восемь батарейныхъ, шесть конныхъ и двѣ понтонныя роты (6). Вся артиллерія, до того времени раздѣлявшаяся на полки и баталіоны, переобразована (за исключеніемъ гвардейскаго баталіона) въ 18 бригадъ, приписанныхъ къ дивизіямъ однихъ съ ними номеровъ (7). Изъ инспекцій, на которыя до того времено дѣлились войска, составлено сперва 13, а потомъ 18 дивизій, причемъ инспекціи Кавказская, Оренбургская и Сибирская остались въ прежнемъ своемъ видѣ (8). Въ каждой дивизіи было отъ 6-ти до 7-ми пѣхотныхъ, три кавалерійскихъ и два казачьихъ полка, отъ 5-ти до

6-ти артиллерійскихъ ротъ, и одна піонерная; кромѣ того, при нѣкоторыхъ дивизіяхъ состояло по одной понтонной ротѣ. Усилена была выдѣлка оружія на заводахъ Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ, и разрѣшено частнымъ людямъ изготовлять и ставить въ казну оружіе, а также дѣлать солдатскія ружья на казенномъ С.-Петербургскомъ чугунно-плавильномъ заводѣ, съ отпускомъ за каждое такой-же платы, какая производилась за ружья на Сестрорѣцкомъ заводѣ, именно по 11 рублей 99 копѣекъ (9). Учреждены запасные парки на восемь дивизій въ Вильнѣ, Несвижѣ и Брестѣ. На случай движеній войскъ, стоявшихъ на западной границѣ, повелѣно собрать съ губерній кіевской, черниговской, харьковской, полтавской, екатеринославской и херсонской, для образованія подвижныхъ магазиновъ: 5,382 фуры, 6,192 пары воловъ и 3,588 погонщиковъ (10). Заложены въ различныхъ мѣстахъ западныхъ губерній, магазины и повелѣно содержать въ нихъ 83,000 кулей муки, 8,000 четвертей крупъ, и 128,000 четвертей овса (11). 1806.

Для снабженія войскъ офицерами были приняты чрезвычайныя мѣры: приглашены дворяне, не моложе шестнадцати лѣтъ, вступать на нѣсколько мѣсяцевъ въ кадетскіе корпусы, для обученія фронтовой службѣ, послѣ чего ихъ опредѣляли въ армію первыми офицерскими чинами. Повелѣно принимать въ военную службу студентовъ, изъ дворянскаго и прочихъ сословій, окончившихъ курсъ наукъ въ университетахъ, и по минованіи шести мѣсяцевъ представлять ихъ къ производству въ офицеры, хотя и не былобы въ полкахъ вакансій (12).

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ по военной части, нельзя не упомянуть о повелѣніи всѣмъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, исключая гвардіи и гусаръ, обрѣзать косы подъ гребёнку. Генераламъ и офицерамъ

1806. было предоставлено обрѣзать косы, либо носить ихъ, по прежнему ([13]).

Замѣчательно, что, не смотря на враждебныя отношенія между Россіею и Франціею, война противъ Наполеона была возвѣщена не прежде 16-го ноября 1806 года ([14]). За тѣмъ послѣдовало повелѣніе о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ Французовъ, которые не пожелаютъ вступить въ россійское подданство, и о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Франціей ([15]).

Императоръ Александръ изъявилъ намѣреніе содѣйствовать Пруссіи всѣми силами, которыя предполагалось собрать на нашей западной границѣ, (что̀, вмѣстѣ съ резервами, должно было образовать армію въ 180,000 человѣкъ), но прусское правительство отклонило это предложеніе, ненаходя средствъ продовольствовать такое число войскъ ([16]). Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшено было, чтобы корпусъ Беннигсена шелъ изъ окрестностей Гродна, чрезъ Варшаву, въ Силезію, и находился въ распоряженіи Короля Фридриха-Вильгельма ([17]), но какъ продовольствіе для русскихъ войскъ могло быть заготовлено не прежде 17 (29) октября, то Беннигсенъ былъ принужденъ пріостановить движеніе ввѣреннаго ему корпуса. По словамъ достовѣрнѣйшаго изъ историковъ этой войны, генералъ Хлебовскій, назначенный со стороны Пруссіи военнымъ коммисаромъ при русскихъ войскахъ, былъ человѣкъ слабый, безтолковый и столько-же безпорядочный въ служебныхъ дѣлахъ, сколько и въ своемъ домашнемъ быту ([18]). Пока Беннигсенъ заключалъ съ Хлебовскимъ конвенцію о продовольствіи войскъ, получено было 13 (25) октября въ Гроднѣ, отъ нашего посланника при дрезденскомъ дворѣ, извѣстіе о пораженіи Пруссаковъ. Не смотря на то, Беннигсенъ выступилъ, 16 (28), но получивъ на маршѣ нѣсколько

извѣстій, одно вслѣдъ за другимъ, объ уничтоженіи 1806.
прусской арміи, о занятіи Французами всей страны до самаго Одера, о сдачѣ безъ сопротивленія прусскихъ крѣпостей, и повелѣніе Императора Александра „не переходить черезъ Вислу, но расположить корпусъ на правомъ берегу ея между Варшавою и Торномъ“ ([19]), онъ остановился въ началѣ (въ половинѣ) ноября по достиженіи Пултуска. Другой русскій корпусъ, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, оставался въ то время далеко назади. Генералъ Михельсонъ, находившійся съ пятью дивизіями на Днѣстрѣ, получилъ приказаніе отрядить генерала Эссена 1-го (Ивана Иван.) съ двумя дивизіями къ Брестъ-Литовску. Составленіе резервной арміи было поручено генералу Римскому-Корсакову ([20]).

Неожиданныя бѣдствія, постигшія нашихъ союзниковъ, совершенно измѣнили положеніе дѣлъ: Русскіе, вмѣсто того, чтобы помогать Пруссакамъ, сдѣлались главными, почти единственными дѣятелями въ войнѣ, которая изъ предполагавшейся наступательной обратилась въ оборонительную. Императоръ Александръ, предвидя возможность вторженія Наполеона въ Россію, счелъ нужнымъ обратиться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Ему въ новѣйшее время принадлежитъ первая мысль противопоставить усиліямъ завоевателя усилія всей страны и сдѣлать войну народною. Съ этою цѣлью, манифестомъ 30-го ноября 1806 года, повелѣно составить „временное ополченіе“ или „милицію“, въ 612,000 ратниковъ, взятыхъ изъ 31 губерніи ([21]); прочія же губерніи обязаны были взносить деньги, хлѣбъ, оружіе и аммуницію, къ чему приглашены были дворянство, купечество и прочія сословія ([22]). По недостатку ружей, только пятая часть ополченія могла имѣть ихъ; прочихъ-же ратниковъ предполагали вооружить пиками. Для бое-

1806. ваго образованія милиціи назначались регулярныя войска. Ратники оставались въ своей обычной одеждѣ, головъ не стригли и бородъ не брили. Изъ числа губерній, выставлявшихъ милицію, 18 сформировали по одному баталіону стрѣлковъ въ 600 человѣкъ. Эти баталіоны были отправлены въ армію. Вообще-же пожертвованія были велики, хотя и не такъ, какъ въ Отечественную войну; въ особенности-же отличилось усердіемъ московское дворянство. Для управленія дѣлами по формированію милиціи былъ учрежденъ комитетъ, коего членами были: фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, министры: военный, Вязмитиновъ; иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ и внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, и тайный совѣтникъ Новосильцовъ ([23]).

Отставные нижніе чины были призваны на временную службу, за что обѣщаны имъ медали и прибавка къ жалованью. Въ награду отличныхъ подвиговъ храбрости, для нижнихъ чиновъ въ послѣдствіи учрежденъ знакъ отличія Военнаго Ордена ([24]).

Святѣйшій Синодъ предписалъ духовенству: „внушать прихожанамъ, что православная наша церковь, угрожаемая нашествіемъ непріятеля, призываетъ вѣрныхъ чадъ своихъ къ временному ополченію, что не исканіе тщетной славы, но безопасность предѣловъ государства, собственное личное благосостояніе каждаго, влагаютъ имъ въ руки оружіе“ ([25]).

Императоръ Александръ, принявъ мѣры для пропротиводѣйствія завоевателю, старался возбудить Англію къ содѣйствію союзникамъ высадками въ сѣверную Германію. Англія, съ своей стороны, желая возобновленія войны на материкѣ Европы, дѣлала союзникамъ пышныя обѣщанія. Но когда открылись дѣйствія и Императоръ Александръ изъявилъ намѣреніе сдѣлать, за поручительствомъ Англіи, заемъ

въ 6 милліон. фунт. стерл. (около 40 милліон. рубл. 1806.
серебр.) и получить 1 милліонъ фунт. стерл. въ счетъ этого займа, тогда англійское министерство соглашалось на требованіе Государя не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы наше правительство, отмѣнивъ пошлину установленную въ Россіи на англійскіе товары, предоставило получать ее кредиторамъ займа, при выпускѣ товаровъ изъ великобританскихъ гаваней (26). Напрасно также Императоръ Александръ, послѣ бѣдствій постигшихъ Пруссію, покушался вывести Австрійцевъ изъ бездѣйствія, убѣждая Императора Франца, что „благо Европы не дозволяетъ ему оставаться равнодушнымъ зрителемъ войны и требуетъ его содѣйствія; что настала благопріятная минута возстановить равновѣсіе между державами и вознаградить все потерянное, двинувъ австрійскую армію въ тылъ Наполеону"; напрасно писалъ Россійскій Монархъ въ такомъ-же смыслѣ къ знаменитому военными подвигами, брату Австрійскаго Императора, эрцгерцогу Карлу (27). Его призывъ не нашелъ отголоска въ Вѣнѣ.

Въ началѣ (въ половинѣ) ноября, Беннигсенъ расположилъ свой корпусъ въ окрестностяхъ Остроленки. Войска ему ввѣренныя состояли изъ 4-хъ дивизій: 2-й, графа Остермана, 3-й Сакена, 4-й князя Голицына и 6-й Седморацкаго; всего-же въ его корпусѣ было: 78 баталіоновъ, 80 эскадроновъ, 8 казачьихъ полковъ, 23 артиллерійскія, 4 піонерныя и 2 понтонныя роты, въ числѣ до 60.000 человѣкъ съ 276 орудіями (28). Прусскій корпусъ Калькрейта, состоявшій изъ 19-ти баталіоновъ, 55-ти эскадроновъ и 11-ти батарей (не считая баталіонныхъ орудій), въ числѣ 14,000 человѣкъ съ 92 орудіями (29), по

1806. отступленіи за Вислу, былъ расположенъ въ нѣсколькихъ частяхъ отъ Маріенвердера до Плоцка.

Беннигсенъ, по свидѣтельству его современниковъ, неустрашимый. дѣятельный. отличавшійся столько-же общимъ образованіемъ. сколько свѣдѣніями по военной части и боевою опытностью, не обладалъ однакоже необходимыми для полководца качествами: заботливостью о нуждахъ ввѣренныхъ ему войскъ и твердостью характера; кромѣ того, склонность его къ проискамъ поселяла къ нему недовѣрчивость въ прочихъ генералахъ и подавала поводъ къ большимъ безпорядкамъ.

Графъ Буксгевденъ, обладавшій многими свѣдѣніями, опытный въ боевомъ ремеслѣ, извѣстенъ былъ отличіями, оказанными имъ на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, но его достоинства помрачались строптивостью и неуживчивостью его характера.

За отсутствіемъ фельдмаршала графа Каменскаго (Мих. Ѳедотов.), назначеннаго главнокомандующимъ всѣми русскими войсками собиравшимися на нашей западной границѣ. Беннигсенъ самостоятельно распоряжался ввѣреннымъ ему корпусомъ. Король Прусскій, прибывъ 12 (24) ноября въ главную квартиру его, подчинилъ ему единственный остатокъ своей арміи. небольшой корпусъ Калькрейта. поступившій тогда-же подъ начальство генералъ-лейтенанта Лестока. Еще до того. Король, опасаясь. чтобы союзная армія, растянутая на значительномъ протяженіи, не была разбита по частямъ, предложилъ Бенигсену сосредоточить его войска вмѣстѣ съ прусскими на рѣкѣ Древенцѣ. между Лёбау и Остероде ([30]). Но Беннигсенъ, получивъ отъ Императора Александра повелѣніе прикрывать границы Россіи, испросилъ у Короля согласіе расположить свои главныя силы у Пултуска, наблюдая передовыми отрядами теченіе

КАРТА
ТЕАТРА ВОЙНЫ 1807 года
Масштабъ
РОССІЯ
Юрбургъ
Тильзитъ
Рагнитъ
Куришъ Гафъ
Балтійское Море
Лабіау
Кенигсбергъ
Пиллау
Тапіау
Велау
Инстербургъ
Алленбургъ
Фридландъ
Домнау
Прейсишъ Эйлау
Данцигъ
Браунсбергъ
Фришъ Гафъ
Ландсбергъ
Шиппенбейль
Бартенштейнъ
Мельзакъ
Вормдитъ
Гейльсбергъ
Бишофштейнъ
Рессель
Пр. Голандъ
Либштатъ
Гутштадтъ
Зеебургъ
Рейнъ
Мариенбургъ
Морунгенъ
Эльбингъ
Зальфельдъ
Алленштейнъ
Мариенвердеръ
Остероде
Пассенгеймъ
Арисъ
Іоганнисбургъ
Біала
Щучинъ
Фрейштатъ
Гогенштейнъ
Ортельсбургъ
Гоніондзъ
Грауденцъ
Лебау
Кольно
Книшинъ
Нейденбургъ
Вилленбергъ
Страсбургъ
Солдау
Новгородъ
Ломза
Тыкочинъ
Остроленка
Млава
Пржаснишъ
Замбровъ
Высоко-Мазовецкъ
Торнъ
Бизунъ
Рожанъ
Цехановъ
Маковъ
Островъ
Брянскъ
Брокъ
Пултускъ
Сохочинъ
Новемясто
Вышковъ
Плонскъ
Насельскъ
Плоцкъ
Сероцкъ
Модлинъ
Вышгородъ
ГАЛИЦІЯ
ВАРШАВА
Прага
Блонье
р. Висла
р. Прегель
р. Нарев
р. Букъ
р. Бобръ
р. Вкра
р. Древенцъ
р. Ожицъ
р. Нѣманъ

Вислы отъ Плоцка до тогдашней австрійской границы и оставя корпусъ Лестока у Торна. Особые прусскіе гарнизоны занимали крѣпости: Данцигъ, Пиллау, Грауденцъ, Торнъ и городъ Варшаву, а небольшой русскій отрядъ полковника Юрковскаго, съ двумя эскадронами прусскихъ кирасиръ, былъ выдвинутъ изъ Варшавы за Вислу къ Блоне (Blonie). 1806.

Въ такомъ расположеніи стояли Союзники, когда Наполеонъ направилъ противъ нихъ къ Вислѣ болѣе нежели двойныя силы. Генералъ Седморацкій, занимавшій Прагу, получивъ извѣстіе о намѣреніи Французовъ переправиться черезъ Вислу въ австрійскихъ владѣніяхъ и опасаясь быть обойденнымъ съ фланга, отступилъ, что̀ способствовало непріятелю занять Прагу и построить мостъ на Вислѣ. Узнавъ о томъ, Беннигсенъ отошелъ 20-го ноября (2-го декабря) къ Остроленкѣ, чтобы сосредоточить тамъ всѣ войска своего корпуса, а Лестоку приказалъ отступить отъ Торна къ Страсбургу. Неудачу обороны Вислы Беннигсенъ приписалъ генералу Седморацкому — „сдѣлавшему важную ошибку и отступившему вопреки данному приказанію“ (31). Но, по собственному сознанію самаго Беннигсена, войска его для удержанія Французовъ должны были-бы растянуться отъ австрійской границы до Грауденца, на 350 верстъ, и къ тому-же Наполеонъ, презирая между-народныя права, могъ двинуться чрезъ нейтральную область Галицію и обойти Русскихъ съ фланга (32). Беннигсенъ обвинялъ еще болѣе Буксгевдена, который, вмѣсто того, чтобы поддерживать его своими войсками, оставался далеко назади, подъ предлогомъ приказанія, полученнаго за два мѣсяца предъ тѣмъ изъ Петербурга. Далѣе — онъ, не обинуясь, писалъ „объ опасности ввѣрять начальство

1806. надъ войсками человѣку, котораго неспособность всѣмъ извѣстна“ (33).

Какъ французскія войска, за исключеніемъ корпуса Даву, остановились на Вислѣ, то Беннигсенъ, 12 (24) ноября, опять подался впередъ къ Полтуску, расположилъ тамъ главныя силы и выдвинулъ авангарды къ рѣкѣ Вкрѣ и внизъ по Нареву. За тѣмъ наступило бездѣйствіе, продолжавшееся цѣлыя четыре недѣли. Между тѣмъ прибылъ 22-го ноября (4-го декабря) въ Остроленку графъ Буксгевденъ, съ своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ четырехъ дивизій: 5-й Тучкова, 7-й Дохтурова, 8-й Эссена 3-го и 14-й Анрепа, всего: 78-ми баталіоновъ, 85-ти эскадроновъ, 5-ти казачьихъ полковъ, 18-ти артиллерійскихъ, 2-хъ піонерныхъ и 2-хъ понтонныхъ ротъ, въ числѣ около 40,000 человѣкъ съ 216 орудіями (34). Такое большое различіе корпусовъ Беннигсена и Буксгевдена въ числѣ войскъ, почти при одинаковомъ ихъ составѣ, происходило отъ того, что послѣдній состоялъ большею частью изъ полковъ разбитыхъ подъ Аустерлицемъ и еще несовершенно укомплектованныхъ. Въ началѣ (въ половинѣ) декабря, подошелъ къ Бресту корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го, изъ 9-й и 10-й дивизій князя Волконскаго 3-го и Меллера-Закомельскаго, въ составѣ: 42-хъ баталіоновъ, 40 эскадроновъ, 4-хъ казачьихъ полковъ, 11-ти артиллерійскихъ, двухъ піонерныхъ и одной понтонной ротъ, всего-же около 22,000 человѣкъ съ 132 орудіями (35).

7 (19) декабря, пріѣхалъ въ Пултускъ фельдмаршалъ графъ Мих. Ѳедот. Каменскій. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, поступивъ волонтеромъ во французскія войска и сдѣлавъ съ ними два похода въ Семилѣтнюю войну, (1758 и 1759 годовъ), графъ Каменскій потомъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ рус-

скихъ войскъ въ Пруссіи (1760 и 1761 годовъ). Последующіе подвиги Каменскаго, оказанные въ войнахъ противъ Турокъ, при Императрицѣ Екатеринѣ II, доставили ему многія награды и громкую извѣстность. Самъ Суворовъ отзывался о немъ, что *онъ знаетъ тактику.* Во вторую Турецкую войну, окончившуюся Кучукъ-Кайнарджискимъ миромъ, Каменскій, уже генералъ-аншефъ, имѣлъ ордена Георгія 2-й степени, Александра Невскаго и Владиміра 1-й степени. Но упрямый, строптивый характеръ его остановилъ на время его успѣхи по службѣ. Потемкинъ, чувствуя близость кончины, поручилъ начальство надъ ввѣренною ему арміей генералу Каховскому. Каменскій, будучи старѣе въ чинѣ Каховскаго, не хотѣлъ подчиниться ему и созвалъ генераловъ на совѣщаніе для рѣшенія вопроса: кому быть главнокомандующимъ? Императрица Екатерина, недовольная столь явнымъ нарушеніемъ дисциплины, уволила его отъ службы. Вообще она не любила его за вспыльчивый нравъ и за жестокое обращеніе съ подчиненными. Увѣряли, будтобы онъ приказывалъ тѣлесно наказывать при себѣ своихъ сыновей, уже достигшихъ штабъ-офицерскаго чина. При Императорѣ Павлѣ, Каменскій, переименованный въ генералъ-отъ-инфантеріи, награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея, фельдмаршальскимъ жезломъ и графскимъ достоинствомъ, и вслѣдъ за тѣмъ, въ концѣ 1797 года, уволенъ отъ службы. Въ продолженіи девяти лѣтъ, находясь въ отставкѣ, онъ жилъ въ деревнѣ, пользуясь общимъ уваженіемъ, какъ неустрашимый воинъ, какъ опытный полководецъ. Подражая Суворову, Каменскій старался быть оригинальнымъ, юродствовалъ и тѣмъ еще болѣе обращалъ на себя общее вниманіе. Многіе видѣли въ немъ Велисарія, свыше предназначеннаго укро- 1806.

1806. мить Французовъ. Въ концѣ 1806 года, когда Наполеонъ уже угрожалъ вторженіемъ въ Россію, Императоръ Александръ, затрудняясь въ выборѣ достойнаго противника геніяльному полководцу, положился на голосъ народа, не всегда гласъ Божій, и назначилъ Каменскаго главнокомандующимъ арміи, собиравшейся на нашихъ западныхъ границахъ. Его приняли въ С.-Петербургѣ, какъ спасителя отечества. Передъ отъѣздомъ фельдмаршала въ армію, пожелала его видѣть лежавшая въ родахъ Императрица. Всегда скромная, воздержная въ рѣчахъ, она съ чувствомъ говорила ему о защитѣ, о спасеніи горячо любимой ею Россіи. По словамъ фельдмаршала, ему казалось, что онъ слышитъ небесный голосъ, призывающій его на святое дѣло. Но 69-тилѣтній, изможденный болѣзнями, совершенно потерявшій тѣлесныя и душевныя силы, Каменскій не оправдалъ довѣрія Царя и Россіи. Выѣхавъ изъ Петербурга 10 (22) ноября, на всемъ пути встрѣчаемый съ восторгомъ, онъ цѣлыя три недѣли провелъ въ дорогѣ до Вильны и прибывъ туда, донесъ Государю: „Я лишился почти послѣдняго зрѣнія: ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу.... Боль въ глазахъ и головѣ; неспособенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте мнѣ, если можно, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ арміи. Истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ“. Подъѣзжая къ Пултуску, 7 (19) декабря, графъ Каменскій, въ подражаніе Суворову, сѣлъ на телѣжку и прискакалъ въ ней въ главную квартиру, встрѣченный радостными восклицаніями войскъ. При немъ были дежурнымъ генераломъ графъ Петръ Александровичъ Толстой и генералъ-квартирмейстеромъ Штейнгель. Каменскій,

чувствуя вполнѣ бремя возложенной на него обязанности, писалъ Императору: „Старъ я для арміи; ничего не вижу; ѣздить верхомъ почти не могу, но не отъ лѣни какъ другіе; мѣстъ на ландкартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на разсмотрѣніе малѣйшую часть переписки въ шести бумагахъ состоящую, которую долженъ былъ имѣть однимъ днемъ, чего долго выдерживать не могу, для чего дерзаю испрашивать себѣ перемѣны. Подписываю, не знаю что“ (36). 1806.

Наполеонъ прибылъ въ Варшаву, при звонѣ колоколовъ и пушечномъ громѣ, коими Поляки привѣтствовали своего мнимаго защитника, 7 (19) дедекабря, въ день пріѣзда въ Пултускъ графа Каменскаго. Два дня спустя, 9 (21) двинулась впередъ вся французская армія: самъ Наполеонъ, съ корпусами Даву и Ланна, гвардіей и частью резервной кавалеріи Мюрата, шелъ *на правомъ крылѣ*, отъ Праги, чтобы переправиться черезъ Наревъ близъ устья Вкры; корпуса Ожеро и Сульта, съ другою частью резервной кавалеріи, направились *въ центрѣ*, на Плонскъ, къ переправамъ на Вкрѣ, у Колозомба и Сохочина, а корпусы Нея, Бернадота и кавалерія Бесьера, *на лѣвомъ крылѣ*, отъ Торна къ Страсбургу, чтобы отрѣзать Лестока отъ русскихъ войскъ, и потомъ обратиться во флангъ и тылъ корпусу Беннигсена. Неуспѣвъ удержать непріятеля на Вислѣ, Беннигсенъ тѣмъ паче не могъ остановить его на Вкрѣ, и по тому, предположивъ сосредоточить корпусъ у Пултуска, склонилъ Буксгевдена, чтобы онъ сблизилъ къ нему свои войска. Но прибытіе фельдмаршала разстроило этотъ планъ дѣйствій: вмѣсто предположеннаго сосредоточенія силъ, Каменскій при-

1806. казалъ Беннигсену двинуться къ рѣкѣ Вкрѣ, а Буксгевдену раздѣлить ввѣренный ему корпусъ на двѣ части, изъ коихъ одну (дивизіи Тучкова и Дохтурова) послать также на Вкру, правѣе Беннигсена, а другую (дивизіи Эссена 3-го и Анрепа) внизъ по лѣвому берегу рѣки Нарева. Слѣдствіемъ этихъ распоряженій была встрѣча нашихъ войскъ съ Французами на Вкрѣ, 11-го (23-го) декабря. Передовой отрядъ Барклая де-Толли, атакованный у Сохочина и Колозомба несравнено превосходнѣйшими силами Сульта и Ожеро, отступилъ послѣ упорной обороны къ Новемясту и далѣе по дорогѣ къ Пултуску. Еще кровопролитнѣе было дѣло, происходившее въ тотъже день близъ устья Вкры, у селенія Чарнова. Передовой отрядъ графа Остермана, въ составѣ семи баталіоновъ, четырехъ эскадроновъ и одного казачьяго полка съ 18-ю орудіями [37], въ числѣ около 5,000 человѣкъ, былъ атакованъ на позиціи впереди Чарнова, примыкавшей правымъ флангомъ къ рѣкѣ Вкрѣ, а лѣвымъ къ Нареву, дивизіями Морана и Гюдена (корпуса Даву), поддержанными дивизіей Фріана (того-же корпуса), корпусомъ Ланна и гвардіей, всего въ числѣ до 40,000 человѣкъ. Неустрашимый Остерманъ и достойные сподвижники его, князь Шаховской и графъ Ламбертъ, съ горстью войскъ, сражаясь противъ Наполеона и побѣдителя при Ауэрштедтѣ, Даву, покрыли себя славою. Нѣсколько часовъ Русскіе удерживались на мѣстѣ и отступили только тогда, когда Остерманъ убѣдился въ несмѣтной силѣ непріятеля. Бой, начавшійся въ 4 часа по полудни, продолжался до 4-хъ часовъ слѣдующаго утра. Графъ Остерманъ отошелъ къ Насельску, пославъ къ Зегрже, къ несостоявшему подъ его командою генералу Багговуту, приказаніе отойти, какъ можно поспѣшнѣе, къ Пултуску, занять сей

городъ и охранять тамъ мостъ на Нарев. На слѣ- 1806.
дующій день, 12-го (24-го), Остерманъ, отступивъ въ совершенномъ порядкѣ ([38]), чрезъ Насельскъ къ Стрегочину, далъ отдыхъ своему утомленному отряду. Войска привѣтствовали громкими восклицаніями вождя своего, напомнившаго имъ, какъ славно они отпраздновали день рожденія Императора Александра ([39]). Потери Остерманова отряда вообще простирались до тысячи человѣкъ; ранены три генерала, и въ числѣ ихъ графъ Ламбертъ и князь Шаховской, у котораго была раздроблена кисть руки. Французы сознаются въ уронѣ 850-ти человѣкъ, но, по всей вѣроятности, они, наступая противъ Русскихъ, пользовавшихся мѣстными прикрытіями, потеряли гораздо болѣе.

Фельдмаршалъ, прибывъ въ тотъ-же день въ Насельскъ, приказалъ Бенисгсену собрать его корпусъ въ Стрегоцинѣ, впереди Пултуска, а изъ войскъ Буксгевдена дивизіямъ Дохтурова и Тучкова стать въ Голыминѣ, а дивизіямъ Анрепа и Эссена 3-го между Наревомъ и Бугомъ, у Попова. Русскія войска, двигаясь по непроходимымъ дорогамъ, были принуждены оставить много артиллеріи, увязшей въ грязи, которую Наполеонъ называлъ *пятою стихіей Польши.* (По свидѣтельству Беннигсена было брошено сорокъ орудій) ([40]).

Наполеонъ, перейдя черезъ Вкру, предположилъ занять правымъ крыломъ своимъ Пултускъ и отбросить русскую армію отъ Нарева, а лѣвымъ — обойти ее съ праваго фланга. Съ этою цѣлью предписано: Ланну овладѣть Пултускомъ; Даву, Ожеро, Сульту, гвардіи и большой части кавалерійскаго резерва — идти къ Голымину, а Бернадоту, Нею и Бесьеру — на Страсбургъ и Млаву. Къ счастью нашего корпуса, Багговутъ успѣлъ своевременно исполнить при-

1806. казаніе Остермана, и когда въ ночи на 13-е (25-е) передовыя войска Ланна подошли къ Пултуску, городъ сей уже былъ сильно занятъ русскими войсками. Беннигсенъ, между тѣмъ успѣвшій собрать большую часть своего корпуса у Стрегочина, получивъ донесеніе отъ Багговута о появленіи Французовъ у Пултуска, выступилъ туда еще въ ту-же ночь, подъ дождемъ и густымъ снѣгомъ. Передовыя войска его пришли въ Пултускъ, 13 (25) въ полдень, прочія-же ввечеру и въ слѣдующую ночь; изъ войскъ, отступавшихъ отъ рѣки Вкры, нѣсколько полковъ были отрѣзаны корпусомъ Даву; шедшимъ отъ Насельска чрезъ Стрегочинъ, и обратились къ Голымину (41). Фельдмаршалъ, собравъ у Пултуска большую часть корпуса Беннигсена и приказавъ идти туда-же Буксгевдену съ дивизіями Дохтурова и Тучкова, выказывалъ намѣреніе принять сраженіе, чтобы дать арміи время убрать артиллерію и обозы (42). Въ сумерки онъ объѣхалъ стоявшія на позиціи войска, вездѣ встрѣчаемый громкими восклицаніями. Но онъ уже былъ не въ силахъ вести армію въ бой, котораго ждали всѣ — отъ генерала до послѣдняго солдата.

Съ самаго пріѣзда въ Пултускъ, Каменскій, слабый въ силахъ, обнаруживалъ необычайное душевное разстройство. Долженствуя бороться съ геніяльнымъ полководцемъ, не довѣряя самому себѣ, еще менѣе довѣряя своимъ сподвижникамъ, онъ входилъ въ мельчайшія подробности управленія арміей, собственноручно писалъ совсѣмъ неважныя бумаги, самъ отправлялъ курьеровъ, и забывая свои собственныя распоряженія, отдавалъ полкамъ, мимо ихъ прямыхъ начальниковъ, приказанія, противорѣчившія одно другому. „Трудно повѣрить — писалъ Беннигсенъ — сколько онъ сдѣлалъ вреда и какъ онъ все раз-

строилъ“ (à quel point il a désorganisé la machine) ([43]). 1806.
Въ ночи на 14-е (26-е) декабря, Каменскій, подавленный бременемъ лежавшей на немъ отвѣтственности, послалъ за Беннигсеномъ. „Я раненъ—сказалъ онъ ему—верхомъ ѣздить не могу, слѣдственно и командовать арміею. Вы коръ-д'арме вашъ привели разбитый въ Пултускъ, безъ дровъ и безъ фуража; тому пособить надо, и такъ какъ вчера вы сами отнеслись къ графу Буксгевдену о ретирадѣ въ наши границы, что и выполнить сегодня. Съ собой возмите обѣ дивизіи коръ-д'арме графа Буксгевдена, эссенову и анрепову, которыя прикроютъ вашу ретираду. Вы имѣете состоять въ командѣ Буксгевдена; онъ расположенъ въ Маковѣ.“ Графу Буксгевдену фельдмаршалъ приказалъ бросать на дорогѣ батарейную артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ, и заботиться единственно о спасеніи людей. Начальники дивизій получили прямо отъ фельдмаршала предписанія: „при отступленіи къ русскимъ границамъ, идти кратчайшимъ путемъ къ Вильнѣ и явиться къ старшему.“ Напрасны были всѣ убѣжденія Беннигсена, графа Толстаго, и въ особенности Остермана, родственника Каменскаго, отклонявшихъ его отъ принятаго имъ намѣренія. Фельдмаршалъ уѣхалъ въ Остроленку, откуда донесъ Государю, что „потерявъ возможность ѣздить верхомъ и командовать столь большою арміей, сложилъ начальство надъ нею на старшаго по себѣ генерала, графа Буксгевдена, и совѣтовалъ ему, если окажется недостатокъ въ хлѣбѣ, отступать въ Россію.“ Въ заключеніи этого донесенія, Каменскій писалъ: „Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что несмогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенія Вашего о

1806. томъ ожидать буду здѣсь, дабы не играть роль писарскую, а не командирскую, при войскѣ. Отлученіе меня отъ арміи ни малѣйшаго разглашенія не произведетъ, что ослѣпшій отъѣхалъ отъ арміи; таковыхъ какъ я, въ Россіи тысячи“ (44).

По отбытіи графа Каменскаго, Беннигсенъ остался непосредственнымъ начальникомъ ввѣреннаго ему корпуса, но его связывало полученное отъ фельдмаршала повелѣніе — отступать. Исполненіе этого повелѣнія слагало отвѣтственность съ Беннигсена, но онъ считалъ постыднымъ и вреднымъ отступать безъ боя; сопротивленіе, оказанное русскими войсками на Вкрѣ, поселило въ нихъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Имѣя подъ начальствомъ своимъ отличныхъ генераловъ, Сакена, Остермана, Дохтурова, надѣясь усилить свой корпусъ не только дивизіями Тучкова и Дохтурова, но и тѣми войсками Буксгевдена, которыя находились по другую сторону Нарева, Беннигсенъ рѣшился испытать счастіе въ бою противъ геніяльнаго, еще никогда не побѣжденнаго, полководца, стоявшаго въ челѣ огромной арміи. Не должно оставить безъ вниманія и то, что Беннигсенъ, будучи нелюбимъ при дворѣ, не могъ ожидать снисхожденія къ себѣ, въ случаѣ неудачи, и подвергался справедливому гнѣву Государя за ослушаніе главнокомандующему. Но Беннигсенъ зналъ, что успѣхъ оправдываетъ многое. Самыя обстоятельства, въ коихъ находился онъ, побуждали его къ отчаянному шагу: русскія войска, утомленныя движеніемъ по весьма плохимъ дорогамъ, не имѣвшія при себѣ жизненныхъ запасовъ, при безостановочномъ отступленіи, подвергались совершенному разстройству, не моглибы соединиться и потеряли-бы всю артиллерію и обозы. Напротивъ того, ставъ твердо у Пултуска, можно было замедлить

противника и выиграть время для сосредоточенія 1806.
силъ. Дѣйствительно — Буксгевденъ, исполняя прежнее повелѣніе фельдмаршала, направилъ рано утромъ 14 (26) дивизію Тучкова отъ Макова къ Пултуску, приказалъ Дохтурову идти туда-же изъ Голымина чрезъ Маковъ и самъ отправился въ Пултускъ; но едва лишь онъ успѣлъ отъѣхать нѣсколько верстъ отъ Макова, какъ встрѣтился съ ординарцемъ везшимъ ему новое предписаніе Каменскаго — принявъ начальство надъ арміей, соединить обѣ помянутыя дивизіи и отступать съ ними къ русской границѣ; прочія дивизіи Буксгевдена (Эссена и Анрепа) также получили отъ фельдмаршала повелѣніе — отступать прямо къ Остроленкѣ. Графъ Буксгевденъ, исполняя полученное приказаніе, возвратился съ войсками Тучкова въ Маковъ, извѣстилъ о томъ Беннигсена и предписалъ ему отступать. Оставаясь въ Маковѣ, онъ слышалъ канонаду гремѣвшую у Пултуска и Голымина. Прибывшій вскорѣ къ нему дежурный генералъ графъ Толстой, сообщивъ ему объ отъѣздѣ фельдмаршала, приглашалъ его принять участіе въ сраженіи. Графъ Буксгевденъ отвѣчалъ, что, двинувшись съ войсками къ Пултуску, онъ могъ придти туда не прежде сумерекъ, вѣроятно по окончаніи сраженія, и по тому не зная причинъ канонады, слышимой со стороны Голымина, останется въ Маковѣ ([45]).

Мѣстность у Пултуска, на коей происходило сраженіе 14 (26) декабря, образуетъ къ западной сторонѣ (откуда наступали Французы), отлогую высоту, ограниченную съ востока крутыми обрывами къ Нареву, а съ юга и запада лѣсами, способствующими непріятелю приблизиться къ позиціи. Въ осеннюю пору и во время оттепели, (какъ было въ декабрѣ

1806. 1806 года), почва, весьма топкая отъ ненастья, затрудняетъ движеніе всѣхъ родовъ войскъ, и въ особенности артиллеріи.

На этой мѣстности войска беннигсенова корпуса, въ составѣ 66-ти баталіоновъ, 50-ти эскадроновъ, $9^1/_2$ артиллерійскихъ ротъ и 5-ти казачьихъ полковъ, всего-же до 45,000 человѣкъ съ 114-ю орудіями ([46]) расположились слѣдующимъ образомъ: большая часть пѣхоты построилась въ три линіи, лѣвымъ флангомъ къ Пултуску, а правымъ къ Мошинскому лѣсу; артиллерія была размѣщена впереди пѣхоты, на выгоднѣйшихъ для ея дѣйствія пунктахъ. Особые отряды, изъ всѣхъ родовъ войскъ, стали впереди праваго и лѣваго крыла: одинъ подъ начальствомъ Барклая де-Толли, занималъ Мошинскій лѣсъ, а другой, генерала Багговута, прикрывалъ городъ. На равнѣ съ этими отрядами развернулась большая часть кавалеріи, а впереди разсыпались казаки, поддержанные Александрійскими гусарами.

Утромъ въ 10 часовъ появились Французы въ виду русской позиціи, а въ 11 прибылъ по дорогѣ изъ Насельска Ланнъ, съ двумя пѣхотными и двумя кавалерійскими дивизіями, въ числѣ 20,000 человѣкъ ([47]). Получивъ приказаніе Наполеона овладѣть мостомъ на рѣкѣ Наревѣ у Пултуска, онъ, не обращая вниманіе ни на превосходство въ числѣ русскихъ войскъ, ни на затрудненія встрѣченныя при наступленіи по вязкой мѣстности, гдѣ артиллерія не могла удобно двигаться, атаковалъ передовые отряды Багговута и Барклая де-Толли. Генералъ Багговутъ встрѣтилъ ударомъ въ штыки дивизію Сюшè, а генералъ-маіоръ Кожинъ, съ Лейбъ-кирасирскимъ Его Величества полкомъ и двумя эскадронами Каргопольскихъ драгунъ, атаковалъ Французовъ во флангъ. Самъ Остерманъ повелъ часть лѣваго

крыла въ помощь Багговуту. Шедшій впереди его генералъ-маіоръ Дороховъ съ Изюмскими гусарами, внезапно принявъ въ сторону, навелъ непріятеля на стоявшую за нимъ батарею, которая нанесла Французамъ большой вредъ. За тѣмъ наша кавалерія прошла сквозь интервалы пѣхоты и за нею построилась, а графъ Остерманъ, подоспѣвъ съ Тульскимъ полкомъ и съ однимъ баталіономъ Павловскихъ гренадеръ, встрѣтилъ непріятеля возобновившаго нападеніе и опрокинулъ его. 1806.

Стольже безуспѣшно было наступленіе дивизіи Газана противъ Барклая де-Толли. Французамъ удалось-было овладѣть одною нашею батареею, но полковникъ Ершовъ съ Тенгинскимъ полкомъ и маіоръ Книперъ съ егерями Третьяго полка выручили ее, и хотя Ершовъ былъ раненъ пулею въ руку, однакоже не покинулъ поля битвы до вечера. Генералъ Сакенъ поддержалъ Барклая Черниговскимъ и Литовскимъ мушкетерскими полками и выбилъ непріятеля изъ кустарниковъ. Уже бой продолжался нѣсколько часовъ, когда по дорогѣ изъ Стрегочина подошла французская колонна: это была дивизія Гюдена, корпуса Даву, подъ начальствомъ генерала д'Ольтана (d'Aultanne), въ числѣ до 8,000 человѣкъ. Непріятель возобновилъ нападеніе свѣжими силами на наше правое крыло, но Беннигсенъ, прибывъ къ угрожаемому пункту, подкрѣпилъ Барклая ближайшими войсками и приказалъ ему ударить въ штыки на лѣвое крыло Французовъ: здѣсь въ особенности отличились Черниговскій мушкетерскій полкъ и пять эскадроновъ Конно-Польскихъ уланъ подполковника Жигулина.

Отразивъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ, Беннигсенъ рѣшился перейти въ наступательное положеніе. Искусное дѣйствіе артиллеріи, въ особенности

1806. батареи флигель-адъютанта Ставицкаго, пріуготовило успѣхъ, а одновременное движеніе впередъ съ обоихъ фланговъ рѣшило побѣду. Упорный, отчаянный бой продолжался до 8-ми часовъ вечера, во мракѣ, при сильной вьюгѣ, подъ густымъ снѣгомъ. Наконецъ Французы были принуждены отступить. Конно-Татарскій полкъ Кнорринга, преслѣдуя ихъ, нѣсколько разъ врубался въ непріятеля. Уронъ Французовъ, по собственному ихъ, весьма сомнительному, показанію, не превосходилъ 2,200, а по нашимъ офиціальнымъ извѣстіямъ отъ 7,000 до 10,000 человѣкъ; въ числѣ раненныхъ были генералы Клапаредъ, Ведель и Боннаръ; самъ маршалъ Ланнъ былъ легко раненъ. Съ нашей стороны убито и ранено 3,500 человѣкъ (48). Императоръ Александръ, получивъ (нѣсколько преувеличенную) реляцію Беннигсена „объ отраженіи непріятельской арміи подъ Пултускомъ" пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 2-й степени и 5,000 червонцевъ (49).

Въ тотъ-же день, 14 (26) декабря, происходило довольно жаркое дѣло при Голыминѣ. Князь Голицынъ, съ частью своей дивизіи, долженствовавшій, по распоряженію Каменскаго, двигаться въ резервѣ Беннигсена, при общемъ наступленіи къ рѣкѣ Вкрѣ, получивъ за тѣмъ отъ фельдмаршала нѣсколько, одно другому противорѣчившихъ, приказаній и будучи отрѣзанъ непріятелемъ отъ Пултуска, обратился къ Голымину, гдѣ подъ его начальствомъ собрались также отброшенные наступленіемъ Французовъ полки дивизіи Сакена, и въ послѣдствіи отряды Палена и Чаплица (50). Изъ войскъ 7-й дивизій, выступившихъ, по приказанію Каменскаго, къ Макову, оставались у Голымина только полки Московскій мушкетерскій и Московскій драгунскій, подъ личнымъ начальствомъ самаго Дохтурова.

Наполеонъ, какъ уже сказано, послалъ къ Голымину корпуса Ожеро, Даву и Сульта, съ частью резервной кавалеріи Мюрата. Князь Голицынъ не имѣлъ возможности сопротивляться столь огромнымъ силамъ, но чрезвычайное утомленіе ввѣренныхъ ему войскъ заставило его остановиться у Голымина и занять тамъ позицію: правое крыло его стало на полянѣ впереди мѣстечка, а лѣвое, подъ начальствомъ князя Щербатова, заняло лѣсъ между дорогами ведущими къ Стрегочину и Пултуску. Движеніе по грязнымъ дорогамъ замедлило движеніе непріятеля и не позволило ему выставить значительное число орудій; пользуясь тѣмъ, князь Голицынъ отражалъ съ успѣхомъ сперва войска Ожеро, а потомъ подошедшихъ къ нему въ помощь Мюрата и Даву. Самъ Наполеонъ прибылъ въ концѣ дѣла на мѣсто сраженія. Въ сумерки наши войска, снявшись съ позиціи, стали отступать по дорогѣ къ Макову и въ полночь соединились съ стоявшею тамъ, подъ личнымъ начальствомъ Буксгевдена, дивизіей Тучкова. Уронъ русскихъ войскъ вообще простирался до 800 человѣкъ. Французы, наступая подъ сильною канонадою нашей артиллеріи, безъ всякаго сомнѣнія, потеряли гораздо болѣе (51). 1806.

Князь Дмитрій Владиміровичъ, столько же просвѣщенный, сколько и неустрашимый воинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, истинный бояринъ по безкорыстію и щедрости, уважаемый и любимый всѣми его знавшими, покрылъ себя славою въ дѣлѣ при Голыминѣ. Императоръ Александръ наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени (князь Голицынъ имѣлъ этотъ орденъ 4-й степени за штурмъ Праги) (52).

Послѣдствіемъ сраженій при Пултускѣ и Голыминѣ было свободное, нетревожимое непріятелемъ,

1806. отступленіе русскихъ войскъ. Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ, обычныхъ порядкомъ, исказилъ истину, объявивъ, что наша армія потеряла 80 орудій, всѣ свои зарядные ящики, болѣе 1,200 повозокъ и 12,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными ([53]). Въ дѣйствительности-же уронъ Французовъ былъ болѣе нашего, и имъ удалось захватить только тѣ орудія, которыя увязли въ грязи и были нами брошены. Наполеонъ отказался навремя отъ дальнѣйшихъ дѣйствій ([54]): такъ-ли поступалъ онъ, одерживая побѣды?

Русскіе генералы, послѣ этихъ сраженій, безъ всякаго препятствія, могли и должны были сосредоточить силы. Вышло иначе: Беннигсенъ, будучи моложе въ чинѣ Буксгевдена, не хотѣлъ поступить подъ его начальство, и по тому, не только не торопился соединиться съ нимъ, но сжегъ мостъ на Наревѣ у Остроленки, могшій служить для сообщенія обоихъ корпусовъ, и всячески избѣгалъ свиданія съ Буксгевденомъ: отъ этого произошло, что они соединились не прежде, какъ по переходѣ беннигсенова корпуса черезъ Наревъ въ Тыкоцинѣ. Дивизіи Эссена и Анрепа, получая противорѣчащія приказанія—то отъ фельдмаршала, то отъ Буксгевдена, успѣли однакоже примкнуть на маршѣ къ корпусу Беннигсена и вмѣстѣ съ нимъ пришли къ Тыкоцыну.

Отступленіе отъ Пултуска вверхъ по Нареву, по грязнымъ дорогамъ, при ненастьѣ и ночныхъ морозахъ, безъ продовольствія, было бѣдственно. Солдаты, терпя голодъ и холодъ, бродили толпами, грабили селенія и попадали въ плѣнъ непріятелю. Въ особенности-же встрѣчались эти безпорядки въ корпусѣ Беннигсена, необращавшаго вниманія на поддержаніе дисциплины. Говорятъ, будтобы мародёры врывались въ собственную его квартиру, и

что онъ хладнокровно говорилъ: „выгнать этихъ негодяевъ!“ Да и выгнать ихъ было некому: случалось, что забывали ставить караулы при занимаемомъ имъ домѣ; ординарцы и адъютанты его являлись къ нему, когда хотѣли (55). Вся эта неурядица увеличивалась распоряженіями Каменскаго, который, оставаясь вблизи арміи, отдавалъ приказанія противорѣчившія распоряженіямъ корпусныхъ командировъ (56). Въ довершеніе тому возникли недоразумѣнія между графомъ Буксгевденомъ и Беннигсеномъ, который, не смотря на повелѣніе фельдмаршала, состоять подъ начальствомъ Буксгевдена, полагалъ, что, будучи самъ командиромъ отдѣльнаго корпуса, онъ могъ быть подчиненъ другому корпусному командиру не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. Тогда-же пріѣхалъ въ армію генералъ Кноррингъ, вступившій изъ отставки на службу съ условіемъ, чтобы ему несостоять подъ начальствомъ младшаго въ чинѣ. Будучи присланъ изъ Петербурга, въ качествѣ помощника къ фельдмаршалу, Кноррингъ упорно отказывался подчиниться комулибо изъ корпусныхъ командировъ, самъ искалъ начальства надъ арміей и относился невыгодно о Буксгевденѣ и Беннигсенѣ (57). Словомъ сказать — въ нашей арміи было совершенное безначаліе. Какъ при всемъ томъ надлежало условиться на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то по достиженіи Новогрода былъ собранъ военный совѣтъ, на коемъ, по предложенію Беннигсена, единогласно рѣшили: во 1-хъ, перевести всю армію на правую сторону Нарева и идти къ Бялѣ, для прикрытія Восточной Пруссіи и отнятія у непріятеля возможности пользоваться средствами этой страны; во 2-хъ, оставить одну изъ дивизій между Наревомъ и Бугомъ, въ ожиданіи прибытія корпуса Эссена 1-го, который долженъ 1806

1806. былъ, выступивъ туда-же отъ Брестъ-Литовска, расположиться между Замбровымъ и Высоко-Мазовецкомъ.

По прибытіи въ Тыкоцынъ, войска Беннигсена были снабжены провіантомъ. Въ Гоніондзѣ, получены были Высочайшія повелѣнія — Беннигсену принять начальство надъ арміей, а графу Буксгевдену быть рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Императоръ Алексаноръ, получивъ донесеніе объ отъѣздѣ фельдмаршала, сперва назначилъ-было главнокомандующимъ графа Буксгевдена, но еще не успѣли отправить указа о томъ, уже подписаннаго Государемъ, когда пришло въ Петербургъ донесеніе о сраженіи подъ Пултускомъ. Слѣдствіемъ того была отмѣна прежняго назначенія. Тогда-же Императоръ Александръ удостоилъ Беннигсена слѣдующимъ рескриптомъ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю вамъ мою благодарность за Пултуское сраженіе. Высокія оказанныя вами въ сей день дарованія даютъ вамъ новое право на мою довѣренность, и не могу доказать вамъ ее болѣе, какъ поручивъ вамъ главное предводительство надъ арміею, включая и корпусъ Эссена. Несомнѣваюсь, что вы оправдаете мой выборъ и явите новые случаи свидѣтельствовать вамъ мою признательность.“ Генералу Беннигсену также была подчинена резервная армія старшаго въ чинѣ генерала Римскаго-Корсакова, тогда формировавшаяся въ Гроднѣ и Вильнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Александръ повелѣлъ Беннигсену принять строжайшія мѣры для прекращенія безпорядковъ въ арміи, въ особенности бродяжничества, и далъ ему право казнить смертью. Зная склонный къ послабленію характеръ Беннигсена, Государь предоставилъ такую-же власть дежурному генералу графу Толстому и намѣренъ былъ дать подобныя-же права даже начальникамъ дивизій ([58]).

Графъ Буксгевденъ уѣхалъ въ Ригу, пославъ Государю донесеніе, въ которомъ, оправдывая собственныя дѣйствія, обвинялъ Беннигсена въ превышеніи власти и въ допущеніи всевозможныхъ безпорядковъ, и даже грабежа. Какъ эти жалобы были оставлены безъ вниманія, то Буксгевденъ предложилъ Беннигсену отправиться въ прусскій пограничный городъ Мемель и рѣшить дѣло дуэлью. Беннигсенъ отвѣчалъ, что онъ предоставляетъ судить о своихъ дѣйствіяхъ правительству, а не частнымъ лицамъ (59). 1806.

Въ продолженіи изложенныхъ дѣйствій русской арміи, генералъ Лестокъ съ прусскимъ корпусомъ, отойдя къ Страсбургу, получилъ тамъ 8-го (20-го) декабря извѣстіе о появленіи Французовъ у Безуня, что̀ заставило его отрядить туда, для сохраненія связи съ русскими войсками, генерала Дирике съ 4,000 человѣкъ (60). Этотъ отрядъ, атакованный 11 (23) дивизіей Груши, подъ начальствомъ маршала Бесьера, былъ опрокинутъ, съ потерею 500 человѣкъ плѣнными и пяти орудій, и отступилъ на соединеніе съ главными силами Лестока, кототорый, 13 (25), будучи атакованъ у Сольдау, потерялъ, по увѣренію Французовъ, нѣсколько сотъ человѣкъ и шесть орудій и отступилъ къ Ангербургу (61).

Наполеонъ, задерживаемый на маршѣ чрезвычайно плохими дорогами, былъ принужденъ остановиться, и расположивъ войска праваго крыла и центра своей арміи на зимнія квартиры между рѣками Оржицомъ, Наревомъ и Вкрою, уѣхалъ 3-го генваря н. ст. въ Варшаву. Корпусы лѣваго крыла, въ числѣ 55,000 человѣкъ, заняли пространство отъ истоковъ Омулева до Эльбинга. Вообще-же французская армія была растянута на 200 верстъ (62).

ГЛАВА XVIII.

Зимній походъ 1807 года. Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау.

1807. По соединеніи обоихъ русскихъ корпусовъ у Бялы, 3 (15) генваря 1807 года, подъ общимъ начальствомъ генерала Беннигсена, число нашихъ войскъ на этомъ пунктѣ простиралось до 75,000 человѣкъ; кромѣ того, въ корпусѣ Эссена 1-го, у Брянска, было около 20,000 и въ корпусѣ Лестока, у Бартена, на рѣкѣ Алле, 12,000 человѣкъ: всего-же въ непосредственномъ распоряженіи Беннигсена состояло 107,000 человѣкъ. У Наполеона, за исключеніемъ войскъ блокировавшихъ крѣпости на Вислѣ, было отъ 140 до 150 тысячъ человѣкъ (1).

Принявъ начальство надъ арміей, Беннигсенъ рѣшился: „сдѣлавъ по возможности скрытно отъ непріятеля, за рядомъ озеръ, фланговое движеніе въ Старую Пруссію, атаковать Французовъ, на маршѣ ихъ къ Кенигсбергу, и овладѣвъ теченіемъ нижней Вислы, открыть сообщеніе съ Данцигомъ и освободить отъ обложенія Грауденцъ“. За тѣмъ — Беннигсенъ предполагалъ: „расположить армію на зимнихъ квартихъ въ Восточной Пруссіи, выждать подкрѣпленія изъ Россіи, и, по прибытіи ихъ, усилить

данцигскій гарнизонъ всѣмъ корпусомъ Лестока, что̀ дало-бы сему генералу возможность производить диверсіи на лѣвомъ берегу Вислы“ (2). 1807.

Такой планъ дѣйствій былъ совершенно сообразенъ съ обстоятельствами: Наполеонъ, растянувъ свою армію на значительное пространство, подвергалъ ее пораженію по частямъ; лѣсистая мѣстность способствовала незамѣтному передвиженію русскихъ войскъ, а позиція прусскаго корпуса за озерами могла послужить къ сохраненію въ тайнѣ первыхъ переходовъ; наконецъ — расположеніе эссенова корпуса у Брянска отвлекало вниманіе непріятеля, подтверждая донесенія французскихъ шпіоновъ — будтобы Русскіе расположились на зимнихъ квартирахъ, намѣреваясь ограничиться обороною — и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивало нашу армію отъ наступленія Наполеона въ тылъ, чрезъ Остроленку. Еслибъ Беннигсену удалось разбить отдѣльно лѣвое крыло французской арміи, разобщенное отъ прочихъ войскъ, то онъ могъ-бы возстановить равновѣсіе въ силахъ и по всей вѣроятности заставилъ-бы Наполеона отойти за Вислу.

Но для успѣха такихъ дѣйствій, надлежало исполнить ихъ со всевозможною быстротою; наносить ударъ за ударомъ, не давая непріятелю времени опомниться. Къ сожалѣнію, Беннигсенъ, отличавшійся искусными соображеніями, не былъ одаренъ достаточно — ни дѣятельностью, ни рѣшимостью, необходимыми при исполненіи плановъ дѣйствій. Недолжно также оставить безъ вниманія и то, что едвали его армія была способна къ быстрымъ и безостановочнымъ движеніямъ. Послѣ сраженія при Пултускѣ и отступленія къ Тыкоцину, наши войска имѣли необходимую нужду въ отдыхѣ. Подвижныхъ магазиновъ не было, а система реквизицій почти вовсе

1807. неупотреблялась — ни въ нашей, ни въ прусской арміи. Легко было предвидѣть, что съ одной стороны изнуреніе войскъ, а съ другой — недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, могли остановить наступленіе Беннигсена, прежде нежели удалось-бы ему разбить лѣвое крыло непріятельской арміи.

4 (16) генваря 1807 года, Беннигсенъ, оставя Седморацкаго съ 6-ю дивизіей, въ числѣ 8,000 человѣкъ, въ Гоніондзѣ, для охраненія тыла арміи, и отрядъ въ 1,000 человѣкъ въ Бялѣ, для связи съ Седморацкимъ (3), выступилъ съ главными силами по предположенному направленію. Генералы Эссенъ и Седморацкій получили приказанія сдѣлать — нѣсколько дней спустя — демонстраціи наступленія къ нижнему Нареву. Казачьи полки прикрывали фланговое движеніе арміи. Большая часть кавалеріи съ конною артиллеріею и за ними прочія войска двинулись тремя колоннами: 1) отъ Николайкена на Ортельсбургъ и Нейденбургъ; 2) отъ Лёцена (Lötzen) на Рейнъ и Пассенгеймъ; 3) отъ Ангербурга на Рессель и Алленштейнъ. Впереди двигались три авангарда: Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута.

8 (20) генваря, главная квартира Беннигсена пришла въ Рессель. Какъ, между тѣмъ, Ней, безъ вѣдома Наполеона, выдвинулъ, для удобнѣйшаго продовольствованія, свой корпусъ впередъ отъ Нейденбурга къ рѣкѣ Алле, то главныя силы россійско-прусской арміи, въ числѣ около 80,000 человѣкъ, уже находились въ разстояніи одного перехода отъ Французовъ и могли-бы вскорѣ атаковать ихъ превосходными силами. На слѣдующій день, Беннигсенъ перешелъ въ Бишофштейнъ, откуда авангардъ неева корпуса отошелъ безъ урона къ Зеебургу. Наши передовыя войска преслѣдовали его весьма слабо, и самъ Беннигсенъ простоялъ два дня у Бишоф-

штейна, что̀ дало Нею время отступить 11 (23) къ Нейденбургу, дабы открыть связь съ корпусомъ Бернадота, коему, въ случаѣ надобности, назначено было сосредоточиться у Остероде (4). 1807.

12 (24) генваря, Беннигсенъ перешелъ къ Гейльсбергу; авангардъ Маркова, переправясь уже въ сумерки чрезъ Пассаргу въ Питененѣ, двинулся къ Либштадту, занятому, какъ показали жители, слабымъ французскимъ отрядомъ и атаковалъ непріятеля двумя баталіонами 5-го егерскаго и Псковскаго мушкетерскаго полковъ, подъ начальствомъ полковыхъ командировъ Гогеля и Лошкарева. Когда наши войска подошли къ городу, оказалось, что Французы были сильнѣе, нежели мы думали, но, не смотря на то, они были атакованы и выбиты изъ Либштадта, съ потерею 16 офицеровъ и 270 человѣкъ плѣнными, и значительнаго числа убитыми (5). Плѣнные показали, что ихъ отрядъ принадлежалъ къ корпусу Бернадота, который, по словамъ ихъ, шелъ отъ Эльбинга къ Морунгену. Дѣйствительно — Бернадотъ, получивъ отъ своего начальника штаба, генерала Мезона, изъ Остероде, извѣстіе о наступленіи русской арміи, тотчасъ выступилъ съ зимнихъ квартиръ и двигался на перерѣзъ Маркову, шедшему 13 (25) отъ Либштадта къ Морунгену; за нимъ въ полупереходѣ слѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Анрепъ съ кавалерійскимъ отрядомъ. Тогда-же Беннигсенъ съ правою и среднею колоннами перешелъ къ Вормдиту и Аренсдорфу, направя лѣвую колонну чрезъ Гутштадтъ къ Деппену.

Слѣдствіемъ встрѣчи Бернадота съ авангардомъ нашей правой колонны было дѣло при Морунгенѣ, 13 (25) генваря. Генералъ Марковъ, миновавъ селеніе Георгенталь, узналъ отъ захваченнаго непріятельскаго пикета о прибытіи въ Морунгенъ самаго

1807. Бернадота и построилъ отрядъ къ бою на высотахъ впереди Георгенталя (6). Бернадотъ, съ своей стороны, желая дать время собраться войскамъ остававшимся назади, атаковалъ Маркова полками прибывшими въ Морунгенъ и приказалъ шедшей отъ Эльбинга дивизіи Дюпона обратиться въ правый флангъ русскаго отряда (7). Марковъ удержалъ непріятеля съ фронта, но, видя себя обойденнымъ, сталъ отступать. Генералъ Анрепъ, извѣщенный о наступленіи Бернадота, приказалъ своей конницѣ ускорить движеніе и опередивъ ее, прискакалъ съ своимъ адъютантомъ на поле сраженія, въ то самое время, когда наши войска отходили къ Георгенталю. Марковъ явился къ нему, испрашивая приказаній. „Погодите — сказалъ Анрепъ — дайте осмотрѣться", и бросясь въ застрѣльщичью цѣпь, палъ смертельно пораженный пулею въ голову. Со стороны Французовъ, былъ тяжело раненъ генералъ Пактò. Бернадотъ настойчиво преслѣдовалъ отступавшія войска, но вдругъ въ тылу его раздалась пальба и прискакали изъ Морунгена нѣсколько французскихъ гусаръ съ извѣстіемъ о занятіи города Русскими. Донесеніе ихъ было справедливо. Начальникъ кавалеріи, шедшей въ головѣ нашей лѣвой колонны, князь Голицынъ, перейдя чрезъ Пассаргу у Депена, послалъ для обозрѣнія впередъ князя Долгорукова, съ тремя эскадронами Курляндскихъ драгунъ, и въ слѣдъ за нимъ графа Палена, съ шестью эскадронами Сумскихъ гусаръ. Въ сумерки, обогнувъ Наріенское озеро и приблизясь къ Морунгену, они узнали отъ жителей, что въ городѣ стояли большіе французскіе обозы съ весьма слабымъ прикрытіемъ. Въ это время, гремѣла каконада у Георгенталя, но Паленъ, не обращая на то вниманія, ворвался въ городъ, кинулся на Французовъ, вовсе неожидав-

шихъ нападенія, захватилъ обозъ и 350 плѣнныхъ. 1807.
(изъ которыхъ однакоже большая часть разбѣжалась) и увелъ до ста Русскихъ и Пруссаковъ, бывшихъ въ плѣну у непріятеля. Полковникъ Крейцъ, съ лейбъ-эскадрономъ Сумскихъ гусаръ, увлекшись преслѣдованіемъ бѣжавшихъ Французовъ, наткнулся на кавалерію Бернадота, возвращавшуюся въ Морунгенъ, и будучи окруженъ непріятелями, рубился съ ними, пока палъ замертво съ 13-ю ранами, и остался въ рукахъ непріятельскихъ всадниковъ. Гусары его пробились сквозь Французовъ и ночью примкнули къ отряду графа Палена, который, между тѣмъ, отошелъ назадъ со всѣмъ отбитымъ обозомъ. На слѣдующій день, Беннигсенъ приказалъ отослать Бернадоту всѣ лично ему принадлежавшіе вещи и экипажи [8].

14 (26) генваря, авангардъ лѣвой колонны русскихъ войскъ находился у Альтъ-Рейхау, въ сосѣдствѣ кратчайшаго пути изъ Морунгена въ Остероде, что̀ заставило Бернадота направиться туда въ обходъ, на Либемюль (Liebemühl). Беннигсенъ, вмѣсто того, чтобы отрѣзать, или, по крайней мѣрѣ, затруднить отступленіе непріятеля, сосредоточилъ армію на высотахъ, влѣво отъ Либштадта, и для этого отодвинулъ назадъ свою лѣвую колонну: причиною тому было сообщенное казачьимъ разъѣздомъ ложное извѣстіе о наступленіи главныхъ силъ Наполеона [9]. Пользуясь тѣмъ, Бернадотъ отступилъ къ Либемюль и собралъ свой корпусъ частью у сего пункта, частью въ Остероде: такимъ образомъ, благодаря нерѣшительности и медленности движеній Беннигсена, (котораго армія прошла въ 9 дней не болѣе 120 верстъ), французскій маршалъ успѣлъ возстановить сообщеніе съ ближайшимъ къ нему корпусомъ Нея и выдти на путь отступленія къ Торну [10].

1807. 15 (27), Беннигсенъ, наконецъ убѣдясь въ отступленіи непріятеля, направился къ Морунгену и выслалъ авангардъ правой колонны, подъ начальствомъ только-что прибывшаго изъ Петербурга князя Багратіона, къ Либемюль; авангардъ лѣваго крыла двинулся къ Алленштейну. Какъ уже небыло возможности отрѣзать какой-либо изъ непріятельскихъ корпусовъ, то Беннигсенъ далъ трехъ-дневный отдыхъ арміи, растянувъ войска отъ Заальфельда до Зеебурга; авангардъ князя Багратіона занялъ Лёбау, откуда арріергардъ Бернадота отступилъ, въ слѣдъ за прочими войсками его, къ Страсбургу; авангардъ флигель-адъютанта князя Долгорукова сталъ въ Пассенгеймѣ. Отрядъ Лестока, усиленный Выборгскимъ полкомъ, наступая на правомъ крылѣ арміи, освободилъ отъ блокады Грауденцъ и расположился у Фрейштадта: въ такомъ положеніи находилась союзная армія во второй половинѣ генваря (въ началѣ февраля), когда непріятель снова открылъ наступательныя дѣйствія ([11]).

Наполеонъ узналъ о наступленіи Беннигсена не прежде 14 (26) генваря, (на другой день послѣ сраженія при Морунгенѣ). Принявъ тотчасъ мѣры для охраненія наиболѣе угрожаемаго пункта на линіи Вислы — Торна ([12]) и приказавъ остававшимся по лѣвую сторону этой рѣки войскамъ Удино и д'Эспаня идти на присоединеніе къ арміи, онъ озаботился сосредоточеніемъ главной массы силъ, въ числѣ 115,000 человѣкъ, къ 19 (31), между Остероде и Bилленбергомъ ([13]). Войскамъ было предписано взять съ собою сухарей и хлѣба на четыре дня и нагрузить провіантскія фуры (caissons), а равно имѣть съ собою по пятидесяти патроновъ. Для снабженія людей жизненными припасами, назначены были магазины въ Варшавѣ, Модлинѣ, Сероцкѣ и Плоцкѣ, и велѣно

отправить въ слѣдъ за главною квартирою по сту 1807.
воловъ въ первые пять дней, и по пятидесяти въ послѣдующее время, наконецъ — опредѣлены раіоны для реквизицій каждаго корпуса ([14]). Командовавшему 5-мъ корпусомъ, за болѣзнью Ланна, генералу Савари предписано, занявъ правый берегъ Нарева, отъ Сероцка до Остроленки, охранять армію со стороны корпуса Эссена и устроить мостовыя прикрытія у Пултуска и Сероцка ([15]).

19 (31) генваря, чрезъ четыре дня по выступленіи Французовъ съ зимнихъ квартиръ, почти всѣ наполеоновы корпусы собрались между Гильгенбургомъ и Мышинцемъ, при чемъ нѣкоторымъ частямъ войскъ пришлось пройти болѣе ста верстъ. Самъ Наполеонъ, выѣхавъ изъ Варшавы, 18-го (30-го), прибылъ на слѣдующій день въ Вилленбергъ. Оттуда послалъ онъ къ стоявшему у Страсбурга Бернадоту предписаніе: перейти въ ночи скрытно къ Гильгенбургу, оставя въ лагерѣ одинъ конный полкъ для поддержанія бивачныхъ огней ([16]). Оборона-же Торна и наблюденіе на нижней Вислѣ были поручены маршалу Лефевру съ 16,000 человѣкъ французскихъ, польскихъ и гессенъ-дармштадскихъ войскъ ([17]).

Наполеонъ, обезпечивъ себя съ фланговъ корпусами Савари и Лефевра, и быстро собравъ главныя силы противъ нашего лѣваго крыла, рѣшился обойти Беннигсена съ фланга и отбросить его отъ русскихъ границъ и отъ Кёнигсберга къ нижней Вислѣ. Беннигсенъ подвергался большой опасности, но случай обнаружилъ ему намѣренія хитраго противника. Французскій офицеръ, посланный къ Бернадоту, съ предписаніемъ, въ коемъ были изложены намѣренія Наполеона и приказаніе бернадотову корпусу, попался 20-го генваря (1-го февраля) въ руки разъѣзда Елисаветградскихъ гусаръ, не успѣвъ уничто-

1807. жить этой важной депеши. Гусары привезли плѣнника къ князю Багратіону, который, распорядясь отступленіемъ авангарда, отправилъ офицера вмѣстѣ съ бумагами къ Беннигсену. Получивъ непріятельскій операціонный планъ, главнокомандующій разослалъ приказанія всѣмъ войскамъ отступать къ Янкову; только-лишь отрядъ Барклая де-Толли былъ оставленъ у Алленштейна, чтобы обезпечить отступленіе авангарда князя Долгорукова отъ Пассенгейма. По всей вѣроятности, Беннигсенъ имѣлъ еще наканунѣ свѣдѣніе о наступленіи непріятеля; иначе едвали онъ успѣлъ-бы собрать во-время свои войска, растянутыя на значительномъ пространствѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже перехваченная депеша, открывъ замыслы Наполеона, принесла намъ несомнѣнную пользу ([18]).

Утромъ 22-го генваря (3-го февраля), вся беннигсенова армія, кромѣ войскъ Лестока, построилась на высотахъ у Янкова, занявъ центромъ это селеніе и протянувъ правое крыло къ густому кустарнику, а лѣвое къ селенію Мондкенъ. Наступленіе части непріятельской арміи (корпусовъ Сульта и Даву) по правой сторонѣ Алле заставило Беннигсена расположить у Бергфрида, позади лѣваго крыла, три пѣхотныхъ полка съ пятнадцатью прусскими орудіями, подъ начальствомъ графа Никол. Михайл. Каменскаго.

Французы довольно рано появились въ виду нашей позиціи, но Наполеонъ, вовсе неожидавшій, чтобы русскія войска собрались такъ скоро и были въ готовности къ бою, рѣшился атаковать Беннигсена не прежде, какъ по прибытіи остававшихся назади корпусовъ. Войска Сульта, и за нимъ Даву, получили приказаніе спуститься по правой сторонѣ рѣки Алле, овладѣть переправою у Бергфрида и

зайти въ тылъ русской арміи; для нападенія-же съ фронта были назначены корпусы Ожеро̀ и Нея, поддержанные гвардіей и резервомъ Мюрата. Кромѣ этихъ войскъ, въ числѣ по крайней мѣрѣ 90,000 человѣкъ, Наполеонъ предполагалъ направить противъ праваго крыла нашей арміи корпусъ Бернадота, незная причины замедлившей его прибытіе. 1807.

Въ три часа по полудни, дивизія Леваля, корпуса Сульта, подошла къ селенію Бергфриду, занятому однимъ изъ баталіоновъ Углицкаго полка. Генералъ Дюлолуа̀ (Dulauloy) поставилъ три батареи, для обстрѣливанія моста и прусскихъ орудій, стоявшихъ на высотахъ лѣваго берега Алле. Тогдаже 24-й легкій полкъ направился прямо къ селенію, а два баталіона пошли въ обходъ, чтобы овладѣть плотиною и мостомъ, длиною въ 250 шаговъ, и отрѣзать оборонявшій селеніе отрядъ отъ войскъ стоявшихъ на противоположномъ берегу. Французы были отбиты два раза, и уже при третьемъ нападеніи ворвались въ Бергфридъ, откуда Углицкій баталіонъ отошелъ по мосту на лѣвую сторону рѣки, съ потерею шести человѣкъ. Непріятель кинулся за нимъ вслѣдъ, но былъ отраженъ картечью. Нѣсколько спустя, войска Сульта возобновили нападеніе свѣжими силами и перейдя черезъ мостъ, захватили нѣсколько орудій. Самъ Каменскій, съ ближайшими полками, ударивъ въ штыки, опрокинувъ головныя части французской пѣхоты, которыя, обратясь въ бѣгство и встрѣтясь на мосту съ войсками спѣшившими впередъ, смѣшались въ густую толпу. Въ самой тѣснинѣ завязался бой штыками и прикладами; наконецъ Французы побѣжали въ селеніе. Въ пылу преслѣдованія, 1-я гренадерская рота Углицкаго полка, подъ командою капитана Андреева, устремилась на правую сторону Алле, но встрѣченная въ

1807. Бергфридѣ градомъ пуль, обратилась назадъ съ большою потерею.

Въ продолженіи боя при Бергфридѣ, главныя силы обѣихъ сторонъ ограничились довольно жаркою канонадою (19). Изнеможеніе людей форсированными переходами заставило Наполеона отложить до слѣдующаго дня общее нападеніе. Но, между тѣмъ, Беннигсенъ получилъ отъ Лестока донесеніе, что онъ, опасаясь попасть въ средину французскихъ колоннъ, двинулся не къ Янкову, а чрезъ Заальфельдъ и надѣялся присоединиться къ арміи у Вормдита; къ тому-же настойчивыя покушенія непріятеля переправиться у Бергфрида, возобновленныя къ вечеру, явно обнаружили цѣль Наполеона — отрѣзать сообщенія русской арміи: все это заставило Беннигсена въ ночи сняться съ позиціи, чтобы выйти на кратчайшую дорогу къ Кенигсбергу, гдѣ находились магазины съ жизненными запасами. Войска двинулись тремя колоннами, по узкимъ лѣснымъ дорогамъ, увязая въ глубокомъ снѣгу; орудія и повозки цѣплялись за деревья и пни, отставали и мѣшались съ пѣхотою и конницею, задерживая и замедляя ихъ движенія. Къ счастью нашей арміи, на стражѣ ея безопасности, находился князь Багратіонъ. Ему была поручена команда надъ арріергардомъ, и никто лучше его не могъ исполнять такой обязанности. Въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ, его краткій сонъ на привалахъ безпрестанно прерывался донесеніями съ разъѣздовъ, либо офицерами пріѣзжавшими къ нему за приказаніями; каждый изъ имѣвшихъ къ нему дѣло долженъ былъ будить его, и Багратіонъ, одѣтый и днемъ, и ночью, свѣжій душею и тѣломъ, всегда былъ готовъ заслонить грудью путь непріятелю (20). Подъ его начальствомъ командовали отрядами арріергарда: графъ

Марковъ (Евг. Иван.) и знаменитые въ послѣдствіи генералы Барклай де-Толли и Багговутъ. 1807.

Наполеонъ, замѣтивъ отступленіе русской арміи, утромъ 23-го генваря (4-февраля), устремилъ вслѣдъ за нею свои войска: корпусы Нея. Ожеро и Сульта вмѣстѣ съ резервомъ Мюрата тѣснили нашъ арріергардъ съ тыла; за ними шелъ Наполеонъ съ гвардіей; Даву направился въ обходъ на Гутштадтъ. Несмотря на сильный напоръ Французовъ, арріергардъ удерживался съ успѣхомъ и далъ время арміи отойти въ совершенномъ порядкѣ. На слѣдующій день, Наполеонъ, получивъ извѣстіе объ открытіи разъѣздами высланными за Пассаргу сильной прусской колонны, покушавшейся перейти черезъ эту рѣку въ окрестностяхъ Либштадта, приказалъ Нею, съ его корпусомъ и легкою кавалеріей Лассаля, переправиться на лѣвый берегъ Пассарги и идти на Либштадтъ, чтобы отрѣзать уходившую колонну, либо, по крайней мѣрѣ, неотступно преслѣдовать ее. Арріергардъ Лестокова отряда, настигнутый Неемъ у Вальтерсдорфа, потерпѣлъ пораженіе ([21]), но, между тѣмъ, главныя силы Лестока успѣли перейти на правую сторону Пассарги, у Вузена (Wuhsen) и на слѣдующій день продолжали отступать къ Мельзаку.

Въ слѣдующіе дни, Багратіонъ продолжалъ отступать, останавливаясь отъ времени до времени и давая отпоръ непріятелю. Въ продолженіи одного изъ дѣлъ, именно у Вольфсдорфа, донесли ему, что позади арріергарда столпилось много частныхъ повозокъ, и хотѣли сбросить ихъ въ стороны отъ дороги, чтобы очистить путь войскамъ. „Нѣтъ, лучше по-долѣе остановимся и дадимъ имъ время уйти — сказалъ герой. На то мы — арріергардъ, чтобы не отдать непріятелю ни повозки, ни колеса“. Утромъ

1807 . 25-го генваря (6-го февраля). Беннигсенъ, имѣя намѣреніе выждать Французовъ на позиціи при Ландсбергѣ, приказалъ Барклаю де-Толли, отступавшему съ частью прежняго арріергарда отъ Фрауэндорфа къ Ландсбергу, удерживать непріятеля, пока армія построится въ боевой порядокъ. Барклай, занявъ селеніе Зинкенъ баталіономъ 20-го егерскаго полка и оставя впереди селенія два конныхъ орудія съ прикрытіемъ изъ двухъ эскадроновъ Изюмскихъ гусаръ, расположилъ остальныя войска арріергарда, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ, за рѣчкою, на высотахъ впереди Гофа (22).

Наполеонъ, въ тотъ-же день, предписалъ: маршалу Даву идти къ Гейльсбергу и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ; Мюрату и Сульту, поддержаннымъ войсками Ожерò и гвардіей, наступать къ Ландсбергу. Легкая кавалерія генерала Дюронеля должна была сохранять сообщеніе между Мюратомъ и Даву; Нею и Бернадоту предписано продолжать преслѣдованіе Лестока (23).

Въ три часа по полудни, Французы подошли къ Зинкену; Дороховъ съ двумя эскадронами Изюмскихъ гусаръ усилилъ передовой отрядъ и принявъ надъ нимъ начальство, держался, пока непріятельскія батареи засыпали ядрами и перебили почти всю прислугу состоявшихъ при немъ орудій (24), и потомъ отступилъ за рѣчку. Плѣнные, захваченные Изюмцами, дали свѣдѣніе о присутствіи ихъ Императора при наступавшихъ войскахъ. Современники увѣряютъ, что появленіе Наполеона оказывало на противниковъ его какое-то неизъяснимое дѣйствіе, и что у многихъ храбрыхъ людей при встрѣчѣ съ нимъ какъ-бы опускались руки. Но ничто не могло поколебать Барклая де-Толли. Донося въ послѣдствіи объ этомъ дѣлѣ, онъ писалъ: „Во всякомъ другомъ случаѣ, я

бы заблаговременно ретировался, дабы, при такомъ 1807.
неравенствѣ въ силахъ, не терять весь деташаментъ мой безъ пользы, но чрезъ офицеровъ, которыхъ посылалъ я въ главную квартиру, освѣдомился я, что большая часть арміи еще не была собрана при Ландсбергѣ, находилась въ походѣ и никакой позиціи взято не было. Въ разсужденіи сего я почелъ долгомъ лучше со всѣмъ отрядомъ моимъ пожертвовать собою столь сильному непріятелю, нежели ретируясь, привлечь непріятеля за собою, и чрезъ то подвергнуть всю армію опасности". Готовясь къ отчаянному бою, Барклай поставилъ на высотѣ противъ моста Изюмскій полкъ съ конною ротою князя Яшвиля; во второй линіи стали полки Ольвіопольскій гусарскій и Костромской мушкетерскій, и впереди лѣваго фланга ея пѣшая рота. 1-й егерскій полкъ занялъ лѣсистую гору на правомъ крылѣ, а 3-й, поддержанный 20-мъ, былъ посланъ въ лѣсъ на оконечность лѣваго крыла.

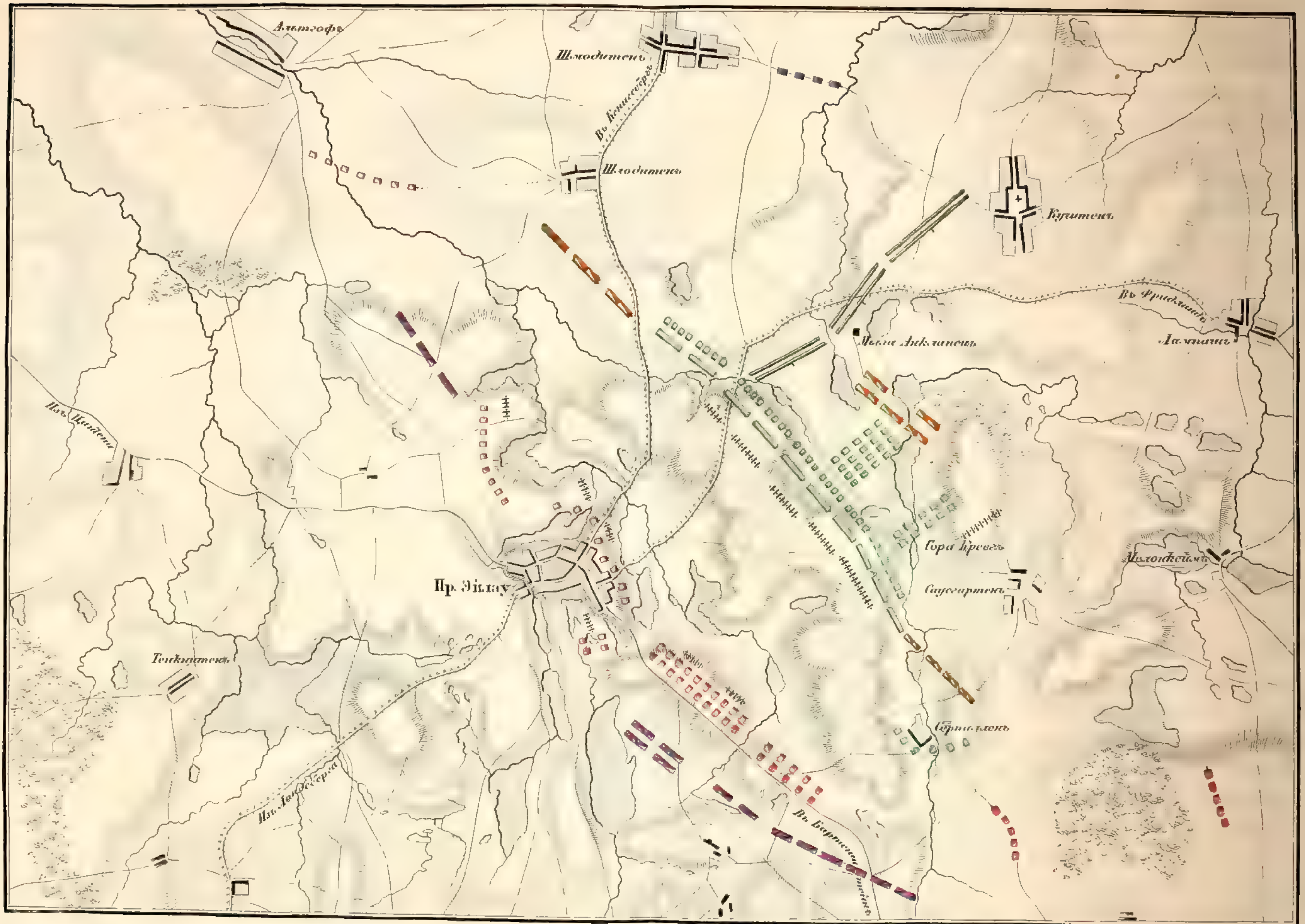
Непріятель, приблизясь къ нашей позиціи, выставилъ нѣсколько батарей и заставя огнемъ ихъ конную роту податься назадъ, устремился къ мосту. Французскіе драгуны и за ними кирасиры д'Опу перешли чрезъ рѣчку, опрокинули Изюмскихъ гусаръ и кинувшихся безъ приказанія въ атаку Ольвіопольцевъ, и ударили на Костромской полкъ, который, свернувшись въ каре, нѣсколько разъ отразилъ непріятеля; но когда наши гусары, устроясь снова, атаковали французскихъ кирасиръ, и будучи смяты, ворвались вмѣстѣ съ ними въ каре, Костромцы подверглись совершенному пораженію. „Я имѣлъ прискорбіе — доносилъ Барклай — видѣть гибель сего безподобнаго полка". Здѣсь взяли Французы четыре орудія и два знамя; третье было спасено Изюмскаго полка юнкеромъ Томиловскимъ. Не имѣя возможно-

1807 сти устоять. Барклай спѣшилъ отступить чрезъ селеніе Гофъ на другую позицію. 1-й егерскій полкъ, будучи окруженъ Французами, пробился и въ разсыпную ушелъ черезъ сзади лежавшій лѣсъ, а егеря стоявшіе на лѣвомъ крылѣ отступили въ порядкѣ.

Отойдя на вторую позицію, Барклай де-Толли встрѣтилъ тамъ князя Долгорукова, высланнаго съ пятью баталіонами ему въ подкрѣпленіе; вслѣдъ за тѣмъ, пришли кирасирскіе полки Его Величества и Орденскій. Какъ тогда уже смерклось, то Наполеонъ, не имѣя возможности достовѣрно заключить о силѣ прибывшихъ войскъ, прекратилъ нападеніе. Уронъ русскихъ войскъ въ Гофѣ вообще простирался до 2,000 человѣкъ ([25]).

Упорное сопротивленіе русскихъ арріергардовъ заставило Наполеона полагать, что Беннигсенъ былъ намѣренъ принять сраженіе у Ландсберга. Но русскій главнокомандующій, въ ночи на 26-е генваря (7-е февраля), отошелъ къ Прейсишъ-Эйлау. Сперва онъ предполагалъ отступить оттуда къ Алленбургу и сблизиться съ ожидаемыми имъ подкрѣпленіями, предоставя защиту Кёнигсберга прусскому отряду Лестока, но потомъ предпочелъ вступить въ рѣшительный бой на позиціи у Прейсишъ-Эйлау, надѣясь отразить Наполеона, либо, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить непріятеля, и тѣмъ лишить его возможности продолжать наступленіе. Съ этою цѣлью, главныя силы Беннигсена, утромъ 26-го генваря (7-го февраля), пройдя чрезъ Эйлау, расположились позади города между селеніями Шлодитеномъ и Серпалленомъ. Князь Багратіонъ, снова принявъ начальство надъ арріергардомъ, медленно слѣдовалъ за арміей, удерживая непріятеля, чтобы дать время отойти войскамъ и обозамъ. Приблизясь къ городу, онъ расположилъ отряды Маркова и Багговута на

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ПРЕЙСИШЪ ЭЙЛАУ
27 Генваря (8 Февраля) 1807 года

Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 400 саж.

0 100 200 300

позиціи между замерзшими озерами Тенктнитеномъ и Вашкейтеромъ; за ними стала 8-я дивизія и шесть конныхъ полковъ (26), а непосредственная оборона города, въ случаѣ отступленія аррієргарда, была поручена Барклаю де-Толли. 1807.

Въ два часа по полудни, маршалъ Сультъ атаковалъ нашу позицію 46-мъ и 18-мъ линейными полками. Картечный огонь конной роты Ермолова и дѣйствіе стрѣлковой цѣпи не остановили Французовъ, но когда Псковскій и Софійскій полки встрѣтили ихъ штыками, а С.-Петербургскіе драгуны Дехтерева, пройдя по льду Тенкнитенскаго озера ударили во флангъ 18-му полку, непріятель обратился назадъ съ потерею орла. Мюратъ послалъ драгунскую дивизію Клейна на выручку пѣхоты и открылъ сильную канонаду. Чрезъ полчаса, Французы возобновили нападеніе. Бригада Вивьѐ (Vivier) съ частью кавалеріи пошла по гейльсбергской дорогѣ, въ обходъ нашего лѣваго фланга, а кавалерія авангарда, поддержанная войсками корпуса Ожерò, въ обходъ праваго фланга, на селеніе Тенкнитенъ. Русскія войска удержались на всѣхъ пунктахъ, но когда прибылъ самъ Наполеонъ, и въ присутствіи его было возобновлено нападеніе свѣжими войсками, Барклай приказалъ отступать чрезъ городъ — сперва 8-й дивизіи, а потомъ арріергардамъ Багговута и Маркова. Французы преслѣдовали ихъ, но подойдя къ городу, были встрѣчены пальбою стрѣлковъ Барклая, засѣвшихъ въ садахъ и строеніяхъ, и огнемъ батареи, съ высоты у кладбища на юго-восточной сторонѣ Прейсишъ-Эйлау. Непріятели ворвались въ городъ, гдѣ обоюдная канонада происходила въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ; наконецъ, уже въ пять часовъ, русскія войска вышли изъ города. Самъ Барклай былъ раненъ въ правую руку, съ переломомъ

1807. кости. Князь Багратіонъ, у выхода изъ Прейсишъ-Эйлау, встрѣтилъ Беннигсена съ 4-ю дивизіей получившею приказаніе овладѣть городомъ. Самъ Багратіонъ, сойдя съ лошади, повелъ эти войска впередъ тремя колоннами; раздалось оглушительное ура! и послѣ упорнаго боя въ городскихъ улицахъ Русскіе выбили непріятеля въ поле. Князь Багратіонъ, поручивъ начальство надъ войсками генералу Сомову, отправился на мызу Ауклапенъ къ Беннигсену.

Какъ обыкновенно бываетъ послѣ удачнаго штурма, войска 4-й дивизіи разбрелись по домамъ. Генералъ Сомовъ приказалъ ударить сборъ, не назначивъ къ тому мѣста. Барабанный бой раздался на сѣверной сторонѣ города; наши войска туда хлынули, очистивъ строенія и улицы, а Французы, пользуясь тѣмъ, снова заняли городъ. Уже было 6½ часовъ; наступила ночь, и Беннигсенъ оставилъ городъ въ рукахъ непріятеля, расположивъ для наблюденія за французскими войсками 4-ю дивизію, усиленную Архангелогородскимъ полкомъ, между Прейсишъ-Эйлау и позиціей, на которой строилась наша армія. Наполеонъ, съ такою-же цѣлью, поставилъ у выхода изъ города дивизію Леграна.

Въ продолженіи ночи на 27 генваря (8 февраля), войска обѣихъ сторонъ готовились къ рѣшительному бою.

Войска Беннигсена были расположены слѣдующимъ образомъ:

На оконечности праваго крыла, примыкая правымъ флангомъ къ селенію Шлодитену, отрядъ Маркова, 12 баталіоновъ; впереди его 6 кавалерійскихъ и правѣе — нѣсколько казачьихъ полковъ. Первая линія, загнутая назадъ подъ тупымъ угломъ, въ разстояніи полуверсты отъ города, простиралась влѣво

по холмамъ до высоты между селеніями Серпаллeнъ и Саусгартенъ; она была построена такъ, что въ каждомъ полку по два баталіона стояли въ развернутомъ фронтѣ, а по одному въ колоннахъ. Вторая линія построилась въ баталіонныя колонны: обѣ линіи состояли изъ пѣхоты пяти дивизій: 2-й, 3-й, 5-й, 7-й и 8-й. Кромѣ артиллеріи, размѣщенной по всей первой линіи, и стоявшей въ резервѣ, были расположены впереди фронта три большія батареи: одна, изъ 40 батарейныхъ и 20 легкихъ орудій, на правомъ крылѣ *); другая, изъ 70-ти батарейныхъ, въ центрѣ, въ разстояніи около 700 шаговъ отъ выхода изъ города, и третія, изъ 40 батарейныхъ орудій, между центральною батареей и Клейнъ-Саусгартеномъ. Впереди Серпаллена стоялъ генералъ Багговутъ съ своимъ и барклаевымъ отрядами. Кавалерія, кромѣ полковъ, находившихся на правомъ флангѣ, была расположена на лѣвомъ крылѣ и за центромъ, въ резервѣ; казаки, поступившіе подъ начальство прибывшаго на-канунѣ атамана Платова,— на различныхъ пунктахъ позиціи. Въ резервѣ, за лѣвымъ крыломъ, стояли пять полковъ 14-й дивизіи графа Каменскаго и 60 конныхъ орудій. Правымъ крыломъ арміи командовалъ Тучковъ 1-й, центромъ— Сакенъ, лѣвымъ крыломъ — Остерманъ-Толстой; начальство надъ всею кавалеріей поручено князю Голицыну, артиллеріей генералу Рѣзвому. Армія состояла изъ 132 баталіоновъ и 145 эскадроновъ, въ числѣ 58,000 человѣкъ, съ 250 орудіями ([27]). Дорога чрезъ Домнау въ Велау находилась за центромъ позиціи, а дорога въ Кёнигсбергъ —за правымъ крыломъ. Озера и ручьи были покрыты толстымъ льдомъ 1807.

*) Кромѣ того, на правомъ крылѣ позиціи стояло нѣсколько прусскихъ батарей.

1807. и не представляли препятствій движеніямъ войскъ, но глубокій снѣгъ затруднялъ ихъ. Въ продолженіи боя, погода измѣнялась нѣсколько разъ: за густою мятелью съ порывистымъ вѣтромъ прояснялось небо, и вслѣдъ за тѣмъ опять нависали густыя тучи и было пасмурно какъ въ сумерки.

Непріятель, по занятіи Прейсишъ-Эйлау, могъ удобно скрывать передвиженія своихъ войскъ, какъ за городомъ, такъ и за рядомъ холмовъ, по коимъ пролегаетъ дорога изъ Бартенштейна; напротивъ того, всю позицію, на которой стояли русскія войска, было удобно обозрѣвать съ возвышенія у Цехзена (Zehsen), съ Фихтенберга у Вашкейтена и съ высоты у Тенкнитена; въ теченіе боя, непріятель занялъ господствующій надъ всею окрестностью пунктъ — Креегскую гору (Kreege-Berg).

Въ ночи на 27 генваря (8 февраля), французская армія расположилась слѣдующимъ образомъ:

Въ первой линіи — корпусъ Сульта, именно: дивизія Леграна на сѣверной части города; дивизія Леваля частью на кладбищѣ правѣе города и въ ближайшихъ домахъ (бригады Вивьѐ и Шиннера), частью лѣвѣе города (бригада Феррей); дивизія Сентъ-Илера (St. Hilaire) между кладбищемъ и селеніемъ Ротененъ; драгунская дивизія Мильгò (Milhaud) еще правѣе, впереди Цехсена. Легкая кавалерійская дивизія Ласаля (Lassalle) на оконечности лѣваго крыла. Во второй линіи, позади города, стояли корпусъ Ожерò и драгунскія дивизіи Груши и Клейна. Въ резервѣ гвардія и кирасирская дивизія д'Опу (d'Hautpouls). Корпусъ Даву ночевалъ на дорогѣ изъ Бартенштейна въ Эйлау, въ разстояніи около 15-ти верстъ отъ праваго фланга французской арміи; корпусъ Нея — у Оршена, въ 12-ти верстахъ отъ Прейсишъ-Эйлау. Французская армія, со включеніемъ

этихъ корпусовъ, состояла, по свидѣтельству генерала Дюма̀, изъ 118-ти баталіоновъ и 148-ми эскадроновъ, въ числѣ 68,500 человѣкъ; но, по всей вѣроятности, была нѣсколько сильнѣе: самъ Дюма̀ говоритъ, что, при выступленіи войскъ Наполеона съ квартиръ, въ генварѣ 1807 года, у него было въ гвардіи, корпусахъ Даву, Сульта, Нея, Ожеро̀, и резервной кавалеріи Мюрата, 100,000 человѣкъ; ежели допустимъ, что французская армія, двигаясь усиленными переходами, въ суровое время года, при недостаткѣ въ продовольствіи, понесла чрезвычайный уронъ, то все-таки онъ не могъ простираться болѣе 20,000 человѣкъ. Слѣдовательно — у Наполеона все еще оставалось, по крайней мѣрѣ, 80,000 человѣкъ (28). 1807.

Наполеонъ, предписавъ маршаламъ Даву и Нею направиться на Прейсишъ-Эйлау, полагалъ, что русская армія отступитъ за Прегель; но на разсвѣтѣ загремѣла канонада съ нашей право-фланговой батареи; артиллерія Леграна, стоявшая у выходовъ изъ города, также открыла огонь. Началась битва.

Еще до разсвѣта, въ пять часовъ утра, Беннигсенъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ боевомъ порядкѣ: 4-я и 7-я дивизіи были отведены назадъ и поставлены за центромъ въ резервѣ на-равнѣ съ 14-ю дивизіей; Архангелогородскій полкъ посланъ на правое крыло арміи; отрядъ Маркова перевели съ праваго фланга въ промежутокъ образовавшійся отъ передвиженія въ резервъ 7-й дивизіи.

Генералъ Беннигсенъ, открывъ сильную канонаду съ праваго крыла арміи, во-все не имѣлъ намѣренія повести нападеніе на городъ, а желалъ привлечь туда главныя силы непріятеля, чтобы лишить его возможности атаковать превосходною массою наше лѣвое крыло и отбросить насъ отъ Домнау. Но Наполеонъ не отклонился отъ своей цѣли —

1807. обойти Русскихъ движеніемъ впередъ корпуса Даву, при чемъ городъ Эйлау, сильно занятый его войсками, долженъ былъ служить опорнымъ пунктомъ (pivot) предположеннаго обхода. Сообразно тому, Наполеонъ, прибывъ на кладбище, приказалъ поставить тамъ двадцать четыре орудія гвардейской артиллеріи, для содѣйствія батареямъ Сульта; дивизіи Гёделè (Heudelet) и Дежардена (Desjardins) были выдвинуты впередъ и поставлены въ первую линію, между дивизіей Сентъ-Илера и кладбищною высотою, за которою расположилась въ резервѣ вся гвардейская пѣхота; за корпусомъ Ожерò стали кирасиры д'Опу; за ними — гвардейская кавалерія; драгунскія дивизіи Мильгò, Клейна и Груши были расположены правѣе и позади дивизіи Сентъ-Илера ([29]). Тогда-же одинъ изъ наполеоновыхъ адъютáнтовъ, капитанъ Монтескьё (Montesquieu), отправился къ Нею, съ приказаніемъ спѣшить къ Альтгофу и примкнуть къ лѣвому флангу арміи.

Канонада, въ началѣ сраженія завязавшаяся у города, вскорѣ распространилась по всей линіи: съ нашей стороны дѣйствовали около полутораста орудій право-фланговой и центральной батарей; Французы выставили до ста орудій, именно: 30 корпуса Сульта — на высотѣ лѣвѣе города и у выходовъ изъ него въ поле; 24 гвардейскихъ — на возвышеніи у кладбища; 20 орудій корпуса Ожерò — впереди его войскъ и дороги идущей изъ Бартенштейна; правѣе этой батареи — 12 орудій дивизіи Сентъ-Илера и на оконечности праваго крыла — 6 орудій драгунской дивизіи Клейна. Несмотря на превосходство Русскихъ въ артиллеріи, способствовавшее имъ подбить много французскихъ орудій, войска Наполеона, прикрытыя городскими строеніями и высотами, по коимъ пролегаетъ дорога изъ Бартенштейна, тер-

пѣли менѣе вреда, нежели русскія войска построенныя въ нѣсколько линій, близко стоявшихъ одна за другою. 1807.

Наполеонъ, желая отвлечь вниманіе Беннигсена отъ его лѣваго фланга, въ обходъ котораго долженъ былъ направиться Даву, приказалъ дивизіи Леграна занять мѣльницу (Walkmühle) впереди нашего праваго крыла; но генералъ Тучковъ, замѣтивъ наступленіе непріятеля, послалъ на встрѣчу ему генералъ-маіора Фока, съ Пермскимъ и Могилевскимъ полками, а Рижскимъ и Лифляндскимъ драгунамъ приказалъ ударить во флангъ Французамъ. Непріятель, принужденный отказаться отъ своего покушенія, не возобновлялъ нападенія противъ праваго крыла нашей арміи во весь день и ограничился канонадою. Наполеонъ, принявъ наступленіе русскихъ войскъ праваго фланга за начало общаго движенія противъ корпуса Сульта, приказалъ, въ ожиданіи прибытія Даву, Сентъ-Илеру атаковать наше лѣвое крыло, а корпусу Ожерò также идти впередъ, сохраняя связь съ дивизіей Сентъ-Илера: такимъ образомъ эти войска вмѣстѣ съ корпусомъ Даву должны были совершить перемѣну фронта на восьмую часть круга, оставляя лѣвое крыло у Эйлау. Но едва-лишь войска Сентъ-Илера и Ожерò, около 9-ти часовъ утра, двинулись съ мѣста, какъ пошелъ снѣгъ, обратившійся въ густую мятель. Сильный порывистый вѣтеръ, дувшій въ лицо Французамъ, затруднялъ наступленіе, совершенно ослѣпляя ихъ снѣжными хлопьями. Колонны Ожерò, сбившись съ указаннаго имъ направленія, потеряли связь съ дивизіей Сентъ-Илера и вдругъ очутились — неожиданно для себя и для насъ — передъ нашею центральною батареей, въ тотъ самый мигъ, когда утихла мятель и небо прояснилось. Французы, въ довершеніе ихъ опаснаго по-

1807. ложенія, не имѣли при себѣ артиллеріи, оставленной, неизвѣстно почему, далеко назади. Внезапно съ нашей стороны раздался громъ 70-ти батарейныхъ орудій, открывшихъ огонь картечами по изумленному непріятелю. Въ нѣсколько минутъ все пространство впереди нашей батареи было устлано трупами; самъ Ожеро̀ и оба дивизіонные начальники его, Дежарденъ и Гёделѐ, пали тяжело раненые; войска, лишенные многихъ начальниковъ своихъ, смѣшались въ безпорядочную толпу. Пользуясь тѣмъ, полки нашихъ боевыхъ линій и резерва, Московскій гренадерскій, Шлиссельбургскій, Владимирскій и другіе, ударили въ штыки на ошеломленныхъ Французовъ. Непріятели нѣсколько разъ кидались на орудія; войска обѣихъ сторонъ поражали одни другихъ штыками и прикладами; наши артиллеристы оборонялись банниками. Упорный бой окончился совершеннымъ пораженіемъ Французовъ. Наши войска устремились за ними и взяли нѣсколько орловъ. Одинъ изъ русскихъ баталіоновъ, увлекшись преслѣдованіемъ, достигъ до кладбища, гдѣ находился Наполеонъ, и атакованный тамъ частью пѣшей и конной французской гвардіи, былъ разсѣянъ. Дивизія Сентъ-Илера, подобно корпусу Ожеро̀, сбившаяся съ назначеннаго направленія, двинулась къ Серпаллену; замѣтивъ сдѣланную ошибку, Сентъ-Илеръ повернулъ влѣво, чтобы примкнуть къ Ожеро̀ и будучи атакованъ генераломъ Каховскимъ съ Литовскимъ уланскимъ и Малороссійскимъ кирасирскимъ полками, былъ опрокинутъ съ большимъ урономъ, причемъ особенно пострадалъ 55-й полкъ ([30]).

Наполеонъ, замѣтивъ гибель корпуса Ожеро̀, послалъ на выручку его Мюрата, съ кавалеріей Мильго̀, Клейна, Груши и д'Опу, и Бессьера съ гвардейскою кавалерійскою дивизіей, всего 73 эскадрона. Задро-

жала земля подъ массами всадниковъ, какъ густыя тучи, стремившимися въ слѣдъ одна за другою. Французамъ удалось опрокинуть малочисленную кавалерію, преслѣдовавшую остатки корпуса Ожеро̀, но подоспѣли изъ резерва наши прочіе полки, и драгуны Груши были обращены назадъ, съ потерею орла, захваченнаго Орденскими кирасирами; здѣсь также отличились Курляндскіе драгуны и Изюмскіе гусары. Прибывшіе въ продолженіи дѣла кирасиры д'Опу опрокинули русскую кавалерію до стоявшей за нею пѣхоты и, будучи встрѣчены картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, повернули назадъ. Но въ этотъ самый моментъ Бессьеръ съ гвардейскою конницею наскакалъ на нашу пѣхоту; его конные гренадеры и кирасиры пронеслись чрезъ обѣ линіи до резервовъ. Говорятъ будто-бы нѣкоторые изъ русскихъ баталіоновъ, стоявшіе въ развернутомъ фронтѣ, ложились наземь при кавалерійской атакѣ и давъ непріятелю время промчаться, вставали и стрѣляли ему въ тылъ. Французская гвардейская конница, достигнувъ до нашихъ резервовъ и будучи встрѣчена ружейными залпами, кинулась назадъ; за нею устремились генералъ Юрковскій съ Елисаветградскимъ полкомъ, графъ Орурkъ съ тремя эскадронами Павлоградскихъ гусаръ и Киселева казачій полкъ. Французы, разсѣянные во всѣ стороны, искали спасенія въ бѣгствѣ; нѣкоторые изъ нихъ очутились сзади артиллеріи графа Кутайсова, стоявшей на нашемъ правомъ крылѣ, и уходили между орудіями. Уронъ непріятеля былъ весьма значителенъ: генералъ д'Опу смертельно раненъ, генералъ Корбино̀ (Corbineau) и полковникъ Дальманъ (Dahlmann) убиты; отъ корпуса Ожеро̀ и четырехъ кавалерійскихъ дивизій бывшихъ въ дѣлѣ остались лишь кадры; въ обоихъ баталіонахъ 14-го линейнаго полка всѣ офицеры были 1807

1807. убиты; въ трехъ баталіонахъ 24-го полка осталось только пять офицеровъ; корпусъ Ожерò, по собственному его донесенію, потерялъ убитыми и ранеными 5,200 человѣкъ, въ дѣйствительности-же гораздо болѣе, и послѣ сраженія при Прейсишь-Эйлау былъ расформированъ. Русскія войска также понесли большой уронъ (31).

За тѣмъ, съ десяти до одиннадцати часовъ, войска обоихъ сторонъ, разстроенныя боемъ, старались возстановить порядокъ въ рядахъ своихъ; большая часть резерва Дохтурова поступила въ боевыя линіи. Непрерывная канонада гремѣла по прежнему.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа, появились въ виду нашего лѣваго крыла передовыя войска маршала Даву. Оттѣснивъ русскіе наблюдательные отряды, дивизія Фріана направилась къ Саусгартену; дивизія Морана сперва слѣдовала за нею, а потомъ двинулась влѣво для содѣйствія Фріану; легкая кавалерія Марюлаза была послана вправо, на селеніе Мелонкеймъ (Melohnkeim), въ обходъ нашего лѣваго фланга; дивизія Гюдена находилась въ резервѣ; дивизія Сентъ-Илера и драгуны Клейна были направлены къ Серпаллену; драгунская-же дивизія Мильгò повернула вправо, на подкрѣпленіе маршала Даву. Бенигсенъ, съ своей стороны, послалъ приказаніе Лестоку идти въ помощь лѣвому крылу арміи.

Генералъ Багговутъ, не будучи въ состояніи устоять противъ несравненно сильнѣйшаго непріятеля, зажегъ Серпалленъ и отступилъ къ Саусгартену; Беннигсенъ подкрѣпилъ его резервомъ лѣваго крыла — 14-ою дивизіей графа Каменскаго; войска обоихъ генераловъ расположились подъ угломъ, по сторонамъ селенія Саусгартена, занятаго Рязанскимъ полкомъ. Дивизія Фріана, наступавшая противъ нихъ, была сильно поражаема во флангъ батареями графа

Остермана. Несмотря однакоже на то, генералъ Лошè съ 33-мъ линейнымъ полкомъ овладѣлъ селеніемъ, но былъ выбитъ оттуда Рязанцами. Второе нападеніе двухъ пѣхотныхъ полковъ, поддержанныхъ легкою кавалеріей Марюлаза, встрѣтило сильный отпоръ; самъ Лошè былъ раненъ, однакоже Французы снова заняли Саусгартенъ. 1807.

Тогда-же дивизіи Сентъ-Илера и Морана, усиленныя 61-мъ полкомъ дивизіи Гюдена, оставя вправо Серпалленъ, атаковали лѣвое крыло русской арміи. Графъ Остерманъ двинулся имъ навстрѣчу, выставя батарею изъ тридцати орудій; войска обѣихъ сторонъ, сойдясь на близкое разстояніе, поражали одни другихъ картечью и ружейнымъ огнемъ. Французы увѣряютъ, будтобы имъ удалось здѣсь захватить наши орудія. Но какъ-бы то ни было, торжество непріятеля, дѣйствительно оттѣснившаго пѣхоту Остермана, было непродолжительно: генералы Корфъ и Паленъ, съ двадцатью эскадронами, ударили во флангъ 10-му легкому пѣхотному полку, наступавшему на правомъ крылѣ дивизіи Сентъ-Илера и отбросивъ его на дивизію Морана, опрокинули непріятеля къ Серпаллену. Французы понесли значительный уронъ и потеряли орла. Не смотря однакоже на то, занятіе войсками Даву Клейнъ-Саусгартена побудило Остермана перемѣнить фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ, почти подъ прямымъ угломъ съ центромъ арміи; на оконечности его войскъ пристроились отрядъ Багговута и дивизія Каменскаго. Тогда-же Даву, усиливъ Фріана дивизіей Гюдена, занялъ Крегскую гору (Kreege Berg), поставилъ на ней сильную батарею и громилъ наше лѣвое крыло; Французы, между тѣмъ, быстро подавались впередъ, протянули правый флангъ до селенія Кушитена и

1807. открыли огонь по мызѣ Auклапенъ. Тогда было уже около двухъ часовъ по полудни (32).

Генералъ Беннигсенъ, находясь за центромъ арміи, вмѣстѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ Штейнгелемъ, усмотрѣлъ сильныя массы непріятельскаго войска, направленныя въ обходъ нашего лѣваго фланга, и для ближайшаго обозрѣнія послалъ туда Штейнгеля, который, проѣхавъ съ версту, поднялся на отлогую гору. Тамъ остановясь, увидѣлъ онъ внизу подъ горою, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ впереди себя, мызу Ауклапенъ *), а вправо рощу, откуда тогда появились Павловскіе гренадеры. Приказавъ адъютанту своему Жервѐ замѣтить пунктъ, на которомъ они находились, Штейнгель отправился къ правому флангу.

Тамъ все было спокойно; къ сторонѣ непріятеля стояли ведеты; солдаты, сложивъ ружья въ козлы, отдыхали; многіе спали глубокимъ сномъ. На вопросъ Тучкова: „каково идетъ дѣло?“ Штейнгель отвѣчалъ: „плохо; лѣвый флангъ сбитъ,“ и подалъ совѣтъ Тучкову, согласно съ предположеніемъ главнокомандующаго, атаковать стоявшія противъ него войска, чтобы отвлечь хотя часть непріятельскихъ силъ. Но Тучковъ не рѣшался сойти съ позиціи, считая такое движеніе опаснымъ, и подъѣхавшій во время этого совѣщанія генералъ Фокъ поддерживалъ его мнѣніе. Генералъ-квартирмейстеръ предложилъ перевести вторую линію праваго крыла на лѣвое, но Тучковъ и на то не изъявилъ согласія. Наконецъ — рѣшили, чтобы неоставить лѣвое крыло совершенно безъ помощи, послать туда съ праваго фланга три конныя роты. Пока были сдѣланы къ

*) Въ ночи съ 26-го на 27-е (съ 7-го на 8-е февраля) тамъ находилась главная квартира.

тому распоряженія, появилась колонна изъ лѣса 1807.
близъ Альтгофа. Приказано было стать къ ружью. Колонна остановилась; три всадника, отдѣлившись отъ ней поскакали къ Шлодитену: то былъ генералъ Лестокъ съ двумя ординарцами. Подъѣхавъ къ Тучкову, онъ спросилъ: гдѣ велѣно ему стать съ его отрядомъ? Генералъ-квартирмейстеръ, именемъ главнокомандующаго, приказалъ ему поспѣшить чрезъ Шмодиттенъ въ помощь лѣвому крылу (33). За отдѣленіемъ части отряда съ Калужскимъ пѣхотнымъ полкомъ, для обезпеченія отступленія къ Кёнигсбергу, у Лестока оставалось 8 баталіоновъ, 30 эскадроновъ и 2 конныя батареи, въ числѣ 5,584 человѣкъ (34).

Прусскія войска, въ трехъ колоннахъ, двинулись къ Шмодиттену. Между тѣмъ какъ Лестокъ распрашивалъ о ходѣ и положеніи дѣла, явился офицеръ роты полковника Ермолова, для полученія дальнѣйшихъ приказаній. Генералъ-квартирмейстеръ поручилъ своему адъютанту Жервè вести артиллерію на указанное имъ прежде мѣсто: конныя роты генерала Богданова, полковника Ермолова и князя Яшвиля, подъ личнымъ начальствомъ начальника артиллеріи праваго крыла, генералъ-маіора Кутайсова, потянулись шагомъ чрезъ поле длинною нитью, въ одно орудіе. Жерве просилъ ѣхавшаго съ нимъ въ головѣ колонны офицера доложить своему командиру, что слѣдовало-бы ускорить шагъ для предупрежденія непріятеля въ назначенномъ пунктѣ. Офицеръ отвѣчалъ, что сугробы снѣга и кочки не дозволяли идти скорѣе.

Когда артиллерія Кутайсова приблизилась къ возвышенію близъ Ауклапена, непріятель открылъ по ней канонаду. Наши орудія выѣзжали на позицію постепенно одно за другимъ и открывали огонь

1807. картечью по Французамъ, уже овладѣвшимъ мызою и наступавшимъ къ высотѣ; два единорога, на лѣвомъ флангѣ русской батареи, дѣйствовали гранатами противъ непріятеля, столпившагося въ Аукдапенѣ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ загорѣлись строенія мызы, что заставило Французовъ оттуда бѣжать въ разсыпную. Конный Польскій полкъ преслѣдовалъ ихъ и изрубилъ много пѣхоты. Здѣсь былъ смертельно раненъ командиръ этого полка, храбрый полковникъ Жигулинъ *). Генералъ Готьè, получивъ приказаніе снова овладѣть мызою, атаковалъ и взялъ ее однимъ изъ баталіоновъ 25-го полка, поддержаннымъ всею дивизіей Гюдена; войска Даву, продолжая подаваться вправо, сильно заняли березовую рощу, а 51-й полкъ съ четырьмя ротами 108-го утвердился въ Кушитенѣ. Уже было около 4-хъ часовъ ([35]).

Въ то самое время подходили туда-же войска Лестока и прибылъ на батарею у Ауклапена главнокомандующій. Французы сильно отвѣчали на нашу канонаду; въ числѣ прочихъ, былъ тяжело раненъ ядромъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Беннигсена, Лейбъ-гусарскаго полка ротмистръ графъ Салтыковъ. Генералъ Лестокъ повелъ свой отрядъ прямо на Кушитенъ: въ центрѣ шелъ Выборгскій полкъ, Пиллара; правѣе и лѣвѣе — наступали прусскіе полки Шёнинга и Рюхеля; во второй линіи слѣдовали прусскіе гренадеры и конница. Съ оглушительнымъ крикомъ ура, Выборгцы ворвались въ селеніе, почти совершенно истребили 51-й линейный полкъ и четыре роты 108-го ([36]) и взяли три русскія орудія, отбитыя непріятелемъ при нападеніи на наше лѣ-

*) Одинъ изъ уланъ, бывшихъ въ конвоѣ Жигулина, выскочилъ впередъ и закололь пикою Француза выстрѣлившаго въ полковника.

вое крыло; тогда-же полкъ Шёнинга атаковалъ пѣхоту стоявшую въ сторонѣ селенія и отбросилъ ее къ березовой рощѣ. Полковникъ Гамильтонъ (Hamilton) съ полкомъ Рюхеля преслѣдовалъ непріятеля зажёгшаго селеніе, а Платовъ съ казаками и прусскій легко-конный полкъ, называвшійся „Товарищами“ (Towarzysz), обойдя селеніе влѣво, настигли непріятеля прежде нежели онъ успѣлъ достигнуть рощи, и частью изрубили, частью забрали въ плѣнъ уходившихъ Французовъ; полкъ „Товарищей“ отбилъ орла ([37]). Генералъ-маіоръ Чаплицъ, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ Московскаго драгунскаго полка, трехъ эскадроновъ Павлоградскихъ гусаръ и нѣсколькихъ казачьихъ сотень, прошелъ чрезъ селеніе, атаковалъ одну изъ непріятельскихъ колоннъ и опрокинулъ ее, нанеся Французамъ большой уронъ ([38]). 1807

По занятіи Кушитена, Лестокъ развернулъ войска своего отряда на высотѣ, противъ березовой рощи: въ первой линіи пѣхоту, во второй кавалерію; легко-конные „Товарищи“ съ казаками были высланы влѣво, для наблюденія за непріятелемъ, стоявшимъ у Саусгартена. Нападенію на рощу предшествовала канонада, при чемъ въ особенности отличилась стоявшая на лѣвомъ флангѣ пѣхоты батарея поручика Декера (въ послѣдствіи извѣстнаго военнаго писателя). Съ послѣдними лучами заходящаго солнца, пѣхота Лестока двинулась въ стройномъ порядкѣ, съ музыкою, къ березовой рощѣ. Полки наступали безъ выстрѣла, подъ громомъ артиллеріи. Подойдя къ рощѣ на пятьдесятъ шаговъ, Лестокъ открылъ сильную картечную и ружейную пальбу, и потомъ атаковалъ рощу, пославъ въ обходъ праваго фланга Французовъ полкъ Рюхеля съ легко-конными и казаками. Дивизія Фріана, уже

1807. ослабленная боемъ, не выдержала дружнаго натиска союзниковъ, и будучи выбита изъ рощи, отступила въ безпорядкѣ, преслѣдуемая Чаплицомъ съ Московскими драгунами и Павлоградскими гусарами. Пользуясь этими успѣхами, войска Остермана двинулись впередъ на подкрѣпленіе Лестока и вытѣснили непріятеля изъ горящихъ строеній auклапенской мызы. Французы въ безпорядкѣ бѣжали къ Саусгартену; артиллерія, стоявшая на Крегской горѣ, едва не была захвачена русскими войсками. Самъ Даву, прискакавъ туда, устроилъ свои полки впереди Саусгартена и выставилъ сильныя батареи ([39]).

Наполеонъ, видя отступленіе Даву, усомнился въ успѣхѣ и сказалъ своему начальнику штаба Бертье: „къ Русскимъ пришли подкрѣпленія, а у насъ уже мало боевыхъ снарядовъ. Ней неявляется, Бернадотъ далеко: кажется лучше идти имъ на встрѣчу". Это значило — отступать. Дѣйствительно — положеніе Наполеона было затруднительно: войска Даву, Ожерò и кавалерія Мюрата были истощены и разстроены, а въ резервѣ оставались только восемь гвардейскихъ баталіоновъ. Казалось — Беннигсенъ намѣревался воспользоваться благопріятными для него обстоятельствами: графъ Остерманъ получилъ приказаніе приготовиться къ общему наступленію, а генералъ-маіору Лаптеву съ тремя егерскими полками велѣно атаковать непріятеля; войска радостно встрѣтили вѣсть о возобновленіи боя, но между тѣмъ наступила ночь и Беннигсенъ отмѣнилъ сдѣланныя имъ распоряженія. Канонада продолжалась еще нѣсколько часовъ; солдаты обѣихъ сторонъ, утомленные продолжительнымъ боемъ, ложились на голой, покрытой снѣгомъ землѣ, при заревѣ пылающихъ селеній. Наконецъ—уже около 9-ти часовъ вечера—все смолкло ([40]).

Генералъ Беннигсенъ, по отраженіи непріятеля на лѣвомъ крылѣ арміи, поѣхалъ къ правому и найдя войска Тучкова наименѣе потерпѣвшими, а также удостовѣрясь изъ распросовъ у плѣнныхъ о разстройствѣ непріятеля, предполагалъ повести нападеніе на этомъ пунктѣ. Но внезапно въ тылу нашего праваго фланга раздалась сильная пальба: это было наступленіе Нея, который, вытѣснивъ двигавшійся въ арріергардѣ Лестока гренадерскій баталіонъ изъ Альтгофа, атаковалъ, уже въ девятомъ часу вечера, бригадою Белера (Belair) и частью легкой кавалеріи Лассаля селеніе Шлодитенъ, наполненное нашими ранеными, и выбилъ оттуда команды оставленныя для ихъ прикрытія. Беннигсенъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Кёнигсберга, отрядилъ противъ Нея нѣсколько полковъ, и въ числѣ ихъ Таврическій гренадерскій и Воронежскій мушкетерскій, кои, ударивъ въ штыки, овладѣли Шлодитеномъ и заставили Французовъ отступить къ Альтгофу ([41]). Это былъ послѣдній актъ пятнадцати-часоваго кровопролитнаго сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Уронъ съ нашей стороны простирался до 8,000 человѣкъ убитыми и 18,000 ранеными: въ числѣ раненыхъ, кромѣ Барклая де-Толли, были: генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, генералъ-маіоры: графъ Ливенъ 3-й, Сукинъ 2-й, Корфъ, Мицкій, Арсеньевъ, Герсдорфъ и Титовъ 2-й. Французы сознаются въ потерѣ 18,000 человѣкъ; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что у нихъ выбыло изъ рядовъ, по крайней мѣрѣ, 25,000, потому что они наступали противъ войскъ занимавшихъ выгодную позицію и почти всѣ ихъ нападенія были неудачны. Въ числѣ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ были генералы: д'Опу, Далеманъ и Корбинò и генералы Сенъ-Сюльписъ, Дежарденъ, Гёделе и Лошè. Плѣнныхъ съ 1807.

1807. каждой стороны взято по нѣсколько сотъ человѣкъ. Мы не потеряли — ни пушекъ, ни знаменъ; у Французовъ отбито пять орловъ (42).

Въ продолженіи шести сутокъ, наши войска, то сражаясь противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, то отступая днемъ и ночью, зимою, терпя голодъ и холодъ, ужасно ослабились. Они дѣйствовали въ бою съ обычною имъ неустрашимостью, но изнемогали подъ бременемъ трудовъ и лишеній; въ продолженіи ночи послѣ битвы множество людей разбрелось по окрестнымъ селеніямъ, другіе ушли вмѣстѣ съ подвижнымъ лазаретомъ заваленнымъ ранеными; полки обратились въ слабые баталіоны; въ дивизіи графа Остермана-Толстаго оставалось подъ ружьемъ 2,700 человѣкъ. Съ содроганіемъ получилъ главнокомандующій рапорты корпусныхъ командировъ: оказалось, что наличное число войскъ всей арміи не превосходило 30,000 человѣкъ. Не смотря однакоже на то, главные сподвижники Беннигсена, Кноррингъ, Штейнгель, Остерманъ, полагали, что намъ слѣдовало, пользуясь одержанными успѣхами, атаковать Французовъ. Сформировано было нѣсколько колоннъ для преслѣдованія непріятеля, но высланные впередъ разъѣзды донесли, что французскія войска оставались на-мѣстѣ. У Наполеона для возобновленія боя еще оставались свѣжія силы — корпусъ Нея и гвардейская пѣхота; у насъ, напротивъ того, были введены въ дѣло всѣ войска до послѣдняго баталіона, и къ тому-же почти во-все не оставалось ни боевыхъ, ни жизненныхъ запасовъ. Беннигсенъ рѣшился отступить къ Кёнигсбергу. „Пусть всякій опытный военный — пишетъ онъ — рѣшитъ, не лучше ли было мнѣ отойти къ Кёнигсбергу, освѣжить тамъ войска, дать пріютъ раненымъ, исправить артиллерію, пополнить снаряды

и укрѣпить тамошнюю позицію, оставляя Наполеона въ безлюдныхъ мѣстахъ у Эйлау, гдѣ онъ не имѣлъ ни продовольствія, ни возможности призрѣть раненыхъ и исправить артиллерію" (43). Говорятъ, будтобы въ 1813 году, Бернадотъ, разговаривая съ нашими офицерами о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи, сказалъ: „Никогда счастіе болѣе неблагопріятствовало Наполеону, какъ подъ Эйлау. Ударь Беннигсенъ ввечеру, онъ взялъ-бы по крайней мѣрѣ полтораста орудій, подъ которыми лошади были убиты" (44). Въ 1809 году, послѣ сраженія при Аспернѣ, Наполеонъ сказалъ находившемуся при немъ ротмистру Чернышеву: „я назвалъ себя побѣдителемъ при Эйлау, потому только, что вамъ угодно было отступить". Но показаніе Бернадота, неучаствовавшаго въ сраженіи подъ Эйлау, весьма сомнительно; а слова Наполеона весьма часто не согласовались съ истиною. 1807.

Въ 10 часовъ вечера, Беннигсенъ разослалъ всѣмъ начальникамъ дивизій приказанія—отступать къ Кёнигсбергу. Въ арріергардѣ были оставлены легкія войска, подъ начальствомъ князя Багратіона, и отрядъ Лестока. Главныя силы, выступивъ въ полночь, двумя колоннами, двинулись на слѣдующій день къ Мюльгаузену, и 29-го генваря (10-го февраля) къ Кёнигсбергу. Войска Багратіона слѣдовали за движеніемъ арміи, а Лестокъ, снявшись съ позиціи въ два часа пополуночи, отступилъ, по совѣту своего генералъ-квартирмейстера, полковника Шарнгорста, на Домнау, къ Фридланду, и потомъ къ Алленбургу. Расположеніе на этомъ пунктѣ прусскаго отряда способствовало прикрытію лѣваго крыла арміи и сообщенія съ Россіей (45).

Французская армія находилась не въ лучшемъ положеніи нежели русская: войска были столь-же

1807. изнурены и ослаблены, терпѣли такой-же недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и также разошлись по всей окрестности. Начальники ихъ съ безпокойствомъ ожидали слѣдующаго утра; одинъ лишь Наполеонъ, окинувъ опытнымъ взоромъ всѣ обстоятельства битвы, не сомнѣвался въ отступленіи нашей арміи и провелъ ночь на бивакѣ позади города. И дѣйствительно—на разсвѣтѣ 28-го генваря (9-го февраля) въ виду Французовъ оставались только казаки, поддержанные нѣсколькими полками легкой кавалеріи. Мюратъ съ резервною кавалеріей немедленно направился къ Кёнигсбергу, а легкая кавалерійская бригада Марюлаза (Marulaz) была послана въ слѣдъ за Лестокомъ къ Домнау (46). На слѣдующій день, Мюратъ переправился черезъ Фришингъ. Наполеонъ съ главными силами стоялъ у Эйлау, но получивъ свѣдѣніе о пораженіи, понесенномъ 2-го и 3-го (14 и 15-го) февраля передовыми войсками Мюрата у Мансфельда, счелъ нужнымъ отвести армію за Пассаргу и предписалъ 4-го (16-го) всѣмъ своимъ корпусамъ отступать (47).

Сраженіе при Эйлау, въ которомъ и мы, и Французы, потеряли почти половину наличнаго числа людей, было нерѣшительно. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду: Союзники отразили непріятеля, отбили трофеи и удержались на мѣстѣ сраженія, а Французы овладѣли имъ по отступленіи нашей арміи. Наполеонъ, простоявъ недѣлю на полѣ битвы, ушелъ, преслѣдуемый русскими легкими войсками, и принужденъ былъ на-долго отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій. Во всей Европѣ и въ самой Франціи, привыкшихъ къ быстрымъ успѣхамъ Наполеона, сочли неудачу его пораженіемъ. „Нерѣшительность Эйлаускаго сраженія произвела въ Парижѣ невѣроятную тревогу; враги Имперіи, подъ личиною

скорьби, не могли скрыть радость о народномъ бѣдствіи. Государственные фонды значительно понизились" (48). Напротивъ того, извѣстія о подвигахъ оказанныхъ нашими войсками въ кровопролитной битвѣ, отбитыя французскія знамена, возимыя по улицамъ Петербурга Кавалергардами при торжественныхъ трубныхъ звукахъ, все это произвело у насъ радостныя надежды на успѣхъ борьбы съ исполиномъ, доселѣ не встрѣчавшимъ такого упорнаго сопротивленія. Императоръ Александръ наградилъ Беннигсена орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Орденъ Св. Георгія 3-й степени получили генералъ-лейтенанты: Эссенъ 3-й и Лестокъ; генералъ-маіоры: Штейнгель, Титовъ 2-й, Марковъ 1-й (Евг. Иван.), Сомовъ, графъ Каменскій (Никол. Мих.), Фокъ, графъ Паленъ (Петръ Петров.), графъ Ливенъ 3-й, баронъ Корфъ, Каховскій, Запольскій, графъ Кутайсовъ, Юрковскій, князь Долгоруковъ (Мих. Петр.) и полковники Дука и Дехтеревъ, всего восьмнадцать лицъ. Орденъ Св. Георгія 4-й степени пожалованъ тридцати тремъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Генералъ-лейтенантъ Платовъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго съ алмазами (49). Офицеры, представленные къ орденамъ Св. Георгія и Св. Владиміра и не получившіе ихъ, были награждены золотыми крестами для ношенія въ петлицѣ на георгіевской лентѣ.

1807.

ГЛАВА XIX.

Пребываніе Императора Александра въ Бартенштейнѣ.

1807. Отступленіе Беннигсена, послѣ битвы при Прейсишъ-Эйлау, къ Кёнигсбергу дало возможность Наполеону разгласить во всей Европѣ бюллетени о новой блистательной побѣдѣ, одержанной имъ надъ Русскими. Въ дѣйствительности-же наши войска, отступивъ къ Кёнигсбергу, находились несравненно въ лучшемъ положеніи, нежели французская армія, удалившаяся отъ источниковъ своихъ средствъ въ опустошенную страну. Прусскія мѣстныя начальства, соревнуя между собою въ усердіи къ защитнику ихъ Монарха, снабжали наши войска продовольствіемъ, обувью, мастеровыми, врачами. Знатнѣйшіе кёнигсбергскіе жители составили общество для вспоможенія русскимъ раненымъ. Для пользованія ихъ прислали, Прусскій Король лейбъ-медика Герке, а жившій тогда въ Митавѣ Людовикъ XVIII своего собственнаго доктора Дистеля. „Сожалѣю глубоко — писалъ развѣнчанный Французскій Король Беннигсену — что не могу принять участія въ этой великой борьбѣ, дѣлить съ вами труды, а можетъ быть, и славу“ (1). Прусская Королева прислала Беннигсену двѣсти фридрихсдоровъ для раздачи раненымъ,

изъявляя сожалѣніе, что „несчастныя обстоятельства не позволили ей сдѣлать для храбрыхъ русскихъ воиновъ все, чего желало ея сердце“ (2). 1807.

Положеніе Пруссіи было бѣдственно. Всѣ прусскія области до самой Вислы, занятыя Французами, подверглись разоренію. Король находился на окраинѣ своихъ владѣній, въ Мемелѣ, и не имѣлъ уголка, гдѣ безопасно можно былобы хранить принадлежавшія ему драгоцѣнныя вещи; по его желанію, казна, брилліанты, золотые и серебряные сервизы, и проч. были отправлены въ Россію за прусскимъ конвоемъ; лучшія лошади изъ казенныхъ конскихъ заводовъ также были переведены въ Россію. Ненаходя мѣста для формированія резервовъ, Король просилъ Императора Александра о дозволеніи помѣстить ихъ въ Ковнѣ и Юрбургѣ (3).

Несмотря однакоже на то, что Наполеонъ довелъ до крайности одного изъ своихъ противниковъ и готовился вторгнуться во владѣнія другаго, его собственное положеніе было весьма затруднительно. Переходы и биваки, подъ голымъ небомъ, въ суровое время года, плохое продовольствіе и кровопролитныя битвы ослабили его армію; въ особенности-же пострадала кавалерія — частью отъ безпрестанныхъ четырехъ-мѣсячныхъ маршей, частью отъ дурнаго ухода за лошадьми, обычнаго Французамъ. Въ войну 1807 года, они, при движеніи отъ Майна къ Одеру, вездѣ находили возможность замѣнять набитыхъ, либо изнуренныхъ лошадей другими, захваченными въ добычу и отнятыми у жителей страны. Когда-же, послѣ перехода французской арміи чрезъ Вислу, многія лошади сдѣлались негодны и не стало средствъ для замѣны ихъ, большая часть кавалеріи, и въ особенности драгуны, спѣшились. Солдаты и офицеры, прежде воевавшіе

1807. въ Италіи и Германіи, теперь находясь въ негостепріимной странѣ, встрѣчая на каждомъ шагу упорное сопротивленіе, терпя голодъ и холодъ, утопая въ грязи, не видѣли конца своимъ бѣдствіямъ. Наполеонъ писалъ своему брату Іосифу: „Чиновники моего штаба, полковники, офицеры, нераздѣвались въ продолженіи двухъ, другіе—четырехъ мѣсяцевъ, (я самъ не скидалъ сапогъ цѣлыя двѣ недѣли); валялись на снѣгу и въ грязи, безъ хлѣба, безъ вина и водки, питаясь картофелемъ и мясомъ, двигаясь взадъ и впередъ усиленными переходами, сражаясь на штыкахъ и весьма часто подъ картечью, отправляя раненыхъ въ открытыхъ саняхъ за двѣсти верстъ.... Мы ведемъ войну во всемъ ея ужасѣ. Среди этихъ необычайныхъ трудовъ, всѣ были болѣе или менѣе больны, я-же никогда не чувствовалъ себя лучше, и даже потолстѣлъ“.... (4). Сама фортуна, тогда еще неоставившая своего любимца, казалось, предостерегала его отъ замысловъ, носившихъ въ нѣдрахъ своихъ неслыханныя бѣдствія 1812 года!

Французская армія, лишась въ прейсишъ-эйлаускомъ сраженіи цѣлой трети наличнаго числа людей и теряя ежедневно по нѣскольку сотъ человѣкъ, поступавшихъ въ госпитали, либо истребляемыхъ Донцами, имѣла необходимую нужду въ отдыхѣ. Но Наполеонъ оставилъ свои войска на бивакахъ въ окрестностяхъ Эйлау, въ продолженіи цѣлой недѣли, опасаясь, чтобы не сочли его побѣжденнымъ, что̀ могло оказать невыгодное вліяніе, какъ на вооруженія въ Польшѣ, такъ и на дѣйствія австрійскаго кабинета, враждебнаго Франціи, но несмѣвшаго принять сторону Россіи и Пруссіи. А, между тѣмъ, Наполеонъ, видя, что дальнѣйшее веденіе войны не обѣщало ему никакихъ выгодъ, открылъ переговоры съ прусскимъ правительствомъ и старался побудить

его къ отдѣльному миру. Съ этою цѣлью, еще до 1807.
сраженія при Эйлау, Талейранъ писалъ къ тогдашнему прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, генералу Цастрову, что „Императоръ Наполеонъ, желая обратить силы Прусской Монархіи на защиту Оттоманской Порты, предлагаетъ Королю не только миръ, но и союзъ съ Франціей“, и „что, въ случаѣ отказа въ томъ, Е. В. приметъ мѣры для низложенія Бранденбургскаго Дома“ (5). За тѣмъ, эйлауская битва, возбудивъ въ Наполеонѣ еще большія опасенія, побудила его предложить перемиріе генералу Беннигсену, который отвѣчалъ, что „Императоръ Александръ поручилъ ему сражаться, а не вести переговоры“, и вслѣдъ за тѣмъ, по волѣ Государя, обнародовалъ воззваніе къ германскимъ народамъ, призывая ихъ вооружиться противъ Французовъ. Говорятъ, будтобы Наполеонъ, раздраженный такими дѣйствіями Беннигсена, приказалъ объявить въ нѣмецкихъ газетахъ, чтобы онъ оставилъ русскую службу и немедленно явился на родину въ Ганноверъ, подъ опасеніемъ лишиться находившагося тамъ его наслѣдственнаго имѣнія (6). Не успѣвъ заключить перемиріе съ русскимъ главнокомандующимъ, Наполеонъ просилъ у него дозволеніе генералу Бертрану проѣхать въ Мемель къ Королю Прусскому. Беннигсенъ исполнилъ его желаніе. Письмо Наполеона къ Королю Фридриху-Вильгельму заключало въ себѣ изъявленіе готовности къ союзу съ Пруссіей. Бертрану было поручено сообщить Королю, отъ имени Императора Французовъ:

„во 1-хъ, что онъ съ прискорбіемъ видитъ, какъ Россія длитъ открытіе общаго конгресса, и какъ отъ того страдаетъ Пруссія;

„во 2-хъ, что онъ, узнавъ короче положеніе Поль-

1807. ши, убѣдился въ невозможности дать этой странѣ независимое существованіе;

„въ 3-хъ, что онъ желаетъ возстановить Короля, безъ всякаго посторонняго участія,

и „въ 4-хъ, что онъ ожидаетъ присылки отъ Короля довѣренной особы, для заключенія мира и для возвращенія ему областей до Эльбы, занятыхъ французскими войсками“ (7).

4-го (16-го) февраля, прибылъ Бертранъ въ Мемель; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ присланный Беннигсеномъ, прусскій маіоръ Клюксъ, съ письмомъ, въ коемъ русскій главнокомандующій убѣждалъ Короля не вѣрить обманчивымъ предложеніямъ Наполеона: „Изъявляемая имъ наклонность къ миру — писалъ Беннигсенъ — выказываетъ разстройство французской арміи. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что побѣда надъ нею неотъемлема, если я получу подкрѣпленія; тѣмъ неменѣе однакоже переговоры съ Наполеономъ могутъ послужить Союзникамъ для выигранія времени“ (8).

Прусскій Король былъ недоволенъ тѣмъ, что Беннигсенъ, безъ его разрѣшенія, дозволилъ Бертрану пріѣхать въ Мемель, и хотя допустилъ его къ себѣ и принялъ наполеоново письмо, однакоже, не входя въ дальнѣйшія объясненія, отправилъ его къ своему министру иностранныхъ дѣлъ Цастрову, который, вмѣстѣ со многими другими лицами, близкими къ Фридриху-Вильгельму, убѣждалъ Короля открыть переговоры съ Наполеономъ. Тогда-же состоявшій при главной квартирѣ Беннигсена, прусскій подполковникъ Кнезебекъ писалъ къ генералу Шарнгорсту вымышленныя извѣстія о „свирѣпости Московитовъ, кои—по словамъ его—разоряли Пруссію съ умысломъ прикрыть пустынею свою страну“ и заклиналъ своего друга „уговорить Короля, что-

бы онъ согласился на миръ, если предложенія Наполеона будутъ сколько нибудь сносны. Напротивъ того, Гарденбергъ полагалъ, что Наполеонъ, изъявляя наклонность къ миру, имѣлъ въ виду лишить Пруссію содѣйствія Россіи и Англіи, чтобы вѣрнѣе поработить ее; по его мнѣнію, слѣдовало, немедленно извѣстивъ петербургскій и лондонскій дворы о предложеніяхъ непріятеля, объявить, что Король пребудетъ вѣренъ своимъ союзникамъ. Сообразно тому, генералъ-адъютантъ Короля, полковникъ Клейстъ, ввечеру 5-го (17-го) февраля, отправился въ главную квартиру Наполеона, какъ для развѣданія о его намѣреніяхъ и о состояніи французской арміи, такъ и для выигранія времени; а три дня спустя былъ посланъ въ Петербургъ капитанъ Шёлеръ, съ извѣстіемъ о предложеніяхъ Наполеона и съ предоставленіемъ отвѣта на нихъ Россійскому Монарху. Императоръ Александръ отвѣчалъ Королю: „Я не противлюсь открытію переговоровъ съ Наполеономъ, но они должны быть общіе для Россіи, Англіи и Пруссіи, ведены въ землѣ нейтральной, наприм. въ Галиціи, и Наполеонъ долженъ предварительно объявить условія, могущія послужить основаніями общаго мира“. На письмо Короля, доставленное Клейстомъ, Наполеонъ отвѣчалъ изъявленіемъ готовности къ миру и къ созванію конгресса въ Мемелѣ (9), но не объявилъ своихъ условій, и по тому переговоры не имѣли никакихъ послѣдствій. 1807.

Армія Беннигсена, по отступленіи къ Кёнигсбергу, считала въ рядахъ своихъ, вмѣстѣ съ прусскими войсками, около 50,000 человѣкъ (10); присоединеніе 6-й дивизіи Седморацкаго и нѣкоторыхъ другихъ войскъ могло усилить ее десятью тысячами человѣкъ регулярныхъ войскъ и 6,000 казаковъ. При

1807. всемъ желаніи нашего полководца воспользоваться ослабленіемъ непріятельской арміи и дѣйствовать наступательно, онъ, не получая обѣщанныхъ ему подкрѣпленій, отчаявался въ успѣхѣ. Пѣхотные полки, большею частью, находились въ однобаталіонномъ составѣ; въ егерскихъ полкахъ было всего по 300 или 400 человѣкъ. Прибытіе 1-й дивизіи, въ составѣ коей находилась и вся гвардія, замедлилось недоразумѣніями, возникшими со стороны своенравнаго Короля Шведскаго. Генералъ Беннигсенъ уже начиналъ чувствовать припадки болѣзни, въ послѣдствіи совершенно разстроившей его здоровье. Упадокъ дисциплины въ войскахъ — слѣдствіе неумѣстной снисходительности Беннигсена — подорвалъ довѣріе къ нему подчиненныхъ; въ главной квартирѣ арміи судили его дѣйствія и необдуманно разглашали все то, чему слѣдовало оставаться въ глубочайшей тайнѣ. Присланный къ нему въ помощь генералъ Кноррингъ — тотъ самый, который въ послѣдствіи выказалъ столь явно свою неспособность — подавалъ примѣръ неприличнаго обращенія съ главнокомандующимъ. Говорятъ, будтобы разномысліе между ними однажды дошло до того, что оба взялись за эфесы своихъ шпагъ. Свидѣтель ссоры вождей, генералъ-квартирмейстеръ Штейнгель едва успѣлъ помирить ихъ. Командовавшій особымъ корпусомъ на лѣвомъ крылѣ арміи, генералъ-лейтенантъ Эссенъ (Иванъ Иван.) позволялъ себѣ распоряжаться и дѣлать представленія Государю мимо главнокомандующаго ([11]). Всѣ эти непріятности побудили Беннигсена просить о увольненіи отъ предводительства арміей, при чемъ онъ изъявилъ готовность остаться при войскахъ и служить подъ чьимъ-бы то ни было начальствомъ. Императоръ Александръ, выслушавъ донесенія флигель-адъютанта Бенкендорфа, и по-

томъ князя Багратіона, которому главнокомандующій поручилъ изложить Государю настоящее положеніе дѣлъ, изъявилъ волю, чтобы Беннигсенъ оставался по прежнему предводителемъ, отозвалъ Кноррингa и отправилъ въ армію одного изъ любимцевъ своихъ, Новосильцова, поручивъ ему водворить согласіе въ главной квартирѣ. Тогда-же Государь приказалъ: Цесаревичу Константину Павловичу выступить съ гвардіей изъ Петербурга въ Юрбургъ; Римскому-Корсакову—усилить Беннигсена войсками изъ резервовъ; князьямъ Лобанову-Ростовскому и Горчакову, съ 17-ю и 18-ю дивизіями, идти изъ Москвы и Калуги къ Нѣману; областнымъ начальникамъ милиціи — поспѣшить высылкою въ армію стрѣлковыхъ баталіоновъ. Генералъ-маіору Мелиссино поручено сформировать вербовкою Лубенскій гусарскій полкъ, въ составѣ десяти дѣйствующихъ и одного запаснаго эскадроновъ. Полковнику графу Орурку поручено сформировать на такомъ-же основаніи Конно-Волынскій (уланскій) полкъ. Вербовать въ оба полка дозволено изъ всякаго состоянія русскихъ и иностранныхъ свободныхъ людей, на срокъ не менѣе 6-ти лѣтъ; тѣмъ-же изъ нихъ, кои прослужатъ 15 лѣтъ, обѣщано отводить земли. Для привлеченія на службу охотниковъ, разрѣшено употребить на каждаго изъ нихъ до 30-ти рублей ([12]). 1807.

Въ продолженіи переговоровъ съ Королемъ Прусскимъ, Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на усиленіе своей арміи: маршалъ Лефевръ, съ 10-мъ корпусомъ, и вновь сформированная генераломъ Домбровскимъ польская кавалерія получили приказаніе идти къ Остероде; а кирасирскія дивизіи Нансути и Эспаня — ускорить движеніе къ Прейсишъ-Эйлау;

1807. гренадерамъ Удино̀ предписано двинуться отъ Варшавы къ Вилленбергу и охранять сообщеніе между корпусомъ Лефевра и войсками генерала Савари, расположенными въ окрестностяхъ Остроленки ([13]). Простоявъ восемь дней у Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ выступилъ оттуда, 5-го (17-го) февраля, и 7-го (19-го) отвелъ главныя силы за Пассаргу. Два дня спустя, французскія войска расположились на зимнихъ квартирахъ: корпусъ Бернадота у Браунсберга и Прейсъ-Голланда; Сульта — у Либштадта и Морунгена; Нея — на рѣкѣ Алле, у Гутштадта и Алленштейна; Даву — на верхней Пассаргѣ, у Гогенштейна; резервная кавалерія — частью была придана помянутымъ корпусамъ, частью расположилась позади ихъ; гвардія и гренадерская дивизія Удино̀ стали въ окрестностяхъ Остероде, гдѣ находилась главная квартира Наполеона. Для прикрытія арміи отъ обхода съ праваго фланга, назначенъ былъ корпусъ Ланна, тогда состоявшій подъ начальствомъ генерала Савари; Наполеонъ, усиливъ его тринадцатью тысячами Баварцевъ, прежде находившихся въ Силезіи, и поручивъ всѣ войска собранныя на рѣкѣ Наревѣ прибывшему изъ Италіи маршалу Массенѣ, приказалъ ему стать въ окрестностяхъ Пултуска, для прикрытія кратчайшаго сообщенія съ Варшавою. Расположеніе французской арміи, въ плодоносной и довольно населенной странѣ, за рѣками Пассаргою и Алле, доставило Наполеону возможность дать войскамъ необходимый для нихъ отдыхъ и прикрыть осаду важнѣйшей изъ крѣпостей на Вислѣ — Данцига. Самъ Наполеонъ, въ запискахъ диктованныхъ имъ на островѣ Св. Елены, отзывается съ одобреніемъ о временномъ бездѣйствіи своемъ на Пассаргѣ, упрочившемъ его послѣдующіе успѣхи ([14]). Какъ, при новомъ расположеніи французской арміи,

главный путь дѣйствій проходилъ чрезъ Торнъ и Познань, то Наполеонъ перевелъ склады, госпитали и управленіе арміей (le quartier-général administratif) въ Торнъ и усилилъ вооруженіе тамошней крѣпости ([15]). 1807

Генералъ Беннигсенъ, получивъ донесеніе отъ командовавшаго авангардомъ Платова объ отступленіи непріятеля, приказалъ преслѣдовать его, чтò и было исполнено казаками съ большимъ успѣхомъ: непріятель не только оставилъ въ Прейсишъ-Эйлау болѣе тысячи нашихъ раненыхъ, но былъ принужденъ бросить на маршѣ множество повозокъ и отсталыхъ и нѣсколько орудій. Самъ-же Беннигсенъ, съ главными силами, простоялъ еще нѣсколько дней у Кёнигсберга, а потомъ перешелъ 13 (25) февраля къ Ландсбергу и 2 (14) марта къ Бартенштейну, присоединивъ къ арміи прибывшую отъ Гоніондза 6-ю дивизію, которая поступила подъ начальство дежурнаго генерала графа Толстаго. Расположивъ армію въ окрестностяхъ Гейльсберга, Беннигсенъ поставилъ авангардъ у Лаунау, поручивъ его возвратившемуся изъ Петербурга князю Багратіону. На оконечности праваго крыла арміи, противъ Бернадота, сталъ прусскій отрядъ Лестока, а для сохраненія сообщенія между лѣвымъ флангомъ арміи и корпусомъ Эссена былъ посланъ Платовъ, съ Павлоградскимъ гусарскимъ и десятью казачьими полками и съ ротою донской артиллеріи ([16]), къ Вилленбургу. Со времени сраженія при Прейсишъ-Эйлау до 1-го (13-го) марта, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, Донцы захватили болѣе 30-ти офицеровъ и 2,200 чиновъ ([17]).

8-го (20-го марта), Беннигсенъ, исполняя желаніе Короля Прусскаго, послалъ чрезъ Пиллау, нерунгскою косою, въ Данцигъ, генералъ-маіора князя

1807. Щербатова, съ тремя гарнизонными баталіонами. только-что прибывшими изъ Россіи въ Кёнигсбергъ; ему-же были подчинены три донскихъ полка, отряженные въ Данцигъ во время пребыванія нашей арміи подъ Кёнигсбергомъ. При отправленіи туда небольшаго русскаго отряда, Король имѣлъ цѣлью нестолько усилить гарнизонъ, сколько возвысить духъ его и ободрить жителей города. Желая изъявить неограниченное довѣріе князю Щербатову, Фридрихъ-Вильгельмъ назначилъ его вторымъ генералъ-губернаторомъ крѣпости и приказалъ главному начальнику войскъ въ Данцигѣ, графу Калькрейту не заключать никакихъ условій съ Французами безъ согласія русскаго генерала ([18]).

Главныя силы обѣихъ армій оставались въ занятомъ ими расположеніи, на кантониръ-квартирахъ, съ исхода февраля до мая, болѣе двухъ мѣсяцевъ. Причиною столь продолжительнаго бездѣйствія были сперва суровое время года и изнуреніе войскъ, а потомъ, — со стороны Наполеона осада Данцига, до окончанія которой онъ не могъ присоединить къ своей арміи значительную часть ея, стоявшую подъ этою крѣпостью, а съ нашей стороны затрудненія въ доставкѣ продовольствія и надежда на измѣненіе обстоятельствъ въ политическомъ отношеніи, заставлявшая насъ отлагать развязку дѣла. Только на лѣвомъ крылѣ нашей арміи велась довольно дѣятельно малая война между отрядомъ Платова, (въ послѣдствіи усиленнымъ полками: 1-мъ егерскимъ, Гродненскимъ гусарскимъ и казачьимъ Денисова 7-го), и польскою дивизіей Заіончека съ частью французской конницы. Здѣсь въ партизанскихъ поискахъ отличились шефъ Павлоградскаго полка Чаплицъ, того-же полка полковникъ Орурк и подполковникъ Кульневъ — гроза Французовъ въ

1812 году ([19]). Жители окрестныхъ мѣстъ способствовали успѣхамъ русскихъ войскъ, извѣщая ихъ о движеніяхъ непріятеля и служа проводниками нашимъ отрядамъ. И не смотря на то, въ послѣдующее время, нашлись между Нѣмцами безсовѣстные публицисты, представившіе своимъ довѣрчивымъ землякамъ союзниковъ — Русскихъ какими то чудовищами, а непріятелей — Французовъ несравненно въ лучшемъ видѣ ([20]). Любопытно знать, что сказали-бы эти господа, еслибы къ нимъ снова пожаловалъ Наполеонъ и возобновились событія, происходившія въ Германіи съ 1805-го по 1812-й годъ? Не обратились-ли-бы ихъ соотечественники опять къ помощи Московитовъ, Башкировъ и Калмыковъ, которыхъ именами они такъ любезно величаютъ Русскихъ? 1807

Разномысліе сподвижниковъ Беннигсена и желаніе возстановить порядокъ въ его главной квартирѣ были причинами отъѣзда Императора Александра въ армію; но, кромѣ того, онъ надѣялся своимъ присутствіемъ на театрѣ войны придать быстроту дипломатитескимъ сношеніямъ, имѣвшимъ цѣлью усилить союзъ враждебный Наполеону. Государя сопровождали: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ Будбергъ и генералъ-адъютанты графъ Ливенъ и князь Волконскій. Выѣхавъ изъ Петербурга, 16 (28) марта, Императоръ Александръ посѣтилъ 18-го (30-го) въ Митавѣ Короля Людовика XVIII. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ любопытномъ свиданіи. Говорятъ, будтобы нашъ Государь сказалъ Королю, что „лучшимъ днемъ своей жизни сочтетъ тотъ, когда водворитъ его во Франціи ([21]). Послѣдствія показали, что въ этихъ

1807. словахъ выразился только ласковый привѣтъ изгнаннику, и—болѣе ничего, но, Провидѣнію угодно было избрать Императора Александра главнымъ дѣятелемъ возстановленія Короля Людовика на престолъ его предковъ. 20-го марта (1-го апрѣля), въ Полангенѣ, нашъ Государь былъ встрѣченъ Королемъ Прусскимъ и провелъ съ нимъ въ двоемъ два часа. На другой день оба Монарха вмѣстѣ поѣхали въ Мемель; Государь остановился тамъ въ домѣ занимаемомъ Королемъ и самъ Король представлялъ ему своихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Императоръ Александръ особенно обласкалъ прежняго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Гарденберга, и долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ. Напротивъ того, Государь обошелся холодно съ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, генераломъ Цастровымъ. Послѣ обѣда у Короля, Союзные Монархи тотчасъ отправились въ назначенный для Государя домъ, гдѣ ожидали его опредѣленные къ нему, на время пребыванія его въ Мемелѣ, прусскіе генералъ-лейтенантъ Келлеръ, полковники Круземаркъ и Бельцигъ и маіоръ Шёлеръ. Государь, въ сопровожденіи графа Ливена и Круземарка, сѣлъ на лошадь и посѣтилъ супругу прусскаго принца Вильгельма и княгиню Радзивилъ, а ввечеру ходилъ пѣшкомъ къ Гарденбергу и провелъ у него болѣе часа. 23-го марта (4-го апрѣля), Король и Королева отправились съ Императоромъ въ Кидулленъ, близъ Юрбурга, на смотръ прибывшей изъ Петербурга гвардіи. Баронъ Гарденбергъ и генералъ Цастровъ получили приказаніе ѣхать туда-же, но послѣдній, подъ различными предлогами, остался въ Мемелѣ и вскорѣ сдалъ должность министра иностранныхъ дѣлъ Гарденбергу ([22]).

Императоръ Александръ, представляя Королю

1-ую дивизію, въ составѣ коей была вся русская гвардія (23), обнялъ своего союзника и повторилъ ему обѣщаніе поддерживать его до послѣдней крайности. 1807.

Русская гвардія, выступивъ изъ столицы, въ половинѣ (въ концѣ) февраля, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, шла при трескучихъ морозахъ самыми усиленными маршами; дневки бывали чрезъ пять или шесть переходовъ; гвардейская-же артиллерія, выступившая позже пѣхоты и конницы, имѣла отъ Петербурга до Юрбурга, на протяженіи около 800 верстъ, только одну дневку, во Псковѣ. Для облегченія людей, за полками слѣдовало большое число обывательскихъ подводъ, на коихъ везли ранцы, ружья, вьюки, усталыхъ, и посмѣнно ѣхали пѣхотинцы (24). Послѣ смотра при Юрбургѣ, гвардія съ уменьшеннымъ обозомъ пошла на соединеніе съ арміей къ Шипенбейлю и расположилась въ окрестностяхъ этого мѣстечка на кантониръ-квартирахъ. Начальство надъ всею гвардейскою кавалеріей было поручено Кологривову, а надъ пѣхотою—Малютину. По приказанію Беннигсена, упражняли гвардію въ цѣльной стрѣльбѣ (25).

5-го (17-го апрѣля), Императоръ Александръ, прибывъ въ главную квартиру арміи, тогда находившуюся въ Бартенштейнѣ, принялъ Беннигсена чрезвычайно милостиво и предоставя ему дѣйствовать по усмотрѣнію, повелѣлъ отдать слѣдующій приказъ по арміи: „Побѣды подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау, одержанныя генераломъ Беннигсеномъ надъ непріятелемъ, оправдали и увеличили довѣренность, возложенную на искусство его. Прибытіе Его Императорскаго величества къ храброй Своей арміи не вводитъ ни въ какомъ отношеніи ни малѣйшей перемѣны въ образѣ начальства, подъ

1807. которымъ общее благо Европы столь ощутительно начинаетъ уже возникать. Всѣ повелѣнія исходятъ по прежнему отъ одного главнокомандующаго генерала Беннигсена, равно какъ и рапорты прямо доставляются къ нему.“ Въ слѣдующіе два дня, Государь объѣхалъ расположеніе арміи. Нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, въ коихъ лошади были крайне изнурены отъ недостатка кормовъ, по его приказанію, были переведены. для поправленія, въ тылъ арміи.

Бартенштейнъ, главная квартира арміи и союзныхъ Монарховъ, сдѣлался центромъ переговоровъ между державами враждебными Франціи. 14-го (26-го) апрѣля, Императоръ Александръ заключилъ тамъ съ Королемъ Прусскимъ конвенцію, на слѣдующихъ условіяхъ:

Союзные Государи обязались дѣйствовать всѣми своими силами, войти въ соглашеніе, на счетъ плана дѣйствій, дипломатическихъ сношеній и переговоровъ съ непріятелемъ, и не заключать съ нимъ мира иначе, какъ съ обоюднаго согласія (ст. 1-я).— Цѣлью войны долженствовало быть дарованіе человѣчеству общаго мира. Союзники, не желая ни унизить Францію, ни вмѣшиваться въ ея управленіе, имѣли въ виду только положить предѣлы преобладанію Наполеона и оградить независимость, спокойствіе и неприкосновенность владѣній прочихъ державъ (ст. 2-я). — Основаніемъ дѣйствій союзниковъ положены: безкорыстіе, уваженіе правъ собственности и умѣренность. Предполагая „соорудить незыблемое политическое зданіе, которое не могло-бы рушиться при первомъ покушеніи потрясти его,“ Союзные Монархи предоставили себѣ право вознаградить по возможности тѣхъ, которые понесли потери, уступками со стороны непріятеля и его

союзниковъ, либо добровольными замѣнами (des échanges de gré à gré) (ст. 3-я).—Императоръ Александръ обязывался сдѣлать всѣ возможныя усилія, для возвращенія Королю Прусскому его владѣній и для востановленія Пруссіи въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ она находилась до 1805 года (ст. 4-я).— Для утвержденія независимости Германіи, предполагалось уничтожить Рейнскій союзъ, заставить Наполеона отвесть его войска за Рейнъ и основать въ Германіи новый союзъ подъ покровительствомъ Австріи и Пруссіи (ст. 5-я). — Въ случаѣ присоединенія Австріи къ союзникамъ, они хотѣли возстановить Австрійскую Имперію въ прежнемъ ея могуществѣ, возвративъ ей Тироль, а въ Италіи— границу по Минчіо (ст. 6-я). — Союзныя Державы предлагали Англіи принять участіе въ столь важномъ для нея дѣлѣ, имѣвшемъ цѣлью прекратить преобладаніе Франціи на материкѣ Европы и упрочить независимость Германіи, въ особенности-же обезпечить преуспѣяніе торговли. Чтобы убѣдить Англію къ содѣйствію общимъ усиліямъ, какъ денежными субсидіями, такъ и диверсіями въ тылу французскихъ армій, союзники намѣревались предложить ей увеличеніе владѣній Короля Великобританскаго въ Германіи и оборонительный союзъ съ Пруссіей (ст. 7-я). — Такія-же предложенія будутъ сдѣланы Швеціи (ст. 8-я).—Союзники, въ случаѣ присоединенія къ нимъ Австріи, Англіи и Швеціи, хотѣли пригласить Данію къ участію въ условіяхъ настоящей конвенціи (ст. 9-я).—Предположено возвратить принцу Оранскому его владѣнія и вознаградить Королей Сардинскаго и Неаполитанскаго (ст. 10-я и 11-я).—Обезпечить неприкосновенность Турціи (ст. 12-я) (26).

1807.

Бартенштейнская конвенція—одинъ изъ важнѣй-

1807. шихъ дипломатическихъ актовъ настоящаго столѣтія — заключала въ себѣ повтореніе тѣхъ началъ, которыя выражены въ трактатѣ съ Англіей 24-го марта (5-го апрѣля) 1805 года. Этими-же самыми началами руководился Александръ во все время десяти-лѣтней борьбы его съ Наполеономъ.

Но для приведенія въ исполненіе плана, задуманнаго Императоромъ Александромъ, недоставало дружнаго содѣйствія державъ, приглашенныхъ имъ къ участію въ войнѣ противъ Франціи.

Еще до похода Наполеона на Пруссію, въ началѣ октября 1806 года, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Стадіонъ поручилъ всѣмъ агентамъ вѣнскаго кабинета при прочихъ дворахъ объявить, что Императоръ Францъ приказалъ собрать корпусъ на границѣ Богеміи, въ защиту неутралитета австрійской монархіи. Несмотря на объясненія, въ такомъ-же смыслѣ сообщенныя Наполеону, онъ сомнѣвался въ намѣреніяхъ Австріи и полагалъ, что сосредоточеніе войскъ въ Богеміи было ему враждебно, и что лишь побѣда при Іенѣ заставила австрійское правительство остаться въ неутральномъ положеніи ([27]). Тѣмъ не менѣе однако-же Императоръ Францъ предложилъ петербургскому, берлинскому, лондонскому и парижскому кабинетамъ свое посредничество для заключенія мира ([28]). Императоръ Александръ отвѣчалъ, что онъ приметъ предложеніе вѣнскаго двора, какъ только будутъ объявлены основанія, на которыхъ согласно вести переговоры французское правительство, если эти условія соотвѣтствуютъ предположенной имъ цѣли ([29]). Фридрихъ - Вильгельмъ писалъ, что, по его убѣжденію, Наполеонъ предложитъ основанія мира, несовмѣстныя съ честью и достоинствомъ прусской монархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

Король сообщилъ вѣнскому двору бартенштейнскую конвенцію, приглашая Императора Франца присоединиться къ Россіи и Пруссіи. Великобританское министерство сдѣлало отзывъ, что Король приметъ участіе въ переговорахъ, коль скоро изъявятъ согласіе на то состоящія въ союзѣ съ нимъ державы (30). Наконецъ Наполеонъ объявилъ, что онъ готовъ принять посредничество Императора Австрійскаго, но „опасается, чтобы держава, пользующаяся для своего возвышенія раздоромъ континентальныхъ государствъ, не возбудила на предлагаемомъ конгрессѣ новыхъ поводовъ къ раздраженію и несогласію“ (31). 1807.

Такимъ образомъ намѣреніе австрійскаго правительства не имѣло успѣха. Извѣстіе о двусмысленномъ принятіи Наполеономъ предложеннаго посредничества пришло въ Вѣну почти одновременно съ предложеніемъ Императора Александра и Короля Прусскаго—приступить къ Бартенштейнскому договору. Поццо ди-Борго, столь-же пылкій, сколько и способный дипломатъ, непримиримый врагъ Наполеона, поддерживалъ усилія нашего посла графа Разумовскаго — возбудить общественное мнѣніе въ Вѣнѣ противъ Наполеона; но ему сильно противодѣйствовалъ холодный, разсчетливый эрцгерцогъ Карлъ, тогда еще обладавшій довѣріемъ Императора, своего брата. Стадіонъ склонялся на сторону враговъ Франціи, но, находясь подъ вліяніемъ неудачъ понесенныхъ австрійскимъ оружіемъ въ войну 1805 года, не смѣлъ предложить своему Государю рѣшительный шагъ, который, поставя Наполеона въ опасное положеніе, далъ-бы несомнѣнный перевѣсъ Союзникамъ. Вѣнскій дворъ счелъ условія Бартенштейнской конвенціи столь неумѣренными, что полагалъ невозможнымъ достигнуть

1807. такой цѣли даже послѣ самыхъ блистательныхъ успѣховъ (32). Отказываясь содѣйствовать Императору Александру, австрійское правительство приводило въ оправданіе себѣ общее желаніе мира, обнаруженное на тогдашнемъ венгерскомъ сеймѣ, недостатокъ въ оружіи и боевыхъ припасахъ, разстройство финансовъ, требовавшее по мнѣнію эрцгерцога Карла, не менѣе двухъ лѣтъ, для приведенія арміи на военное положеніе (33). Въ дѣйствительности-же, въ первую половину 1807 года, Австрія могла выставить до 340,000 человѣкъ, не считая венгерской инсуррекціи. На содержаніе регулярныхъ войскъ, изъ 110-ти милліон. гульденовъ государственнаго дохода, отпускалось нѣсколько болѣе трети, именно 40 милліон. (34), что̀ дозволяло поставить на военную ногу отъ 100 до 150 тысячъ человѣкъ.

Желаніе союзныхъ державъ привлечь на свою сторону Австрію, которой содѣйствіе имѣло для нихъ первостепенную важность, повело къ предположенію брачнаго союза отличавшейся красотою и высокими душевными качествами, любимой сестры нашего Государя, Великой Княжны Екатерины Павловны, съ овдовѣвшимъ тогда во второй разъ Императоромъ Францомъ. Когда Императоръ Александръ спросилъ мнѣніе о томъ министра иностранныхъ дѣлъ Будберга, онъ отвѣчалъ, что родственная связь съ Габсбургскимъ Домомъ, подчинивъ государственныя пользы Россіи династическимъ видамъ Австріи, былабы для насъ весьма невыгодна. Но, кромѣ того, по словамъ нашего министра, надлежало принять во вниманіе различіе лѣтъ Императора Франца и Великой Княжны *), и

*) Въ 1807 году Императору Францу было 39, а Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ только 19 лѣтъ.

паче всего — ея склонности и желаніе ([35]). Императоръ Александръ послалъ отзывъ Будберга, въ оригиналѣ, своей Августѣйшей Родительницѣ. Самъ Государь полагалъ, что Императоръ Францъ не могъ понравиться Великой Княжнѣ, какъ человѣкъ весьма непривлекательной наружности, плѣшивый, тщедушный, разслабленный тѣломъ и душой, и до того трусливый, что боялся ѣздить верхомъ въ галопъ и приказывалъ водить свою лошадь на поводу ([36]).—Извѣстно что это дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій. 1807.

Со стороны Англіи, уже воевавшей съ Наполеономъ, было оказано Союзникамъ столь-же мало содѣйствія, какъ и со стороны Австріи. Статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, лордъ Говикъ (Howick, въ послѣдствіи лордъ Грей), былъ человѣкъ недальняго ума, преданный своей странѣ, но неспособный принести ей какую либо пользу, постоянный соперникъ Питта, котораго обширные виды были ему непонятны, вредный сподвижникъ Государей ополчившихся противъ Франціи. Замѣтимъ здѣсь, что какъ только получили въ Лондонѣ извѣстіе о разгромѣ прусской арміи при Іенѣ, то лордъ Говикъ не щадилъ убѣжденій, чтобы побудить наше правительство къ неотлагательному принятію участія въ войнѣ, обѣщая, именемъ Короля, *удвоить усилія на пользу общаго дѣла* ([37]). Петербургскій кабинетъ, извѣстивъ англійское министерство о движеніи русскихъ армій въ помощь Пруссіи, изъявилъ желаніе сдѣлать, подъ поручительствомъ великобританскаго правительства, заемъ въ шесть милл. фунт. стерл. (около 40 милл. руб. серебр.), по пяти процентовъ, съ уплатою капитала въ продолженіи двадцати лѣтъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, баронъ Будбергъ про-

1807. силъ, чтобы въ счетъ займа сдѣлана была нашему правительству ссуда въ милліонъ фунт. стерл. но Англія рѣшительно отказала въ томъ. По словамъ лорда Говика „великобританское правительство не могло ручаться въ столь значительной суммѣ, которой проценты, вмѣстѣ съ погашеніемъ долга, увеличили-бы годовой налогъ пятьюстами тысячъ фунт. стерлинговъ. Примѣръ Австріи показываетъ, что такой заемъ, за поручительствомъ Англіи, обратился-бы въ субсидію. Конечно — Россія обладаетъ большими средствами, нежели Австрія, и будучи вѣрна своимъ прежнимъ обязательствамъ, пользуется болѣе прочнымъ кредитомъ. Но на займы государственные не должно смотрѣть, какъ на займы частныхъ лицъ, и въ случаѣ измѣненія дружественныхъ отношеній между правительствами, либо—еще паче — при разрывѣ между ними, желаніе нанести вредъ непріятелю можетъ взять верхъ надъ совѣстливымъ исполненіемъ обязательствъ" ([38]). Послѣ такого отказа, предполагалось пополнить недостатокъ въ суммахъ необходимыхъ на военныя потребности выпускомъ облигацій на два милліона рубл. подлежавшихъ погашенію въ 4-хъ-мѣсячный срокъ. Но министръ финансовъ графъ Васильевъ, находя затруднительнымъ уплатить ихъ въ столь короткое время, предложилъ, для удовлетворенія нуждамъ арміи, продать выкупленныя нами тогда въ Голландіи облигаціи, что̀ и было исполнено ([39]).

Императоръ Александръ встрѣтилъ такое-же недоброжелательство великобританскаго правительства, въ отношеніи къ обѣщаннымъ диверсіямъ Англичанъ въ Голландію, либо на берега Франціи. Настойчивыя домогательства, по этому предмету, не могли побѣдить равнодушіе къ общему дѣлу сенъджемскаго кабинета ([40]). За то — англійское мини-

стерство усердно ходатайствовало о возобновленіи, 1807.
либо, по крайней мѣрѣ, о продолженіи на два года, торговаго трактата съ Россіей, заключеннаго въ 1797-мъ году на десять лѣтъ. Какъ срокъ этого трактата оканчивался 25-го марта 1807 года, то Государь изъявилъ согласіе продолжить его только въ томъ случаѣ, если Англичане сдѣлаютъ требуемую имъ диверсію. Лордъ Говикъ счелъ неумѣстнымъ требованіе нашего правительства; но между тѣмъ пало министерство Гренвилля, и смѣнившее его управленіе Тори, во главѣ котораго сталъ Каннингъ, наконецъ рѣшилось исполнить желаніе Императора Александра. 17-го іюня н. ст. Англія, на основаніи конвенціи, заключенной съ Королемъ Шведскимъ, обязалась прислать въ Германію вспомогательный корпусъ, въ числѣ 20,000 человѣкъ. Но едва-лишь половина этихъ войскъ, подъ начальствомъ лорда Каткарта (Cathcart), успѣла достигнуть береговъ Помераніи, какъ тильзитскій трактатъ разрушилъ коалицію ([41]).

Дѣйствія Короля Шведскаго, не смотря на непримиримую ненависть его къ Наполеону, были нерѣшительны. Хотя присланный имъ въ Бартенштейнъ, полковникъ Энгельбрехтенъ подписалъ, вмѣстѣ съ барономъ Гарденбергомъ, конвенцію, по условіямъ которой должно было составить прусско-шведскій корпусъ въ Помераніи, для освобожденія крѣпостей обложенныхъ Французами ([42]), однакоже, между тѣмъ, шведскіе генералы, оборонявшіе Стральзундъ, заключили перемиріе съ маршаломъ Мортье ([43]). Когда-же Король Густавъ, съ корпусомъ изъ Шведовъ и французскихъ эмигрантовъ, прибылъ въ Стральзундъ, 12-го мая н. ст. и присоединилъ къ своимъ войскамъ присланный ему въ помощь отрядъ Блюхера, тогда оказалось, что онъ будучи раздра-

1807. женъ неполученіемъ отъ Англіи обѣщанныхъ субсидій, не столько помышлялъ о дружномъ содѣйствіи видамъ союзниковъ, сколько о любимой мечтѣ своей — возстановленіи Бурбоновъ. Дни проходили за днями, и наконецъ великобританское министерство, 11-го (23-го) іюня, заключило съ Густавомъ трактатъ, обязуясь уплатить ему, на годовое содержаніе шестнадцати тысячъ человѣкъ, 200,000 фунт. стерл. и выдать, не въ счетъ этой суммы, 50,000 фунт. стерл. на предварительные расходы ([44]). Король Шведскій готовился идти къ Кольбергу, чтобы освободить отъ обложенія эту крѣпость, но заключеніе мира въ Тильзитѣ заставило его отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Помераніи.

При заключеніи Бартенштейнской конвенціи, нельзя было предвидѣть, что Австрія и Англія окажутъ столь пагубное равнодушіе къ общей пользѣ и къ собственнымъ своимъ выгодамъ, и по тому, въ ожиданіи ихъ содѣйствія, Императоръ Александръ согласился съ Королемъ Прусскимъ не возобновлять наступленія, ограничиваясь отряженіемъ части войскъ въ помощь Данцигу.

Освобожденіе Данцига было весьма важно для союзниковъ. Наполеонъ, для осады этой крѣпости, назначилъ корпусъ маршала Лефевра, постепенно усиленный до 27,000 человѣкъ, и для поддержанія его поставилъ у Маріенберга 15-ти-тысячный резервъ маршала Ланна: удерживая подъ Данцигомъ болѣе 40,000 человѣкъ непріятельской арміи, Императоръ Александръ и Король Прусскій надѣялись уравновѣсить силы, пока Австрійцы, Англичане и Шведы не откроютъ дѣйствій и не придутъ русскія подкрѣпленія; къ тому-же данцигская гавань могла служить удобнымъ пунктомъ для высадки войскъ въ тылъ Наполеону. Таковы были обстоя-

тельства, побудившія Союзныхъ Монарховъ послать 1807.
во второй половинѣ апрѣля (въ началѣ мая), въ помощь Данцигу, графа Каменскаго (Ник. Михайл.), съ отрядомъ, въ числѣ до девяти тысячъ человѣкъ, русскихъ и прусскихъ войскъ ([45]). Тогда-же корпусъ Лестока былъ усиленъ 5-ою дивизіей съ однимъ казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Олсуфьева ([46]).

Въ продолженіи осады Данцига, Наполеонъ, оставаясь въ финкенштейнскомъ зàмкѣ, близъ Остероде, выказалъ обычную ему кипучую дѣятельность. Умножая свои вооруженныя силы и готовясь нанести противникамъ новые удары, онъ неупускалъ изъ вида мѣры предосторожности на случай неудачи, чего не было въ послѣдствіи, когда онъ, въ челѣ вооруженной Европы, предпринялъ походъ въ Россію. Неослѣпленный тогда еще успѣхами, Наполеонъ вооружалъ и снабжалъ продовольствіемъ крѣпости нетолько по Вислѣ и Одеру, но и по Рейну. Примѣняя изрѣченіе Цезаря: *война должна питать войну*, къ народонаселенію покоренныхъ имъ странъ, онъ вытребовалъ изъ Испаніи 15-ти-тысячный корпусъ генерала Ла-Романы, для защиты сѣверныхъ береговъ Германіи, и послалъ на Пиренейскій полуостровъ нѣсколько тысячъ прусскихъ плѣнныхъ, приказавъ распредѣлить ихъ во французскіе полки. По заключеніи-же перемирія съ Королемъ Шведскимъ, онъ тотчасъ направилъ изъ Помераніи къ нижней Вислѣ нѣсколько полковъ изъ стоявшаго тамъ корпуса Мортье. Опутавъ всю Европу сѣтью своихъ замысловъ, Наполеонъ обращалъ вниманіе и на отдаленный Востокъ, поощрялъ Турокъ и Персіянъ къ упорной войнѣ противъ Россіи и маня Султана обѣщаніемъ возвратить ему Крымъ, домогался получить согласіе Дивана на свободный пропускъ въ Черное

1807. море пяти французскихъ кораблей, для угроженія, съ содѣйствіемъ турецкаго флота, южнымъ берегамъ Россіи, а также просилъ разрѣшенія провести изъ Далмаціи къ берегамъ Дуная 25-ти-тысячный корпусъ Мармона. Желая прочно утвердиться на Адріатикѣ, онъ домогался, отъ враждебнаго, но покорнаго ему, австрійскаго правительства, о передачѣ въ руки Французовъ важнаго пункта Бокке-ди-Катаро, занятаго русскими войсками. Гордые Габсбурги уступили желѣзной волѣ побѣдителя, но всѣ усилія и козни вѣнскаго двора были сокрушены стойкостью и присутствіемъ духа адмирала Сенявина, и даже тогда, когда наше правительство, не желая подвергнуть бывшихъ своихъ союзниковъ — Австрійцевъ мести Французовъ, согласилось на уступку Катаро, Сенявинъ медлилъ исполненіемъ полученнаго повелѣнія и — вѣрный стражъ славы и выгодъ Россіи — сохранилъ сдѣланное имъ завоеваніе до самаго окончанія войны (47).

Наполеонъ, враждуя Россіи, отправилъ въ Испагань генерала Гарданна, съ артиллерійскими и инженерными офицерами, и обѣщалъ прислать Персидскому Шаху 5.000 человѣкъ пѣхоты и 10,000 ружей. Поручивъ осаду Данцига храброму, но невѣжественному Лефевру, *чтобы дать ему возможность разсказать кое-что въ сенатѣ*, Наполеонъ умѣрялъ нетерпѣніе стараго воина, хотѣвшаго, съ перваго-же дня осады, идти съ гренадерами на штурмъ крѣпости, и мирилъ его отвагу съ искусствомъ инженеровъ. Ни одно изъ современныхъ событій не укрывалось отъ его орлинаго взора. Углубясь въ лѣса и болота Польши, онъ зорко слѣдилъ оттуда за всѣмъ происходившимъ на противоположной окраинѣ Европы и на дальнемъ Востокѣ: столица Султана, угрожаемая Англичанами, была обязана защитою

единственно присутствію духа и искусству француз- 1807.
скаго посланника Себастіани. Въ тоже время, Наполеонъ объявилъ декретъ о наборѣ конскрипціи 1808 года, давалъ своему брату — Королю Іосифу совѣты на счетъ управленія Неаполемъ, журилъ другаго брата — Іеронима, писалъ наставленія парижскимъ журналистамъ, читалъ отчеты французской академіи, входилъ въ подробности дирекціи парижскихъ театровъ, и пр. и пр.

Многосторонней, обнимавшей самые разнообразные предметы, дѣятельности Наполеона, Императоръ Александръ противопоставилъ дѣятельность, сосредоточенную на достиженіи предположенной имъ цѣли — отстоять независимость Европы. Напрягая свои усилія къ образованію сильной арміи. на сколько это было возможно при другой войнѣ веденной на югѣ Россіи, Александръ повторялъ, чрезъ своихъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ, что „одна лишь сила могла образумить Наполеона, и что со стороны Россіи не будетъ пощажено ничего для продолженія войны, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы состоялся конгрессъ“ ([48]).

Экспедиція графа Каменскаго къ Данцигу не имѣла тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ нее ожидали. Получивъ отъ Беннигсена повелѣніе: „для большей безопасности нейдти Нерунгомъ, но отправиться моремъ къ устьямъ Вислы, и оттуда слѣдовать къ Данцигу, оставивъ полковника Бюлова съ тремя прусскими баталіонами на Нерунгской Косѣ, чтобы тревожить Французовъ съ сей стороны.“ Каменскій, задержанный недостаткомъ судовъ, прибылъ къ Ней-Фарвассеру непрежде 29-го апрѣля (11-го мая). Замедленіе нашего вспомогательнаго корпуса дало Наполеону время получить свѣдѣніе о сборѣ войскъ у Пиллау и наспѣхъ послать Ланна къ Данцигу.

1807. Крѣпость сія тогда уже была близка къ паденію, гарнизонъ ослабленъ побѣгами состоявшихъ въ немъ польскихъ уроженцевъ, и все бремя службы, большею частью, пало на Русскихъ ([49]). Пока графъ Каменскій условился съ Калькрейтомъ объ единовременномъ нападеніи на осаждавшія войска, Императоръ Александръ, удостовѣрясь изъ показаній Донцовъ и лазутчиковъ о растянутомъ расположеніи французской арміи, предпринялъ атаковать выдвинутый далеко впередъ корпусъ Нея. Для этого, большая часть арміи должна была выступить отъ Гейльсберга и идти къ Лаунау, и далѣе противъ Нея, а другая часть, собравшись у Бюргерсвальде — обратиться въ тылъ ему; для отвлеченія-же вниманія Французовъ, надлежало Платову повести атаку на Алленштейнъ. Нападеніе назначено было произвесть 1-го (13-го) мая.

30-го апрѣля (12-го мая), Императоръ Александръ смотрѣлъ у Гейльсберга расположенныя тамъ 1-ую, 2-ую, 3-ю и 14-ю дивизіи, и конницу лѣваго крыла арміи. Въ тотъ-же день собрались у Бюргерсвальде назначенныя въ обходъ Нея 7-я и 8-я дивизіи, и конница праваго крыла. 1-го (13-го) мая, Государь смотрѣлъ авангардъ князя Багратіона; тогда-же правое крыло арміи двинулось къ Аренсдорфу, а Платовъ съ казаками подошелъ къ Алленштейну. Съ восходомъ солнца, русскія войска, обрадованныя присутствіемъ своего Монарха, готовы были ринуться съ нѣсколькихъ сторонъ на Нея безпечно стоявшаго у Гутштадта. Но этому превосходному соображенію несуждено было исполниться. Какъ нерѣдко случается на войнѣ, Беннигсенъ получилъ недостовѣрное, но весьма озаботившее его извѣстіе, будтобы Наполеонъ съ главными силами двигался въ помощь Нею. Въ то время, когда наши войска съ нетерпѣніемъ

ожидали повелѣнія — идти впередъ, и при передовыхъ войскахъ Багратіона. у опушки лѣса, стоялъ самъ Государь, Беннигсенъ, подъѣхавъ къ нему, доложилъ о полученномъ свѣдѣніи и испрашивалъ разрѣшеніе отложить предположенную атаку. Императоръ, послѣ аустерлицскаго сраженія. сомнѣвавшійся въ своихъ способностяхъ къ военному дѣлу, отвѣчалъ Беннигсену: „Я ввѣрилъ вамъ армію и не хочу мѣшаться въ ваши распоряженія. Поступайте по усмотрѣнію“ (50). За тѣмъ Государь возвратился въ Бартенштейнъ, и въ тотъ-же день уѣхалъ въ Тильзитъ, осмотрѣвъ на пути поле Эйлауской битвы. 1807.

Причины нерѣшимости Беннигсена оказались неосновательны: извѣстіе о наступленіи Наполеона неподтвердилось. и намъ ни что не мѣшало исполнить предположеніе, обѣщавшее вѣрный успѣхъ. Но Беннигсенъ, все еще находясь подъ вліяніемъ прежнихъ опасеній, приказалъ войскамъ разойтиться на кантониръ-квартиры. Такъ кончился безполезный манёвръ, названный тогда въ шутку „прогулкою перваго мая.“ Послѣ того, еще цѣлыя три недѣли, наша армія оставалась на мѣстѣ: причиною напрасной потери времени, кромѣ надежды на помощь Австріи, былъ недостатокъ въ продовольствіи. Беннигсенъ писалъ Государю: „Съ горестью долженъ я донести Вашему Величеству, что все еще, по недостатку въ провіантѣ, я принужденъ оставаться въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ у Бонапарта стоятъ значительныя силы подъ Данцигомъ, а прочія войска ослаблены. растянуты отъ Фришъ-гафа до Нарева. и я имѣю противъ нихъ превосходныя сосредоточенныя силы. Мнѣ обѣщаютъ прислать продовольствіе. и если это сбудется, я могу нанести чувствительный ударъ непріятелю“ (51).

Дѣйствительно наши войска терпѣли крайнюю

1807. нужду, и — что было еще хуже — ближайшія къ Беннигсену лица приписывали бѣдствіе войскъ безпечности самаго главнокомандующаго. Такъ, наприм. графъ Воронцовъ (Мих. Семен.), тогда находившійся въ главной квартирѣ арміи, говорилъ, что однажды, на представленія частныхъ начальниковъ о недостаткѣ провіанта, Беннигсенъ отвѣчалъ: „Надобно умѣть терпѣть. И за моимъ обѣдомъ подаютъ только три блюда." Подвозы изъ Кёнигсберга были дурно устроены, а окрестная страна не представляла никакой возможности добывать запасы. Госпитали, по свидѣтельству англійскаго генерала Вильсона, тогда состоявшаго, въ качествѣ резидента, при нашей арміи, были „ужасомъ человѣчества." Кавалерія отъ безкормицы, потеряла множество лошадей. Все это поселяло неудовольствіе къ Беннигсену въ войскахъ, и даже въ главныхъ его сподвижникахъ. Изъ переписки Сакена видимъ, что каждое изъ дѣйствій главнокомандующаго, каждая мѣра, имъ принятая, подвергались невыгоднымъ для него толкамъ. „Умоляю васъ — писалъ Сакенъ еще въ генварѣ гофмаршалу графу Толстому — войдите въ мое положеніе; пусть генералъ Беннигсенъ, прекративъ свою ненависть ко мнѣ, обратитъ ее противъ непріятеля" ([52]). Неберемся судить, кто изъ нашихъ генераловъ былъ болѣе виноватъ въ общемъ раздорѣ, но считаемъ долгомъ замѣтить, что въ такихъ обстоятельствахъ едвали было возможно Беннигсену дѣйствовать успѣшно противъ геніяльнаго полководца, котораго всѣ воины, отъ маршала до простаго солдата, руководились одною мыслью, одною волею.

ГЛАВА XX.

Тильзитскій миръ.

Пока вели переговоры въ Бартенштейнѣ и Вѣнѣ, рѣшена была участь Данцига. 1807.

Эта крѣпость, весьма важная по своему мѣстному положенію и по тому вліянію, которое она оказывала на дѣйствія, тогда происходившія въ Прусской Польшѣ, окружена удобными къ вододѣйствіямъ низинами со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, наиболѣе доступной, но прикрытой отдѣльными постройками, соединенными ретраншаментомъ. Послѣ разгрома прусской арміи при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, данцигскія укрѣпленія были значительно усилены. Въ крѣпости находилось до 800 орудій, но оказались годными къ употребленію только 350, изъ коихъ 260 поступило на вооруженіе Данцига, а остальными снабжены крѣпостцы при устьѣ лѣваго рукава Вислы — Нейфарвассеръ и Вейхсельмюнде. Кромѣ того, для содѣйствія вылазкамъ, имѣлось 8 конныхъ орудій въ Данцигѣ и 2 — въ Нейфарвассерѣ. Боевыхъ припасовъ было недостаточно, именно всего на все 2,254 центнера (около 5.600 пудовъ) пороха и 868,000 готовыхъ патроновъ. Напротивъ того, жизненныхъ запасовъ было много.

1807. Начальникомъ войскъ (губернаторомъ) въ Данцигѣ назначили генерала отъ кавалеріи Калькрейта (Kalkreuth), еще несовсѣмъ одряхлѣвшаго участника Семилѣтней войны. Начальникомъ инженеровъ былъ столько-же храбрый, сколько и опытный генералъ-маіоръ Лоранъ (Laurens); въ числѣ инженерныхъ офицеровъ находился извѣстный своими свѣдѣніями маіоръ Бусмаръ (Bousmard). При обложеніи города, 12-го марта н. ст., гарнизонъ состоялъ, несчитая больныхъ и раненыхъ, въ числѣ 15,600 человѣкъ, изъ коихъ 11,200 человѣкъ занимали самую крѣпость, а прочіе — Вейхсельмюнде, Нейфарвассеръ, Нерунгъ и проч. Въ послѣдствіи (какъ уже сказано), прибыли въ Данцигъ три казачьихъ полка и три гарнизонныхъ баталіона, подъ начальствомъ князя Щербатова. Въ продолженіи осады 1734 года, гарнизонъ крѣпости простирался до 45,000 человѣкъ, частью данцигскихъ гражданъ (1).

Осадная армія состояла: 1) изъ своднаго корпуса маршала Лефевра, въ числѣ 27,000 человѣкъ, и 2) изъ прибывшихъ въ маѣ гренадерской дивизіи Удино и части 8-го корпуса Мортье, всего до 15,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ланна, слѣдовательно— вообще было собрано подъ Данцигомъ до 42,000 человѣкъ. Осадными работами управлялъ искусный инженеръ, дивизіонный генералъ Шасслу (Chasseloup) (2).

Въ ночи на 21-е марта (2-е апрѣля), непріятель открылъ 1-ю параллель, 31-го (12-го апрѣля) 2-ю и 9-го (21-го) апрѣля 3-ю. Осадныя работы затруднялись дождливою погодою, искуснымъ дѣйствіемъ прусской артиллеріи и частыми вылазками, которыя однакоже весьма ослабляли гарнизонъ множествомъ переметчиковъ изъ Поляковъ, увлеченныхъ печатными воззваніями Домбровскаго и Гелгуда, коман-

довавшихъ отрядами въ корпусѣ Лефевра. Даже 1807 часовые перелѣзали черезъ палисады и уходили къ непріятелю, почему надлежало безпрестанно перемѣнять пароль и лозунгъ. Служба гарнизона, особенно Русскихъ, сдѣлалась крайне трудна, когда, по сближеніи осадныхъ работъ, нельзя было ставить ненадежныхъ солдатъ на передовые посты. По мѣрѣ успѣха осады, переводили съ мѣста на мѣсто наши войска и употребляли казаковъ на-равнѣ съ пѣхотою (3).

12-го (24-го) апрѣля, непріятель открылъ огонь изъ 72-хъ орудій, размѣщенныхъ на батареяхъ 1-й и 2-й параллелей, и на слѣдующій день потребовалъ сдачи, но получилъ отказъ. Гарнизонъ, ослабленный болѣзнями, боемъ, и въ особенности побѣгами, считалъ въ рядахъ своихъ не болѣе 8,000 человѣкъ и возлагалъ всѣ надежды на помощь извнѣ. Лефевръ, желая пресѣчь сообщеніе крѣпости съ моремъ, чтобы предупредить прибытіе къ ней подкрѣпленій, атаковалъ, въ ночи на 25-е апрѣля (на 7-е мая), островъ Гольмъ (Holm), образуемый двумя рукавами Вислы, опрокинулъ стоявшія тамъ союзныя войска и овладѣлъ этимъ важнымъ пунктомъ. Отрѣзавъ крѣпость отъ моря, Французы усилили бомбардированіе города и въ началѣ (въ половинѣ) мая довершили вѣнчаніе покрытаго пути. Въ это самое время графъ Каменскій высадилъ ввѣренный ему отрядъ въ Нейфарвассерѣ, перевелъ свои войска оттуда въ Вейхсельмюнде и условился съ Калькрейтомъ атаковать непріятеля, 3-го (15-го) мая, одновременно съ вылазкою гарнизона. Англичане обѣщали содѣйствовать нападенію огнемъ трехъ плоскодонныхъ судовъ, стоявшихъ при устьѣ Вислы, но не сдержали слова. Покушеніе Каменскаго, неподдержанное ни вылазкою изъ Данцига, ни ка-

1807. нонадою англійскихъ судовъ, не имѣло успѣха: союзники были принуждены отступить съ потерею 1,560 человѣкъ (4). Стольже неудачно было покушеніе 7-го (19-го) мая провести въ Данцигъ вверхъ по Вислѣ англійскій прамъ, нагруженный тремя стами центнеровъ пороха, который сѣлъ на мель и былъ захваченъ Французами. Два дня спустя, пришла изъ Помераніи подъ Данцигъ одна изъ дивизій корпуса Мортье. Лефевръ предложилъ графу Калькрейту сдаться военно-плѣннымъ и получилъ въ отвѣтъ, что гарнизонъ будетъ защищаться до послѣдняго человѣка, если ему не дозволятъ выдти изъ крѣпости, съ воинскими почестями, оружіемъ и частью полевой артиллеріи, и соединиться съ русскою арміей. Наполеонъ, получивъ о томъ донесеніе Лефевра, согласился на свободный выходъ гарнизона, но съ условіемъ: „чтобы онъ не служилъ противъ Французовъ годъ и одинъ день, и чтобы капитуляція была подписана не однимъ прусскимъ губернаторомъ, но и начальникомъ русскихъ войскъ". Графъ Калькрейтъ, потерявъ надежду на освобожденіе отъ осады и имѣя не болѣе трехъ сотъ центнеровъ пороха, принялъ предложенныя условія и согласился сдать крѣпѣсть 15-го (27-го) мая, если къ тому дню не будетъ выручень вспомогательнымъ корпусомъ. Князь Щербатовъ не хотѣлъ утвердить условій сдачи своею подписью. „Мнѣ казалось несноснымъ — говоритъ онъ въ Журналѣ своихъ дѣйствій — видѣть имя мое въ капитуляціи. Слово сіе было ново для Русскихъ. Мы брали крѣпости, но никогда въ новѣйшія времена не бывали въ осадахъ. Я рѣшился, чего-бы не стоило, избавить по крайней мѣрѣ себя одного отъ исполненія условій". Уступивъ наконецъ настояніямъ Калькрейта, князь Щербатовъ объявилъ французскому генералу Друэ д'Эрлону — въ послѣд-

ствіи маршалъ — что сила обстоятельствъ заставила 1807.
его подписать капитуляцію, но, что̀ касается до него лично, то на условіе: „неслужить годъ противъ Французовъ“, онъ не можетъ согласиться безъ соизволенія Императора Александра, въ ожиданіи коего останется военноплѣннымъ. Напрасно уговаривали его союзники и непріятели. Русскій генералъ настоялъ на своемъ, и Лефевръ прислалъ паспортъ адъютанту его Лопухину, посланному къ Государю съ донесеніемъ князя Щербатова.

15-го (27-го) мая, гарнизонъ, выдержавъ пятидесяти-двухъ-дневную осаду, выступилъ, въ числѣ 12,500 человѣкъ *), со всѣми военными почестями, къ Нерунгу. Два дня спустя, Наполеонъ, прибывъ на нѣсколько часовъ въ крѣпость, поздравилъ Лефевра герцогомъ Данцигскимъ, но сердился за позволеніе, данное князю Щербатову, оставаться въ Данцигѣ, и велѣлъ объявить ему, чтобы онъ прожилъ годовой срокъ, по капитуляціи, во Франціи, либо въ Дрезденѣ. Князь Щербатовъ отправился въ Дрезденъ и находился тамъ, когда Наполеонъ, по заключеніи Тильзитскаго мира, возвращался во Францію, раболѣпно встрѣчаемый германскими владѣтелями. Узнавъ о пребываніи Щербатова въ Дрезденѣ, Наполеонъ приказалъ пригласить его къ себѣ, принялъ весьма ласково, выхвалялъ защиту Данцига и спросилъ: „зачѣмъ вы не захотѣли воспользоваться капитуляціей, столь почетною?“ Князь Щербатовъ отвѣчалъ: „я не могъ рѣшиться въ мои лѣта оставаться въ бездѣйствіи цѣлый годъ, а отдавшись въ плѣнъ, надѣялся быть вымѣненнымъ и возвратиться на службу“. Наполеонъ, въ благосклонныхъ выраженіяхъ, одобрилъ отвѣтъ ([5]).

*) За исключеніемъ больныхъ и раненыхъ, послѣдовавшихъ за войсками, гарнизонъ считалъ въ рядахъ своихъ не болѣе 7,500 человѣкъ.

1807. Несравненно лестнѣе для князя Щербатова былъ полученный имъ, въ тотъ-же день, Высочайшій рескриптъ, въ коемъ Императоръ Александръ отдавалъ ему полную справедливость (6).

Генералъ Калькрейтъ, въ награду за мужественную оборону Данцига, былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

По сдачѣ Данцига, графъ Каменскій посадилъ свой отрядъ на суда и отплылъ въ Пиллау, откуда перешелъ въ Кёнигсбергъ; туда-же отправился прусскій гарнизонъ Нейфарвассера. Вейхсельмюндскій комендантъ не принялъ мнѣнія Каменскаго, предложившаго ему также отплыть моремъ, и рѣшился продолжать защиту своего укрѣпленія, но почти весь гарнизонъ его перебѣжалъ къ непріятелю. Такимъ образомъ Французы овладѣли устьями Вислы (7).

Едва лишь въ главной квартирѣ нашей арміи получено было донесеніе графа Каменскаго о сдачѣ Данцига, какъ Беннигсенъ рѣшился возобновить наступленіе противъ непріятеля. Съ перваго взгляда, такія дѣйствія кажутся несвоевременны: не лучше-ли было атаковать Французовъ тогда, когда болѣе 40,000 человѣкъ ихъ войскъ находились подъ Данцигомъ? Въ дѣйствительности-же силы Наполеона были и по сдачѣ Данцига также растянуты, какъ и прежде, и Беннигсенъ, наконецъ обезпечивъ себя провіантомъ на нѣсколько дней, могъ предпринять давно уже задуманное наступленіе. Замѣтимъ, что онъ, небудучи увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія, заблаговременно укрѣпилъ позицію у Гейльсберга и намѣревался, въ случаѣ неудачи нападенія на непріятельскую армію, отвести туда свои главныя силы и отразить Наполеона (8).

Въ половинѣ (въ концѣ) мая, войска обѣихъ сторонъ были расположены слѣдующимъ образомъ: 1807.

А. *Со стороны Французовъ:* 1-й корпусъ, маршала Бернадота, 28,000 чел. на нижней Пассаргѣ; 4-й корпусъ, маршала Сульта, 30,000 челов. у Либштадта; 6-й корпусъ, маршала Нея, 17,000 челов. у Гутштадта; 3-й корпусъ, маршала Даву, 28,000 челов. у Гогенштейна и Алленштейна; 8-й корпусъ, маршала Мортье, и резервный корпусъ, маршала Ланна, всего до 37,000 челов. на нижней Вислѣ; резервная кавалерія Мюрата, 21,000 челов. между нижнею Вислою и Пассаргою; гвардія, 9,000 челов. при главной квартирѣ Наполеона, въ Финкенштейнѣ, близъ Остероде, итого 170,000 человѣкъ (140,000 пѣхоты и 30,000 кавалеріи); кромѣ того, корпусъ маршала Массены, въ числѣ до 26,000 челов. стоялъ на Омулевѣ и Наревѣ, польскій отрядъ генерала Заіончека у Нейденбурга, осадный корпусъ подъ Грауденцомъ, и проч.

В. *Со стороны Союзниковъ:* корпусы Лестока и графа Каменскаго, въ числѣ 25,000 человѣкъ, прикрывали Кёнигсбергъ; главныя силы, (вмѣстѣ съ 8,000 казаковъ) до 80,000 человѣкъ, находились въ окрестностяхъ Гейльсберга; корпусъ Тучкова 1-го, 20,000 чел. на р. Наревѣ. Всего-же было 125,000 челов. (100,000 пѣхоты и 25,000 регулярной кавалеріи и казаковъ).

Союзная армія была гораздо слабѣе непріятельской, но сосредоточена на меньшемъ пространствѣ.

Пользуясь тѣмъ, и въ особенности выдавшимся впередъ расположеніемъ корпуса Нея, Беннигсенъ предпринялъ напасть на него съ нѣсколькихъ сторонъ. *Генералъ Дохтуровъ,* съ 1-ю колонною, изъ 7-й и 8-й дивизій, долженъ былъ двинуться отъ Вормдита, опрокинуть сультовы посты, стоявшіе по

1807. правую сторону Пассарги и овладѣвъ мостомъ у Питенена, близъ Ломитена, прервать сообщеніе между корпусами Сульта и Нея. *Генералъ Сакенъ*, съ 2-ю колонною, изъ 2-й, 3-й и 14-й дивизій и большей части кавалеріи, получилъ приказаніе идти отъ Аренсдорфа къ Вольфсдорфу и ударить Нею во флангъ, охвативъ его съ нѣсколькихъ сторонъ. Авангарду *князя Багратіона*, изъ 4-й и 5-й дивизій, велѣно направиться противъ Нея съ фронта, отъ Лаунау къ Альткирху. *Князь Горчаковъ*, съ 4-ю колонною, изъ 6-й дивизіи, долженъ былъ, переправясь черезъ Алле выше Гутштадта, атаковать Нея съ праваго фланга и отрядить бригаду Кнорринга изъ Зеебурга въ помощь Платову. *Летучему отряду Платова* велѣно переправиться у Бергфрида и кинуться въ тылъ корпусу Нея. *Великій Князь Константинъ Павловичъ*, съ 1-ю дивизіей, получилъ приказаніе слѣдовать въ резервѣ за главными силами, на Аренсдорфъ. *Корпусъ Лестока* долженъ былъ отвлечь вниманіе Бернадота наступленіемъ къ нижней Пассаргѣ, а *корпусъ Тучкова* сдѣлать сильную демонстрацію противъ Массены (9).

На основаніи этой превосходной диспозиціи, корпусъ Нея, атакованный съ нѣсколькихъ сторонъ 60-ю тысячами человѣкъ, между тѣмъ какъ прочія непріятельскія войска были-бы озабочены наступленіемъ Лестока и Дохтурова, могъ подвергнуться совершенному истребленію. Но исполненіе диспозиціи было вяло и нерѣшительно.

Генералъ Дохтуровъ опрокинулъ 24-го мая (5-го іюня) непріятельскіе посты за Пассаргу и разобщилъ Нея отъ Сульта. Князь Горчаговъ овладѣлъ Гутштадтомъ. Товарищъ дѣтства и юности Императора Александра, служившій волонтеромъ, тайный совѣтникъ графъ Строгановъ (Пав. Александр.), съ

казачьими полками Атаманскимъ и Иловайскаго 5-го. 1807
переправясь вплавь чрезъ Алле, атаковалъ непріятеля, отступавшаго изъ Гутштадта, истребилъ нѣсколько сотъ Французовъ и взялъ въ плѣнъ болѣе 600 человѣкъ (10). Князь Багратіонъ, выступивъ рано утромъ изъ Лаунау, выбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ лѣса и овладѣлъ селеніемъ Альткирхомъ, но не видя колоннъ Сакена, пріостановилъ нападеніе. Это подало поводъ Нею принять дѣйствія Багратіона за усиленное обозрѣніе и повести атаку на Альткирхъ. Но когда наконецъ появились на его флангѣ войска Сакена, Французы поспѣшно отступили къ Анкендорфу и ввечеру тамъ заняли позицію. Беннигсенъ могъ, направя въ ночи часть арміи къ переправѣ у Деппена, отрѣзать Нея и атаковать его въ слѣдующее утро главными силами; но ограничился приказаніемъ „прогнать непріятеля за Пассаргу". Такимъ образомъ Ней получилъ возможность уйти на лѣвую сторону этой рѣки и спасся отъ угрожавшей ему гибели, потерявъ въ оба дня до тысячи человѣкъ убитыми и болѣе полуторы тысячи плѣнными; въ числѣ послѣднихъ находился генералъ Рогè. Съ нашей стороны уронъ былъ ничтоженъ; ранены генералы Остерманъ и Сомовъ.

Хотя въ официіальномъ донесеніи главнокомандующаго, отъ 24-го мая, было сказано, что „маршалъ Ней сегодня разбитъ съ его корпусомъ", однакоже Беннигсенъ нескрылъ, что успѣхъ былъ ниже ожиданія, и будучи во враждѣ съ Сакеномъ еще съ польской войны 1794 года, обвинилъ его за неудачу. Въ донесеніи Государю Беннигсена было сказано: „Удостоясь командовать арміею, имѣю несчастіе, что подъ моимъ начальствомъ состоитъ Сакенъ, портившій всегда мои предпріятія чувствами, которыя я удерживаюсь обнаружить. Вѣроятно, если предпрія-

1807. тія 24-го и 25-го мая не имѣли всѣхъ успѣховъ, какіе должны былибъ быть, то я приписываю сіе единственно генералу Сакену, въ препятствованіи или исполненіи въ противномъ смыслѣ приказаній моихъ, что можетъ засвидѣтельствовать вся армія...." ([11]). Императоръ велѣлъ судить Сакена. Этотъ судъ, продолжавшійся три года, окончился рѣшеніемъ особо на сей предметъ составленнаго Совѣта, который заключилъ „отставить генерала Сакена отъ службы" ([12]). Государь не утвердилъ этого доклада, но Сакенъ оставался въ немилости Монарха и въ крайней бѣдности до 1812 года, когда опасность угрожавшая Россіи снова его вызвала къ дѣятельности и дала ему случай выказать вполнѣ свои военныя дарованія.

Демонстрація Лестока къ нижней Пассаргѣ и дѣло при Спанденѣ 24-го мая (5-го іюня) не имѣли никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что Бернадотъ былъ раненъ пулею въ голову; мѣсто его занялъ генералъ Викторъ, незадолго предъ тѣмъ захваченный въ плѣнъ прусскимъ разъѣздомъ и отпущенный въ замѣнъ Блюхера.

Наполеонъ, прибывъ къ корпусу Нея, на другой день по отступленіи его за Пассаргу, и приказавъ прочимъ войскамъ идти ему въ помощь, узналъ, что Беннигсенъ оставался на мѣстѣ. Этого было достаточно, чтобы побудить великаго полководца къ открытію наступательныхъ дѣйствій. Беннигсенъ, съ своей стороны, казалось, былъ непрочь отъ рѣшительнаго боя, но колебался — гдѣ принять его: подъ Гутштадтомъ или подъ Гейльсбергомъ, и по тому, оставя авангардъ князя Багратіона на Пассаргѣ, расположилъ армію у Гутштадта и приказалъ усилить укрѣпленіями тамошнюю позицію.

Утромъ 15-го (27-го) мая, замѣчено было огромное скопленіе французскихъ войскъ и густыя облака пыли на лѣвой сторонѣ Пассарги; въ послѣдствіи оказалось, что самъ Наполеонъ производилъ смотръ войскамъ, возбуждая ихъ къ новымъ подвигамъ, своимъ присутствіемъ, воспоминаніемъ прежнихъ успѣховъ, надеждою на близкое окончаніе славнымъ миромъ ихъ трудовъ и лишеній. Князь Багратіонъ донесъ о всемъ замѣченномъ главнокомандующему, который, прибывъ въ авангардъ, лично убѣдился въ сосредоточеніи на Пассаргѣ французской арміи, объявилъ Багратіону о намѣреніи своемъ — принять бой у Гутштадта, и возвратясь туда, занялся нужными къ тому распоряженіями. 1807.

Едва лишь уѣхалъ Беннигсенъ изъ авангарда, какъ Французы стали переходить на нашъ берегъ, по двумъ мостамъ у Эльдитена. Бригада легкой кавалеріи генерала Гюйо (Guyot), сультова корпуса, не выжидая переправы слѣдовавшихъ за нею войскъ, быстро, безъ авангарда, вошла въ селеніе Клейненфельдъ. Командовавшій частью нашего авангарда, генералъ Раевскій окружилъ Французовъ и нанесъ имъ большой уронъ; самъ Гюйо былъ убитъ ([13]). На слѣдующій день, 28-го мая (9-го іюня), Беннигсенъ, измѣнивъ свое намѣреніе — обороняться у Гутштадта, отвелъ армію на позицію у Гейльсберга. Князь Багратіонъ съ авангардомъ расположился у Рейхенберга, въ 4-хъ верстахъ впереди Гейльсберга.

Генералъ Каменскій, стоявшій съ своимъ отрядомъ въ резервѣ Лестока, у Мельзака, получивъ депешу главнокомандующаго на имя Лестока и распечатавъ ее, нашелъ предписаніе — содѣйствовать арміи при отраженіи непріятеля перешедшаго черезъ Пассаргу ([14]). Какъ, по разсчету времени, Лестокъ, тогда находившійся въ Гейлигенбейлѣ, не-

1807. успѣлъ-бы исполнить это приказаніе, то графъ Каменскій рѣшился идти, со всѣми бывшими при немъ войсками, къ Гутштадту. Оставя у Мельзака полковника Стакельберга, съ Азовскимъ полкомъ и тремя эскадронами прусскихъ гусаръ Притвица, Каменскій, съ 9,670 Русскихъ и Прусаковъ (15), выступилъ въ сумерки 27-го мая (8-го іюня) къ Вормдиту и донесъ о томъ Лестоку. За тѣмъ, получивъ свѣдѣніе о расположеніи Беннигсена у Гейльсберга, онъ двинулся туда и пройдя въ полторы сутки 50 верстъ, прибылъ на правый флангъ арміи утромъ 29-го мая (10-го іюня), за нѣсколько часовъ до битвы. Въ тоже время Беннигсенъ, на донесеніе Императору Александру о намѣреніи своемъ дать рѣшительный отпоръ непріятелю, получилъ отвѣтъ: „Ожидаю, что вы исполните то, чего требуютъ отъ васъ долгъ, честь и слава Россіи“.

Позиція у Гейльсберга образуется высотами праваго берега Алле, значительно господствующими надъ лѣвымъ берегомъ и впереди ихъ (къ западу) лежащимъ пространствомъ; эти высоты, на коихъ лежитъ мыза (Amt), въ продолженіи трехъ - мѣсячнаго бездѣйствія арміи, были сильно укрѣплены. Противъ мызы, на лѣвомъ берегу Алле, простирается плато, съ крутыми скатами къ рѣкѣ; здѣсь, впереди города, было сооружено три небольшихъ редута. Беннигсенъ, ожидая непріятеля съ правой стороны рѣки, расположилъ впереди мызы значительную часть войскъ и прикрылъ доступъ къ нимъ авангардомъ князя Багратіона, поставленнымъ у Рейхенберга (16). Остальныя-же наши силы заняли позицію впереди города, за рѣчкою (Спибахъ). Небольшой авангардъ генерала Бороздина находился

у Лаунау, въ 10-ти верстахъ отъ Гейльсберга ([17]). 1807.
Число войскъ Беннигсена простиралось до 69,000 человѣкъ, несчитая 7,000 казаковъ.

Наполеонъ, имѣя въ виду отрѣзать Беннигсена отъ Кёнигсберга, откуда мы получали жизненные запасы, двинулся къ Гейльсбергу по лѣвой сторонѣ Алле. Генералъ Бороздинъ, атакованный у Лаунау несравненно сильнѣйшими войсками Мюрата ([18]), сталъ отступать къ Гельйсбергу. Беннигсенъ послалъ ему въ помощь генералъ-маіора Львова, съ небольшимъ отрядомъ ([19]), который однакоже не могъ удержать непріятеля; когда-же, по приказанію главнокомандующаго, князь Багратіонъ, съ своимъ авангардомъ, перейдя черезъ Алле, по наведеннымъ выше города понтоннымъ мостамъ, подкрѣпилъ передовыя войска, уже отступившія къ Беверннку, и встрѣтилъ Фрунцузовъ огнемъ нѣсколькихъ батарей, Мюратъ былъ принужденъ остановиться, въ ожиданіи слѣдовавшаго за нимъ корпуса Сульта. Какъ только онъ прибылъ, Французы выставили тридцать шесть орудій противъ Беверника и подъ громомъ ихъ атаковали, въ пять часовъ по полудни, это населеніе пѣхотою Сульта; тогда-же кавалерія Мюрата двинулась лѣвѣе въ обходъ нашего авангарда между селеніями Лангвизе и Лавденомъ. Не смотря на успѣшное дѣйствіе русскихъ батарей управляемыхъ Ермоловымъ, непріятель овладѣлъ Беверникомъ; войска Багратіона, атакованныя превосходными силами съ фронта и праваго франга, подались назадъ; ихъ отступленіе за рѣчку Спибахъ, по двумъ мостамъ, при напорѣ преслѣдовавшаго ихъ по пятамъ непріятеля, было весьма опасно. Къ счастію, главнокомандующій, завидя французскую кавалерію направленную къ Лавдену, заблаговременно послалъ ей на встрѣчу генерала Уварова съ двадцатью пятью

1807. эскадронами ([20]); картечный огонь конной артиллеріи полковника Яшвиля и стремительныя, быстро одна за другою слѣдовавшія, атаки Уварова замедлили наступленіе непріятеля; къ сожалѣнію, здѣсь палъ смертью храбрыхъ отличный кавалерійскій генералъ Кожинъ и тяжело раненъ исправлявшій должность дежурнаго генерала Фокъ. По этому случаю Цесаревичъ Константинъ Павловичъ сказалъ: „въ числѣ раненыхъ нашихъ подъ Гейльсбергомъ надобно считать и главнокомандующаго: онъ потерялъ въ Фокѣ свою правую руку". Французская конница нѣсколько разъ отбивала у насъ пушки, но каждый разъ онѣ были возвращаемы полками Уварова ([21]). Отступленію нашихъ войскъ за Спибахъ безъ большой потери много способствовала батарея, поставленная на правомъ берегу Алле, которая, открывъ огонь во флангъ непріятелю, удержала его стремленіе. За выборъ позиціи для этой батареи, Семеновскаго полка поручикъ Дибичъ (въ послѣдствіи — фельдмаршалъ, графъ Забалканскій), по представленію Цесаревича, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія.

Непріятель, преслѣдуя наши передовыя войска, перешелъ черезъ Спибахъ; дивизія Леграна и бригада гвардейскихъ фузелеровъ, пройдя селеніе Лавденъ, овладѣли рощей и развернулись вправо; кавалерія построилась лѣвѣе и впереди Лавдена; дивизіи Сентъ-Илера и Карра-Сенъ-Сира, перейдя черезъ рѣчку по мосту на большой дорогѣ, расположились на правомъ крылѣ. Кавалерія Уварова отошла на правое крыло общей позиціи; полки Багратіона, ослабленные боемъ, были отведены въ резервъ, а самъ онъ остался при войскахъ Каменскаго.

Въ продолженіи описаннаго нами боя, Беннигс-

сенъ постепенно перевелъ съ праваго берега Алле 1807.
на лѣвый всѣ войска, кромѣ гвардіи.

Въ шесть часовъ по полудни, Французы, подойдя къ нашимъ укрѣпленіямъ, были встрѣчены огнемъ всѣхъ батарей стоявшихъ въ первой линіи. Самъ Наполеонъ, съ частью ланнова корпуса и съ гвардейскими фузелерами, прибылъ на поле сраженія, открылъ канонаду по всей нашей линіи (22), и намѣреваясь прорвать ее въ центрѣ, приказалъ Леграну овладѣть находившимся тамъ редутомъ. Полковникъ Пужè (Pouget), съ 26-мъ легкимъ полкомъ, подъ градомъ картечи и ружейныхъ пулей, ворвался въ редутъ; генералъ Варнекъ, съ Калужскимъ, Сѣвскимъ и Пермскимъ полками, кинулся ему на встрѣчу. Калужскій полкъ, безъ выстрѣла, ударилъ въ штыки и выбилъ французовъ изъ редута. Генералъ Сентъ-Илеръ, наступавшій вдоль берега рѣки, замѣтя разстройство леграновыхъ войскъ, послалъ имъ въ помощь 55-й линейный полкъ, который, будучи атакованъ генералъ-маіоромъ Кноррингомъ, съ полками Перновскимъ, Бѣлозерскимъ и Волынскимъ, былъ разсѣянъ; командиръ его былъ убитъ. Новосформированный Перновскій полкъ, сражаясь подъ начальствомъ полковника Чаглокова, взялъ орла. Французы возобновили нападеніе на наше правое крыло и снова были отбиты графомъ Каменскимъ, поддержаннымъ прибывшими съ праваго берега Алле 7-ою и 8-ою дивизіями; но къ общему сожалѣнію былъ убитъ Варнекъ, мужественный воинъ, любимый товарищами, уважаемый подчиненными.

Неуспѣвъ прорвать нашъ центръ, Наполеонъ воспользовался прибытіемъ остальныхъ полковъ Ланна и повелъ атаку свѣжими силами на правое крыло позиціи, прикрытое конницею Уварова. Беннигсенъ немедленно послалъ туда 14-ю дивизію генералъ-

1807 маіора Олсуфьева, но едва лишь она успѣла построиться къ бою, какъ Олсуфьевъ былъ раненъ; мѣсто его занялъ генералъ-маіоръ Алексѣевъ. Для противодѣйствія сильной непріятельской кононадѣ графъ Кутайсовъ выставилъ нѣсколько новыхъ батарей, которыя, открывъ частый картечный огонь по непріятельскимъ колоннамъ, привели ихъ въ разстройство. Генералъ Уваровъ приказалъ Алексѣеву атаковать Французовъ. Войска 14-й дивизіи, вмѣстѣ съ Тульскимъ и Виленскимъ полками ([23]), опрокинули непріятеля, а нѣсколько удачныхъ атакъ кавалеріи Уварова и казаковъ Платова довершили его разстройство. Прусскій генералъ Цитенъ, съ своимъ драгунскимъ полкомъ и Черными гусарами, дважды врубался во французскія каре. Сраженіе ограничилось сильною канонадою, въ продолженіи которой Французы уже въ ночи отошли за Спибахъ, удержавъ за собою впереди ручья только Лавденскую рощу.

Уронъ непріятеля вообще простирался болѣе 12,000 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ находился начальникъ гвардейскаго штаба, генералъ Руссель; въ числѣ раненыхъ генералы: Дювивьè (Duvivier), Ферей и Эспань. Русскіе потеряли до 8,000 человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ, кромѣ Фока и Олсуфьева, были генералы: Дохтуровъ, Вердеревскій, Лаптевъ, Пассекъ и принцъ Карлъ Мекленбургскій. Съ нашей стороны не участвовали въ бою 1-я и 2-я дивизіи и большая часть кавалеріи, всего-же 35-ть баталіоновъ и до ста эскадроновъ. При всемъ томъ, Беннигсенъ не рѣшился перейти въ наступательное положеніе, потому что наполеонова гвардія и корпуса Нея и Даву уже подходили къ мѣсту сраженія. Мучительные припадки каменной болѣзни отнимали у нашего вождя возможность распоря-

жаться ходомъ битвы. Нѣсколько разъ онъ слезалъ съ лошади, ложился на землю, и даже упалъ въ обморокъ. Стоявшій вблизи Цесаревичъ предложилъ старшему изъ генераловъ въ арміи Кологривову принять начальство надъ войсками, но Кологривовъ отказался, сознавая такую обязанность выше силъ своихъ, и тогда, по настоянію Великаго Князя, сталъ распоряжаться дѣйствіями князь Горчаковъ. 1807.

Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, но сами Французы сознаются, что наши войска отразили ихъ на всѣхъ пунктахъ ([24]). Генералъ Беннигсенъ послалъ къ Императору Александру своего сына съ донесеніемъ о битвѣ при Гельсбергѣ и съ орломъ отбитымъ Перновцами. Государь, получивъ депешу и трофей за обѣдомъ у Короля Прусскаго, сказалъ: „послѣдствія покажутъ намъ важность этого сраженія и будемъ-ли умѣть воспользоваться имъ“.

Генералъ Беннигсенъ, полагая, что Наполеонъ возобновитъ бой нападеніемъ на правое крыло нашей позиціи, перевелъ ночью на 30-е мая (на 11-е іюня) гвардію на лѣвую сторону Алле, поставилъ ее въ резервѣ, выдвинулъ прежній резервъ въ боевыя линіи и протянулъ ихъ вправо до селенія Гроссендорфа. Наполеонъ, въ продолженіи ночи, успѣлъ собрать противъ гейльсбергской позиціи превосходныя силы; но упорное сопротивленіе русскихъ войскъ и потери понесенныя имъ на-канунѣ отбили у него охоту возобновить нападеніе и заставили его прибѣгнуть къ маневрамъ. Желая выманить Беннигсена изъ выгодной позиціи, Наполеонъ направилъ по кёнигсбергской дорогѣ, къ Ландсбергу, корпусъ Даву и за нимъ Мортьѐ; прочія-же французскія войска оставались въ виду нашей арміи. По всей вѣроят-

1807. ности, Наполеонъ не рѣшился-бы идти съ главными силами къ Кёнигсбергу, пока Русскіе оставались у Гейльсберга, но ничто не мѣшало ему отрядить часть силъ для овладѣнія Кёнигсбергомъ, и тѣмъ поставить Беннигсена въ весьма затруднительное положеніе: войска наши получали оттуда жизненные припасы; къ тому-же покореніе столицы Восточной Пруссіи могло доставить Наполеону значительныя средства и былобы весьма важно въ политическомъ отношеніи. Беннигсенъ, не успѣвъ преградить непріятелю доступъ къ Кёнигсбергу, рѣшился перейти черезъ Алле, и двинувшись внизъ по правому берегу сей рѣки, опередить на маршѣ головы непріятельскихъ колоннъ и не позволить имъ идти далѣе, либо атаковать ихъ во флангъ и разбить по частямъ. Такое намѣреніе было неудобоисполнимо, потому что Беннигсенъ, направясь по излучинамъ праваго берега Алле, долженъ былъ совершить несравненно болѣе кружный путь, нежели непріятель, двигавшійся по кратчайшей дорогѣ, и къ тому-же русскія войска тогда уступали Французамъ въ способности къ маневрированію и переходу въ боевой порядокъ. Самъ Беннигсенъ, сознавая трудность предупредить непріятеля на маршѣ къ Кёнигсбергу, послалъ туда правымъ берегомъ Алле отрядъ графа Каменскаго, приказавъ ему перейти черезъ Алле въ Бартенштейнѣ и двинуться со всевозможною быстротою на Домнау. Главныя-же силы нашей арміи, переправясь въ ночи также на правую сторону рѣки, перешли 31-го мая (12-го іюня) къ Бартенштейну. Изъ записокъ генерала Беннигсена видно, что движеніе непріятеля въ обходъ гейльсбергской позиціи къ Кёнигсбергу заставило колебаться въ нерѣшимости нашего полководца. По словамъ его — „намъ предстояло избрать какую-либо

изъ двухъ мѣръ, именно: во 1-хъ, выдти изъ пози- 1807
ціи и атаковать вдвое сильнѣйшаго непріятеля, что̀ подвергало насъ почти неизбѣжному пораженію. и во 2-хъ, двинуться параллельно съ непріятелемъ, стараясь недопустить его до Кёнигсберга. но такой образъ дѣйствій былъ еще опаснѣе перваго. потому что мы могли быть вовлечены внезапно въ генеральное сраженіе на невыгодной мѣстности". И потому русскій главнокомандующій предпочелъ отступить за Прегель къ Велау и содѣйствовать оттуда оборонѣ Кёнигсберга. Цесаревичъ, которому генералъ Беннигсенъ сообщилъ свои предположенія, поѣхалъ, по просьбѣ его, въ Тильзитъ, чтобы доложить Государю о положеніи дѣлъ и о намѣреніи главнокомандующаго. Но по достиженіи Бартенштейна, Беннигсенъ, взвѣсивъ всѣ послѣдствія потери Кёнигсберга, хотѣлъ атаковать Наполеона въ тылъ. Пока онъ составлялъ диспозицію къ наступленію, пришло извѣстіе о появленіи Французовъ на дорогѣ изъ Прейсишъ-Эйлау къ Домнау. Беннигсенъ, ослабленный болѣзнью и волнуемый опасеніями за ввѣренную ему армію, рѣшился предоставить защиту Кёнигсберга Лестоку и Каменскому, обратилъ исключительно все свое вниманіе на то, чтобы Французы не предупредили его въ Фридландѣ, и выступилъ утромъ 1 (13) іюня къ Шипенбейлю, выславъ къ Фридланду князя Голицына, съ полками уланскимъ Цесаревича и Орденскимъ кирасирскимъ и четырьмя конными орудіями, и въ слѣдъ за нимъ генерала Кологривова съ гвардейскою конницею и 16-ю орудіями ([25]).

Какъ только Наполеонъ, утромъ 31-го (12-го іюня), получилъ съ передовыхъ постовъ донесеніе объ отступленіи русской арміи съ позиціи у Гейльсберга, то переправилъ на правую сторону Алле,

1807. для преслѣдованія нашего аррieргарда, драгунскую дивизію Латуръ-Мобура и легкія кавалерійскія бригады Дюронеля и Ватье; всѣ-же прочія французскія войска двинулись частью къ Кёнигсбергу (корпусы Даву, Сульта и резервная кавалерія Мюрата), частью на Домнау къ Фридланду (корпусы Ланна, Мортье, Нея, Виктора и гвардія): послѣднія слѣдовали одинъ за другимъ, эшелонами, вѣроятно по тому, что Наполеонъ, послѣ оставленія Русскими выгодной позиціи у Гейльсберга, не ожидалъ встрѣтиться съ ними у Фридланда (26).

Генералъ Каменскій, съ своимъ отрядомъ, успѣлъ миновать Домнау, прежде нежели пришелъ туда непріятель. Напротивъ того, князь Голицынъ, подходя къ Фридланду, 1 (13) іюня, встрѣтилъ бѣжавшихъ оттуда маркитантовъ и фурлейтовъ. Высланный изъ города французскій отрядъ, завидя наши войска, возвратился назадъ и сталъ разбирать мостъ на Алле; но уланы Цесаревича исправили его подъ градомъ пуль; эскадронъ Его Высочества, подъ начальствомъ полковника Владимірова, и за нимъ прочіе, ворвались въ городъ, выгнали непріятеля въ поле и преслѣдовали его на разстояніи двухъ верстъ, захвативъ въ плѣнъ начальника отряда, 4-хъ офицеровъ и 56 нижнихъ чиновъ (27). Въ восемь часовъ вечера, Беннигсенъ, опередивъ армію, прибылъ въ Фридландъ. Взятые уланами плѣнные объявили, что они принадлежали къ авангарду корпуса Ланна, котораго прочія войска оставались назади, у Домнау, и что Наполеонъ съ главными силами двинулся къ Кёнигсбергу. Эти показанія побудили Беннигсена перевести на лѣвую сторону рѣки часть арміи, оставя другую на правомъ берегу и отрядивъ изъ авангарда три эскадрона съ тремя орудіями къ Велау, для охраненія тамошней переправы и для от-

крытія связи съ Лестокомъ. По свидѣтельству самаго Беннигсена, онъ имѣлъ намѣреніе „атаковать прибывшій въ окрестности Фридланда непріятельскій корпусъ, подать помощь защитникамъ Кёнигсберга и прикрыть дорогу ведущую на Велау“. Очевидно, что такія предположенія, не будучи основаны на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, о расположеніи и видахъ непріятеля, подвергали насъ встрѣчѣ съ главными силами Наполеона. 1807

Дѣйствительно — большая часть ихъ находилась на маршѣ къ Фридланду и занимала ввечеру 1-го (13-го) іюня слѣдующее расположеніе: *корпусъ Ланна* впереди Домнау; кавалерія его была выслана по дорогѣ къ Фридланду; *корпусъ Мортье* между Домнау и Прейсишъ-Эйлау; *корпусы Нея и Виктора*, кирасиры *Нансути* и драгуны *Груши* у Прейсишъ-Эйлау; драгуны *Латуръ-Мобура* и легкая кавалерія *Дюронеля* и *Ватье* на маршѣ отъ Бартенштейна къ Домнау. Слѣдовательно — французская армія, почти вдвое сильнѣйшая русской, была собрана на протяженіи одного перехода ([28]).

Въ ночи на 2 (14), Беннигсенъ приказалъ навести два понтонныхъ моста у Фридланда, перевелъ пѣшую гвардію на лѣвую сторону Алле и отрядилъ Платова, съ большею частью казаковъ и съ полками Преображенскимъ, Кавалергардскимъ, Финляндскимъ драгунскимъ и Ольвіопольскимъ гусарскимъ, внизъ по Алле, для занятія переправъ у Алленбурга и Велау. Тогда-же Наполеонъ, получивъ донесеніе о встрѣчѣ его войскъ съ Русскими у Фридланда, ускорилъ движеніе своей арміи къ этому городу ([29]).

Мѣстность на лѣвой сторонѣ Алле, въ разстояніи около пяти верстъ отъ Фридланда, отлого склоняется къ рѣкѣ и городу, образуя кое-гдѣ незна-

1807. чительныя высоты. Ручей (Mühlenfliess), текущій мимо селенія Постененъ, изливается чрезъ прудъ въ рѣку Алле, ниже города, раздѣляя отлогость на двѣ части изъ коихъ южная ограничена Сортлакскимъ лѣсомъ, а къ сѣверной съ запада пролегаетъ Боткеймскій лѣсъ: оба эти лѣса, скрывая движенія Французовъ, имѣли большую важность въ тактическомъ отношеніи.

Чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ усиленнымъ переходомъ къ Фридланду не позволило Беннигсену занять надлежащимъ образомъ доступы къ городу. Напротивъ того, Удинò, прибывъ съ головною дивизіей корпуса Ланна еще до разсвѣта въ окрестности Фридланда, немедленно занялъ густыми цѣпями стрѣлковъ лѣсà и деревню Постененъ, расположилъ за ними сильные резервы и выставилъ батареи по обѣ стороны домнауской дороги. Французы ловко воспользовались мѣстными предметами, малѣйшею рощею, всякимъ холмомъ, высокою рожью, для укрытія войскъ. Съ нашей стороны, на разсвѣтѣ 2 (14) іюня, было послано нѣсколько баталіоновъ въ Сортлакскій лѣсъ и вскорѣ по всей линіи возгорѣлась канонада и живая перестрѣлка. Въ три часа утра, подоспѣлъ Груши съ своими драгунами; со стороны Французовъ тогда было только 9,000 челов. пѣхоты и 3,600 кавалеріи. Беннигсенъ, по всей вѣроятности, считая непріятеля сильнѣйшимъ, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, перевелъ на лѣвую сторону Алле всю армію, кромѣ 14-й дивизіи и построилъ войска въ боевой порядокъ впереди города, по обѣ стороны ручья, поручивъ начальство надъ правымъ крыломъ князю Горчакову, а надъ лѣвымъ князю Багратіону. Для сообщенія между частями арміи, разобщенными ручьемъ, построили четыре моста. Въ резервѣ, у выхода изъ

города, была поставлена вся гвардейская пѣхота, 1807.
кромѣ Преображенскаго полка (30). Позиція нашей арміи, разрѣзанная пополамъ ручьемъ текущимъ въ глубокомъ оврагѣ, имѣла въ тылу рѣку съ немногими мостами, для достиженія коихъ надлежало проходить черезъ городъ.

Одновременно съ канонадою и перестрѣлкою, раздававшеюся по всему фронту, завязалось на нашемъ лѣвомъ крылѣ, у деревни Сортлака, кавалерійское дѣло. Между тѣмъ, Груши, замѣтивъ, что правое наше крыло, подавшись впередъ къ селенію Генрихсдорфу, грозило французскимъ войскамъ обходомъ съ фланга, перевелъ своихъ драгунъ на кенигсбергскую дорогу и приказалъ прибывшимъ въ семь часовъ на поле сраженія кирасирамъ Нансути построиться къ бою влѣво отъ Постененъ. Здѣсь произошло нѣсколько атакъ съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Въ девятомъ часу, русская армія, подавшись впередъ около версты, заняла новую позицію, правымъ крыломъ противъ Генрихсдорфа, а лѣвымъ въ Сортлакскомъ лѣсу. Непріятель, безпрестанно получая подкрѣпленія, усилился до 23.000 чел. пѣхоты и 10,000 кавалеріи. Дивизія Удино̀ (корпуса Ланна), по прежнему, стояла по обѣ стороны домнауской дороги; одна изъ дивизій Мортьѐ (Дюпа̀) заняла Генрихсдорфъ и мѣстность вправо отъ этого селенія; другая (Домбровскаго) стала за батареями у Постененъ; кавалерія расположилась по флангамъ и въ резервѣ. Съ нашей стороны, находилось на позиціи до 46.000 человѣкъ, но мы не воспользовались превосходствомъ въ силахъ — частью по тому, что лѣса и селенія, занятыя непріятелемъ, способствовали его оборонительнымъ дѣйствіямъ, частью отъ нерѣшимости генерала Беннигсена, который,

1807. по собственному сознанію: „не былъ намѣренъ принять сраженіе и предполагалъ только дать дневку войскамъ, находившимся съ 21-го мая почти въ безпрестанномъ движеніи.“ Бездѣйствіе нашего полководца тѣмъ болѣе непонятно, что войска его сражались весьма храбро, опрокидывали непріятеля нѣсколько разъ и даже въ жаркой схваткѣ съ дивизіей Дюпà отбили орла 15-го линейнаго полка. Упорное сопротивленіе русскихъ войскъ увеличило число ихъ въ глазахъ непріятеля: Удинò доносилъ Наполеону, что силы нашей арміи простирались до 80,000 человѣкъ.

Въ десятомъ часу, прибытіе остальной части корпуса Ланна и драгунскихъ дивизій Лагуссè (Lahoussaye) и Латуръ-Мобура уравняло силы обѣихъ сторонъ, а въ полдень прибылъ на поле сраженія Наполеонъ. „Кажется, непріятель хочетъ дать сраженіе, сказалъ онъ окружавшей его свитѣ; сегодня счастливый день — годовщина Маренго.“ Ошибочныя распоряженія Беннигсена, стоявшаго впереди рѣки въ бездѣйствіи противъ французской арміи, привели въ недоумѣніе его противника. Наполеонъ, обратясь къ своей свитѣ, сказалъ: „видно гдѣ-либо скрытно стоятъ другія русскія войска.“ Въ три часа пополудни онъ писалъ Мюрату:

„Канонада началась съ трехъ часовъ утра; кажется, непріятель здѣсь собралъ свою армію; сперва онъ хотѣлъ идти на Кёнигсбергъ (il a voulu d'abord déboucher sur Königsberg), а теперь, по видимому, желаетъ принять сраженіе. Е. В. надѣется, что вы уже вступили въ Кёнигсбергъ, (для этого достаточно драгунской дивизіи и сультова корпуса), и что вы, съ двумя кирасирскими дивизіями и съ корпусомъ Даву, прійдете къ Фридланду, потому что, быть можетъ, сраженіе продлится и завтра. Старайтесь

прибыть сюда къ часу по полуночи *). Сегодня мы еще неимѣемъ отъ васъ извѣстій. Если Императоръ замѣтитъ, что непріятельская армія многочисленна, то, можетъ быть, въ ожиданіи васъ, ограничится канонадою.“ 1807.

Въ четвертомъ часу по полудни, прибыли къ Фридланду корпусы Нея и Виктора и гвардія. Первому было приказано стать на правомъ крылѣ, позади Сортлакскаго лѣса; прочіе расположились за Постененомъ, въ резервѣ. Наполеонъ счелъ нужнымъ дать отдыхъ этимъ войскамъ, поспѣшно прибывшимъ отъ Эйлау, и отложилъ наступленіе до пяти часовъ. Силы имъ собранныя простирались до 85,000 человѣкъ, слѣдовательно были почти вдвое болѣе нашихъ.

Наполеонъ, обозрѣвъ нашу позицію, предположилъ атаковать превосходными силами лѣвое крыло русской арміи, овладѣть Фридландомъ, отрѣзать отъ устроенныхъ тамъ мостовъ войска нашего праваго крыла и оттѣснить ихъ къ рѣкѣ Алле. Исполненію такого плана дѣйствій много способствовалъ Сортлакскій лѣсъ, за коимъ Французы могли весьма удобно сосредоточить силы, назначенныя для овладѣнія городомъ.

Въ два часа по полудни, Наполеонъ отдалъ слѣдующую диспозицію:

„Маршалъ Ней станетъ на правомъ крылѣ, между Сортлакомъ и корпусомъ Ланна, который расположится въ центрѣ до Постенена и сосредоточитъ свои войска такъ, чтобы они построились въ двѣ линіи.

„Маршалъ Мортьè расположится на лѣвомъ крылѣ, занимая Генрихсдорфъ и кёнигсбергскую дорогу ,про-

*) Войска Мюрата тогда уже подступили къ Кёнигсбергу и находились въ семи миляхъ (около 50-ти верстъ) отъ Фридланда. Слѣдовательно—повелѣніе Наполеона было неисполнимо.

1807. тивъ праваго крыла Русскихъ. Онъ не пойдетъ впередъ (Le maréchal Mortier n'avancera jamais), потому что правое крыло двинется, оставляя на мѣстѣ лѣвое (le mouvement devant être fait par notre droite qui pivotera sur la gauche).

„Кавалерія Эспаня и драгуны Груши, вмѣстѣ съ кавалеріей лѣваго крыла, стараются нанести какъ можно болѣе вреда непріятелю, коль скоро онъ, тѣснимый усиленнымъ нападеніемъ нашего праваго крыла, будетъ принужденъ отступать.

„Корпусъ Виктора и гвардія составятъ резервъ, расположенный у Постенена.

„Императоръ будетъ находиться при резервѣ, въ центрѣ. Войска двинутся, подавая впередъ правое крыло; маршалъ Ней начнетъ наступать, получивъ приказаніе на то отъ Императора. Какъ только онъ пойдетъ впередъ, всѣ батареи ускоряютъ огонь для содѣйствія нападенію.“ (31).

Князь Багратіонъ, замѣтивъ скопленіе непріятельскихъ силъ противъ лѣваго крыла нашей позиціи, просилъ подкрѣпленія у Беннигсена, остававшагося въ городѣ. По видимому главнокомандующій наконецъ убѣдился въ угрожавшей намъ опасности: въ половинѣ пятаго часа по полудни, было дано приказаніе всѣмъ войскамъ переправиться на правый берегъ Алле. Князь Горчаковъ отвѣчалъ Беннигсену, что легче удержать непріятеля до ночи, нежели отступать въ виду его; напротивъ того, Багратіонъ приказалъ заднимъ войскамъ отступать. Но едва лишь они тронулись съ мѣста, въ пять часовъ по полудни, какъ раздались три залпа двадцати французскихъ орудій. То былъ сигналъ Нею — атаковать наше лѣвое крыло.

Войска его двинулись впередъ по двумъ направленіямъ: дивизія Маршана чрезъ Сортлакскій лѣсъ;

дивизія Биссона внизъ по Мюленъ-Флиссъ; кавалерія Лагуссè слѣдовала за ними въ резервѣ. Въ Сортлакскомъ лѣсу завязалась жаркая перестрѣлка; наконецъ Французы, овладѣвъ имъ, вышли оттуда, въ 6 часовъ по полудни, и устремились къ городу. Князь Багратіонъ выслалъ впередъ кавалерію, подъ начальствомъ Кологривова, которая кинулась на непріятеля и отбила орла. Тогда-же русскія батареи, стоявшія на правомъ берегу Алле, вмѣстѣ съ батареями расположенными впереди города, открыли перекрестный огонь по дивизіи Маршана и привели ее въ совершенное разстройство ([32]). Кавалерія Кологривова обратилась вправо, ударила на полки Биссона и заставила ихъ отступить. Въ эту рѣшительную минуту, генералъ Дюпонъ, съ одною изъ дивизій Виктора, не ожидая приказанія къ наступленію, двинулся въ помощь Нею. Наша кавалерія пошла ему на встрѣчу, но будучи встрѣчена картечью французской конной батареи, сопровождавшей дюпонову пѣхоту, и атакована драгунами Латуръ-Мобура, была опрокинута. Наполеонъ послалъ въ подкрѣпленіе своему правому крылу остальныя войска Виктора и гвардію, и желая погасить огонь нашей артиллеріи, приказалъ Виктору выдвинуть впередъ всю артиллерію его корпуса. Командовавшій ею, искусный и неустрашимый генералъ Сенармонъ, собравъ свои тридцать орудій, и присоединивъ къ нимъ шесть орудій изъ неева корпуса, быстро подался впередъ, съ прикрытіемъ изъ драгуновъ Лагуссè и одного баталіона, подошелъ къ нашей позиціи на 600 шаговъ, и открылъ частый картечный огонь, частью по войскамъ столпившимся въ густыя массы, частью по батареѣ стоявшей на правомъ берегу Алле. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, Сенармонъ взялъ орудія на передки и приблизился къ позиціи Ба-

1807.

1807. гратіона на 300, и потомъ на полтораста шаговъ. Наполеонъ, восхищенный его смѣлостью, опасался однакоже, чтобы наши войска не захватили его батарей, и послалъ своего адъютанта Мутона спросить: за чѣмъ онъ выѣхалъ такъ далеко впередъ? „Не мѣшайте моимъ канонерамъ“ отвѣчалъ Сенармонъ. Наполеонъ, услыша отъ Мутона этотъ отвѣтъ, сказалъ: „артиллеристы люди упрямые; оставимъ ихъ въ покоѣ.“ По мѣрѣ столпленія нашихъ войскъ въ тѣснинѣ образуемой рѣкою Алле и Мюленъ-Флиссомъ, огонъ французской артиллеріи становился болѣе и болѣе губительнымъ. Напрасны были покушенія русской кавалеріи овладѣть непріятельскими батареями; осыпанные густымъ градомъ картечи, наши всадники понесли огромный уронъ, обратились назадъ и разстроили стоявшую за ними пѣхоту. Напрасны также были усилія отборнаго войска — нашей несравненной гвардіи; не успѣвъ остановить непріятеля, гвардейскіе егеря, Измайловцы, Конногвардейцы, могли только умирать во славу русскаго оружія: изъ 520-ти человѣкъ третьяго баталіона Измайловскаго полка въ четверть часа убито и ранено до четырехъ сотъ. Начальники войскъ, стѣсненныхъ на небольшомъ пространствѣ, Багратіонъ, Раевскій, Ермоловъ, Багговутъ, покушались привести въ порядокъ свои разстроенные полки, подавая имъ примѣръ личной неустрашимости. Багговутъ и Марковъ были ранены. Князь Багратіонъ обнажилъ шпагу, что̀ онъ дѣлалъ очень рѣдко. Московскіе гренадеры тѣснились кругомъ обожаемаго вождя, заслоняя его своею грудью; но не о собственномъ спасеніи помышлялъ герой Требіи и Нови; напоминая гренадерамъ Италію и Суворова, онъ возбуждалъ старыхъ ратныхъ товарищей къ подвигамъ самоотверженія. Наконецъ, въ восемь часовъ вечера,

будучи оттѣсненъ къ самому городу, онъ построилъ 1807.
въ арріергардѣ полки Семеновскій и гренадерскіе С.-Петербургскій и Павловскій. Здѣсь командовавшій послѣдними двумя, генералъ-маіоръ Мазовской, уже раненый пулею, былъ убитъ осколкомъ гранаты. Подъ прикрытіемъ Семеновцевъ и гренадеръ, Багратіонъ вошелъ въ Фридландъ, зажегъ предмѣстье и сталъ переводить войска по мостамъ, которые уже были зажжены, по ошибочному приказанію, переданному какимъ-то адъютантомъ инженерному офицеру стоявшему у переправы.

Въ продолженіи времени этого боя, князь Горчаковъ не только не исполнилъ даннаго ему приказанія—отступать, но двинулся впередъ, отрядивъ нѣсколько казачьихъ полковъ въ обходъ лѣваго фланга непріятельской арміи. Но когда артиллерія Виктора, занявъ то мѣсто, на которомъ прежде стоялъ Багратіонъ, открыла огонь во флангъ нашему правому крылу и вслѣдъ за тѣмъ загорѣлся городъ, Горчаковъ, убѣдясь въ грозившей ему опасности, приказалъ кавалеріи Уварова удерживать непріятеля, а пѣхоту отвелъ къ Фридланду. Полки русскіе ворвались въ объятый пламенемъ городъ, выбили штыками Французовъ въ поле, и, движимые мщеніемъ, кидались ихъ преслѣдовать. Пользуясь мгновеннымъ успѣхомъ, войска наши спѣшили къ мѣсту переправы, но мосты тогда уже сгорѣли до тла. Исчезла надежда на спасеніе, и вмѣстѣ съ нею рушился порядокъ. Одни изъ солдатъ кидались вплавь; другіе уходили въ бродъ. Во всѣ стороны разослали офицеровъ отыскивать броды: первый изъ нихъ былъ найденъ адъютантомъ Уварова, кавалергардскимъ офицеромъ Чернышевымъ — въ послѣдствіи военнымъ министромъ. Наградою за то былъ георгіевскій крестъ. Большая часть артиллеріи перешла че-

1807. резъ рѣку въ бродъ, а 29 батарейныхъ орудій собраны графомъ Ламбертомъ и подъ прикрытіемъ Александрійскаго гусарскаго полка увезены лѣвымъ берегомъ Алле въ Алленбургъ, гдѣ присоединились къ арміи. На слѣдующій день, 3-го (15-го) іюня, около полудня, армія, подъ прикрытіемъ отряда Платова, достигнувъ Велау, переправилась за Прегель, сожгла мосты и продолжала дальнѣйшее отступленіе къ Нѣману.

Французы, простоявъ всю ночь, на 3-е (15-е), на мѣстѣ сраженія, соорудили мостъ у Фридланда и переправили кирасиръ Нансути и драгунъ Груши съ 9-мъ гусарскимъ полкомъ для преслѣдованія русскихъ войскъ по правому берегу Алле; главныя-же силы Наполеона были посланы внизъ по лѣвому берегу, кромѣ корпуса Нея, коему данъ растахъ у Фридланда. Мюратъ, двигавшійся къ Фридланду, получилъ повелѣніе повернуть къ Тапіау, переправиться тамъ черезъ Прегель и отрѣзать Лестока и Каменскаго отъ русской арміи ([33]).

Потери Французовъ въ сраженіи при Фридландѣ вообще простирались до 12,000 человѣкъ ([34]). Въ числѣ раненыхъ были генералы: Друэ, Латуръ-Мобуръ, Домбровскій, Кёгорнъ и Лебрюнъ. О нашемъ уронѣ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Французскіе историки, на основаніи лживыхъ бюллетеней, преувеличили его до 20-ти, и даже до 25-ти тысячъ человѣкъ и 80-ти орудій. Въ донесеніяхъ Беннигсена сказано, что мы потеряли до 10,000 человѣкъ и 4 или пять орудій. Но въ дѣйствительности нашъ уронъ былъ не менѣе 15,000 человѣкъ и отъ 10-ти до 16-ти орудій ([35]). Убитъ, (какъ уже сказано), генералъ Мазовской; генералъ-маіору Сукину оторвало ногу; генералъ-квартирмейстеръ Штейнгель и дежурный генералъ Эссенъ сильно оконтужены про-

летѣвшимъ между ними ядромъ. Отбытіе съ поля сраженія двухъ главныхъ сподвижниковъ Беннигсена и тяжкая болѣзнь его имѣли большое вліяніе на ходъ дѣла. Не было ни связи, ни единства, въ распоряженіяхъ нашихъ начальниковъ, но храбрости русскихъ войскъ въ бою подъ Фридландомъ отдали справедливость и свои, и чужіе. 1807.

Неудача, понесенная нашею арміею, имѣла послѣдствіемъ потерю Кёнигсберга. 1-го (13-го) іюня, Каменскій соединился съ Лестокомъ. На слѣдующій день, передовыя войска Мюрата, подойдя къ городу, открыли канонаду. Вечеромъ, Мюратъ, съ резервною кавалеріей и корпусомъ Даву, выступилъ къ Фридланду. Маршалъ Сультъ, желя побудить союзниковъ къ сдачѣ города, пригласилъ на свиданіе кёнигсбергскаго генералъ-губернатора Рюхеля, который просилъ графа Каменскаго поѣхать, вмѣсто него, въ передовую цѣпь. Начальникъ штаба сультова корпуса, генералъ Бельяръ, выѣхавъ ему на встрѣчу, предложилъ „сдать Кёнигсбергъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ". — „Вы видите на мнѣ русскій мундиръ, и смѣете требовать сдачи" — гнѣвно отвѣчалъ Каменскій, и поворотивъ лошадь, поѣхалъ назадъ. На другой день, 3 (15), Лестокъ и графъ Каменскій, получивъ отъ Беннигсена извѣстіе о потерѣ сраженія и предписаніе идти къ Шилупишкену, выступили изъ Кёнигсберга, и не допустивъ отрѣзать себя Мюрату, присоединились къ арміи. 6 (18) Беннигсенъ перешелъ черезъ Нѣманъ, у Тильзита, а 7 (19) князь Багратіонъ и Платовъ, переправясь въ слѣдъ за нимъ, зажгли мостъ и расположились на правомъ берегу Нѣмана ([36]).

Занятіе Кёнигсберга Французами, 4 (16) іюня, доставило имъ большіе магазины съ военными и жизненными припасами ([37]).

1807. Императоръ Александръ получилъ донесеніе Беннигсена о сраженіи при Фридландѣ, 4-го (16-го) іюня, на смотру близъ Юрбурга только-что прибывшей изъ Москвы новосформированной 17-й дрвизіи князя Лобанова-Ростовскаго. Изложивъ въ нѣсколькихъ словахъ ходъ боя, главнокомандующій писалъ, что онъ отступаетъ за Прегель и будетъ тамъ оставаться въ оборонительномъ положеніи. до прибытія ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій, и что, по его мнѣнію, необходимо вступить въ переговоры съ непріятелемъ, чтобы выиграть время нужное для вознагражденія понесенныхъ нами потерь (38). Тогда-же министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ представилъ Государю письмо, полученное отъ старшаго дипломатическаго чиновника въ арміи Цисмера. Незнакомый съ военными опасностями, Цисмеръ, пораженный зрѣлищемъ обычныхъ ужасовъ битвы, писалъ, что армія пришла въ совершенное разстройство и что намъ остается только одно средство выдти изъ отчаяннаго положенія: какъ можно скорѣе заключить перемиріе и вступить въ переговоры о мирѣ. По словамъ его, наши потери въ людяхъ и артиллеріи были несмѣтны, и Беннигсенъ изобразилъ Императору Фридландское сраженіе въ менѣе мрачномъ видѣ, нежели какъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, прочитавъ оба донесенія, поручилъ тайному совѣтнику Попову рѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли армія такъ разстроена, что не можетъ продолжать дѣйствій? Поповъ, бывшій правитель канцеляріи Потемкина, вызванный Императоромъ Александромъ изъ отставки на службу въ началѣ 1807 года, былъ отправленъ въ главную квартиру Беннигсена, для устройства провіантской и коммисаріатской частей, находившихся въ самомъ жалкомъ состояніи. Удостоенный высокими

знаками Монаршей довѣренности. Поповъ заслуживалъ ихъ прямодушіемъ и способностями, но какъ человѣкъ невоенный, принужденъ былъ обсуживать положеніе дѣлъ, смотря на него — такъ сказать — чужими глазами. Главная квартира нашей арміи была полна людей наскучившихъ войною въ опустошенной странѣ и вспоминавшихъ съ ужасомъ необычайные труды и лишенія зимней кампаніи; многіе изъ нихъ давали своему нетерпѣнію видъ заботливости о государственной пользѣ, по словамъ ихъ, настоятельно требовавшей прекращенія губительной войны. Самъ Цесаревичъ, (нелюбившій войны, хотя и ученикъ Суворова), уѣхалъ послѣ гейльсбергскаго сраженія изъ арміи въъ Тильзитъ и горячо убѣждалъ Государя открыть переговоры съ Наполеономъ (39). Пораженіе подъ Фридландомъ послужило новымъ доводомъ поборникамъ мира. 1807.

Собственноручное письмо Государя Попову было слѣдующее: „Съ фельдъегеремъ получилъ Я прилагаемый при семъ въ копіи рапортъ отъ генерала Беннигсена. Вы легко можете вообразить то чувство, которымъ чтеніе онаго было сопровождаемо. Неимѣвъ еще ни одной строки отъ васъ и опасаясь потерять драгоцѣнное время, рѣшился Я послать къ вамъ нарочнаго фельдъегеря съ письмомъ симъ. Мнѣ неостается другаго, какъ положиться на ваше безпристрастное сужденіе. Если вы находите, что обстоятельства таковы, какъ генералъ Беннигсенъ ихъ описываетъ, что необходимо нужно войти въ переговоры съ Бонапартіемъ, то вручите ему прилагаемое при семъ письмо на его имя, которымъ Я ему позволяю трактовать отъ своего имени о *перемиріи* съ Бонапартіемъ. Письмо Мое подъ открытою печатью, и Я желаю, чтобъ вы оное прочитали. За симъ вслѣдъ прибудетъ генералъ-лейтенантъ князь

1807. Лобановъ. котораго Я избралъ для посылки отъ главнокомандующаго къ Бонапартію. Онъ съ вами лично обо всемъ переговоритъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ васъ. Прилагаю при семъ равномѣрно копію съ письма къ Будбергу, отъ чиновника его департамента, находящагося при Беннигсенѣ. Оное обстоятельнѣе еще генеральскаго рапорта" ([40]). Въ рескриптѣ къ Беннигсену, Государь писалъ: „Ввѣривъ вамъ армію прекрасную, явившую столь много опытовъ храбрости. весьма удаленъ Я былъ ожидать извѣстій. какія вы Мнѣ нынѣ сообщили. Если у васъ. кромѣ перемирія. нѣтъ другаго средства выйдти изъ затруднительнаго положенія, то разрѣшаю васъ на сіе, но съ условіемъ. чтобъ вы договаривались отъ имени вашего. Отправляю къ вамъ князя Лобанова-Ростовскаго, находя его во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ для сихъ скользкихъ переговоровъ. Онъ донесетъ вамъ словесно о данныхъ ему Мною повелѣніяхъ. Переговоря съ нимъ и съ Поповымъ. отправьте его къ Бонапартію. Вы можете посудить. сколь тяжко Мнѣ рѣшиться на такой поступокъ" ([41]). Прибывшій въ главную квартиру Беннигсена. князь Дмитр. Иван. Лобановъ былъ снабженъ. на случай, если онъ будетъ отправленъ въ главную квартиру французской арміи, Высочайшимъ повелѣніемъ: „стараться заключить перемиріе на мѣсяцъ. во время коего обоюднымъ войскамъ оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ; не предлагать мира, но когда Французы изъявятъ первые наклонность кончить войну, отвѣчать, что Императоръ Александръ равномѣрно желаетъ примиренія, а если Французы спросятъ, дана-ли ему власть на переговоры, предъявить подписанное Императоромъ полномочіе" ([24]). Довольно трудно объяснить, почему князь Лобановъ, храбрый воинъ, но незнакомый съ

дипломатіей, необладавшій счастливою внѣшностью, человѣкъ довольно грубый съ угловатыми манерами, получилъ такое порученіе; по всей вѣроятности, Государь, тогда уже неблаговолившій къ Будбергу, нехотѣлъ ввѣрить ему негоціацію съ Французами, а подъ рукою никого не случилось, кромѣ Лобанова. 1807.

Такимъ образомъ открытіе переговоровъ зависѣло исключительно отъ Попова. Возможно-ли было, чтобы онъ находясь подъ вліяніемъ главнокомандующаго и его миролюбивой главной квартиры, отважился подать голосъ въ пользу продолженія военныхъ дѣйствій и принялъ на себя отвѣтственность передъ Государемъ и Россіей въ послѣдствіяхъ такого смѣлаго шага? Поповъ донесъ Государю о необходимости прекратить на время дѣйствія и вручилъ Беннигсену Высочайшій рескриптъ. На слѣдующій день, 7-го (19-го) іюня, отправили маіора Шёпинга къ маршалу Бертьѐ, съ письмомъ, въ коемъ Беннигсенъ предложилъ, отъ своего имени, вступить въ переговоры о перемиріи. Спустя нѣсколько часовъ, явился въ нашу главную квартиру капитанъ Перигоръ, племянникъ Талейрана, съ словеснымъ отвѣтомъ Наполеона — о желаніи его положить конецъ кровопролитію и о назначеніи имъ для переговоровъ маршала Бертьѐ. Дерзскій Французъ велъ себя надменно, и даже за обѣдомъ у Беннигсена не снялъ съ головы медвѣжьей шапки. Послѣ обѣда князь Лобановъ отправился вмѣстѣ съ Перигоромъ въ Тильзитъ, къ Бертьѐ, который принялъ его съ замѣтнымъ удовольствіемъ, очень вѣжливо, увѣряя, что Наполеонъ желаетъ примириться съ нашимъ Государемъ. Императоръ Александръ — сказалъ Лобановъ — при всемъ желаніи мира, не приметъ оскорбительныхъ для его достоинства условій, и тѣмъ паче непотерпитъ малѣйшаго измѣненія въ грани-

1807. цахъ Россіи". Бертьè отвѣчалъ, что о томъ не можетъ быть и рѣчи. На счетъ перемирія не могли согласиться, потому что Бертьè домогался немедленной уступки Французамъ крѣпостей Пиллау, Кольберга и Грауденца, еще занятыхъ прусскими войсками. Князь Лобановъ возвратился въ главную квартиру нашей арміи, а въ ночи на 8-е (20-е) іюня пріѣхалъ туда оберъ-гофмаршалъ Наполеона Дюрокъ, съ предложеніемъ отъ своего Государя — заключить перемиріе тотчасъ, если мы уступимъ помянутыя крѣпости, либо немедленно откроемъ переговоры о мирѣ. Императоръ Александръ, тогда находившійся вмѣстѣ съ Королемъ Прусскимъ въ Шавлѣ, получивъ, чрезъ пріѣхавшаго изъ главной квартиры арміи Цесаревича, донесеніе Беннигсена о домогательствахъ Французовъ, отвѣчалъ ему: „Кольбергъ, Грауденцъ и Пиллау не принадлежатъ Мнѣ, и по тому Я не могу уступить ихъ. Пошлите съ симъ отвѣтомъ князя Лобанова къ маршалу Бертьè, и прикажите сказать ему, что Я готовъ заключить миръ, и что князь Лобановъ уполномоченъ вести переговоры, коль скоро будетъ утверждено перемиріе на одинъ мѣсяцъ".

Изъявляя согласіе начать переговоры о мирѣ, Императоръ Александръ зналъ, что Наполеонъ хотѣлъ заключить его, безъ участія Англіи. Но всѣ поступки сенъ-джемскаго кабинета оправдывали отложеніе Россіи отъ коалиціи. Вѣнскій дворъ отсрочилъ свое содѣйствіе Союзникамъ на цѣлые два года: слѣдовательно — Россіи приходилось сражаться одной противъ Франціи, поддержанной силами почти всей западной Европы. Таковы были обстоятельства, побудившія нашего Государя къ прекращенію борьбы, которая безполезно истощала средства Россіи. Нельзя оставить безъ замѣчанія, что Беннигсенъ, подъ не-

посредственнымъ вліяніемъ пораженія подъ Фридландомъ, считавшій невозможныхъ продолжать борьбу съ Наполеономъ, измѣнилъ, нѣсколько дней спустя, свое мнѣніе. Сдѣлавъ смотръ ввѣренной ему арміи, и найдя ее въ превосходномъ состояніи, готовою снова сразиться съ непріятелемъ, главнокомандующій писалъ Государю: „Фридландская неудача не уменьшила храбрости войскъ. Если обстоятельства востребуютъ, армія будетъ также сражаться, какъ сражалась она всегда. Она уже забыла Фридландскую битву. Долгомъ поставляю увѣрить въ томъ Ваше Величество, дабы при возникшихъ переговорахъ не согласились на какія-либо излишнія требованія Бонапарта“. Это донесеніе, посланное въ то время, когда Беннигсенъ могъ обсудить положеніе дѣлъ хладнокровнѣе, нежели въ первый день послѣ фридландской битвы, должно было разсѣять опасенія Императора Александра, но лица тогда бывшія въ главной квартирѣ арміи увѣряютъ, что Беннигсенъ, изъ угожденія Великому Князю Константину Павловичу, стоялъ во главѣ партіи мира и продолжалъ выставлять предъ всѣми, кромѣ Государя, положеніе арміи въ самомъ мрачномъ видѣ ([43]). 1807.

Главнокомандующій, получивъ разрѣшеніе Государя — открыть переговоры о мирѣ, послалъ князя Лобанова вторично въ Тильзитъ. Въ тотъ-же день, 10-го (22-го) іюня, было подписано нашимъ уполномоченнымъ и маршаломъ Бертьѐ перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прекратить военныя дѣйствія на мѣсяцъ; 2) если которая-либо изъ договаривающихся сторонъ пожелаетъ прервать перемиріе, то обязана предупредить о томъ за мѣсяцъ; 3) настоящія условія не относятся къ Пруссіи, съ которою будетъ заключено особое перемиріе; 4) назначить, въ кратчайшемъ по возможности времени,

1807. полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ и коммисаровъ для размѣна плѣнныхъ, и 5) черту разграниченія (демаркаціонную линію) провести отъ Куришъ-Гафа по Нѣману до истоковъ Бобра, далѣе по Бобру до впаденія сей рѣки въ Наревъ и по Нареву (44).

Въ тотъ-же день, Наполеонъ, приказавъ пригласить князя Лобанова къ обѣду, обошелся съ нимъ весьма ласково, повторилъ нѣсколько разъ, что онъ всегда былъ преданъ Императору Александру и всегда уважалъ его, предложилъ князю выпить вмѣстѣ по бокалу шампанскаго за здоровье нашего Государя, и въ заключеніе сказалъ, что настоящая естественная граница Россіи должна проходить по рѣкѣ Вислѣ (45). Въ послѣдствіи князь Лобановъ разсказывалъ, что, когда за обѣдомъ зашла рѣчь о Императрицѣ Екатеринѣ, и при воспоминаніи о ней, на глазахъ у него навернулись слёзы, Наполеонъ, схвативъ за руку сидѣвшаго возлѣ него, своего гофмаршала, сказалъ ему: „Regardez, regardez, Duroc, comme les Russes aiment leurs Souverains)“. (Смотри, смотри, Дюрокъ, какъ Русскіе любятъ своихъ Государей) (46).

Король Прусскій, получивъ въ Мемелѣ извѣстіе о фридландскомъ сраженіи, принялъ мѣры къ отправленію въ Ригу супруги и дѣтей своихъ. Казну и драгоцѣнныя вещи предполагали отправить моремъ также въ Россію. Получивъ приглашеніе Императора Александра — пріѣхать къ нему въ Шавлю, Король, вмѣстѣ съ нашимъ Государемъ, отправился оттуда чрезъ Юрбургъ въ селеніе Пиклупененъ, близъ главной квартиры Беннигсена, и послалъ фельдмаршала графа Калькрейта къ Наполеону, для переговоровъ о перемиріи, которое, по неосторожно-

сти уполномоченнаго, было заключено на весьма невыгодныхъ для Пруссіи условіяхъ. Положено, чтобъ войска Блюхера въ Помераніи прекратили военныя дѣйствія. Въ отношеніи къ Кольбергу, Грауденцу, Пиллау и силезскимъ крѣпостямъ, еще занятымъ прусскими войсками, условлено оставить все въ такомъ положеніи, въ какомъ застанетъ обѣ стороны извѣстіе о перемиріи; но Калькрейтъ, изъявивъ согласіе, чтобы эти крѣпости не были снабжаемы провіантомъ въ продолженіи перемирія, неозаботился объ опредѣленіи участи гарнизоновъ, въ случаѣ, когда они голодомъ будутъ принуждены къ сдачѣ (47). Когда графъ Калькрейтъ сообщилъ маршалу Бертье желаніе Короля, чтобы Гарденбергъ принялъ участіе въ переговорахъ, Наполеонъ, грозно топнувъ ногою, сказалъ: „не хочу знать Гарденберга и готовъ вести войну еще сорокъ лѣтъ, чтобы недопустить его къ переговорамъ“. Король Прусскій, извѣщая о прекращеніи военныхъ дѣйствій Короля Густава IV, писалъ ему: „Обстоятельства побудили Императора Александра заключить перемиріе съ Наполеономъ. Считаю излишнимъ представлять на судъ Вашему Величеству, могъ-ли я, въ ужасномъ моемъ положеніи, отдѣлиться отъ Россіи. Съ душевнымъ прискорбіемъ, уступая тяжкой необходимости, я подписалъ перемиріе и назначилъ уполномоченныхъ, для веденія, купно съ союзникомъ моимъ, переговоровъ о мирѣ“ (48). 1807

По ратификаціи съ обѣихъ сторонъ перемирія, послѣдовало свиданіе Императора Александра съ Наполеономъ. Свидѣтели этого событія не говорятъ опредѣлительно — ктò первый изъ нихъ изъявилъ желаніе лично узнать своего противника. Находившійся при нашемъ Государѣ, графъ Ливенъ писалъ,

1807. что оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ, 12 (24) іюня, отъ имени Наполеона, поздравилъ Императора Александра съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и предложилъ свиданіе; Французы, съ своей стороны, увѣряютъ, будтобы князь Лобановъ, прибывъ, 24-го іюня н. ст. въ Тильзитъ, говорилъ Наполеону о желаніи нашего Государя видѣть великаго человѣка, располагавшаго судьбами Франціи, и объясниться съ нимъ прямо и искренно, и что Наполеонъ принялъ свиданіе, предложенное на слѣдующій день, 25-го іюня. Неподлежитъ сомнѣнію, что оба могучіе соперники равно желали узнать другъ друга, и что слѣдствіемъ того была встрѣча въ Тильзитѣ, имѣвшая стольже важное вліяніе на судьбы міра, какъ нѣкогда встрѣча Октавія и Антонія. Но здѣсь, на берегахъ Нѣмана, не было слабаго, безхарактернаго Антонія: съ одной стороны былъ повелитель Франціи, тогда еще непобѣдимый воинъ, возстановитель алтарей, мудрый законодатель; съ другой — Монархъ юный, но уже испытанный невзгодами, объявившій во всеуслышаніе своему народу готовность идти по стопамъ Великой Екатерины, Самодержецъ — врагъ произвола, явно признавшій господство закона надъ своею властью, непобѣдимый силою своего плѣнительнаго обращенія.

Наполеонъ, желая придать свиданію съ Русскимъ Монархомъ приличную торжественность, приказалъ генералу Ларибуасьеру построить на большомъ плоту посреди Нѣмана два павильона, обтянутые бѣлымъ полотномъ: одинъ, назначенный для Государей, былъ обширнѣе и красивѣе, а другой, для свиты ихъ, поменьше. На фронтонахъ были нарисованы, съ нашей стороны огромное **A**, а со стороны, обращенной къ Тильзиту **N**. На лѣвомъ берегу стояла наполеонова гвардія, фронтомъ къ рѣкѣ; тысячи Фран-

цузовъ и тильзитскихъ жителей покрывали берегъ. 1807.
На правой сторонѣ рѣки, близъ разоренной корчмы Мамельшенъ-Кругъ, находились два взвода Кавалергардовъ и эскадронъ прусской кавалеріи.

Около полудня, Императоръ Александръ, въ Преображенскомъ мундирѣ, шарфѣ и Андреевской лентѣ, подъѣхалъ къ Мамельшенъ-Кругъ, съ Королемъ Прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, и войдя въ корчму, сѣлъ у окна. Комната наполнилась генералами прибывшими съ Государемъ. Всѣ молчали. Черезъ полчаса, стоявшій на берегу флигель-адъютантъ, торопливо отворивъ дверь корчмы, сказалъ; „ѣдетъ, Ваше Величество!“ Государь тихо вышелъ изъ комнаты. На другой сторонѣ рѣки, Наполеонъ, въ лентѣ Почетнаго Легіона, съ сопровождавшимъ его конвоемъ, быстро скакалъ верхомъ между рядами гвардіи, сопровождаемый восклицаніями своихъ воиновъ. Какъ только онъ достигъ берега, Александръ и Наполеонъ сѣли въ лодки. При нашемъ Государѣ находились: Цесаревичъ, Беннигсенъ, баронъ Будбергъ и генералы: графъ Ливенъ, Уваровъ и князь Лобановъ-Ростовскій; при Наполеонѣ: Мюратъ, Бертье, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ. Въ часъ по полудни, отчалили обѣ лодки. Наполеонъ, приставъ къ плоту, спѣшилъ на встрѣчу Александру. Когда они подали одинъ другому руки, съ обѣихъ береговъ Нѣмана раздались радостные крики войскъ и жителей страны, свидѣтелей міроваго зрѣлища. Не произнеся ни слова, Александръ и Наполеонъ вошли въ павильонъ. Тамъ они бесѣдовали вдвоемъ въ продолженіи почти двухъ часовъ: Императоръ Александръ говорилъ о всѣхъ поводахъ къ неудовольствію, поданныхъ ему Англіей; Наполеонъ старался убѣдить нашего Государя, что Россія, поддерживая германскія державы, дѣйствовала противъ

1807. собственныхъ выгодъ, и что союзъ съ Франціей ей можетъ принести не менѣе славы и болѣе пользы. Зная дружбу нашего Государя съ Королемъ Прусскимъ, Наполеонъ спѣшилъ завѣрить Александра, что союзникъ его получитъ значительную часть потерянныхъ имъ владѣній. При взаимномъ представленіи Монархами прибывшихъ съ ними лицъ, Наполеонъ говорилъ болѣе всѣхъ съ Беннигсеномъ, и, между прочимъ, сказалъ ему: «J'ai toujours admiré votre prudence.... Vous avez été bien méchant à Eylau.» (Я всегда удивлялся вашему благоразумію.... Вы были очень злы подъ Эйлау). Во все время свиданія нашего Государя съ Наполеономъ, Король Прусскій стоялъ на берегу съ княземъ Волконскимъ. Зная, что въ этотъ роковой часъ рѣшалась судьба его Монархіи, Король постоянно смотрѣлъ на плотъ, и волнуемый нетерпѣніемъ даже въѣхалъ въ воду, по шею своей лошади. Императоръ Александръ, возвратясь на правый берегъ, отправился съ Королемъ въ свою главную квартиру. Сначала Наполеонъ вовсе не хотѣлъ видѣть Фридриха-Вильгельма, но потомъ, убѣжденный настоятельными просьбами Александра, согласился принять несчастнаго Короля. Наполеонъ для доставленія возможности Императору Александру вести съ нимъ лично переговоры, предложилъ ему переѣхать въ Тильзитъ, объявивъ неутральнымъ сей городъ. По изъявленіи согласія на то нашимъ Государемъ, положили раздѣлить Тильзитъ на двѣ части, одну для Русскихъ а другую для Французовъ, и ввести въ городъ по одному баталіону русской и французской гвардіи и по нѣскольку человѣкъ конницы ([49]).

На слѣдующій день, 14 (26) іюня, Императоръ Александръ поѣхалъ къ Наполеону съ Королемъ Прусскимъ. Свиданіе происходило опять на плоту.

Король держалъ себя достойно своему сану. не унижая себя предъ высокомѣрнымъ побѣдителемъ, и старался доказать, что причиною его разрыва съ Франціей было нарушеніе неутралитета Пруссіи занятіемъ аншпахской области. Наполеонъ, напротивъ того, приписывалъ всѣ бѣдствія постигшія Пруссію проискамъ Англичанъ, порицалъ прусское гражданское управленіе, говорилъ съ пренебреженіемъ о прусскихъ войскахъ. Глубоко оскорбленный пріёмомъ Наполеона, Король возвратился на правый берегъ Нѣмана, а Императоръ Александръ отправился въ Тильзитъ. Какъ только Государь ступилъ на лѣвый берегъ, французская артиллерія привѣтствовала его шестидесятью выстрѣлами. Наполеонъ провожалъ его до своего дома, чрезъ ряды французскихъ войскъ, отдававшихъ почести Александру и преклонявшихъ предъ нимъ знамена. Обѣдъ, начавшійся въ семь часовъ, продолжался до девяти. За тѣмъ, Александръ отправился въ назначенный для жительства его домъ, тотъ самый, который занималъ онъ во время пребыванія въ Тильзитѣ ([50]). Комендантомъ нашей половины Тильзита, гдѣ были расположены, кромѣ перваго баталіона Преображенцевъ, нѣсколько Кавалергардовъ, Лейбъ-гусаръ и Лейбъ-казаковъ, Государь назначилъ полковника Козловскаго, а комендантомъ другой половины города, занятой баталіономъ французской гвардіи, былъ Бальи ди-Монтіонъ. Условлено, чтобы пароли, отзывы и лозунги были общіе русскимъ и французскимъ войскамъ. Въ день прибытія Государя въ Тильзитъ, отданы были Наполеономъ пароль, отзывъ и лозунгъ: «Alexandre, Russie, Grandeur» (Александръ, Россія, Величіе), а на другой день нашимъ Государемъ: «Napoléon, France, Bravoure» (Наполеонъ, Франція, Храбрость). Потомъ условились, чтобы ихъ отдавалъ Наполеонъ, 1807.

1807. Вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ прибылъ въ Тильзитъ: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Будбергъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, Поповъ, генералъ-адъютанты: Ливенъ, князь Волконскій и князь Трубецкой, генералъ-лейтенантъ князь Лобановъ и генералъ-маіоръ Фуль: (послѣдній считался большимъ стратегомъ и занимался составленіемъ проектовъ по военной части). Въ послѣдствіи получили повелѣніе пріѣхать въ Тильзитъ: посолъ въ Вѣнѣ, князь Куракинъ *), бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералы Сухтеленъ и Уваровъ, тайный совѣтникъ Лошкаревъ, каммергеры Рибопьеръ и графъ Нессельродъ.

Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы Прусскій Король жилъ въ Тильзитѣ и лишь по неотступнымъ домогательствамъ Императора Александра согласился на пребываніе въ городѣ Короля и небольшой части прусскаго пѣхотнаго полка Принца Генриха, для карауловъ. Никому изъ Русскихъ не было дозволено ѣздить въ Тильзитъ, кромѣ адъютантовъ, посылаемыхъ изъ главной квартиры къ Императору Александру; но любопытство видѣть Наполеона заставляло нашихъ генераловъ и офицеровъ посѣщать городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Императоръ Александръ и Наполеонъ жили одинъ отъ другаго шагахъ въ пяти стахъ. Утромъ гофмаршалы графъ Толстой и Дюрокъ являлись спросить — первый о здоровьѣ Наполеона, а второй о здоровьѣ нашего Государя. Часу въ пятомъ, Императоры вмѣстѣ, иногда съ Королемъ, прогуливались верхомъ, либо присутствовали на смотрахъ и ученіяхъ французскихъ войскъ. Наполеонъ обыкновенно скакалъ

*) Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, товарищъ юности Великаго Князя Павла Петровича, былъ, незадолго предъ тѣмъ, назначенъ посломъ въ Вѣну, на мѣсто графа Андрея Кирилловича Разумовскаго.

во всю прыть, кратчайшимъ путемъ, по полямъ и чрезъ овраги, и по тому Государь назначилъ въ свой конвой Лейбъ-гусаръ. Императоръ Александръ всегда обѣдалъ у Наполеона. Иногда приглашали къ обѣду Короля Прусскаго, Цесаревича и Мюрата. Потомъ Государь уходилъ къ себѣ, а въ десять часовъ вечера навѣщалъ его Наполеонъ, пѣшкомъ, одинъ, въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ. Бесѣда ихъ вдвоемъ продолжалась далеко за полночь ([51]). 1807.

Переговоры о мирѣ были ведены съ нашей стороны Куракинымъ и Лобановымъ, а со стороны Французовъ Талейраномъ *). Но хотя они были снабжены полномочьями, однакоже всѣ важнѣйшіе вопросы рѣшались въ вечернихъ бесѣдахъ Императора Александра съ Наполеономъ. Эти бесѣды остались на-вѣки тайною, и мы можемъ лишь поднять край покрывающей ихъ завѣсы, изложивъ то, что въ послѣдствіи было открыто Монархами ихъ приближеннымъ, и указавъ на нѣсколько писемъ посланныхъ другъ къ другу обоими Государями, по утрамъ, въ дополненіе ихъ обычныхъ совѣщаній. Въ пяти письмахъ Наполеона, видимъ соображенія его, касательно Іоническихъ острововъ, а также постановленія границы Россіи по теченію Нѣмана, до устья этой рѣки, и границы земель, состоящихъ подъ вліяніемъ Франціи, до Эльбы, такимъ образомъ, чтобы земли лежащія между Нѣманомъ и Эльбою составляли какъ-бы преграду, недопускающую столкновенія между двумя великими державами. Кромѣ того, Наполеонъ полагалъ, что, въ случаѣ разрыва Россіи съ Англіей, слѣдовало издать о томъ манифестъ въ декабрѣ:

*) Наполеонъ не согласился вести переговоры совокупно съ Россіей и Пруссіей, и потому въ Тильзитѣ заключенъ былъ миръ на основаніи двухъ отдѣльныхъ трактатовъ.

1807 какъ тогда останется до весны пять мѣсяцевъ.—писалъ Наполеонъ—то Англичане будутъ имѣть время одуматься и принять сдѣланныя имъ предложенія, и къ тому-же стоящая у Корфу эскадра Сенявина успѣетъ возвратиться въ Россію. Въ сохранившихся доселѣ трехъ собственноручныхъ письмахъ Императора Александра. находимъ свидѣтельства его безкорыстія и усилій имъ сдѣланныхъ въ пользу своихъ союзниковъ. Королей Прусскаго и Неаполитанскаго ([52]).

Вообще отношенія между Императорами, бывшими соперниками. были. или. по крайней мѣрѣ, казались дружественными, задушевными. Нетрудно было Наполеону, съ его знаніемъ людей, съ его опытностью, съ его своеобразною діалектикою, увлечь впечатлительнаго Александра. обворожить его. обратить въ восторгъ естественное всякому развитому человѣку уваженіе къ Генію. Въ особенности-же были обаятельны для Русскаго Монарха вниманіе и угодливость къ нему Наполеона послѣ Аустерлица и Фридланда. По видимому, Наполеонъ не только не гордился этими побѣдами, но желалъ сдѣлать Александра участникомъ своихъ успѣховъ. предлагалъ ему расширить владѣнія Россіи, манилъ его въ будущемъ увлекательными призраками величія и славы. „Съ такими солдатами каковы русскіе—говорилъ Наполеонъ—можно завоевать весь свѣтъ... Соединимся. и совершимъ величайшіе подвиги нашего времени“ ([53]). Конечно личныя качества Александра могли внушить къ нему привязанность и сдѣлать бывшаго врага другомъ. но Наполеонъ, неспособный къ безотчетной преданности, руководился холоднымъ разсчетомъ. Онъ зналъ. что продолженіе войны съ Россіей. войны требовавшей огромныхъ средствъ, которыя у него еще не были готовы, необѣ-

щало ему никакихъ выгодъ. Для приведенія въ дѣйствіе задуманныхъ имъ гигантскихъ плановъ, для порабощенія Европы, ему нуженъ былъ на время союзникъ, который, содѣйствуя ему на твердой землѣ и враждуя Англіи, не позволилъ-бы образоваться никакой коалиціи противъ Франціи. Таковы были поводы, заставлявшіе Наполеона ласкать самолюбіе Александра, дѣлать ему существенныя уступки и подавать въ будущемъ надежды огромныхъ выгодъ. Но эти уступки и надежды, (какъ увидимъ въ послѣдствіи), должны были послужить не въ пользу, а во вредъ Россіи. 1807

За нѣсколько дней до заключенія мира, явилась въ Тильзитъ Королева Прусская Луиза. Совѣтники Короля надѣялись, что присутствіе женщины, одаренной высокими качествами ума и сердца, смягчитъ желѣзную волю раздраженнаго побѣдителя и сдѣлаетъ условія имъ предписанныя менѣе тяжкими для Пруссіи. Королева была принуждена преодолѣть отвращеніе свое отъ свиданія съ человѣкомъ ей ненавистнымъ, но она превозмогла это чувство. „Одинъ Богъ знаетъ мои страданія,“ сказала великодушная Луиза на пути изъ Мемеля въ Тильзитъ. 24-го іюня (6-го іюня), она прибыла туда, въ великолѣпной каретѣ, запряженной цугомъ въ восемь лошадей, въ сопровожденіи конвоя французскихъ драгунъ. Наполеонъ приказалъ своимъ войскамъ встрѣтить ее съ почестями и чрезъ часъ по ея прибытіи прискакалъ къ дому занимаемому Королемъ. Тамъ у входа ожидали его Фридрихъ-Вильгельмъ и прусскіе принцы. Наполеонъ, не выпуская изъ руки хлыста, сухо раскланялся имъ и взошелъ по лѣстницѣ въ покои Королевы. Первымъ словомъ его былъ воп-

1807. росъ: „какъ могли вы начать со мною войну?“ — „Государь — отвѣчала Луиза — намъ простительно увлечься славою Фридриха и обмануться на счетъ силъ своихъ.“ Наполеонъ ежедневно угощалъ Короля и Королеву, но отклонялъ всякое ходатайство ихъ объ уступкѣ областей, которыя онъ хотѣлъ отнять у Пруссіи, и сказалъ графу Гольцу на-отрѣзъ, что все сказанное имъ Королевѣ не что̀ иное какъ фразы ни къ чему его не обязывавшія: «il faut en finir; je dois retourner à Paris» (пора кончить; я долженъ возтратиться въ Парижъ), сказалъ онъ. На прощаньѣ съ Королевою, онъ поднесъ ей розу необычайной красы. Несчастная Луиза медлила принять подарокъ, и наконецъ взяла розу, сказавъ: «Du moins avec Magdebourg» (по крайней мѣрѣ съ Магдебургомъ). Наполеонъ, нехотѣвшій возвратить Пруссіи этотъ важный пунктъ, ключъ теченія Эльбы, грубо отказалъ Луизѣ. „Крѣпости не игрушки,“ сказалъ онъ въ послѣдствіи женѣ своей Іозефинѣ, величаясь твердостью выказанною имъ въ Тильзитѣ ([54]).

Тильзитскій миръ, подобно тому какъ и перемиріе, былъ заключенъ Наполеономъ отдѣльно съ воевавшими противъ него державами. По трактату съ Россіей, подписанному 25-го (7-го) и ратификованному 27-го іюня (9-го іюля), условлено: 1) „Императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ Императору Всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить Королю Прусскому, союзнику Его Величества Императора Всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенныя.“ (За тѣмъ слѣдовало исчисленіе сихъ областей). (Ст. IV-я). 2) Изъ большой части польскихъ областей принадлежавшихъ Пруссіи было составлено Варшавское Гер-

цогство, отданное Королю Саксонскому. (Ст. V-я) *). 1807.
Данцигъ объявленъ военнымъ городамъ, подъ покровительствомъ Королей Прусскаго и Саксонскаго (Ст. VI-я). Для постановленія по возможности естественной границы между Россіею и Варшавскимъ Герцогствомъ, присоединена къ Россіи Бѣлостокская область (Ст. IX-я). 3) Герцогамъ Саксенъ-Кобургскому, Ольденбургскому и Мекленбургъ-Шверинскому возвращены ихъ владѣнія, съ тѣмъ, чтобы гавани двухъ послѣднихъ были заняты французскими войсками до заключенія мира между Англіей и Франціей (Ст. XII-я). 4) Наполеонъ согласился на посредничество Императора Александра въ примиреніи Франціи съ Англіей, съ тѣмъ, что оно будетъ принято Англіей въ продолженіи мѣсяца со дня размѣна ратификаціи Тильзитскаго трактата (Ст. XIII-я). 5) Императоръ Александръ признавалъ братьевъ Наполеона Королями: Іосифа Неаполитанскимъ, Людовика Голландскимъ (Ст. XV-я) и Іеронима Вестфальскимъ (Ст. XVIII-я и XIX-я), а равно титулы и владѣнія, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ членовъ Рейнскаго союза (Ст. XVI-я). 6) Императоръ Александръ уступилъ Королю Голландскому Іеверское Княжество *), между Восточною Фрисландіею и герцогствомъ Ольденбургскимъ (Ст. XVII-я). 7) Императоръ Александръ принялъ посредничество Наполеона въ примиреніи Россіи съ Портою. Положено русскимъ войскамъ очистить Молдавію и

*) Въ началѣ этой статьи, собственноручно вычеркнуты Императоромъ Александромъ слова: «Par une suite du désir exprimé en l'article précédent, S. M. l'Empereur Napoléon consent à ce que»... (Въ слѣдствіе желанія, изъявленнаго въ предъидущей статьѣ, Е. В. Императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы.....).

*) По пресѣченіи мужескаго потомства Ангальтъ-Цербстскаго дома въ 1793 году, Княжество Іеверское досталось Императрицѣ Екатеринѣ II-й, которая дозволила владѣть имъ вдовѣ послѣдняго князя.

1807. Валахію, а Туркамъ не занимать этихъ областей до заключенія мира между Россіею и Турціей (Ст. XXI – XXIII-я). 8) Императоръ Александръ и Наполеонъ взаимно ручались за цѣлость владѣній, какъ своихъ, такъ и тѣхъ, кои содержатся въ семъ трактатѣ (Ст. XXIV-я и XXV-я). 9) Церемоніалъ дворовъ с.-петербургскаго и тюильрискаго установленъ на положеніи совершеннаго равенства (Ст. XXVIII-я) ([55]).

По отдѣльнымъ секретнымъ статьямъ, къ Тильзитскому трактату, постановлено: 1) передать французскимъ войскамъ область Катаро; 2) уступить Наполеону въ полное обладаніе Республику Семи Острововъ; 3) Наполеонъ обязался непреслѣдовать тѣхъ подданныхъ Порты, кои участвовали въ дѣйствіяхъ противъ Французовъ *); 4) Императоръ Александръ обязался признать Короля Неаполитанскаго Іосифа Королемъ Обѣихъ Сицилій, какъ только неаполитанская династія Бурбоновъ получитъ въ вознагражденіе Балеарскіе острова, либо Кандію; 5) принцамъ, лишеннымъ владѣній, а равно и супругамъ ихъ, если они переживутъ мужей своихъ, производить пенсіи, именно: курфирсту гессенъ-кассельскому 200.000 голл. гульденовъ, герцогу брауншвейгскому 100.000 и принцу оранскому 60.000, первымъ двумъ отъ Вестфальскаго Короля Іеронима, а послѣднему отъ Великаго Герцога Бергскаго Мюрата; 6) вдовствующей герцогинѣ ангальтъ-цербстской, пользовавшейся доходами Іеверскаго Княжества, производить пенсію въ 60.000 голл. гульденовъ, отъ Голландскаго Короля Людовика ([56]).

Одновременно съ изложеннымъ договоромъ, былъ заключенъ между Россіею и Франціею союзный трак-

*) При этомъ, русское правительство преимущественно имѣло въ виду обезопасить Черногорцевъ.

татъ, оборонительный и наступательный, слѣдую- 1807.
щаго содержанія: 1) Императоръ Александръ и Наполеонъ обязывались дѣйствовать за-одно, на сушѣ и на морѣ, во всякой войнѣ, которую Франція или Россія будутъ вести противъ какой-либо европейской державы. Въ случаѣ такой войны, они заключатъ особенное условіе о числѣ выставляемыхъ ими войскъ и мѣстахъ дѣйствій; если-же обстоятельства потребуютъ, употребятъ для взаимнаго содѣйствія всѣ свои силы (Ст. I и II). 2) Вести военныя дѣйствія по взаимному соглашенію и не заключать отдѣльнаго мира (Ст. III). 3) Если Англія не приметъ посредничества Россіи, либо, принявъ его, не заключитъ къ 1-му ноября мира, признавъ независимость всѣхъ державъ на моряхъ и возвративъ колоніи завоеванныя ею съ 1805 года у Франціи и ея союзниковъ, то Императоръ Александръ велитъ вручить сенъ-джемскому кабинету ноту съ положительнымъ объявленіемъ (déclaration positive et explicite), что если къ 1-му декабря Англія не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, то русскій посланникъ немедленно потребуетъ свои паспорты (Ст. IV). 4) При отказѣ Англіи, Россія и Франція одновременно пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы, запереть Англичанамъ свои гавани и объявить имъ войну; если-же который-либо изъ сихъ дворовъ не согласится на такое предложеніе, то Россія и Франція объявятъ ему войну, и въ случаѣ разрыва съ Швеціей заставятъ Данію воевать противъ Шведовъ (Ст. V). 5) Россія и Франція настоятельно пригласятъ Австрію приступить къ IV-й статьѣ сего договора (Ст. VI). 6) Ежели Англія, въ опредѣленный срокъ и на помянутыхъ условіяхъ, заключитъ миръ, то возвратитъ Королю Великобританскому Ганноверъ, въ замѣнъ француз-

1807. скихъ, испанскихъ и голландскихъ колоній (Ст. VII). 7) Если Порта не приметъ посредничества Франціи въ примиреніи съ Россіей, либо, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то Императоръ Александръ и Наполеонъ избавятъ отъ ига и притѣсненій Турокъ всю Европейскую Турцію, оставя Султану только Константинополь и Румелію. (..... les deux hautes parties contractantes s'entendront pour soustraire toutes les provinces de l'Empire Ottoman en Europe, la ville de Constantinople et la province de Romélie exceptées, au joug et aux vexations des Turcs) (Ст. VII). 8) Настоящій трактатъ останется въ тайнѣ, и проч. (Ст. IX) (57).

Тильзитскій трактатъ нисколько не унизилъ достоинства Россіи, но заключалъ въ себѣ многія условія, клонившіяся къ тому, чтобы нанести ей вредъ и пріуготовить ея паденіе. Учрежденіе Варшавскаго Герцогства было первымъ шагомъ къ возстановленію Польши, государства издревле враждебнаго Россіи; въ этомъ новомъ созданіи своей маккіавеллиской политики, Наполеонъ видѣлъ орудіе послушное рукѣ его при всякомъ столкновеніи Франціи съ русскимъ колоссомъ. Императоръ Александръ, не смотря на всѣ дружественныя увѣренія Наполеона, проникавшій его виды, былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ, но Наполеонъ старался разсѣять его сомнѣнія, увѣряя, что „Россія, со стороны Запада, должна ограничиться Нѣманомъ, чтобы не возбудить опасеній Европы, и что для Императора Александра выгодно обратить свою дѣятельность на сѣверъ въ Финляндію и на востокъ въ Турцію, и даже въ Индію“ (58).

Желая поселить раздоръ между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ, взаимно связанными столько-же политикою, сколько дружбою, Наполеонъ

объявилъ, что онъ возвращаетъ Королю Прусскому 1807.
большую часть завоеванныхъ у него областей единственно изъ уваженія къ Императору Александру, и уступилъ Россіи бѣлостокскую область, принадлежавшую Пруссіи. Первое глубоко оскорбило гордость прусскаго народа, а второе выказывало Александра присвоителемъ страны, отнятой у его союзника и сподвижника. Александръ, въ высшей степени обладавшій чувствомъ нравственнаго приличія, отказывался отъ пагубнаго дара ему предложеннаго, но Наполеонъ успокоилъ его совѣсть, поставя ему на видъ, что бѣлостокская область, въ случаѣ его отказа, не будетъ возвращена Королю Прусскому, а послужитъ къ увеличенію варшавскаго герцогства (59). Тѣмъ не менѣе однакоже присоединеніе бѣлостокской области, нисколько не увеличившее могущества Россіи, дало поводъ иностраннымъ публицистамъ порицать Императора Александра и внушать недовѣріе къ русскому правительству (60).

Наполеонъ, ненавидя Короля Шведскаго Густава IV, непримиримаго врага своего, и не имѣя возможности вредить прямо Швеціи, возбудилъ противъ нея Россійскаго Монарха. Для этого онъ, въ бесѣдахъ съ Александромъ, выказывалъ Короля опаснѣйшимъ непріятелемъ Россіи, постоянно угрожавшимъ нашей сѣверной столицѣ. „Возьмите Финляндію — говорилъ онъ — въ вознагражденіе издержекъ войны, которую вамъ придется вести противъ Швеціи. Король Шведскій вамъ зять и вашъ союзникъ, но именно по тому онъ и долженъ слѣдовать вашей политикѣ, либо понести наказаніе за свое упрямство. Шведскій Государь можетъ быть вашимъ родственникомъ, союзникомъ, въ настоящую минуту, но *онъ вамъ непріятель географическій.* Петербургъ слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ. Пусть пре-

1807. красныя жительницы Петербурга не слышатъ болѣе изъ дворцовъ своихъ грома шведскихъ пушекъ“ ([61]).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что пріобрѣтеніе Финляндіи, не смотря на бѣдность ея, было весьма полезно для Россіи и желательно Александру; но самое географическое положеніе этой страны, отрѣзанной отъ Швеціи Ботническимъ заливомъ, способствовало Русскимъ завоевать ее, и это, рано или поздно, совершилось-бы непремѣнно и безъ внезапной перемѣны отношеній нашего Государя къ его союзнику, соединенному съ нимъ узами родства. Матеріальная выгода присоединенія Финляндіи была сопряжена съ упадкомъ нравственнаго вліянія Императора Александра и поселила на долго въ Шведахъ недоброжелательство къ Россіи.

Еще важнѣе для Наполеона было то, что война Александра съ Швеціей могла ускорить явный разрывъ Россіи съ Англіей. Доселѣ эти державы были постоянно соединены тождествомъ политическихъ видовъ и выгодами обмѣна русскихъ продуктовъ на англійскіе колоніальные и мануфактурные товары. Наполеонъ, желая расторгнуть эту связь, поставилъ главнымъ условіемъ своего союза съ Императоромъ Александромъ прекращеніе торговли съ Англичанами, что повлекло за собою упадокъ народнаго богатства и финансовый кризизъ въ Россіи. Война съ Англіей была въ высшей степени противна нашему общественному мнѣнію, и Наполеонъ, возбуждая ее, надѣялся не только разсорить своихъ опаснѣйшихъ враговъ, но и поколебать въ русскомъ народѣ преданность правительству.

Такимъ образомъ всѣ уступки, надежды, обѣщанія, данныя Наполеономъ Императору Александру, клонились къ ослабленію Россіи и къ отторженію отъ ней союзниковъ. Пока Наполеонъ надѣялся уло-

вить въ разставленныя имъ сѣти сильнаго соперника, 1807.
до тѣхъ поръ съ самодовольствіемъ выказывалъ передъ своими приближенными Александра, молодымъ, неопытнымъ человѣкомъ, неустоявшимъ противъ обаянія его могучей рѣчи; когда-же онъ убѣдился, что Александръ не позволилъ ему обмануть себя, тогда сталъ жаловаться на двуличіе осторожнаго противника и называть его „Грекомъ Восточной Имперіи" (Grec du Bas-Empire). Изъ этого видно, что Наполеонъ, не соблюдая прямодушія въ сношеніяхъ съ Императоромъ Александромъ, допускалъ только возможность обмануть его, либо самому быть обманутымъ.

И Наполеонъ, въ угоду Александру, пожертвовалъ своими союзниками — Турками, которыхъ самъ увлекъ въ войну противъ Россіи надеждою возвращенія Крыма и обѣщаніями содѣйствія. Онъ обязался отстаивать ихъ интересы при заключеніи мира, но, съ обычною ему изворотливостью, воспользовался паденіемъ Селима, чтобы нарушить данное имъ слово. „Само Провидѣніе — сказалъ онъ Императору Александру — освободило меня отъ обязательствъ въ отношеніи къ Портѣ. Мой союзникъ, мой другъ, султанъ Селимъ низверженъ съ престола въ оковы. Я думалъ, что можно сдѣлать что̀-либо изъ Турокъ, возстановить ихъ духъ, употребить въ пользу ихъ враждебное мужество: это — мечта. Пора кончить съ государствомъ, которое не можетъ существовать, и не позволить Англіи воспользоваться этою добычею" ([62]).

Ежели Тильзитскій миръ, заключенный между Императоромъ Александромъ и Наполеономъ на основаніяхъ совершеннаго равенства, былъ столь невыгоденъ для Россіи, то чего могла ожидать Пруссія отъ высокомѣрнаго завоевателя? „Горе побѣжден-

1807. нымъ!“ сказалъ нѣкогда вождь грубыхъ Галловъ. Предводитель величающагося своимъ просвѣщеніемъ народа поступилъ не лучше съ Пруссіею. По приказанію Наполеона, Талейранъ объявилъ прусскимъ уполномоченнымъ условія мира, назначенныя Императоромъ Французовъ. Оставалось исполнить волю побѣдителя.

Потери Пруссіи были неисчислимы: по трактату, подписанному 27-го іюня (9-го іюля), она утратила около половины своихъ подданныхъ, именно 4.600.000; всѣ прусскія области по лѣвую сторону Эльбы и почти вся страна пріобрѣтенная при раздѣлахъ Польши, были у ней отняты въ пользу Короля Саксонскаго, новаго Короля Вестфальскаго и Россіи; чрезъ Прусскую Силезію, между Саксоніей и варшавскимъ герцогствомъ, проложены военныя дороги, по которымъ проходили саксонскія, польскія и французскія войска; Король Прусскій обязался закрыть свои гавани для англійскихъ судовъ и торговли; наконецъ, очищеніе прусскихъ крѣпостей отъ французскихъ войскъ было опредѣлено особою конвенціей, заключенною въ Кёнигсбергѣ, 30-го іюня (12-го іюля), которая подавала Французамъ, подъ предлогомъ взиманія военной контрибуціи съ Пруссіи, поводъ ко всевозможнымъ притѣсненіямъ и произвольнымъ поборамъ ([63]). Почти до половины 1808 года, жители этой несчастной страны были принуждены содержать на свой счетъ отъ ста до двухъ сотъ тысячъ Французовъ и войскъ Рейнскаго Союза. И какъ будтобы всѣхъ этихъ золъ было недостаточно для подавленія Пруссіи, Наполеонъ счелъ нужнымъ обязать Короля Фридриха-Вильгельма, чтобы, въ продолженіи десяти лѣтъ, вооруженныя силы прусской арміи не превосходили сорока двухъ тысячъ человѣкъ ([64]).

Въ настоящее время, когда память и невзгодъ 1807.
при Аустерлицѣ и Фридландѣ, и Тильзитскаго мира, изгладились Отечественною войною и торжествомъ Александра надъ его противникомъ, любопытно прослѣдить, какое впечатлѣніе сдѣлалъ этотъ неожиданный миръ на Русскихъ, принявшихъ за два года лишь предъ тѣмъ на себя ролю защитниковъ угнетенной Европы? Наполеонъ, побудивъ насъ сдѣлаться сподвижниками своей политики, щадилъ всевозможно и нашу народную гордость, и самолюбіе нашего Государя, который, съ своей стороны оказывалъ бывшему врагу знаки искренняго уваженія. Въ самый день ратификаціи мирнаго и союзнаго трактата, 27-го іюня (9-го іюля), Императоръ Александръ и Наполеонъ обмѣнялись орденами. Государь пожаловалъ Андреевскія ленты Мюрату, Талейрану и Бертьѐ, а Наполеонъ — Почетнаго Легіона: Цесаревичу Константину Павловичу, князю Куракину, князю Лобанову и барону Будбергу. Тогда-же Наполеонъ изъявилъ намѣреніе пожаловать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ русскихъ солдатъ. Полковникъ Козловскій вызвалъ изъ рядовъ Преображенскаго баталіона перваго по ранжиру солдата, Лазарева. Наполеонъ снялъ съ себя крестъ Почетнаго Легіона, надѣлъ его на Лазарева и приказалъ выдавать ему ежегодно по 1,200 франковъ. Императоръ Александръ, съ своей стороны, послалъ Наполеону знакъ отличія Военнаго ордена для храбрѣйшаго изъ французскихъ солдатъ. (Въ послѣдствіи, Коленкуръ, будучи посломъ въ Петербургѣ, приглашалъ Лазарева къ себѣ на балы и обѣды). Въ тотъ-же день, баталіонъ наполеоновой гвардіи угощалъ на полѣ обѣдомъ всѣхъ солдатъ Преображенскаго баталіона на серебряныхъ приборахъ. Императоръ Александръ хотѣлъ также угостить фран-

1807. цузскихъ гвардейцевъ, но у насъ не нашлось приборовъ. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ съ неудовольствіемъ оберъ-гофмаршалу графу Толстому: „возьми хоть по 25-ти червонцевъ на человѣка, но сдѣлай обѣдъ". Графъ Толстой, съ отличавшею его рѣзкою откровенностью, отвѣчалъ Государю: „такъ развѣ прикажете положить эти червонцы передъ каждымъ солдатомъ? Приборовъ у насъ всего двѣнадцать; Вы сами не велѣли больше брать съ собою въ походъ". Вообще, во все время пребыванія въ Тильзитѣ, Русскіе были гостями Французовъ ([65]).

Императоръ Александръ зналъ настоящую цѣну угожденіямъ Наполеона, хотя нѣкоторые изъ Русскихъ, тогда находившихся въ Тильзитѣ, были ослѣплены шумихою лести. Генералъ Будбергъ писалъ, между прочимъ, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, графу Александру Никол. Салтыкову: „судя по тому, что̀ произошло здѣсь до сихъ поръ, можемъ надѣяться, что это достопамятное событіе будетъ имѣть самыя удовлетворительныя послѣдствія" ([66]). Князь Лобановъ до того величался своимъ участіемъ въ заключеніи Тильзитскаго мира, что пріобрѣлъ нелестное для себя прозваніе „князя мира". Но ближайшіе сподвижники Государя смотрѣли иначе на внезапную перемѣну нашей политики; въ особенности-же Новосильцовъ, постоянный поборникъ союза съ Англіей, нескрывалъ, что новая политическая система русскаго правительства была противна его убѣжденію: когда Императоръ Александръ, увидѣвъ Новосильцова, сказалъ ему: „Ну, я принялъ Почетный Легіонъ", онъ отвѣчалъ Государю: „Теперь, оставаясь на службѣ, я могъ-бы повредить новому союзу Вашего Величества и новой Вашей политикѣ. Наполеону извѣстны моя личная къ нему вражда и моя пріязнь къ Англіи; слѣдственно, покамѣстъ я при

Васъ, онъ не можетъ полагаться на искренность Вашихъ чувствъ, а потому, чтобы упрочить довѣріе новаго Вашего союзника, Вамъ никакъ нельзя долѣе держать меня при себѣ. Вы, напротивъ, должны меня прогнать, и прогнать гласно". Императоръ Александръ несдѣлалъ этого, но, тѣмъ не менѣе, Новосильцовъ постепенно лишился всѣхъ своихъ докладовъ Государю и доступа къ нему; считая себя обиженнымъ, онъ гласно порицалъ податливость нашего двора Наполеону и разрывъ съ Англіей. Нѣсколько неосторожныхъ словъ имъ сказанныхъ, гдѣ-то на публичномъ обѣдѣ, переполнили мѣру терпѣнія снисходительнаго Александра, и Новосильцовъ былъ принужденъ уѣхать за границу. Кочубей, въ ноябрѣ 1807 года, получилъ увольненіе, подъ предлогомъ болѣзни, въ безсрочный отпускъ. Графъ Строгановъ, видя невозможность оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ Государю, предпочелъ мечь перу, еще при началѣ кампаніи 1807 года, и получивъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, за блистательный подвигъ въ отрядѣ Платова, орденъ Георгія 3-го класса, по заключеніи Тильзитскаго мира, былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Причину удаленія товарищей юности Александра слѣдуетъ приписать не столько измѣненію его внѣшней политики, сколько нравственному перевороту, происшедшему въ немъ самомъ, послѣ Тильзитскаго свиданія. Многократныя продолжительныя бесѣды съ тѣмъ, кого современники на-перерывъ провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, должны были способствовать развитію самостоятельности Александра и показать ему въ настоящемъ видѣ благородныхъ, но мало опытныхъ и невсегда достаточно дальновидныхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде считалъ онъ 1807.

1807. умами превосходными. Въ послѣдствіи, они снова были призваны къ государственной дѣятельности, но прежнее высокое значеніе ихъ при Государѣ уже никогда не возобновлялось.

Паденіе этихъ любимцевъ и перемѣна нашей внѣшней политики на первый разъ увеличили и безъ того уже сильное вліяніе графа Николая Александр. Толстаго и его приверженцевъ. Болѣзнь барона Будберга послужила предлогомъ къ его увольненію. Министерство иностранныхъ дѣлъ, послѣ краткаго управленія князя Александра Никол. Салтыкова, было ввѣрено, сперва временно (въ сентябрѣ 1807 г.), а потомъ и окончательно (въ февралѣ 1808 г.) графу Никол. Петров. Румянцеву, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранилъ и прежнее свое министерство коммерціи. Его назначеніе было новымъ торжествомъ для французской партіи и для всѣхъ тѣхъ, которые, увлекаясь фетишизмомъ къ Наполеону, считали всякую борьбу съ нимъ невозможною. Напротивъ того, гласъ народа, не всегда гласъ божій, но тогда вѣрно сознававшій силы и средства Россіи, желалъ, чтобы смыто было пятно Тильзитскихъ уступокъ. Оскорбленная народная гордость требовала новой войны, а благопріятное расположеніе къ Франціи графа Румянцева подавало пищу неудовольствію и насмѣшкамъ. Присланный Наполеономъ, въ качествѣ резидента при нашемъ дворѣ, генералъ Савари былъ принятъ съ ледяною холодностью въ высшемъ обществѣ Петербурга и только-лишь ласковое обращеніе съ нимъ Императора Александра, сдѣлавшагося, или казавшагося, вполнѣ расположеннымъ къ Наполеону, заставило нашу аристократію измѣнить обращеніе съ клевретомъ ненавистнаго Русскимъ „Бонапарте".

Неудачныя войны и еще болѣе неудачный Тиль-

зитскій миръ усилили неудовольствіе на благонамѣренныя, но большею частью безуспѣшныя, реформы Императора Александра. Однѣ изъ нихъ затрогивали частные интересы многихъ лицъ; другія, будучи искажены ошибочнымъ выборомъ дѣятелей и превратнымъ исполненіемъ задуманныхъ соображеній, возбуждали невыгодные толки о видахъ правительства и преимущественно о самомъ Александрѣ (67). Современники пишутъ, что „битва при Аустерлицѣ оказала замѣтное вліяніе на его характеръ, что, до того времени, онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а послѣ сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, недоступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду“ (68). Шведскій посланникъ Штедингъ доносилъ своему Государю: „Вообще неудовольствіе противъ Императора болѣе и болѣе возрастаетъ, и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать. Люди, преданные Государю, въ отчаяніи, но между ними нѣтъ никого, ктобы съумѣлъ пособить бѣдѣ и отважился объяснить ему вполнѣ опасность его положенія. Нетолько въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ, толкуютъ о перемѣнѣ правленія“, и проч. (69). И Вигель, въ своихъ запискахъ, не всегда безпристрастный въ отношеніи лицъ, но почти всегда справедливый въ изображеніи общества, говоритъ: „На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, Тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что̀ иное, какъ признаніе его надъ собою власти“. За тѣмъ, упомянувъ о внезапномъ измѣненіи въ народѣ чувства нѣжнѣйшей любви къ обожаемому доселѣ Александру, Вигель справедливо порицаетъ такое непостоянство. По словамъ его: „Все, что̀ человѣкъ, нерожденный полководцемъ, мо- 1807.

1807. жетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ Императоръ Александръ: что̀ оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею, новосформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ его Государства? Что̀ сказали-бы Русскіе, еслибъ за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ, тяжкомъ для его сердца примиреніи, развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ неумѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно на-равнѣ съ побѣдителемъ, и тутъ явиться еще покровителемъ Короля Прусскаго? Такимъ-ли бѣдствіямъ, такимъ-ли униженіямъ подвергалъ себя Императоръ Францъ II? Что̀ дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили". Необходимы были неслыханныя бѣдствія и вѣчная слава послѣдующей Отечественной войны, чтобы снова привлечь къ Александру сердца̀ его подданныхъ!

Императоръ Александръ, при заключеніи Тильзитскаго мира, могъ сдѣлать ошибки. Какъ человѣкъ неопытный въ трудномъ дѣлѣ войны, онъ могъ ошибиться въ разсчетѣ всѣхъ вѣроятныхъ послѣдствій вторженія Наполеона въ Россію. Полководецъ, коему суждено было играть важную роль въ событіяхъ 1812 года, еще до переговоровъ въ Тильзитѣ, указывалъ вѣрнѣйшій способъ дѣйствій къ истребленію наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи. По мнѣнію Барклая де-Толли, надлежало русскимъ арміямъ, по переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ, отступать къ Москвѣ, опустошая пройденную страну и избѣгая генеральнаго сраженія, до тѣхъ поръ, пока непріятель, ослабленный труднымъ походомъ, найдетъ другую Полтаву (70). Такой планъ дѣйствій могъ быть

исполненъ въ 1807 году, когда Наполеонъ считалъ въ рядахъ своихъ неболѣе 200,000 человѣкъ, съ большею вѣроятностью успѣха, нежели въ 1812 году, противъ полумилліонной арміи. Но Императоръ Александръ обсуживалъ это дѣло не съ хладнокровіемъ закалившагося въ бояхъ полководца, а съ горячими чувствами любви и состраданія къ своимъ подданнымъ. Еслибы даже ему былъ извѣстенъ въ то время планъ Барклая, то едвали-бы онъ рѣшился его исполнить. Его нѣжная душа была-бы растерзана картиною неминуемаго разоренія многихъ областей, пожара цвѣтущихъ городовъ и мирныхъ селъ, гибели цѣлыхъ семействъ лишенныхъ крова. Александръ предупредилъ всѣ эти бѣдствія, отсрочивъ на годы развязку міровой драмы, и не намъ упрекать его память въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ Тильзитскаго мира. 1807.

ГЛАВА XXI.

Свиданіе въ Эрфуртѣ (1808 г.).

1805—1807. Тильзитскій миръ не доставилъ Россіи спокойствія: она осталась въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Турціею и Персіей, воевала на Кавказѣ и въ слѣдующемъ году начала войну противъ Швеціи.

Важнѣйшія преобразованія по военной части, по заключеніи сего мира, были слѣдующія:

Во 1-хъ, всѣ артиллерійскія бригады, кромѣ 19-й, 20-й и Сибирской, (въ числѣ 26-ти сообразно числу дивизій), приведены въ одинаковый составъ, именно: двухъ батарейныхъ, двухъ легкихъ, одной конной и одной понтонной ротъ (1).

Во 2-хъ, изъ трехъ гарнизонныхъ баталіоновъ, отличившихся храброю защитою Данцига, сформированъ Бѣлостокскій мушкетерскій полкъ (2).

Повелѣно производить штабъ и оберъ-офицерамъ, уволеннымъ отъ службы за ранами и увѣчьемъ, въ пенсіонъ по смерть полное жалованье по чинамъ ихъ, а для призрѣнія раненыхъ и увѣчныхъ нижнихъ чиновъ, не могущихъ продолжать службы, ни въ полевыхъ войскахъ, ни въ гарнизонахъ, устроить инвалидные домы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и Курскѣ, подъ вѣдѣніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія (3).

Распущена милиція, кромѣ подвижной части ея, которая поступила на укомплектованіе арміи и зачтена вмѣсто рекрутъ (4). Тогда-же нижніе воинскіе чины, вызванные на службу въ началѣ февраля 1807 года, обращены на прежнія ихъ жилища, съ выдачею не въ зачетъ третнаго оклада и кормовыхъ денегъ (5). 1805—1807.

Въ началѣ 1808 года, Императорскій баталіонъ милиціи, сформированный изъ удѣльныхъ крестьянъ, причисленъ къ гвардіи (6), и вскорѣ послѣ того названъ Лейбъ-гвардіи Финскимъ баталіономъ (7).

Война противъ Турокъ, начавшаяся еще въ 1806-мъ году, была послѣдствіемъ происковъ Наполеона. Несмотря на экспедицію его въ Египетъ, страну издревле принадлежавшую Оттоманской Портѣ, и на занятіе въ 1805 году французскими войсками Рагузы, состоявшей подъ покровительствомъ Султана, турецкое правительство, послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, уступая домогательствамъ Франціи, вопреки англійскому и русскому резидентамъ, признало Наполеона въ санѣ Падишаха (Императора). Тогда-же Наполеонъ послалъ въ Константинополь генерала Себастіани, человѣка ловкаго, дѣятельнаго и знакомаго съ тамошними дипломатами; ему было поручено разсорить Порту съ Россіею и Англіей. Первоначальныя его интриги неимѣли успѣха. Собственноручное письмо Наполеона къ Султану Селиму, полное упрековъ, за его пристрастіе къ Россіи и за свободу плаванія на турецкихъ водахъ судовъ подъ русскимъ флагомъ, было сообщено Портою Императору Александру. Но, не смотря на справедливое недовѣріе Турокъ къ Наполеону, вкрадчивый Себастіани умѣлъ воспользоваться современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ. Султанъ Селимъ, постигавшій необходимость преобразовать

1805—1807. устройство клонящейся къ паденію своей Имперіи, предпринялъ нѣкоторыя реформы по военной части. Для устройства войскъ по европейскому образцу, такъ называемыхъ „низамъ-джедитовъ" и „сеймендовъ", необходимы были руководители и инструкторы; Себастіани снабдилъ Турокъ даровитыми французскими офицерами. Не трудно было ему, лаская любимую мечту Султана — возрожденія угасшей славы его предковъ — пріобрѣсти его довѣріе и выказать происшедшее тогда возстаніе Сербовъ предвѣстіемъ враждебныхъ замысловъ молдавскаго и валахскаго господарей противъ Оттоманской Порты. Въ началѣ августа 1806 года, получено было въ Константинополѣ извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Франціей. Султанъ, думая воспользоваться возстановленіемъ дружбы между покровительствующими его державами, для угожденія Наполеону, немедленно смѣнилъ обоихъ господарей — молдавскаго, Мурузи, и валахскаго, Ипсиланти.

Выше уже сказано, что мирный трактатъ, заключенный нашимъ дипломатомъ Убри, въ іюлѣ 1806 года, не былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ. Во всякомъ случаѣ, Россія имѣла право недопустить смѣны господарей, бывшей со стороны Турціи явнымъ нарушеніемъ ясскаго трактата 1791 года, на основаніи котораго они опредѣлялись на семь лѣтъ, и Порта не должна была смѣнять ихъ раньше этого срока безъ нашего согласія ([8]). Императоръ Александръ повелѣлъ русскому послу въ Царьградѣ Италинскому поставить на видъ Дивану несоблюденіе имъ договоровъ съ Россіей, и тогда-же, для приданія вѣса нашему протесту, была направлена къ Днѣстру *Южная* армія, подъ начальствомъ генерала Михельсона ([9]). Въ нотѣ, врученной Дивану Италинскимъ, Императоръ Александръ требовалъ: 1) воз-

становленія господарей и торжественнаго признанія 1805—1807. правъ, пріобрѣтенныхъ княжествами Молдавіею и Валахіей; 2) права проходить чрезъ Константинопольскій и Дарданельскій проливы русскимъ судамъ, военнымъ и купеческимъ, назначеннымъ въ Средиземное море, и 3) обузданія насильственныхъ поступковъ Али-паши Янинскаго противъ Іонической Республики. Султанъ, колеблясь между страхомъ внушаемымъ Россіею и домогательствами Себастіани, возвратилъ господарское достоинство князьямъ Ипсилати и Мурузи, но на прочія требованія Италинскаго не далъ никакого отвѣта.

Какъ въ то время Пруссія, уже стоявшая на краю гибели, имѣла крайнюю нужду въ помощи, то Императоръ Александръ повелѣлъ корпусу Эссена 1-го, находившемуся въ составѣ Южной арміи, двинуться къ нашимъ западнымъ границамъ; а генералу Михельсону, оставя 10,000 человѣкъ по лѣвую сторону Днѣстра, вступить съ 20,000 человѣкъ въ Дунайскія княжества ([10]). Въ ноябрѣ 1806 года, русскія войска осадили Хотинъ и Бендеры и заняли Яссы. Турки, узнавъ о томъ, прекратили сношенія съ нашею миссіей и обратились къ посредничеству англійскаго посла въ Константинополѣ, Эрбутнота, который отнесся прямо къ Михельсону, прося его не подавать повода къ войнѣ. Тогда-же Себастіани всячески возбуждалъ Турокъ арестовать Италинскаго и посадить его въ Семибашенный замокъ, но Эрбутнотъ далъ средство Италинскому уѣхать изъ Константинополя.

Въ концѣ 1806 года, русскія войска взяли Хотинъ и Бендеры и заняли Молдавію и Валахію, но не успѣли овладѣть Измаиломъ. Не смотря на то, что враждебныя дѣйствія между Россіею и Портою были въ полномъ разгарѣ, Турки не рѣшались объ-

1805—1807. явить намъ войну. Причиною, заставлявшею ихъ уклоняться отъ явнаго разрыва съ Русскими, несмотря на интриги Себастіани, было внутреннее состояніе Турціи, волнуемой междуусобіемъ и мятежами; многіе изъ пашей открыто стремились къ независимости отъ Порты: Али-паша янинскій готовился утвердить свое владычество надъ всею Албаніей; сераскиръ видинскій Пасванъ-Оглу, слывшій между Турками защитникомъ исламизма и вѣковыхъ обычаевъ, еще съ 1797 года сдѣлался независимымъ, опустошалъ Валахію и заставилъ слабый Диванъ возвести его въ достоинство трехъ-бунчужнаго паши; разбойникъ Пегливанъ долго свирѣпствовалъ въ Булгаріи, а потомъ принявъ на себя оборону Измаила, и отстоявъ его, также сдѣлался трехъ-бунчужнымъ пашею. Мехмедъ-Али въ Египтѣ и Джезаръ-паша въ Сиріи распоряжались по собственному произволу. Славянскіе народы, подвластные Портѣ, не скрывали своей преданности Императору Александру. Для противодѣйствія всѣмъ этимъ непріятелямъ, у Порты не было никакихъ средствъ: янычары, утративъ свою древнюю доблесть, сдѣлались грозою мирныхъ жителей и самого правительства, а регулярныя войска формировались весьма медленно и возбуждали противъ себя ненависть всѣхъ фанатиковъ исламизма. И по тому неудивительно, что Турки, извѣдавъ на опытѣ превосходство надъ собою русскихъ войскъ, неохотно приступали къ новой борьбѣ. Но когда Михельсонъ вступилъ въ Бухарестъ, Себастіани и преданный ему Мустафа-Байрактаръ превозмогли апатію Дивана, и 18 (30) декабря 1806 года была торжественно объявлена война Россіи и выставлено знамя Мухамеда.

До того времени Эрбутнотъ оставался посредникомъ, безпристрастнымъ свидѣтелемъ событій со-

КАРТА
ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ДѢЙСТВІЙ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1806—1812 г.

Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 50 верс.

25 50 100 150 200

вершавшихся въ Константинополѣ, но едва лишь 1805—1807.
послѣдовалъ явный разрывъ съ Россіей, какъ англійскій посланникъ потребовалъ отъ Дивана возвращеніе Италинскаго, высылку изъ Царьграда генерала Себастіани, возобновленіе трактатовъ съ Англіею и Россіей и свободный пропускъ чрезъ проливы англійскихъ кораблей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Эрбутнотъ объявилъ, что, въ случаѣ несоглашенія на эти условія, онъ оставитъ Константинополь и отплывъ къ англійской эскадрѣ стоявшей у Тенедоса, возвратится съ нею къ столицѣ султановъ и заставитъ силою исполнить свои требованія. Дѣйствительно въ то время эскадра, изъ восьми кораблей и нѣсколькихъ меньшихъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Дукворта (Duckworth), находилась у Тенедоса, и Эрбутнотъ, прибывъ къ ней, въ концѣ генваря 1807 года, выжидалъ только южнаго вѣтра для приведенія въ исполненіе угрозъ своихъ. Въ то время, Дарданельскій проливъ, имѣющій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе полуторы версты въ ширину, и по тому удобный къ оборонѣ, былъ весьма дурно укрѣпленъ и вооруженъ. Пользуясь тѣмъ, Дуквортъ проплылъ 7 (19) февраля чрезъ проливъ, съ потерею всего-на-все около сорока человѣкъ убитыми и ста ранеными, уничтожилъ при входѣ въ Мраморное море турецкую эскадру и 9 (21) бросилъ якорь въ виду сераля. Пораженные ужасомъ, Турки потеряли голову; Султанъ послалъ просить французское посольство, для сохраненія мира, оставить городъ, но Себастіани ободрилъ его. „Могутъ-ли Англичане — сказалъ онъ Султану — безъ десантныхъ войскъ овладѣть городомъ, въ которомъ не менѣе 600,000 жителей?“ По совѣту французскаго посланника, Султанъ открылъ переговоры съ Эрбутнотомъ, который, вмѣсто того, чтобы поддержать свои тре-

1807. бованія нѣсколькими бомбами брошенными въ городъ, удалился съ флотомъ къ острову Принцевъ, у азіятскаго берега. Бездѣйствіе Англичанъ дало время генералу Себастіани вооружить батареи у города и важнѣйшіе пункты Дарданеллъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось: вмѣсто угроженія Константинополю, Дуквортъ долженъ былъ помышлять о томъ, чтобы уйти обратно съ наименьшими потерями. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ и сильнымъ теченіемъ водъ изъ Мраморнаго моря, онъ прошелъ обратно чрезъ проливъ, 20-го февраля (4-го марта), подъ сильнымъ, но дурно направленнымъ огнемъ турецкихъ фортовъ, съ потерею до 600 человѣкъ, и возвратился къ Тенедосу. Три дня спустя, вице-адміралъ Сенявинъ, прибывъ туда-же, съ десятью кораблями и нѣсколькими меньшими судами, предложилъ Дукворту возобновить покушеніе на Константинополь и вызвался идти туда, если англійскій адміралъ поддержитъ его частью своего флота. Но Дуквортъ не согласился на его предложеніе.

Императоръ Александръ, не одобривъ чрезвычайныхъ требованій Эрбутнота, поручилъ Михельсону объявить Дивану, что русскія войска будутъ выведены изъ Дунайскихъ Княжествъ, какъ только Порта вышлетъ французскаго посланника изъ Константинополя и возстановитъ всѣ постановленія прежнихъ трактатовъ съ Россіею ([11]). Быть можетъ, эти миролюбивыя внушенія увѣнчались-бы успѣхомъ, еслибы Себастіани не помѣшалъ тому преувеличенными извѣстіями о побѣдахъ Наполеона надъ Союзниками въ Польшѣ и о готовности его поддержать Султана всѣми своими силами. Для побужденія Турокъ къ исполненію требованій русскаго правительства, какъ они ни были умѣренны, надлежало нанести Портѣ чувствительные удары. Михельсонъ,

имѣвшій въ своемъ распоряженіи весьма ограниченныя силы, и потому принужденный дѣйствовать оборонительно, рѣшился, для пріобрѣтенія опорнаго пункта на лѣвомъ крылѣ арміи, овладѣть Измаиломъ. Но посланный съ значительнымъ отрядомъ къ сей крѣпости, генералъ Мейендорфъ встрѣтилъ въ Пегливанѣ дѣятельнаго противника, который, вмѣсто того, чтобы запереться въ Измаилѣ, вышелъ оттуда и оспоривалъ намъ шагъ за шагомъ. Самъ Михельсонъ, неуспѣвъ овладѣть Журжею, отправился къ Измаилу. Нерѣшительныя и неудачныя дѣйствія русскихъ войскъ противъ дунайскихъ крѣпостей неимѣли пагубныхъ послѣдствій только по тому, что все управленіе Турціи находилось въ крайнемъ разстройствѣ. Самъ Султанъ принужденъ былъ угождать своевольнымъ янычарамъ. Когда-же въ Константинополѣ распространился слухъ о намѣреніи правительства преобразовать ихъ въ низамъ-джедитъ, они составили заговоръ и собрались, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, на обширномъ лугу, у деревни Буюкъ-дере. Султанъ, устрашенный возстаніемъ, обѣщалъ исполнить всѣ требованія мятежниковъ, если они разойдутся по домамъ. Такая податливость имѣла гибельныя послѣдствія: улемы и муфти осудили всѣ преобразованія предпринятыя Султаномъ и объявили его отступникомъ исламизма. Ободренные ихъ поддержкою, янычары овладѣли столицею, истребили главныхъ поборниковъ реформы, и низложивъ Селима, объявили султаномъ его двоюроднаго брата Мустафу. 1-го (13-го) іюня, новый Султанъ, опоясавъ себя мечемъ Мухамеда, принялъ имя Мустафы IV-го. 1807.

Бездѣйствіе Михельсона ободрило Турокъ и заставило ихъ предпринять наступленіе въ Валахію. Въ половинѣ (въ послѣднихъ числахъ) мая, верхов-

1807. ный визирь, съ 40,000 человѣкъ, перейдя черезъ Дунай у Силистріи, выслалъ авангардъ, въ 15,000 человѣкъ, къ селенію Обилешти, въ 50-ти верстахъ отъ Бухареста, куда въ тоже время готовился идти отъ Журжи Мустафа-Байрактаръ съ 13,000 человѣкъ. Жители Бухареста считали себя погибшими, но Милорадовичъ, занимавшій съ 4,500 человѣкъ городъ, выступилъ къ Обилешти, разбилъ на-голову непріятельскій авангардъ, 2 (14) іюня, и заставя Турокъ отказаться отъ ихъ покушенія, возвратился въ Бухарестъ, торжественно встрѣченный спасенными имъ жителями города ([12]).

Дѣйствія русскаго флота противъ Турокъ, благодаря предпріимчивости Сенявина, были славны. Овладѣвъ островомъ Тенедосомъ, у входа въ Дарданеллы, онъ прервалъ доставку запасовъ съ юга въ столицу султановъ. Высланный противъ него почти съ двойнымъ флотомъ, капитанъ-паша Сеидъ-Али, столь храбро сражавшійся противъ Ушакова въ 1791 году, потерпѣвъ пораженіе 23-го марта (4 апрѣля) у Дарданеллъ, покушался овладѣть Тенедосомъ. но Сенявинъ выручилъ тамошнюю крѣпость, мужественно обороняемую двумя некомплектными баталіонами Козловскаго полка противъ десяти-тысячнаго дессанта, и разбилъ непріятельскій флотъ, при Аѳонской горѣ, 19-го іюня (1-го іюля). Турецкій дессантъ частью былъ истребленъ, частью положилъ оружіе, а капитанъ-паша съ остальными кораблями ушелъ къ острову Имбросу. Сенявинъ, котораго флотъ состоялъ изъ ветхихъ кораблей, не могъ долго держаться въ морѣ и для исправленія поврежденій отплылъ въ Корфу ([13]).

Новый Султанъ объявилъ намѣреніе продолжать войну противъ Россіи и Англіи, но положеніе Турціи, день ото дня, дѣлалось мрачнѣе. Русскіе вошли въ сношеніе съ воинственнымъ предводителемъ

Сербовъ, Георгіемъ Чернымъ. Надежды Турокъ на содѣйствіе Французовъ были уничтожены Тильзитскимъ трактатомъ. Пока Наполеонъ велъ войну противъ Императора Александра, Талейранъ манилъ Порту возвращеніемъ Крыма и старался убѣдить прибывшаго въ Финкенштейнъ турецкаго посла, чтобы онъ предоставилъ Французамъ вести переговоры съ Русскими отъ имени Султана; но восточный дипломатъ отклонилъ это предложеніе. Тильзитскій миръ вполнѣ оправдалъ его осторожность. Генералъ Гильемино, посланный Наполеономъ въ Константинополь, подъ предлогомъ содѣйствія при заключеніи перемирія и выводѣ войскъ обѣихъ сторонъ изъ Дунайскихъ княжествъ, получилъ инструкцію: „оказывать всячески пособіе Россіи, не только офиціально, но и на дѣлѣ" (14). Но, по всей вѣроятности, Наполеонъ секретно далъ ему инструкцію иного рода, потому что онъ намъ не помогалъ, а портилъ своимъ вмѣшательствомъ. „Слава Богу — писалъ нашъ уполномоченный Лошкаревъ Михельсону, по заключеніи перемирія — что и такъ удалось кончить. Еслибы одному быть съ Туркомъ, то конечно лучшебъ было; няньку-же имѣть трудно". По возвращеніи Гильемино, изъ Константинополя въ Слободзею, близъ Журжи, былъ подписанъ, 12 (24) августа, тайнымъ совѣтникомъ Лошкаревымъ и Галибомъ-Эфенди, договоръ о перемиріи до 22-го марта (3-го апрѣля) 1808 года. Русскіе обязались очистить княжества въ продолженіи 35-ти дней и возвратить Тенедосъ, а Туркамъ воспрещенъ былъ доступъ на лѣвую сторону Дуная, за исключеніемъ занятія ихъ войсками по прежнему крѣпостей Измаила, Браилова и Журжи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному настоянію Императора Александра, Турки, хотя и съ трудомъ, однакоже согласились „не предпринимать никакихъ враж- 1807.

1807. дебныхъ дѣйствій у Виддина и Фетъ-Ислама, противъ Сербовъ“ ([15]).

Въ продолженіи переговоровъ о перемиріи, послѣдовала кончина генерала Михельсона, 5 (17) августа. Старшій по немъ, генералъ Мейендорфъ, принявъ временно начальство надъ арміей, утвердилъ перемиріе и немедленно приступилъ къ очищенію Дунайскихъ княжествъ и Сербіи. Но едва лишь русскія войска выступили съ занимаемыхъ ими мѣстъ, какъ Турки перешли въ различныхъ пунктахъ на лѣвую сторону Дуная, заняли Галацъ и стали грабить валахскихъ жителей.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о смерти Михельсона, назначилъ на его мѣсто 75-тилѣтняго фельдмаршала князя Прозоровскаго, придавъ ему помощникомъ, по собственной его просьбѣ, Кутузова. Вслѣдъ за тѣмъ, Государь, узнавъ о ратификаціи Мейендорфомъ условій Слободзейскаго перемирія, не одобрилъ продолженія его до весны 1808 года, потому что Турки не могли вскорѣ получить подкрѣпленія, а мы имѣли средства усилить нашу армію во всякое время. Въ другой статьѣ перемирія было условлено возвратить корабли, захваченные съ обѣихъ сторонъ. Императоръ Александръ сдѣлалъ замѣчаніе, что „несогласно было-бы со славою россійскаго оружія возвращать трофеи, пріобрѣтенные кровью и храбростью войскъ нашихъ, чему и при всѣхъ прежнихъ договорахъ не случалось примѣровъ“. Тогда-же предписали Мейендорфу пріостановить выступленіе войскъ изъ Княжествъ до прибытія Прозоровскаго ([16]), который, отъѣзжая въ армію, получилъ Высочайшее повелѣніе объявить турецкимъ уполномоченнымъ, что онъ соглашается утвердить перемиріе только въ такомъ случаѣ, если они примутъ два условія: во 1-хъ, чтобы не возвращать

Туркамъ взятыхъ у нихъ кораблей, и во 2-хъ, чтобы 1807.
каждая изъ воюющихъ сторонъ имѣла право возобновить дѣйствія во всякое время, черезъ 35 дней послѣ объявленія о прекращеніи перемирія. Визирь несоглашался на измѣненіе Слободзейскихъ условій, а между тѣмъ, войска обѣихъ сторонъ, разобщенныя одни отъ другихъ Дунаемъ, стояли спокойно на зимнихъ квартирахъ, въ ожиданіи результата переговоровъ, веденныхъ въ Парижѣ, при посредничествѣ Наполеона, объ уступкѣ намъ Дунайскихъ княжествъ. Въ концѣ года, русская армія, будучи усилена четырьмя дивизіями и многими донскими полками, состояла въ числѣ болѣе 80,000 человѣкъ, но дряхлый Прозоровскій считалъ и эти силы недостаточными для веденія наступательной войны. Императоръ Александръ, наконецъ убѣдясь, что Наполеонъ, озабоченный дѣлами Пиренейскаго полуострова, неимѣлъ средствъ принять участіе въ войнѣ на Дунаѣ, рѣшился открыть прямыя сношенія съ Портою безъ посредничества Франціи. Фельдмаршалъ, по повелѣнію Государя, вступилъ въ переговоры съ сераскиромъ рущукскимъ Мустафою-Байрактаромъ, который, будучи преданъ сверженному съ престола Селиму, охотно принялъ изъявленіе миролюбивыхъ видовъ русскаго правительства, и пользуясь все еще продолжавшимся перемиріемъ, двинулся съ 15,000 человѣкъ, совершенно ему преданныхъ, къ Адріанополю. Тамъ стояла сильная армія, подъ начальствомъ великаго визиря, враждебнаго падшему султану, и потому Байрактаръ скрывалъ отъ визиря свои намѣренія и побудилъ его идти вмѣстѣ съ собою на Царьградъ, подъ предлогомъ усмиренія своевольныхъ янычаръ. По прибытіи въ столицу, Байрактаръ усилилъ свой корпусъ нѣсколькими тысячами матросовъ, заставилъ Султана Му-

1807. стафу ввѣрить ему начальство надъ всѣми войсками, отрѣшилъ визиря и, захвативъ въ свои руки верховную власть, сбросилъ личину и 16 (28) іюля потребовалъ отъ Султана, чтобы онъ уступилъ престолъ Селиму. Отвѣтомъ ему была переброшенная черезъ стѣну сераля голова царственнаго узника. Неуспѣвъ возстановить любимаго Государя, Байрактаръ могъ только отмстить за гибель его. Мустафа IV былъ заключенъ въ темницу; султаномъ провозглашенъ братъ его Махмудъ; визирь, муфти и многіе приверженцы падшаго властителя обезглавлены. Не долго однако-же длилось господство Байрактара; янычары, ненавидѣвшіе его за покровительство низамъ-джедиту, возстали противъ него въ ночь съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е) ноября. Послѣ мужественнаго сопротивленія, онъ погибъ; Константинополь сдѣлался добычею мятежниковъ. Янычары хотѣли убить Махмуда, но когда, по его приказанію, былъ преданъ смерти Мустафа, Махмудъ остался единственнымъ потомкомъ Оттоманской династіи и этому обстоятельству единственно былъ обязанъ спасеніемъ своимъ.

Весьма естественно, что въ такихъ обстоятельствахъ, при смутахъ, потрясавшихъ въ самомъ основаніи Турецкую Имперію, при недовѣріи къ Франціи, возбужденномъ въ Константинополѣ Тильзитскимъ миромъ, при щедрыхъ обѣщаніяхъ и надеждахъ, поданныхъ Наполеономъ Императору Александру, наше правительство было убѣждено, что присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ Княжествъ не могло встрѣтить никакихъ важныхъ препятствій. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцовъ, поборникъ союза съ Франціей, неодобряемаго нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, видѣлъ въ пріобрѣтеніи Молдавіи и Валахіи единственное средство къ оправ-

данію своей политики. Говоря о томъ съ дипломатическимъ агентомъ Наполеона, генераломъ Савари. Румянцовъ сказалъ ему: «Le seul beau côté que nous pouvions présenter à la nation, c'était celui-là (la Moldavie et la Valachie), et vous venez nous l'enlever! Comment donc répondrons-nous quand elle nous demandera pourquoi nous n'y avons pas tenu, et comment cet avantage nous a été retiré, puisque nous perdons déjà tant à la guerre de l'Angleterre?» (Единственная благовидная сторона дѣла, которую мы можемъ предъявить, есть присоединеніе Молдавіи и Валахіи, а вы лишаете насъ и этого! Что̀-же мы скажемъ, если у насъ спросятъ, почему не настояли на томъ, и какъ у насъ отняли эту выгоду, когда и безъ того уже мы столько теряемъ отъ войны съ Англіей?)...... «l'Europe ne dira rien. Qu'est l'Europe? Où est elle, si ce n'est entre vous et nous?»..... (Европа не скажетъ ничего. Да и что̀ такое Европа? Что она, если она — не мы съ вами?) ([17]). Изъ этихъ словъ Румянцова видно, какъ, послѣ свиданія Александра съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, измѣнились виды нашей иностранной политики: при вступленіи на престолъ, Императоръ Александръ, обративъ всю свою дѣятельность на внутреннія государственныя реформы, не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ государствъ, либо ограничивалъ участіе Россіи въ общихъ интересахъ Европы обузданіемъ притязаній Франціи. Прошло шесть лѣтъ, и мы, невольно сдѣлавшись участниками завоевательныхъ плановъ Наполеона, старались успокоить территоріальными пріобрѣтеніями общественное мнѣніе, взволнованное нашею податливостью французской политикѣ. 1807.

Въ продолженіи изложенныхъ нами событій въ Константинополѣ, русская армія сперва находилась на кантониръ-квартирахъ, а потомъ, въ іюлѣ 1808

1808. года, стояла лагеремъ на р. Серетѣ, у селенія Кальены, между Браиловымъ и Рымникомъ; резервный корпусъ Эссена 1-го собрался у Бырлада; отрядъ Милорадовича оставался въ Бухарестѣ. Войска наши, въ Кальенскомъ лагерѣ, теряли множество людей отъ повальныхъ болѣзней, и потому князь Прозоровскій просилъ Высочайшаго разрѣшенія, употребить остальное время осени на отнятіе у непріятеля крѣпостей по лѣвую сторону Дуная, начиная съ Браилова. Императоръ Александръ разрѣшилъ главнокомандующему „возобновить дѣйствія, если Турки подадутъ къ тому поводъ.“ Но они, будучи волнуемы смутами и не готовы къ войнѣ, оставались въ бездѣйствіи.

Въ томъ-же году Россія открыла войну противъ Швеціи.

1796 1808. Густавъ IV-й, взошедшій на шведскій престолъ, тринадцати лѣтъ отъ рода, послѣ бѣдственнаго событія, прекратившаго дни отца его, Густава III, получилъ самое плохое воспитаніе. Прямодушный и откровенный, но гордый и заносчивый, онъ составилъ въ воображеніи своемъ преувеличенное понятіе, какъ о правахъ и обязанностяхъ своихъ, такъ и о призваніи свыше ему назначенномъ. Строгій къ самому себѣ, и стараясь выказаться стольже строгимъ къ другимъ, онъ часто былъ грубъ и несправедливъ, и не обладая твердостью характера, сдѣлался упрямымъ. Наипреданнѣйшіе изъ его совѣтниковъ на представленія свои слышали отъ него одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „я такъ хочу, и этого довольно.“ Супругъ женщины, одаренной превосходными качествами, достойной сестры Ангело-подобной Императрицы Елисаветы Алексѣевны, онъ не разъ оскорблялъ ее въ присутствіи многихъ

свидѣтелей. Не имѣя никакихъ способностей къ военному дѣлу, онъ безпрестанно говорилъ о начальствѣ надъ арміями, о распоряженіи военными дѣйствіями. Его вспыльчивость отдаляла отъ него союзниковъ, и его ненависть къ Франціи нисколько не препятствовала ему вызывать противъ себя неудовольствіе Россіи и Англіи. Достаточно ознакомиться съ перепискою Императора Александра и Густава IV, чтобы убѣдиться въ совершенномъ различіи ихъ характеровъ. Всѣ письма Короля Шведскаго наполнены ошибками, несвязны и обнаруживаютъ безпорядокъ идей; напротивъ того, въ письмахъ Александра вездѣ встрѣчаемъ чистый прекрасный слогъ, служившій къ выраженію ясныхъ понятій и высокихъ чувствъ его ([18]). 1796 1808.

При восшествіи на престолъ Густава IV-го, Швеція, одна изъ бѣднѣйшихъ европейскихъ державъ, была обременена долгомъ въ 30 милл. риксдалеровъ (около 42-хъ милл. рубл. сер.), лежавшимъ на трехъ милліонахъ ея жителей. Кромѣ того, было выпущено 15 милл. кредитныхъ билетовъ, терявшихъ при размѣнѣ на серебро 50%. Такое положеніе финансовъ заставило сеймъ запретить употребленіе серебра въ вещахъ, чтобы побудить тѣмъ жителей къ передѣлкѣ его въ монету; но эта мѣра, какъ равно и другія, клонившіяся къ запрещенію ввоза кофе и другихъ иностранныхъ продуктовъ, не имѣли успѣха. Контрабанда развилась въ чрезвычайномъ размѣрѣ, и вскорѣ во всей Швеціи только лишь королевская фамилія отказывала себѣ въ употребленіи кофе ([19]).

Не смотря на жалкое состояніе финансовъ Швеціи и на относительную слабость ея въ сравненіи съ прочими державами, Густавъ скорбѣлъ о томъ, что ему нельзя было располагать дѣлами сѣвера

1796—1808. Европы, подобно Густаву-Адольфу, и не упускалъ случаевъ, въ сношеніяхъ съ своими сосѣдями, къ мѣлочнымъ придиркамъ, которыя, нисколько не возвышая его достоинства, поселяли ненависть и недовѣріе къ шведскому правительству. Будучи всегда готовъ затѣять войну и не имѣя къ тому средствъ, Густавъ обращался съ просьбами о субсидіяхъ то къ Франціи, то къ Англіи; къ Россіи-же постоянно питалъ вражду, несмотря на то, что миролюбивая политика Императора Александра, прекративъ войну сѣверныхъ державъ съ Великобританіей, спасла шведскій флотъ отъ неизбѣжной гибели. Путешествіе Короля въ Финляндію дало ему поводъ къ ссорѣ съ нашимъ правительствомъ за обоюдную границу; напрасно старался онъ возбудить народное движеніе противъ Россіи въ Финляндіи; и тогда уже русскій повѣренный въ дѣлахъ при стокгольмскомъ дворѣ предвидѣлъ, что оно обратится противъ самаго Короля (20).

Густавъ, какъ будто съ умысломъ, дѣлалъ все возможное, чтобы поселить неудовольствіе противъ себя въ этой странѣ. Желая облегчить стокгольмъ отъ многочисленнаго гарнизона, онъ перевелъ оттуда въ Финляндію финскую гвардію и двѣ артиллерійскія роты; тогда-же Король изъявилъ желаніе, чтобы туземцы выставили 6,000 человѣкъ народнаго ополченія, противно формальному обѣщанію покойнаго Короля. Густавъ предполагалъ имѣть постоянно въ Финляндіи 24-хъ-тысячный корпусъ, что было обременительно для жителей этой бѣдной страны (21).

Самовластныя распоряженія Французовъ въ сѣверной Германіи, возбудивъ опасенія Густава за принадлежавшую ему часть Помераніи, заставили его сблизиться съ Россіей. Вслѣдъ за тѣмъ, убіеніе герцога ангіенскаго поселило въ рыцарской душѣ

Короля ненависть къ Бонапарту. Густавъ, находясь тогда въ гостяхъ у курфирста баденскаго, провозгласилъ себя мстителемъ за погибшаго принца, но ни силы Швеціи, ни характеръ и способности Короля Шведскаго. не позволяли ему играть блистательную. роль въ борьбѣ Европы противъ Наполеона. Въ декабрѣ 1804 года, была заключена между Англіей и Швеціей конвенція, по условіямъ коей великобританское правительство обязалось выплатить Королю Густаву 80,000 фунтовъ стерл. на укрѣпленіе Стральзунда, а 2 (14) генваря 1805 года. Король заключилъ съ русскимъ правительствомъ союзную конвенцію, объявивъ, что цѣлью дѣйствій обѣихъ державъ должно быть возстановленіе на французскомъ престолѣ законнаго владычества Бурбоновъ. Наполеонъ, глубоко оскорбленный этимъ поступкомъ Густава, приказалъ захватить его, и только лишь поспѣшный отъѣздъ Короля изъ баденскихъ владѣній спасъ его отъ плѣна. Не довольствуясь одною войною съ Франціей, Густавъ разсорился съ Королемъ Прусскимъ, за то, что онъ призналъ Наполеона Императоромъ Французовъ. Слѣдствіемъ того были враждебныя дѣйствія Пруссіи противъ Шведовъ, но заступничество Императора Александра охранило Шведскую Померанію отъ вторженія прусскихъ войскъ ([22]).

Повѣренный въ дѣлахъ Россіи при Стокгольмскомъ дворѣ, статскій совѣтникъ Давидъ Максимовичъ Алопеусъ, дѣйствуя стольже благоразумно сколько и искусно, способствовалъ заключенію договора о субсидіяхъ между Англіею и Швеціей, не смотря на колебаніе Короля, недовѣрявшаго самому себѣ, какъ только дѣло шло о финансахъ, и не смотря также на противодѣйствіе совѣтниковъ Густава, считавшихъ народнымъ бѣдствіемъ участіе Швеціи въ

1796—1808. обще-европейской войнѣ. Такія-же затрудненія ожидали Алопеуса при совѣщаніяхъ о планѣ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій съ шведскимъ уполномоченнымъ барономъ Толлемъ (Toll), однимъ изъ главныхъ поборниковъ партіи мира. Наконецъ планъ былъ составленъ, войска русскія и шведскія соединились въ Помераніи; оставалось дѣйствовать. Но Густавъ, не принимая начальства надъ союзнымъ корпусомъ, мѣшалъ распоряжаться графу Толстому и возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе: Англія справедливо жаловалась на безполезную потерю субсидій; Россія — на плохое содѣйствіе Короля общей пользѣ; Фридрихъ-Вильгельмъ, уже готовый присоединиться къ общему союзу, будучи оскорбленъ недовѣрчивостью Густава, отказался отъ всякаго совокупнаго съ нимъ дѣла. Шведская армія, шведская политика совершенно потеряли уваженіе во всей Европѣ. Забвеніе Королемъ приличій простиралось до того, что онъ хотѣлъ задержать состоявшаго при стокгольмскомъ дворѣ англійскаго резидента Пьерпоана (Pierrepoint), за неуплату великобританскимъ правительствомъ 72,000 фунт. стерл. составлявшихъ часть субсидій обѣщанныхъ Швеціи ([23]).

Императоръ Александръ, послѣ разгрома при Аустерлицѣ, заботясь о составленіи новой коалиціи противъ Наполеона, предложилъ Королю Густаву свое посредничество въ примиреніи его съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, но Король Шведскій отклонилъ это предложеніе, говоря, что „онъ согласился-бы на такое участіе въ своихъ дѣлахъ нашего Государя, еслибы оно не имѣло вида опеки русскаго правительства.“ Когда-же Пруссія, рѣшась вести войну противъ Франціи, старалась сблизиться съ ея непріятелями, и прусскія войска получили приказаніе очистить Ганноверъ и Лауэнбургъ, Густавъ счелъ этотъ по-

ступокъ торжествомъ своей политики и приказалъ немедленно прекратить блокаду прусскихъ портовъ и снять амбарго съ захваченныхъ Шведами прусскихъ кораблей. Пруссія имѣла крайнюю нужду въ помощи, но никто изъ Союзниковъ не помышлялъ обратиться къ содѣйствію своенравнаго Густава, не смотря на то, что шведскія войска были храбры и могли бы принести большую пользу. Самъ Король, безъ всякой побудительной причины, отправился 31-го августа (12-го сентября) изъ Помераніи въ Швецію и взялъ съ собою часть войскъ, оставя прочія, на произволъ судьбы, въ сѣверной Германіи. Отрядъ, занимавшій Лауэнбургъ, былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ, 3-го ноября н. ст. маршаломъ Бернадотомъ, который, обойдясь ласково съ плѣнными и пригласивъ къ себѣ обѣдать начальника ихъ, полковника графа Мёрнера и всѣхъ шведскихъ офицеровъ, польстилъ ихъ народной гордости и между прочимъ изъявилъ мнѣніе, что Норвегія должна принадлежать Швеціи. Этотъ случай въ послѣдствіи подалъ поводъ къ возвышенію Бернадота на престолъ шведскій. 1796–1808.

Наполеонъ, зная непостоянство Короля Густава, старался склонить его на свою сторону, и хотя это неудалось, однакоже происки французскаго правительства произвели явное охлажденіе Короля къ его союзникамъ: во всѣхъ стокгольмскихъ газетахъ съ явнымъ злорадствомъ писали о бѣдствіяхъ постигшихъ Пруссію и печатали прокламаціи Наполеона. Императоръ Александръ, весьма недовольный такими поступками, оставлялъ ихъ безъ вниманія по слабости Швеціи и по неспособности ея Государя, союзника ненадежнаго, сосѣда сварливаго, врага мало опаснаго, но равно оскорблявшаго и друзей, и непріятелей. Густавъ, считая Наполеона истымъ

1796–1808. „звѣремъ Апокалипсиса," приказалъ перевести на шведскій языкъ „тайную исторію сенъ-клудскаго двора," и почти въ тоже время въ отвѣтъ на замѣчаніе англійскаго резидента о частыхъ туманахъ въ Мальмё (Malmö), сказалъ во всеуслышаніе, что „эти туманы не столь густы, какъ тѣ, коими омрачены виды великобританскаго министерства" ([24]).

Не болѣе уваженія оказывалъ Густавъ и родственнику своему, Императору Александру. Въ мартѣ 1807 года, онъ приказалъ удержать 375,000 риксдалеровъ изъ англійскихъ субсидій, посланныхъ чрезъ Готенбургъ въ Петербургъ. Предлогомъ къ такому безцеремонному поступку былъ какой-то сомнительный искъ шведскаго правительства. Императоръ Александръ, зная, въ какой крайности находился Густавъ, незадолго предъ тѣмъ продавшій русскому правительству значительное количество пушекъ и ручнаго оружія, ограничился изъявленіемъ шведскому посланнику своего сожалѣнія о его Государѣ. „Перестанемъ объ этомъ говорить — сказалъ онъ. — Здѣсь дѣло идетъ только о деньгахъ, а это никогда не можетъ измѣнить — ни моихъ чувствъ, ни моихъ видовъ." ([25]).

По заключеніи мира между воюющими державами въ Тильзитѣ, все бремя войны съ Франціей въ сѣверной Германіи пало на Короля Шведскаго. Густавъ, между тѣмъ, заключилъ перемиріе съ Французами въ Шлатковѣ. 18-го апрѣля, именно въ то время, когда Англичане готовились сдѣлать высадку на островъ Рюгенъ, и когда жители Помераніи, возбужденные прусскимъ партизаномъ Шиллемъ, стали вооружаться противъ общаго врага. Допустивъ чрезъ то Французовъ сосредоточить силы на главномъ театрѣ войны противъ Беннигсена, Король въ послѣдствіи не обратилъ вниманія на совѣты Императора Але-

ксандра и Фридриха-Вильгельма и не воспользовался снисхожденіемъ Наполеона, предлагавшаго ему продлить перемиріе. Едва лишь возобновились дѣйствія, 1-го (13-го) іюля, Густавъ былъ оттѣсненъ къ Стральзунду и изъявилъ маршалу Брюну желаніе снова заключить перемиріе, но Брюнъ не удостоилъ его отвѣтомъ. Король, оскорбленный тѣмъ, отмстилъ Французамъ памфлетомъ, въ коемъ, описывая свое (небывалое) свиданіе съ Брюномъ, увѣрялъ, будтобы онъ сказалъ маршалу, что, не признавая Наполеона Императоромъ, совѣтуетъ ему служить законному Монарху Франціи, Людовику XVIII-му. Эта выходка подала Наполеону поводъ объявить Короля сумасшедшимъ. 1796-1808

Находясь въ Стральзундѣ, Густавъ выказалъ упрямство и своенравіе Карла XII, но никто не видѣлъ въ немъ ни храбрости, ни военныхъ дарованій его славнаго предшественника. Разогнавъ всѣхъ генераловъ, находившихся въ крѣпости, онъ остался тамъ съ субалтернъ-офицерами и своими секретарями, не принялъ ни малѣйшаго участія въ оборонѣ Стральзунда и вскорѣ ушелъ оттуда сперва на островъ Рюгенъ, а потомъ въ Швецію. Французскія войска заняли Стральзундъ 8 (20) августа (26).

По заключеніи Тильзитскаго трактата, англійское министерство, не зная достовѣрно о его содержаніи, полагало, либо, по крайней мѣрѣ, старалось увѣрить другія державы, что въ Тильзитѣ было рѣшено употребить датскій флотъ, въ угожденіе Наполеону, противъ враждовавшей ему Швеціи. Чтобы предупредить такое покушеніе, Англичане, подъ предлогомъ содѣйствія Королю Густаву въ Помераніи, сдѣлали огромныя вооруженія и отправили значи- 1807.

1807. тельный флотъ съ сильнымъ дессантомъ къ Копенгагену (27). Нападеніе на Данію неимѣло никакого справедливаго основанія: въ продолженіи истекшихъ шести лѣтъ, Датчане оставались неутральными и принимали предосторожности только противъ Наполеона, не заботясь объ усиленіи своихъ береговыхъ укрѣпленій; а въ 1807 году Наслѣдный датскій принцъ, съ главными силами арміи, находился на южныхъ границахъ Королевства, у Киля. Пользуясь довѣрчивостью Датчанъ, вовсе не ожидавшихъ разрыва съ Англіею, адмиралъ Гембиръ (Gambier), съ большею частью флота, приплывъ ко входу въ Зундъ, 22-го іюля (3-го августа), послалъ Джексона въ Киль, для объявленія наслѣдному принцу требованій англійскаго правительства. За тѣмъ, пройдя безъ сопротивленія чрезъ Зундъ, Гембиръ бросилъ якорь на эльзенёрскомъ рейдѣ и подружески обмѣнялся салютами съ кроненбургскою крѣпостью; а Джексонъ отправился къ наслѣдному принцу и объявилъ ему требованія Англіи — заключить союзъ съ великобританскимъ правительствомъ, передать Англичанамъ свой флотъ, для храненія его въ англійскихъ портахъ, и впустить англійскіе гарнизоны въ Кроненбургъ и копенгагенскую гавань, до заключенія общаго мира. Убѣждая принца согласиться на эти предложенія, Джексонъ сказалъ ему, что Англичане будутъ вести себя въ Даніи, какъ союзники, и что за все отпущенное англійскимъ войскамъ будетъ щедро заплачено. „А чѣмъ вы заплатите — спросилъ принцъ — за потерю нашей чести, если мы исполнимъ ваше гнусное требованіе?“ На эти благородныя, изъ глубины души вырвавшіяся, слова, Джексонъ отвѣчалъ, что „надлежитъ покоряться необходимости“, и что „слабѣйшій долженъ уступить болѣе сильному“. Дѣйствія Англичанъ со-

отвѣтствовали рѣчамъ ихъ агента. Не надѣясь, посредствомъ правильной осады овладѣть Копенгагеномъ, гдѣ всего на все было около 10,000 человѣкъ датскаго войска, генералъ Каткартъ (Cathcart) построилъ батареи противъ города и бомбардировалъ его болѣе двухъ сутокъ, съ вечера 2-го до утра 5-го сентября н. ст. Наконецъ, когда половина города сдѣлалась жертвою пламени, когда пали 2,000 человѣкъ, и въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и мирныхъ гражданъ, когда былъ раненъ самъ комендантъ, генералъ Пейманнъ (Peymann), Датчане подписали капитуляцію: Копенгагенъ и тамошній морской арсеналъ со всѣмъ флотомъ были сданы Англичанамъ, которые, съ своей стороны, обязались оставить островъ Зеландію въ продолженіи шести недѣль (28). Къ сожалѣнію, голосъ Стефана Бале, предложившаго поступить съ флотомъ, какъ поступили Русскіе спустя пять лѣтъ съ Москвою, не былъ поддержанъ въ совѣтѣ датскихъ сановниковъ, и Англичане, забравъ богатую добычу, истребили въ арсеналѣ все, чего не могли увезти съ собою. Но справедливость, независимо отъ уставовъ начертанныхъ великими законниками, живетъ въ совѣсти народовъ, и сами Англичане осуждали вѣроломное нападеніе на Копенгагенъ. Одинъ изъ историковъ ихъ говоритъ: „Эта побѣда не возбудила радости. Длинный рядъ славныхъ дѣлъ, совершенныхъ сынами Британіи, отвергалъ всякое сочувствіе такому подвигу, и являлся вопросъ: нашлись ли-бы у насъ достаточно рѣзкія выраженія чтобы изъявить народное негодованіе на подобный поступокъ, еслибы совершилъ его тиранъ Франціи?“ (29). 1807.

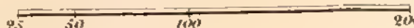
Только лишь своенравный Король Шведскій выказалъ сочувствіе дерзкому нарушенію народныхъ правъ, угощая, 9 (21) и 10 (22) октября, въ Гель-

1807. сингборгѣ, предводителей англійской экспедиціи, на обратномъ пути ихъ съ захваченною добычею. Какъ, по условіямъ Тильзитскаго трактата, враги Франціи сдѣлались и нашими врагами, то Императоръ Александръ повелѣлъ объявить шведскому правительству о своей готовности поддерживать начала вооруженнаго неутралитета и охранять Балтійское море отъ враждебныхъ покушеній Англичанъ, и пригласилъ Короля Густава IV къ содѣйствію видамъ россійскаго двора (30). Но Густавъ далъ уклончивый отвѣтъ, а, между тѣмъ, не смотря на неоднократныя предостереженія шведскаго посланника въ Петербургѣ, графа Стедингка, не готовился къ войнѣ и не принималъ никакихъ мѣръ для защиты Финляндіи. Король не только отвергъ вторичное предложеніе вступить въ союзъ съ Россіею противъ Англіи (31), но, увлекшись обычною ему запальчивостью, возвратилъ Императору Александру знаки ордена Св. Андрея, написавъ, что онъ не можетъ носить одинъ орденъ съ Бонапартомъ. Государь, предвидя эту выходку Густава, предупредилъ его отсылкою шведскаго ордена Серафимовъ, при чемъ приказалъ написать Королю, что это обстоятельство нисколько не измѣнитъ дружескихъ отношеній Россіи къ Швеціи, но повторилъ требованіе о присоединеніи Густава къ союзу противъ Англіи (32). Въ началѣ 1808 года, была сообщена Стедингку послѣдняя нота по этому предмету (33). Война еще не была объявлена, но уже никто не сомнѣвался въ неизбѣжности разрыва между Россіею и Швеціей. Въ половинѣ (въ концѣ) генваря, графъ Стедингкъ извѣщалъ Короля Густава и командовавшаго шведскими войсками въ Финляндіи, генерала Клеркера, не только о предстоявшемъ открытіи военныхъ дѣйствій со стороны Россіи, но о числѣ русскихъ войскъ

КАРТА ФИНЛЯНДІИ

Масштабъ

Въ Англ. дюймѣ 100 верстъ

Торнео
Калике
Кеми
Лулео
Питео
Іефре
Улеаборгъ
Сикаіоки
Олькіоки
Лимпіоки
Ревонлакс
Р. Улео
Брагештедъ
Шеллефте
Иттервикъ
Бурьскъ
Франціла
Виганди
Пихаіоки
Тересніеми
Улайсъ
Пулькилло
Каяна
Каламоки
Лохто
Химангъ
Умео
Гамле-Карлеби
О. Гольменъ
Нордмалингъ
О.Гадде нъ
Якобштадъ
Ію-Карлеби
Р. Ветель
Идесальми
Тернефорсъ
О. Вальгрундъ
Орравайсъ
Нидеръ-Терме
Перхо
Тіелисъ
Вааза
Верро
Лилькиро
Лаппо
Кавы
Куопіо
Тайвола
Ильмола
Барстула
Каипале
Пломанцъ
Боверо
Терпезандъ
Нерпесъ
Бухаіоки
Койвисто
Рауталамби
Сундсваль
Каске
Христинештадъ
Лапфирдъ
Харанезъ
Хумиярви
Вирдойсъ
Кеуру
Варкаусъ
Іорисъ
Кеми
Пелиярви
Кейшлотъ
Гудиксваль
Висуеси
Руовеси
Ямсе
Іокосъ
Сердоболь
Рускіяла
Якимвара
Санкмихель
Орисеси
Бирo
Седергамъ
Біернеборгъ
Тамерфорсъ
Бумонсъ
Густавъ-Адольфъ
Кристина
Улфсби
Р. Кумо
Кумо
Хейнола
Кексгольмъ
О. Ладожское
Раумо
Вильманстрандъ
Гефле
Пигама
Тавастгусъ
Давидштадъ
или Давыдовъ
Ништадъ
Локолаксо
Ориматила
Выборгъ
Тимонсъ
Ментселе
Элиме
Фридрихсгамъ
Гельмингъ
Лемо
Борго
Форсбю
Абборфорсъ
Ловиза
Бiорке
Або
Эрегрундъ
Эстаммаръ
Аландъ
Бумминге
Біерно
Гельзингфорсъ
Свеаборгъ
Заливъ
О. Біорке
Шлиссельбургъ
Іомала
Лемлантъ
Саргуна
Кимито
Стремъ
Гриссельгамъ
О. Сескаръ
Толбухинъ
Кронштадъ
Упсала
Кекаръ
Экнесъ
М. Паркалаудъ
Финскій
О. Лавенсаръ
Ораніенбаумъ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Нортелье
М. Гангутъ
Густавсвернъ
О. Родшхеръ
Кернова
СТОКГОЛЬМЪ
Балтійское Море
О. Наргенъ
М. Тютерсъ
Оденсгольмъ
Роге
Ревель
Балтійскій-Портъ
Нарва
Ботническій Заливъ

собранныхъ въ окрестностяхъ Петербурга, о планѣ 1807.
дѣйствій нашихъ войскъ, заключавшемся въ овладѣніи крѣпостями Свеаборгомъ, Свартгольмомъ и Гангудомъ, въ продолженіи зимы, и проч. (34). Слѣдовательно — вторженіе русскихъ войскъ въ Финляндію вовсе не было неожиданно для Короля Густава. Тильзитскій миръ сдѣлалъ Императора Александра невольнымъ орудіемъ завоевательной наполеоновой политики, столь чуждой первоначальнымъ видамъ нашего Государя, и по тому онъ весьма неохотно приступалъ къ войнѣ противъ Швеціи. Еслибы Густавъ былъ сколько-нибудь способенъ обсудить здраво свое положеніе, то онъ отложился-бы отъ Англіи, и тѣмъ отнялъ-бы у Наполеона поводъ домогаться, чтобы мы вторгнулись въ Финляндію.

Опасность, угрожавшая Королю Густаву, была очевидна для всѣхъ, кромѣ его самаго. Швеція, по своему географическому положенію, могшая оставаться въ сторонѣ отъ борьбы прочихъ державъ, подвергалась, въ одно и тоже время, вторженію съ нѣсколькихъ сторонъ. Казалось, лучшая изъ шведскихъ областей, Сканія, сдѣлается поприщемъ дѣйствій, на которое какъ-бы условились сойтись народы со всѣхъ предѣловъ Европы. Жители полярныхъ странъ туда спѣшили съ сѣвера на защиту своего отечества. Съ юга двигались солдаты, коихъ предки сражались подъ начальствомъ герцога Альбы, и вмѣстѣ съ ними шли потомки сподвижниковъ Вильгельма, освободителя Нидерландовъ. Ихъ начальникъ Бернадотъ, бывшій французскій сержантъ Королевскаго морскаго экипажа (Royal marine), потомъ сдѣлался маршаломъ Франціи и владѣтельнымъ италіянскимъ принцемъ, по милости корсиканца, подпоручика артиллеріи, пріобрѣвшаго наслѣдіе Карла Великаго. Съ запада ожидали состоявшихъ на жа-

1808. лованьѣ Англіи германскихъ войскъ, которыя могли встрѣтиться съ полками пришедшими изъ-за Урала и бывшими подъ начальствомъ нѣмца Буксгевдена и грузина Багратіона. Шведскій народъ, въ ожиданіи непріятельскаго нашествія, былъ пораженъ уныніемъ, а Король, вмѣсто того, чтобы ободрять своихъ подданыхъ, оставался въ своемъ мрачномъ грипсгольмскомъ замкѣ. Жители Стокгольма, уже два съ половиною года не видѣвшіе Короля, готовились встрѣтить его въ годину бѣдствій съ изъявленіями участія и преданности. Но Густавъ не поѣхалъ къ нимъ, какъ будтобы презрѣвъ ихъ патріотическія чувства ([35]).

Изъ числа сухопутныхъ силъ Швеціи, простиравшихся до 50.000 человѣкъ, только около 20.000 тогда находились въ Финляндіи, да и тѣ были разсѣяны на значительномъ пространствѣ: 7.000 въ Свеаборгѣ, 700 въ Свартгольмѣ; остальные 12.000, подъ начальствомъ стараго генерала Клеркера, стояли на кантониръ-квартирахъ по всей Финляндіи. Съ нашей стороны, назначено было двинуться чрезъ границу двадцати-четырехъ-тысячному корпусу ([36]), подъ начальствомъ графа Буксгевдена, которому въ помощь придали Сухтелена, отличнаго генерала, перешедшаго еще въ молодыхъ лѣтахъ изъ голландской въ русскую службу; дежурнымъ генераломъ въ дѣйствующемъ корпусѣ былъ назначенъ Коновницынъ, а генералъ-квартирмейстеромъ — Бергъ. 9 (21) февраля, одновременно съ нотою графа Румянцова, сообщенною графу Стедингку, объ открытіи военныхъ дѣйствій, наши войска, при сильной стужѣ, вошли въ Шведскую Финляндію, тремя колоннами, и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, заняли Гельсингфорсъ, 18-го февраля (1-го марта). Генералъ Клеркеръ сосредоточилъ до 6.000 человѣкъ у Та-

вастгуса и приказалъ бригадѣ, стоявшей въ саволакской области, собраться у Куопіо. Съ нашей стороны, охраненіе сообщеній дѣйствующаго корпуса было поручено вступившей въ слѣдъ за нимъ въ Финляндію 14-й пѣхотной дивизіи; главныя-же силы Буксгевдена продолжали наступать. Клеркеръ предполагалъ идти къ Гельсингфорсу, чтобы не позволить намъ блокировать Свеаборгъ, но прибывшій новый главнокомандующій, графъ Клингспоръ, исполняя полученную отъ Короля инструкцію, отступилъ къ Таммерфорсу, слѣдствіемъ чего было занятіе 24-го февраля (7-го марта), русскими войсками Тавастгуса. Графъ Буксгевденъ поручилъ князю Багратіону, съ 21-ю дивизіей, преслѣдовать Шведовъ; Тучкову 1-му, съ 5-ю дивизіей, двинуться изъ окрестностей Куопіо прямо къ Вазѣ, для отрѣзанія непріятелю отступленія, а самъ, съ 17-ю дивизіей графа Каменскаго, обратился къ Свеаборгу. 1808

Намѣреніе графа Буксгевдена — отрѣзать отступленіе Клингспору, движеніемъ дивизіи Тучкова по направленію сперва къ Вазѣ, а потомъ къ Гамле-Карлеби, не было исполнено: Шведы успѣли, 28-го марта (9-го апрѣля), уйти къ Брагештедту. За то, удалось намъ покорить главную твердыню Финляндіи — Свеаборгъ. Эта крѣпость заключала въ стѣнахъ своихъ огромные склады боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, но гарнизонъ состоялъ большею частью изъ рекрутъ, а комендантъ графъ Кронштедтъ, хотя одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ шведскаго флота, не надѣялся на успѣхъ оружія Швеціи и не былъ преданъ правительству. Послѣ бомбардированія крѣпости, произведеннаго болѣе для вида, нежели для нанесенія дѣйствительнаго вреда, и стоившаго гарнизону только около сорока человѣкъ, защитники Свеаборга, изстрѣлявъ боль-

1808. шую часть своего пороха напрасно, безъ всякаго вреда для осаждающихъ, согласились, 25-го марта (6-го апрѣля), заключить перемиріе на четыре недѣли, съ условіемъ сдать крѣпость, съ находившимися тамъ магазинами и флотиліей, если къ 22-му апрѣля (4-го марта) не получатъ помощи (37). Упрекали, и не напрасно, коменданта: въ умышленной растратѣ зарядовъ; въ согласіи сдать крѣпость къ такому сроку, когда, по причинѣ льда покрывающаго финскій заливъ, нельзя было получить подкрѣпленія; въ преждевременной сдачѣ укрѣпленныхъ острововъ, съ коихъ можно было дѣйствовать по крѣпости; въ уступкѣ Русскимъ гребнаго флота, который, на основаніи данной Королемъ инструкціи, надлежало сжечь въ случаѣ невозможности отстоять крѣпость (39). Самъ Буксгевденъ писалъ къ Румянцову наканунѣ заключенія конвенціи о сдачѣ Свеаборга: „Ваше Сіятельство изволили, конечно, примѣтить, какими каналами была мнѣ возможность найтить сіи столько намъ нужные способы. Они намъ довольно дòроги, и еще будутъ дороже, но всѣ сіи издержки не возмогутъ никогда идти въ какое либо сравненіе съ тѣмъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, какое можемъ сдѣлать съ полученіемъ свеаборгскихъ укрѣпленій. Я употреблялъ доселѣ экстраординарную сумму. Она теперь окончилась“....

Король Шведскій, узнавъ о вторженіи Русскихъ въ Финляндію, приказалъ арестовать нашего посланника Алопеуса со всѣми чиновниками посольства. Это явное нарушеніе народнаго права подало Императору Александру предлогъ къ обнародованію манифеста о присоединеніи Финляндіи къ Россіи и къ формальному объявленію войны Густаву IV, 16 (28) марта. Данія также объявила ему войну, двумя днями ранѣе, 14-го (26-го).

Въ продолженіи переговоровъ о сдачѣ Свеаборга, 1808.
покорились безъ сопротивленія: Свартгольмъ, Або, Гангудъ и Аландскіе острова, а 10 (22) апрѣля, отрядъ, посланный изъ Либавы на купеческихъ корабляхъ, занялъ островъ Готландъ.

Но вскорѣ положеніе дѣлъ измѣнилось: большая часть русскихъ войскъ стояла въ бездѣйствіи подъ Свеаборгомъ, либо была разсѣяна на всемъ пространствѣ отъ Або до Вазы и Тавастгуса, а для дѣйствій противъ отступившихъ на сѣверъ Шведовъ оставался только четырехъ-тысячный отрядъ Тучкова. Между тѣмъ, въ началѣ (въ половинѣ) апрѣля, Клингспоръ успѣлъ собрать близъ Улеоборга до 10.000 человѣкъ и, уступивъ настоянію своего начальника штаба, полковника Адлеркрейца, одного изъ лучшихъ шведскихъ офицеровъ, рѣшился дать отпоръ нашему отряду. Полковникъ Булатовъ, стоявшій съ небольшою частью войскъ у Револакса, былъ разбитъ на-голову, что̀ заставило Тучкова отступить къ Гамле-Карлеби. Неудача, нами здѣсь понесенная, разсѣяла убѣжденіе Шведовъ въ непобѣдимости Русскихъ; финскіе лѣса наполнились вооруженными крестьянами; обозы и госпитали Тучкова были разграблены; въ Кареліи возгорѣлась народная война.

Отрядъ полковника Вуича, въ числѣ до 700 человѣкъ, стоявшій на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, Кумлингѣ, по вскрытіи льда между островами и шведскимъ берегомъ, былъ внезапно атакованъ непріятелемъ, прибывшимъ на сильной флотиліи, 24 апрѣля (6 мая). Жители также приняли участіе въ нападеніи на нашъ отрядъ, который, послѣ отчаяннаго сопротивленія, былъ принужденъ положить оружіе. Въ началѣ (въ половинѣ) мая, контръ-адмиралъ Бодиско, съ 1,700 человѣкъ, находившихся на

1808 Готландѣ, будучи атакованъ пяти-тысячнымъ шведскимъ дессантомъ, заключивъ капитуляцію о сдачѣ острова, возвратился въ Либаву.

Неудачи нашего оружія на сѣверѣ Финляндіи, въ саволакской области и на островахъ Балтики вознаградились покореніемъ Свеаборга. 26-го апрѣля (8-го мая), при громѣ ста одного выстрѣла, на стѣнахъ крѣпости взвился русскій флагъ. Съ покореніемъ Свеаборга достались намъ: 6,000 человѣкъ плѣнныхъ, 2,000 орудій, множество снарядовъ и около ста военныхъ судовъ (39). Графъ Буксгевденъ, за покореніе Свеаборга, получивъ орденъ Св. Георгія 2-го класса, счелъ себя обиженнымъ и писалъ графу Ник. Петр. Румянцову, что „эту награду въ послѣднее время получали за невыигранныя дѣла, какъ напр. при Кремсѣ, и даже за совершенно проигранныя, какъ напр. при Пултускѣ“.

За тѣмъ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, разлитіе рѣкъ и озеръ въ Финляндіи, вмѣстѣ съ ожиданіемъ подкрѣпленій, заставили графа Буксгевдена пріостановить дѣйствія. По прибытіи къ корпусу въ помощь отъ 11-ти до 12-ти тысячъ человѣкъ (40), главнокомандующій раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на три корпуса: Раевскій, смѣнившій Тучкова, съ 7,000 человѣкъ (41), стоялъ у Гамле-Карлеби; Барклай де-Толли, съ 7,000 человѣкъ (42), у Вильманстранда и Нейшлота; остальныя силы, около 16,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Каменскаго и князя Багратіона, частью занимали берега Финляндіи, отъ Ловизы до Гангуда и далѣе до Вазы, частью были расположены въ Тавастгусѣ. Первые два (Раевскій и Барклай) должны были дѣйствовать наступательно, такимъ образомъ, что ежели непріятель обратился-бы противъ одного изъ нихъ, то ему велѣно отступать, а другому направиться во флангъ

и тылъ Шведамъ. Императоръ Александръ не одобрялъ плана дѣйствій двумя корпусами, разобщенными большимъ пространствомъ, противъ сосредоточеннаго непріятеля; но графъ Буксгевденъ остался при своемъ мнѣніи. 1808

Въ половинѣ (въ концѣ) мая, прибылъ въ Готенбургъ англійскій флотъ адмирала Сомареца, со вспомогательнымъ корпусомъ, въ числѣ 14,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Мура. Но вслѣдъ за тѣмъ, эти войска были отправлены въ Испанію, а для содѣйствія Королю Густаву оставленъ только флотъ, коего всѣ дѣйствія ограничились блокадою береговъ Балтійскаго моря. Какъ случай, выказавшій доблесть русскухъ моряковъ, достоинъ замѣчанія подвигъ Невельскаго. Лейтенантъ Невельскій, съ катеромъ „Опытъ", о 14-ти каронадахъ, будучи высланъ для крейсированія между Свеаборгомъ и Гангудомъ, встрѣтился, 12 (24) іюня, у острова Наргена, съ англійскимъ 50-ти-пушечнымъ фрегатомъ, и сражался съ нимъ, пока слабое судно его, избитое непріятельскими ядрами, стало быстро наполняться водою. Самъ Невельской, тяжело раненый, былъ встрѣченъ на шканцахъ противникомъ своимъ, капитаномъ Батурстомъ, съ изъявленіями уваженія, заслуженнаго его неустрашимостью, и вмѣстѣ съ остальными людьми своего экипажа отпущенъ на купеческомъ кораблѣ въ Либаву.

Графъ Клингспоръ, въ ожиданіи шведскихъ дессантовъ, посланныхъ изъ Умео и съ Аландскихъ острововъ къ Вазѣ и Або, открылъ, въ началѣ (въ половинѣ) іюня, дѣйствія противъ Раевскаго. Хотя оба дессанта были принуждены отплыть назадъ, однакоже Раевскій, атакованный двойными силами Клингспора и угрожаемый возстаніемъ жителей морскаго прибрежья, отступилъ, 1 (13) іюля, къ Сальми,

1808 и далѣе къ Алаво. Затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находился нашъ корпусъ, въ особенности-же дѣйствія партизановъ и народныхъ скопищъ въ тылу его, вмѣстѣ съ величайшимъ недостаткомъ въ продовольствіи, заставили Раевскаго собрать, 11-го (23-го) іюля, военный совѣтъ, на которомъ опредѣлено отступить къ Тавастгусу.

Барклай де-Толли, съ своей стороны, открылъ дѣйствія, въ началѣ (въ половинѣ) іюня, наступленіемъ отъ Нейшлота къ Куопіо. Несмотря на непроходимость дорогъ, испорченныхъ дѣятельнымъ шведскимъ партизаномъ Сандельсомъ, и на смѣлыя нападенія его отрядовъ, подъ начальствомъ Мальма, Дюнкера и Фаландера, денно и нощно тревожившихъ наши войска, Барклай занялъ 7 (19) іюня, Куопіо, откуда Сандельсъ, переправясь черезъ озеро Калавеси, расположился въ крѣпкой позиціи у Тайволы. За тѣмъ, Барклай де-Толли, оставя генерала Рахманова, съ 3,000 человѣкъ при 12-ти орудіяхъ, въ Куопіо, для прикрытія сообщеній съ Россіею, выступилъ, съ остальными 4,000, по дорогѣ къ Гамле-Карлеби. По прибытіи, 10 (22) іюня, въ Рауталамби, получивъ отъ Рахманова донесеніе о сильномъ нападеніи Сандельса на Куопіо и о покушеніяхъ шведскихъ партизановъ отрѣзать наше сообщеніе съ Нейшлотомъ, Барклай не отважился исполнить волю главнокомандующаго и, пославъ Азовскій пѣхотный полкъ съ сотнею казаковъ въ помощь Раевскому, возвратился съ прочими войсками, 17 (29) іюня, въ Куопіо; вслѣдъ за тѣмъ, по болѣзни его, начальство надъ ввѣреннымъ ему корпусомъ опять поручили Тучкову 1-му ([43]).

Король Шведскій, ободренный успѣхами своихъ войскъ на материкѣ Финляндіи, рѣшился предпринять новую экспедицію съ Аландскихъ острововъ къ

Або, противъ стоявшихъ тамъ гребныхъ судовъ, и съ 1808
этою цѣлью направя туда большую часть морскихъ и сухопутныхъ силъ, отрядилъ два фрегата и нѣсколько мѣлкихъ судовъ для занятія Юнгферзунда, чтобы отнять возможность нашимъ гребнымъ судамъ и четыремъ баталіонамъ, собраннымъ у Гангуда, пройти шкерами къ Або. Главнокомандующій, узнавъ о томъ, послалъ капитана 1-го ранга графа Гейдена съ вооруженною флотиліей изъ Свеаборга въ Або. По прибытіи къ Юнгферзунду, Гейденъ, не имѣя возможности вытѣснить оттуда непріятеля, провелъ съ большимъ трудомъ свои суда чрезъ узкій проливъ, отдѣляющій островъ Кимито отъ материка. Шведы покушались остановить нашу флотилію у выхода изъ Реланскаго пролива и атаковали ее, 9 (21) іюля, но послѣ жаркаго боя отошли къ Сандо: въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ графъ Гейденъ. Смѣнившій его, капитанъ-лейтенантъ Додтъ одержалъ совершенную побѣду надъ шведскою флотиліею, 20-го іюля (1-го августа) у острова Сандо, при чемъ однакоже самъ Буксгевденъ едва не попался въ плѣнъ высаженному на островъ Кимито непріятельскому отряду. Отрядъ гребныхъ судовъ, остававшійся при Гангудѣ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Новокщенова, послѣ упорнаго дѣла, 7-го (19-го) августа, вытѣснилъ Шведовъ изъ Юнгферзунда (44).

Не смотря на эти успѣхи, положеніе русскаго корпуса, разсѣяннаго на обширномъ пространствѣ, было весьма затруднительно. Изъ 26,000 человѣкъ, считавшихся въ рядахъ его, 6,000, подъ начальствомъ Тучкова, находились у Куопіо, ограничиваясь обороною противъ Сандельса, стоявшаго на позиціи у Тайволы; Раевскій, съ 6,000 человѣкъ, отступилъ къ Тавастгусу; графъ Орловъ-Денисовъ, съ 1,000 человѣкъ, расположенный у Біернеборга, удержи-

1807. вался съ трудомъ противъ высадокъ Шведовъ и народныхъ скопищъ; наконецъ, у Або, главнокомандующій, съ 4,000 человѣкъ, стоялъ въ ежеминутномъ ожиданіи высадокъ съ Аландскихъ острововъ, гдѣ Король Густавъ собралъ до 6,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и до 10,000 ополченія. Графъ Буксгевденъ просилъ объ отправленіи къ нему въ подкрѣпленіе 50,000 человѣкъ, но тогдашнія политическія обстоятельства заставили Императора Александра послать въ Финляндію только часть резервовъ графа Витгенштейна и 4-ую дивизію князя Голицына.

Но прежде еще, нежели эти войска успѣли прибыть на театръ войны, дѣла приняли новый, благопріятный для насъ, оборотъ.

Назначеніе графа Каменскаго начальникомъ войскъ, состоявшихъ до того времени подъ командою Раевскаго, какъ будтобы удвоило ихъ силы ([45]). Каменскій, прибывъ къ этому отряду, отступившему къ Алаво, отвелъ его въ окрестности Таммерфорса. Графъ Клингспоръ не преслѣдовалъ его, а остановился на позиціи у Сальми и укрѣпилъ ее. Бездѣйствіе шведскаго полководца дало Каменскому время устроить подвозъ продовольствія къ войскамъ и собрать у Ямсе до 10,500 человѣкъ съ 38-ю орудіями ([46]). Со стороны Шведовъ, 7,000 человѣкъ съ 30-ю орудіями занимали позицію у Сальми и 2,000 человѣкъ съ 8-ю орудіями, подъ начальствомъ полковника Фіандта, стояли въ 60-ти верстахъ отъ Сальми въ Линдулаксѣ: при каждой изъ этихъ частей войскъ находилось по нѣскольку тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Каменскій, предполагая обойти непріятеля, расположеннаго у Сальми, со стороны Линдулакса, выступилъ туда, въ началѣ (въ половинѣ) августа, пославъ полковника Эриксона, съ небольшимъ от-

рядомъ, на Руовеси къ Алаво, для наступленія съ фронта противъ Шведовъ и для отвлеченія ихъ вниманія отъ главныхъ силъ русскаго корпуса. Но когда отрядъ Эриксона, атакованный превосходными силами Адлеркрейца, при Алаво, 5-го (17-го) августа, былъ разбитъ и отброшенъ къ Руовеси, графъ Каменскій быстро обратился на прямой путь къ Сальми, приказавъ своему авангарду, подъ началъствомъ полковника Властова, продолжать наступленіе къ Линдулаксу, разбить Фіандта и идти къ Сальми во флангъ Клингспору. По занятіи Алаво, 13 (25) августа, Каменскій двинулся противъ непріятеля, расположеннаго въ выгодной позиціи у Куортане, (Шведы называютъ происшедшій тамъ бой дѣломъ при Руонѣ), вытѣснилъ его оттуда 20-го августа (1-го сентября) и разбилъ при Сальми, на слѣдующій день. Полковникъ Властовъ, съ своей стороны, опрокинувъ отрядъ Фіандта въ нѣсколькихъ дѣлахъ, заставилъ его отступить по дорогѣ въ Гамле-Карлеби. 1808

Графъ Клингспоръ, отойдя къ Оровайсу, сильно укрѣпилъ тамошнюю позицію и надѣялся удержать дальнѣйшее наступленіе Каменскаго, но будучи атакованъ тамъ 2 (14) сентября, былъ разбитъ, съ потерею 1,000 человѣкъ, и узнавъ о занятіи Властовымъ Гамле-Карлеби, поспѣшилъ туда, чтобы не быть отрѣзаннымъ; между тѣмъ, Властовъ, несчитая себя въ силахъ удержать напоръ превосходнаго въ числѣ войскъ непріятеля, отошелъ назадъ и далъ возможность Клингспору пройти 8-го (20-го) сентября чрезъ Гамле-Карлеби и отступить далѣе, вдоль моря. Авангардъ корпуса графа Каменскаго, подъ начальствомъ Кульнева, неотступно преслѣдуя бѣгущаго непріятеля, но будучи останавливаемъ на каждомъ шагу мѣстными препятствіями, прибылъ 10 (22) въ Гамле-Карлеби, гдѣ, два дня спустя, собрался весь кор-

1808. пусъ. Самъ главнокомандующій, пріѣхавъ туда, нашелъ все въ готовности къ дальнѣйшему движенію противъ Шведовъ, но получивъ отъ графа Клингспора приглашеніе заключить перемиріе и все еще не надѣясь на прочное покореніе Финляндіи, несмотря на усиленіе своего корпуса до 45,000 человѣкъ, изъявилъ согласіе открыть переговоры и поручилъ веденіе ихъ Сухтелену и Каменскому. По условіямъ перемирія, подписаннаго 17 (29) сентября, военныя дѣйствія были прекращены на неопредѣленное время, съ тѣмъ, что обѣ стороны обязались, въ случаѣ возобновленія дѣйствій, извѣстить о томъ одна другую за восемь дней. Отрядъ графа Клингспора отступилъ къ Химанго, а отрядъ Сандельса, стоявшій у Тайволы — въ Иденсальми ([47]).

Войска русскія, покоривъ на сѣверѣ Финляндію, на югѣ — Дунайскія княжества, вздохнули свободно, готовясь къ новымъ боямъ, трудамъ и лишеніямъ.

1807. Разрывъ съ Англіею поставилъ въ самое затруднительное положеніе русскій флотъ, тогда находившійся въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина.

Въ сентябрѣ 1807 года, морскія силы ввѣренныя Сенявину, въ числѣ 18-ти кораблей, 7-ми фрегатовъ и 30-ти меньшихъ судовъ, стояли при островѣ Корфу, незадолго предъ тѣмъ сданномъ Французамъ, и въ Венеціи. Сенявинъ, получивъ предписаніе—отправить весь флотъ въ русскіе порты, избѣгая встрѣчи съ Англичанами, приказалъ капитанъ-командору Баратынскому съ пятью судами отправиться прямо въ Балтійское море, капитанъ-командору Салтанову, съ Черноморскою эскадрою и призовыми судами — укрыться въ какомъ-либо изъ портовъ Средиземнаго

моря; а самъ, съ 10-ю кораблями, 2-мя фрегатами и однимъ шлюпомъ Архипелажской эскадры, отплылъ къ Гибралтару, гдѣ былъ принятъ Англичанами дружелюбно, но не получилъ ничего нужнаго для своей эскадры. Сенявинъ, не смотря на то, отправился въ Океанъ и, претерпѣвъ жестокіе штормы, вошелъ, съ 9-ю кораблями и фрегатомъ, для исправленія судовъ, въ устье Тага, 28 октября (9 ноября). Тамъ ожидали тогда англійскую эскадру адмирала Сиднея Смита, которому было поручено способствовать отплытію королевской фамиліи изъ Лиссабона въ Бразилію. Прибытіе союзной Наполеону русской эскадры сильно встревожило жителей португальской столицы, но Сенявинъ, лично объяснясь съ принцемъ регентомъ, успокоилъ правительство и народъ на счетъ своихъ намѣреній. 17 (29) ноября, португальскій дворъ, съ частью войскъ и съ немалымъ числомъ монаховъ, отправился въ Ріо-Жанейро, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ англійскихъ кораблей; прочіе же, подъ начальствомъ адмирала Коттона, стали въ виду Лиссабона, коего портъ былъ объявленъ состоящимъ въ блокадѣ. Два дня спустя, французскій корпусъ генерала Жюно вступилъ въ Лиссабонъ, и тогда тамошній неутральный портъ легко могъ сдѣлаться мѣстомъ столкновенія враждующихъ между собою націй. Сенявинъ, находясь въ готовности отразить нападеніе англійской эскадры, поставилъ себѣ за правило не принимать никакого участія въ дѣйствіяхъ Французовъ, чтобы не подать повода Португальцамъ къ неудовольствію на Русскихъ. Когда Жюно предложилъ ему высадить часть экипажей съ нашей эскадры, чтобы усилить прикрытіе французскихъ береговыхъ батарей, и расположить корабли вдоль по теченію рѣки Таго, Сенявинъ отвѣчалъ: „въ случаѣ нападенія Англичанъ,

1807.

1808. по существующему союзу между Россіею и Франціей, буду дѣятельно помогать Французамъ; что-же касается до Испанцевъ и Португальцевъ, я невластенъ объявить себя ихъ непріятелемъ; не могу также перемѣнить позицію эскадры и поставить ее въ выгодное положеніе для Англичанъ". За тѣмъ Сенявинъ, хотя и получилъ повелѣніе Императора Александра — состоять въ совершенномъ распоряженіи Наполеона — однакоже отклонилъ другое предложеніе Жюнò — выйти изъ гавани и атаковать англійскую блокадную эскадру, которая, по увѣренію Французовъ, за отдѣленіемъ части ея на другіе пункты, состояла всего на все изъ семи кораблей (48). Когда-же, вскорѣ послѣ того, адмиралъ Коттонъ извѣстилъ Сенявина, будтобы послѣдовалъ разрывъ между Россіею и Франціей, и что уже у насъ открылись переговоры о мирѣ съ Англичанами и Шведами, Сенявинъ оставилъ письмо англійскаго адмирала безъ отвѣта (49). Спустя нѣсколько дней, Жюнò опять просилъ занять частью русскихъ экипажей форты, защищающіе входъ въ лиссабонскую гавань. Желая побудить къ тому Сенявина, Жюнò, между прочимъ, писалъ: „пусть-же будетъ извѣстно — и моему, и вашему, Государямъ, что русская эскадра не оказала мнѣ ни малѣйшей помощи; пускай военные люди, которымъ доведется обсуживать мое настоящее положеніе, знаютъ, что не только я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, но что эскадра, союзная Франціи, враждебная Англіи, объявила себя неутральною, въ самую рѣшительную минуту, въ виду непріятельской эскадры и когда высаживались значительныя силы Англичанъ, и что, поступивъ такимъ образомъ, она сдѣлала мнѣ болѣе вреда, нежели могла-бы сдѣлать его, дѣйствуя явно противъ меня, по причинѣ невыгоднаго вліянія на

общественное мнѣніе такого поступка“. Тогда-же генералъ Жюно изъявилъ Сенявину подозрѣніе — нѣтъ-ли между русскимъ и англійскимъ адмиралами какого-либо соглашенія, на основаніи котораго русская эскадра обезпечена отъ нападенія Англичанъ (50). Сенявинъ въ тотъ-же день отвѣчалъ генералу Жюно, что онъ всегда готовъ, за-одно съ Французами, отражать Англичанъ; касательно-же Испанцевъ и Португальцевъ (которыхъ Англичане поддерживаютъ весьма слабо), онъ не получилъ никакихъ инструкцій отъ Императора Наполеона, да и средства русской эскадры столь незначительны для дѣйствій на сухомъ пути, что она не можетъ принять въ нихъ дѣятельнаго участія. Наконецъ, Сенявинъ отвергалъ всякое сомнѣніе въ соглашеніи его съ Англичанами, какъ недостойное прямыхъ, открытыхъ поступковъ русскаго правительства (51). 1808

Во второй половинѣ (въ концѣ) августа 1808 года, Жюно, разбитый высаженными въ Португалію англійскими войсками, былъ принужденъ очистить Лиссабонъ. Хотя въ проектѣ заключенной имъ конвенціи, по настоянію Сенявина, было включено, чтобы лиссабонскій портъ, и по занятіи города Англичанами, оставался неутральнымъ для нашей эскадры, однако-же адмиралъ Коттонъ отвергъ эту статью. Въ такихъ обстоятельствахъ, Сенявину оставалось принять бой съ сильнѣйшимъ англійскимъ флотомъ, или войти въ соглашеніе съ Англичанами, на выгоднѣйшихъ по возможности условіяхъ. Съ своей стороны, адмиралъ Коттонъ, принявъ во вниманіе многолѣтнія дружественныя отношенія Россіи къ Англіи и благородные поступки Сенявина въ Лиссабонѣ, изъявилъ согласіе на предложенныя нашимъ адмираломъ слѣдующія условія: во 1-хъ, русская эскадра, стоявшая въ устьѣ Тага, отдавалась

1808. на сохраненіе англійскому правительству, которое обязывалось возвратить сданные ему корабли, въ томъ-же состояніи, въ какомъ ихъ приняло, чрезъ полгода по заключеніи мира съ Россіею; во 2-хъ, вице-адмиралъ Сенявинъ, со всѣми ввѣренными ему офицерами, солдатами и матросами, долженъ былъ возвратиться въ Россію на счетъ Англіи, и въ 3-хъ, Сенявину предоставлялось неспускать флаговъ на русскихъ корабляхъ, пока не сойдутъ съ нихъ адмиралъ и капитаны, съ установленными почестями (52). На основаніи этихъ условій, русская эскадра, въ сентябрѣ 1808 года, была отведена въ Портсмутъ (53).

Лиссабонскій трактатъ возбудилъ въ Англіи общее неудовольствіе. Въ одномъ изъ поднесенныхъ Королю адресовъ было сказано: „потеря сраженія вслѣдствіе измѣны былабы менѣе унизительна для Англичанъ, нежели принятіе условій Сенявина". Но Коттонъ былъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности, приведя въ оправданіе себя: „благородное и благоразумное поведеніе Сенявина въ продолженіи его десяти-мѣсячнаго пребыванія въ Лиссабонѣ; безпрепятственный пропускъ принца-регента въ Бразилію; довѣренность, пріобрѣтенная Русскими въ португальскомъ народѣ; уваженіе къ Сенявину мое и капитановъ состоящихъ подъ моимъ начальствомъ: все это — писалъ онъ — заставило меня воздать должное его достоинствамъ. Да будетъ честь, оказанная русскому флагу, предъ лицемъ Британіи, повелительницы морей, жертвою признательности Англичанъ къ русскому народу!" *):

*) Изъ числа судовъ, отплывшихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Сенявина отъ Корфу, одинъ изъ кораблей и шлюпъ отстали отъ эскадры; фрегатъ «Венусъ» былъ посланъ въ Палермо, а девять кораблей и одинъ фрегатъ уведены въ Портсмутъ: изъ нихъ только два корабля пришли въ 1813 году въ Кронштадтъ; за всѣ-же остальные, пришедшіе совершенно въ негодность, заплачено, какъ за новые.

Остается сказать о судьбѣ двухъ русскихъ судовъ, фрегата *Спѣшный* и транспорта *Вильгельмина*, отправленныхъ изъ Кронштадта на присоединеніе къ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина уже по заключеніи Тильзитскаго трактата, именно 21-го іюля (2-го августа). Война Англіи не была объявлена; тѣмъ не менѣе заключеніе мира съ Франціей ставило насъ въ непріязненныя отношенія къ Англичанамъ, и потому трудно понять, какъ рѣшились отправить въ Средиземное море два небольшихъ судна, подвергая ихъ встрѣчѣ съ господствовавшими на океанѣ британскими флотами; еще страннѣе, что командовавшій фрегатомъ *Спѣшный*, капитанъ-лейтенантъ Ховринъ не только зашелъ въ Портсмутъ, какъ будтобы въ дружественный портъ, но назначилъ тамъ рандеву далеко отставшему отъ него транспорту. На фрегатѣ находились деньги для эскадры Сенявина: 140 тысячъ голландскихъ червонцевъ и 600 тысячъ испанскихъ піастровъ, а на транспортѣ — разныя вещи для обмундированія людей. Легко, кажется, было предвидѣть, что Англичане не упустятъ возможности воспользоваться богатою добычею: такъ и случилось. Начиная отъ Дагерорта, англійскіе военные суда постоянно конвоировали фрегатъ и транспортъ, неупуская ихъ изъ вида. Русскій повѣренный въ Копенгагенѣ Лизакевичъ, по прибытіи къ сему городу Ховрина, совѣтовалъ ему тотчасъ сняться съ якоря и никуда не заходить, потому что Англичане слѣдили за каждымъ его движеніемъ, зная, какого рода у него грузъ. Тогда-же англійскій посланникъ, прибывъ на нашъ фрегатъ, показалъ Ховрину записку, съ подробнымъ обозначеніемъ, сколько какой монеты имѣлось въ боченкахъ, составлявшихъ грузъ ввѣреннаго ему судна. Капитанъ Ховринъ, въ тотъ-же день, 3 (15) авгу- 1808.

1808. ста, снялся съ якоря, прошелъ мимо англійской эскадры адмирала Гембира, готовившейся идти къ Копенгагену, и отсолютовавъ по уставу англійскому флагу, получилъ въ отвѣтъ такое-же число выстрѣловъ.

По прибытіи въ Портсмутъ, капитанъ Ховринъ испрашивалъ приказаній у русскаго посланника въ Лондонѣ Максима Макс. Алопеуса, который совѣтовалъ ему уйти скорѣе изъ Портсмута, оставя инструкцію командиру транспорта *Вильгельмина*, капитанъ-лейтенанту Пельгарту и назначивъ ему рандеву въ Гибралтарѣ, либо въ Мальтѣ. Командиръ, отправлявшагося въ Камчатку и тогда стоявшаго въ Портсмутѣ, шлюпа Діана, лейтенантъ Головнинъ совѣтовалъ Ховрину тоже, и самъ, 1-го (13-го) ноября, отплылъ изъ Англіи, получивъ отъ англійскаго адмиралтейства паспортъ на свободное плаваніе, обыкновенно дающійся въ военное время судамъ, посланнымъ для открытій, съ ученою цѣлью. Впрочемъ, несмотря на этотъ паспортъ, шлюпъ *Діана* былъ задержанъ Англичанами на Мысѣ Доброй Надежды, въ продолженіи цѣлаго года, и избавился отъ плѣна только благодаря смѣлости Головнина, который, въ бурную темную ночь, обрубивъ якорные канаты и поставя всѣ паруса, ушелъ въ море изъ среды наблюдавшихъ за нимъ англійскихъ судовъ ([54]).

Несмотря на всѣ предостереженія, капитанъ Ховринъ со ввѣреннымъ ему фрегатомъ оставался въ Портсмутѣ: причинами тому были: съ одной стороны неимѣніе достовѣрныхъ свѣдѣній о Сенявинѣ, а съ другой — ожиданіе транспорта *Вильгельмина*. Когда-же наконецъ транспортъ прибылъ въ Портсмутъ и капитанъ Ховринъ уже готовился сняться съ якоря, Алопеусъ, получивъ извѣстія о прибытіи

эскадры Сенявина въ устье Таго и о блокадѣ Лиссабона Англичанами, предписалъ Ховрину не выходить изъ Портсмута (55). Два дня спустя, послѣдовало объявленіе войны между Россіею и Англіею, и главный командиръ надъ портсмутскимъ портомъ получилъ приказаніе наложить амбарго на всѣ русскія суда. Англичане, окруживъ фрегатъ и транспортъ вооруженными барказами, отправили на блокшифъ нашихъ солдатъ и матросовъ. Нѣсколько дней спустя, по ходатайству Алопеуса, гардемарины были отпущены въ Россію, а офицерамъ позволено жить, на честное слово, въ городѣ Эндоверѣ. Алопеусъ домогался, чтобы ему выдали грузъ фрегата, но Англичане въ томъ рѣшительно отказали (56). 1808.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе о плѣненіи русскихъ судовъ, повелѣлъ: „Балтійскаго флота капитанъ-лейтенантовъ Ховрина и Пельгарта, за неисполненіе возложенныхъ на нихъ отъ начальства порученій, исключить изъ службы“ (57).

Положеніе нашихъ офицеровъ въ Эндоверѣ было очень плохо. Они получали отъ англійскаго правительства всего на все по полутора шилинга, т. е. около 45 коп. сер. въ день. Комитетъ, образовавшійся подъ предсѣдательствомъ негоціанта Ангерстейна, для вспомоществованія плѣннымъ русскимъ офицерамъ, собралъ 1,266 фунт. стерлинг. (7,600 рубл. сер.), въ числѣ коихъ были пожертвованія: самаго Ангерстейна 500 и графа Семена Роман. Воронцова 200 фунт. Изъ собранной комитетомъ суммы выдавалось ежемѣсячно: Ховрину 6 фунтовъ, Пельгарту 5 и всѣмъ прочимъ офицерамъ по 3 фунта; но этихъ денегъ достало только до мая 1809 года, и наши офицеры терпѣли-бы крайнюю нужду, еслибы прибывшій между тѣмъ съ эскадрою въ Портсмутъ, вице-адмиралъ Сенявинъ не открылъ под-

1809. писки, для улучшенія ихъ участи: изъ пожертвованной суммы пришлось на каждаго изъ плѣнныхъ офицеровъ по $8^1/_2$ фунтовъ (54 рубля сер.). Между тѣмъ Ангерстейнъ и русскій агентъ въ Лондонѣ, священникъ Смирновъ, писали министру морскихъ силъ Чичагову, выставляя въ самыхъ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе плѣнныхъ; наконецъ, въ октябрѣ 1809 года, вступившій въ управленіе морскимъ министерствомъ, маркизъ де-Траверсе исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе — выдавать всѣмъ плѣннымъ офицерамъ въ Англіи, сверхъ получаемаго ими содержанія, по 6-ти фунтовъ (38 р. сер.) въ мѣсяцъ.

Въ 1810 году, капитанъ-лейтенанты Ховринъ и Пельгартъ были прощены и снова приняты въ службу; а въ октябрѣ того-же года, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея царствованія короля Георга III, дозволено было русскимъ офицерамъ возвратиться въ отечество. Несмотря на радушіе къ нимъ Англичанъ, которые чрезвычайно любили русскихъ плѣнныхъ за ихъ вѣжливость, ловкость и примѣрное поведеніе, (что̀ возбуждало зависть и недоброжелательство къ нимъ эндоверской молодёжи), наши офицеры съ восторгомъ узнали о своемъ освобожденіи, но недостатокъ въ деньгахъ долго затруднялъ отъѣздъ ихъ изъ Англіи.

Положеніе команды обоихъ судовъ, заключенной на блокшифѣ, было крайне бѣдственно. Стѣсненные въ небольшомъ пространствѣ, получая полфунта мяса и не болѣе полутора фунта хлѣба въ день, матросы часто вспоминали Россію, гдѣ они могли поѣсть вдоволь. Одежда ихъ совершенно обносилась и въ замѣнѣ ея какою-либо другою было отказано. Отъ скуки и бездѣлья, наши моряки стали учиться англійскому языку. Въ хорошую погоду выходили на

шканцы пѣсенники съ рожкомъ и бубнами. Англичанамъ очень нравились русскія пѣсни. Однажды собралась на берегу, противъ блокшифа, довольно многочисленная публика — послушать плѣнныхъ; пѣсенники, человѣкъ до двадцати, въ надеждѣ получить нѣсколько денегъ для улучшенія своей скудной пищи, истощали усилія и получили отъ щедроты иностранныхъ гостей — три шиллинга (90 коп. сер.). Сенявинъ, немедленно по прибытіи въ Портсмутъ, озаботился участью плѣнныхъ, приказалъ отдѣлить часть заслуженной провизіи артелей и отправилъ эти припасы на блокшифъ; офицеры его эскадры собрали по подпискѣ восемьсотъ фунтовъ стерлинг. (4,800 рубл. сер.) для раздачи плѣннымъ. За исключеніемъ пятидесяти человѣкъ, вымѣненныхъ Сенявинымъ на Англичанъ, взятыхъ въ плѣнъ Русскими, всѣ прочіе люди экипажей фрегата *Спѣшный* и транспорта *Вильгельмина* оставались въ Англіи до 30-го мая 1811 года, а потомъ были отправлены въ Россію (58). 1809.

Сенявинъ, строгій, но справедливый по службѣ, былъ весьма любимъ своими подчиненными, считавшими наибольшимъ для себя наказаніемъ утрату *улыбки*, которою сопровождалъ онъ всѣ свои приказанія и получаемыя отъ нихъ донесенія. Въ 1809 году, офицеры, служившіе подъ его начальствомъ въ Архипелажской и Адріатической экспедиціяхъ, желая ознаменовать это время какимъ-либо памятникомъ, поднесли ему большую серебряную вазу, этрурской формы, съ золотымъ на крышкѣ орломъ, держащимъ въ одной лапѣ турецкую луну и опирающимся другою на щитъ съ слѣдующею надписью: *Въ память побѣды, одержанной Россійскою эскадрою надъ Турецкимъ флотомъ, у острова Лемноса въ Архипелагѣ, 1807 года, іюня 19 дня.* Четыре змѣи —

1809. эмблема мудрости и вѣчности — составляли обѣ ручки вазы и головами поддерживали широкій золотой поясъ, на которомъ начертано эмалью: *Поднесена Его Превосходительству, Г. Вице-Адмиралу и Кавалеру Дмитрію Николаевичу Сенявину, Россійскими офицерами, на эскадрѣ подъ главнымъ начальствомъ его находившимися, во изъявленіе своего къ нему усердія, любви и благодарности, 1809 года.* На срединѣ вазы, двѣ золотыя гирлянды, изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, какъ символы твердости и славы, обвивали, съ одной стороны бюстъ Императора Александра I-го, а съ другой — гербъ Сенявина ([59]).

1807. Непосредственно послѣ Тильзитскаго мира совершились многія перемѣны въ высшей сферѣ нашего государственнаго управленія. Кромѣ замѣны Будберга графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, мѣсто умершаго, въ концѣ августа 1807 года, министра финансовъ графа Васильева, занялъ племянникъ его Голубцовъ. Въ ноябрѣ того-же года, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ слѣдствіе паденія Кочубея, было ввѣрено князю Алексѣю Борисовичу Куракину, съ юныхъ лѣтъ посвятившему себя изученію законовъ и административнаго порядка; бывши при Павлѣ два года генералъ-прокуроромъ, онъ принужденъ былъ, въ послѣдствіи, довольствоваться второстепенною должностью малороссійскаго генералъ-губернатора, пока, съ новымъ оборотомъ колеса Фортуны, опять сдѣлался министромъ.

Въ войну противъ Французовъ 1807 года, Императоръ Александръ собственными глазами убѣдился во многихъ безпорядкахъ по военной части и приписывалъ имъ послѣднія неудачи нашего войска;

только лишь артиллеріей, доведенною до блистательнаго состоянія, благодаря энергіи и дѣятельности графа Аракчеева, Государь остался доволенъ. Старому Вязмитинову не подъ силу была должность военнаго министра, при чрезвычайномъ умноженіи арміи, тѣмъ болѣе, что онъ не пользовался никакимъ довѣріемъ свыше, и вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части, генералъ-адъютанта графа Ливена. Въ особенности-же обязанности Вязмитинова стали трудны съ того времени, когда. подъ именемъ главнокомандующаго, онъ сдѣлался блюстителемъ порядка въ столицѣ. Императоръ Александръ, назначивъ на его мѣсто военнымъ министромъ графа Аракчеева, зналъ, какъ ненавистно было всѣмъ имя этого человѣка, но полагалъ, что его энергія одна лишь могла возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать безстыдное хищничество коммисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ. 1808.

Сынъ бѣднаго дворянина тверской губерніи, Аракчеевъ получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ: въ изученіи иностранныхъ языковъ, исторіи и словесности, онъ оказалъ мало прилежанія и способностей, и даже плохо зналъ русскую грамоту; съ самаго дѣтства, чуждый всякому чувству изящнаго, любя все положительное, основанное на точномъ разсчетѣ, онъ, съ отличавшими его терпѣніемъ и постоянствомъ, отчасти усвоилъ себѣ математическія науки. Не менѣе ревенія оказалъ онъ къ фронтовой службѣ и съ пятнадцати-лѣтняго возраста сдѣлался помощникомъ корпусныхъ офицеровъ, которые поручали ему слабыхъ по фронту и по наукамъ кадетовъ; у него неуклюжіе обращались въ ловкихъ; лѣнтяи и тупицы вытверживали заданные имъ уроки. Аракчеевъ всякое приказаніе начальства исполнялъ буквально, обходился съ подчиненными круто и „тычковъ не

1808. щадилъ.“ Современники его уже тогда отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ своими способностями и усердіемъ, но нестерпимо грубомъ (d'une brutalité révoltante) въ обращеніи съ кадетами [60]. Въ 1787 году, Аракчеевъ, 18-ти лѣтъ отъ рода, былъ выпущенъ изъ корпуса въ чинѣ поручика арміи, оставленъ репетиторомъ, и назначенъ учителемъ ариѳметики, геометріи и артиллеріи, а два года спустя, за обученіе людей новоформируемой артиллеріи фронту, стрѣльбѣ и лабораторному искусству, переведенъ въ артиллерію подпоручикомъ. Сильный вельможа, Никол. Иван. Салтыковъ, котораго сыну Аракчеевъ преподавалъ математику, доставилъ ему мѣсто адъютанта у генерала Мелиссино, который, зная его за трудолюбиваго и свѣдущаго офицера, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая избавиться отъ навязаннаго ему адъютанта, рекомендовалъ Аракчеева Великому Князю Павлу Петровичу, желавшему имѣть инструктора для своей гатчинской артиллеріи. Назначеніе, 8-го октября 1792 года, командиромъ артиллерійской роты Наслѣдника, вмѣстѣ съ пожалованіемъ въ капитаны и съ предоставленіемъ права постоянно обѣдать у Великаго Князя, было первою ступенью быстраго возвышенія Аракчеева. Не имѣя возможности тягаться съ лицами, въ общество коихъ былъ внезапно поставленъ, ни свѣтскою ловкостью, ни образованіемъ, ни острымъ умомъ, Аракчеевъ обратилъ на себя вниманіе Павла Петровича щегольствомъ одежды, исправностью по службѣ, усердіемъ и точностью въ исполненіи получаемыхъ приказаній.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, открылось обширное поприще и дѣятельности, и наградъ для Аракчеева. 8-го ноября 1796 года, 27-ми лѣтъ отъ рода, онъ произведенъ въ генералъ-маіоры; 13-го, пожалована ему анненская лента; 5-го апрѣля

1797 года, въ день коронаціи Государя, Аракчеевъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и баронское достоинство; къ поднесенному на утвержденіе его баронскому гербу Павелъ собственноручно прибавилъ надпись: „безъ лести преданъ." Тогда-же пожаловано Аракчееву село Грузино, въ новогородскомъ уѣздѣ, съ 2,000 душъ *). Императоръ Павелъ возложилъ на него три должности: С.-Петербургскаго коменданта, командира Преображенскаго полка и генералъ-квартирмейстера арміи. Аракчеевъ, необладавшій способностью привязывать къ себѣ сердца своихъ подчиненныхъ и побуждать ихъ къ охотному исполненію своихъ обязанностей, вездѣ являлся начальникомъ холоднымъ, придирчивымъ, заботившимся болѣе о томъ, чтобы находить безпорядки и неисправности, нежели отдавать должное усердію и заслугамъ. Не имѣя въ душѣ ни къ кому снисхожденія, онъ утомлялъ и раздражалъ Государя донесеніями о мелочныхъ отступленіяхъ отъ порядка службы. Обладая неутомимою дѣятельностью, онъ забывалъ, что не всѣ люди одарены одинаковыми способностями и силами: „Чистыя казармы — здоровыя казармы" — повторялъ онъ, и дѣйствительно достигъ опрятности изысканной, но, за то, нижніе чины, проводившіе большую часть дня на ученіяхъ, по ночамъ мыли полы, чистили улицы, усыпали ходы пескомъ и.... не знали покоя. Нерѣдко Аракчеевъ жестоко на- 1808.

*) Императоръ Павелъ пожаловалъ одновременно Аракчееву и Архарову по 2,000 душъ, съ тѣмъ, чтобъ они сами выбрали для себя помѣстья. Нѣсколько дней спустя, Государь спросилъ Аракчеева, гдѣ онъ желаетъ получить имѣніе, и когда Аракчеевъ отвѣчалъ, что онъ будетъ доволенъ имѣніемъ, которое угодно будетъ назначить ему, Павелъ сказалъ, что «это вздоръ!» — «Впрочемъ — прибавилъ онъ — Архаровъ выбралъ Грузино, а онъ промаха не дастъ; возьми себѣ Грузино, а онъ пусть поищетъ въ другомъ мѣстѣ» (Слышано отъ самаго Аракчеева генераломъ Сигуновымъ).

1808. казывалъ солдатъ, а офицеровъ осыпалъ выговорами и бранью ([61]). Даже самому Наслѣднику Александру Павловичу доводилось великодушно сносить грубости неуживчиваго „новаго капрала“ *). Графъ Аракчеевъ, въ 1826-мъ году, говоря о близкихъ отношеніяхъ своихъ къ Императору Александру I, сказалъ: „мы всегда и давно были друзьями съ покойнымъ Государемъ Александромъ Павловичемъ. Разъ какъ-то мы поссорились. Императоръ Павелъ Петровичъ, узнавъ о томъ, призвалъ обоихъ насъ въ кабинетъ и заставилъ помириться, уговаривая, чтобы и впредь мы не ссорились, а были друзьями“ ([62]). Офицеры Преображенскаго полка, ненавидя своего командира, разглашали, что въ немилости Павла къ Суворову и въ удаленіи обожаемаго вождя главнымъ виновникомъ былъ Аракчеевъ. И въ званіи генералъ-квартирмейстера, онъ былъ не менѣе тяжелъ для подчиненныхъ ему офицеровъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части (генеральнаго штаба). По свидѣтельству графа Толя, служба свитскихъ офицеровъ, подъ начальствомъ Аракчеева, была „преисполнена отчаянія.“ Отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера, съ двухъ-часовымъ перерывомъ для обѣда, эти офицеры занимались перечерчиваніемъ старыхъ, большею частью безполезныхъ плановъ. Аракчеевъ хлопоталъ только о томъ, чтобы всѣ его подчиненные были заняты, не заботясь о томъ, имѣли-ли какую-либо разумную цѣль эти занятія. Живя надъ чертёжною и являясь по нѣскольку разъ въ день къ офицерамъ, онъ осыпалъ ихъ бранью, и разъ даже забылся до того, что молодому колонновожатому фонъ Фитингофу далъ пощечину. Завѣдывавшій чертёжною подполковникъ Ленъ, любимецъ Ру-

*) Такъ его звалъ извѣстный Ѳ. В. Ростопчинъ.

мянцова, имѣвшій честь быть оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ Суворова, украшенный за отличный подвигъ георгіевскимъ крестомъ, будучи площадно обруганъ Аракчеевымъ, застрѣлился ([63]). Это ужасное событіе повлекло за собою паденіе всѣми ненавидимаго временщика. Аракчеевъ, уволенный въ отпускъ, 1-го февраля 1798 года, ([64]) отправился въ Грузино и вслѣдъ за тѣмъ былъ отставленъ отъ службы, съ чиномъ генералъ лейтенанта([65]). Неблаговоленіе Государя продолжалось недолго. Черезъ полгода онъ былъ снова принятъ въ службу ([66]), опять вступилъ въ должность генералъ-квартирмейстера, назначенъ командиромъ Л. Гв. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ артиллеріи ([67]), получилъ командорственный крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго и возведенъ 5-го мая 1798 года въ графское достоинство, но благоволеніе къ нему Государя поколебалось отъ множества наговоровъ и жалобъ до него дошедшихъ, и „безъ лести преданный" былъ снова отставленъ отъ службы, 1-го октября 1799 года, „за ложное донесеніе" *). 1808.

Въ продолженіи почти четырехъ лѣтъ, Аракчеевъ велъ уединенную жизнь въ селѣ Грузинѣ. Тамъ господствовали трудолюбіе, порядокъ и чистота, и вмѣстѣ съ ними мрачное молчаніе и трепетъ ([68]). Не смотря на увѣренія Аракчеева въ постоянномъ расположеніи къ нему Императора Александра, человѣколюбивый Государь не вдругъ рѣшился призвать его къ новой дѣятельности. 14-го мая 1803 года, графъ Аракчеевъ былъ назначенъ, по прежнему, инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ Л. Гв. артиллерійскаго баталіона, и занимаясь ввѣренною ему

*) Событіе, подавшее непосредственный поводъ къ увольненію отъ службы Аракчеева, изложено въ особомъ приложеніи къ сей главѣ.

1808. частью съ усердіемъ и знаніемъ дѣла, довелъ ее до высокой степени совершенства по фронту. Отдавая справедливость его заслугамъ, Императоръ Александръ повелѣлъ ему, 13-го генваря 1808 года, быть военнымъ министромъ *). Такой человѣкъ не могъ безусловно принять министерство. Онъ потребовалъ устраненія графа Ливена отъ доклада Государю по военнымъ дѣламъ, уничтоженія военно-походной канцеляріи и хотѣлъ господствовать надъ главнокомандующими дѣйствующихъ армій. Императоръ Александръ на все изъявилъ свое согласіе (69).

Съ назначеніемъ графа Аракчеева военнымъ министромъ начался рядъ важныхъ преобразованій и постановленій по части артиллеріи **): приступлено къ преобразованію Сестрорѣцкаго оружейнаго завода (70); составлены подробныя инструкціи для пріема артиллерійскихъ орудій (71) и артиллерійскихъ снарядовъ (72); учреждены для исправленія артиллеріи подвижные арсеналы при непремѣнныхъ арсеналахъ: Петербургскомъ, Брянскомъ и Кіевскомъ (73); для усовершенствованія какъ теоріи, такъ и практики артиллерійскаго искусства, учрежденъ „Ученый Комитетъ по Артиллерійской части", подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ генералъ-инспектора всей артиллеріи (74).

Вообще-же русская артиллерія. съ 1803 года, когда управленіе ею было ввѣрено графу Аракчееву,

---

*) Еще за мѣсяцъ до назначенія графа Аракчеева военнымъ министромъ повелѣно признавать объявляемыя имъ Высочайшія повелѣнія за именные указы (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,715-й).

**) Трудно понять, какъ Аракчеевъ, при весьма плохомъ образованіи своемъ, и при недостаткѣ боевой опытности, могъ сдѣлаться преобразователемъ нашей артиллеріи. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ много воспользовался артиллерійскими чертежами, которые ему передалъ французскій эмигрантъ, командиръ одной изъ нашихъ батарейныхъ ротъ, подполковникъ де-Барбишъ. (Сообщено старымъ артиллеристомъ, Гаврил. Михайл. Юрьевымъ).

получила несравненно лучшую организацію: отмѣненъ служившій для возки орудій фурштатъ и обязанность его возложена на часть строевой прислуги, въ чемъ мы опередили нѣсколькими годами всѣ иностранныя артиллеріи. Улучшена конструкція орудій, облегчены полевые лафеты, упрощены оковки ихъ, приняты снова двухъ-колесные зарядные ящики, вмѣсто четырехъ-колесныхъ, введенныхъ при Императорѣ Павлѣ, и вообще система нашей полевой артиллеріи устроена такъ удобно, что могла существовать безъ важныхъ измѣненій сорокъ лѣтъ, до 1846 года. Улучшеніе технической части и строгій надзоръ за арсенальными работами довели ихъ до высокаго совершенства: желая удостовѣриться въ однообразіи частей лафетовъ, графъ Аракчеевъ приказывалъ присылать ихъ въ Петербургъ изъ различныхъ арсеналовъ и въ присутствіи своемъ собирать изъ нихъ полные лафеты. Полковая артиллерія, приносившая мало пользы, по сформированіи въ 1807 году артиллерійскихъ бригадъ, была окончательно отдѣлена отъ полковъ (75). 1808.

Почти одновременно съ возвышеніемъ Аракчеева, Императоръ Александръ приблизилъ къ себѣ человѣка совершенно противоположныхъ качествъ—Сперанскаго. Государь, убѣдясь, при докладахъ его по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ необыкновенныхъ его способностяхъ, назначилъ его въ число лицъ, сопровождавшихъ Его Величество при поѣздкѣ въ Эрфуртъ (76).

Обратимся къ нашей внѣшней политикѣ послѣ Тильзитскаго мира.

Недолго продолжались дружескія, задушевныя отношенія между Императоромъ Александромъ и

1808. Наполеономъ. Различіе ихъ видовъ незамедлило обнаружиться. Александръ хотѣлъ владѣть покоренными его оружіемъ Дунайскими Княжествами и облегчить, по возможности, положеніе союзника своего Фридриха-Вильгельма, не заботясь о покореніи Финляндіи, пока самъ Король Густавъ подалъ къ тому поводъ своими безразсудными поступками; быть можетъ нашъ Государь неохотно приступалъ къ войнѣ съ Шведами и потому, что избѣгалъ ускорить разрывъ съ Англіей, коего вредныя послѣдствія для русской торговли были несомнѣнны. Напротивъ того, Наполеонъ желалъ, чтобы Императоръ Александръ, обративъ преимущественно свои силы противъ непримиримаго врага Франціи Густава, вывелъ войска изъ Валахіи и Молдавіи. Но вскорѣ генералъ Савари, посланный въ Петербургъ, въ ожиданіи прибытія туда официальнаго посольства, хотя и былъ обласканъ нашимъ Государемъ, однакоже убѣдился, что Императоръ Александръ не хотѣлъ быть орудіемъ наполеоновой политики. Генералъ Коленкуръ, облеченный званіемъ представителя Франціи, уступалъ во многомъ своему предшественнику, Савари, соединявшему въ себѣ откровенность храбраго воина съ тонкостью искуснаго дипломата. Савари, по всей справедливости, могъ считаться способнѣйшимъ изъ всѣхъ тогдашнихъ французскихъ резидентовъ, за исключеніемъ Дюрока. Напротивъ того, Коленкуръ, хотя и хорошей фамиліи, но столько же мало знакомый съ преданіями и манерами старыхъ дворовъ, какъ и всѣ придворные Наполеона, стараясь соблюсти приличную своему званію важную осанку, отталкивалъ отъ себя всѣхъ нестерпимою спѣсью. Императоръ Александръ дозволялъ ему брать преимущество предъ посланниками прочихъ державъ, приглашалъ его къ своему столу довольно часто и долго

бесѣдовалъ съ нимъ на-единѣ послѣ обѣда, но не имѣлъ къ нему большаго довѣрія (77). 1808.

Одновременно съ прибытіемъ Коленкура въ Петербургъ, былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ графъ Петръ Александр. Толстой. Раздѣляя тогдашнюю ненависть большей части Русскихъ къ повелителю Франціи, графъ Толстой считалъ блистательное назначеніе свое представителя Россіи при тюильрискомъ дворѣ наибольшею жертвою Государю и Отечеству. Наполеонъ, принявъ графа Толстаго въ Фонтенебло, приказалъ отвести ему помѣщеніе въ собственномъ дворцѣ своемъ и оказалъ ему всевозможныя почести. Но ни вниманіе Наполеона, столь высоко цѣнимое его современниками, ни увѣренія его въ дружбѣ къ Александру, не могли обольстить Толстаго — истаго Русскаго. Онъ не переставалъ напоминать и Наполеону, и министру его Талейрану, обѣщанія и надежды поданныя въ Тильзитѣ, домогаясь очищенія Пруссіи отъ французскихъ войскъ и согласія Франціи на присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ Княжествъ. Наполеонъ, который хотѣлъ утвердиться на берегахъ Адріатическаго моря, и потому не желалъ, чтобы Русскіе, овладѣвъ теченіемъ нижняго Дуная, сдѣлались его сосѣдями, старался отклонить требованія нашего посла, увѣряя его, что французскія войска продолжаютъ занимать Бранденбургъ и Силезію лишь въ видѣ залога военной контрибуціи, неуплаченной прусскимъ правительствомъ. „Правда — продолжалъ онъ — что мои войска остаются въ Пруссіи долѣе условленнаго срока, да вѣдь и ваши все еще занимаютъ Молдавію и Валахію". Выслушивая по необходимости такія выходки Наполеона, графъ Толстой не скрывалъ своего неудовольствія, свелъ знакомство съ аристократіей сенъ-жерменскаго пред-

1808. мѣстья и поссорился съ Неемъ, за хвастливый отзывъ его о превосходствѣ французскихъ войскъ надъ всѣми прочими въ мірѣ. Донесенія графа Толстаго, о нерасположеніи Наполеона къ Россіи немогли остаться въ тайнѣ и раздражили еще болѣе наше общественное мнѣніе, и безъ того уже враждебное Франціи..... „Отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ“. — пишетъ современникъ этой эпохи ([78]). Самъ Наполеонъ, получивъ, изъ донесеній Коленкура, свѣдѣніе о происходившемъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, во всей Россіи, далъ своей политикѣ крутой оборотъ и завелъ съ нашимъ дворомъ переговоры о раздѣлѣ европейскихъ владѣній Оттоманской Порты. Успокоенный предложеніями Наполеона, Императоръ Александръ, исполняя желаніе своего союзника, приступилъ, (какъ уже сказано), къ войнѣ противъ Короля Густава. Наполеонъ, между тѣмъ, явно нарушивъ народныя права, предпринялъ завоеваніе Пиренейскаго полуострова. Тамъ, противъ всякаго чаянія, онъ встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе и былъ принужденъ дѣйствовать огромными силами. Предполагая самъ отправиться въ Испанію, Наполеонъ счелъ нужнымъ обезпечить себя со стороны Германіи утвержденіемъ союза съ Россіей, тѣмъ болѣе, что Австрія, въ то время, увеличивала свои вооруженныя силы. Такова была цѣль свиданія Александра и Наполеона въ Эрфуртѣ *). Поводъ къ тому подалъ нашъ Государь: вспоминая сговорчивость

---

*) Наполеонъ, желая скрыть дѣйствительную причину, побуждавшую его искать свиданія съ Императоромъ Александромъ, предложилъ ему условиться лично на счетъ русско-французской экспедиціи, чрезъ Константинополь и Малую Азію, въ Индію (Correspondance de Napoléon I-er, **XVI**, 498 et **XVII**, 46 — 47).

Наполеона въ Тильзитѣ, онъ. въ бесѣдахъ съ Коленкуромъ, не разъ изъявлялъ желаніе рѣшить всѣ недоразумѣнія, лично объяснившись съ Императоромъ Французовъ. Наполеонъ, съ своей стороны, хотѣлъ, поразивъ Европу явнымъ свидѣтельствомъ неразрывнаго союза Франціи съ Россіей, устрашить своихъ непріятелей. Императоръ Александръ предложилъ съѣхаться въ сентябрѣ, когда предстоящее закрытіе навигаціи въ Балтійскомъ морѣ прекращало враждебныя покушенія Англичанъ. Государь желалъ, чтобы мѣсто для свиданія было назначено въ Веймарѣ, гдѣ находилась сестра его, либо въ Эрфуртѣ; Наполеонъ предпочелъ послѣдній городъ, принадлежавшій ему по праву завоеванія. Въ ожиданіи пріѣзда туда высокихъ посѣтителей, онъ приказалъ сдѣлать большія приготовленія. Для содержанія почетныхъ карауловъ, туда послали баталіонъ гвардейскихъ гренадеръ и нѣсколько лучшихъ полковъ французской арміи. Множество придворныхъ чиновниковъ съ мебелью и посудою также отправились изъ Парижа въ Эрфуртъ. Приказано было парижской театральной дирекціи послать туда лучшихъ актеровъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго Тальму. 1808.

Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Петербурга 2 (14) сентября, провелъ два дня въ Кёнигсбергѣ, гдѣ находился Прусскій Король. По переправѣ черезъ Вислу въ Бромбергѣ, Государь былъ встрѣченъ посланнымъ отъ Наполеона маршаломъ Ланномъ, при пальбѣ стоявшей тамъ французской артиллеріи, и потомъ сдѣлалъ смотръ кавалерійской дивизіи Нансути, провожаемый восклицаніями Французовъ: «Vive l'Empereur Alexandre!» Къ обѣду Государь пригласилъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ дивизіи, и за тѣмъ, взявъ съ собою Ланна, ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ до Веймара, куда прибылъ

1808. 13 (25) сентября, за два дня до времени назначеннаго для съѣзда, на всемъ пути торжественно встрѣчаемый французскими войсками, расположенными въ Пруссіи и Саксоніи, и сопровождаемый конными ихъ конвоями. Въ числѣ немногихъ лицъ, состоявшихъ при Государѣ, были: Великій Князь Константинъ Павловичъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, статсъ-секретари князь Александръ Никол. Голицынъ и Сперанскій и французскій посолъ Коленкуръ. При Наполеонѣ, прибывшемъ въ Эрфуртъ, 15 (27) сентября, въ десять часовъ утра, находилась большая свита, и между прочими: Бертье, Талейранъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, Марè; вмѣстѣ съ Императоромъ Французовъ пріѣхалъ русскій посолъ графъ Толстой. Еще наканунѣ прибылъ въ Эрфуртъ Король Саксонскій, и туда-же постепенно собрались: Короли Баварскій и Виртембергскій; братъ Наполеона, Король Вестфальскій Іеронимъ; Великая Княгиня Марія Павловна; братъ Короля Прусскаго, принцъ Вильгельмъ; наслѣдные принцы Баварскій, Баденскій и Гессенъ-Дармштадтскій и многіе изъ германскихъ владѣтельныхъ князей. Императоръ Францъ, небудучи приглашенъ на съѣздъ, прислалъ барона Винцента (79).

Наполеонъ, въ самый день прибытія въ Эрфуртъ, принявъ на-скоро Короля Саксонскаго, членовъ Рейнскаго Союза, дипломатовъ и прочихъ знатныхъ особъ, отправился, около часа по полудни, въ Андреевской лентѣ, верхомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго штаба, на встрѣчу Императору Александру, выѣхавшему изъ Веймара въ лентѣ Почетнаго Легіона. Усмотрѣвъ экипажъ нашего Государя, Наполеонъ поскакалъ во всю прыть, изъявляя тѣмъ нетерпѣніе

скорѣе видѣть высокаго союзника, сошелъ съ коня 1808.
и обнялъ вышедшаго изъ коляски Александра. За тѣмъ, Императоры верхомъ, окруженные множествомъ зрителей, стекшихся со всей окрестной страны, торжественно въѣхали въ Эрфуртъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Наполеонъ, представя нашему Государю всѣхъ знатнѣйшихъ посѣтителей, проводилъ его въ домъ, для него назначенный *), и какъ хозяинъ, ежедневно угощалъ особъ, прибывшихъ по его приглашенію. Обѣды, вечера, балы, спектакли, прерывались только совѣщаніями Императоровъ и министровъ ихъ, облекавшихъ предположенія своихъ Государей въ обычныя дипломатическія формы ([80]).

Наполеонъ еще до отъѣзда изъ Парижа, уступая ходатайству прусскаго правительства, поддержанному настояніями Императора Александра, согласился утвердить конвенцію о выводѣ французскихъ войскъ изъ занимаемыхъ ими прусскихъ крѣпостей. Остальная сумма прусскаго долга, неуплаченнаго Франціи, была опредѣлена въ 140 милліон. франковъ, и Наполеонъ обязался, одновременно съ уплатою сей суммы въ полтора года, постепенно очистить крѣпости: Глогау, Кюстринъ и Штетинъ. На основаніи особыхъ секретныхъ статей, Прусскій Король долженъ былъ содержать не болѣе 42,000 человѣкъ войска и выставлять 10,000 человѣкъ для содѣйствія Франціи, во всѣхъ войнахъ веденныхъ ею въ Германіи. Эта конвенція была заключена на десять лѣтъ ([81]).

На счетъ Восточнаго вопроса, Наполеонъ оказался менѣе сговорчивымъ въ Эрфуртѣ, нежели въ

*) Это былъ самый красивый и роскошно убранный домъ, принадлежавшій Г. Трибелю.

1808. Тильзитѣ. О полюбовномъ раздѣлѣ Европейской Турціи не было и рѣчи. По всей вѣроятности, неудачи французскаго оружія въ Испаніи поселили въ Наполеонѣ „желаніе воспользоваться присутствіемъ столь-же могущественнаго, сколько и прямодушнаго союзника, для доставленія Европѣ общаго мира, на умѣренныхъ условіяхъ“ (82). На присоединеніе Дунайскихъ Княжествъ къ Россіи Наполеонъ соглашался, но какъ-бы не-хотя. Признавая справедливымъ такое пріобрѣтеніе, какъ по праву завоеванія, такъ и въ вознагражденіе пожертвованій нами сдѣланныхъ, онъ уклонялся отъ всякаго содѣйствія видамъ русскаго правительства, говоря, что не можетъ принудить Турокъ къ подобной уступкѣ, и что онъ долженъ съ ними ладить, чтобы не подвергнуть гибели множества Французовъ, поселившихся во владѣніяхъ Порты. Графъ Шампаньи, въ разговорѣ съ Румянцовымъ, сознался, однакоже, что Наполеонъ не-прочь отъ прямаго участія въ этомъ дѣлѣ, и что ему нужно пріобрѣсть полосу земли по берегу Адріатическаго моря (qu'il était nécessité à desirer sur les bords de l'Adriatique une lisière de terre) отъ Австріи, вознаградивъ сію державу на счетъ Турціи. Какъ, при такой сдѣлкѣ, шло дѣло объ уступкѣ важнѣйшей австрійской гавани — Тріеста, то нашъ министръ всячески старался поставить на видъ графу Шампаньи опасность подобныхъ замысловъ, могшихъ взволновать еще не совсѣмъ успокоенную Европу, что̀ былобы совершенно противно видамъ обоихъ Императоровъ (83).

Дѣйствительно, оба они, ведя въ то время войны— Императоръ Александръ на Дунаѣ и въ Финляндіи, а Наполеонъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, чувствовали необходимость общаго мира, и какъ заключеніе его преимущественно зависѣло отъ Англіи.

то Союзные Монархи согласились между собою послать къ Королю Великобританскому письмо слѣдующаго содержанія: 1808.

„Государь! Настоящее положеніе Европы побудило насъ собраться въ Эрфуртѣ. Прежде всего, мы имѣемъ въ виду, удовлетворяя желаніямъ и нуждамъ общимъ, неотлагательнымъ примиреніемъ съ Вашимъ Величествомъ, изыскать дѣйствительнѣйшее средство къ прекращенію бѣдствій гнетущихъ всѣ народы. Предметъ нашего отзыва — изъявить Вашему Величеству искреннее желаніе мира.

„Продолжительная и кровавая война, свирѣпствовавшая на материкѣ, кончилась и уже не возобновится. Европа подверглась многимъ перемѣнамъ; многія государства рушились. Причиною тому волненіе и бѣдствія величайшихъ державъ, происшедшія отъ прекращенія морской торговли. Но и впредь могутъ совершиться еще большія перемѣны, противныя пользамъ Англіи, и потому ея выгоды, столько-же сколько и выгоды прочихъ народовъ, требуютъ мира.

„Мы согласились просить В. В. чтобы Вы, внявъ мольбѣ человѣчества, заставили замолчать голосъ страстей, чтобы Вы пожелали примирить всѣ выгоды, обезпечить существованіе всѣхъ державъ и упрочить благосостояніе Европы“ (84).

Эта замѣчательная депеша была отправлена въ Лондонъ, при слѣдующемъ письмѣ графа Румянцова къ Каннингу:

„Посылаю В. П. письмо Императоровъ Россійскаго и Французскаго къ Королю Англійскому. Е. В. Россійскій Императоръ надѣется, что Англія оцѣнитъ по надлежащему искренность и важность этого поступка. Она не припишетъ слабости того, что̀ есть послѣдствіемъ искренняго союза двухъ вели-

1808. чайшихъ Монарховъ европейскаго материка, соединившихся на миръ и на войну.

„Е. В. поручилъ мнѣ довести до свѣдѣнія В. П. что Онъ назначилъ уполномоченныхъ, которые отправятся туда, куда будутъ посланы уполномоченные Короля Англійскаго и его союзниковъ. Касательно-же основаній негоціаціи, Ихъ Величества готовы принять тѣ, кои были предложены со стороны самой Англіи, именно *uti possidetis* (настоящее положеніе обоюдныхъ владѣній), либо всякія другія, лишь-бы они были совмѣстны съ справедливостью и взаимнымъ равенствомъ, долженствующими господствовать въ сношеніяхъ между всѣми великими державами“ ([85]).

Наполеонъ полагалъ, что для успѣха переговоровъ съ Англіей надлежало на-время отсрочить окончательное присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ Княжествъ. Но такая предосторожность была совершенно излишня: со стороны Англіи, мы имѣли положительныя увѣренія, что пріобрѣтеніе нами Молдавіи и Валахіи не будетъ помѣхою общему миру ([86]).

Въ отвѣтѣ графу Румянцову, Каннингъ извѣстилъ его, что Король не могъ отвѣчать на полученное имъ письмо, не признавая упомянутыхъ въ немъ титуловъ, и что сдѣланныя предложенія будутъ сообщены Его Величеству Королю Шведскому и правительству испанскому, въ полной увѣренности, что Его Императорское Величество не одобряетъ хищеній, стольже неправедныхъ, сколько вредныхъ для законныхъ государей ([87]).

Дѣйствительно — Англія имѣла весьма основательныя причины отрицать притязанія Наполеона на владычество въ Испаніи. Законный Монархъ сей державы, Король Фердинандъ находился въ неволѣ, а народъ дружно возсталъ противъ чужеземцевъ,

наводнившихъ страну, подъ предлогомъ совокупнаго дѣйствія съ Испанцами противъ Португаліи. Наполеонъ послалъ испанскую дивизію маркиза де-ла-Романа въ Данію, намѣреваясь направить ее противъ Швеціи, но эти войска, успѣвъ, съ помощью Англичанъ, возвратиться на Пиренейскій полуостровъ, приняли участіе въ священномъ дѣлѣ защиты отечества *). 1808.

По условіямъ конвенціи, заключенной въ Эрфуртѣ, 30-го сентября (12-го октября), Императоръ Александръ и Наполеонъ обязались: утвердить тильзитскій союзный трактатъ, и на основаніи его не только не заключать отдѣльнаго мира, но и не открывать съ общимъ непріятелемъ переговоровъ, иначе, какъ съ общаго согласія (ст. 1-я). Открыть переговоры съ Англіею и вести ихъ вмѣстѣ со взаимнаго согласія (ст. 2-я и 3-я). Основаніемъ условій предложенныхъ Англіи будетъ настоящее положеніе владѣній обѣихъ сторонъ (uti possidetis) (ст. 4-я). Непремѣннымъ условіемъ мира съ Англіею будетъ признаніе Финляндіи, Молдавіи и Валахіи принадлежащими Россійской Имперіи (ст. 5-я)**), а равно признаніе Іосифа Наполеона Королемъ Испаніи и Индіи (ст. 6-я). Е. В. Императоръ Всероссійскій, сохраняя въ глубочайшей тайнѣ условіе, опредѣленное 5-ю статьею, откроетъ переговоры въ Константинополѣ, чтобы достигнуть, буде возможно, добро-

*) Подробное свѣдѣніе объ этомъ событіи помѣщено въ особомъ Приложеніи.

**) Въ собственноручныхъ замѣткахъ Императора Александра (contre-projet) на проектъ конвенціи, статья сія выражена слѣдующимъ образомъ: «Е. В. Императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы Императоръ Всероссійскій вполнѣ владѣлъ Валахіей, Молдавіей и Бессарабіей, и признаетъ присоединеніе къ Россійской Имперіи сихъ областей, а равно Шведской Финляндіи (Finlande, dite suédoise).

1808. вольной уступки помянутыхъ областей; съ своей стороны, Францiя отказывается отъ посредничества. Союзныя Державы примутъ всевозможныя мѣры (on employera tous les menagemens possibles), чтобы не нарушить дружескихъ отношенiй между Францiей и Оттоманскою Портою, и чтобы Порта не заключила союза съ Англiей (ст. 7-я). Въ случаѣ отказа Турокъ въ уступкѣ сказанныхъ областей и возобновленiя войны, И. Наполеонъ не приметъ въ ней никакого участiя, но еслибы Австрiя, или какая другая держава, содѣйствовала Турцiи въ войнѣ противъ Россiи, то Е. В. И. Наполеонъ, на основанiи союзнаго трактата, будетъ содѣйствовать Россiи (ст. 8-я). Союзныя державы обязались охранять неприкосновенность прочихъ владѣнiй Порты, отказываясь сами и не позволяя никому предпринимать чтò-либо противъ сей державы, безъ обоюднаго согласiя. Ст. VIII-я секретныхъ тильзитскихъ условiй отмѣняется (ст. 9-я и 10-я). Если мѣры, принятыя обѣими державами для возстановленiя мира съ Англiей, будутъ безуспѣшны, то Ихъ И. В. съѣдутся снова *въ теченiи года* (dans un delai d'un an) *), чтобы условиться на счетъ совокупныхъ военныхъ дѣйствiй и принятiя мѣръ для веденiя ихъ всѣми силами и средствами обѣихъ Имперiй (ст. 12-я). Союзныя державы, сознавая прямодушiе и постоянство, оказанныя Королемъ Датскимъ на пользу общую, обязываются доставить ему вознагражденiе за понесенныя имъ потери и признать всѣ прiобрѣтенiя имъ сдѣланныя въ настоящую войну (ст. 13-я) ([88]).

Наполеонъ, оскорбивъ, унизивъ Пруссiю, не сомнѣваясь во враждебномъ къ себѣ расположенiи Австрiи, ведя отчаянную борьбу съ Англiей и питая новые

*) Подчеркнутыя слова приписаны Императоромъ Александромъ.

обширные замыслы, хотѣлъ устрашить Европу зрѣлищемъ задушевной дружбы съ Императоромъ Александромъ и вниманія къ нему. Замѣтивъ, что Александръ невнятно слышалъ слова, произносимыя на театрѣ актерами, Наполеонъ приказалъ въ слѣдующій день устроить мѣста ближе къ сценѣ: для этого, въ оркестрѣ, для обоихъ Императоровъ, поставили на пол-аршина выше пола двое креселъ, а по сторонамъ и сзади ихъ, въ нѣсколько рядовъ, стулья для почетнѣйшихъ особъ: „un parterre de princes", какъ тогда говорили Французы, кичась величіемъ своего повелителя. Императоръ Александръ, съ своей стороны, не щадилъ изъявленій привязанности къ Наполеону. Извѣстно, что на одномъ изъ торжественныхъ спектаклей, когда актеръ произнесъ слова: „L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux" *), Александръ, обратясь къ сидѣвшему о-бокъ съ нимъ Наполеону, пожалъ ему руку, при громкихъ восклицаніяхъ всѣхъ зрителей. Наполеонъ и вообще Французы всѣми способами старались угождать Александру, не обращая вниманія на прочихъ вѣнценосныхъ посѣтителей Эрфурта. Одинъ изъ французскихъ ефрейторовъ, толкуя часовому, какія почести надлежало отдавать различнымъ особамъ, пріѣзжавшимъ къ Наполеону, сказалъ: „смотри-же — это вѣдь лишь Король!" ([89]). Несмотря однакоже на явные знаки обоюдной утонченной вѣжливости, взаимное охлажденіе Александра и Наполеона не скрылось отъ свидѣтелей эрфуртскаго свиданія, да и сами Императоры, въ промежутокъ времени истекшаго съ подписанія Тильзитскаго трактата, убѣдились на опытѣ, что выгоды ихъ державъ были несовмѣстны между собою. Наполеонъ, желая упрочить свой союзъ съ 1808.

*) Дружба великаго человѣка — даръ ниспосланный свыше.

1808. Александромъ, возъимѣлъ мысль достигнуть этой цѣли родствомъ съ нашимъ царствующимъ домомъ. Давно уже онъ предполагалъ развестись съ Іозефиною и заключить новый бракъ, который, введя его въ семью древнихъ европейскихъ династій, доставилъ-бы ему наслѣдника огромной Имперіи имъ основанной. Наслышавшись о высокихъ качествахъ Великой Княжны Екатерины Павловны, и не смотря на соперничество съ Императоромъ Александромъ, сочувствуя ему болѣе нежели кому-либо другому изъ современныхъ Государей, Наполеонъ поручилъ ловкому Талейрану развѣдать, въ какой мѣрѣ можно было надѣяться на успѣхъ сватовства сестры Россійскаго Монарха. Бесѣдуя довольно часто съ Императоромъ Александромъ, Талейранъ завелъ рѣчь о тѣсномъ союзѣ Россіи съ Франціей и средствахъ сдѣлать его неразрывнымъ. Дѣйствительнѣйшимъ къ тому способомъ — по словамъ его — было скрѣпленіе политическихъ связей связью родственною. Александръ, въ отвѣтъ на это предложеніе, изъявилъ искреннее желаніе породниться съ тѣмъ, кого считалъ своимъ искреннимъ другомъ. „Но власть моя — сказалъ онъ — имѣетъ предѣлы. Я господствую нераздѣльно въ Имперіи, но не въ дѣлахъ моего семейства. Вдовствующая Государыня, глубоко уважаемая нами всѣми, не мѣшается въ мою политику, но и не одобряетъ ее. Не трудно былобы мнѣ получить согласіе сестры моей на союзъ съ Наполеономъ, но едва-ли можно склонить къ тому вдовствующую Императрицу“. Въ такомъ-же смыслѣ Императоръ Александръ объяснился съ Наполеономъ, обѣщая ему ходатайствовать въ его пользу, но не ручаясь въ успѣхѣ (90). Вообще — нерасположеніе къ Наполеону въ Россіи тогда господствовало даже въ средѣ лицъ окружавшихъ Императора

Александра. Оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, получивъ изъ рукъ Наполеона ленту Почетнаго Легіона, явился въ ней къ Государю, который, желая, съ своей стороны, удостоить наградою близкаго къ себѣ человѣка, вышелъ въ другую комнату, вынесъ оттуда Андреевскую ленту и хотѣлъ надѣть ее на графа Толстаго, но тотъ, сдѣлавъ шагъ назадъ, сказалъ: „можетъ-ли нашъ Андрей Первозванный быть рядомъ съ орденомъ Бонапарта?“ — „Такъ простисьже навсегда съ голубою лентою“, отвѣчалъ Государь, недовольный тѣмъ, что окружавшія его лица не раздѣляли его политическихъ видовъ. И дѣйствительно графъ Толстой умеръ, не получивъ ордена Св. Андрея, хотя былъ однимъ изъ старшихъ государственныхъ сановниковъ. 1808.

Въ продолженіи переговоровъ между графомъ Румянцовымъ и Шампаньи, Императоры, со всею своею свитою Королей, владѣтельныхъ князей и знатныхъ особъ, отправились въ Веймаръ, на двое сутокъ, 24 и 25 сентября (6 и 7 октября). На пути туда, въ эттерсбургскомъ лѣсу, была устроена большая охота. Александръ, до того дня никогда неохотившійся, застрѣлилъ оленя. Вечеромъ, у великаго герцога, былъ пышный обѣдъ и балъ, на которомъ собралось все высшее общество Германіи; въ числѣ приглашенныхъ туда были Гёте и Виландъ. Наполеонъ, искавшій славу всѣхъ родовъ и обладавшій въ высокой степени сокровищами науки, оставилъ блистательный кругъ нѣмецкихъ властителей и, зайдя въ уголъ залы съ двумя знаменитыми учеными, долго бесѣдовалъ съ ними о Тацитѣ, котораго имя — по словамъ его — было ему не страшно. Тѣмъ не менѣе однакоже онъ полагалъ, что картина, начертанная славнымъ историкомъ, слишкомъ искусственна, и что онъ преувеличилъ бѣдствія, ко-

1808. ихъ былъ свидѣтелемъ. За тѣмъ, перейдя къ новѣйшей литературѣ, Наполеонъ сравнивалъ ее съ древнею, и говоря, между прочимъ, о драмахъ Шекспира, въ которыхъ смѣшаны трагедія съ комедіей, ужасное съ шуточнымъ, сказалъ Гёте: „удивляюсь, что съ вашимъ великимъ умомъ вы не любите твореній въ рѣзкомъ родѣ“ (je suis etonné qu'un grand esprit comme vous n'aime pas les genres tranchés) ([91]). Наполеонъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, за обѣдомъ у себя въ Эрфуртѣ, желая пощеголять, въ присутствіи бывшаго лагарпова воспитанника, своими историческими свѣдѣніями, завелъ споръ съ принцемъ-приматомъ о времени изданія Золотой Буллы, и когда принцъ-приматъ, сознавшись въ сдѣланной имъ ошибкѣ, выразилъ удивленіе, что Императоръ Французовъ далъ ему урокъ германской хронологіи, Наполеонъ сказалъ, что онъ очень памятливъ на числа.... „И къ тому-же — продолжалъ онъ — когда я еще былъ артиллерійскимъ подпоручикомъ въ Валенцѣ“.... Замѣтя, что многіе изъ его собесѣдниковъ переглянулись между собою съ невольною улыбкою, Наполеонъ повторилъ: „Когда я еще былъ артиллерійскимъ подпоручикомъ въ Валенцѣ, тогда еще, проводя время въ совершенномъ уединеніи, я перечиталъ всѣ книги единственной тамошней книжной лавки и пріобрѣлъ тѣ историческія познанія, которыя въ послѣдствіи принесли мнѣ пользу“ ([92]).

На другой день послѣ обѣда въ Веймарѣ, оба Императора, со всѣми знатными особами туда прибывшими, отправились на поле Іенскаго сраженія. Тамъ, въ павильонѣ, на высотѣ Ландграфенбергѣ, гдѣ Наполеонъ провелъ ночь наканунѣ битвы 1806 года, былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ.

Потомъ всѣ отправились на охоту въ окрестности Апольды и къ вечеру возвратились въ Эрфуртъ. 1808.

Въ послѣдніе дни эрфуртскихъ совѣщаній, Императоры условились между собою на счетъ будущихъ сношеній. Императоръ Александръ, узнавъ, что Наполеонъ не былъ доволенъ нашимъ посломъ графомъ Толстымъ, назначилъ на его мѣсто резидентомъ въ Парижъ князя Александра Борис. Куракина, совоспитанника Павла Петровича, царедворца уклончиваго, осторожнаго и способнаго зорко слѣдить за изворотами наполеоновой политики. На первое-же время, для приданія всевозможной дѣятельности переговорамъ съ Англіей, былъ посланъ въ Парижъ самъ Румянцовъ. Наполеонъ, желая угодить Императору Александру, уменьшилъ на 20 милл. франковъ военную контрибуцію, должную Франціи прусскимъ правительствомъ ([93]).

2 (14) октября, утромъ, Императоръ Александръ и Наполеонъ, выѣхавъ вмѣстѣ верхомъ изъ Эрфурта, отправились по веймарской дорогѣ, остановились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города и разстались — навсегда ([94]). Одному суждено было, достигнуть высшей степени земнаго величія, разочароваться въ благодарности народовъ и властителей, спасенныхъ имъ, и окончить дни на окраинѣ своей Имперіи, въ мечтахъ о тихомъ, спокойномъ убѣжищѣ, о счастливомъ бытѣ частнаго человѣка въ кругу семьи своей. Другаго ожидали новыя побѣды, новыя завоеванія и — томительная неволя на безплодной скалѣ среди Океана.

ГЛАВА XXII.

Фридрихсгамскій миръ.

(1809 г.)

1808. Не смотря на успѣхи одержанные русскими войсками надъ Шведами въ зимнюю и лѣтнюю кампаніи 1808 года, графъ Буксгевденъ, человѣкъ храбрый, но крайне боявшійся отвѣтственности въ случаѣ какой-либо неудачи, неоднократно доносилъ Государю о затруднительности своего положенія и мрачныхъ видахъ въ будущемъ. Когда-же по прибытіи нашей главной квартиры въ Гамлекарлеби, въ сентябрѣ 1808 года, Клингспоръ предложилъ заключить перемиріе, Буксгевденъ немедленно согласился на то, хотя съ нашей стороны уже все было готово для дальнѣйшаго наступленія. На основаніи конвенціи, подписанной въ Лохто, 17-го (29-го) сентября, условлено было, чтобы шведскія войска отступили изъ окрестностей Гамлекарлеби въ Химанго и изъ Тайволы къ Иденсальми. Графъ Буксгевденъ имѣлъ въ виду, съ наступленіемъ глубокой осени, дать отдыхъ войскамъ и устроить подвозъ жизненныхъ припасовъ, и къ тому-же, по его разсчету, мы получали возможность занять безъ боя крѣпкую позицію при Тайволѣ и пространство бо-

лѣе ста верстъ. Главнокомандующій тогда еще не зналь, что Сандельсъ, получивъ извѣстіе о пораженіи Клингспора при Оровайсѣ, уже отступилъ къ Иденсальми ([1]). 1808.

Дѣйствія на морѣ, въ продолженіи лѣта 1808 года, не имѣли никакихъ послѣдствій. Въ первой (во второй) половинѣ іюля, адмиралъ Хамыковъ, съ 18-ю кораблями и фрегатами, выйдя изъ Кронштадта, встрѣтилъ у мыса Гангуда нѣсколько шведскихъ фрегатовъ и могъ истребить ихъ, но упустивъ удобное къ тому время, далъ Шведамъ возможность соединить противъ него 10 кораблей и 6 фрегатовъ, къ коимъ въ помощь подоспѣлъ англійскій контръ-адмиралъ Гудъ съ двумя кораблями. Тогда Ханыковъ, исполняя данное ему предписаніе— избѣгать боя съ превосходнымъ непріятелемъ, взялъ курсъ въ укрѣпленный Балтійскій-портъ и тамъ легъ на якорь, но корабль „Всеволодъ", потерпѣвъ большія поврежденія въ снастяхъ, не успѣлъ войти въ портъ, и будучи атакованъ, 14-го (26-го) августа, двумя англійскими кораблами, послѣ отчаяннаго съ ними боя, былъ взятъ на абордажъ; впрочемъ Англичанамъ неудалось воспользоваться захваченною имъ добычею: „Всеволодъ", сѣвшій на мѣль, былъ ими сожженъ, а люди состоявшаго на кораблѣ экипажа частью спаслись вплавь, частью были присланы съ парламентеромъ, въ обмѣнъ на плѣнныхъ Шведовъ ([2]). Адмиралъ Ханыковъ, отданный подъ военный судъ, будучи обвиненъ въ напрасной стоянкѣ у Гангуда, въ потерѣ корабля и въ допущеніи безпорядка въ своей командѣ, былъ разжалованъ въ матросы.

Бездѣйствіе русскихъ войскъ въ Финляндіи продолжалось около мѣсяца. Комитетъ министровъ, бу-

1808. дучи уполномоченъ завѣдывать государственными дѣлами, во время поѣздки Государя въ Эрфуртъ, не одобрилъ перемирія, потому что выгоды предоставленныя имъ намъ и безъ того уже находились въ нашихъ рукахъ, и что движеніе Тучкова 1-го отъ Куопіо въ тылъ графу Клингспору могло побудить Шведовъ къ уступкѣ нашимъ войскамъ Улеоборга и всей Финляндіи. На основаніи постановленія Комитета, военный министръ графъ Аракчеевъ предписалъ Буксгевдену немедленно возобновить военныя дѣйствія; тогда-же, для поддержанія корпусовъ Каменскаго и Тучкова, были составлены два резерва: одинъ, генералъ-маіора Аникеева, изъ трехъ гарнизонныхъ баталіоновъ, въ Ловизѣ, а другой, графа П. А. Строганова, изъ двухъ баталіоновъ Лейбъ-гренадерскаго полка, въ Вильманстрандѣ (3). Самъ Государь подтвердилъ мнѣніе комитета министровъ на счетъ перемирія, назвавъ его непростительною ошибкою.

Главная забота нашего правительства состояла въ снабженіи войскъ провіантомъ и прочими потребностями, которымъ не могла удовлетворить скудная страна, служившая театромъ войны. Государь, узнавъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ офицерами финляндскаго корпуса въ покупкѣ сукна, приказалъ купить на счетъ казны и послать въ полки необходимое для полнаго обмундированія всѣхъ офицеровъ количество сукна. Тогда-же повелѣно изготовить пять тысячъ паръ солдатскихъ сапоговъ и отправить ихъ въ Финляндію, для продажи нижнимъ чинамъ, по той цѣнѣ, по коей они обойдутся Коммисаріату (4).

Со стороны Шведовъ, начальство надъ главными силами въ Финляндіи, вмѣсто графа Клингспора, уѣхавшаго въ Стокгольмъ, было поручено генералу Клеркеру. Войска, ему ввѣренныя, усилились тремя

тысячами человѣкъ прибывшихъ изъ Швеціи, вмѣстѣ съ коими у Клеркера было около 10.000, а въ отрядѣ Сандельса до 4.000 человѣкъ. Король могъ послать въ Финляндію несравненно большія силы, но держалъ напрасно 14-ти-тысячный корпусъ въ Шоніи, для противодѣйствія высадкамъ со стороны Даніи, которыя и безъ того были затруднены пребываніемъ англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Шведскія войска, и въ особенности назначенныя для обороны Финляндіи, терпѣли крайнюю нужду въ жизненныхъ припасахъ (5). 1808.

По прекращеніи перемирія, Тучковъ 1-й получилъ предписаніе атаковать Сандельса въ тѣснинахъ у Иденсальми, и опрокинувъ его, идти чрезъ Пулкилло въ тылъ Клеркеру, противъ котораго съ фронта въ тоже время направился Каменскій (6).

15 (27) октября, Тучковъ атаковалъ непріятеля, стоявшаго за киркою Иденсальми, и хотя былъ отбитъ, однакоже нанесъ Шведамъ большой уронъ, что заставило Сандельса, въ ночи съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е), отступить на значительное пространство. Съ нашей стороны выбыло изъ фронта до 700 человѣкъ. Въ началѣ боя, убитъ ядромъ начальникъ авангарда генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ. Любимецъ Государя, прекрасной наружности, осыпанный дарами Фортуны, онъ погибъ на 28-мъ году отъ рода, произведенный 17-го октября, два дня послѣ смерти своей, когда извѣстіе о томъ еще не пришло въ Петербургъ, въ генералъ-лейтенанты, и тогда-же пожалованный кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

Каменскій, съ своей стороны, выступилъ отъ Гамлекарлеби, 20 октября (1-го ноября), къ Химанго. Генералъ Клеркеръ занималъ тамъ весьма сильную позицію, но получивъ донесеніе Сандельса о на-

1808. ступленіи Русскихъ, приказалъ ему отойти къ Улеоборгу и самъ отступилъ къ Сикаіоки. Непріятельскія войска, страдавшія отъ голода и усталости, были весьма ослаблены заразительными болѣзнями и побѣгами, что̀ заставило шведскихъ генераловъ предложить графу Каменскому перемиріе, съ обязательствомъ уступить намъ Улеоборгъ и отойти на 60 верстъ за сей городъ. Послѣ свиданія Каменскаго съ генераломъ Адлеркрейцомъ, 3 (15) ноября, была заключена, съ разрѣшенія главнокомандующаго, въ Олькіоки, 7 (19), конвенція, по условіямъ коей положено: 1) шведскимъ войскамъ, очистивъ улеоборгскую губернію, отойти за рѣку Кеми; 2) изъ Улеоборга выступить имъ не позже 17 (29) ноября; 3) оставляемыхъ Шведами больныхъ, магазины, и проч. считать военною добычею. При занятіи нашими войсками Улеоборга захвачены: 18 пушекъ, небольшой магазинъ съ провіантомъ и до 2,000 ружей; больныхъ Шведовъ оставлено въ госпиталяхъ до 1,200 ([7]). Въ ночи съ 29-го на 30-е октября (на 11-е ноября), предпріимчивый Сандельсъ неожиданно атаковалъ авангардъ Тучкова, пославъ ему въ тылъ чрезъ лѣса партизановъ Мальма и Дункера, но Ревельскій пѣхотный полкъ и Л. Гв. егерскій баталіонъ отразили непріятеля и захватили въ плѣнъ 90 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ маіоръ Мальмъ ([8]). За довершеніе занятія Финляндіи, графъ Каменскій получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени, а генералъ Тучковъ 1-й Св. Александра Невскаго.

Каменскій, оставляя по болѣзни ввѣренный ему корпусъ, имѣлъ право сказать: „мы завоевали Финляндію,“ но Императоръ Александръ былъ недоволенъ дѣйствіями графа Буксгевдена и поставилъ ему на видъ, что „защищавшія Финляндію войска, не смотря на великое превосходство нашихъ силъ, все

еще существовали, сохранили составъ свой, и потому нельзя было считать войну конченною.“ Несогласія между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ финляндскою арміей дошли до того, что одному изъ нихъ надлежало удалиться..... (9). Въ началѣ декабря, Буксгевденъ получилъ просимое имъ въ октябрѣ увольненіе отъ начальства финляндскою арміей; на его мѣсто, по словамъ Вигеля — „былъ назначенъ русскій генералъ изъ нѣмцевъ,“ Кноррингъ. Говорили, будтобы онъ, находясь еще при Императрицѣ Екатеринѣ въ арміи дѣйствовавшей противъ Шведовъ, изучилъ Финляндію. Другіе приписывали ему глубокія свѣдѣнія въ военныхъ наукахъ. На дѣлѣ оказалось, что онъ не былъ силенъ ни въ теоріи, ни въ практикѣ. 1808.

Во второй половинѣ декабря 1808 года (въ началѣ 1809 года) Король и Королева Прусскіе посѣтили Петербургъ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ, котораго столица, крѣпости и всѣ главные города тогда были заняты французскими войсками, до окончательной уплаты Наполеону огромной военной контрибуціи, жилъ съ семействомъ своимъ сперва въ частномъ домѣ небольшаго города Мемеля, на самой границѣ Пруссіи съ Россіей, а потомъ переѣхалъ въ Кенигсбергъ. Для облегченія тяжкаго бремени, лежавшаго на его подданныхъ, Король приказалъ передѣлать въ монету все столовое серебро. Королевское семейство терпѣло крайнюю нужду: когда принцессѣ Шарлоттѣ (въ послѣдствіи — Императрица Александра Θеодоровна) понадобилось сшить новое платье, Король могъ удѣлить на это не болѣе пяти талеровъ. Даже воспитаніе двѣнадцати-лѣтняго принца, наслѣдника

1808. престола, и девяти-лѣтней принцессы превосходило средства Августѣйшей четы, и по тому сама Королева Луиза занималась съ своею дочерью, образуя умъ и сердце ея чтеніемъ лучшихъ писателей. „Наши дѣти — наши сокровища“ — писала она отцу своему, напоминая слова матери Гракховъ (10).

Императоръ Александръ, на совѣщаніи въ Эрфуртѣ, былъ усерднымъ защитникомъ Пруссіи; его домогательства открыли Королю Фридриху-Вильгельму путь въ Берлинъ. Но, еще прежде возвращенія туда. Король и Королева пожелали посѣтить своего царственнаго друга. Въ декабрѣ 1808 года, наша сѣверная столица огласилась вѣстью, возбудившею участіе всѣхъ, отъ вельможи до мѣщанина. Ожидали дорогихъ гостей, говорили о Королѣ, какъ о человѣкѣ подававшемъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей Монарха и гражданина, пораженномъ неслыханными бѣдствіями, но не отчаявшемся въ спасеніи отечества. Еще болѣе славили Королеву, блиставшую и красотою, и возвышенностью чувствъ, и двойнымъ величіемъ сана и злополучія. Любовь и преданность Русскихъ къ несчастной Луизѣ поддерживались общею ненавистью къ Наполеону, излившему всю злобу свою на Пруссію.

Въ день Рождества, вечеромъ, Августѣйшая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На слѣдующее утро, 26-го декабря (7-го генваря 1809 г.) Король и Королева въѣхали въ столицу, встрѣченные съ великими почестями. Погода, постоянно суровая, какъ нарочно, смягчилась, и стужа не превосходила десяти градусовъ. Не доѣзжая Петергофской заставы, откуда до зимняго дворца по обѣ стороны въ улицахъ стояла гвардія, Королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобы переодѣться и сѣсть въ приготовленную для

ней вызолоченную карету. У самой заставы встрѣтилъ высокихъ гостей Императоръ Александръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Павловича, множества генераловъ и посланниковъ иностранныхъ дворовъ. Здѣсь Король, сѣвъ на коня, ѣхалъ вмѣстѣ съ Государемъ и всею его блестящею свитою, предшествуемый дивизіономъ богатырей—Кавалергардовъ, при громѣ орудій и торжественномъ звонѣ колоколовъ, до Зимняго дворца, гдѣ ожидалъ его другой дивизіонъ Кавалергардскаго полка. Несмѣтное множество народа слѣдило съ участіемъ за блистательнымъ поѣздомъ. Всѣ, состоявшіе на службѣ, были въ парадныхъ мундирахъ; всякой бѣднякъ явился въ праздничномъ платьѣ, и только лишь одинъ человѣкъ, въ сюртукѣ и штатской шинелькѣ, въ круглой шляпѣ, верхомъ, разъѣзжалъ по улицамъ между полками, какъ-бы глумясь надъ общимъ торжествомъ: это былъ французскій посолъ Коленкуръ. Народъ узналъ агента ненавистной тогда русскимъ державы и вѣрно закидалъ-бы его каменьями, еслибы не зналъ благосклонныхъ къ нему отношеній Императора Александра (11). 1809.

Начались безконечныя празднества, коихъ поводомъ, кромѣ пріѣзда Королевы Луизы, было обрученіе Великой Княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, совершенное 1 (13) генваря 1809 года*). Согласно волѣ Императора, и въ этотъ день, какъ и 26-го декабря, въ казенныхъ и частныхъ домахъ, вездѣ горѣли одни вензелевыя имена Короля и Королевы Прусскихъ. Коленкуръ не упустилъ однакоже случая изъявить къ нимъ презрѣніе, выставя на домѣ своемъ только лишь вензель Августѣйшей невѣсты, огромное **Е**.

---

*) Торжество брака Высокой четы было 18-го апрѣля ст. ст. 1809 г.

1809. Въ тотъ-же вечеръ, на придворномъ балу, онъ домогался, въ качествѣ французскаго герцога, танцовать въ одной кадрили съ прусскими принцами Вильгельмомъ и Августомъ, и когда ему отказали въ томъ, сѣлъ играть въ карты со вдовствующею Императрицею, увѣряя, будтобы ушибъ ногу ([12]).

Пребываніе Королевской фамиліи въ Петербургѣ продолжалось около мѣсяца, именно до 19 (31) генваря.

Какъ покореніе Финляндіи не заставило Короля Густава искать мира, то Императоръ Александръ, при назначеніи главнокомандующимъ графа Кнорринга, повелѣлъ ему немедленно перенести театръ войны на берега Швеціи. Зима представляла къ тому удобство, и напротивъ того, съ наступленіемъ весны, вскрытіе водъ могло способствовать Шведамъ снова предпринять высадки въ Финляндію и вмѣстѣ съ Англичанами господствовать на морѣ. Государь хотѣлъ, чтобы войска двинулись одновременно по тремъ направленіямъ: изъ Або на Аландскіе острова, изъ Вазы къ Умео и изъ Улеоборга чрезъ Торнео. По соединеніи Улеоборгскаго и Вазаскаго корпусовъ въ Умео и по занятіи Аландскихъ острововъ Абоскимъ корпусомъ, предпологалось всей арміи устремиться къ Стокгольму. Для этой экспедиціи назначено было собрать до 35,000 человѣкъ съ 62-мя орудіями ([13]). Генералъ Кноррингъ, встрѣтивъ множество затрудненій при сборѣ войскъ на указанныхъ пунктахъ и при устройствѣ ихъ провіантской части, не трогался съ мѣста. Время проходило; миновали декабрь, генварь и половина февраля. Наконецъ, Государь, недовольный бездѣйствіемъ главнокомандующаго, послалъ въ Финляндію военнаго министра графа Аракчеева, съ непремѣннымъ повелѣніемъ —

перейти черезъ Ботническій заливъ. 20-го февраля 1809.
(4-го марта) Аракчеевъ прибылъ въ Або. Главнокомандующій изложилъ ему свое мнѣніе о затрудненіяхъ похода на шведскіе берега; корпусные командиры, за исключеніемъ князя Багратіона, раздѣляли убѣжденіе генерала Кнорринга; но графъ Аракчеевъ, разсѣявъ ихъ опасенія, приготовилъ все нужное для зимней экспедиціи и приступилъ къ ея исполненію.

Въ это самое время послѣдовала въ Швеціи неожиданная перемѣна правительства. Война, заставлявшая содержать двѣ арміи, одну на границахъ Финляндіи и другую въ Шоніи, повлекла за собою такія издержки, что англійскія субсидіи не могли удовлетворить ихъ. Король Густавъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ассигнацій и къ чрезвычайному налогу въ 5 милліоновъ риксдалеровъ (10 милл. рубл. сер.). Неудовольствіе сдѣлалось общимъ; всѣ считали устраненіе Густава отъ престола единственнымъ исходомъ бѣдствій обрушившихся на страну; съ этою цѣлью образовался обширный заговоръ, если можно назвать заговоромъ явное участіе множества лицъ въ замыслѣ всѣмъ извѣстномъ. Совершенно преданный Королю, генералъ Толль подалъ ему записку, въ которой умолялъ его отказаться отъ престола въ пользу своего сына. Густавъ, прочитавъ эту бумагу, приказалъ ему отправиться къ войскамъ, въ Шонію; на пути туда, Толль опрокинулся съ экипажемъ и опасно ушибся. „Ежели я умру — сказалъ онъ своему племяннику — то знай, что и я, и Шёльдебрандъ, умоляли Короля сложить съ себя власть, для спасенія страны“ (14).

Въ началѣ марта н. ст. генералъ Адлерспарръ, съ войсками стоявшими въ Карльштадтѣ, выступилъ къ Стокгольму. Движеніе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ къ столицѣ не могло остаться въ неизвѣстности.

1809. Баронъ Стедингкъ донесъ о томъ Королю, который приказалъ арестовать главныхъ заговорщиковъ, но потомъ, по совѣту полковника Лагербринга, отмѣнилъ это распоряженіе и рѣшился уѣхать въ Шонію и увести туда-же войска, находившіяся въ столицѣ. Имѣя нужду въ деньгахъ, Король потребовалъ довольно значительныя суммы у англійскаго резидента и въ банкѣ, и даже хотѣлъ взять насильно изъ банка два милліона риксдалеровъ. Но въ это время Стокгольмъ уже былъ во власти корпуса прибывшаго изъ Карльштадта. Полковникъ Адлеркрейцъ, одинъ изъ всѣхъ шведскихъ начальниковъ дѣйствовавшій съ успѣхомъ въ финляндскую войну, и по тому сдѣлавшійся героемъ Швеціи, арестовалъ Короля, 1-го (13-го) марта. Регентомъ провозглашенъ былъ дядя Густава IV-го, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Самъ Густавъ и семейство его, съ уваженіемъ должнымъ ихъ сану и несчастію, были отвезены въ великолѣпный дроттингольмскій дворецъ, на одномъ изъ острововъ Мелярскаго озера (Mälar)*).

Первою потребностью страны было заключеніе мира. Опасность, угрожавшая Швеціи, была очевидна. Русскія войска, покоривъ Финляндію, уже готовились идти къ шведской столицѣ.

Движеніе русскихъ войскъ отъ Або на Аландскіе острова представляло чрезвычайныя опасности: при малѣйшей оттепели и южномъ вѣтрѣ, на широкихъ проливахъ раздѣляющихъ острова, ледъ покрывается водою; всѣ деревни на ближайшихъ къ финскому берегу островахъ были выжжены Шведами, и по тому, несмотря на жестокую стужу, нашимъ войскамъ приходилось располагаться на бивакахъ; аландскіе жители, принимавшіе участіе въ нападе-

*) См. особ. Прилож. къ сей главѣ.

нiи на полковника Вуича, страшась нашего мщенiя, готовы были, съ содѣйствiемъ шведскихъ войскъ, обороняться до послѣдней крайности. Послѣднее обстоятельство заставило усилить назначенный въ экспедицiю корпусъ князя Багратiона до 15,000 человѣкъ съ 22-мя орудiями (15). Войска были снабжены полушубками и теплою обувью. 1809.

Со стороны Шведовъ, находилось на Аландскихъ островахъ 12 баталiоновъ, въ числѣ до 5.000 человѣкъ пѣхоты съ небольшою частью конницы, и до 4,000 вооруженныхъ жителей, подъ общимъ начальствомъ генерала Дёбельна (16).

26-го февраля (10-го марта), корпусъ князя Багратiона выступилъ изъ окрестностей Або на сборное мѣсто, островъ Кумлингъ; множество саней, съ съѣстными припасами, водкою и дровами, тянулись въ слѣдъ за войсками по ледяной пустынѣ, кое-гдѣ усѣянной гранитными глыбами. По прибытiи на Кумлингъ, 1 (13) марта, войска тамъ расположились на бивакахъ; мужичья изба въ лѣсу, уцѣлѣвшая отъ общаго пожара, послужила для помѣщенiя главной квартиры князя Багратiона, а изгороды и вѣтреная мѣльница были разобраны на дрова. Дальнѣйшее наступленiе назначено исполнить пятью колоннами (17), съ тою цѣлью, чтобы, пользуясь превосходствомъ въ силахъ нашего корпуса, занимать непрiятеля съ фронта, между тѣмъ, какъ другiя войска должны были обойти его съ тыла, и отрѣзать ему отступленiе. Въ ночи съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е) марта, прибыли на Кумлингъ графъ Аракчеевъ, генералы Кноррингъ и Сухтеленъ и бывшiй нашъ резидентъ въ Стокгольмѣ Алопеусъ, снабженный полномочьемъ, на случай, еслибы Шведы оказали расположенiе къ миру. На слѣдующiй день, когда уже все было готово къ дальнѣйшему походу, прiѣхалъ шведскiй

1809. полковникъ Лагербрингъ, съ порученіемъ отъ командовавшаго войсками на Аландскихъ островахъ, генерала Дёбельна, который, извѣщая о перемѣнѣ правительства въ Швеціи, долженствовавшей, по его мнѣнію, повлечь за собою заключеніе мира, просилъ остановить наступленіе нашихъ войскъ. 4 (16) марта, прибылъ въ нашу главную квартиру самъ Дёбельнъ и предложилъ, отъ имени герцога Зюдерманландскаго, открыть переговоры о мирѣ, а, въ ожиданіи того, заключить перемиріе и прекратить военныя дѣйствія. Генералъ Дёбельнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявилъ согласіе на передачу русскимъ войскамъ Аландскихъ острововъ и на выступленіе оттуда Шведовъ къ Стокгольму. Графъ Кноррингъ готовъ былъ принять эти условія, но Аракчеевъ потребовалъ сдачи всего непріятельскаго отряда военно-плѣннымъ, и по отказѣ въ томъ Дёбельна, приказалъ настойчиво преслѣдовать Шведовъ. Войска князя Багратіона настигли непріятельскій арріергардъ, отрѣзали баталіонъ шведской гвардіи, и занявъ силою острова, захватили болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ, до сорока орудій, 10,000 новыхъ англійскихъ ружей, множество судовъ и большіе магазины. По достиженіи, 6 (18), острова Сигнальшера, положено было выслать къ шведскому берегу авангардъ, какъ для испытанія — можетъ-ли ледъ на проливѣ Аландсгафѣ выдержать тяжесть артиллеріи, такъ и для развѣданія о силахъ и расположеніи непріятеля.

Исполненіе этого отважнаго предпріятія было поручено Кульневу, съ 230-ю казаками и 170-ю гусарами Гродненскаго полка ([18]).

Генералъ-маіоръ Кульневъ, котораго имя въ Россіи сдѣлалось народнымъ, получилъ образованіе въ Сухопутномъ (въ послѣдствіи—1-мъ) кадетскомъ корпусѣ, въ самую блистательную эпоху этого военнаго

училища, когда директоромъ его былъ Бецкій. Познанія Кульнева въ Исторіи, особенно въ Россійской и Римской, были замѣчательны для гусара, проведшаго жизнь на конѣ и гораздо болѣе знакомаго съ саблею, нежели съ книгами: не разъ случалось ему, уже старому служивому, приводить въ примѣръ своимъ офицерамъ подвиги русскихъ и римскихъ героевъ, излагая событія въ хронологическомъ порядкѣ и выводя изъ нихъ своеобразныя заключенія, исполненныя здраваго смысла. Служа подъ начальствомъ Суворова въ Польшѣ, и, подобно всѣмъ русскимъ военнымъ, платя ему дань удивленія, Кульневъ напоминалъ нашего великаго полководца — и слогомъ приказовъ и донесеній своихъ, и быстрыми усиленными переходами отрядовъ ему ввѣряемыхъ, и даже нѣкоторыми странностями въ образѣ жизни. Но откровенный, уживчивый характеръ Кульнева не имѣлъ ничего общаго съ хитрымъ, нерѣдко язвительнымъ, и всегда своенравнымъ характеромъ Рымникскаго героя. Изъ скуднаго маіорскаго жалованья, Кульневъ постоянно удѣлялъ треть на содержаніе дряхлой своей матери, жившей въ городкѣ Люцинѣ; другая треть шла на одежду, конскую сбрую, содержаніе верховыхъ лошадей, а остальная на пищу, состоявшую изъ щей, гречневой каши и ветчины — любимаго блюда его. Всего этого готовилось вдоволь на нѣсколько человѣкъ. „Милости просимъ — говаривалъ онъ густымъ басомъ своимъ товарищамъ — милости просимъ, только каждаго гостя съ своимъ приборомъ; у меня всего одинъ“. За столомъ у него, въ противность тогдашнему обычаю, ничего не подавали, кромѣ воды или квасу; чарка водки передъ обѣдомъ, иногда для лакомства рюмка наливки; вечеромъ стаканъ чаю съ ромомъ: въ томъ состояло все угощеніе. Съ небольшими средствами,

1809. у него было все въ изобиліи, благодаря его способности къ домашнему хозяйству: онъ самъ заготовлялъ наливки, закуски, и былъ отличный мастеръ маринировать рыбу, грибы и проч. что дѣлалъ не только въ мирное время, но и въ походахъ. „Голь на выдумки хитра—говорилъ онъ гостямъ своимъ.— Живу по донъ-кишотски; ни кола, ни двора; подчую васъ собственною стряпнею, чѣмъ Богъ послалъ“. Русскую поговорку: „бѣдность не порокъ“ онъ выражалъ по своему: „горжусь бѣдностью“. И дѣйствительно—было чѣмъ гордиться! Въ Финляндскую кампанію, послѣ Куортанской побѣды, будучи представленъ за отличіе въ генералъ-маіоры, и получа въ тоже время извѣстіе о крайности, въ коей находилась мать его, Кульневъ просилъ Каменскаго замѣнить въ представленіи назначенный ему чинъ пятью тысячами рублей, и получивъ эту сумму, отослалъ ее своей матери. Въ турецкую войну, будучи пожалованъ арендою въ тысячу рублей, на двѣнадцать лѣтъ, Кульневъ передалъ право на эту награду родной племянницѣ, крестницѣ своей. Плѣнные непріятели находили въ немъ заступника и утѣшителя. Жители страны, въ коей воевалъ онъ, не подвергались отъ солдатъ его ни разоренію, ни оскорбленіямъ. Молва о великодушіи Кульнева была такъ распространена, что когда, по завоеваніи нашими войсками Финляндіи, онъ пріѣхалъ въ Або и явился на балъ у князя Багратіона, всѣ бывшіе тамъ Абоскіе граждане встали съ своихъ мѣстъ, либо оставили танцы, и окруживъ его, изъявили ему общую признательность за сохраненіе въ краѣ, гдѣ довелось ему дѣйствовать, спокойствія и имущества жителей. И этотъ мужъ добра, этотъ другъ человѣчества, принимавшій участіе въ страданіи каждаго существа, былъ ненасытимъ зрѣлищемъ ужасовъ

войны, дышалъ одною войною. „Люблю матушку Россію за то, что у насъ всегда въ какомъ нибудь углу дерутся“, говаривалъ Кульневъ. Сама природа—казалось — предназначила его быть воиномъ. Высокаго роста (2-хъ аршинъ и 10-ти вершковъ), сухощавый, но широкоплечій и здороваго сложенія, лицемъ мужественный, съ длинными усами и огромными бакенбардами: таковъ былъ Кульневъ. Одежда его — ментикъ, или доломанъ, смотря по времени года, въ походахъ, была сшита изъ солдатскаго сукна, съ гарусными шнурками и съ оловянными пуговицами, а вмѣсто форменной фуражки, часто носилъ онъ финскій колпакъ, либо ермолку. 1809.

Въ 1805-мъ году, Кульневъ, уже на сорокъ второмъ году жизни и прослуживъ цѣлые десять лѣтъ въ маіорскомъ чинѣ, потерявъ надежду на повышеніе, хотѣлъ выйти въ отставку. „Признаюсь тебѣ — писалъ онъ своему родному брату, что сія война остается послѣднимъ моимъ поприщемъ. Я не упущу случая и буду служить въ ней какъ вѣрный сынъ отечества. Послѣ удалюсь въ общее наше Болдырево *). Мнѣ скучно стало не видать перемѣны въ службѣ моей. Впрочемъ, la guerre a ses faveurs, ainsi que ses disgraces; надо во всемъ полагаться на волю Божію“..... (19).

Война 1807 года и финляндскій походъ измѣнили положеніе Кульнева. Въ 1809 году, ему, уже генералъ-маіору и кавалеру Св. Георгія 3-го класса, предстояла честь вести передовой отрядъ Абоскаго корпуса на берега Швеціи. Готовясь на смѣлый подвигъ, онъ отдалъ, въ ночь на 7-е (19-е) марта, слѣдующій приказъ: „Богъ съ нами! Я предъ вами,

*) Родовая деревушка Кульневыхъ, калужской губерніи, козельскаго уѣзда.

1809. князь Багратіонъ за вами. Въ полночь, въ два часа, собраться у мѣльницы. Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды ваши. Сіи волны—истинная награда, честь и слава безсмертная! Имѣть съ собою по двѣ чарки водки на человѣка, кусокъ мяса и хлѣба, и по два гарнца овса. Море не страшно кто уповаетъ на Бога. Отдыхайте, товарищи!“

Въ два часа по полуночи, отрядъ выступилъ съ Сигнальшера. Свѣжій слѣдъ Шведовъ, брошенныя ими тяжести и обломки оружія указывали путь чрезъ Аландсгафъ русскимъ войскамъ, весело шедшимъ съ пѣснями по окованнымъ льдами морскимъ безднамъ. Послѣ восьми-часоваго перехода, завидя берегъ, наши воины огласили окрестность грознымъ для враговъ Россіи крикомъ: ура! Стоявшій на льду, небольшой отрядъ шведской пѣхоты, встрѣченный гусарами и атакованный въ тылъ казаками, былъ отброшенъ къ берегу, съ потерею 80-ти человѣкъ плѣнными. За тѣмъ, Кульневъ послалъ противъ засѣвшаго за камнями и деревьями непріятеля спѣшенныхъ Уральскихъ казаковъ, которые, выбивъ Шведовъ изъ рощи, опрокинули ихъ къ большой стокгольмской дорогѣ. Тогда-же два эскадрона гусаръ вытянулись въ линію, а третій, спѣшась, построился въ колонны съ разомкнутыми рядами: такимъ образомъ, Кульневъ, увелича свой слабый отрядъ въ глазахъ непріятеля, (чему способствовала неровная мѣстность, представлявшая возможность выказать небольшія части войскъ за головы колоннъ), открылъ переговоры съ Шведами и заставилъ ихъ уступить намъ мѣстечко Гриссельгамъ. Ставъ твердо на шведской землѣ, Кульневъ донесъ князю Багратіону: „Благодареніе Богу, честь и слава россійскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю: Тебе Бога хвалимъ!“

Какъ только, по сигналу гриссельгамскаго телеграфа, пришло извѣстіе въ Стокгольмъ о появленіи Русскихъ въ ста верстахъ отъ столицы, то распространилась общая тревога. По стокгольмской дорогѣ уходили жители страны, спасая свое лучшее имущество. На слѣдующее утро подошли къ Гриссельгаму три шведскихъ полка. Но безстрашный Кульневъ оставался тамъ весь день, и донося князю Багратіону объ одержанномъ успѣхѣ, писалъ ему: „На море мнѣ дорога открыта, и я остаюсь здѣсь до полученія вашихъ повелѣній“. 1809.

Барклай де-Толли, съ Вазаскимъ отрядомъ, также перешелъ на шведскій берегъ. Получивъ отъ графа Аракчеева строжайшее предписаніе немедленно идти отъ Вазы къ Умео, и опасаясь вскрытія водъ Кваркенскаго пролива, Барклай не выждалъ сбора всѣхъ ввѣренныхъ ему войскъ и рѣшился выступить съ тѣми, которыя были у него подъ рукою, въ числѣ около 3.500 человѣкъ съ 8-ю орудіями ([20]), приказавъ прочимъ, по прибытіи въ Вазу, также идти въ Умео. Переходъ черезъ Кваркенъ короче, нежели разстояніе отъ Або до Аландскихъ острововъ, но представлялъ еще большія затрудненія и опасности. Пространство между Вазою и Умео, шириною около ста верстъ, усѣяно мѣлкими островами, состоящими большею частью изъ необитаемыхъ скалъ. Плаваніе тамъ судовъ, по множеству отмелей, опасно; а зимою хотя проливъ и замерзаетъ, однакоже переходъ по льду ненадеженъ: широкія полыньи и трещины льда, занесенныя снѣгомъ, подвергаютъ путника неминуемой гибели. Нерѣдко внезапныя бури взламываютъ ледъ и уносятъ его въ море. Рѣшась выступить на-легкѣ, чтобы совершить переходъ со всевозможною быстротою, Барклай не взялъ съ собою никакого обоза, кромѣ патронныхъ ящиковъ на

1809. дровняхъ, въ кои, на всякій случай, были уложены и колеса, и одноконныхъ саней для своза раненыхъ. Сухари на десять дней и фуражъ на 4 дня также слѣдовали за войсками на дровняхъ ([21]). Войска, собравшись на необитаемомъ островѣ Вальсгорнѣ, оставались тамъ весь день, 7 (19) марта, въ ожиданіи проводниковъ, подводъ и жизненныхъ припасовъ, а потомъ, выступивъ 8 (20), принуждены были пробираться между огромными льдинами, незадолго предъ тѣмъ взломанными бурею и нагроможденными, подобно утесамъ. Безпрестанно приходилось — то взлѣзать на льдяныя громады, то обходить ихъ, то идти, выбиваясь изъ силъ, по глубокому снѣгу. Къ счастью, морозъ не превышалъ 15-ти градусовъ и не было сильнаго вѣтра; иначе — весь отрядъ, занесенный вьюгою, могъ быть поглощенъ волнами взломаннаго пролива. Вечеромъ, войска, пройдя въ 12 часовъ около сорока верстъ, расположились подъ голымъ небомъ на необитаемомъ островѣ Гадденѣ.

Давъ нѣсколько часовъ отдыха войскамъ, Барклай, съ частью отряда ([22]), выступилъ въ полночь прямо къ Умео; другая-же часть, подъ начальствомъ полковника Филисова ([23]), была направлена чрезъ островъ Гольменъ, къ сѣверу отъ Умео. По прибытіи, еще до разсвѣта, 9 (21), къ устью рѣки Умео, войска Барклая стали на бивакахъ, употребивъ для разведенія костровъ два купеческихъ корабля, стоявшіе во льду, у берега. Въ донесеніи главнокомандующему, Барклай писалъ: „Понесенные труды въ семъ переходѣ единственно Русскому преодолѣть можно“. Отрядъ Филисова, опрокинувъ непріятеля, занимавшаго Гольменъ, къ вечеру достигъ селенія Тефтео, на шведскомъ материкѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Умео. Командовавшій въ городѣ, генералъ графъ Кронштедтъ, успѣвъ собрать не болѣе тысячи че-

ловѣкъ, открылъ съ Барклаемъ переговоры, слѣдствіемъ коихъ было заключеніе конвенціи 10 (22) марта. Шведы обязались очистить Умео и всю Вестроботнію до рѣки Эре, оставя Русскимъ всѣ магазины; въ случаѣ-же возобновленія дѣйствій, Барклай и Кронштедтъ обязаны были предварить о томъ другъ друга за 24 часа (24). 1809.

Въ тотъ-же день, Барклай торжественно вступилъ въ Умео, гдѣ найдены большіе склады, 4 орудія и до трехъ тысячъ ружей. Отрядъ Филисова, высланный по дорогѣ къ Торнео, отбилъ у Шведовъ множество жизненныхъ и боевыхъ запасовъ и 2 орудія. 11 (23) марта, пришелъ изъ Вазы въ Умео Навагинскій полкъ; Барклай ожидалъ прибытія остальныхъ трехъ, но на слѣдующій день получилъ отъ графа Кронштедта извѣстіе о заключенномъ на Аландѣ перемиріи и повелѣніе генерала Кнорринга немедленно возвратиться въ Вазу.

7 (19) марта, когда Кульневъ уже стоялъ въ Гриссельгамѣ, пріѣхалъ къ Кноррингу полковникъ Лагербрингъ, съ письмомъ отъ генерала Дёбельна, въ которомъ онъ извѣщалъ нашего главнокомандующаго объ искреннемъ желаніи герцога Зюдерманландскаго заключить миръ, съ тѣмъ только, чтобы русскія войска не переходили на берега Швеціи, и испрашивалъ согласіе на пріѣздъ въ нашу главную квартиру генералъ-адъютанта графа Левенгельма, чтобы назначить мѣсто для переговоровъ. Графъ Кноррингъ, съ согласія Аракчеева, отвѣчалъ, что графъ Левенгельмъ будетъ принятъ съ удовольствіемъ, и немедленно послалъ Кульневу и Барклаю де-Толли предписанія возвратиться — первому на Аландъ, а второму въ Вазу. Причины, побудившія къ тому нашихъ генераловъ, были: во 1-хъ, чтобы пребываніемъ русскихъ отрядовъ на шведскихъ бе-

1809. регахъ не раздражить Шведовъ (!) и во 2-хъ, изъ опасенія, чтобы подувшій тогда южный вѣтеръ не взломалъ ледъ и не отрѣзалъ войскъ перешедшихъ черезъ заливъ (25).

Генералъ Кульневъ, получивъ посланное ему изъ главной квартиры предписаніе, возвратился на Аландскіе острова. Графъ Кноррингъ полагалъ, что шведское правительство поспѣшитъ заключить миръ съ Россіею; но прибывшій изъ Стокгольма полковникъ Лагербрингъ объявилъ ему, что герцогъ Зюдерманландскій хотя и весьма желаетъ прекращенія войны, однакоже неиначе откроетъ переговоры, какъ для заключенія общаго мира. Наши генералы были смущены этимъ извѣстіемъ, но тѣмъ не менѣе согласились отмѣнить вторженіе въ Швецію, съ условіемъ, чтобы и Шведы, съ своей стороны, не предпринимали враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ войскъ въ Финляндіи и на Аландскихъ островахъ (26): такимъ образомъ побѣдители добровольно поставили себя наравнѣ съ побѣжденными. 8 (20) марта, Кноррингъ, оставя на Аландѣ генералъ-маіора Книпера, съ 2-мъ егерскимъ полкомъ и 20-ю казаками, выступилъ обратно въ походъ и 13 (25) благополучно пришелъ въ Або.

Барклай де-Толли, получивъ предписаніе возвратиться въ Финляндію, пробылъ въ Умео еще три дня, какъ для отдыха своихъ войскъ, такъ и для того, чтобы не дать обратному походу видъ отступленія. Въ продолженіи стоянки въ Умео, русскія войска, соблюдая порядокъ и дисциплину, заслужили благодарность жителей и заставили ихъ благословлять имя Русскаго Монарха (27). При выступленіи изъ Умео, Барклай оставилъ въ цѣлости всѣ захваченные тамъ магазины, донеся Кноррингу: „Увезти съ собою взятую добычу, походило-бы един-

ственно на корыстолюбіе, а истребить и привесть 1809.
въ негодность всѣ доставшіяся намъ вещи, не было-бы знакомъ миролюбія съ нашей стороны". Войска наши возвратились въ Вазу 18 (30) марта.

Дѣйствія графа Шувалова на сѣверѣ были весьма удачны. Тамъ, со стороны Шведовъ, подъ начальствомъ Гриппенберга, стояли небольшими частями, на пространствѣ между Торнео и Питео, нѣсколько тысячъ человѣкъ большею частью финскихъ войскъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, едва прикрытые лохмотьями, почти безъ обуви, не получая жалованья уже пять мѣсяцевъ. Въ началѣ (въ половинѣ) марта, Шуваловъ собравъ на рѣкѣ Кеми до 4,000 человѣкъ, извѣстилъ Гриппенберга о прекращеніи перемирія. Непріятели, оставя небольшой авангардъ у Торнео, стали собираться въ 70-ти верстахъ позади, въ Каликсѣ. Не смотря на жестокую стужу, доходившую до 30-ти градусовъ, войска Шувалова быстро подошли къ Торнео и настойчиво преслѣдовали отступавшихъ Шведовъ, а между тѣмъ Шуваловъ послалъ полковника Ансельма де-Жибори къ генералу Гриппенбергу, съ извѣстіемъ о прибытіи въ Умео корпуса Барклая де-Толли и съ предложеніемъ сдаться. Гриппенбергъ, за нѣсколько часовъ до того, получивъ отъ графа Кронштедта свѣдѣніе о занятіи Русскими Умео, собралъ военный совѣтъ, который рѣшилъ вступить въ переговоры, для избѣжанія бѣдствій угрожавшихъ и безъ того уже разстроенному шведскому корпусу: слѣдствіемъ того было заключеніе, въ тотъ-же день, 13 (25) марта, конвенціи, по условіямъ коей всѣ войска генерала Гриппенберга положили оружіе; финскимъ войскамъ разрѣшено возвратиться въ Финляндію, обязавшись не служить до окончанія войны, а Шведамъ — разойтись по домамъ, присягнувъ, что они,

1809. во все время войны, не станутъ служить ни противъ Россіи, ни противъ союзниковъ ея. Пушки и ручное оружіе шведскаго корпуса положено сдать назначенному графомъ Шуваловымъ коммисару; имущество-же и обозъ, какъ финскихъ, такъ и шведскихъ войскъ, оставлено при нихъ; всѣ шведскіе магазины съ провіантомъ и военными запасами, по дорогѣ отъ Каликса до Умео, условлено передать русскому коммисару. Число войскъ, положившихъ оружіе у Каликса, вмѣстѣ съ нестроевыми и больными, вообще простиралось до 7,000 человѣкъ; при отрядѣ находилось 22 орудія и 12 знаменъ ([28]).

Каликская капитуляція, которой, безъ всякаго сомнѣнія, много содѣйствовало занятіе Умео Барклаемъ де-Толли, оказала вліяніе на ходъ войны, лишивъ Швецію значительнаго корпуса; въ особенности-же это событіе было важно по тому, что оно почти совершенно прекратило участіе въ войнѣ превосходныхъ финскихъ войскъ и окончательно расторгло связь Финляндіи съ Швеціей ([29]).

Извѣстіе о сдачѣ корпуса Гриппенберга произвело въ Стокгольмѣ смущеніе и неудовольствіе. Обвиняли Гриппенберга и начальника штаба его, полковника Пальмфельда, въ малодушіи и измѣнѣ. Графъ Вреде, наиболѣе противъ нихъ возстававшій, былъ назначенъ главнокомандующимъ, на мѣсто Клеркера.

Императоръ Александръ, желая пріобрѣсти привязанность жителей ново-присоединенной къ его владѣніямъ Финляндіи, даровалъ имъ значительныя льготы и преимущества: узаконенія края были сохранены; таможни на прежней финской границѣ сняты; отмѣнены таможенные и акцизные сборы съ сельскихъ произведеній, привозимыхъ въ города на

продажу; наконецъ — жители освобождены отъ чрезвычайной подати, взимавшейся на уплату шведскаго государственнаго долга. Такія льготы, при всеобщемъ неудовольствіи на безпечность Короля Густава IV о защитѣ и благосостояніи страны, расположили большинство Финновъ въ пользу русскаго правительства. Побѣда при Оровайсѣ и Олькіокиская конвенція упрочили завоеваніе Финляндіи. Съ того времени возникла мысль — созвать сеймъ государственныхъ чиновъ сей страны, для разсѣянія сомнѣній тѣхъ изъ ея жителей, которые все еще считали возможнымъ возвращеніе подъ власть Швеціи. Съ этою цѣлью послѣдовало, 20-го генваря (1-го февраля), Высочайшее повелѣніе о созваніи народныхъ представителей Финляндіи въ городѣ Борго ([30]). 1809.

13 (25) марта, въ тотъ самый день, когда войска князя Багратіона возвратились въ Або, Императоръ Александръ отправился, для присутствія на сеймѣ, изъ Петербурга въ Финляндію: въ его свитѣ находились, кромѣ пользовавшагося въ то время полнымъ его довѣріемъ, статсъ-секретаря Сперанскаго, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, тайный совѣтникъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, генералъ-адъютанты Уваровъ и князь Гагаринъ, флигель-адъютанты Альбедиль и Аракчеевъ*), и лейбъ-медикъ Вильѐ. 15-го (27-го), Государь, подъѣзжая къ Борго, передъ заставою сѣлъ верхомъ и торжественно вступилъ въ городъ. У тріумфальныхъ воротъ, на сей случай построенныхъ, его ожидалъ генералъ-губернаторъ Финляндіи, баронъ (въ послѣдствіи — графъ) Спренгпортенъ, со всѣми чиновниками; многочисленныя толпы народа наполняли

*) Родной братъ графа Алексѣя Андреевича.

1809. всѣ улицы. Императоръ Александръ, при колокольномъ звонѣ и пушечномъ громѣ, между рядами войскъ, построенныхъ по обѣ стороны пути его, отправился къ назначенному для него дому, гдѣ у крыльца стояли депутаты сейма, которые и были приглашены къ Императорскому столу. Въ тотъ-же день, былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій всѣ права, коими дотолѣ, по конституціи, пользовались жители Финляндіи (31). На слѣдующій день, 16-го (28-го) марта, Государь, по выслушаніи въ Соборѣ литургіи, шествовалъ въ залу собранія сейма и открылъ совѣщанія его слѣдующею рѣчью на французскомъ языкѣ, тамъ-же переведенною на шведскій языкъ барономъ Спренгпортеномъ (32):

„Par les décrets de la Providence, appellé à gouverner un peuple bon et loyal, j'ai désiré voir ses représentans réunis autour de moi.

„J'ai désiré Vous voir pour vous donner une nouvelle preuve de mes intentions pour le bien de votre patrie. J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales; votre réunion ici vous garantit ma promesse.

„Cette réunion fera époque dans votre existence politique; elle est destinée à affermir les noeuds qui vous attachent au nouvel ordre des choses, à completer les droits que le sort de la guerre m'a déférés par des droits plus chers à mon coeur, plus conformes à mes principes, ceux que donnent les sentiments de l'amour et de l'affection.

„Je vous ferai connaitre mes dispositions sur les objets de votre assemblée. Vous y reconnaitrez facilement l'esprit qui me les a inspirés.

„Que l'amour de la Patrie, l'amour de l'ordre et une harmonie inaltérable dans vos vues, soient l'ame de vos délibérations, et la bénédiction du Ciel viendra

descendre sur vous pour diriger, pour éclairer vos travaux". 1809.

(Призванный Промысломъ управлять добрымъ, честнымъ народомъ, Я пожелалъ соединить вокругъ Себя его представителей.

Я пожелалъ васъ видѣть за тѣмъ, чтобы дать вамъ новое доказательство Моихъ намѣреній, клонящихся ко благу вашего отечества. Я обѣщалъ сохранить ненарушимо вашу конституцію, ваши основные законы. Ваше собраніе служитъ залогомъ Моего обѣщанія.

Это собраніе послужитъ основою вашему политическому существованію; оно утвердитъ вашу связь съ новымъ положеніемъ дѣлъ, оно утвердитъ права, данныя Мнѣ судьбою войны, правами болѣе близкими моему сердцу, болѣе сообразными съ моими правилами, правами, которыя даютъ чувства любви и привязанности.

Я сообщу вамъ Мои распоряженія на счетъ предметовъ вашего собранія. Вамъ легко будетъ узнать въ нихъ духъ руководившій Меня.

Да будутъ любовь къ Отечеству, уваженіе къ законамъ и ненарушимое согласіе въ вашихъ видахъ душею вашихъ совѣщаній, и благословеніе Божіе снизойдетъ на васъ, чтобы направить и просвѣтить труды ваши).

За тѣмъ баронъ Тандефельтъ, въ качествѣ канцлера юстиціи Великаго Княжества, прочелъ, на шведскомъ языкѣ, предложенія о четырехъ вопросахъ, по которымъ Государь желалъ имѣть мнѣнія Государственныхъ чиновъ. Эти вопросы имѣли предметомъ: 1) удобнѣйшее и справедливѣйшее распредѣленіе повинностей на содержаніе войска; 2) установленіе болѣе правильнаго и менѣе сложнаго способа взиманія податей; 3) устраненіе затрудненій, происхо-

1809. дившихъ отъ обращенія въ краѣ совокупно рускихъ и шведскихъ денегъ, и 4) обсужденіе проекта учрежденія верховнаго правительственнаго мѣста, подъ названіемъ *Правительственнаго Совѣта*. По прочтеніи этихъ предложеній, Государь съ прежнею церемоніею возвратился въ свой домъ. Вечеромъ былъ балъ ([33]).

На слѣдующій день, въ соборѣ, въ присутствіи Государя, всѣ сословія утвердили присягою присоединеніе Финляндіи на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи, о чемъ торжественно, при громѣ артиллеріи, было объявлено герольдомъ посреди церкви. Императоръ, сопровождаемый восторженными кликами народа, возвратился домой, того-же вечера отправился въ Гельсингфорсъ, и на слѣдующее утро, въ продолженіи пяти часовъ, осматривалъ Свеаборгъ, гдѣ встрѣченъ былъ залпомъ девятисотъ орудій. Генералъ Сухтеленъ, указавъ на ряды артиллеріи, стоявшей на валахъ крѣпости, сказалъ: „Ваше Величество, это похоже на пушечную библіотеку". Вечеромъ городъ далъ балъ, удостоенный присутствіемъ Государя. 19 (31) Императоръ торжественно въѣхалъ въ Або, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ. Генералъ-губернаторъ Финляндіи, ландсгевдинъ (правитель) абосской губерніи, магистратъ, чиновники университета и городскаго управленія, ожидали Государя у тріумфальной арки, съ надписью: „Александру I, котораго оружіе овладѣло краемъ, а кротость покорила сердца". Императоръ, въ сопровожденіи генераловъ, находившихся въ городѣ, проѣхалъ по фронту только-что возвратившихся съ похода на Аландъ, пяти полковъ, построенныхъ отъ Нюландской заставы до ландсгевдинскаго дома, назначеннаго для Его Величества. Тамъ представлялись Государю депутаты отъ всѣхъ

сословій. Вечеромъ, весь городъ былъ иллюминованъ. На слѣдующій день, Императоръ принималъ почетнѣйшихъ гражданъ; потомъ поѣхалъ верхомъ, для осмотра верфи и флотиліи, а также посѣтилъ два военные госпиталя и губернскій острогъ. По возвращеніи въ городъ Государь присутствовалъ въ засѣданіи Гофгерихта, выслушалъ докладъ президента, о порядкѣ занятій сего высшаго судилища, и изъявилъ желаніе оказать милосердіе кому-либо изъ осужденныхъ. Исполняя волю Государя, президентъ доложилъ рѣшенное, но преданное на Высочайшее усмотрѣніе уголовное дѣло. Императоръ Александръ, пользуясь священнымъ правомъ помилованія, утвердилъ мнѣніе Гофгерихта, о замѣнѣ смертной казни виновнаго наказаніемъ преступленію соразмѣрнымъ и церковнымъ покаяніемъ. Президентъ и члены высшаго судилища Финляндіи, желая увѣковѣчить память посѣщенія Государя, просили его, чтобы онъ пожаловалъ свой портретъ для украшенія залы ихъ собранія, на что̀ Его Величество изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы портретъ основателя Гофгерихта, Короля Густава-Адольфа Великаго, оставленъ былъ на прежнемъ мѣстѣ. За тѣмъ Государь отправился въ университетъ, гдѣ, въ числѣ прочихъ предметовъ, обратилъ вниманіе на хранящіяся въ университетской библіотекѣ русскія рукописи и шведскія медали. При посѣщеніи университета, Императоръ Александръ предоставилъ ему, избрать себѣ, по древнимъ своимъ уставамъ, Канцлера изъ среды высшихъ русскихъ сановниковъ, какъ бывало прежде изъ шведскихъ. Но университетъ, не зная никого изъ нашихъ государственныхъ людей, затруднялся въ выборѣ и просилъ назначить Канцлера, вслѣдствіе чего это званіе было возложено на Сперанскаго. Вечеромъ, на балу, дан- 1809.

1809. номъ абоскими гражданами, Государь танцовалъ съ дамами всѣхъ сословій ([34]).

22-го марта (3-го апрѣля), Императоръ Александръ, отправясь въ обратный путь, чрезъ Тавастгусъ, прибылъ 24-го (5-го) въ Петербургъ. Во время своего пребыванія въ Финляндіи, Государь наградилъ генераловъ перенесшихъ русскія знамена черезъ Ботническій заливъ: князь Багратіонъ и Барклай де-Толли произведены въ генералы отъ инфантеріи, графъ Шуваловъ — въ генералъ-лейтенанты; Кульневъ получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Войскамъ, занявшимъ Аландъ, пожаловано по рублю, а отрядамъ Барклая, Шувалова и Кульнева — по два рубля на человѣка. Напротивъ того, Кноррингъ, за медленныя и нерѣшительныя приготовленія къ переходу на шведскій берегъ, за перемиріе имъ заключенное на Аландѣ и за возвращеніе войскъ съ Аландскихъ острововъ въ Або и изъ Умео въ Вазу, подвергся праведному гнѣву Монарха. Императоръ Александръ, въ оба дня проведенные въ Або, не удостоилъ Кнорринга ни однимъ словомъ. Недовольный мелочными ссорами его съ губернаторомъ Финляндіи Спренгпортеномъ, Государь, на мѣсто ихъ обоихъ, назначилъ главнокомандующимъ и генералъ-губернаторомъ Финляндіи Барклая де-Толли, запретивъ ему входить въ какіе-либо переговоры съ непріятелемъ ([35]).

Повелѣнія, отданныя Императоромъ Александромъ, на счетъ дѣйствій въ Финляндіи, состояли въ слѣдующемъ: 1) прекратить перемиріе; 2) графу Шувалову, усиленному частью Вазаскаго корпуса, продолжать наступленіе, стараясь захватить непріятельскіе магазины и устроить склады жизненныхъ припасовъ, посредствомъ реквизицій въ покоренной странѣ; 3) Барклаю де-Толли (о возвращеніи коего

въ Умео тогда еще не было свѣдѣній) оставаться на шведскомъ берегу, открывъ связь съ графомъ Шуваловымъ; 4) ускорить постройку гребныхъ судовъ въ Вазѣ и Улеоборгѣ, для подвоза провіанта и содѣйствія войскамъ въ Вестроботніи, а по вскрытіи водъ послать на Аландскіе острова гребную флотилію, зимовавшую въ Або; наконецъ, 5) составить, въ продолженіи 24-хъ часовъ, особый корпусъ для занятія Аландскихъ острововъ. Въ этотъ корпусъ, ввѣренный, по собственному назначенію Государя, генералъ-маіору Никол. Иван. Демидову, (въ послѣдствіи — главный директоръ военно-учебныхъ заведеній) поступили, кромѣ 2-хъ баталіоновъ 20-го егерскаго полка, по одному баталіону шести полковъ ([36]), эскадронъ Гродненскихъ гусаръ, сотня казаковъ, піонерная рота и полурота артиллеріи, вообще-же въ корпусѣ состояло до 4,500 человѣкъ съ 6-ю орудіями. Таковы были распоряженія Императора Александра, считавшаго вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію мира наибольшее развитіе военныхъ средствъ и настойчивое продолженіе дѣйствій. Не разъ Государь выражалъ мысль, что „только содержа сильное войско, можно надѣяться на прочный миръ“ *). 1809.

Къ сожалѣнію, благопріятное время для вторженія въ Швецію было упущено, и хотя наша Финляндская армія состояла въ числѣ до 40,000 человѣкъ ([37]), однакоже наступательныя дѣйствія могли быть предприняты только корпусомъ Шувалова и назначенною въ составъ его частью Вазаскаго корпуса, всего-же десятью тысячами человѣкъ; осталь-

*) Долгомъ считаю сказать, что въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ, прочитавъ приведенныя въ рукописи генерала Данилевскаго слова Императора Александра, Собственноручно замѣтилъ: «совершенно справедливо, и это правило его для меня свято и завѣтно».

1809 ные-же тридцать тысячъ человѣкъ оставались въ оборонительномъ положеніи, для противодѣйствія высадкамъ Шведовъ и Англичанъ.

По заключеніи Каликской капитуляціи, 12 (24) марта, графъ Шуваловъ, съ небольшимъ корпусомъ своимъ, оставался въ Торнео, выдвинувъ авангардъ въ Питео. Получивъ тамъ извѣстія сперва о заключеніи перемирія на Аландѣ, а потомъ объ уничтоженіи его Государемъ, съ повелѣніемъ идти къ Умео, дабы занятіемъ Вестроботніи побудить непріятеля къ миру (38), Шуваловъ выступилъ изъ Торнео, 18 (30) апрѣля, съ частью ввѣренныхъ ему войскъ, въ числѣ 5.000 человѣкъ, предписавъ прочимъ, по прибытіи въ Торнео, слѣдовать за нимъ также къ Умео (39). На основаніи помянутой капитуляціи, генералъ Гриппенбергъ уступилъ намъ всѣ шведскіе магазины отъ Каликса до Умео, но графъ Вреде, будучи назначенъ главнокомандующимъ шведскихъ войскъ, не призналъ этого условія для себя обязательнымъ и выслалъ отрядъ полковника Фурумарка къ Шёлехте, для охраненія и вывоза находившихся тамъ складовъ. Но прежде еще, нежели Фурумаркъ успѣлъ исполнить это порученіе, Шуваловъ, прибывъ, 3 (15) мая, въ Сторкоге, въ десяти верстахъ отъ Шёлехте, двинулся съ половиною своего корпуса, въ полночь на 4-е (16-е) мая, прямо противъ непріятеля, отрядивъ остальные полки, подъ начальствомъ генералъ-маіора Алексѣева, по льду Ботническаго залива, въ тылъ Шведамъ, къ Итервику. Подполковникъ Карпенко, съ баталіономъ 26-го егерскаго полка, шедшій въ головѣ первой колонны, бросился къ длинному мосту на Шёлехте, и не смотря на картечь оборонявшихъ его двухъ орудій, перешелъ на другой берегъ рѣки; за нимъ слѣдовалъ Эриксонъ съ другимъ баталіономъ

того-же полка и прочія войска колонны Шувалова. 1809.
Непріятель сталъ отступать къ Итервику, но былъ встрѣченъ полками Алексѣева, которые, пройдя сорокъ верстъ въ ночи по льду залива, по колѣно въ водѣ, заняли Итервикъ и двинулись оттуда по дорогѣ къ Шёлехте. Отрѣзавъ путь отступленія Шведамъ, Алексѣевъ потребовалъ отъ нихъ сдачи, предлагая, если пожелаютъ, пересчитать наши войска. Полковникъ Фурумаркъ, уже настигнутый съ тыла авангардомъ Шувалова, заключилъ капитуляцію: уроженцы Финляндіи были отпущены на родину, а Шведы объявлены военноплѣнными. Всего сдалось около 700 человѣкъ, съ 22-мя орудіями и 4-мя знаменами ([40]).

Вслѣдъ за тѣмъ, войска графа Шувалова, по болѣзни его, поступившія подъ начальство Алексѣева, продолжали наступать. Командовавшій въ Умео генералъ Дёбельнъ, не имѣя достаточныхъ силъ для удержанія русскихъ войскъ, вывезъ поспѣшно моремъ запасы собранные въ различныхъ магазинахъ по берегу залива, и сдавъ городъ, отступилъ за рѣку Эре (Öre-Elf). 20-го мая (1-го іюня), Алексѣевъ занялъ Умео.

Войска генерала Алексѣева, по скудости занятой имъ страны, продовольствовались доставкою запасовъ изъ Финляндіи моремъ на купеческихъ судахъ, а для охраненія ихъ плаванія были отправлены изъ Або въ Кваркенъ фрегатъ „Богоявленіе“ и два брига; тогда-же наша гребная флотилія стала по южную сторону Аландскихъ острововъ, занявъ отрядомъ Юнгферъ-Зундъ. Для сухопутнаго-же подвоза запасовъ къ финляндскимъ портамъ, служили пятьсотъ подводъ, собранныхъ еще въ февралѣ съ тверской и новгородской губерній съ двумя стами пятьюдесятью ямщиками, по наряду.

1809. До начала (половины) іюня, Алексѣевъ стоялъ спокойно, получая запасы сухимъ путемъ и моремъ, но вскорѣ положеніе его сдѣлалось весьма затруднительно. Герцогъ Зюдерманландскій, избранный на сеймѣ Королемъ, подъ именемъ Карла XIII-го, чувствовалъ необходимость утвердить свою власть заключеніемъ мира на выгоднѣйшихъ, по возможности, для Швеціи условіяхъ. Съ этою цѣлью, шведское правительство, какъ до избранія новаго Короля, такъ и въ послѣдствіи, нѣсколько разъ обращалось къ Наполеону, ходатайствуя о посредничествѣ и защитѣ его. Наполеонъ давалъ уклончивые отвѣты, совѣтовалъ положить конецъ безначалію въ странѣ, заключить наипоспѣшнѣе миръ, обратиться къ великодушію Императора Александра ([41]). Тѣмъ не менѣе однакоже было извѣстно, что Наполеонъ, достигнувъ своей цѣли — низложенія Густава IV-го, не только не противился заключенію мира между Россіею и Швеціей, но писалъ Коленкуру въ Петербургъ, что онъ не находитъ никакой выгоды для себя въ томъ, чтобы Русскіе овладѣли Стокгольмомъ. Король Шведскій, открывъ переговоры съ русскимъ правительствомъ, надѣялся получить выгоднѣйшія условія мира, положивъ предѣлъ успѣхамъ нашихъ военныхъ дѣйствій, и съ этою цѣлью отправилъ въ Кваркенъ четыре фрегата и сильную гребную флотилію. Съ нашей стороны, какъ уже сказано, всѣ гребныя суда тогда стояли у Аландскихъ острововъ; тѣже, кои строились въ Вазѣ и Улеоборгѣ, еще не были готовы ([42]). Высланный изъ Або фрегатъ „Богоявленіе“, атакованный двумя шведскими фрегатами, успѣшно отбился отъ нихъ; но Шведы, занявъ Кваркенскій проливъ, прервали сообщеніе Алексѣева съ Финляндіей и дѣлали безпрестанныя высадки въ тылу его, на берега Вестроботніи. Донося о томъ

графу Аракчееву, генералъ Алексѣевъ писалъ, что, 1809.
по всей вѣроятности, найдется принужденнымъ оставить завоеванную страну. Императоръ Александръ повелѣлъ отвѣчать Алексѣеву: „чтобы онъ держался въ Умео до послѣдняго человѣка, и что если онъ оставитъ Умео безъ предписанія на то главнокомандующаго, то отданъ будетъ подъ судъ“ ([43]).

Генералъ Алексѣевъ, получивъ свѣдѣніе о сборѣ двухъ тысячъ человѣкъ шведскихъ войскъ, генерала Сандельса, на рѣкѣ Герне ([44]), отрядилъ противъ нихъ, до трехъ тысячъ человѣкъ ([45]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Казачковскаго, который атаковалъ непріятеля у Гернефорса, 23-го іюня (5-го іюля), и опрокинулъ за рѣку Эре, захвативъ въ плѣнъ болѣе ста человѣкъ; въ числѣ смертельно раненыхъ былъ извѣстный шведскій партизанъ подполковникъ Дункеръ. Съ нашей стороны, уронъ вообще простирался до 180 человѣкъ ([46]).

Нѣсколько дней спустя, Сандельсъ предложилъ Алексѣеву перемиріе, на которое послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ воюющихъ сторонъ имѣла право возобновить дѣйствія, предваривъ о томъ только за четыре дня. Утвержденіе перемирія было предоставлено графу Каменскому, снова принявшему начальство надъ Улеоборгскимъ корпусомъ, 23-го іюля (4-го августа). Войска его были частью размѣщены на пространствѣ между Улеоборгомъ и Умео, частью собраны въ окрестностяхъ Умео ([47]). Переговоры его съ Сандельсомъ, на счетъ перемирія, не имѣли никакихъ послѣдствій, потому что Шведы имѣли въ виду только выиграть время и одержать какой-либо успѣхъ, для возвышенія новаго правительства въ глазахъ Европы и для заключенія по возможности выгоднѣйшихъ условій мира на открывшемся тогда конгрессѣ въ

1809. Фридрихсгамѣ. Съ этою цѣлью, по плану Армфельда, передѣланному Адлерспарромъ, были отправлены, 3-го (15-го) августа, изъ Гернезанда въ Ратанъ, два линейныхъ корабля и 90 меньшихъ судовъ, съ 8,000 человѣкъ дессантнаго войска, для нападенія на Каменскаго съ тыла: всѣмъ флотомъ командовалъ адмиралъ Пукè (Puke), а сухопутными войсками графъ Вахтмейстеръ. Въ числѣ шведскихъ генераловъ, нѣкоторые превосходили его способностями: Дёбельнъ, изучившій теорію и практику военнаго дѣла, но не пользовавшійся довѣріемъ новаго правительства; Адлеркрейцъ, заслужившій любовь войскъ своимъ мужествомъ; Адлерспарръ, пріобрѣвшій въ странѣ большой вѣсъ участіемъ въ низложеніи Короля Густава. Но послѣдній оставался, безъ всякой надобности, на границѣ Норвегіи, съ арміей, совершенно ему преданною и сдѣлавшеюся какъ-бы его собственною гвардіей, и будучи во враждѣ съ Адлеркрейцомъ, старался устранить его отъ начальства надъ войсками и способствовалъ назначенію неспособнаго Вахтмейстера. Одновременно съ высадкою у Ратана, графъ Вреде, съ шестью тысячами человѣкъ собранныхъ на рѣкѣ Эре, долженъ былъ устремиться противъ Каменскаго съ фронта, къ Умео.

Румянцовъ, при самомъ открытіи переговоровъ въ Фридрихсгамѣ, писалъ къ Барклаю де-Толли о необходимости настойчивыхъ дѣйствій, для побужденія Шведовъ къ миру (48), но еще прежде того Барклай разрѣшилъ Каменскому дѣйствовать по усмотрѣнію; тогда-же поручено генералъ-лейтенанту Штейнгелю главное начальство надъ сухопутными и морскими силами на Аландѣ, съ приказаніемъ сдѣлать демонстрацію высадки на шведскій берегъ.

4 (16) августа, въ самый день открытія переговоровъ о мирѣ, графъ Каменскій съ 5,000 человѣкъ (49)

выступилъ изъ Умео къ рѣкѣ Эре. Между Умео и двинувшимся впередъ корпусомъ былъ оставленъ отрядъ полковника Сабанѣева; въ Умео — отрядъ генералъ-маіора Ерiпова, а между Умео и Шёллефте—полковника Фролова ([50]). Приблизясь къ Эре, Каменскій направилъ войска двумя колоннами: одна, подъ личнымъ начальствомъ его, продолжала двигаться по большой дорогѣ, а другая, предводимая генераломъ Алексѣевымъ, была послана въ обходъ лѣваго фланга непріятельской позиціи. Но едва лишь головы колоннъ подошли къ рѣкѣ, какъ прискакалъ курьеръ, съ донесеніемъ отъ полковника Фролова, о прибытіи къ Ратану сильнаго непріятельскаго флота и о высадкѣ тамъ Шведовъ. Каменскій, рѣшась немедленно идти къ Ратану, оставилъ, для скрытія этого движенія отъ графа Вреде, на рѣкѣ Эре, генералъ-маіора Эриксона, съ 24-мъ и 26-мъ егерскими полками, приказалъ Сабанѣеву, съ Сѣвскимъ и 3-мъ егерскимъ полками, спѣшить въ помощь Фролову, и самъ, съ главными силами, послѣдовалъ за нимъ. Въ тотъ-же день, 5 (17), Вахтмейстеръ атаковалъ Фролова у Діекнободы и опрокинулъ его къ Сефвару, но вмѣсто того, чтобы воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ и быстро идти къ Умео, остановился, 6-го (18-го), въ 50-ти верстахъ отъ этого города, у Сефвара, и далъ время войскамъ Каменскаго собраться въ Умео и подоспѣть въ помощь Фролову и Сабанѣеву. 1809.

7 (19) августа, Каменскій, успѣвъ собрать въ окрестностяхъ Сефвара до 5,000 человѣкъ съ 8-ю орудіями ([51]), рѣшился атаковать непріятеля. Генералу Казачковскому было предписано защищать Умео отъ шведскихъ высадокъ до прибытія Эриксона, а потомъ идти на соединеніе съ главными силами. У генерала Вахтмейстера, на позиціи у Сефвара, было

1809. собрано до 6,000 человѣкъ. Не исполнивъ даннаго адмираломъ Пукѐ предписанія — идти поспѣшно къ Умео и одновременно съ графомъ Вреде атаковать Каменскаго — Вахтмейстеръ могъ, по крайней мѣрѣ, занять выгодную позицію у Тефтео, но онъ не только этого не сдѣлалъ, но даже не озаботился осмотрѣть мѣстность, на которой расположились войска его ([52]). Послѣ кровопролитнаго боя, продолжавшагося съ 7-ми часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни, графъ Каменскій овладѣлъ позиціей при Сефварѣ, заставя непріятеля отступить къ Діекнебодѣ. Уронъ нашъ простирался до 1.350 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ были генералы Алексѣевъ и Готовцовъ — послѣдній смертельно. Непріятель, по всей вѣроятности, понесъ еще большія потери; въ плѣнъ нашими войсками захвачено до 500 человѣкъ ([53]).

По окончаніи сраженія, Каменскій получилъ отъ Эриксона рапортъ о наступленіи графа Вреде къ Умео: такимъ образомъ угрожаемый нападеніемъ съ двухъ сторонъ, русскій полководецъ рѣшился, на слѣдующій день, атаковать Вахтмейстера, чтобы заставить его отплыть обратно изъ Ратанской гавани. Нерѣшительность Вахтмейстера облегчила исполненіе этого плана дѣйствій. Отступивъ на превосходную Діекнебодскую позицію, съ 10 часовъ вечера, и получая тамъ съ флота боевые и жизненные припасы, Шведы могли держаться тамъ до появленія Вреде въ тылу русскаго корпуса. Но, вмѣсто того, Вахтмейстеръ, устрашенный неудачею при Сефварѣ, отступилъ къ Ратану, подъ защиту флота. Каменскій, пользуясь тѣмъ, могъ-бы, по присоединеніи къ его корпусу войскъ Эриксона, отступить къ сѣверу, но онъ, удостовѣрясь въ малодушіи противника, двинулся противъ него, 8-го (20-го), и не смотря на превосходство въ числѣ Шведовъ, заста-

вилъ ихъ сѣсть на суда и отплыть изъ Ратана. Уронъ нашъ въ семъ дѣлѣ не превосходилъ полутораста человѣкъ (54). Въ донесеніи о побѣдахъ при Сефварѣ и Ратанѣ, Каменскій писалъ: „Не могу довольно нахвалиться усердіемъ, храбростью и неутомимостью всѣхъ чиновъ. Изъ одного боя войска поспѣшали къ другому, съ поля сраженія дѣлали тотчасъ форсированные марши, послѣ форсированныхъ маршей вступали опять въ бой, съ тою-же бодростью духа и непоколебимою храбростью, которыя всегда знаменовали ихъ.“ 1809.

Пораженіе, понесенное Вахтмейстеромъ, заставило Вреде, достигшаго рѣки Умео, остановиться. Тѣмъ не менѣе однакоже графъ Каменскій, терпя недостатокъ въ боевыхъ и жизненныхъ припасахъ, выступилъ, 12-го (24-го) августа, къ Питео, и прибылъ туда 18-го (30-го). Получивъ прибывшій изъ Улеоборга транспортъ и снабдивъ войска провіантомъ и патронами, Каменскій далъ имъ трое сутокъ отдыха и снова двинулся впередъ, по дорогѣ къ Умео. На первомъ переходѣ явился къ нему графъ Сандельсъ съ полномочьемъ на заключеніе перемирія, которое и было подписано, въ тотъ-же день, 21 августа (2-го сентября): важнѣйшимъ изъ его условій для насъ было свободное плаваніе невооруженныхъ судовъ по всему Ботническому заливу, что̀ способствовало русскому корпусу получать запасы моремъ изъ Финляндіи. Въ Петербургѣ старались выставить въ невыгодномъ свѣтѣ отступленіе Каменскаго къ Питео и заключенное имъ перемиріе, да и графъ Румянцовъ, считая настойчивое продолженіе войны вѣрнѣйшимъ средствомъ къ заключенію мира, былъ недоволенъ прекращеніемъ дѣйствій. Но великодушный Барклай вступился за Каменскаго и донесъ Государю, что онъ отступленіемъ къ Питео вывелъ

1809. свой корпусъ изъ затруднительнаго положенія, не лишась возможности угрожать Шведамъ вторженіемъ въ ихъ области. „Счастливо войско, имѣющее предводителемъ столь искуснаго, дѣятельнаго и храбраго генерала,“ писалъ онъ Императору Александру. Государь отвѣчалъ ему, что „онъ признаетъ вполнѣ основательными распоряженія Каменскаго, достойныя всякой похвалы и обличающія въ немъ искуснѣйшаго генерала.“ Побѣдитель при Сефварѣ получилъ въ награду своихъ подвиговъ алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго (55).

Незадолго предъ тѣмъ, штабсъ-капитанъ Сенежацкій, находясь въ финскихъ водахъ, подъ начальствомъ флота капитана фонъ-Дезина, отправленъ былъ съ провіантомъ, на 4-хъ лодкахъ, къ Роченсальмской пристани: у него было всего-на-все около полутораста солдатъ и 20 матросовъ, съ двумя небольшими пушками. Не доходя Роченсальма верстъ пять, онъ былъ встрѣченъ 19-ю англійскими баркасами, изъ коихъ на каждомъ находилось по 40 человѣкъ и по гаубицѣ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ, одна изъ лодокъ успѣла уйти въ шкеры; у русскаго офицера оставалось только 105 мушкетеровъ и 15 матросовъ. Не смотря на огромное неравенство силъ, бой продолжался $2^1/_2$ часа. Наконецъ, когда всѣ Русскіе, кромѣ семи человѣкъ, были убиты либо ранены, и самъ Сенежацкій тяжело раненъ двумя картечами, Англичане овладѣли его лодками. Непріятель потерпѣлъ большой уронъ: два англійскихъ офицера умерли отъ ранъ и одинъ изъ баркасовъ потонулъ. На другой день, Сенежацкому отняли руку у самаго плеча и ногу выше колѣна; но онъ остался живъ. (Ему было 27 лѣтъ отъ рода).

Императоръ Александръ. наградилъ Сенежацкаго орденомъ Св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ,

пенсіей и приказалъ дать ему въ услуженіе, по смерть его, деньщика на казенномъ содержаніи ([56]). 1809.

Въ іюлѣ, когда русскія знамена развѣвались въ Швеціи, а союзный Шведамъ англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Сомареца, занявъ Финскій заливъ, прервалъ сообщеніе Кронштадта съ прочими портами Балтійскаго моря, Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Петербурга, 4-го (16), въ Финляндію, прибылъ въ Борго къ закрытію сейма, который, по отъѣздѣ Государя весною въ Петербургъ, безостановочно продолжалъ свои занятія, сперва въ выбранныхъ изъ среды своей коммиссіяхъ, а потомъ въ общемъ собраніи Государственныхъ чиновъ; для составленія-же проекта правительственнаго совѣта былъ учрежденъ особый комитетъ, изъ нѣсколькихъ членовъ сейма, при содѣйствіи извѣстнаго въ то время юриста, профессора Калоніуса, и при дѣятельномъ участіи Сперанскаго. По тремъ изъ числа вопросовъ, переданныхъ на обсужденіе сейма, онъ представилъ окончательныя заключенія, обративъ притомъ, во всеподданнѣйшихъ своихъ прошеніяхъ, вниманіе Правительства и на многіе другіе общественные предметы, а проектъ учрежденія правительственнаго совѣта, бывъ также разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи чиновъ, получилъ окончательное утвержденіе позже, именно 6 августа 1809 года. (Въ 1816 году этотъ совѣтъ переименованъ въ Императорскій финляндскій сенатъ).

По окончаніи совѣщаній сейма, Государь лично закрылъ его, 7 (19) іюля, причемъ, изъявивъ депутатамъ свою признательность за ихъ благонамѣренныя занятія, сказалъ: „Дѣйствія сейма прекращаются, но вамъ предстоитъ еще много обязанностей. Возвратясь въ домы, распространите и поселите въ согражданахъ вашихъ одушевлявшія васъ на сеймѣ

1809. чувствованія. Внушите имъ одинаковый съ вами образъ воззрѣнія на важнѣйшіе предметы вашего политическаго существованія, сохраненія законовъ, личной свободы и собственности. Тогда храбрые, честные Финны возблагодарятъ Провидѣніе за настоящее свое положеніе. Поставленные въ чреду народовъ, пользуясь защитою законовъ, Финны будутъ вспоминать о прежнемъ владычествѣ Швеціи только для сохраненія съ нею дружественныхъ сношеній, по возстановленіи съ сею державою мира. Для меня-же будетъ лучшимъ плодомъ моихъ о васъ попеченій, когда увижу финскій народъ, спокойный извнѣ, свободный по срединѣ своей родины, подъ сѣнью законовъ и съ добрыми нравами, занимающійся хлѣбопашествомъ и промыслами, самымъ благополучіемъ своимъ воздающій справедливость моимъ намѣреніямъ и благословляющій свой жребій.“ ([57]). По закрытіи сейма, Государь отправился въ Гельсингфорсъ, гдѣ былъ встрѣченъ главнокомандующимъ, осмотрѣлъ Свеаборгъ, посѣтилъ Гангудъ и 12 (24) іюля возвратился въ Петербургъ.

Въ продолженіи дѣйствій на берегахъ Швеціи были открыты переговоры о мирѣ.

Еще въ началѣ 1809 года, когда завоеваніе русскимъ оружіемъ Финляндіи и явное истощеніе Швеціи подавали надежду на уступчивость побѣжденнаго непріятеля, Императоръ Александръ счелъ нужнымъ послать Г. Алопеуса *) въ Финляндію, на случай могущихъ открыться переговоровъ. Въ инструкціи ему данной, были поставлены непремѣнными условіями мира: уступка Финляндіи до р. Торнео и

*) Давидъ Максимовичъ.

закрытіе Англичанамъ шведскихъ гаваней (58). Алопеусъ прибылъ въ главную квартиру Кнорринга одновременно съ переворотомъ низвергшимъ Густава IV-го. Чрезъ пять дней по вступленіи въ управленіе Швеціею, герцогъ Зюдерманландскій отправилъ къ Императору Александру своего адъютанта Спальдинга, съ извѣщеніемъ о причинахъ, побудившихъ его принять регентство, и съ изъявленіемъ желанія заключить съ Россіею перемиріе и прислать въ Петербургъ уполномоченнаго условиться о мирѣ. Г. Алопеусъ, отправленный изъ Або въ Стокгольмъ съ отвѣтомъ на это письмо, получилъ повелѣніе объявить герцогу о готовности нашего правительства прекратить враждебныя дѣйствія. Со стороны герцога послѣдовали такія-же увѣренія; касательно-же требуемыхъ нашимъ правительствомъ уступокъ, онъ возразилъ, что, „хотя нельзя избѣгнуть предлагаемыхъ условій, и прійдется уступить Финляндію, однакоже, для собственнаго оправданія предъ сеймомъ, онъ долженъ показывать видъ, будтобы домогается получить ее обратно.“ Желая разъяснить смыслъ этихъ словъ, Алопеусъ, въ разговорѣ съ шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Лагербильке, сказалъ, что Императоръ Александръ, присоединивъ къ своей державѣ Финляндію, будетъ отстаивать ее также, какъ будтобы дѣло шло о защитѣ Москвы или Петербурга. Лагербильке отвѣчалъ, что „конечно, Швеція не можетъ получить обратно Финляндію силою оружія, но есть для ней средство къ тому, можетъ быть, непротивное Императору Александру, именно — возвесть на шведскій престолъ одного, изъ Россійскихъ Великихъ Князей, либо принца Ольденбургскаго, супруга Великой Княгини Екатерины Павловны.“ На этотъ намёкъ съ нашей стороны не послѣдовало отвѣта. 1809.

1809. Герцогъ Зюдерманландскій, не имѣя возможности согласиться на предложенныя уступки безъ разрѣшенія сейма, который тогда еще не былъ собранъ, желалъ выиграть время, и съ этою цѣлью писалъ нашему двору о намѣреніи своемъ—послать, для заключенія мира, въ Петербургъ, бывшаго тамъ долго резидентомъ, барона Стедингка. Въ отвѣтъ на эту депешу, графъ Румянцовъ извѣстилъ шведское правительство, что Императоръ Александръ согласенъ принять барона Стедингка только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ снабженъ полномочьемъ: во 1-хъ, заключить миръ не съ одною Россіей, но и съ ея союзниками; во 2-хъ, приступить къ континентальной системѣ, и въ 3-хъ, признать границами Швеціи съ Россіей Ботническій заливъ и рѣку Каликсъ. Побѣда, одержанная нашими войсками на шведской землѣ при Гернефорсѣ, 23 іюня (5 іюля), побудила вновь избраннаго Короля Карла XIII-го *) къ большей сговорчивости, и наконецъ, 2 (14) августа, прибыли въ Фридрихсгамъ, мѣсто назначенное для переговоровъ, шведскіе уполномоченные, генералъ баронъ Стедингкъ и полковникъ Шёльдебрандъ (Skioldebrand). Послѣдній былъ приданъ Стедингку столько-же для надзора, сколько и для содѣйствія. Не смотря на прямодушіе Стедингка, его подозрѣвали въ преданности прежнему Королю и думали, что онъ любитъ Россію и Русскихъ. Съ нашей стороны переговоры были ведены графомъ Румянцовымъ и Алопеусомъ.

На первомъ совѣщаніи, 3 (15) августа, въ которомъ Алопеусъ и Шёльдебрандъ не принимали участія, баронъ Стедингкъ изъявилъ готовность своего правительства сдѣлать наибольшія пожертвованія,

---

*) Герцогъ Зюдерманландскій, дядя прежняго Короля Густава IV-го.

но сказалъ, что Швеція не можетъ согласиться на уступку Аландскихъ острововъ. Румянцовъ, не входя въ напрасныя пренія по этому предмету, предложилъ условиться по порядку на счетъ статей, составляющихъ основанія переговоровъ, и желалъ знать — „согласно-ли шведское правительство заключить миръ не только съ Россіей, но съ Франціей и Даніей“; получивъ утвердительный отвѣтъ, русскій министръ предложилъ другой вопросъ: „рѣшилась-ли Швеція присоединиться къ континентальной системѣ“. Баронъ Стедингкъ отвѣчалъ, что „Шведы хотѣли оставаться неутральными“, и что „континентальная система не только разсорила-бы ихъ съ Англичанами, но лишила-бы Швецію возможности получать соль и необходимѣйшіе колоніальные продукты“. Румянцовъ замѣтилъ, что „еслибы Россія, изъ любви къ миру, и не настаивала на такомъ требованіи, то ея союзники, въ высшей степени дорожащіе введеніемъ континентальной системы, вовлекли-бы насъ въ новую войну съ Шведами, и что для Швеціи будутъ сдѣланы по сему предмету всѣ облегченія, подобныя тѣмъ, кои допущены для Даніи“. Баронъ Стедингкъ, уклонясь отъ рѣшительнаго согласія на эту статью, снова завелъ рѣчь объ Аландскихъ островахъ, утверждая, что они прежде имѣли особое управленіе, совершенно отдѣльное отъ Финляндіи; по словамъ его — съ уступкою ихъ Россіи, Стокгольмъ подвергался-бы безпрестанной опасности и былъ-бы отрѣзанъ отъ всѣхъ къ сѣверу лежащихъ шведскихъ гаваней. Румянцовъ отвѣчалъ, что дѣло шло не о томъ, принадлежали-ли эти острова къ Финляндіи, или нѣтъ; онъ замѣтилъ, что Россія, будучи вовлечена въ войну и одержавъ блистательные успѣхи, пріобрѣла право требовать изъ сдѣланныхъ ею завоеваній тѣ, кои могли наиболѣе 1809.

1809. послужить къ охраненію ея безопасности. Настойчивыя домогательства нашего правительства побудили Стедингка, послѣ втораго совѣщанія, просить графа Румянцова, чтобы въ переговорахъ принялъ участіе полковникъ Шёльдебрандъ: по всей вѣроятности, шведскій дипломатъ хотѣлъ въ немъ имѣть свидѣтеля усиліямъ своимъ и безуспѣшности ихъ. Алопеусъ также принялъ участіе въ переговорахъ.

На третьемъ совѣщаніи, утромъ 4 (16) августа, Стедингкъ изъявилъ безусловное согласіе на первую статью (заключеніе мира съ союзниками Россіи); на счетъ 2-й, постановили, чтобы Швеція, приступивъ къ континентальной системѣ, условилась съ Франціей и Даніей о ввозѣ необходимѣйшихъ для нея предметовъ. Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, Румянцовъ, въ присутствіи прочихъ уполномоченныхъ, прочелъ составленный имъ, по желанію Стедингка и Шёльдебранда, проектъ 2-й статьи. Баронъ Стедингкъ домогался получить положительное согласіе Россіи на ввозъ въ Швецію нѣкоторыхъ иностранныхъ продуктовъ, съ предоставленіемъ Франціи и Даніи утвердить это условіе; но Румянцовъ отклонилъ требованіе шведскаго министра, говоря объ искреннемъ союзѣ Императора Александра съ Наполеономъ, который, отказавъ Шведамъ на предложеніе ихъ — вести переговоры съ Россіей въ Парижѣ, объявилъ, что помирится съ ними только тогда, когда они удовлетворятъ требованія Императора Александра.

Дальнѣйшія пренія были замедлены — сперва ожиданіемъ курьера, посланнаго въ Стокгольмъ за новыми инструкціями, на счетъ уступки Аландскихъ острововъ, а потомъ болѣзнью Стедингка. На совѣщаніи 24-го августа (5-го сентября), уполномоченные Швеціи снова завели рѣчь о неудобствахъ и

опасностяхъ, коимъ могла подвергнуться ихъ страна, 1809.
уступивъ Аландскіе острова. По словамъ ихъ, жители Стокгольма не могли-бы провести спокойно ни одной ночи, въ безпрестанномъ ожиданіи внезапнаго нападенія. Графъ Румянцовъ отвѣчалъ словами какого-то иностраннаго дипломата, что „уступить Финляндію безъ Аландскихъ острововъ, значилобы — отдать сундукъ, удержавъ у себя отъ него ключи". Баронъ Стедингкъ, убѣдясь въ непреклонности русскаго министра, домогался, чтобы наше правительство, по крайней мѣрѣ, обязалось не возводить на этихъ островахъ никакихъ укрѣпленій, но Румянцовъ объявилъ, что Императоръ Александръ никогда не согласится на такое ограниченное обладаніе Финляндіей и принадлежащими къ ней владѣніями. Уполномоченные Швеціи, казалось, отказались отъ Аландскихъ острововъ, но, въ замѣнъ того, желали заключить, по возможности, выгоднѣйшія условія на счетъ сѣверной границы Россіи съ Швеціей, предлагая постановить ее по рѣкѣ Кеми. Съ нашей стороны, требовали границу по рѣкѣ Каликсу. Баронъ Стедингкъ обратился къ великодушію Россійскаго Монарха, говоря, что онъ вѣрно не захочетъ такимъ требованіемъ довести до отчаянія Швецію. За тѣмъ шведскій министръ сообщилъ нашимъ уполномоченнымъ, что Король Датскій разрѣшилъ принцу Христіану Августенбургскому принять предложенное ему наслѣдство шведскаго престола, если Швеція предварительно заключитъ миръ съ Россіей. Самъ-же принцъ Христіанъ, изъявляя благодарность за выборъ его государственными чинами Швеціи, писалъ, что, будучи преданъ датскому двору и вообще союзникамъ Даніи, онъ не можетъ принять достоинство наслѣдника шведскаго престола прежде заключенія мира. Поступокъ принца

1809. заслужилъ полное одобреніе Короля Карла XIII и шведскаго сейма.

29-го августа (10-го сентября), уполномоченные собрались у барона Стедингка, по приглашенію графа Румянцова, который конфиденціально объявилъ шведскимъ дипломатамъ, что Императоръ Александръ, въ изъявленіе своего благорасположенія къ ихъ правительству, согласенъ постановить границею рѣку Торнео, но что онъ разрѣшилъ эту уступку только въ случаѣ неотлагательнаго заключенія мира. Уполномоченные Швеціи, изъявивъ свою признательность, дали слово подписать мирный трактатъ не позже какъ чрезъ недѣлю. На слѣдующій день, полковникъ Шёльдебрандъ, со всѣми офицерами состоявшими при шведской миссіи, въ полной парадной формѣ, принесъ поздравленіе графу Румянцову, по случаю тезоименитства Императора Александра. За обѣдомъ у нашего министра, шведскіе офицеры, вставъ съ своихъ мѣстъ, пили за здоровье Государя ([59]).

4 (16) сентября, Румянцовъ указалъ шведскимъ уполномоченнымъ обозначенную на Гермелиновой картѣ Собственноручно нашимъ Государемъ границу между Россіею и Швеціею. Баронъ Стедингкъ и Шёльдебрандъ приняли это условіе. На другой день, 5 (17), былъ подписанъ миръ, ненарушенный до настоящаго времени. Главныя условія его заключались въ слѣдующемъ: 1) Швеція обязалась заключить миръ съ Наполеономъ и Даніей (ст. II); 2) принять съ нѣкоторыми ограниченіями континентальную систему и воспретить Англичанамъ входъ въ свои гавани. Императоръ Александръ обязался одобрить всѣ облегченія, кои будутъ допущены его союзниками въ пользу торговли Шведовъ (ст. III); 3) шведское правительство уступило Россіи Финляндію, часть

Вестроботніи до рѣки Торнео и Аландскіе острова (60). 1809.
Границами Россіи съ Швеціею опредѣлены: Аландское море (Alandshaf), Ботническій заливъ и рѣки Торнео и Муоніо (Ст. IV и V) (61).

Современники увѣряютъ, что Фридрихсгамскій миръ, возвѣщенный жителямъ нашей сѣверной столицы, 8 (20) сентября, пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости, не былъ встрѣченъ изъявленіями общественной радости. „Всѣ спрашивали другъ у друга: въ чемъ состоятъ условія? Неужели большая часть Финляндіи отходитъ къ Россіи?“ — „Нѣтъ, вся Финляндія“. — Неужели по Торнео, съ частью Лапландіи? Неужели и Аландскіе острова?“ — „И Аландскіе острова“. — „О Боже мой! О бѣдная Швеція, о бѣдные Шведы!“ — „Вотъ, что было слышно со всѣхъ сторонъ. Во всей Россіи, какъ будтобы униженной новыми завоеваніями, господствовала мысль, что у нее на западѣ есть страшный соперникъ, могущій положить преграду теченію великихъ судебъ ея.... Съ самаго Тильзитскаго мира она смотрѣла на пріобрѣтенія свои съ негодованіемъ, какъ на подачки Наполеона.

„Но тѣ изъ Русскихъ, кои хотя нѣсколько были знакомы съ Исторіей, благодарили Небо за присоединеніе Финляндіи“ (62). Карелія и южное прибрежье Финскаго залива, нѣкогда принадлежавшія великому Новгороду, были въ послѣдствіи завоеваны Шведами. Ежели они овладѣли страною Финновъ по праву сильнаго, то почему-же Русскіе не могли воспользоваться правомъ сильнѣйшаго? Наша собственная безопасность того требовала. Развѣ Шведы были спокойными сосѣдями, развѣ пушечные выстрѣлы, которыми посчитались мы съ ними у Красной Горки, не встревожили Петербурга? Завоеваніе Финляндіи было столько-же необходимо,

1809. сколько и неизбѣжно. Оно, покрывъ славою русскихъ вождей, Барклая де-Толли, князя Багратіона, графа Каменскаго, Кульнева, пріуготовило ихъ и войска, подвизавшіяся подъ ихъ начальствомъ, на страшную борьбу за наши кровы, за гробы предковъ, за колыбели дѣтей нашихъ, во славу Александра Благословеннаго.

ГЛАВА XXIII.

Война противъ Австріи 1809 года.

После свиданія въ Эрфуртѣ, Наполеонъ, скрѣ- 1808.
пивъ союзъ съ Императоромъ Александромъ и считая себя совершенно обезпеченнымъ со стороны Германіи, отправился въ Испанію, для личнаго распоряженія военными дѣйствіями, тамъ происходившими. Прибытіе великаго полководца на Пиренейскій полуостровъ было сигналомъ новыхъ побѣдъ. Но въ то время, когда Наполеонъ и значительная часть его вооруженныхъ силъ были отвлечены на окраину Европы, Австрія, употребивъ три года, истекшіе со времени Пресбургскаго мира, на приготовленія къ новой борьбѣ, вознамѣрилась воспользоваться временнымъ ослабленіемъ Французовъ въ Германіи, чтобы вознаградить свои потери. Упустивъ случай принять участіе въ коалиціи 1806 и 1807 годовъ, австрійское правительство не разсѣяло однакоже тѣмъ подозрѣній завоевателя. Попытка Императора Франца пріѣхать на совѣщаніе въ Эрфуртѣ была отринута Наполеономъ, а на миролюбивое письмо Австрійскаго Монарха, врученное Наполеону графомъ Винцентомъ, послѣдовалъ отвѣтъ исполненный горькихъ упрековъ. Австрійское правительство полагало, и не безъ основанія, что Наполеонъ, окон-

1808. чивъ борьбу въ Испаніи, обратится со всею массою силъ въ Германію и довершитъ ея порабощеніе. Бѣдственное положеніе Пруссіи и тѣсный союзъ Франціи съ Россіею не дозволяли Императору Францу полагаться на помощь своихъ сосѣдей; оставалась надежда на развитіе собственныхъ силъ, но этому препятствовали разстроенные финансы и плохое состояніе арміи, доказанное тяжкимъ опытомъ войны 1805 года. Недостатку въ деньгахъ могли пособить англійскія субсидіи; что-же касается до преобразованія войскъ, Австрія сдѣлала важный шагъ къ тому, учредивъ милицію по примѣру прусскаго ландвера, что̀ дало Австрійцамъ возможность выставить, въ началѣ 1809 года, многочисленную и превосходную армію. Недовольствуясь тѣмъ, вѣнскій дворъ отказался отъ вѣковой политики своей, основанной на мертвенной неподвижности подвластныхъ ему народовъ, обратился къ содѣйствію своихъ подданныхъ и вызывалъ всю Германію къ дружному возстанію противъ врага общаго, во имя свободы и независимости общаго отечества: примѣръ Испаніи былъ убѣдителенъ!

Приготовленія Австріи къ новой войнѣ не могли укрыться отъ Наполеона, который, съ своей стороны, принялъ мѣры для отраженія грозившихъ ему ударовъ. Еще въ августѣ 1808 года, онъ предписалъ членамъ Рейнскаго Союза привести на военное положеніе ихъ контингенты, и тогда-же потребовалъ отъ вѣнскаго кабинета, чтобы онъ призналъ его брата Іосифа Королемъ Испанскимъ, на что̀ получилъ уклончивый отвѣтъ, подтвердившій его сомнѣнія въ искренности австрійскаго правительства.

Предпринимая войну противъ Наполеона, вѣнскій дворъ былъ увѣренъ въ неутралитетѣ Россіи: причиною такого убѣжденія, кромѣ вѣковыхъ связей

обѣихъ державъ, могли быть свѣдѣнія сообщенныя австрійскимъ посольствомъ въ Петербургѣ о враждебномъ расположеніи Русскихъ къ Наполеону; наши соотечественники, тогда проживавшіе въ Вѣнѣ, подавали Австрійцамъ такія-же надежды. Напрасно Императоръ Александръ нѣсколько разъ писалъ вѣнскому двору о своихъ обязательствахъ въ отношеніи къ Франціи, напрасно онъ напоминалъ о томъ прибывшему въ Петербургъ, чрезвычайному послу Австріи, князю Шварценбергу (въ послѣдствіи — фельдмаршалъ). Государь прямо сказалъ ему: „Я всегда буду дѣйствовать за-одно съ Наполеономъ, если Австрія вздумаетъ напасть на него, но соединюсь съ вами, если Наполеонъ нападетъ на васъ безъ причины. Я убѣжденъ въ основательности принятой мною политической системы до такой степени, что безъ неудовольствія увижу даже соединеніе противъ меня Австріи и Франціи, еслибы мнѣ пришла мысль нарушить равновѣсіе силъ между державами, которое стараюсь поддерживать всѣми зависящими отъ меня средствами“ (1). Императоръ Александръ предлагалъ обоюдное ручательство петербургскаго и тюильрискаго кабинетовъ въ цѣлости австрійскихъ владѣній. Но всѣ усилія его — побудить Австрію къ сохраненію мира — не имѣли успѣха: вѣнскій дворъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы возвратиться назадъ. Приведеніе арміи на военную ногу стоило ему огромныхъ суммъ, кои могли быть вознаграждены только въ случаѣ успѣшной войны, возвращеніемъ областей, потерянныхъ въ 1805 году. Правда — въ разговорѣ съ Императоромъ Александромъ — Шварценбергъ сказалъ, что для удовлетворенія Австріи было достаточно распущенія контингентовъ Рейнскаго Союза и отзыва французскихъ войскъ на лѣвую сторону Рейна (2). Но можно-ли было ожи- 1809.

1809. дать отъ Наполеона такой уступчивости, при грозныхъ вооруженіяхъ австрійскаго правительства?

Въ мартѣ 1809 года, взаимныя недоразумѣнія между вѣнскимъ и тюильрискимъ дворами дошли до того, что французскій офицеръ, ѣхавшій изъ Вѣны съ депешами повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, къ французскому посланнику въ Мюнхенѣ, былъ задержанъ въ Браунау; австрійскіе чиновники распечатали находившіяся при немъ бумаги и послали ихъ въ Вѣну. Въ возмездіе за это нарушеніе народнаго права, курьеръ, отправленный изъ Вѣны къ посланнику Австріи въ Парижъ, былъ перехваченъ въ Нанси. Тогда-же, безъ объявленія войны, австрійскія войска выступили къ границамъ Имперіи: эрцгерцогъ Карлъ, съ главными силами, вторгнулся въ Баварію; эрцгерцогъ Іоаннъ въ Ломбардію; эрцгерцогъ Фердинандъ—въ Галицію; отдѣльные отряды—въ Тироль и Саксонію. Австрійцы, полагая, что французскія и союзныя имъ войска не могли собраться прежде іюля, надѣялись застать въ расплохъ Наполеона, но онъ, еще въ апрѣлѣ, разбивъ ихъ армію въ нѣсколькихъ дѣлахъ, въ окрестностяхъ Регенсбурга, занялъ Вѣну, 30-го апрѣля (12-го мая).

Императоръ Александръ, въ ожиданіи открытія военныхъ дѣйствій между Франціей и Австріей, счелъ нужнымъ собрать армію на западной границѣ Имперіи. Въ составѣ ея находились дѣйствующій корпусъ и резервъ; въ первомъ состояли: четыре дивизіи, всего 24 полка въ двухъ-баталіонномъ составѣ, нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, 8 пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ и 40 конныхъ орудій, а въ резервѣ: третіе баталіоны пѣхотныхъ полковъ; пятые эскадроны кирасирскихъ и драгунскихъ полковъ; девятые и десятые эскадроны гусарскихъ полковъ и часть артиллеріи. Особый кавалерійскій резервъ

состоялъ изъ двухъ дивизій, въ коихъ находились 1809.
11 полковъ съ 40 конными орудіями (3).

Главнокомандующимъ надъ всѣми этими войсками, въ числѣ до 70,000 человѣкъ, былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, отличавшійся военными заслугами въ царствованіе Императрицы Екатерины и украшенный Георгіевскою звѣздою. Въ повелѣніи ему данномъ заключались слѣдующія распоряженія: занять Галицію тремя дивизіями, а четвертую, именно 7-ю, оставить въ Бѣлостокѣ, для охраненія предѣловъ Россіи со стороны варшавскаго герцогства; кавалерійскому резерву выступить въ слѣдъ за арміей, а пѣхотному расположиться у Дубно; при переходѣ за границу, войскамъ имѣть съ собою десяти-дневный провіантъ, а потомъ содержаться отъ земли (4). Императоръ Александръ полагалъ, что Австрійцы не станутъ сопротивляться нашимъ войскамъ; въ случаѣ-же враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, разрѣшено было князю Голицыну открыть себѣ путь вооруженною рукою. На могущій послѣдовать вызовъ варшавскаго правительства, къ соединенному дѣйствію противъ Австрійцевъ, велѣно изъявлять согласіе только тогда, когда отъ того можно ожидать важныя выгоды русскому оружію; вообще-же уклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ варшавскими войсками и помогать имъ только побочнымъ образомъ (5).

Императоръ Александръ, въ то время, уже ведя войну съ Англіею, Швеціей и Турціей, и предпринявъ четвертую войну съ Австріей, извѣстилъ о томъ Наполеона письмомъ, посланнымъ съ ротмистромъ Чернышевымъ, (въ послѣдствіи — военный министръ), который настигъ главную квартиру французской арміи въ Санктъ-Пельтенѣ, близъ Вѣны. Обрадованный отзывомъ нашего Государя, Наполеонъ, желая

1809. придать блескъ, въ глазахъ Европы, пріѣзду Чернышева, приказалъ объявить, что къ нему прибылъ „флигель-адъютантъ Россійскаго Императора, полковникъ графъ Чернышевъ“.

Въ началѣ (въ половинѣ) мая, когда дѣйствующій корпусъ князя Голицына еще находился на правой сторонѣ Буга, австрійскій корпусъ эрцгерцога Фердинанда, занявъ Варшаву и всю часть герцогства по лѣвую сторону Вислы, обратился къ Торну, чтобы дать вѣсъ переговорамъ вѣнскаго двора съ Пруссіей, о принятіи ею участія въ войнѣ противъ Франціи. Наполеонъ, узнавъ о томъ, предписалъ командовавшему варшавскимъ корпусомъ, князю Понятовскому, предоставя герцогство Австрійцамъ, двинуться въ Галицію на ихъ сообщенія. Галичане встрѣтили войска Понятовскаго, какъ освободителей; варшавскій авангардъ вступилъ въ Лембергъ, а Понятовскій, съ главными силами своего корпуса, занявъ Замосць и сендомирское укрѣпленіе, расположился близъ Сендомира, на правомъ берегу Вислы, у мѣстечка Тржесны.

Войска князя Голицына, въ числѣ до 32,000 человѣкъ ([6]), съ 102 орудіями, переправились черезъ Бугъ, 22-го мая (3-го іюня). Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о переходѣ своихъ войскъ за границу, извѣстилъ о томъ Наполеона, письмомъ, отправленнымъ съ генералъ-адъютантомъ княземъ Гагаринымъ. Какъ въ то время эрцгерцогъ Фердинандъ, очистивъ занятое имъ варшавское герцогство, потянулся къ Сендомиру, то Понятовскій прислалъ состоявшаго при немъ, въ качествѣ французскаго коммисара, генерала Пеллетьè къ князю Голицыну, чтобы побудить его къ содѣйствію варшавскимъ войскамъ. Голицынъ, исполняя полученную имъ инструкцію, послалъ въ помощь Варшавцамъ, къ Люблину,

дивизію Суворова, предписавъ ему „ограничиться оборонительными дѣйствіями“. Въ собственноручной запискѣ Суворова начальнику его авангарда, графу Сиверсу, было сказано: „Если Варшавцы будутъ атаковать, то мы помогать не станемъ, а если атакуютъ ихъ, то поможемъ“. Надѣясь на содѣйствіе Русскихъ, князь Понятовскій уклонился отъ боя съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, перейдя на правую сторону Сана, уничтожилъ мостъ на этой рѣкѣ и предоставилъ оборону Сендомира небольшому гарнизону. Убѣждая князя Суворова наипоспѣшнѣе соединиться съ варшавскими войсками, Понятовскій писалъ ему: „Кто носитъ имя ваше, тому, кромѣ славы, не нужно другихъ побужденій. Открывъ ваши дѣйствія блестящимъ успѣхомъ противъ непріятеля, вы заплатите долгъ памяти вашего знаменитаго родителя“ (7). Князь Суворовъ, приказавъ сократить число дней роздыха (8), отвѣчалъ Понятовскому: „Будьте убѣждены въ моей искренней готовности имѣть удовольствіе сражаться вмѣстѣ съ вами и доказать вамъ, что честь прямаго Русскаго состоитъ въ исполненіи священной воли Монарха. Солдаты мои увѣрены въ себѣ и желаютъ одного — отличиться“. Небольшой авангардъ Суворова (9) присоединился къ войскамъ Понятовскаго и самъ Суворовъ съ 9-ю дивизіей расположился въ 15-ти верстахъ отъ лагеря Варшавцевъ, но командиръ авангарда, графъ Сиверсъ получилъ предписаніе — не подчиняться Понятовскому и дѣйствовать съ нимъ за-одно только въ такомъ случаѣ, если его атакуютъ Австрійцы. Впрочемъ — достаточно было появленія Русскихъ на театрѣ войны для удержанія эрцгерцога Фердинанда отъ покушеній противъ варшавскаго корпуса. Австрійцы нѣсколько разъ старались войти въ сношенія съ начальниками нашихъ войскъ, объявляя, что ихъ пра- 1809.

1807. вительство не считаетъ непріятелемъ Императора Александра, и что имъ велѣно предоставить русской арміи свободный доступъ (10).

Напротивъ того — между нашими и варшавскими войсками замѣтна была холодность, постепе́нно обратившаяся въ явную вражду. Вступленіе русскаго авангарда въ Галицію казалось нашимъ союзникамъ, мечтавшимъ о возсозданіи Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ, посягательствомъ на права ихъ; а, между тѣмъ, Понятовскій безпрестанно жаловался Наполеону на медленныя движенія русскихъ войскъ, направленныхъ, по словамъ его, съ умысломъ, окольными путями. Подобно всѣмъ своимъ землякамъ, князь Понятовскій считалъ разрывъ Россіи съ Франціей единственнымъ средствомъ къ возстановленію Польши. Князь Голицынъ, желая разсѣять эти недоразумѣнія и недопустить Австрійцевъ утвердиться на правой сторонѣ Вислы, направилъ дивизіи Левиза и графа Ламберта впередъ, на соединеніе съ дивизіей Суворова, къ рѣкѣ Сану; кавалерійскіе резервы двинулись туда-же отъ Устилуга (11), а пѣхотные резервы перешли къ Бресту и Устилугу. Іюня 3 (15), близъ Уланова, произошла первая стычка казаковъ съ австрійскими гусарами. Уронъ нашъ состоялъ изъ одного убитаго и трехъ раненыхъ, которые были взяты въ плѣнъ, но въ тотъ-же вечеръ возвращены, при чемъ высланный на встрѣчу нашему авангарду, въ качествѣ парламентера, австрійскій маіоръ Гаугвицъ, изъявилъ, отъ имени начальника передовыхъ войскъ, генерала Шауротера, что полагая дѣйствовать противъ варшавскихъ войскъ, Австрійцы неожиданно столкнулись съ Русскими, противъ коихъ вовсе не имѣли намѣренія сражаться (12). На слѣдующій день, Австрійцы заставили сендомирскаго коменданта сдаться на капитуляцію, что̀ по-

дало поводъ Наполеону, на основаніи донесенія Понятовскаго, жаловаться Императору Александру на „измѣннические поступки“ (conduite traitresse) князя Голицына. Избѣгая встрѣчи съ Русскими. эрцгерцогъ Фердинандъ перешелъ у Сендомира на лѣвую сторону Вислы и приказалъ своему арріергарду. по мѣрѣ наступленія нашихъ войскъ, отходить назадъ, не завязывая дѣла. Между тѣмъ, на свиданіи князя Понятовскаго съ княземъ Голицынымъ, положили: варшавскимъ войскамъ дѣйствовать по правую, а русскимъ по лѣвую сторону верхней Вислы. 9 (18) іюня, князь Голицынъ, оставя дивизію Левиза на Санѣ, для наблюденія за Австрійцами занимавшими Сандомиръ, перешелъ черезъ Санъ въ Улановѣ и 18 (30) расположился у Рзешова; еще наканунѣ, генералъ Меллеръ-Закомельскій, послѣ небольшой сшибки съ Австрійцами, вступилъ въ Лембергъ ([13]). Князь Голицынъ былъ принужденъ остановиться въ Рзешовѣ, какъ по недостатку въ продовольствіи, такъ и для укрощенія волненій въ Галиціи, гдѣ народъ предавался всевозможнымъ буйствамъ. „Союзники наши — писалъ онъ — озабочиваютъ меня болѣе, нежели непріятель“ ([14]). 1809.

И дѣйствительно — между союзниками безпрестанно возникали новые поводы къ несогласіямъ. По занятіи Лемберга нашими войсками, князь Голицынъ оставилъ тамъ, для управленія краемъ, подъ главнымъ своимъ вѣдѣніемъ, австрійскихъ чиновниковъ. Недовольный такимъ распоряженіемъ, князь Понятовскій утверждалъ, что Лембергъ, какъ городъ прежде завоеванный войсками Рожнецкаго. долженъ быть управляемъ варшавскими властями, и исходатайствовалъ чрезъ маршала Бертьè повелѣніе Наполеона — привести Галичанъ къ присягѣ на вѣрность Императору Французовъ, чинить его име-

1809. немъ судъ и расправу, набирать войска во французскую армію и замѣнить австрійскіе гербы французскими орлами. Получивъ извѣщеніе о томъ отъ Понятовскаго, князь Голицынъ отвѣчалъ ему, что „повелѣніе Императора Французовъ можетъ быть исполнено только тамъ, гдѣ находятся варшавскія войска, а не въ странѣ занятой русскими, въ которой, безъ повелѣнія Его Величества Императора Александра, не будутъ допущены — ни присяга Наполеону, ни перемѣна австрійскихъ гербовъ французскими, ни наборъ войскъ“. Понятовскій настаивалъ на непремѣнномъ исполненіи воли Наполеона, но Голицынъ не дозволилъ того и писалъ Императору Александру, что Галичане, за исключеніемъ немногихъ, считали-бы себя счастливыми, поступивъ подъ русскую державу ([15]).

Еще 4 (16) іюня, донося о томъ Государю, князь Голицынъ писалъ:

„....Не входя въ отдаленнѣйшіе политическіе виды, казалось-бы, по мнѣнію моему, почему не принять достоинства, цѣлымъ народомъ единогласно предлагаемаго? Тѣмъ паче, что симъ способомъ содѣлывается благополучіе довольно обширнаго королевства, остающагося только подъ инымъ видомъ не инымъ чѣмъ, какъ россійскою провинціей.

„Я не вижу также и зла, могущаго произойти отъ того въ послѣдствіи времени для Россіи, ежели Государь, по принятіи на себя достоинства Короля Польскаго, постановитъ на вѣчныя времена, что Россійскіе Государи суть Короли Польскіе, имѣющіе право назначать, вмѣсто себя, для управленія симъ королевствомъ, намѣстниковъ, управляющихъ именемъ и властью Государей Всероссійскихъ.

„Королевство сіе составилось-бы изъ всей прежде

бывшей Польши, исключая Бѣлоруссію и отшедшее 1809.
къ составленію кіевской и подольской губерній.

„Безъ всякаго сомнѣнія, королевство сіе моглобы содержать 100,000 войска и всѣхъ чиновниковъ для управленія онымъ потребныхъ, отдавая при томъ знатную часть изъ доходовъ въ казну императорскую"....

Императоръ Александръ повелѣлъ графу Румянцову, изъявивъ, отъ Имени Его Величества, благоволеніе князю Голицыну, за новое доказательство его усердія къ Государю и Отечеству, сообщить ему слѣдующія замѣчанія:

„Сколь ни лестно пріобрѣтеніе Польши во всемъ ея объемѣ, Государь Императоръ, негоняясь за блескомъ его, обратилъ особенное вниманіе на послѣдствія сего пріобрѣтенія въ отношеніи къ Россіи, при чемъ представляются слѣдующіе вопросы: съ возстановленіемъ Королевства Польскаго, въ первобытномъ его состояніи, не должны ли отойти отъ Россіи области прежде принадлежавшія Польшѣ? Можно-ли положиться на постоянство польской націи? И подъ самымъ видомъ пылкаго ихъ желанія соединиться съ Россіей, подъ скипетромъ Его Величества, не кроется-ли умыселъ возвратить тѣ области, которыя достались намъ, и потомъ вовсе отложиться отъ насъ?" За тѣмъ, поставя въ примѣръ непрочной связи государствъ, подъ разными знаменами и на различныхъ правахъ состоящихъ, Венгрію и Ирландію, Государь поставилъ на видъ, что, напротивъ того, вся Бѣлоруссія въ короткое время сдѣлалась совершенно русскою областью.

„Явное и непосредственное послѣдствіе возстановленія Королевства Польскаго и присоединенія его къ Россійской Имперіи былобы то, что связь между державами, по раздѣлу Польши естественно

1809. интересованными другъ друга поддерживать, тогда совершенно рушится.

„Таковы причины, по коимъ Е. В. довольствуясь удѣломъ отъ бывшей Польши намъ доставшимся, желаетъ предпочтительно видѣть ее въ настоящемъ положеніи, и присоединенія Польши, въ прежнемъ составѣ ея, не изволитъ признавать полезнымъ для Имперіи, не говоря уже о томъ, сколь несовмѣстно сіе было-бы, ни съ честью, ни съ достоинствомъ, ниже съ безопасностью Россіи, еслибъ въ смыслѣ возстановленія Королевства Польскаго могло входить присоединеніе къ оному края бѣлорусскаго и участковъ отшедшихъ къ составленію кіевской и подольской губерній.

„Со всѣмъ тѣмъ, при нынѣшнемъ гадательномъ положеніи Европы, Е. В. полагаетъ, что, съ одной стороны, принявъ во вниманіе представленіе В. С. можно, льстя Поляковъ надеждою возстановленія ихъ отечества, удержать ихъ въ спокойствіи и повиновеніи, а съ другой стороны, что, въ противномъ случаѣ, они могутъ обратиться къ Наполеону съ домогательствами о составленіи особаго владѣнія изъ герцогства варшавскаго и Галиціи, *что намъ весьма невыгодно* *), Государь Императоръ соизволяетъ, чтобы В. С. удостовѣрясь вполнѣ, что магнаты варшавскіе и галиційскіе имѣютъ прямое и твердое желаніе поступить подъ скипетръ Е. В. внушили имъ подъ рукою отъ себя, что ежели они дѣйствительно намѣрены, составя изъ герцогства варшавскаго и княжествъ галицийскихъ особое царство, подъ именемъ Королевства Польскаго, ввѣрить скипетръ онаго на вѣчныя времена Государю

*) Подчеркнутыя слова приписаны въ отзывѣ графа Румянцова Собственноручно Государемъ, вмѣсто словъ: «чему трудно будетъ воспротивиться»

Императору и Его преемникамъ, то вы почти увѣрены, что таковой подвигъ ихъ и предложеніе о томъ неостанутся безуспѣшны, и что вы, съ вашей стороны, примете на себя быть въ семъ дѣлѣ ревностнымъ ходатаемъ....." ([16]). Вслѣдъ за тѣмъ Государь предписалъ князю Голицыну оставить въ Галиціи прежнее управленіе, замѣнивъ часть чиновниковъ другими, изъ мѣстныхъ жителей, доброй нравственности, и такими, кои прежде не были употреблены ни Австрійцами, ни княземъ Понятовскимъ ([17]). 1809.

Событія на Дунаѣ заставили вѣнскій дворъ, оставя надежду на завоеванія, обратить усилія на собственную защиту. Эрцгерцогъ Фердинандъ получилъ повелѣніе идти въ Моравію. Незадолго предъ тѣмъ, 20-го іюня (2-го іюля), князь Понятовскій перешелъ изъ Пулавъ къ Сендомиру, а князь Голицынъ, 24-го іюня (6-го іюля), въ самый день побѣды Наполеона при Ваграмѣ, двинулся изъ Рзешова къ Тарнову. Получивъ тамъ извѣстіе о предстоявшемъ выступленіи Австрійцевъ изъ Кракова, онъ предписалъ Суворову идти туда форсированными маршами, объявить себя краковскимъ военнымъ губернаторомъ, оставя въ городѣ прежнее мѣстное управленіе, и не допускать туда никакихъ войскъ, и даже союзныхъ намъ, безъ разрѣшенія начальства ([18]). Князь Суворовъ выслалъ впередъ подполковника Стакельберга, съ эскадрономъ Новороссійскихъ драгунъ и полусотнею казаковъ, приказавъ ему спѣшить къ Кракову и занявъ Подгурже, стараться, чтобы Австрійцы неуничтожили моста соединяющаго это предмѣстье съ городомъ. Пройдя 60 верстъ въ 18 часовъ, Стакельбергъ вступилъ въ Подгурже, 2 (14) іюля, и разогналъ австрійскихъ гусаръ, покушавшихся сжечь мостъ. Въ этомъ дѣлѣ, важнѣйшемъ въ продолженіи всего похода нашихъ

1809. войскъ, убиты два казака и ранены саблями самъ Стакельбергъ и казачій сотникъ. На слѣдующій день, пришелъ въ Краковъ графъ Сиверсъ, съ Новороссійскимъ драгунскимъ полкомъ и четырьмя казачьими сотнями; за нимъ слѣдовалъ баталіонъ егерей. Узнавъ, между тѣмъ, о приближеніи варшавскихъ войскъ, Сиверсъ поѣхалъ имъ на встрѣчу, чтобы сообщить ихъ начальнику о занятіи города Русскими, но не отыскавъ его, возвратился въ Краковъ, гдѣ нашелъ нѣсколько эскадроновъ варшавской конницы, вступившихъ въ другую заставу; вскорѣ появились до десяти тысячъ Варшавцевъ. Увидя стоявшій поперегъ улицы эскадронъ Новороссійскихъ драгунъ, наши союзники взяли ружье на руку, изъявляя готовность проложить себѣ путь оружіемъ. Уступая силѣ, графъ Сиверсъ допустилъ варшавскія войска вступить въ городъ, гдѣ встрѣченныя ликованіями жителей, они построились на улицахъ противъ русскихъ. По прибытіи въ Краковъ князя Понятовскаго, графъ Сиверсъ, сообщивъ ему о всемъ происшедшемъ, просилъ, именемъ Государя, вывести его войска изъ города. Понятовскій запальчиво отвѣчалъ, что Австрійцы уступили ему Краковъ по письменному условію, а Сиверсъ доказывалъ, что городъ принадлежитъ намъ по праву завоеванія, купленнаго кровью нашихъ воиновъ. Наконецъ — послѣ долгихъ преній — согласились оставить въ Краковѣ по одному баталіону и по одному эскадрону съ четырьмя орудіями, а прочія войска расположить въ окрестныхъ селеніяхъ. Въ тотъ-же вечеръ, по приказанію Понятовскаго, жители города были приведены къ присягѣ на подданство Наполеону, отъ его имени учреждено новое управленіе и появились французскіе орлы въ замѣнъ гербовъ Австріи ([19]). На слѣдующій день, 5 (17) іюля, графъ Сиверсъ получилъ отъ князя Су-

ворова, уже прибывшаго съ дивизіей въ Неполо- 1809.
мицу, въ 20-ти верстахъ отъ Кракова, запрещеніе оставлять караулы занятые имъ въ городѣ. „Поступки ваши — писалъ Суворовъ — достойны Русскаго“ (20). Князь Понятовскій, въ донесеніи маршалу Бертье, исказилъ истину, написавъ, что наши войска заняли Краковъ по тайному соглашенію съ Австрійцами. Между тѣмъ вражда между русскими и варшавскими войсками съ каждымъ днемъ усиливалась. Князь Голицынъ писалъ Государю: „Наглость войскъ варшавскихъ выходитъ изъ границъ.... Обоюдная ненависть другъ къ другу царствуетъ не токмо между офицерами, но даже между нижними чинами обѣихъ армій“ (21). Въ Краковѣ и другихъ мѣстахъ случались поединки между Русскими и Варшавцами. Наши — такъ называемые — союзники переманивали русскихъ солдатъ въ свои войска, а князь Понятовскій, вопреки договору 9-го октября 1808 года между Россіей и Саксоніей, не только не выдавалъ бѣглыхъ, но, какъ будто въ насмѣшку, оправдывалъ отказъ, говоря: „Русскіе союзники намъ; такъ почему-же не служить имъ вмѣстѣ съ нами?“ Въ театрѣ повѣсили занавѣсъ, съ изображеніемъ восходящаго солнца; изъ гроба, освѣщеннаго его лучами, возставалъ Польскій Король, а начерченныя съ подписями рѣки Днѣпръ и Двина означали границы Польши. „Не могу изъяснить Вашему Величеству — доносилъ князь Голицынъ — всѣхъ уничиженій, которыя войска наши отъ Варшавцевъ переносить должны. Смѣю сказать, что если-бы я былъ помоложе, то не достало-бы у меня терпѣнія“ (22). Стараясь водворить согласіе между союзниками, онъ приказалъ стоявшему съ дивизіей въ Величкѣ, князю Суворову, отличавшемуся обворожительнымъ обращеніемъ, переѣхать въ Краковъ и принять началь-

1809. ство надъ находившимися тамъ русскими войсками. Наши буйные союзники, трепетавшіе при имени великаго полководца, положившаго конецъ Польшѣ, на время смирились (23).

По заключеніи перемирія Австріею съ Наполеономъ и его союзниками, Варшавцы не скрывали своей непріязни къ „Москалямъ,“ перехватывали нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ, вскрывали посланныя съ ними депеши, склоняли къ побѣгу австрійскихъ переметчиковъ, проводимыхъ русскими конвоями, и на требованія помощи конвойными отвѣчали бранью и угрозами. Въ Галиціи продолжалась вербовка; варшавскія войска, усиленныя бѣглецами и бродягами, возрасли до 80.000 человѣкъ (24). Князь Понятовскій, прежде носившій скромное званіе начальника войскъ варшавскаго герцогства, потомъ — командира 9-го корпуса великой арміи, сталъ величать себя „главнокомандующимъ польской арміи.“ Князь Голицынъ писалъ ему: „Не могу признать ни Польши, давно отжившей, ни арміи, ни войскъ польскихъ, но признаю только войска Варшавскаго Герцогства. Оно учреждено Тильзитскимъ миромъ, и тамъ вовсе неупомянуто о Польшѣ“ (25). Князь Понятовскій отвѣчалъ: „Не могу вѣрить, чтобъ вы имѣли повелѣніе оспаривать у Императора Французовъ право давать имена корпусамъ, состоящимъ въ его Великой арміи“ (26). Князь Голицынъ, узнавъ о желаніи Наполеона, чтобы въ Галиціи назначили другаго начальника русскихъ войскъ, просилъ Государя уволить его отъ предводительства корпусомъ (27). Императоръ Александръ отвѣчалъ ему: „Мнѣ пріятно было видѣть изъ письма вашего побужденія, на коихъ предположили вы отзывъ вашъ отъ ввѣренной вамъ арміи. Понимая всю цѣну предлагаемаго вами пожертвованія, Я не нахожу одна-

коже ни малѣйшаго повода принять оное. Вы дѣйствовали по силѣ данныхъ вамъ отъ Меня повелѣній: послѣдствія ко Мнѣ, а не къ вамъ лично, должны обратиться. Кто самъ твердо знаетъ строгія правила воинской дисциплины, тотъ не можетъ мыслить, чтобы черта вашего дѣйствія не была вамъ свыше предписана" ([28]). 1809.

Между тѣмъ безпорядки, происходившіе въ Галиціи, отозвались въ русскихъ губерніяхъ возвращенныхъ отъ Польши; нѣсколько тысячъ тамошнихъ чиншевыхъ шляхтичей готовились къ возстанію и многіе изъ нихъ перебѣгали черезъ границу. Въ тарнопольской области варшавскіе вербовщики произвели совершенное безначаліе. Чтобы положить тому конецъ, повелѣно было послать туда 25-ю дивизію, а 7-ю, Дохтурова, перевести изъ бѣлостокской области въ Галицію. По Высочайшей волѣ, сообщили Коленкуру, чтобы онъ испросилъ полную мочь на заключеніе предварительной конвенціи о будущей судьбѣ Галиціи. Графъ Румянцовъ писалъ ему: „Со времени Тильзитскаго мира, сдѣланы были Россіею, для поддержанія союза съ Наполеономъ, всевозможныя пожертвованія: прекращеніе морской торговли, уменьшеніе таможенныхъ доходовъ, упадокъ цѣны бумажныхъ денегъ, стѣсненіе промышленности и торговыхъ оборотовъ, объявленіе войны Швеціи и Англіи. Императоръ Александръ ничего болѣе не желаетъ, какъ пребыть вѣрнымъ союзу, продолженію коего угрожаютъ смуты, возникшія въ нѣкоторыхъ областяхъ бывшей Польши. По тому необходимо опредѣлить жребій сего края конвенціею, которая упрочила-бы союзъ и обезпечила-бы Россіи спокойное обладаніе губерніями, доставшимися ей отъ раздѣла Польши" ([29]).

Во время переговоровъ о мирѣ Наполеона съ

1809. Австріею, Императоръ Александръ, не назначая уполномоченнаго на конгрессъ, предоставилъ своему союзнику дѣйствовать по усмотрѣнію въ выгоду Россіи, не упуская только изъ вида того, что̀ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ было условлено въ отношеніи къ бывшей Польшѣ ([30]). Изъ послѣдующей переписки между петербургскимъ и тюильрискимъ дворами, очевидно, что Государь хотѣлъ отклонить всякій поводъ къ возбужденію вопроса объ этой отжившей странѣ. Онъ отказывался отъ всякаго вознагражденія, но съ тѣмъ, чтобы Галиція осталась по прежнему за Австріею ([31]).

Наполеонъ не исполнилъ желанія Императора Александра. По Шёнбрунскому трактату, 2 (14) октября 1809 года, изъ 3,500,000 душъ, уступленныхъ Австріей, около полутора милліона жителей западной (Новой) Галиціи и замосцскаго округа, съ городомъ Краковомъ и съ правомъ общаго съ Австріей пользованія соляными ломнями Велички, было присоединено къ варшавскому герцогству. Россія получила восточную часть Старой Галиціи, или тарнопольскую область, съ народонаселеніемъ четырехъ сотъ тысячъ душъ, но безъ города Бродъ ([32]). Границы сей области были опредѣлены особою конвенціею, заключенною въ Лембергѣ, 7 (19) марта 1810 года ([33]).

Императоръ Александръ, участіемъ своимъ въ войнѣ противъ Австріи, оказалъ Наполеону большую услугу: утвердительно можно сказать, что еслибы Россія въ 1809 году осталась неутральною, то вѣнскій дворъ, пользуясь общею непріязнью Европы къ Франціи, не заключилъ-бы столь невыгоднаго для себя мира. Вознагражденіе, полученное Россіей, было ничтожно и усилило вражду, возбужденную въ Австріи нашими дѣйствіями въ пользу Наполеона. Россійскій

Монархъ не домогался пріобрѣсть какія-либо важнѣйшія выгоды на счетъ бывшаго своего союзника Императора Франца, но, заботясь о благѣ Россіи и собственномъ спокойствіи, былъ недоволенъ увеличеніемъ варшавскаго герцогства. Канцлеръ графъ Румянцовъ писалъ французскому резиденту въ Петербургѣ Коленкуру, что присоединеніе до двухъ милліоновъ подданныхъ къ герцогству могло возбудить въ его жителяхъ несбыточныя надежды на возстановленіе Польскаго Королевства, и требовалъ, именемъ Государя, отъ представителя Франціи, чтобы онъ испросилъ полномочіе на подписаніе акта, который единожды навсегда обезпечилъ-бы Россіи мирное обладаніе губерніями, возвращенными отъ Польши, и положительно удостовѣрилъ-бы жителей сихъ губерній и варшавскаго герцогства, что его увеличеніе никогда не поведетъ къ возстановленію Польскаго Королевства (34). По приказанію Наполеона, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи отвѣчалъ графу Румянцову, что „благодарность, первая добродѣтель Монарховъ, и честь, первый законъ ихъ, воспрещали Императору Наполеону оставить въ рукахъ Австрійцевъ страну, единодушно противъ нихъ возставшую. Его Величество — писалъ онъ — соображая дѣйствія съ видами своего союзника, Императора Александра, присоединилъ западную Галицію къ варшавскому герцогству, коимъ владѣетъ Король Саксонскій, извѣстный миролюбіемъ и умѣренностью характера. Императоръ Наполеонъ не только не хочетъ возбуждать чуждой ему мысли о возстановленіи Польши, но готовъ содѣйствовать Императору Александру во всемъ, могущемъ изгладить о ней память и истребить имя Польши и Поляковъ, нетолько во всѣхъ государственныхъ бумагахъ, но даже въ Исторіи, дабы положить конецъ 1809.

1809. мечтаніямъ, болѣе вреднымъ для самихъ Поляковъ, нежели тревожныхъ для правительствъ, которымъ они принадлежатъ“ (35).

Самъ Наполеонъ, желая разсѣять слухи о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между Россіею и Франціей, сказалъ въ торжественномъ собраніи Законодательнаго Сословія (corps législatif), 3-го декабря н. ст. 1809 года: „Союзникъ и другъ мой, Россійскій Императоръ присоединилъ къ своей обширной Имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію *) и часть Галиціи. Не соперничаю ни въ чемъ, могущемъ послужить къ благу Россіи. Мои чувства къ ея знаменитому Монарху согласны съ моею политикою“ (36). Желая убѣдить Императора Александра въ искренности своихъ увѣреній, Наполеонъ прислалъ Коленкуру полную мочь на заключеніе требуемой нашимъ Государемъ конвенціи. По условіямъ этого акта, подписаннаго французскимъ посломъ 24-го декабря 1809 года (5-го генваря 1810 года), постановили: 1) Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено; 2) Обѣ стороны употребятъ всѣ средства, чтобы имя Польши не присвоивалось никакой изъ бывшихъ ея областей и было навсегда изглажено изъ государственныхъ бумагъ; 3) Ордена, существовавшіе въ Польшѣ, будутъ навсегда уничтожены; 4) Русскіе подданные изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній не будутъ принимаемы въ службу Варшавскаго Герцогства; 5) Не увеличивать герцогства областями, принадлежавшими Польшѣ; 6) Россіи и герцогству не имѣть общихъ подданныхъ, и 7) ратификовать конвенцію не позже 50-ти дней послѣ ея заключенія.“

Для поддержанія мирныхъ связей между двумя

---

*) Тогда это казалось рѣшеннымъ дѣломъ.

великими державами материка Европы. оставалось 1809.
Наполеону ратификовать конвенцію. подписанную Коленкуромъ. Но Наполеонъ, властвуя надъ 72-мя милліонами жителей Франціи, Италіи. Германіи, Швейцаріи и герцогства варшавскаго (37), ослабивъ и унизивъ Пруссію и Австрію, не могъ сносить, чтобы какое-либо государство оставалось отъ него независимо. — Онъ желалъ сохранить возможность непосредственно вредить Россіи и съ этою цѣлью отказалъ ратификовать конвенцію.

Обратимся къ изложенію военныхъ дѣйствій въ Турціи.

ГЛАВА XXIV.

Турецкая война. Преобразованіе Государственнаго Совѣта.

(1809—1810 г.).

1808. По заключеніи эрфуртской конвенціи, Императоръ Александръ повелѣлъ князю Прозоровскому извѣстить располагавшаго тогда всѣми дѣлами Турціи, верховнаго визиря Мустафу-Байрактара, о готовности Россіи вести переговоры безъ участія Франціи. Главными основаніями мирныхъ статей, кромѣ подтвержденія прежнихъ трактатовъ, Государь постановилъ: 1) согласіе Порты опредѣлить границу по Дунаю; 2) признаніе независимости Сербовъ, подъ покровительствомъ Россіи и Турціи, и 3) признаніе существовавшаго уже покровительства Россіи надъ Грузіею, Имеретіею и Мингреліею. Посланный съ письмомъ нашего главнокомандующаго къ визирю, капитанъ Краснокутскій прибылъ въ Царьградъ за два дня до бунта стоившаго жизни Байрактару. Принявъ русскаго агента съ уваженіемъ, визирь сказалъ ему на-прямки, что Французы уже не разъ обманывали Турокъ, и что Оттоманская Порта желаетъ быть въ дружбѣ съ Россіею и Англіей; касательно-же предложенныхъ условій, обѣщалъ дать отвѣтъ

на слѣдующій день. Но въ ту-же ночь, на 3-е (15-е) ноября, запылала столица султановъ и начался мятежъ, длившійся цѣлую недѣлю. Новый верховный визирь Юссуфъ, пригласивъ къ себѣ Краснокутскаго, благодарилъ его „за благоразумное поведеніе въ шумномъ городѣ, гдѣ пронырства всякаго рода извиваются какъ змѣи", и вручилъ ему, отъ имени Султана, орденъ Луны и табакерку осыпанную алмазами. Въ письмѣ къ фельдмаршалу, визирь, изъявивъ наклонность Порты къ миру, обѣщалъ немедленно прислать уполномоченныхъ въ Яссы, куда, съ нашей стороны, для веденія переговоровъ, прибыли генералъ Милорадовичъ и сенаторъ Кушниковъ. Но дни проходили за днями, а турецкіе уполномоченные неявлялись. Причиною тому были козни вѣнскаго кабинета, который, увѣряя наше правительство, что нисколько непротивится присоединенію къ Россіи Дунайскихъ Княжествъ, старался сблизить Турцію съ Англіей, и чрезъ то разстроить конгрессъ. Такъ кончился 1808-й годъ, въ продолженіи коего войска на Дунаѣ не сдѣлали ни одного выстрѣла. 1808.

Наконецъ, въ февралѣ 1809 года, прибыли въ Яссы уполномоченные Порты. Въ инструкціи имъ данной было опредѣлительно предписано: „не принимать условій, измѣняющихъ настоящія границы Турціи". Такое упрямство Турокъ было послѣдствіемъ союзнаго трактата, ими заключеннаго 5-го генваря н. ст. съ англійскимъ уполномоченнымъ, сэромъ Робертомъ Эдеромъ (Ader), прибывшимъ изъ Вѣны въ Константинополь одновременно съ появленіемъ у входа въ Дарданеллы эскадры адмирала Колингвуда (Colingwood). Въ этомъ договорѣ принималъ дѣятельное участіе австрійскій интернунцій, баронъ Штюрмеръ, увѣрившій Турокъ, что имъ нечего было страшиться ни Французовъ, тогда заня-

1809. тыхъ безуспѣшною войною въ Испаніи, ни Русскихъ, воевавшихъ въ Финляндіи. Эти происки вѣнскаго двора весьма раздражили Наполеона. Императоръ Александръ, стольже недовольный прибытіемъ лорда Эдера въ Константинополь, повелѣлъ князю Прозоровскому послать офицера съ объявленіемъ Дивану, что „если англійскій посолъ не будетъ высланъ оттуда черезъ двое сутокъ, то Русскіе не откроютъ переговоровъ въ Яссахъ и немедленно возобновятъ военныя дѣйствія". Вмѣстѣ съ тѣмъ, фельдмаршалъ получилъ приказаніе: „въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта на сіе требованіе, дѣйствовать, съ помощію Божіею, рѣшительно" (1).

Сообщеніе Дивану воли нашего Государя было поручено Прозоровскимъ флигель-адъютанту капитану Паскевичу (въ послѣдствіи — фельдмаршалъ князь Варшавскій). Паскевичъ, прибывъ въ Константинополь, былъ принятъ съ большимъ трудомъ, и то лишь по настоянію французскаго агента Латуръ-Мобура, рейсъ-эфендіемъ, въ присутствіи всѣхъ турецкихъ министровъ, 10 (22) марта. Вручивъ ему депешу, въ коей изложены были требованія Императора, Паскевичъ объявилъ, что ему приказано не оставаться въ Константинополѣ болѣе двухъ сутокъ.

Въ то время ратификаціи трактата, заключеннаго Турціею съ Англіей, еще не были размѣнены, и потому Турки могли, отказавъ въ утвержденіи его, избѣжать опасностей, которыми угрожали Портѣ вторженіе русской арміи и явная вражда Наполеона; но, съ другой стороны, разорвавъ союзъ съ Англичанами, они подвергались нападенію Коллингвудова флота, разоренію столицы, мятежу янычаръ, стольже неистовому, какъ и прежніе. И то, и другое, сопряжено было съ неизбѣжными бѣдствіями. Послѣ продолжительнаго, бурнаго засѣданія, Диванъ отказалъ

въ требованіяхъ Россіи, подъ предлогомъ, что въ 1809
депешѣ князя Прозоровскаго не было сказано о возвращеніи Портѣ Дунайскихъ Княжествъ, если англійскій посланникъ будетъ высланъ изъ Константинополя. Турки весьма основательно сообразили, что, разсорившись съ Англіей, имъ пришлось-бы вести войну и съ Россіей за Княжества: „такъ лучше-же— рѣшилъ Диванъ — воевать съ одною державою, нежели съ двумя“. 12 (22), былъ врученъ Паскевичу отказъ Порты; а 22-го (3-го апрѣля), князь Прозоровскій, приказомъ по ввѣренной ему арміи, возвѣстилъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Силы обѣихъ сторонъ, въ численномъ отношеніи, были почти одинаковы, по 80.000 человѣкъ, но у Турокъ успѣла собраться только половина арміи; остальныя-же войска стояли гарнизонами въ дунайскихъ крѣпостяхъ. Армія князя Прозоровскаго находилась въ наилучшемъ состояніи, была снабжена всѣмъ въ изобиліи и имѣла отличныхъ генераловъ: Кутузова, Милорадовича, графа Ланжерона, Маркова, Воинова, Платова, Засса. Напротивъ того, турецкая армія, разстроенная смутами потрясшими державу Османовъ, едва собравшись, подъ начальствомъ извѣстнаго своими неудачами противъ Наполеона въ Египтѣ, Юссуфа, выступила изъ Адріанополя къ Шумлѣ.

Императоръ Александръ, желая нанести рѣшительный ударъ Турціи, предписалъ князю Прозоровскому имѣть въ виду только одну цѣль: „быстрый переходъ за Дунай, какъ единственное средство принудить султана къ уступкѣ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи“. Исполняя Высочайшее повелѣніе, фельдмаршалъ заблаговременно принялъ мѣры для сосредоточенія къ 24 марта (5 апрѣля) главнаго корпуса, въ числѣ 32,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ку-

1809. тузова, у Фокшанъ; правѣе, впереди Бухареста, стоялъ Милорадовичъ, съ 14,000, и Исаевъ, съ 4,000 человѣкъ, у Краіова; лѣвѣе — отрядъ Засса, 6,000 человѣкъ, у Галаца, и корпусъ графа Ланжерона, 8,000 человѣкъ, у Измаила. Прочія войска находились въ Яссахъ и на Днѣстрѣ (2). Предполагая перенести дѣйствія за Дунай, князь Прозоровскій считалъ нужнымъ сперва обезпечить себя съ тыла покореніемъ Браилова и Измаила; но, пока наши войска еще двигались къ сборнымъ пунктамъ, поручилъ Милорадовичу взять приступомъ Журжу. Успѣхъ этого предпріятія казался вѣрнымъ, по слабости укрѣпленій Журжи и по нашему соглашенію съ рущукскимъ пашею Ахметомъ-Эфенди, навлекшимъ на себя гнѣвъ Порты и обѣщавшимъ не поддерживать журжинскаго гарнизона. Но пока Милорадовичъ шелъ къ Дунаю, Ахметъ, узнавъ, что сношенія его съ Русскими были открыты, бѣжалъ въ Бухарестъ, а занявшій его мѣсто паша, получивъ свѣдѣніе о нашихъ приготовленіяхъ къ штурму Журжи, на-скоро сталъ вооружать эту крѣпость. Милорадовичъ зналъ, что его намѣреніе не осталось въ тайнѣ отъ непріятеля и донесъ о томъ фельдмаршалу въ Фокшаны; но князь Прозоровскій, не обративъ на то вниманія, приказалъ штурмовать крѣпость. 24 марта (5 апрѣля), войска Милорадовича, въ шести колоннахъ (3), одновременно атаковали Журжу и замокъ Слободзею, гдѣ хранились непріятельскіе запасы. Самъ Милорадовичъ, въ головѣ колонны генералъ-маіора Палицына, подъ градомъ картечи, взошелъ на валъ, но здѣсь вполнѣ обнаружилась вся трудность предпріятія: укрѣпленія были расположены иначе, нежели мы думали, судя по имѣвшемуся у насъ плану крѣпости; лѣстницы оказались коротки. Гарнизонъ, поддержанный войсками, прибывшими на лодкахъ

изъ Рущука, и жителями города, отбилъ приступъ. 1809.
Колонна полковника Лопухина (4), въ авангардѣ которой шелъ подпоручикъ Гейсмаръ, (въ послѣдствіи — побѣдитель при Боелешти), овладѣла Слободзеей, переколовъ большую часть тамошняго гарнизона и захвативъ въ плѣнъ сто человѣкъ. Въ замкѣ найдено 27 орудій, множество запасовъ и пороховой погребъ, взорванный по выступленіи нашихъ войскъ изъ Слободзеи. Уронъ нашъ въ сей день вообще простирался до 720-ти человѣкъ; въ числѣ убитыхъ былъ генералъ-маіоръ Ставицкій (5). Милорадовичъ заключилъ частное письмо къ главнокомандующему слѣдующими словами: „....на войнѣ удаются иногда предпріятія невѣрныя: надобно на нихъ отваживаться. Я увлеченъ былъ доброю волею. Въ этомъ дѣлѣ никто не виноватъ, кромѣ меня. Одинъ я долженъ за него отвѣчать“. Государь приказалъ извѣстить Милорадовича, что „эта неудача отнюдь не перемѣняетъ выгодныхъ мыслей Его Величества объ усердіи его и знаніи военнаго искусства“ (6).

Вслѣдъ за тѣмъ, главный корпусъ Прозоровскаго, собранный въ Фокшанахъ, двинулся 3 (15) апрѣля къ Браилову. Послѣдній переходъ, отъ Визирскаго брода на рѣкѣ Бузео, былъ совершенъ 7-го (19-го) въ боевомъ порядкѣ, полковыми кареями, въ три линіи. Войска, томимыя зноемъ, изнемогавшія отъ жажды, расположились въ ночи, въ четырехъ верстахъ отъ Браилова, и на слѣдующій день обложили крѣпость (7), съ лѣваго берега Дуная. Для отвлеченія вниманія браиловскаго гарнизона и для обложенія крѣпости съ праваго берега, фельдмаршалъ приказалъ, стоявшему въ Галацѣ генералъ-маіору Зассу, овладѣть Мачиномъ; когда-же это предпріятіе неудалось, отрядъ Засса былъ присоединенъ къ главному корпусу.

1809. Сильная крѣпость Браиловъ, обнесенная вмѣстѣ съ предмѣстьями города ретраншаментомъ, обоими флангами примыкавшимъ къ Дунаю, была занята гарнизономъ въ 12,000 человѣкъ. Князь Прозоровскій, на слѣдующій-же день по прибытіи къ крѣпости, потребовалъ сдачи, и получивъ отказъ, приступилъ къ осадѣ. Инженерныя работы, подъ вѣдѣніемъ генералъ-маіора Гартинга, начались 9 (21) апрѣля. Въ продолженіи недѣли. русскія войска, приблизясь къ ретраншаменту на разстояніе отъ 300 до 400 саженъ, устроили батареи для осадныхъ и батарейныхъ орудій и открыли по городу сильную пальбу, которой содѣйствовали 30 барказовъ и лодокъ. прибывшихъ изъ Галаца. Когда наша артиллерія нѣсколько разъ зажгла строенія въ предмѣстьяхъ и крѣпости и замолкли почти всѣ батареи на ретраншаментѣ, фельдмаршалъ рѣшился штурмовать лѣвую, слабѣйшую сторону его. Ввечеру 19 апрѣля (1-го мая), велѣно было артиллеріи усилить огонь, а въ 11 часовъ, по сигналу ракетою, войска, назначенныя въ дѣло, въ числѣ 8,000 человѣкъ, выступили изъ траншей тремя колоннами ([8]); впереди каждой шли по 60-ти охотниковъ, сорока рабочихъ съ лѣстницами и 30-ти піонеръ, а позади — по двѣнадцати рабочихъ. За каждою колонною слѣдовалъ резервъ изъ трехъ баталіоновъ. а за резервами 8 эскадроновъ съ 12-ю конными орудіями. Для отвлеченія Турокъ отъ пункта, назначеннаго для нападенія, было приказано стоявшему на нашемъ лѣвомъ крылѣ Эссену 3-му *) вести ложную атаку, а флотиліи — открыть по крѣпости сильную канонаду.

Войска, двинувшіяся къ ретраншаменту, въ глу-

*) Петръ Кирилловичъ — въ послѣдствіи С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

бочайшей темнотѣ, потеряли взаимную связь между 1809.
собою; охотники и рабочіе ушли далеко впередъ. Внезапно — раздалась пальба со стороны Эссена, который поторопился повести атаку, и чрезъ то остерегъ непріятеля (9). Нѣсколько свѣтящихъ ядеръ, брошенныхъ съ ретраншамента, открыли наступленіе прочихъ войскъ. Наши охотники взлѣзли на валъ и сбили первыхъ попавшихся имъ на встрѣчу Турокъ, но не были поддержаны колоннами, которыя, вмѣсто того, чтобы штурмовать укрѣпленія, столпились во рву и открыли пальбу. Почти всѣ охотники были истреблены. Колонны Рѣпнинскаго и Хитрова, подъ общимъ начальствомъ Олсуфьева, взобрались на валъ гораздо позже охотниковъ: первая овладѣла батареею, а Фанагорійцы, шедшіе во второй колоннѣ, ворвались въ предмѣстье, но будучи вытѣснены оттуда непріятелемъ и встрѣчены огнемъ 29-го егерскаго полка, принявшаго ихъ въ темнотѣ за Турокъ, потерпѣли огромную потерю. Генералъ Олсуфьевъ, пославъ за резервомъ, не могъ устоять до его прибытія. Начальники нашихъ колоннъ, Олсуфьевъ, Рѣпнинскій, Хитровъ, были ранены; русскія войска, сброшенныя въ ровъ, оставались тамъ, осыпаемыя бревнами, каменьями и ручными гранатами, продолжая стрѣльбу мало вредившую Туркамъ. Настало утро. Фельдмаршалъ, предавшись отчаянію, рвалъ на себѣ волосы, плакалъ. Кутузовъ, стараясь его утѣшить, сказалъ ему: „Не такія бѣды бывали со мной; я проигралъ Аустерлицкое сраженіе, отъ котораго зависѣла участь Европы, да не плакалъ“. Въ донесеніи Государю, князь Прозоровскій выразилъ волновавшія его чувства и старался оправдать свою неудачу преждевременною атакою Эссена, нерѣшимостью генераловъ и недостаткомъ въ войскахъ должнаго повиновенія и довѣренности къ частнымъ начальни-

1809. камъ ([10]). Уронъ нашъ убитыми и ранеными вообще простирался до 5,000 человѣкъ, слѣдовательно былъ болѣе половины всего числа сражавшихся войскъ.

Императоръ Александръ. получивъ донесеніе о неудачномъ штурмѣ Журжи, удостоилъ князя Прозоровскаго собственноручнымъ рескриптомъ. Утѣшая стараго война изъявленіемъ неизмѣннаго убѣжденія въ его будущихъ успѣхахъ, Государь не скрылъ своего мнѣнія о штурмахъ крѣпостей, вообще раздѣляя такія предпріятія на приступъ посредствомъ бреши и на эскаладу. По словамъ Императора, послѣдній способъ требуетъ чрезвычайныхъ усилій, ведетъ къ потерѣ лучшихъ людей, и даже при успѣхѣ разстроиваетъ армію; слѣдовательно — предпринимать такія дѣйствія должно только тогда, когда дѣло идетъ объ окончательномъ успѣхѣ всей войны. Касательно-же предположенія фельдмаршала — не переходить чрезъ Дунай прежде овладѣнія крѣпостями, Государь писалъ, что, теряя время въ осадахъ, мы не только позволимъ Туркамъ оправиться, но дадимъ время Англичанамъ сдѣлать сильную диверсію въ Черномъ морѣ. И по тому, если необходимо овладѣть Браиловымъ, то должно, по взятіи его, оставить подъ другими крѣпостями часть силъ, а съ прочими войсками перейти черезъ Балканы. По мнѣнію Государя, побудить непріятеля къ миру можно было не столько взятіемъ крѣпостей, сколько угроженіемъ Царьграду ([11]).

Послѣ неудачнаго приступа къ Браилову, князь Прозоровскій составилъ новый планъ дѣйствій, главныя основанія котораго заключались въ томъ, чтобы покорить Браиловъ, Измаилъ и Силистрію, и потомъ уже идти къ Балканамъ, вооружить Болгаръ, и поручивъ имъ, вмѣстѣ съ частью арміи, охраненіе горныхъ проходовъ, двинуться къ Адріанополю ([12]).

Началомъ исполненія этого плана было открытіе новыхъ апрошей подъ Браиловымъ, но нѣсколько дней спустя, на военномъ совѣтѣ, созванномъ фельдмаршаломъ ([13]), рѣшено переправиться черезъ Дунай близъ Галаца и занять позицію вблизи сей рѣки, предпринимая поиски авангардомъ и обезпечивъ сообщенія арміи войсками Эссена 1-го ([14]). Въ ожиданіи выбора пункта для сооруженія моста на Дунаѣ, князь Прозоровскій перешелъ на лѣвую сторону Серета и расположился въ лагерѣ у Сербешти. Замѣтивъ отступленіе русскихъ войкъ, браиловскій паша, выйдя съ кавалеріей изъ крѣпости, сталъ преслѣдовать нашъ арріергардъ, попалъ въ засаду, устроенную Платовымъ, и былъ разбитъ съ большею потерею ([15]). 1809.

Вслѣдъ за тѣмъ хотѣли приступить къ сооруженію моста, но князь Прозоровскій опять отложилъ переправу черезъ Дунай: съ одной стороны, его озаботили слухи о предстоящемъ нападеніи Англичанъ вмѣстѣ съ Турками на Крымъ и Одессу, а съ другой, онъ опасался, чтобы Австрійцы, побѣдивъ Наполеона, не заняли возвращенныхъ отъ Польши губерній и не отрѣзали отступленія арміи, стоявшей на Дунаѣ ([16]). Государь, получивъ донесеніе о томъ фельдмаршала, одновременно съ извѣстіемъ о занятіи Французами Вѣны, писалъ ему, что быстрые успѣхи Наполеона не позволяютъ думать, чтобы Австрія могла озаботить насъ своимъ вліяніемъ на турецкія дѣла, Государь настоятельно повторилъ прежнія свои повелѣнія — немедленно переправиться черезъ Дунай и дѣйствовать наступательно; для обезпеченія-же арміи съ тыла, считалъ достаточнымъ устроить на лѣвомъ берегу Дуная ретраншаментъ, а на правомъ сильное мостовое укрѣпленіе. Вмѣстѣ съ быстрымъ и смѣлымъ вторженіемъ, было предписано сообщить

1809. Туркамъ: 1) что Вѣна занята союзникомъ нашимъ Наполеономъ; 2) что дѣла наши съ Швеціею приходятъ къ окончанію, и 3) что Персія предлагаетъ намъ миръ. Государь полагалъ, что совокупное вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ должно было побудить Турокъ къ согласію на наши требованія ([17]).

Императоръ Александръ, отправляя съ симъ повелѣніемъ въ армію генералъ-адъютанта князя Трубецкаго, приказалъ военному министру графу Аракчееву изложить подробнѣе въ особой депешѣ мысли Его Величества о необходимости наступательныхъ дѣйствій. Исполняя волю Государя, Аракчеевъ писалъ: „Если паденіе Австріи совершится, прежде нежели мы окончимъ войну съ Турками, то Наполеонъ вмѣшается въ наши дѣла и затруднитъ ихъ, и даже можетъ случиться, что, послѣ всѣхъ нами сдѣланныхъ пожертвованій, мы будемъ принуждены очистить Молдавію и Валахію. Совсѣмъ иное будетъ, если паденіе Австріи застанетъ насъ въ мирѣ съ Турками. Тогда Наполеонъ уже не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло, да еслибы даже онъ, вопреки мнѣнію самой Франціи о пользѣ и необходимости союза съ Россіей, и нарушилъ его, то мы, находясь въ мирѣ съ Турками, и слѣдовательно имѣя на всякій случай готовую армію, можемъ отклонить всякое лишнее притязаніе и поддерживать наши права. Въ случаѣ, еслибы одержала успѣхъ Австрія, стольже необходимо намъ имѣть свободную армію. Изъ всего изложеннаго очевидно, какъ полезно для насъ побудить Турокъ къ неотлагательному заключенію мира, и какъ, напротивъ того, продолженіе съ ними войны до того времени, когда совершится въ Европѣ предстоящій переломъ, можетъ не только причинить намъ важныя затрудненія, но и заставить насъ оставить всѣ наши въ сей странѣ предпріятія и съ стыдомъ

возвратиться во свояси, чего, какъ сынъ отечества, безъ крайней горести и помыслить не могу" ([18]). 1809.

Въ то время исполненію воли Государя препятствовало чрезвычайное разлитіе нижняго Дуная, котораго водами была покрыта правая сторона рѣки въ ширину отъ 25-ти до 30-ти верстъ. Не прежде конца іюня спала вода и можно было приступить къ сооруженію моста; постройка его потребовала двѣ недѣли. Во все время съ 7-го мая по 14-е іюля, армія оставалась въ лагерѣ при Сербешти, и только Платовъ съ своими донцами дѣлалъ поиски къ Браилову. Хотя 80-ти-лѣтній противникъ князя Прозоровскаго, Юссуфъ, собравъ армію въ Шумлѣ, также оставался въ бездѣйствіи, однакоже отрядилъ часть силъ въ Сербію, что̀ дало Туркамъ возможность освободить отъ осады Ниссу, взять Делиградъ и двинуться къ Бѣлграду. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1807 году, по просьбѣ самихъ Сербовъ, былъ посланъ, для устройства въ странѣ ихъ надлежащаго управленія, русскій чиновникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофиникинъ, они считали себя состоящими подъ покровительствомъ Россіи. Императоръ Александръ повелѣлъ объявить Сербамъ, чтобы они не разсчитывали на присоединеніе ихъ къ Россіи, но что онъ всегда готовъ принять участіе въ судьбѣ ихъ. Не надѣясь устоять противъ Турокъ, Черный Георгъ и другіе сербскіе вожди обратились къ князю Прозоровскому, прося его защиты. Фельдмаршалъ предписалъ стоявшему съ небольшимъ отрядомъ въ Малой Валахіи, генералъ-маіору Исаеву перейти чрезъ Дунай и овладѣть Фетъ-Исламомъ (Кладово), крѣпостью, лежащею выше Виддина и по своему положенію весьма удобною для постояннаго сообщенія съ Сербіей.

Генералъ Исаевъ, выступивъ съ отрядомъ, въ

1809. числѣ до 3,500 человѣкъ ([19]), изъ Краіова, переправился на лодкахъ черезъ Дунай, 2 (14) іюля, и подошелъ къ Кладову, противъ котораго, на горѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, стояли 1,000 Сербовъ. Получивъ отказъ въ сдачѣ, Исаевъ рѣшился штурмовать крѣпость, 9 (21) іюля. Впереди нашихъ колоннъ шли охотники и Сербы съ лѣстницами и фашинами. Передъ разсвѣтомъ, начался штурмъ. Войска наши, отбитыя на всѣхъ пунктахъ, съ потерею около тысячи человѣкъ, переправились обратно на лѣвую сторону Дуная ([20]).

Неудача этого предпріятія окончательно разстроила слабое здоровье князя Прозоровскаго. Сдѣлавшись чрезвычайно раздражительнымъ, онъ негодовалъ на приданнаго ему, по собственному его желанію, въ качествѣ помощника, Кутузова, за то, что многіе изъ частныхъ начальниковъ обращались къ нему за совѣтами и наставленіями. Фельдмаршалъ, донося Государю, будтобы Кутузовъ возбуждалъ недовѣріе къ нему, порицая его дѣйствія и мѣшая ихъ успѣху, просилъ объ отзывѣ изъ арміи своего помощника. Императоръ Александръ приказалъ заготовить рескриптъ Кутузову, о назначеніи его командиромъ резервнаго корпуса въ Княжествахъ, и другой рескриптъ ему-же, объ опредѣленіи его литовскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто просившаго увольненія отъ сей должности генерала Римскаго-Корсакова. Оба рескрипта были посланы къ князю Прозоровскому, съ предоставленіемъ ему права вручить Кутузову одинъ изъ нихъ, по собственному усмотрѣнію. Государь, считая полезнымъ присутствіе Кутузова при арміи, писалъ главнокомандующему: „..... нужнымъ считаю присовокупить, что, по настоящимъ обстоятельствамъ, число войскъ, состоящихъ нынѣ въ Литвѣ подъ начальствомъ тамошняго военнаго

губернатора, весьма мало, то не покажется-ли генералу Кутузову назначеніе сіе обиднымъ, и тѣмъ не дастъ-ли ему повода къ заключеніямъ для него непріятнымъ" ([21]). Фельдмаршалъ, не смотря на то, предпочелъ рескриптъ, удалявшій его помощника изъ арміи, и писалъ Государю, что „будучи обращенъ въ резервный корпусъ, Кутузовъ имѣлъ-бы обширное поле употребить все дѣйствіе его интригъ противъ меня, такъ что онъ принудилъ-бы меня возвратиться изъ-за Дуная, или-же, прижавшись къ сей рѣкѣ, послать къ нему отрядъ; сверхъ того, будучи тонокъ и зная службу, онъ могъ-бы допустить непріятеля сжечь магазины, и даже нѣкоторымъ образомъ преподать Туркамъ къ тому способъ, а вину возложить на частнаго, на постѣ находящагося генерала, который-бы за то и пострадалъ; онъ-же самъ всегда былъ-бы правъ"...([22]). 1809.

По отъѣздѣ Кутузова князь Прозоровскій, совершенно неспособный къ командованію ввѣренною ему арміей, просилъ объ увольненіи его отъ сей обязанности и назначеніи на его мѣсто главнокомандующаго въ Галиціи, князя Голицына. Государь повелѣлъ ѣхать въ Дунайскую армію князю Багратіону, предоставя Прозоровскому сдать ему армію, либо, неслагая съ себя званія главнокомандующаго, поручить Багратіону командованіе войсками за Дунаемъ. 23 іюля (4 августа), князь Багратіонъ прибылъ въ главную квартиру фельдмаршала, тогда находившуюся въ Галацѣ. Князь Прозоровскій сперва назначилъ его командиромъ дѣйствующаго корпуса, но потомъ, опасаясь, чтобы онъ, подобно Кутузову, не пріобрѣлъ сильнаго вліянія на генераловъ, отправилъ его въ Бузео, для принятія начальства надъ резервами. Самъ-же фельдмаршалъ, переправясь черезъ Дунай, 6 (18) августа, расположился близъ

1809. устья мачинскаго гирла. Тамъ скончался онъ, 9 (21) августа, 77-ми лѣтъ отъ рода. Князь Багратіонъ, получивъ о томъ извѣстіе, прибылъ въ главную квартиру, 11 (23), и въ числѣ депешей, оставшихся непрочитанными покойнымъ фельдмаршаломъ, нашелъ указъ о своемъ назначеніи главнокомандующимъ Молдавскою арміей. Въ заключеніе сего указа было приписано собственноручно Государемъ: „Я ожидаю и въ скоромъ времени надѣюсь получить отъ васъ изъ-за Дуная донесенія".

Готовясь предпринять наступательныя дѣйствія, князь Багратіонъ счелъ нужнымъ овладѣть ближайшими къ его сообщеніямъ крѣпостями Мачиномъ и Гирсовымъ, и самъ съ корпусомъ Маркова ([23]) двинулся къ Мачину, отрядивъ Платова ([24]) къ Гирсову *). Обложивъ Мачинъ, Марковъ бомбардировалъ крѣпость и готовился штурмовать ее, но гарнизонъ, устрашенный удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи и взрывомъ пороховаго погреба, сдался на капитуляцію 18 (30) августа, а 22-го (3-го сентября) крѣпость Гирсово покорилась Платову. При овладѣніи сими твердынями взято въ плѣнъ болѣе 4,000 человѣкъ ([25]). Императоръ Александръ повелѣлъ, чтобы турецкимъ начальникамъ было оказано сколько можно ласки, и чтобы, по изъявленіи имъ непремѣннаго желанія нашего правительства заключить миръ, выбрать изъ каждаго гарнизона по одному наиболѣе благомыслящему чиновнику и отправить ихъ парламентерами въ Измаилъ, для побужденія къ сдачѣ сей крѣпости ([26]). По взятіи Мачина, князь Багратіонъ съ корпусомъ Маркова выступилъ на соединеніе съ Платовымъ къ Гирсову, куда къ 25 августа (6 сентября) прибылъ, бывшій на маршѣ изъ Буха-

---

*) Исакча и Тульча тогда уже были заняты русскими войсками.

реста въ Галацъ, генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ, раздѣлявшій съ княземъ Багратіономъ славу италійскаго похода и постоянно старшій его въ чинѣ до экспедиціи на Аландъ, за которую Багратіонъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. При свиданіи въ Гирсовѣ соперники обѣщали другъ другу неизмѣнную дружбу. 1809.

Въ Гирсовѣ армія была раздѣлена на три корпуса: авангардный, Платова; праваго фланга, Милорадовича, и лѣваго фланга, Маркова ([27]), всего до 20,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и 4,000 казаковъ, съ 59-ю орудіями, но изъ нихъ ежедневно заболѣвало до полутораста человѣкъ. Поручивъ оборону Валахіи Ланжерону и оставя на нижнемъ Дунаѣ отряды графа Каменскаго 1-го (Серг. Михайл.) и Засса, князь Багратіонъ съ дѣйствующею арміей рѣшился вторгнуться въ Булгарію. Войскамъ при наступленіи приказано имѣть, кромѣ десятидневнаго провіанта, запасный въ сухаряхъ на 30 дней. Учреждены подвижные госпитали. Разрѣшено въ жары не носить галстуховъ, и въ отмѣну прежнихъ приказовъ не велѣно первой шеренгѣ при пальбѣ становиться на колѣна.

26 августа (7 сентября), князь Багратіонъ выступилъ изъ Гирсова къ Траянову валу. Армія наступала тремя колоннами: Милорадовичъ къ Черноводамъ, Платовъ на Карасу, Марковъ на Кюстенджи. Визирь Юссуфъ, узнавъ о переправѣ Русскихъ черезъ Дунай, послалъ къ Траянову валу Хозревъ-пашу съ 8,000 человѣкъ, а самъ пошелъ къ Рущуку, предполагая идти къ Бухаресту и отвлечь туда нашу армію. Но князь Багратіонъ поспѣшилъ къ Траянову валу, чтобы не дозволить Туркамъ утвердиться въ окопахъ ([28]), приказалъ Милорадовичу стать въ Черноводахъ, для прикрытія арміи съ праваго крыла,

1809. самъ-же съ прочими войсками обратился на Кюстенджи и заставилъ Турокъ сдать эту крѣпость, дозволивъ имъ выступить въ Варну. По занятіи Кюстенджи, 30 августа (11 сентября), въ день тезоименитства Государя, Багратіонъ перешелъ съ корпусомъ Маркова къ Карасу, поручилъ ему оборону Траянова вала и охраненіе сообщеній съ Каменскимъ, стоявшимъ на нижнемъ Дунаѣ, и достигнувъ съ корпусомъ Платова Черноводъ, соединился съ Милорадовичемъ, 2 (14) сентября. На слѣдующій день, убѣдясь изъ рекогносцировки, что Хозревъ-паша стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Рассеваты, на пути въ Силистрію, и безпрестанно получалъ подкрѣпленія, князь Багратіонъ атаковалъ его, 4 (16) сентября, съ фронта войсками Милорадовича и съ праваго фланга корпусомъ Платова, построенными въ нѣсколькихъ каре, отрядивъ въ тылъ непріятелю генералъ-маіора Денисова съ шестью казачьими полками ([29]). Турецкій корпусъ, въ числѣ до 15,000 человѣкъ, потерпѣвъ совершенное пораженіе, обратился въ бѣгство; два казачьихъ полка, подъ начальствомъ графа Строганова, преслѣдовали непріятеля почти до самой Силистріи. Князь Багратіонъ, въ донесеніи Государю, писалъ: „Слабаго пера моего никогда не достанетъ въ полной мѣрѣ изобразить того довѣрія, того мужества и той храбрости, которыя въ настоящемъ дѣлѣ обнаружены вообще всѣми войсками. Всякъ тщился, всякъ рвался быть первымъ и всякъ старался превосходить товарищей въ обнаруженіи неограниченнаго усердія, неустрашимости и дѣятельности въ исполненіи обязанностей“ ([30]).

Такъ сражались русскія войска подъ начальствомъ своихъ любимыхъ вождей. За побѣду подъ Рассеватомъ князь Багратіонъ былъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго и 50-ю тысячами

рублей. Сподвижники его. Милорадовичъ и Платовъ. 1809.
за полгода предъ тѣмъ старшіе его въ чинѣ, произведены въ полные генералы.

Вслѣдъ за тѣмъ Марковъ занялъ Мангалію и Каварну и получено отъ генерала Засса донесеніе о сдачѣ Измаила. Подойдя къ крѣпости, 20 августа (1-го сентября), Зассъ построилъ батарею на островѣ Четалѣ и сталъ громить непріятеля, какъ съ флотиліи, такъ и съ осадныхъ батарей, сооруженныхъ на лѣвомъ берегу Дуная. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, канонада и бомбардированіе крѣпости, безпрестанно усиливаясь, заставили замолчать большую часть непріятельской артиллеріи. Съ 12-го на 13-е (съ 24-го на 25-е) сентября, явились въ русскій лагерь измаильскіе депутаты съ предложеніемъ сдачи, а 14 (26) наши войска вступили въ крѣпость. Гарнизонъ, въ числѣ 4,500 человѣкъ, былъ отпущенъ въ Турцію. Побѣдителямъ достались: 21 знамя, 220 орудій, 9 судовъ съ 36-ю орудіями, болѣе 5,000 пудъ пороха и множество снарядовъ. Князь Багратіонъ, донося Государю объ этомъ успѣхѣ, писалъ: „Славная и сильная крѣпость Измаилъ, во всѣ прежнія съ Портою Оттоманскою войны причинявшая большую потерю людей, нынѣ, безъ пролитія капли крови*), пала къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Ура, великій Александръ!“ ([31]).

Верховный визирь, желая воспользоваться малочисленностью русскихъ войскъ въ Валахіи, переправился съ 20,000 человѣкъ въ Журжѣ, между тѣмъ какъ Пегливанъ готовился идти къ Бухаресту со стороны Туртукая. Графъ Ланжеронъ, успѣвъ присоединить къ своимъ войскамъ прибывшій отъ Браи-

*) Въ дѣйствительности-же уронъ войскъ Засса подъ Измаиломъ не превосходилъ ста человѣкъ.

1809. лова отрядъ Эссена 3-го, выступилъ съ 6,500 человѣкъ, изъ Бухареста къ Журжѣ, атаковалъ въ 9-ти верстахъ отъ этой крѣпости непріятельскій авангардъ, подъ начальствомъ Бошняка-аги, 29-го августа (10-го сентября), при Фрассинѣ, и разбивъ его, остановилъ покушенія визи́ря, который, вскорѣ послѣ того, узнавъ о движеніи нашей арміи къ Силистріи, перешелъ обратно на правую сторону Дуная (32).

По одержаніи побѣды подъ Рассеватомъ, князь Багратіонъ, давъ войскамъ три дня отдыха, двинулся къ Силистріи и обложилъ эту крѣпость, 12 (24) сентября. Отрядъ генерала Засса получилъ приказаніе, занявъ Измаилъ гарнизономъ и взорвавъ укрѣпленія Тульчи и Исакчи, смѣнить у Траянова вала корпусъ Маркова, который, по прибытіи Засса, долженъ былъ присоединиться къ арміи. Крѣпость Силистрія была обнесена валомъ съ глубокимъ и широкимъ рвомъ и контрминами. Гарнизонъ состоялъ въ числѣ отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ. Князь Багратіонъ покушался побудить Турокъ къ сдачѣ, потомъ сталъ бомбардировать крѣпость, но храбрый комендантъ Иликъ-Оглу оборонялся отчаянно. Убѣдясь въ невозможности быстраго вторженія въ Булгарію, нашъ главнокомандующій доносилъ Государю, что, находясь не въ состояніи продолжать кампанію долѣе, нежели до ноября, онъ считаетъ необходимымъ, оставя на правомъ берегу Дуная въ крѣпостяхъ гарнизоны и (если окажется возможнымъ) легкія войска для наблюденія за непріятелемъ, переправить всѣ прочія на лѣвую сторону рѣки, а съ наступленіемъ весны идти къ Балканамъ (33). За нѣсколько дней предъ тѣмъ, князь Багратіонъ писалъ графу Аракчееву: „Два письма пріятнѣйшихъ вашихъ я имѣлъ честь получить, за которыя наичув-

ствительнѣйше благодарю.... Я вашему сіятельству 1809.
доказывалъ и всегда докажу мою любовь, уваженіе и нелицемѣрную преданность. Я не двуличка: кого люблю, то прямо, а при томъ имѣю совѣсть и честь. Мнѣ васъ невозможно не любить: во первыхъ, вы сами давно меня любите, а во вторыхъ, вы нашъ хозяинъ и начальниковъ начальникъ".... За тѣмъ замѣтивъ, что „лучше было-бы старому фельмаршалу умереть тремя мѣсяцами прежде", упомянувъ о трудности продолжать дѣйствія въ позднюю пору года, о невозможности подвозовъ, и проч. главнокомандующій писалъ: „Я истинно не дремлю и не трушу, и свято пророчество ваше сбылось: Багратіонъ сераскира въ пухъ разбилъ, Измаилъ взялъ... Цѣль была моя возбудить армію и сдѣлать ее храброю. Я вамъ безъ хвастовства говорю, что сдѣлано у меня: ступай одинъ русскій противъ десяти. Я самъ съ ними ничего не жалѣю; послѣднею копѣйкою моихъ вѣрныхъ пою и кормлю; лучше умру, нежели покажу изъ суммы экстраординарной. Умру честно и голый. Богъ знаетъ душу мою, сколь я привер женъ къ Монарху нашему, и за то мнѣ помогаетъ".... ([34]).

Съ наступленіемъ осени положеніе осадной арміи подъ Силистріею дѣлалось хуже и хуже; число заболѣвавшихъ ежедневно увеличивалось; подвозы замедлялись порчею дорогъ; оказался недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ; не прежде начала (половины) октября привезли изъ Бузео часть осадной артиллеріи и усилили бомбардированіе крѣпости съ лѣваго берега Дуная. Одна изъ бомбъ зажгла въ городѣ большой магазинъ, что̀ сильно встревожило гарнизонъ и заставило визиря озаботиться о поданіи помощи Силистріи. 7 (19) октября, Пегливанъ, съ 20,000 человѣкъ, выйдя изъ Рущука, окопался

1809. у селенія Татарицы. Главнокомандующій, рѣшась атаковать его, поручилъ Маркову и графу Ланжерону*) осаду Силистріи, а самъ съ 7,000 человѣкъ, выступивъ изъ авангарднаго лагеря Платова, построилъ войска въ боевой порядокъ (35), 10 (22) октября, противъ непріятельскаго лагеря: въ первой линіи стали 6 казачьихъ полковъ, во второй — 16 баталіоновъ въ шести кареяхъ, а въ интервалахъ между ними и на флангахъ 25 эскадроновъ и 4 казачьихъ полка. Нападеніе на Турокъ, занимавшихъ неприступную позицію тройными противъ насъ силами и получившихъ въ подкрѣпленіе изъ Рущука корпусъ албанцевъ, неимѣло успѣха. Въ продолженіи этого дѣла, Турки сдѣлали сильную вылазку изъ Силистріи, но были отражены съ урономъ. Неудача предпріятія противъ вспомогательнаго турецкаго корпуса, въ послѣдствіи поддержаннаго остальными войсками визиря, заставила князя Багратіона снова просить Государя о дозволеніи переправиться на лѣвую сторону Дуная (36), и въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга снять осаду Силистріи. 20-го октября (1-го ноября), русская армія, оставя авангардъ у Рассеваты, расположилась у Черноводъ за Траяновымъ валомъ. Доставка жизненныхъ запасовъ войскамъ производилась чрезъ Гирсовскій мостъ, прикрытый съ обоихъ береговъ тетде-понами, занятыми Одесскимъ мушкетерскимъ полкомъ.

Какъ между тѣмъ въ нашей главной квартирѣ было получено извѣстіе о расположеніи значительнаго турецкаго лагеря подъ Журжею, то князь Багратіонъ усилилъ корпусъ Милорадовича. Стараясь вовлечь въ бой непріятеля, главнокомандующій уси-

*) Ланжеронъ командовалъ войсками Милорадовича, отправленнаго для принятія начальства надъ отрядомъ, стоявшимъ въ Валахіи.

лилъ также корпусъ Эссена до 7,500 человѣкъ (37), снабдилъ его осадною артиллеріею, доставленною изъ подъ Силистріи, и приказалъ ему осадить Браиловъ. Тогда-же князь Багратіонъ повторилъ донесенія свои о необходимости возвратиться на лѣвый берегъ Дуная. По словамъ его, отъ сильныхъ дождей такъ испортились дороги, что подвозы провіанта и фуража вскорѣ должны были отставать; войска совершенно обносились и по тому необходимо было снабдить ихъ одеждою и аммуниціей (38). Императоръ Александръ, въ отвѣтъ на донесеніе князя Багратіона отъ 30 сентября (12 октября), не одобрилъ его намѣренія — возвратиться за Дунай и отложить дальнѣйшія дѣйствія до весны. Государь поставилъ на видъ, что: „1) весною разлитіе дунайскихъ водъ можетъ положить дѣйствіямъ нашимъ на правомъ берегу непреоборимыя препятствія: опытъ прошедшаго лѣта доказалъ сіе съ очевидностью; 2) весною наши дѣйствія могутъ быть преграждаемы высадками турецкихъ и англійскихъ войскъ, и 3) весною-же можно опасаться, чтобы другія державы, нынѣ отъ войны освободившіяся, не вмѣшались въ наши дѣла“. Государь полагалъ, что удобнѣйшимъ временемъ года для дѣйствій противъ Турокъ была осень, когда жары дѣлаются сноснѣе, и турецкія войска расходятся по домамъ, и разрѣшалъ главнокомандующему обратный переходъ черезъ Дунай не прежде, какъ по овладѣніи Силистріею *) и по разбитіи визиря (39). 1809.

Послѣднимъ успѣхомъ князя Багратіона было покореніе Браилова. Эта сильная крѣпость была занята шести-тысячнымъ гарнизономъ. Генералъ Эссенъ подойдя къ ней 2 ноября, приступилъ къ построенію

*) Тогда еще не пришло въ Петербургъ донесеніе о снятіи осады Силистріи.

1809. штерншанцевъ. Осаднымъ работамъ препятствовали сильные морозы и снѣгъ. 13 (25). по прибытіи осадной артиллеріи, заложили батареи. Наша флотилія по ночамъ приближалась къ городу и производила стрѣльбу. Комендантъ, замѣтивъ успѣхъ осадныхъ работъ, открылъ переговоры о сдачѣ и 21 ноября (3 декабря) подписалъ капитуляцію, съ условіемъ свободнаго выступленія. Въ Браиловѣ найдены 205 мѣдныхъ орудій и огромное количество боевыхъ запасовъ ([40]).

Между тѣмъ князь Багратіонъ, не находя возможности долѣе оставаться за Дунаемъ, отошелъ къ Гирсову и сталъ переводить тамъ войска на лѣвый берегъ; но въ это самое время, именно 16 (28) ноября, прибылъ къ нему генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, съ Высочайшимъ рескриптомъ и съ словеснымъ приказаніемъ, отъ Имени Государя, зимовать въ Булгаріи. Главнокомандующій, собравъ армію у Гирсова, снова сдѣлалъ представленіе Императору о необходимости отступить въ Княжества, и просилъ ходатайства о томъ у графа Аракчеева ([41]). Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ ему-же, что въ ноябрѣ половина людей въ арміи числилась больными, коихъ было вообще до 20,000. Дѣйствительно — во многихъ полкахъ оставалось менѣе четверти комплектнаго числа нижнихъ чиновъ, а убыль въ офицерахъ была еще значительнѣе. Князь Трубецкой, съ своей стороны, доведя до свѣдѣнія Государя о точномъ исполненіи его повелѣній, не скрылъ, что дальнѣйшее расположеніе арміи на правой сторонѣ Дуная могло имѣть самыя вредныя послѣдствія ([42]).

Причиною настойчивости Императора Александра, въ этомъ случаѣ, было вліяніе политическихъ обстоятельствъ. Всѣ иностранныя газеты, славя побѣды, не задолго передъ тѣмъ одержанныя Напо-

леономъ, старались выставить безсиліе Россіи въ борьбѣ съ Турціей и приписывали снятіе осады Силистріи пораженію (будтобы) понесенному княземъ Багратіономъ подъ Татарицею. Императоръ Александръ рѣшился дозволить отступленіе арміи на лѣвую сторону Дуная только тогда, когда, находясь въ Москвѣ, получилъ отъ государственнаго канцлера письмо, въ коемъ графъ Румянцовъ, поборникъ вторженія въ Турцію, наконецъ сознаѣ необходимость отложить дѣйствія до весны 1810 года (43). Письмо канцлера было получено Государемъ 11 (23) декабря, а ан слѣдующій день состоялся указъ на имя князя Багратіона, которымъ было разрѣшено исполнить всѣ его предположенія. Получивъ Высочайшее повелѣніе 24 декабря (5 генваря 1810 г.), Багратіонъ перевелъ войска на лѣвый берегъ Дуная и расположилъ ихъ по квартирамъ въ Молдавіи и Валахіи, кромѣ 15-ти баталіоновъ и 5-ти казачьихъ полковъ, оставленныхъ за Дунаемъ, подъ начальствомъ Каменскаго 1-го. Къ сожалѣнію — Милорадовичъ былъ отозванъ изъ арміи, по доносу, будтобы валахскій бояринъ Филипеско, пользуясь его любовью къ своей дочери, вывѣдывалъ отъ него свѣдѣнія на счетъ нашихъ намѣреній и передавалъ ихъ Туркамъ. Князь Багратіонъ, повѣривъ извѣту, довелъ о томъ до свѣдѣнія Государя и лишился лучшаго изъ своихъ сподвижниковъ. 1809.

Самъ Багратіонъ вскорѣ подвергся той-же участи. Баронъ Гюбшъ, сынъ датскаго повѣреннаго въ Царьградѣ, проѣзжая оттуда въ Петербургъ, чрезъ Шумлу, имѣлъ случай видѣть безпорядки и раздоры отступавшей туда на зиму турецкой арміи, и не сказавъ о томъ ничего въ нашей главной квартирѣ князю Багратіону, сообщилъ все замѣченное имъ графу Румянцову: по словамъ Гюбша, надлежало въ та-

1809. кихъ обстоятельствахъ извлечь несравненно большую пользу изъ средствъ состоявшихъ въ распоряженіи нашего главнокомандующаго. Румянцовъ, сообщивъ дошедшія до него свѣдѣнія Государю, писалъ о томъ-же князю Багратіону, который, находя для себя обиднымъ, что о дѣйствіяхъ его судили по словамъ „мальчишки, неимѣющаго еще никакого понятія". просилъ увольненія отъ занимаемой имъ должности и получилъ на то Высочайшее соизволеніе, въ февралѣ 1810 года. На мѣсто его былъ назначенъ герой Финляндской войны, увѣнчанный свѣжими лаврами, генералъ отъ инфантеріи графъ Николай Михайловичъ Каменскій. Оба они — и Багратіонъ, и Каменскій — слава и гордость Россіи, пользовались довѣріемъ войскъ и уваженіемъ народа: князь Багратіонъ, въ походахъ 1799, 1805 и 1807 годовъ, большею частью находясь въ ближайшихъ къ непріятелю рядахъ, былъ щитомъ русской арміи; Каменскій былъ мечемъ ея на вершинахъ Альповъ и въ тѣснинахъ Балтійскаго прибрежья. Быстрые успѣхи его въ Финляндіи и Швеціи затмили покореніе Браилова и Измаила, и побѣду при Рассеватѣ.. Не мало тоже повредило князю Багратіону назначеніе военнымъ министромъ Барклая де-Толли, вмѣсто графа Аракчеева. По всей вѣроятности, Государь, наскучивъ безпрестанными ссорами Аракчеева съ главнокомандующими и жалобами на него всей арміи, устранилъ его отъ непосредственныхъ сношеній съ войсками. Аракчеевъ, назначенный предсѣдателемъ департамента военно-сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ, въ новомъ государственномъ совѣтѣ, сохранилъ большое вліяніе на войска и распространилъ свою власть на флотъ. Любовь и довѣріе Государя къ нему съ каждымъ днемъ увеличивались. Впрочемъ — едвали онъ самъ былъ доволенъ своимъ

новымъ назначеніемъ: въ оставшейся послѣ него краткой автобіографіи находимъ: „Января 1-го 1810 года. Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу*) послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста Государства“. 1809.

Князь Багратіонъ, человѣкъ весьма хитрый, хотя и щеголявшій своимъ прямодушіемъ, умѣлъ ладить съ Аракчеевымъ, и напротивъ того не пользовался расположеніемъ его преемника.

Еще въ концѣ августа (въ началѣ сентября н. ст.) принцъ Георгій Ольденбургскій, назначенный новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ генералъ-губернаторомъ, съ Августѣйшею своею супругою Великою Княгинею Екатериною Павловною, отправились въ Тверь, гдѣ для нихъ былъ на-скоро отдѣланъ дворецъ. Желая навѣстить юную чету, Государь пріѣхалъ въ Тверь къ 24-му ноября, дню имянинъ великой княгини, и пробылъ тамъ до 5-го декабря. Москва, какъ-бы забытая имъ со времени торжества Коронованія, считала-бы для себя обиднымъ, еслибы Царь, находясь отъ ней такъ близко, не удостоилъ ее Своимъ посѣщеніемъ. Депутатами первопрестольной столицы съ просьбою о томъ къ Государю явились уважаемые всею Россіею люди, сынъ знаменитаго Петрова сподвижника, графъ Иванъ Андр. Остерманъ, и князь Петръ Алексѣев. Голицынъ. Государь отправился, вмѣстѣ съ Великою Кня-

*) Графъ Аракчеевъ вписывалъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ случаяхъ своей жизни на листахъ вклеенныхъ въ Евангеліе, хранившееся въ церкви принадлежавшаго ему села Грузина. Листки эти кѣмъ-то выдраны, но списокъ съ нихъ находится въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства.

1809. гинею и принцемъ супругомъ ея, въ Москву, и прибывъ 6 (18) декабря, въ 9 часовъ утра, къ Петровскому дворцу, остановился, по причинѣ сырости давно нетопленныхъ тамошнихъ покоевъ, въ близъ-лежащемъ загородномъ домѣ отставнаго генералъ-поручика князя Ивана Серг. Барятинскаго. Главнокомандующій въ Москвѣ, фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, встрѣтивъ Государя, возвратился въ городъ, для вторичной встрѣчи Его Величества у заставы. Государь, верхомъ, въ сопровожденіи принца и многочисленной свиты, и Великая Княгиня, въ придворной каретѣ, подъѣхавъ къ заставѣ, были встрѣчены главнокомандующимъ и несмѣтнымъ множествомъ народа. Окруженный густою толпою, Императоръ безпрестанно повторялъ: „берегитесь, берегитесь, чтобы не зашибла лошадь!“ Въ народѣ раздавались крики: „батюшка! Мы на плечахъ и Тебя, и лошадь Твою, понесемъ!“ При вступленіи Государя въ Кремль, восклицанія ура! сопровождавшія его на всемъ шествіи, повторились еще громче и слились съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою въ гулъ, потрясшій всю окрестность. Въ это самое время прибылъ курьеръ съ донесеніемъ о взятіи Браилова. При входѣ въ Успенскій Соборъ Монарха — побѣдителя, митрополитъ московскій Платонъ привѣтствовалъ его, уже въ послѣдній разъ, краткимъ словомъ, а по вступленіи Его Величества въ соборъ, графъ Аракчеевъ прочиталъ реляцію о покореніи Браилова и послѣдовало благодарственное молебствіе, а за тѣмъ Государь, при громѣ пушекъ и неумолкномъ звонѣ колоколовъ, отправился въ Слободской дворецъ, куда къ обѣду приглашены были особы первыхъ двухъ классовъ.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, Императоръ посѣтилъ театръ. Едва лишь онъ показался въ своей

ложѣ, какъ раздалось громкое ура! сопровождаемое 1809.
шумными рукоплесканіями. Въ піесѣ *Старинныя Святки*, когда запѣли арію: *Слава Царю!* всѣ зрители, вставъ съ своихъ мѣстъ и обратясь къ Государю, воскликнули: *Слава нашему Царю!* Весь городъ былъ пышно иллюминованъ.

7 (19), утромъ, Государь ѣздилъ по городу въ саняхъ, и прибывъ около полудня, вмѣстѣ съ Великою Княгинею и принцомъ супругомъ ея, въ Кремль, осматривалъ оружейную палату и арсеналъ. Проѣзжая по одной изъ улицъ, онъ уронилъ платокъ. Народъ бросился стремглавъ къ дорогой добычѣ; многіе, цѣлуя платокъ, говорили Государю: „батюшка! У тебя платковъ много, а Ты у насъ одинъ; пожалуй намъ его“. Когда-же Государь изъявилъ согласіе на эту просьбу, всѣ кинулись на платокъ, изорвали его, и каждый, получившій малѣйшую часть царскаго платка, несъ ее домой, какъ святыню. Вечеромъ Императоръ посѣтилъ балъ дворянскаго собранія, куда стеклось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Тѣснота и жаръ были чрезвычайны. Государь, обратясь къ предводителю дворянства, сказалъ: „здѣсь жарко какъ въ банѣ, а весело какъ въ раю“. Слова эти, передаваемыя изъ устъ въ уста, облетѣли всю залу и привели всѣхъ въ восторгъ. Государь оставался на балѣ до часа по полуночи.

8 (20), утромъ, старшины дворянскаго собранія принесли отъ лица всѣхъ членовъ его благодареніе Государю, который, принявъ ихъ съ обычною ласковостью, изъявилъ желаніе записаться въ члены собранія, на общихъ правилахъ. Въ тотъ-же день, по Высочайшему повелѣнію, были препровождены ключи браиловской крѣпости въ московскую оружейную палату. Государь, посѣтивъ Воспитательный Домъ, возвратился во дворецъ къ обѣду, на кото-

1809. рый, въ числѣ прочихъ, приказано было пригласить и старшинъ дворянскаго собранія; а ввечеру всѣ дворяне получили приглашеніе на балъ во дворцѣ.

9-го (21-го), утромъ, Государь ѣздилъ въ Воспитательный Домъ и въ Голицынскую больницу, а потомъ обѣдалъ у графа Остермана. Вечеромъ—былъ у графа Гудовича, на балу, куда съѣхалось болѣе пяти сотъ человѣкъ. Государь оставался тамъ до двухъ часовъ по полуночи.

10-го (22-го), утромъ, Императоръ посѣтилъ Коммерческое и Александровское училища, а вечеръ провелъ въ маскарадѣ, данномъ купечествомъ въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ было до 3,000 человѣкъ. При входѣ Государя въ залу, его встрѣтили 30 дѣвицъ, отъ 12-ти до 13-ти лѣтъ, дворянскаго и купеческаго сословій, усыпавшія путь его цвѣтами.

11 (23), Государь по утру осматривалъ военные госпитали и казармы. Проѣхавъ въ саняхъ болѣе двадцати верстъ, онъ, вмѣстѣ съ Великою Княгинею и принцемъ супругомъ ея, посѣтилъ московскій университетъ; потомъ, въ 4 часа, обѣдалъ у графа Гудовича, вечеромъ былъ въ театрѣ, а оттуда отправился на Прѣсненскіе пруды, великолѣпно иллюминованные, при несмѣтномъ стеченіи народа.

12 (24), въ день рожденія Государя, былъ съѣздъ при Дворѣ, для принесенія поздравленія Его Величеству. Послѣ литургіи и молебствія, знатнѣйшія особы были приглашены во дворецъ къ обѣденному столу. Вечеромъ во дворцѣ былъ маскарадъ, на который роздано до 20,000 билетовъ, а въ 12-мъ часу ночи, Государь, въ сопровожденіи оберъ-гофмаршала графа Толстаго, въ открытыхъ саняхъ, отправился обратно въ Петербургъ, о чемъ тогда-же возвѣщено жителямъ Москвы пушечными выстрѣлами [44].

Во время пребыванія Императора въ Москвѣ, 1809.
онъ занимался разсмотрѣніемъ проекта о новомъ образованіи государственнаго совѣта, который, будучи составляемъ Сперанскимъ, тогда остававшимся въ Петербургѣ, былъ пересылаемъ Государю, по частямъ, черезъ камердинера Мельникова: такимъ образомъ дѣло оставалось въ глубокой тайнѣ. Проектъ былъ сообщенъ, частнымъ образомъ, сперва только графу Салтыкову, князю Лопухину и графу Кочубею, которые одобрили его, потомъ—государственному канцлеру графу Румянцову, назначенному предсѣдателемъ новаго совѣта, въ случаѣ отсутствія Императора; а по возвращеніи въ Петербургъ Государь прочелъ проектъ и Аракчееву, чтобы изгладить неудовольствіе имъ обнаруженное за скрытность, съ которою вели отъ него это дѣло (45).

Въ первый день генваря 1810 года, въ девять часовъ утра, государственный совѣтъ, по Высочайшему повелѣнію, собрался въ залахъ Зимняго дворца, для присутствія его назначенныхъ. Императоръ Александръ, прибывъ въ залу общаго собранія и повелѣвъ всѣмъ членамъ совѣта занять мѣста по старшинству ихъ чиновъ, открылъ засѣданіе рѣчью *), въ коей, изложивъ цѣль государственнаго совѣта— составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія, сказалъ:

„Все, чтò въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ Мною употреблено, чтобъ установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами. Вы пріемлете

---

*) Эта рѣчь была сочинена Сперанскимъ и Собственноручно исправлена Императоромъ Александромъ. Б. Корфъ. I. 118.

1810. священную обязанность Мнѣ въ семъ содѣйствовать. Предъ Отечествомъ, предъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать. Предъ сими великими именами всѣ личныя уваженія должны исчезнуть. Изочтите милліоны, кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень Моего къ вамъ довѣрія. Уповая на благословеніе Всевышняго, Мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца Моего чувствительной, чтобъ нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда Меня уже не будетъ, истинные сыны Отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при Мнѣ и Моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи“ [46].

За тѣмъ Государь повелѣлъ государственному секретарю прочитать: манифестъ о новомъ образованіи государственнаго совѣта, образованіе его, списокъ членовъ, наименованіе предсѣдателя, государственнаго секретаря, статсъ-секретарей и росписаніе дней присутствія. По окончаніи этого чтенія, Императоръ вручилъ предсѣдателю совѣта, графу Николаю Петровичу Румянцову: 1) проектъ первой части гражданскаго уложенія и 2) планъ финансовъ, для внесенія сихъ дѣлъ въ департаменты совѣта, по принадлежности. По отбытіи Государя, предсѣдатель и члены совѣта подписали установленную присягу [47].

Характеръ новаго совѣта опредѣлялся слѣдующими основаніями: „1) въ порядкѣ государственныхъ установленій, совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской власти; 2) посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первооб-

разныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ, и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію, и 3) никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія Верховной власти". Къ предметамъ занятій совѣта, по законадательной части, были присоединены и другіе, именно: 1) общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 2) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, „когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію"; 3) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ управленія, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіи года и чрезвычайныя финансовыя мѣры; 4) всѣ дѣла по отчужденію какихъ-либо государственныхъ имуществъ въ частное владѣніе и о вознагражденіи частныхъ людей за имущества ихъ, поступившія на государственныя нужды. и 5) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи ввѣренными имъ частями. 1810.

Вмѣсто одного нераздѣльнаго присутствія, положеннаго по указу 1801 года, совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: 1) законовъ. 2) дѣлъ военныхъ, 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, и 4) государственной экономіи. Предсѣдателями трехъ первыхъ назначены бывшіе министры: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и графъ Завадовскій, а департамента государственной экономіи — графъ Мордвиновъ. Въ общемъ собраніи, предсѣдательство Императоръ предоставилъ себѣ: въ отсутствіе-же его. мѣсто предсѣдателя долженъ былъ занимать одинъ изъ членовъ, по Высочайшему назначенію. Это назначеніе полагалось возобновлять ежегодно, а рас-

1810. предѣленіе членовъ по департаментамъ — каждые полгода. Для производства дѣлъ совѣта была учреждена государственная канцелярія, изъ статсъ-секретарей, докладывающихъ въ департаментахъ, подъ главнымъ управленіемъ государственнаго секретаря, докладывающаго въ общемъ собраніи, представляющаго журналы совѣта на Высочайшее усмотрѣніе и завѣдывающаго всею исполнительною частью ([48]).

При государственномъ совѣтѣ учреждены: 1) *Коммисія Законовъ*, для составленія проектовъ законовъ и внесенія ихъ въ совѣтъ, и 2) *Коммисія Прошеній*, для принятія и предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на департаменты сената и на министерства, и для представленія ихъ въ совѣтъ ([49]).

Предсѣдателемъ совѣта, въ отсутствіи Государя, на первый годъ былъ назначенъ, какъ уже сказано, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ; государственнымъ секретаремъ Сперанскій; членовъ, вмѣстѣ съ предсѣдателями департаментовъ и съ министрами, (на основаніи учрежденія — членами совѣта, по ихъ званію), было тридцать пять ([50]). Въ послѣдующіе-же годы царствованія Александра I былъ назначенъ еще 41 членъ совѣта ([51]). Для присутствій департаментовъ и общихъ собраній были установлены положенные дни. Въ прежнемъ совѣтѣ Императоръ Александръ присутствовалъ только однажды, именно 16 мая 1801 года, при сужденіяхъ о непродажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли, а въ новомъ совѣтѣ: въ 1810 году, при разсмотрѣніи плана финансовъ, и въ 1811 году, въ четырехъ засѣданіяхъ, при обсужденіи проекта „Учрежденіе правительствующаго и судебнаго сената“, разрѣшая разномыслія членовъ совѣта и соглашаясь по преимуществу съ мнѣніемъ большинства его. Что-же касается до прочихъ дѣлъ, по коимъ возникало разногласіе, то изъ 242 такихъ

дѣлъ, Императоръ утвердилъ заключеніе большинства голосовъ по 159-ти и меньшинства по 83-мъ дѣламъ: изъ числа послѣднихъ было 4, по коимъ онъ согласился съ мнѣніемъ одного лишь члена совѣта. Бывали также примѣры, впрочемъ довольно рѣдкіе, что, по суднымъ гражданскимъ дѣламъ, Александръ утверждалъ заключеніе сената, или департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, противъ мнѣній общаго собранія совѣта. По дѣламъ уголовнымъ, онъ нерѣдко измѣнялъ заключенія совѣта, смягчая опредѣленныя наказанія, освобождая отъ денежныхъ взысканій, и проч. Въ особенности-же было безпредѣльно милосердіе Государя въ дѣлахъ объ оскорбленіи его самаго дерзкими словами: въ дѣлахъ сего рода не было иной резолюціи, кромѣ „простить“, и только по одному дѣлу въ 1816 году послѣдовала на заключеніи совѣта, по которому подсудимый былъ приговоренъ къ установленному въ законахъ наказанію, Высочайшая конфирмація: „быть по сему, единственно въ наказаніе за богохульныя слова, прощая его совершенно въ словахъ произнесенныхъ на Мой счетъ“ ([52]). 1810

Одновременно съ преобразованіемъ государственнаго совѣта были назначены новые министры: Барклай де-Толли, Дмитріевъ, графъ Разумовскій и графъ Гурьевъ. Замѣчательно, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ предстоявшихъ перемѣнъ, и даже прежніе министры узнали о томъ только наканунѣ новаго года, дня, въ который послѣдовало ихъ увольненіе.

Военнымъ министромъ былъ назначенъ главнокомандующій Финляндскою арміей Барклай де-Толли. Нѣмецъ, сынъ ревельскаго купца, онъ, высокимъ умомъ, благородствомъ характера, геройскимъ мужествомъ, пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ, и даже враговъ

1810. своихъ. Съ перваго дня своего вступленія въ должность министра, онъ показалъ твердость духа, не согласился подчинить себя Аракчееву, пожелалъ такой-же власти, какою пользовался его предмѣстникъ, и не употребилъ ее во зло, дѣйствуя съ благоразуміемъ и умѣренностью.

Извѣстный лично Государю, еще въ то время когда Александръ Павловичъ, Наслѣдникъ престола, былъ шефомъ Семеновскаго полка, гвардіи капитанъ Дмитріевъ, въ послѣдствіи оберъ-прокуроръ и потомъ сенаторъ, былъ вызванъ изъ Москвы для занатія должности министра юстиціи. Землякъ и другъ Карамзина, знаменитый поэтъ. Дмитріевъ былъ однимъ изъ тѣхъ Русскихъ, которые, кромѣ особаго дарованія свыше имъ ниспосланнаго, способны ко всему. Дмитріевъ, отличный офицеръ, любимый и уважаемый товарищами, выйдя въ отставку, былъ въ началѣ царствованія Павла, по какому-то недоразумѣнію, арестованъ, но на другой-же день, призванный въ кабинетъ Императора, восхитилъ его мужественною красотою, покорностью Монаршей волѣ и смѣлостью невинности. Императоръ Павелъ назначилъ отставнаго полковника прямо въ оберъ-прокуроры сената. Дмитріевъ, никогда не помышлявшій о судебной части, долженъ былъ заняться ею, и съ его умомъ, съ его любовью къ справедливости, сдѣлался украшеніемъ нашей юстиціи.

Новый министръ просвѣщенія, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, бывшій попечитель московскаго университета, обязанъ былъ своимъ выборомъ посѣщенію Государемъ Москвы. Всѣ трое сыновей вышедшаго изъ ничтожества, но оправдавшаго своими достоинствами благосклонность Фортуны, Кирилла Григорьевича, получили воспитаніе за границею: одинъ изъ нихъ Андрей былъ извѣстнымъ ди-

пломатомъ, а прочіе Григорій и Алексѣй предались 1810.
наукамъ — первый Минералогіи, послѣдній Ботаникѣ. Несмѣтное богатство, доставшееся имъ послѣ отца, хотя и не послужило въ пользу горячо любимымъ ими предметамъ, однакоже дало имъ средства удовлетворить собственную любознательность. Подмосковное имѣніе графа Алексѣя Кириловича, Горенки, сдѣлалось хранилищемъ самыхъ рѣдкихъ растеній, среди которыхъ онъ проводилъ время, пока его назначили сперва попечителемъ университета, и потомъ министромъ.

Графъ Гурьевъ, съ 1805 года, управлявшій вѣдомствомъ удѣловъ, получилъ министерство финансовъ, вмѣсто Голубцова, по вліянію Сперанскаго, и руководился его соображеніями, которыя были гораздо лучше его собственныхъ; но, не смотря на общее сомнѣніе въ его способностяхъ, благодаря своей ловкости и связямъ, долго удерживался на своемъ мѣстѣ и по паденіи Сперанскаго.

Изъ прежнихъ министровъ также вскорѣ замѣщенъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, будучи посланъ въ мартѣ 1810 года въ Парижъ, (гдѣ въ то время былъ посломъ братъ его Александръ Борисовичъ), для присутствія при торжествахъ бракосочетанія Наполеона съ Маріею-Луизой. Назначенный для исправленія должности министра внутреннихъ дѣлъ, Осипъ Петровичъ Козодавлевъ сохранилъ это званіе и по возвращеніи князя Куракина. Министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго отошли многія части къ другимъ управленіямъ, сдѣлалось до того тщедушнымъ, что самъ Куракинъ отъ него отказался. Преемникъ его, человѣкъ чрезвычайно добрый и уступчивый, управлялъ министерствомъ до кончины своей, въ 1819 году. Его дѣятельность преимущественно была устремлена на ма-

1810. нуфактурную промышленность, которую, при господствовавшей тогда запретительной системѣ, онъ старался развить всѣми возможными средствами (53).

За этими перемѣнами министровъ послѣдовали въ 1811 году преобразованія министерствъ. Но прежде изложенія ихъ, обратимся къ событіямъ турецкой войны, ознаменовавшимъ командованіе арміями графа Каменскаго и Кутузова.

ГЛАВА XXV.

Дѣйствія противъ Турокъ графа Каменскаго и Кутузова.

(1810—1811 г.).

Въ февралѣ 1810 года, Императоръ Александръ ввѣрилъ начальство надъ Молдавскою арміей графу Николаю Михайловичу Каменскому 2-му. На тридцать пятомъ году отъ рода, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, осыпанный знаками отличій, удостоенный довѣріемъ Монарха, любимый войсками, уважаемый въ народѣ, Каменскій, баловень Фортуны, изнемогалъ отъ тѣлесныхъ страданій, сдѣлался своенравнымъ и раздражительнымъ. Назначеніе его главнокомандующимъ было радостно встрѣчено всѣми. Политическія обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, настоятельно требовали прекращенія войны съ Турціей: отношенія нашего правительства къ Наполеону день ото дня болѣе угрожали разрывомъ съ Франціей; надлежало намъ готовиться къ борьбѣ за собственную безопасность. Вѣрнѣйшимъ-же средствомъ къ достиженію мира съ Турками, на желаемыхъ нами условіяхъ, было развитіе вооруженныхъ силъ. Молдавская армія считала въ рядахъ своихъ отъ 75,000 до 80,000 человѣкъ (1), и сверхъ того должна 1810.

1810. была придти на Дунай, изъ бывшей арміи князя Голицына. 10-я дивизія, Левиза, въ числѣ, до 7,000 человѣкъ.

Главныя черты инструкціи, данной графу Каменскому, при отъѣздѣ его изъ Петербурга, заключались въ слѣдующемъ: 1) Изъ 85,000 человѣкъ Молдавской арміи, употребить 40,000 для наступательныхъ дѣйствій за Дунаемъ, 25,000 для гарнизоновъ по крѣпостямъ и занятія Княжествъ, и 20-ти-тысячный резервный корпусъ, расположенный въ Бухарестѣ, для прикрытія арміи съ праваго фланга. 2) Стараться возбудить къ возстанію Сербовъ. 3) Переправясь черезъ нижній Дунай, прежде разлитія водъ, и устроивъ предмостное укрѣпленіе для склада запасовъ, отрядить одинъ корпусъ для наблюденія Силистріи и другой — къ берегамъ Чернаго моря; главными-же силами поспѣшно занять Балканы и послать легкія войска къ Адріанополю. 4) Резервному корпусу вести правильную осаду Журжи и по взятіи сей крѣпости переправиться черезъ Дунай для охраненія арміи съ тыла. 5) Черноморскому флоту бомбардировать Варну и не дозволять Туркамъ дѣлать высадки. Впрочемъ Императоръ Александръ, поставя себѣ правиломъ предоставлять главнокомандующимъ арміями полную свободу дѣйствій, разрѣшилъ Каменскому дѣйствовать по собственному усмотрѣнію (2).

Въ политическомъ отношеніи, были сообщены главнокомандующему весьма подробныя наставленія, касательно условій мира, требуемыхъ отъ Порты. Императоръ Александръ желалъ: 1) присоединенія къ Россіи княжествъ Молдавіи, Большой и Малой Валахіи и Бессарабіи; 2) признанія Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи принадлежащими Россійской Имперіи, а равно уступки города Анапы и

крѣпостцы Поти; 3) независимости Сербовъ; 4) свободнаго пропуска русскихъ судовъ чрезъ Константинопольскій проливъ и Дарданеллы, и наконецъ 5) въ вознагражденіе за убытки 20 милліоновъ піастровъ ($4^1/_2$ милліона рубл. серебр.) ([3]). 1809

Графъ Каменскій, получивъ соизволеніе Государя — высказать свое мнѣніе, по прибытіи на театръ дѣйствій, на счетъ проекта мирныхъ условій, сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Признавая пользу пріобрѣтенія Молдавіи и восточной части Валахіи, онъ полагалъ, что присоединеніе къ Россіи Малой Валахіи былобы неудобно: во 1-хъ, потому что, приблизивъ насъ къ виддинскому пашалыку, гнѣзду разбойниковъ, заставило-бы Россію содержать для обузданія ихъ значительныя силы, и во 2-хъ, возбудило-бы зависть и недоброжелательство къ намъ Австріи. Каменскій находилъ наиболѣе выгодною границею теченіе Ольты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, писалъ, что полезно было-бы намъ, уступивъ Малую Валахію Австріи, получить отъ ней въ замѣнъ Буковину, гораздо меньшую и менѣе населенную область *). Онъ предложилъ отказаться отъ военной контрибуціи, которую Порта не могла заплатить намъ по скудости своихъ финансовъ. По словамъ его, недостатокъ въ деньгахъ и хлѣбѣ почти во всей Турціи и въ самомъ Константинополѣ былъ чрезвычайный, и потому невозможность удовлетворить нашему требованію заставила-бы Турокъ продолжать войну до крайности ([4]).

Главнокомандующій, по прибытіи въ Яссы, 12 (24) марта, извѣстилъ войска о принятіи надъ ними начальства приказомъ, въ которомъ говорилъ о сво-

*) Императоръ Александръ раздѣлялъ мнѣніе графа Каменскаго о Малой Валахіи и повелѣлъ предложить Австріи обмѣнъ этой области на Буковину, но вѣнскій дворъ отклонилъ это предложеніе.

1810. ихъ побѣдахъ въ Финляндіи, настоятельно требовалъ себѣ довѣрія и обѣщая награды, строго угрожалъ наказаніями. Не того ожидала армія, уже нѣсколько лѣтъ мужественно переносившая труды и лишенія. Надменныя выраженія приказа, холодный, гордый пріемъ Каменскимъ генераловъ, изъ коихъ нѣкоторые, за два или три года предъ тѣмъ, были его начальниками, произвели тяжкое впечатлѣніе на ближайшихъ сподвижниковъ главнокомандующаго. На слѣдующій день, онъ приказалъ растрѣлять нѣсколькихъ солдатъ за побѣгъ къ Туркамъ. Тогда-же было разрѣшено полковымъ командирамъ гонять нижнихъ чиновъ сквозь строй, до трехъ разъ чрезъ тысячу человѣкъ, не предавая виновныхъ суду. Въ недоступномъ, жестокомъ военачальникѣ неузнавала армія обожаемаго войсками героя Финляндіи.

Не имѣя возможности немедленно открыть дѣйствія, за недостаткомъ подножнаго корма, Каменскій ограничился размѣщеніемъ войскъ и пріисканіемъ средствъ къ подвозу продовольствія и боевыхъ припасовъ. Армія была роздѣлена на нѣсколько корпусовъ и отрядовъ. Графъ Цукато, съ отрядами Исаева въ Малой Валахіи, Ермолова у Журжи и Назимова у Турны, былъ оставленъ на лѣвой сторонѣ Дуная. Резервы и гарнизоны крѣпостей подчинены Олсуфьеву. Корпусъ Засса долженъ былъ перейти черезъ Дунай и обратиться къ Рущуку; корпусъ Ланжерона — осадить Силистрію и прикрыть главную армію справа; корпусу графа Каменскаго 1-го, зимовавшему къ Гирсовѣ — поручено прикрыть армію съ лѣваго фланга, двигаясь на Базарджикъ. Главнымъ-же силамъ, въ числѣ до 25,000 человѣкъ, съ 72-мя орудіями, назначено переправиться у Гирсова и идти къ Шумлѣ (5). Императоръ Александръ одобрилъ предположенія главнокомандующаго (6), но

настаивалъ, чтобы Турки при заключеніи мира согласились заплатить военную контрибуцію (7). 1810.

Снабженіе арміи жизненными запасами было обезпечено тремя линіями складочныхъ пунктовъ и подвижнымъ магазиномъ, состоявшимъ по частямъ въ распоряженіи полковъ, которые были обязаны постоянно имѣть при себѣ двадцати-дневный запасъ провіанта и фуража (8). Войскамъ дозволено брать съ собою значительные обозы (9).

Въ концѣ апрѣля (въ первой половинѣ мая), когда вода въ Дунаѣ уже начала прибывать, Каменскій, собравъ къ Гирсову главныя силы и обезпечивъ ихъ провіантомъ на сорокъ дней, перевелъ ихъ на правую сторону Дуная, съ 10-го по 14-е (съ 22-го по 26-е) мая, и выслалъ авангардъ, подъ начальствомъ Кульнева, по дорогѣ къ Черноводѣ. Небольшой авангардъ генералъ-маіора Штетера долженъ былъ занять островъ противъ Силистріи и прикрыть шедшую позади себя осадную артиллерію; главныя-же силы двинулись 14-го (26-го) къ Карасу и тамъ соединились съ корпусомъ Каменскаго 1-го, котораго отрядъ, между тѣмъ, занялъ Мангалію. Главнокомандующій, получивъ свѣдѣніе, что Пегливанъ собралъ значительный корпусъ въ Базарджикѣ и окопался тамъ, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Шумлы, поручилъ немедленно атаковать его своему брату, усиленному войсками Маркова: въ обоихъ корпусахъ было 14,000 человѣкъ пѣхоты и 4,700 кавалеріи съ 36-ю орудіями, не считая легкой артиллеріи, размѣщенной по полкамъ (10). 21 мая (2 іюня), графъ Каменскій 1-й, подойдя къ Базарджику, рѣшился штурмовать крѣпость на слѣдующій день. „А какъ обыкновенно—писалъ онъ—таковые штурмы всегда чинятся по ночамъ, о чемъ и Турки сами извѣстны, то я, для рѣдкости вещи, разсудилъ лучше тотъ

1810. штурмъ произвесть въ самый день, въ такое время, чтобы они не ожидали вовсе нашего наступленія." 22-го (3-го іюня), русскія войска, въ свѣтлый майскій день, атаковали крѣпость и послѣ кровопролитнаго боя на валахъ и въ улицахъ овладѣли ею, истребивъ большую часть гарнизона и взявъ въ плѣнъ 2,057 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ самъ Пегливанъ; 17 орудій и 68 знаменъ достались побѣдителямъ. Уронъ нашъ состоялъ въ 160-ти убитыхъ и 700 раненыхъ ([11]). ИмператоръАлександръ пожаловалъ всѣмъ генераламъ и офицерамъ, бывшимъ на штурмѣ Базарджика, особые на сей случай установленные золотые кресты, а нижнимъ чинамъ серебряныя медали на георгіевской лентѣ ([12]). Графъ Каменскій 1-й былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а графу Каменскому 2-му пожалованъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени.

Самъ главнокомандующій, одновременно съ движеніемъ своего брата, повелъ армію къ Силистріи и 21 мая (2 іюня) расположился въ 12-ти верстахъ отъ этой крѣпости. Тогда-же поднималась вверхъ по Дунаю наша флотилія, а за рѣкою бѣлѣлись палатки Штетера. На слѣдующій день русскія войска обложили Силистрію, а въ ночи заложены 5 редутовъ и батарея въ 350-ти саженяхъ отъ крѣпости. Генералъ Штетеръ устроилъ осадныя батареи на лѣвомъ берегу и на острову противъ крѣпости. Получивъ отказъ въ сдачѣ, Каменскій дѣятельно продолжалъ осадныя работы и 26-го (7-го іюня) поутру открылъ бомбардированіе со всѣхъ батарей и флотиліи. Въ продолженіи дня выпущено до 5,000 ядеръ и бомбъ, взорванъ пороховой магазинъ и разрушена стѣна цитадели. 27-го (8-го іюня) осаждающіе приблизились къ крѣпости на полтораста сажень. Каменскій предполагалъ продолжать подступы, пробить

брешъ и штурмовать крѣпость, но Турки, устрашенные быстрыми успѣхами осады, подписали капитуляцію, 30-го (11-го іюня), получивъ разрѣшеніе выступить въ Шумлу. Въ крѣпости найдено: 40 знаменъ, 190 орудій, 500 бочекъ пороха, 560 патронныхъ ящиковъ и 70,000 патроновъ. Графъ Каменскій, дозволивъ гарнизону свободно выступить, писалъ Государю: „Десять дней времени для меня важнѣе, нежели опасенъ гарнизонъ, состоящій большею частью изъ обывателей, неумѣвшихъ за стѣнами и рвами защищать свои домы....“ (13). 1810.

Неменѣе успѣшны были дѣйствія Засса и Сабанѣева. Первый, переправясь черезъ Дунай на паромахъ, овладѣлъ Туртукаемъ, 25-го мая (6-го іюня). Между тѣмъ, Каменскій, узнавъ о появленіи турецкой конницы на дорогѣ изъ Разграда къ Рущуку, выслалъ противъ нее два отряда: одинъ, Сабанѣева, изъ подъ Силистріи, а другой, Сандерса, изъ Туртукая. Въ обоихъ было 4,500 человѣкъ пѣхоты и 1,400 кавалеріи (14). Сабанѣевъ и Сандерсъ, соединившись на походѣ, овладѣли 5 (17) іюня укрѣпленіями Разграда и заставили занимавшихъ его Турокъ, въ числѣ до 3.000 человѣкъ, положить оружіе. Въ городѣ было до 8,000, большею частью вооруженныхъ, гражданъ.

Взятіе русскими войсками Силистріи поколебало твердость верховнаго визиря и заставило его предложить перемиріе. Каменскій согласился прекратить военныя дѣйствія только на четыре дня, въ продолженіи коихъ надѣялся открыть ближайшую связь съ войсками своего брата, посланными къ Базарджику, и съ Сабанѣевымъ отряженнымъ къ Разграду (15). Желая побудить Турокъ къ миру, онъ, сообщивъ визирю вкратцѣ наши главныя требованія, согласно съ полученною въ Петербургѣ инструк-

1810. ціей, не упомянулъ — ни о континентальной системѣ, ни о высылкѣ англійскаго посольства изъ Царьграда: такимъ образомъ выказалось охлажденіе союза между Россіею и Франціей. Не выжидая отвѣта, Каменскій, на слѣдующій день по взятіи Силистріи, выступилъ къ Шумлѣ: за авангардомъ генералъ-адъютанта Уварова слѣдовали: отъ Силистріи корпусы Раевскаго, Эссена и Левиза, отъ Базарджика — корпусы графа Каменскаго и Маркова и отъ Разграда отрядъ Собанѣева. Въ тылу арміи остались: корпусъ графа Ланжерона въ Силистріи, до выступленія оттуда турецкаго гарнизона и для постройки моста; отрядъ Цызырева у Варны и корпусъ Засса у Рущука, для осады этой крѣпости; къ нему были отправлены нѣсколько полковъ корпуса Ланжерона, а равно осадная артиллерія и флотилія изъ подъ Силистріи. 7 (19) іюня, главнокомандующій, расположась въ тридцати верстахъ отъ Шумлы и получивъ отъ визиря отказъ на предложенныя условія мира, рѣшился атаковать его. Послѣ рекогносцировки, произведенной генералъ-квартирмейстеромъ Фридерици, Каменскій, увѣренный въ успѣхѣ, возвѣстилъ о томъ арміи слѣдующимъ приказомъ: „Мы предлагали Оттоманской Портѣ миръ. Вѣроломные Мусульмане, не смотря на свою слабость и на повсемѣстное пораженіе ихъ храбрымъ воинствомъ нашимъ, дерзнули оный отвергнуть. Послѣзавтрашній день назначенъ днемъ мщенія и наказанія ихъ за таковую дерзость. Послѣзавтра, не смотря ни на какія препоны, Шумла должна быть взята и вѣроломное войско великаго визиря истреблено“ ([16]). Войска наши, приблизясь къ Шумлѣ, двинулись противъ непріятеля, 11 (23) іюня: Левизъ, съ 6,000 человѣкъ, по дорогѣ отъ Разграда; самъ главнокомандующій, съ 16,000 человѣкъ, отъ Силистріи

и графъ Каменскій, съ 13,000 человѣкъ, со стороны 1810.
Янибазара. Нападеніе Левиза на высоту противъ нашего праваго крыла, занятую непріятелемъ, не поддержанное прочими войсками, не имѣло успѣха. Каменскій изъявилъ неудовольствіе своему брату, а равно генераламъ Левизу и Раевскому: послѣдній, позволившій себѣ насмѣшки надъ приказомъ о будущемъ покореніи Шумлы, былъ посланъ для принятія начальства надъ резервами въ Дунайскихъ княжествахъ, на мѣсто Олсуфьева, которому велѣно прибыть въ главную квартиру. На слѣдующій день, 12 (24), сраженіе возобновилось на высотѣ, противъ нашего праваго крыла, и продолжалось до вечера, столь же неудачно. Уронъ нашъ въ оба дня простирался до 700 человѣкъ; въ числѣ убитыхъ былъ генералъ-маіоръ Попандопуло, отличившійся подъ начальствомъ адмирала Сенявина на Іоническихъ островахъ. Неуспѣвъ вытѣснить визиря изъ его позиціи, Каменскій расположилъ армію на путяхъ ведущихъ изъ Шумлы къ Царьграду, надѣясь голодомъ побудить Турокъ къ сдачѣ ([17]). Но старый Юсуфъ-паша, оставаясь въ Шумлѣ и ограничиваясь вылазками, сохранялъ сообщеніе чрезъ лазутчиковъ съ жителями окрестныхъ областей и возбуждалъ ихъ къ вооруженію. Диванъ, съ своей стороны, принялъ чрезвычайныя мѣры для поданія помощи арміи. Условія, предложенныя нашимъ правительствомъ, были объявлены въ мечетяхъ, выставлено Магометово знамя и вызваны пожертвованія въ защиту исламизма. Русская армія, растянутая на 80 верстъ, томимая зноемъ, получала съ трудомъ подвозы, перехватываемые вооруженными жителями, и таяла отъ повальныхъ болѣзней. Наконецъ, когда Туркамъ удалось, въ ночи на 28 іюня (на 10 іюля), провести въ Шумлу большой транспортъ и обез-

1810. печить армію продовольствіемъ на цѣлый мѣсяцъ, визирь извѣстилъ графа Каменскаго, что Порта никогда не согласится принять предложенныя ей условія.

Дѣйствія наши противъ турецкихъ крѣпостей, въ тылу главной арміи, были стольже безуспѣшны. Цызыревъ, потерявъ надежду овладѣть Варною, коей гарнизонъ получалъ подкрѣпленія и запасы съ моря, удалился отъ крѣпости. Гарнизонъ Рущука, простиравшійся вмѣстѣ въ вооруженными жителями до 20,000 человѣкъ, подъ начальствомъ мужественнаго Бошнякъ-аги, ежедневно дѣлалъ вылазки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бошнякъ, войдя въ сношенія съ прочими начальниками Турокъ, убѣдилъ Кушанецъ-пашу собрать войска на Янтрѣ для дѣйствія въ тылъ Зассу и на сообщенія его съ главною арміей; эти скопища были разсѣяны два раза: въ первый, 27 іюня (9 іюля) полковникомъ Циммерманомъ, и вторично, 12 (24) іюля, генералъ-маіоромъ Бахметьевымъ. Между тѣмъ, Зассъ, подойдя апрошами къ крѣпости и разрушивъ южный бастіонъ, рѣшился штурмовать его и былъ отбитъ съ урономъ 600 человѣкъ. Дѣла въ Малой Валахіи также приняли неблагопріятный для насъ оборотъ.

Главнокомандующій, убѣдясь въ невозможности овладѣть Шумлою, рѣшился принять новый планъ дѣйствій. Оставя своего брата, съ 18.000 человѣкъ, на дорогѣ въ Силистрію въ восьми верстахъ отъ Шумлы, для наблюденія за арміей визиря, Воинова съ 8,000 человѣкъ, у Козлуджи, для прикрытія съ лѣваго фланга войскъ Каменскаго 1-го и для наблюденія Варны, и Ланжерона, съ 5.000, у Разграда, главнокомандующій двинулся съ 10.000 человѣкъ къ Рущуку, чтобы, усиливъ корпусъ Засса до 20,000 человѣкъ, овладѣть Рущукомъ и Журжею,

и потомъ, оставя, для прикрытія съ праваго фланга, небольшой отрядъ, идти съ 15-ти-тысячнымъ корпусомъ чрезъ Тырново къ Балканамъ ([18]). 1810.

Императоръ Александръ былъ недоволенъ отступленіемъ Каменскаго отъ Шумлы. По мнѣнію Государя, оно подавало визирю поводъ считать себя побѣдителемъ. Императоръ полагалъ, что главнокомандующему слѣдовало самому остаться подъ Шумлою, гдѣ присутствіе его имѣло-бы вліяніе на визиря, и гдѣ, находясь въ центрѣ дѣйствій, онъ могъ-бы удобнѣе управлять арміею.

6 (18) іюля, Каменскій, приказавъ срыть укрѣпленія подъ Шумлою и отправя обратно подъ Рущукъ осадныя орудія, выступилъ туда-же самъ, съ 7,500 человѣкъ пѣхоты и 2,540 конницы; 9 (21), онъ, приблизясь къ Рущуку, оставилъ отрядъ Кульнева, для прикрытія своего тыла, а самъ съ прочими войсками подошелъ къ крѣпости парадно съ музыкою, соединился съ Зассомъ и потребовалъ сдачи, но Бошнякъ-ага рѣшился обороняться до послѣдней крайности, несмотря на то, что осадныя работы подвигались довольно успѣшно и уже была заложена вторая параллель. По прибытіи Каменскаго, бомбардированіе и канонада съ батарей и флотиліи усилились. Нѣсколько разъ происходили въ городѣ пожары. На случай приступа, въ нашемъ лагерѣ, вязали фашины и готовили лѣстницы. Турки, съ своей стороны, по ночамъ исправляли обрушавшіеся валы и работали даже подъ нашими выстрѣлами. Надлежало повременить нѣсколько дней до пробитія бреши; но Каменскій, снѣдаемый нетерпѣніемъ вознаградить время напрасно потерянное подъ Шумлою, полагалъ, что дѣйствіемъ нашей артиллеріи достаточно были повреждены стѣны крѣпости и что уже можно было штурмовать ее и безъ бреши. Для приступа назна-

1810. ченъ день — 18 (30) августа; но проливные дожди заставили отложить роковое предпріятіе до 22-го (3-го сентября), дня тезоименитства вдовствующей Императрицы; а между тѣмъ ночью вымѣряли ровъ вызвавшіеся на сей подвигъ капитанъ Таль и поручикъ Фигнеръ — потомъ славный партизанъ въ Отечественной войнѣ. Предпринимая штурмъ, Каменскій однакоже несобралъ военнаго совѣта и совершенно положился на начальника инженеровъ генералъ-маіора Гартинга, ручавшагося въ успѣхѣ. Напрасно артиллеріи генералъ-маіоръ Сиверсъ и подполковникъ Мишò, оба̀ отличные военные люди, испросивъ у главнокомандующаго позволеніе быть принятыми имъ на-единѣ, старались убѣдить его не отваживаться на приступъ; напрасно говорили ему, что стоило только выждать успѣха осадныхъ работъ. Каменскій запретилъ имъ повторять свои представленія.

Войска наши, въ числѣ 17,300 человѣкъ пѣхоты и 2,300 кавалеріи и казаковъ, не считая отряда Кульнева, прикрывавшаго армію съ тыла, были раздѣлены на пять колоннъ, подъ начальствомъ: Засса, Олсуфьева, Эссена, Уварова и Бердяева; послѣдняя назначалась для ложной атаки [19]. Впереди колоннъ велѣно идти стрѣлкамъ и рабочимъ съ лѣстницами и фашинами, и кромѣ того въ каждой колоннѣ было по 200 человѣкъ съ топорами и лопатами, не оставлявшихъ своихъ ружей. Вся пѣхота, для облегченія людей, была безъ тесаковъ. Съ наступленіемъ ночи, войска получили приказаніе идти на сборныя мѣста, соблюдая величайшую тишину, и залечь въ 60-ти саженяхъ отъ вала, въ ожиданіи сигнальной ракеты. Запрещено стрѣлять, пока взойдутъ на валъ, и приказано оставаться на валѣ до совершеннаго очищенія его отъ непріятельскихъ войскъ, и пока не бу-

дутъ устроены на немъ наши батареи. Назначены мѣста для карауловъ. Предписано щадить безоружныхъ непріятелей, женщинъ и дѣтей. Флотиліи—велѣно приблизиться къ крѣпости и стрѣлять по батареямъ, а Ермолову вести ложную атаку на Журжу. 1810.

Бошнякъ-ага черезъ переметчиковъ зналъ намѣреніе нашего главнокомандующаго и готовился къ сильному отпору. Въ продолженіи всей ночи были освѣщены минареты и въ мечетяхъ совершалось богослуженіе; при свѣтѣ фонарей чинили обвалы и разставляли войска. Распоряженія непріятеля были извѣстны Каменскому, но не отклонили его отъ дерзкаго предпріятія.

Въ три часа ночи на 22-е іюля, (на 3-е августа), взвилась сигнальная ракета. Войска мгновенно вскочили съ земли, быстро построились, безъ выстрѣла спустились въ ровъ и, осѣнивъ себя знаменіемъ креста, стали взбираться на валъ. Многія лѣстницы оказались коротки, но, отважные охотники, опираясь на штыки и подсаживая другъ друга, сбили непріятеля съ вала, а охотники, шедшіе впереди колонны Щербатова *), не смотря на потерю своего начальника, раненаго въ грудь пулею, спустились въ крѣпость. Въ это самое время, гарнизонъ сдѣлалъ нѣсколько вылазокъ чрезъ потерны въ ровъ и атаковалъ съ тыла войска взлѣзавшія на валъ, которыя, тогда-же, будучи встрѣчены огромными толпами Турокъ, были принуждены отступить на контрэскарпъ и оттуда перестрѣливались съ непріятелемъ. Поражая ихъ убійственнымъ огнемъ, Турки кидали въ ровъ бревна и каменья на штурмовавшихъ валъ, таскали ихъ желѣзными крючьями и рѣзали саблями и кинжалами. Начальникъ одной изъ колоннъ графъ

*) Князь Алексѣй Григ. въ послѣдствіи генералъ отъ инфантеріи.

1810. Сиверсъ *) поспѣшилъ лично доложить главнокомандующему о необходимости прекратить неудавшееся покушеніе. „Поведите вашъ резервъ сами на штурмъ, покажите примѣръ, и мы возьмемъ крѣпость", отвѣчалъ Каменскій. Тогда-же всѣ резервы были введены въ дѣло. Русскія войска, поражаемыя картечью, кидались въ ровъ, лѣзли на валъ и гибли. Графъ Сиверсъ палъ, пораженный нѣсколькими пулями. Начальники войскъ извѣщали Каменскаго о бѣдственномъ положеніи своихъ частей, но онъ, считая эти донесенія преувеличенными, повторялъ приказаніе—штурмовать крѣпость. Наконецъ, уже въ 8 часовъ, велѣно отступать. Войска возвратились на прежнія мѣста, не будучи преслѣдуемы Турками. Уронъ нашъ простирался убитыми до 3,115-ти и ранеными до 5,360-ти человѣкъ, всего-же до 8,475 человѣкъ; слѣдовательно мы потеряли почти половину людей бывшихъ въ дѣлѣ. Въ числѣ раненыхъ были: генералы: Бахметьевъ **) и Сандерсъ ([20]).

Главнокомандующій, въ первомъ пылу гнѣва за неудачу, въ которой, по справедливости, не могъ обвинять никого, кромѣ себя, изъявилъ свое неудовольствіе войскамъ въ приказѣ, упрекая ихъ въ недостаткѣ усердія и въ безотчетномъ испугѣ ([21]). Въ донесеніи Государю, Каменскій писалъ, что, потерявъ довѣренность къ своимъ войскамъ, проситъ увольненія отъ начальства арміей. Тогда-же онъ сообщилъ Румянцову, что состоящія въ его распоряженіи силы недостаточны для побужденія Порты къ такому миру, какого желалъ Императоръ Александръ ([22]). Участники бѣдственнаго штурма единогласно говорятъ, что обвиненія Каменскаго были не-

*) Графъ Яковъ Карловичъ.

**) Алексѣй Николаевичъ, въ послѣдствіи генералъ отъ инфантеріи.

основательны, и что никогда наши войска не шли въ дѣло съ большею отвагою. „Мы всѣ идемъ въ охотники“! отвѣчали въ одинъ голосъ солдаты Шлиссельбургскаго и Староингерманландскаго полковъ при вызовѣ впередъ охотниковъ. 1810.

Получивъ донесеніе объ отбитомъ штурмѣ, Императоръ Александръ повелѣлъ идти въ Молдавію 9-й дивизіи князя Суворова. Стараясь утѣшить честолюбиваго полководца въ понесенной имъ неудачѣ, Государь, изъ ревности къ славѣ своей арміи, пожелалъ однакоже получить подробное свѣдѣніе: за что̀ именно главнокомандующій былъ недоволенъ войсками? ([23]). Въ уклончивомъ отвѣтѣ на сей запросъ, Каменскій умолялъ Императора — предать его жалобы забвенію ([24]).

Не успѣвъ овладѣть Рущукомъ, главнокомандующій размѣстилъ войска слѣдующимъ образомъ: графу Ланжерону изъ Разграда и резервнымъ баталіонамъ изъ Дунайскихъ Княжествъ велѣно идти къ Рущуку; графу Каменскому 1-му отойти къ Силистріи, а Воинову и Цызыреву къ Траянову валу; приказано перевести мостъ отъ Туртукая къ Маратину (близъ Рущука), для переправы раненыхъ въ валахскіе госпитали и для скорѣйшаго присоединенія резервовъ. Самъ-же главнокомандующій продолжалъ блокаду Рущука, въ ожиданіи случая помѣряться съ непріятелемъ въ полѣ ([25]), но визирь не выходилъ изъ Шумлы, а приказалъ никопольскому коменданту Кушанецъ-пашѣ съ сильнымъ отрядомъ стать на рѣкѣ Янтрѣ. Каменскій отрядилъ противъ него Кульнева ([26]), который два раза опрокинулъ авангардъ паши, но нашелъ невозможнымъ овладѣть крѣпкою позиціей, занятою огромными силами, и расположился въ 15-ти верстахъ отъ Янтры.

Въ половинѣ (въ концѣ) августа, главнокоман-

1810. дующій собралъ подъ Рущукомъ и Журжею, кромѣ 10,000 человѣкъ, у него остававшихся послѣ штурма, резервные баталіоны, часть силистрійскаго гарнизона, корпусъ Ланжерона и войска Каменскаго 1-го. Корпусъ Маркова, по прежнему, былъ расположенъ впереди Силистріи. Турецкій корпусъ на Янтрѣ, мало по малу, усилился до 30,000 человѣкъ. Ободренный многочисленностью своихъ войскъ, Кушанецъ-паша перешелъ на правый берегъ Янтры и окопался у Батина. 16 (28) августа, Каменскій приказалъ своему брату атаковать пашу; послѣ нерѣшительнаго дѣла, Каменскій 1-й отошелъ назадъ. Плѣнные показали, что на Янтрѣ было собрано до 40,000 человѣкъ и что тамъ ожидали визиря съ арміей, собранною въ Шумлѣ. Эти свѣдѣнія побудили главнокомандующаго идти къ Янтрѣ, чтобы разбить Кушанца-пашу до прибытія визиря. По присоединеніи къ арміи корпуса Воинова, Каменскій оставилъ около 14,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ланжерона и Засса, подъ Рущукомъ и Журжею, приказавъ имъ производить въ продолженіи двухъ сутокъ слабую канонаду, а 26-го августа (7-го сентября) усилить огонь и продолжать его до слѣдующаго утра; самъ-же выступилъ, 24 (5-го сентября), съ 21,000 человѣкъ, къ Батину [27]. Войска наши двигались въ двухъ колоннахъ, изъ коихъ лѣвою командовалъ главнокомандующій, а правою братъ его, и къ вечеру 25-го (6-го сентября), расположились на бивакахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ турецкаго лагеря.

26-го августа (7-го сентября), въ день, долженствовавшій, два года спустя, ознаменоваться Бородинскимъ побоищемъ, въ 10 часовъ утра, русская армія двинулась противъ непріятеля: войска лѣваго крыла, подъ личнымъ начальствомъ Каменскаго 2-го, состоявшія изъ авангарда Кульнева и дивизій Саба-

нѣева и графа Сенъ-При, въ числѣ 7,450 человѣкъ пѣхоты и 4,760 кавалеріи, подойдя къ правому флангу турецкой позиціи, открыли сильную канонаду; Кульневъ, усиленный Малороссійскими гренадерами и егерями 11-го полка, получилъ приказаніе идти въ тылъ непріятелю на систовскую дорогу. Тогда-же авангардъ Иловайскаго 2-го, и за нимъ корпусъ графа Каменскаго 1-го, устремились со стороны Рущука, противъ лѣваго фланга Турокъ, а флотилія полковника Берлира поднялась вверхъ по Дунаю на одной высотѣ съ наступавшими войсками. Пѣхота вообще была построена въ колоннахъ. 1810.

Авангардъ Иловайскаго овладѣлъ съ боя тремя передовыми турецкими редутами, а Кульневъ, въ тылу непріятеля, разогнавъ кинувшіяся на него толпы и пробившись къ Дунаю, взялъ приступомъ укрѣпленіе у самой рѣки; высланные имъ по береговой дорогѣ Бѣлорусскіе гусары и казаки открыли сообщеніе съ войсками Иловайскаго: такимъ образомъ непріятель былъ отрѣзанъ отъ Дуная, между тѣмъ какъ флотилія Берлира, съ содѣйствіемъ 4-хъ орудій, стрѣлявшихъ съ берега, потопила двѣ лодки, овладѣла пятью и заставила прочія уклониться отъ боя. На лѣвомъ крылѣ, атаки Сабанѣева и Сенъ-При не имѣли успѣха. Главнокомандующій приказалъ имъ отвести войска назадъ, и замѣтивъ успѣхъ праваго крыла, поручилъ своему брату атаковать большой лагерь съ фронта, между тѣмъ какъ Кульневъ долженъ былъ ударить ему въ тылъ. Войска графа Каменскаго 1-го были отражены, а Кульневъ прислалъ къ главнокомандующему донесеніе о невозможности исполнить данное ему повелѣніе, по чрезвычайной крутизнѣ высоты, на которой стоялъ непріятельскій лагерь. Каменскій вторично приказалъ Кульневу штурмовать высоту и получилъ такой-же

1810. отвѣтъ. Раздраженный неповиновеніемъ одного изъ надежнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ, Каменскій поскакалъ къ нему, осыпалъ его упреками, грозилъ ему арестомъ. Къ сожалѣнію, Кульневъ, выказавъ столь-же мало хладнокровія, бросилъ на землю свою саблю и уѣхалъ съ поля сраженія. Главнокомандующій поручилъ его отрядъ, усиленный двумя полками, Сабанѣеву и приказалъ этимъ войскамъ атаковать турецкій лагерь съ тыла, а своему брату—возобновить нападеніе съ фронта. Сабанѣевъ ворвался въ лагерь и овладѣлъ 6-ю орудіями. Турецкіе всадники въ разсыпную промчались сквозь колонны графа Сенъ-Пріеста, слѣдовавшаго за Сабанѣевымъ, на дорогу въ Систовъ. Наши гусары, драгуны и казаки преслѣдовали ихъ на разстояніи 15-ти верстъ. Турецкая пѣхота столпилась въ одномъ изъ лагерей, и будучи окружена тамъ нашими войсками, на разсвѣтѣ положила оружіе. Трофеями побѣды были 14 орудій, множество знаменъ и до пяти тысячъ плѣнныхъ; въ числѣ множества убитыхъ Турокъ находился самъ предводитель ихъ Кушанецъ-паша. Съ нашей стороны убито 400 и ранено 1,000 человѣкъ (28). Графъ Каменскій 2-й былъ награжденъ орденомъ Св. Андрея, Уваровъ — орденомъ Св. Георгія 2-й степени, Сабанѣевъ Св. Владиміра 2-й степени. Угодники главнокомандующаго превозносили его побѣду, и даже, въ подражаніе извѣстной поговоркѣ: *разбитъ, какъ Шведъ подъ Полтавою*, изобрѣли новую: *какъ Турокъ подъ Батиномъ*. Но и безъ всякаго преувеличенія, успѣхъ одержанный Каменскимъ имѣлъ важныя послѣдствія: Систово, Рущукъ, залитый русскою кровью, Журжа, Турно и Никополь—всѣ эти твердыни съ 420-ю орудіями покорились побѣдителю при Батинѣ (29). Графъ Каменскій считалъ однакоже невозможнымъ продолжать дѣйствія, во второй по-

ловинѣ октября (въ ноябрѣ н. ст.), когда наступило ненастье, испортились дороги и оказался недостатокъ въ фуражѣ. Все это побудило его перевести большую часть арміи въ Молдавію и Валахію. Для занятія крѣпостей на правомъ берегу Дуная, Силистріи, Рущука и Никополя, остались три дивизіи подъ общимъ начальствомъ Эссена; авангардъ ихъ находился въ Плевно (30). Большая часть лошадей была отправлена въ Валахію. 1810.

Походъ 1810 года стоилъ русской арміи убитыми и умершими отъ ранъ и болѣзней, 27,000 а вмѣстѣ съ неспособными отъ ранъ и изнуренія до 36,000 человѣкъ (31), слѣдовательно — почти половины наличнаго числа людей. Пріобрѣтенія, нами сдѣланныя, не вознаградивъ ни нашего урона, ни значительныхъ издержекъ, всею тяжестью павшихъ на наши финансы, весьма разстроенные въ эту эпоху, не побудили непріятеля къ миру.

Дѣла въ Сербіи шли въ 1810-мъ году съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ началѣ похода, изъ 7,000 человѣкъ, отряженныхъ въ Малую Валахію, только половина двинулась въ Сербію. По взятіи Силистріи, графъ Цукато съ этими войсками переправился, ночью на 5-е (17-е) іюня, черезъ Дунай, при островѣ Ольмарѣ, и соединился съ небольшимъ отрядомъ Сербовъ, коихъ главныя силы, подъ начальствомъ Чернаго-Георгія, тогда стояли у Делиграда. Графъ Цукато овладѣлъ крѣпостцами Дуду и Бырза-Паланкою и обложилъ Кладово и Праово. Но, послѣ рущукскаго штурма, Турки вторгнулись въ Сербію, что̀ заставило графа Каменскаго отрядить туда отъ Рущука полковника графа Орурка съ небольшимъ отрядомъ (32). Графъ Орурк, получивъ отъ Чернаго Георгія извѣстіе объ его опасномъ положеніи, двинулся къ нему въ помощь и донесъ о томъ графу

1810. Цукато. Дорога, по которой шелъ русскій отрядъ, шла вверхъ по берегу Тимока, дремучими лѣсами. На этомъ пути лежала сильная крѣпостца Баня, занятая Турками. Графъ Орурке могъ обойти ее, но предпочелъ явиться къ Сербамъ побѣдителемъ, взялъ Баню, истребивъ болѣе трехъ сотъ Турокъ и заставя прочихъ сдаться на капитуляцію, и 23 августа (4 сентября) прибылъ въ Делиградъ. Самъ Черный Георгій, со всѣмъ своимъ войскомъ, вышелъ къ нему на встрѣчу и приказалъ отслужить молебенъ за здравіе Императора Александра, за прибытіе Русскихъ, за одержанную ими побѣду. На слѣдующій день, Черный Георгій и графъ Орурке, выступивъ къ Яссикѣ на рѣкѣ Моравѣ, разбили тамъ 15-ти-тысячный турецкій корпусъ. Обрадованный торжествомъ надъ лютыми врагами, Георгій поручилъ свое войско въ полное распоряженіе Орурку, а самъ отправился въ Бѣлградъ, для приведенія въ устройство общественныхъ дѣлъ и набора войскъ.

По смерти графа Цукато и Исаева назначенъ былъ командующимъ въ Малой Валахіи Зассъ. Въ концѣ сентября (въ первой половинѣ октября), онъ, переправясь черезъ Дунай у Дуду, овладѣлъ крѣпостью Кладовымъ и заставилъ Турокъ очистить страну до рѣки Тимока. Въ ноябрѣ войска Засса и Орурка возвратились въ Малую Валахію ([33]).

Въ генварѣ 1811 года прибыли въ армію 26,000 рекрутъ, отчасти вознаградившіе уронъ, понесенный въ прошломъ походѣ. Готовясь снова открыть дѣйствія въ февралѣ, главнокомандующій хотѣлъ наступать съ праваго крыла, отъ Никополя и Рущука, на Тырново къ Габрову, чрезъ край неразоренный, коего жители были готовы возстать противъ Турокъ: назначенная къ тому армія состояла въ числѣ около 40,000 человѣкъ. Кромѣ того, предполагалось по-

слать три корпуса: одинъ въ 7.000 человѣкъ для обложенія Виддина; другой въ 10,000, для содѣйствія Сербамъ, и третій тоже въ 10.000 человѣкъ, къ Варнѣ. Каменскій надѣялся, движеніемъ за Балканы, выманить изъ Шумлы визиря и разбить его; въ случаѣ-же, еслибы визирь оставался въ Шумлѣ, возвратиться назадъ и атаковать непріятеля въ крѣпкой его позиціи. Авангардъ, подъ начальствомъ графа Сенъ-Пріеста, получивъ приказаніе занять Ловчу, взялъ штурмомъ эту крѣпость, 31-го генваря (12-го февраля н. ст.). Главнокомандующій готовился идти за Дунай, но всѣ его предположенія разрушились повелѣніемъ Государя: послать пять дивизій къ Днѣстру, а съ остальными четырьмя остаться на Дунаѣ, ограничиваясь демонстраціями наступленія къ Балканамъ. Причиною тому было измѣненіе нашихъ политическихъ отношеній къ Франціи, угрожавшее въ началѣ 1811 года явнымъ разрывомъ съ Наполеономъ. Каменскій, расположивъ четыре дивизіи на Дунаѣ, именно: 10-ю Инзова въ Силистріи, 8-ю Эссена въ Рущукѣ, 22-ю графа Сенъ-Пріеста въ Никополѣ и Ловчѣ, и 16-ю Засса въ Малой Валахіи, хотѣлъ выдвинуть часть силъ къ Балканамъ, и только сильная болѣзнь его остановила движеніе русскихъ войскъ. Императоръ Александръ, высоко цѣнившій дарованія графа Каменскаго, открылъ ему болѣе обширный кругъ дѣйствій, поручивъ начальство надъ одною изъ армій, собиравшихся на нашей западной границѣ, а вмѣсто его назначилъ главнокомандующимъ на Дунаѣ литовскаго военнаго губернатора Кутузова. Но лестный рескриптъ Государя Каменскому засталъ его почти на одрѣ смерти. Изнеможенный страданіями полководецъ отправился въ Одессу и на пути туда скончался 35-ти лѣтъ отъ рода, слишкомъ рано по надеждамъ, возложеннымъ 1811.

1811. на него Императоромъ Александромъ и всѣмъ русскимъ народомъ, быть-можетъ во-время для собственной своей славы. Каменскій — „въ молодыхъ лѣтахъ, старый генералъ“ *), герой въ швейцарскомъ походѣ Суворова, при Эйлау, въ Финляндіи и Швеціи, по прежнему, явилъ себя героемъ и на берегахъ Дуная, но не всегда сохранялъ осторожность и хладнокровіе, достойныя полководца, держащаго въ рукѣ своей судьбу многихъ тысячъ воиновъ. Россія, предавъ забвенію штурмъ Рущука, оплакивала память побѣдителя при Батинѣ. Императоръ Александръ почтилъ мать графа Каменскаго слѣдующимъ рескриптомъ: „Раздѣляя съ вами горесть, васъ постигшую, не могу вамъ представить другаго утѣшенія, кромѣ свидѣтельства совершеннаго моего въ оней участія. Кончина сына вашего есть великая потеря для Отечества. Воинскія его дарованія отверзли ему путь къ славѣ; опыты утвердили его мужество; знаменитые подвиги его увѣнчали походы. Отечество взирало на него съ признательностью въ настоящемъ и съ вѣрными надеждами въ будущемъ. Судьбамъ Вышняго угодно было положить ему предѣлъ въ самой срединѣ его теченія. Въ довѣріи къ Промыслу, въ твердости вашего духа, въ славѣ добрыхъ дѣлъ, найдете вы единую отраду вашей скорби. Заслуги сына вашего Отечеству пребудутъ незабвенны. Отличное уваженіе мое къ его памяти навсегда сохранится“.

Уже пять лѣтъ вели мы войну съ Турками; знаменитѣйшіе русскіе полководцы напрасно истощали свои усилія, чтобы побудить непріятеля къ миру; все теченіе Дуная, отъ Никополя до устьевъ, было занято нашими войсками, но во власти Порты оста-

*) Такъ выразился о немъ Суворовъ, въ письмѣ къ отцу его, фельдмаршалу Каменскому.

вались Балканы и Шумла. Въ 1811 году, надлежало вести войну съ арміей уменьшенной на половину, и въ тоже время бороться съ кознями уже явно враждебнаго намъ Наполеона. Едва-ли кто могъ исполнить съ успѣхомъ такое трудное дѣло лучше стараго Кутузова, соединявшаго въ себѣ знаніе своеобразной войны съ Турками и врожденную способность къ дипломатіи. Въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, имѣвъ счастіе быть замѣченнымъ Великою Екатериною, онъ началъ свое полувѣковое боевое поприще въ Польшѣ, гдѣ, по собственнымъ словамъ его, „дрался, но войны еще не понималъ". Практическое военное образованіе получилъ Кутузовъ, служа, въ 1770 году, оберъ-квартирмейстеромъ при корпусѣ Баура, образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ, одного изъ питомцевъ Великаго Фридриха. Самъ Румянцовъ обратилъ особенное вниманіе на заслуги Кутузова въ славныхъ битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ, а Суворовъ, въ донесеніи объ измаильскомъ штурмѣ, писалъ: „Кутузовъ оказалъ новые опыты воинскаго искусства и личной своей храбрости. Онъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою моею рукою". Въ сраженіи подъ Мачиномъ, 1791 года, онъ, обойдя визиря съ фланга, рѣшилъ побѣду и, по представленію князя Рѣпнина, получилъ орденъ Св. Георгія 2-го класса. Въ началѣ 1793 года, Кутузовъ, вызванный въ Петербургъ, удостоился неоднократно бесѣдовать съ Императрицею о нашей внѣшней политикѣ. Великая Монархиня, обладавшая великимъ даромъ употреблять способныхъ людей на пользу общую, назначила его посломъ въ Константинополь. Для приданія внѣшняго блеска этому посольству, при Кутузовѣ состояла многочисленная свита; его снабдили придворною прислугою, пышными сервизами, богатыми экипа-

1811.

1811. жами. Представитель могущественной Монархини, участникъ побѣдъ ея надъ Портою, Кутузовъ очаровалъ Диванъ умомъ и любезностью, пріобрѣлъ дружбу матери Султана, возбудилъ довѣріе къ себѣ въ верховномъ визирѣ и перехитрилъ европейскихъ дипломатовъ. Турція, прервавъ вѣковыя связи съ Франціей, сблизилась съ Россіей. По возвращеніи въ Петербургъ, Кутузовъ былъ назначенъ сперва командующимъ военными силами въ Финляндіи, а потомъ, по смерти графа Ангальта, генералъ-директоромъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса — „разсадника великихъ людей" — какъ выражалась Императрица Екатерина. Кутузовъ самъ преподавалъ кадетамъ Тактику и Военную Исторію: примѣръ единственный профессора — полководца! Вечера проводилъ онъ, большею частью, въ эрмитажныхъ собраніяхъ Государыни, куда приглашаемы были люди, обратившіе на себя ея вниманіе умомъ, образованіемъ, отличными заслугами.

При Императорѣ Павлѣ Кутузовъ былъ назначенъ инспекторомъ финляндской инспекціи и произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Исполнивъ удачно дипломатическое порученіе въ Берлинѣ, онъ получилъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и Св. Андрея Первозваннаго. Императоръ Александръ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, назначилъ его С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ слѣдующемъ году Кутузовъ, хотя еще не достигшій преклонной старости, но ослабленный ранами и нелюбимый ближайшими къ Государю лицами, просилъ объ увольненіи отъ службы, и получивъ его, 29 августа 1802 года, уѣхалъ въ свои волынскія помѣстья, пожалованныя ему Екатериною и Павломъ. Тамъ получилъ онъ приглашеніе Государя — принять начальство надъ арміей, назначенною

идти въ защиту Австріи. Кто могъ предвидѣть тогда, 1811.
что Александръ, ополчась противъ Наполеона, былъ предназначенъ Промысломъ освободить Европу отъ тяжкаго ярма наложеннаго завоевателемъ, и что Кутузовъ, казалось, уже окончившій свое поприще, будетъ главнымъ истребителемъ полчищъ новаго Ксеркса. Въ мартѣ 1805 года, Кутузовъ, призванный въ Петербургъ, отправился оттуда въ Радзиловъ, гдѣ была собрана ввѣренная ему армія. Онъ не могъ спасти нашихъ союзниковъ спѣшившихъ на встрѣчу пораженію, но сохранилъ и войска свои, и славу русскаго оружія. Отойдя къ Ольмюцу, онъ предлагалъ, для сближенія съ подвозами и резервами, отступать далѣе. Его мнѣніе было отринуто; распорядителями дѣйствій союзной арміи сдѣлались австрійскіе педанты и неопытные совѣтники Императора Александра. Кутузовъ, не исполняя обязанностей главнаго вождя, не сложилъ однакоже съ себя этого высокаго званія, и тѣмъ подалъ поводъ къ справедливымъ упрекамъ. Вникая въ его дѣйствія подъ Аустерлицемъ, видимъ въ немъ уклончиваго царедворца, храбраго воина, сражавшагося въ первыхъ рядахъ арміи, но не находимъ ни главнокомандующаго, проникнутаго убѣжденіемъ въ важности лежавшаго на немъ долга, ни твердаго въ правдѣ сына отечества. На военномъ совѣтѣ, имъ собранномъ наканунѣ сраженія, онъ молчалъ во все продолженіе разглагольствій Вейротера; ему слѣдовало не молчать, а отстаивать свое мнѣніе, которое раздѣляли всѣ опытные русскіе генералы. Никто не скажетъ, что Аустерлицкая битва была проиграна Кутузовымъ, но самъ Императоръ Александръ, сознаваясь въ сдѣланной имъ тогда ошибкѣ, полагалъ, что посѣдѣвшему въ бояхъ полководцу надлежало выказать болѣе настойчивости. Не подле-

1811. житъ сомнѣнію, что Кутузовъ, въ то время, навлекъ на себя неудовольствіе Государя, и что назначеніе его кіевскимъ военнымъ губернаторомъ было въ родѣ почетной ссылки. Въ стольже незавидномъ положеніи находился онъ и будучи дядькою при дряхломъ князѣ Прозоровскомъ. Наконецъ, въ 1811 году, ему ввѣрили Молдавскую армію.

Въ продолженіи болѣзни графа Каменскаго и до прибытія новаго главнокомандующаго, начальство надъ арміею было поручено графу Ланжерону, который не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій. 7 (19) апрѣля, пріѣхалъ Кутузовъ.

Ввѣренная ему армія состояла изъ четырехъ дивизій, въ числѣ 46,000 человѣкъ, съ 190 полевыми и 38-ю осадными орудіями ([34]). Желая по возможности сосредоточить силы, Кутузовъ приказалъ взорвать укрѣпленія Никополя и Силистріи, перевелъ всѣ свои войска на лѣвую сторону Дуная, кромѣ занимавшихъ Рущукъ, и расположилъ въ апрѣлѣ центръ у Бухареста, Рущука и Журжи, правое крыло въ Малой Валахіи и Сербіи, а лѣвое у Слободзеи и на нижнемъ Дунаѣ ([35]). Ограничиваясь по необходимости оборонительными дѣйствіями и будучи принужденъ занимать линію около тысячи верстъ, онъ предполагалъ, въ случаѣ наступленія Турокъ, быстро собрать къ Рущуку большую часть арміи и атаковать непріятеля. Кутузовъ надѣялся „скромнымъ своимъ поведеніемъ“ выманить визиря изъ Шумлы и разбить его ([36]).

Со стороны Турокъ, предполагалось дѣйствовать наступательно. Султанъ, зная объ уменьшеніи нашей арміи и получивъ отъ французскихъ агентовъ свѣдѣніе о предстоявшемъ разрывѣ Россіи съ Наполеономъ, вознамѣрился перенести войну на лѣвую сторону Дуная. Назначенный на мѣсто дряхлаго

Юссуфа, новый верховный визирь, бывшій браилов- 1811.
скій комендантъ, Ахметъ-бей и Бошнякъ-ага собирали въ Шумлѣ и Софіи армію, въ 75,000 человѣкъ. Сераскиръ виддинскій Мулла-паша получилъ приказаніе окопаться у Калафата, собрать нѣсколько сотъ судовъ, и облегчивъ переправу главныхъ силъ визиря у Никополя, вмѣстѣ съ ними вторгнуться въ Валахію. А, между тѣмъ, турецкій военный министръ, Гамидъ-эфенди пріѣхалъ въ Бухарестъ для веденія переговоровъ о мирѣ. Кутузовъ, коротко ознакомившійся съ свойствами главныхъ сановниковъ Порты, воспользовался корыстолюбіемъ и сладострастіемъ прибывшаго къ нему посла, ничего не щадилъ для его угощенія и очаровалъ его такъ, что Гамидъ-эфенди болѣе хлопоталъ о продленіи переговоровъ, нежели объ успѣхѣ ихъ. Тогда-же командовавшій войсками въ Малой Валахіи, генералъ Зассъ, съ разрѣшенія Кутузова, вступилъ тайно въ сношенія съ Мулла-пашею, который обѣщалъ продать ему всѣ находившіяся въ Виддинѣ суда за 25,000 червонцевъ.

Въ началѣ (въ половинѣ) іюня, серезскій паша Измаилъ-бей съ 25,000 человѣкъ двинулся къ Виддину, а верховный визирь, съ 50,000 человѣкъ, выйдя изъ Шумлы, окопался у Разграда. Кутузовъ, узнавъ о томъ, собралъ въ Рущукѣ и Журжѣ 25,000 человѣкъ и выслалъ по дорогѣ къ Разграду отрядъ Воинова. 18 (30) іюня, визирь расположился въ лагерѣ у Кадикіой, въ 14-ти верстахъ отъ Рущука, а наша армія заняла позицію въ 4-хъ верстахъ впереди этой крѣпости. Русскія войска построились въ кареяхъ, въ двѣ линіи: въ 1-й шесть, а во второй три каре; кавалерія стала въ 3-й линіи; артиллерія была размѣщена по кареямъ. Число войскъ Кутузова не превосходило 18,000 человѣкъ съ 114-ю орудіями (37). Со стороны Турокъ было до 60,000 человѣкъ съ 78-ю

1811. орудіями. 22-го іюня (4-го іюля), на разсвѣтѣ, Турки двинулись впередъ, предшествуемые многочисленною конницею, которая, въ семь часовъ утра, раздавшись въ обѣ стороны, открыла дорогу артиллеріи; за нею слѣдовала пѣхота въ огромныхъ толпахъ. Подойдя на пушечный выстрѣлъ, всѣ турецкія батареи открыли огонь; наша артиллерія отвѣчала имъ съ успѣхомъ. Между тѣмъ спаги нѣсколько разъ порывались обойти фланги нашей позиціи и уходили назадъ, осыпаемые картечью изъ крайнихъ каре. Не успѣвъ въ частныхъ попыткахъ, визирь собралъ на своемъ правомъ крылѣ 10,000 анатолійскихъ всадниковъ и ввѣрилъ надъ ними начальство мужественному защитнику Рущука, Бошняку-агѣ, знавшему подробно окрестную мѣстность, приказавъ ему овладѣть Рущукомъ и отрѣзать русскую армію отъ Дуная.

Въ девять часовъ, Бошнякъ-ага, со всею массою своей конницы помчался на наше лѣвое крыло; топотъ тысячей лошадей, потрясшій землю, крикъ и визгъ тмы всадниковъ, огласившіе всю окрестность, заглушали самую канонаду. Какъ облако, несущее грозу въ нѣдрахъ своихъ, разразилась турецкая кавалерія, обошла русскую позицію съ фланга, прорвалась между крайними кареями обѣихъ линій, (Олонецкаго и Бѣлостокскаго полковъ), и кинулась въ тылъ кавалеріи Воинова. Два казачьихъ полка, а также Кинбурнскіе драгуны и Бѣлорусскіе гусары, были смяты; одно изъ нашихъ орудій захвачено; прочая-же артиллерія ушла въ ближайшія каре. Кутузовъ послалъ противъ заѣхавшихъ въ тылъ нашей позиціи Турокъ каре 7-го егерскаго полка, подъ личнымъ начальствомъ Эссена. Тогда-же Воиновъ на-спѣхъ устроилъ конницу для встрѣчи непріятеля. Флигель-адъютантъ Бенкендорфъ *), съ нѣсколькими

*) Александръ Христофоровичъ — въ послѣдствіи графъ.

эскадронами Чугуевскихъ уланъ, первый ударилъ 1811.
во флангъ Туркамъ; за нимъ въ слѣдъ пошли въ атаку, подъ начальствомъ самаго Воинова, остальные эскадроны Чугуевцевъ и С.-Петербургскіе драгуны. Непріятели, громимые картечью и опрокинутые кавалеріей, смѣшались; нѣкоторыя толпы устремились къ Рущуку, но встрѣченныя вышедшими изъ крѣпости войсками, разсѣялись. Не успѣвъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи, вся конница Бошняка обратилась назадъ, преслѣдуемая полками Воинова. Атака визиря на наше правое крыло также была отбита казаками, Лифляндскими драгунами и огнемъ крайняго каре 2-й линіи, изъ егерей 37-го полка.

Кутузовъ, отразивъ нападеніе — „какого, по собственнымъ словамъ его, никогда не видалъ онъ во всѣ свои походы противъ Турокъ“ — двинулся впередъ и преслѣдовалъ непріятеля до его окоповъ, на протяженіи десяти верстъ. Генералы, на поздравленія главнокомандующаго съ побѣдою, отвѣчали, прося позволенія идти далѣе. Эссенъ вызывался съ однимъ своимъ корпусомъ загнать далеко визиря. Кутузовъ отвѣчалъ: „Если пойдемъ на непріятеля, то вѣроятно достигнемъ Шумлы, но потомъ — что̀ станемъ дѣлать? Придется идти назадъ, и тогда, какъ въ прошломъ году, Турки объявятъ себя побѣдителями“. Простоявъ до вечера въ виду Турокъ, Кутузовъ отвелъ армію въ лагерь, между тѣмъ какъ визирь отступалъ въ Кадикіой. Въ этотъ день у насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 800 человѣкъ. Уронъ Турокъ былъ несравненно болѣе: несмотря на ихъ обычай увозить съ собою тѣла убитыхъ, они оставили на мѣстѣ боя полторы тысячи труповъ. 13 большихъ знаменъ достались побѣдителямъ: поручикъ Красовскій, захвативъ пашинское знамя, спѣшилъ съ нимъ къ Кутузову, и не доѣхавъ до него, ли-

1811. шился обѣихъ рукъ оторванныхъ ядромъ ([38]). Императоръ Александръ наградилъ главнокомандующаго портретомъ своимъ, Ланжерона—производствомъ въ генералы отъ инфантеріи, Эссена—алмазными знаками ордена Св. Александра Невскаго. Государь, утвердивъ всѣ награды отличившихся, согласно съ представленіемъ Кутузова, изъявилъ ему свое неудовольствіе за пораженіе Бѣлорусскаго и Кинбурнскаго полковъ и за потерю орудія: такъ привыкли мы, со временъ Румянцова и Суворова, побѣждать Турокъ!

Простоявъ передъ Рущукомъ трое сутокъ, Кутузовъ отвелъ армію за Дунай, а въ Рущукѣ оставилъ корпусъ Эссена. Охраненіе этой обширной крѣпости отвлекало главнокомандующаго отъ главной цѣли его—предупреждать вторженія Турокъ въ Валахію, и по тому онъ давно уже имѣлъ намѣреніе перевести войска на лѣвый берегъ Дуная, но полагалъ несовмѣстнымъ со славою русскаго оружія очистить Рущукъ, неустранивъ всякій видъ принужденнаго отступленія. Побѣда, одержанная имъ, способствовала ему исполнить задуманное предпріятіе. 30 іюня (12-го іюля), войска Эссена, предавъ пламени городъ и взорвавъ укрѣпленія, перешли вмѣстѣ съ жителями Рущука на лѣвую сторону рѣки и развели мостъ. Ахметъ, не постигая причины отступленія русскихъ войскъ, занялъ развалины Рущука. Въ Царьградѣ праздновали это событіе, какъ побѣду. Наполеонъ злорадствовалъ мнимой неудачѣ союзника своего Александра.

Въ половинѣ (въ концѣ) іюля, визирь, усиливъ свою армію до 70,000 человѣкъ, послалъ значительные отряды вверхъ и внизъ по Дунаю. Кутузовъ тотчасъ подкрѣпилъ Засса въ Малой Валахіи и отрядъ Турчанинова въ Турно и усилилъ Эссена, стояв-

шаго у Обилешти. Какъ въ тоже время визирь собиралъ въ различныхъ мѣстахъ по Дунаю суда, готовясь переправиться на лѣвый берегъ, то Кутузовъ рѣшился на чрезвычайную мѣру — присоединить къ своей арміи часть войскъ стоявшихъ на Днѣстрѣ и назначенныхъ въ составъ 2-й Западной арміи. Принявъ на себя отвѣтственность въ такомъ самопроизвольномъ поступкѣ, Кутузовъ сообразилъ, что уже въ этомъ году не послѣдуетъ войны съ Наполеономъ. Двѣ дивизіи, 9-я и 15-я, и пять донскихъ полковъ получили приказаніе возвратиться въ Валахію, къ Бухаресту и Бырладу (39). Донося Государю о сдѣланномъ имъ распоряженіи, главнокомандующій оправдывался необходимостью и писалъ, что эти войска, находясь въ десяти переходахъ отъ Днѣстра, могутъ, въ случаѣ надобности, удобно перейти на прежнія мѣста своей стоянки. Императоръ Александръ одобрилъ поступокъ Кутузова. 1811.

Молва о возвращеніи русскихъ войскъ, разнесшаяся во всей Валахіи, устрашивъ визиря, заставила его отложить переправу черезъ Дунай и остаться на время въ совершенномъ бездѣйствіи. Только лишь серезскій паша получилъ приказаніе вторгнуться у Виддина въ Малую Валахію. Покушенія его были съ успѣхомъ отражены Зассомъ, съ содѣйствіемъ прибывшихъ къ нему въ помощь генералъ-маіора графа Воронцова съ Шлиссельбургскимъ полкомъ и графа Орурка. Неудача паши не отклонила самаго визиря отъ переправы на лѣвую сторону Дуная. Избравъ къ тому пунктъ, въ шести верстахъ выше Рущука, гдѣ правый берегъ господствуетъ противолежащею низменною равниною, Турки поставили на высотахъ сильныя батареи и въ ночи съ 27-го на 28-е августа (съ 8-го на 9-е сентября) стали переправляться на паромахъ и су-

1811. дахъ, а для развлеченія вниманія нашихъ войскъ перевозили особый отрядъ на лодкахъ черезъ рѣку, въ 4-хъ верстахъ ниже Журжи. Появленіе этого отряда было замѣчено казаками. Начальникъ авангарда Сабанѣевъ, съ баталіономъ Архангелогородскаго полка, поспѣшилъ на встрѣчу Туркамъ и заставилъ ихъ уйти обратно на правый берегъ. Дѣло казалось конченнымъ, какъ вдругъ дали ему знать о переправѣ непріятеля въ большихъ силахъ выше Рущука. Дѣйствительно — 6.000 янычаръ, способствуемые мракомъ ночи, высокими камышами и оплошностью казаковъ, отвлеченныхъ ложною переправою, успѣли окопаться близъ селенія Слободзеи и взвезти на валъ нѣсколько орудій. Кутузовъ, получивъ донесеніе о томъ Сабанѣева, поручилъ Булатову прогнать Турокъ (40). Построивъ три баталіоныхъ каре и размѣстивъ между ними 12 легкихъ орудій, Булатовъ повелъ ихъ противъ непріятеля, и приказалъ слѣдовать за собою въ резервѣ остальнымъ войскамъ (41). Какъ турецкое укрѣпленіе находилось въ густомъ кустарникѣ, то всѣ три каре, приблизясь къ нему, свернулись въ колонны, прикрытыя съ фланговъ стрѣлками. Войска наши на маршѣ были осыпаны картечью и ружейными пулями изъ окоповъ и поражаемы ядрами и гранатами съ батарей праваго берега, откуда визирь съ своею свитою и множество Турокъ смотрѣли на кровавую встрѣчу. Стрѣлки стали спускаться въ ровъ. Командиръ Староингерманландскаго полка Жабокрицкій, со знаменемъ въ рукахъ, первый взошелъ на валъ, но баталіонъ его не послѣдовалъ примѣру своего начальника, и храбрый воинъ палъ, зарѣзанный кинжалами. Янычары, овладѣвъ нашимъ знаменемъ, вышли изъ окоповъ, выбили изъ кустарника среднюю колонну и ударили во фланги прочимъ. Колонна Шеншина,

которой начальникъ и многіе офицеры были ранены 1811.
отступила; колонна-же Шкапскаго удержалась въ кустарникѣ. Непріятели съ праваго берега огласили всю окрестность радостными восклицаніями. Булатовъ, получивъ въ подкрѣпленіе Вятскій и 7-й егерскій полки, возобновилъ нападеніе; русская батарея, поставленная на берегу, потопила двѣ лодки съ дессантомъ и прервала сообщеніе непріятеля съ правою стороною Дуная. Янычары, завидя наши колонны снова шедшія на приступъ, оробѣли и стали кидаться въ рѣку, чтобы спастись вплавь, либо на лодки, но когда визирь приказалъ своей артиллеріи стрѣлять по бѣгущимъ изъ укрѣпленія, непріятели, приведенные въ отчаяніе, отразили штурмъ, сдѣлали вылазку и отбили одно изъ орудій находившихся при Старокольскомъ полку. Войска наши, по приказанію Кутузова, прекративъ штурмъ, отошли на пушечный выстрѣлъ отъ турецкаго ретраншамента. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли убитыми и ранеными 1,275 человѣкъ (42). Императоръ Александръ приказалъ сдѣлать замѣчаніе Булатову, за отбитое у него орудіе, и снять тесаки съ Староингерманландскаго баталіона, не пошедшаго на штурмъ за своимъ полковымъ командиромъ.

Торжествуя необычайный успѣхъ, верховный визирь перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, съ большою частью арміи, въ числѣ 36,000 человѣкъ, и расположилъ ихъ въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, 2 (14) сентября. На правомъ берегу осталось 30,000 Турокъ: часть ихъ потянулась къ Силистріи; другая была расположена, по прежнему, у Рущука, вмѣстѣ съ главнымъ, такъ называемымъ „падишахскимъ“ лагеремъ. Тамъ возвышался великолѣпный шатеръ визиря, окруженный палатками главныхъ сановниковъ его штаба; тамъ находились

1811. табуны лошадей и верблюдовъ и нагромождены были груды предметовъ роскоши, товаровъ привезенныхъ купцами изъ странъ богатаго Востока.

И въ Константинополѣ извѣстія о переправѣ визиря чрезъ Дунай и объ одержанномъ имъ успѣхѣ были приняты съ восторгомъ. Отбитое русское знамя было выставлено у сераля. Турки ликовали, но не долго!

Въ продолженіи переправы непріятелей, Кутузовъ, глядя на Дунай, покрытый лодками и паромами, нѣсколько разъ сказалъ: „пусть переправляются; желаю, чтобы ихъ побольше перешло на нашъ берегъ.“ По всей вѣроятности, въ умѣ опытнаго полководца, озаренномъ воспоминаніями о гибели турецкаго отряда на Днѣстрѣ въ 1769-мъ году, уже тогда созрѣлъ планъ, въ послѣдствіи увѣнчанный полнымъ успѣхомъ. Прибытіе въ Валахію двухъ дивизій, 9-й Ермолова *) и 15-й Маркова **), дозволило усилить главный корпусъ, стоявшій у сел. Слободзеи, противъ непріятельскаго лагеря, до 20,000 человѣкъ съ 77-ю орудіями, не считая полковой артиллеріи ([43]).

Верховный визирь оставался цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, выжидая послѣдствій наступленія, которое, по его приказанію, долженъ былъ предпринять Измаилъ-бей изъ Виддина. Въ теченіи всего сентября, было только два значительныхъ дѣла: въ одномъ изъ нихъ, 7 (19) сентября, полковникъ Сысоевъ, съ Бѣлорусскими гусарами и 5-ю казачьими полками, обратилъ въ бѣгство 5,000 турецкихъ всадниковъ, выѣхавшихъ на обозрѣніе; въ другомъ 23

*) Генералъ-лейтенантъ Сергій Николаевичъ Ермоловъ назначенъ командующимъ 9-ю дивизіей на мѣсто князя Аркадія Александровича Суворова, утонувшаго въ Рымникѣ 13 апрѣля 1811 года.

**) Евгеній Ивановичъ.

сентября (5 октября), Булатовъ, съ 7-мъ егерскимъ полкомъ, овладѣлъ турецкимъ редутомъ, построеннымъ противъ нашего праваго фланга: уронъ нашъ въ этомъ дѣлѣ простирался до 400 человѣкъ. 1811.

Бездѣйствіе верховнаго визиря дало время Кутузову сдѣлать приготовленія къ задуманному имъ предпріятію: „отрядить сильный корпусъ за Дунай, схватить тамъ турецкій лагерь, постановить на немъ батареи и громить армію верховнаго визиря, на лѣвомъ берегу, отрѣзывая вмѣстѣ всякое ему сообщеніе, отступленіе и продовольствіе.“ Для исполненія такого плана дѣйствій, слѣдовало приготовить средства къ переправѣ черезъ Дунай довольно значительнаго отряда, въ такой странѣ, гдѣ Порта имѣла множество лазутчиковъ, и гдѣ агенты Наполеона сторожили каждый нашъ шагъ. Надлежало также, отряжая часть силъ, не слишкомъ ослабить себя на лѣвомъ берегу: соблюденіе послѣдняго условія было тѣмъ болѣе трудно, что генералъ Зассъ, въ то время атакованный Измаилъ-беемъ у Калафата, просилъ подкрѣпленія. Кутузовъ, усиливъ его 6-ю баталіонами и 5-ю эскадронами, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лисаневича, приказалъ Гамперу, наблюдавшему Силистрію, прислать къ Журжѣ часть его отряда. Для переправы на лѣвую сторону Дуная, назначены были 18 баталіоновъ и 10 эскадроновъ, съ 38-ю орудіями и нѣсколькими казачьими полками, подъ начальствомъ Маркова (44), въ числѣ 7,500 человѣкъ. У Ломъ-Паланки и въ другихъ мѣстахъ выше Рущука скрытно собирали суда, строили плоты и паромы. Казаки, переправясь черезъ Дунай, гарцовали въ тылу непріятеля, пріучая Турокъ къ появленію тамъ нашихъ партій. Для обезпеченія-же войскъ стоявшихъ противъ визиря, во время похода Маркова за Дунай, Кутузовъ заблаговременно велѣлъ

1811. построить девять редутовъ, обхвативъ турецкій лагерь до береговъ рѣки; за этими укрѣпленіями стала пѣхота въ двухъ-баталіонныхъ каре, а въ интервалахъ и позади кареевъ — кавалерія. Между тѣмъ, Турки уже начинали расходиться по домамъ; надлежало нанести имъ рѣшительный ударъ, не допустивъ визиря возвратиться въ Булгарію. Тогда-же казаки перехватили письмо французскаго консула изъ Бухареста къ визирю, съ дружескимъ совѣтомъ — принять мѣры осторожности на случай переправы Русскихъ черезъ Дунай. Не имѣя однакоже свѣдѣнія о мѣстѣ избранномъ для переправы Кутузовымъ, (потому, что никто не зналъ о томъ, кромѣ самаго главнокомандующаго), консулъ писалъ, что переходъ черезъ Дунай совершится у Калараша противъ Силистріи. Получивъ перехваченную депешу, Кутузовъ приказалъ начальнику нашихъ войскъ въ Бухарестѣ оказывать французскому консулу всевозможныя угожденія.

Къ 29-му сентября (11-му октября), уже было собрано все нужное для переправы войскъ и для постройки предмостнаго укрѣпленія на правой сторонѣ Дуная, въ 15-ти верстахъ выше Слободзеи. Того-же дня, вечеромъ, туда выступили войска Маркова, оставя свои палатки и бивачные огни въ лагерѣ, на прежнихъ мѣстахъ. Переправа замедлилась неприбытіемъ въ назначенное время судовъ; тѣмъ неменѣе однакоже Марковъ, еще ввечеру 30-го (12-го октября), сталъ перевозить пѣхоту на плотахъ и на слѣдующій день успѣлъ переправить весь свой корпусъ, оставилъ въ двухъ редутахъ, построенныхъ егерями 13-го полка, одинъ баталіонъ съ 4-мя легкими орудіями, и двинувшись вечеромъ параллельно рѣкѣ, по найденной казаками тропинкѣ, расположился скрытно въ пяти верстахъ отъ турецкаго ла-

геря. Ночь была безлунная, освѣщаемая кометою, предвѣстницею роковаго 1812 года. На этотъ разъ, она въ дѣйствительности предвѣщала турецкой арміи неслыханныя бѣдствія. Безпечность непріятеля простиралась до того, что въ оба дня невстрѣчено было ни одного Турка. 2-го (14-го) октября, съ разсвѣтомъ, Марковъ выступилъ на смѣлый подвигъ, Подойдя къ лагерю версты на двѣ, казаки наткнулись на турецкую кавалерію, въ числѣ 2,000 человѣкъ, которая опрокинула ихъ, но завидя кареи, обратилась опрометью назадъ, преслѣдуемая казаками и Ольвіопольскими гусарами; за ними, ускоривъ шагъ, шла пѣхота. Атакованные въ расплохъ Турки спасались въ различныя стороны; чиновники, купцы, нестроевые, смѣшавшись съ войскомъ, бѣжали толпами; немногіе лишь покушались обороняться и гибли подъ русскими штыками. Весь богатый лагерь, 8 орудій съ огромнымъ количествомъ снарядовъ, 22 знамя, лодки стоявшія у берега, множество верблюдовъ и лошадей, достались въ добычу побѣдителямъ, потерявшимъ всего-на-все убитыми 9 и ранеными 40 человѣкъ. Никогда столь важный успѣхъ не былъ одержанъ съ такимъ малымъ урономъ. 1811.

По взятіи лагеря, Марковъ поставилъ на берегу всю свою артиллерію и сталъ громить армію верховнаго визиря; Кутузовъ тогда-же открылъ по ней огонь со всѣхъ своихъ батарей. Ошеломленные Турки, поражаемые отвсюду, не знали ни куда имъ стрѣлять, ни гдѣ искать спасенія, то на-скоро строили брустверы, для прикрытія себя со стороны Дуная, то кидались на колѣни, взывая къ Небу о помощи. Положеніе ихъ сдѣлалось еще бѣдственнѣе, когда Кутузовъ приказалъ поставить на Дунаѣ, выше и ниже лагеря, по нѣскольку судовъ вооруженныхъ артиллеріей большаго калибра, и выдвинувъ лѣвое

1811. крыло главнаго корпуса впередъ, заложить батарею на картечный выстрѣлъ отъ турецкаго ретраншамента; тогда-же устроена переправа на паромахъ для постояннаго сообщенія съ корпусомъ Маркова (45).

Въ тотъ-же день, явились въ нашъ лагерь переговорщики отъ сановниковъ ушедшихъ въ Рущукъ и отъ верховнаго визиря, съ просьбою вступить въ переговоры о мирѣ, на умѣреннѣйшихъ условіяхъ, и получили отказъ. Въ слѣдующую ночь, визирь, пользуясь темнотою и сильнымъ дождемъ, пробрался въ лодкѣ мимо нашихъ судовъ въ Рущукъ. Встревоженные тѣмъ, наши генералы собрались кругомъ палатки главнокомандующаго. Кутузовъ, выйдя къ нимъ, весело поздравилъ ихъ съ радостною вѣстью. Приведенные въ недоумѣніе словами военачальника, они спросили: что̀ такое случилось? „Визирь ушелъ — отвѣчалъ Кутузовъ. — Бѣгство его приближаетъ насъ къ миру. По обычаю Турокъ, верховный визирь, окруженный непріятелемъ, не можетъ вести переговоры о мирѣ.“

Нѣсколько дней спустя, 10 (22) и 11 (23) октября, генералъ-маіоръ Гамперъ, овладѣвъ Туртукаемъ и Силистріей, разорилъ тамошнія укрѣпленія.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе Кутузова объ одержанномъ имъ успѣхѣ, возвелъ его въ графское достоинство, а генералу Маркову пожаловалъ орденъ Св. Георгія 2-й степени.

Положеніе Турокъ, обложенныхъ въ лагерѣ при Слободзеѣ, было невыносимо: тѣснясь на небольшомъ пространствѣ, среди людскихъ и конскихъ труповъ, страдая отъ голода, холода и повальныхъ болѣзней, они гибли тысячами. Всѣ лошади пали, либо были съѣдены, вся трава между турецкими окопами и нашею передовою цѣпью выщипана, и самые корни вырыты изъ земли, цѣною жизни. подъ

выстрѣлами русскихъ пикетовъ. Жестокая стужа заставила Турокъ употреблять на разведеніе огней палаточные колья. 1811.

Еще за три мѣсяца предъ тѣмъ, въ іюнѣ, Императоръ Александръ, озабоченный донесеніями князя Куракина и флигель-адъютанта Чернышева, о враждебныхъ замыслахъ Наполеона противъ Россіи, желая кончить дѣла съ Турціею, писалъ Кутузову: „Воздавая полную цѣну превосходнымъ талантамъ и усердію вашему, не только дозволяю вамъ, но вызываю васъ сказать мнѣ откровенно ваше мнѣніе: почитаете-ли вы въ самомъ дѣлѣ упорство Султана непреодолимымъ, и въ такомъ случаѣ не признаете-ли полезнѣе, для совершенной развязки дѣлъ, требовать только уступку Молдавіи по рѣку Серетъ, составляющую для Россіи наилучшую границу, а за остальную часть Молдавіи и за Валахію, чтобы Порта намъ заплатила хотя 20 милліоновъ піастровъ?" Кутузовъ, въ донесеніи Государю, изъявилъ мнѣніе, что пріобрѣтеніе Валахіи растянуло-бы чрезмѣрно границы Имперіи, и потому лучше довольствоваться Молдавіей; что-же касается до военной контрибуціи въ замѣну Валахіи, онъ считалъ невозможнымъ получить ее, по разстройству финансовъ Порты и по скупости Турокъ (46). Обложивъ непріятельскую армію, Кутузовъ писалъ Императору Александру, что, судя по бѣдственному положенію, въ которое она поставлена, можетъ ежечасно представиться случай къ заключенію мира, и потому испрашивалъ Монаршаго разрѣшенія: требовать ли области по Дунай, или ограничиться болѣе умѣренными условіями мира? Государь, еще не получивъ этого донесенія, разрѣшилъ Кутузову заключить миръ, ограничиваясь прі-

1811. брѣтеніемъ Бессарабіи и Молдавіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявилъ желаніе, чтобы Порта уплатила за Валахію деньгами, опредѣлила политическое существованіе этого княжества и обезпечила жребій Сербіи. Касательно-же границъ въ Азіи, Императоръ Александръ полагалъ утвердить за каждою изъ сторонъ то, что̀ будетъ занимаемо ея войсками при подписаніи мира.

Переговоры начались тотчасъ по обложеніи турецкой арміи. Верховный визирь, спасшись въ Рущукъ, на другой день писалъ къ Кутузову, предлагая прислать уполномоченнаго сановника въ нашъ лагерь и прося прекратить дѣйствія дней на пять, потому что — по словамъ его — „нельзя въ одно и тоже время драться и вести переговоры". Кутузовъ опять отказалъ въ перемиріи, требуя границу по Дунаю. „Неотступлю отъ этого условія, писалъ онъ, удастся-ли мнѣ придти въ Адріанополь, или доведется отступить къ Бендерамъ." Визирь медлилъ, дѣлалъ меньшія уступки и наконецъ предложилъ постановить границею Серетъ. Какъ это согласовалось съ волею Императора Александра, то Кутузовъ отвѣчалъ, что приметъ турецкихъ уполномоченныхъ и прекратитъ дѣйствія главнаго корпуса, но не позволитъ обложеннымъ Туркамъ имѣть сообщеніе съ визиремъ, а принимая во вниманіе крайность, до которой доведены они, будетъ отпускать имъ сухари. Перемиріе могло быть прекращено каждою изъ сторонъ, объявивъ о томъ за 24 часа, и не распространялось на войска, стоявшія у Виддина. Донося Государю о заключеніи перемирія, Кутузовъ писалъ, что его побудило къ тому желаніе сохранить на нѣкоторое время обложенную армію. По словамъ его: „еслибы она сдалась, или была истреблена, прежде начатія переговоровъ, то верховный

визирь не имѣлъ бы причинъ спѣшить миромъ, ибо 1811.
вся цѣль его должна состоять въ томъ, чтобы скорымъ заключеніемъ мира спасти свои войска".

По прибытіи въ Журжу турецкихъ уполномоченныхъ, 13 (25) октября, съ нашей стороны были назначены для веденія переговоровъ: тайный совѣтникъ Италинскій, генералъ-маіоръ Сабанѣевъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Фонтонъ. Сначала дѣло остановилось въ ожиданіи полной мочи отъ Султана; когда-же наконецъ, 16 (28) ноября, привезли ее, турецкіе министры объявили, что ихъ Государь не соглашается на уступку страны по Серетъ, а предлагаетъ границу по теченію Прута, съ тѣмъ однако-же, что Килія и Измаилъ останутся за Турціей. Кутузовъ, не имѣя возможности возобновить дѣйствія за Дунаемъ въ глубокую осень, донесъ Императоту Александру о неожиданномъ затрудненіи, а верховному визирю написалъ, что онъ не осмѣливается довести до свѣдѣнія Государя объ отказѣ Султана на принятое уполномоченными условіе иначе, какъ если визирь сдастъ ему обложенную армію въ сохраненіе до заключенія мира; въ случаѣ-же несогласія визиря на это предложеніе, угрожалъ истребить ее силою до послѣдняго человѣка. Визирь долго не могъ рѣшиться на сдачу своей арміи, но наконецъ, 25-го ноября (7-го декабря), исполнилъ требованіе Кутузова. Положено, чтобы Турки, выйдя изъ лагеря и сдавъ оружіе и артиллерію, были отведены за русскимъ конвоемъ и расположились позади нашей арміи. На слѣдующій день выступили изъ лагеря остатки арміи визиря, изнуренные голодомъ, холодомъ, ранами и болѣзнями. Какъ тѣни, подходили они къ окружавшей ихъ цѣпи казаковъ, протягивая къ нимъ руки и предлагая деньги, часы, шали, все, что̀ имѣли, за кусокъ хлѣба;

1811. но Кутузовъ запретилъ нашимъ солдатамъ продавать съѣстные припасы. Турецкій лагерь представлялъ видъ юдоли всевозможныхъ бѣдствій: среди людскихъ и лошадиныхъ труповъ и грудъ костей, лежали раненые съ оторванными членами и больные неимѣвшіе силъ двигаться. Изъ 36,000 человѣкъ, перешедшихъ въ концѣ августа (въ первой половинѣ сентября) черезъ Дунай, осталось въ живыхъ 12,000; убито и умерло болѣе 20,000; перебѣжало къ намъ слишкомъ 2,000. До 2,000 человѣкъ, одержимыхъ повальными болѣзнями, отправлены въ Рущукъ, по просьбѣ визиря и для охраненія отъ заразы русскихъ войскъ. Прочіе-же 10,000 были расположены по квартирамъ, въ 50-ти верстахъ отъ Дуная (47). Сопровождавшему ихъ генералу Ланжерону Кутузовъ предписалъ обращаться съ ними, показывая видъ — „что они у насъ не въ плѣну, а въ гостяхъ, сами по своей волѣ“. Верховный визирь принялъ на себя снабженіе ихъ продовольствіемъ (48). Корпусъ Маркова переправился на лѣвую сторону Дуная. Четыре дивизіи Молдавской арміи расположились на зимнихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Журжи и Бухареста, а 9-я и 15-я дивизіи возвратились на Днѣстръ. Главная квартира Кутузова перешла въ Бухарестъ, куда также прибыли изъ Журжи уполномоченные Порты.

Императоръ Александръ не одобрилъ послѣднихъ дѣйствій главнокомандующаго, полагая, что какъ только Турки нарушили данное ими слово, то слѣдовало разорвать перемиріе и принудить къ сдачѣ обложенную армію. Самые переговоры, съ нашей стороны, по мнѣнію Государя, не были ведены съ надлежащею твердостью. „Вмѣсто того—писалъ Императоръ Александръ — чтобы распространяться на счетъ моего великодушія, когда турецкіе чиновники

помянули, что Султанъ ожидаетъ снисхожденія съ моей стороны, приличнѣе было имъ замѣтить, что, со всѣмъ желаніемъ съ моей стороны сдѣлать пріятное Султану, достоинство Россіи, послѣ сдѣланныхъ арміею нашею завоеваній, сего мнѣ не дозволитъ". Государь былъ также недоволенъ переѣздомъ конгресса въ Бухарестъ, „дающимъ пространное поле всѣмъ интригамъ иностранныхъ дворовъ, посредствомъ агентовъ ихъ тамъ находящихся." Считая невыгодный миръ вреднымъ для Россіи, Императоръ Александръ повелѣлъ, въ случаѣ отказа Турокъ въ нашихъ требованіяхъ, отправить состоящія у насъ въ залогѣ ихъ войска военно-плѣнными во внутрь Россіи, и запретилъ соглашаться на миръ иначе, какъ на предписанныхъ условіяхъ. 1811.

Исполняя Высочайшую волю, Кутузовъ объявилъ 31-го декабря (12-го генваря 1812 г.) турецкимъ уполномоченнымъ о прекращеніи перемирія, но позволилъ имъ остаться въ Бухарестѣ, въ ожиданіи отвѣта изъ Царьграда на требованія русскаго правительства ([49]).

Вся Европа, изъ ненависти къ Наполеону, сочувствуя Россіи, обращала взоры къ Дунаю.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XIII.

(¹) Сформированы полки: 1805 года 28-го августа: Житомирскій и Лифляндскій драгунскіе; Могилевскій, Калужскій, Костромской, Виленскій, Пензенскій, Эстляндскій и Одесскій мушкетерскіе; 21-й и 22-й егерскіе; 31-го августа: 10-й и 11-й артиллерійскіе полки (Именные указы Военной Коллегіи. Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,882 и № 21,887). Въ послѣдствіи сформированъ въ Сибири 23-й егерскій полкъ (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,942).

(²) Именной указъ Сенату, отъ 1-го сентября 1805 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,891).

(³) Инструкція генералу отъ кавалеріи барону Беннигсену, отъ 16-го августа 1805 года, за подписью Императора Александра. § 11. (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. Campagne de 1805. № 155).

(⁴) Именной указъ Литовскому Военному Губернатору, отъ 15-го августа 1805 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,871).

(⁵) Именной указъ Военной Коллегіи отъ 17-го августа 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,873).

(⁶) Mémoires posthumes de Stedingk. II. 55 — 56.

(⁷) Составъ дѣйствующихъ войскъ русской арміи предъ открытіемъ кампаніи 1805 года.

Подольская армія, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Кутузова.

Передовой корпусъ въ окрестностяхъ Радзивилова.

Кавалерія: Черниговскій драгунскій и Павлоградскій гусарскій полки; всего 15 эскадроновъ; два казачьихъ полка.

Пѣхота. Полки: Малороссійскій гренадерскій; Апшеронскій и Азовскій мушкетерскіе; 6-го егерскаго полка два баталіона, всего 11 баталіоновъ.

Одна рота конной и двѣ роты пѣшей артиллеріи.

Первый корпусъ въ окрестностяхъ Радзивилова.

Кавалерія: Лейбъ-кирасирскій Ея Величества, С.-Петербургскій драгунскій и Маріупольскій гусарскій полки, всего 20 эскадроновъ; два казачьихъ полка.

Пѣхота. Полки: Кіевскій гренадерскій; Смоленскій, Бутырскій, Московскій, Новгородскій, Нарвскій и Подольскій; 6-го и 8-го егерскихъ полковъ по одному баталіону, всего 23 баталіона.

Одна рота конной и четыре роты пѣшей артиллеріи.

Рота піонеровъ и понтонная полурота.

Второй корпусъ въ окрестностяхъ Гусятина.

Кавалерія: Тверской драгунскій полкъ, 5 эскадроновъ; два казачьихъ полка.

Пѣхота. Мушкетерскіе полки: Брянскій, Новоингерманландскій, Владимірскій, Ярославскій, Вятскій и Галицкій; 8-го егерскаго полка два баталіона: всего 20 баталіоновъ.

Одна рота конной и четыре роты пѣшей артиллеріи.

Понтонная полурота и рота піонеровъ.

Всего-же въ Подольской арміи: 40 эскадроновъ, 54 баталіона, 3 конныхъ и 10 пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ; двѣ піонерныхъ и одна понтонная рота; 6 казачьихъ полковъ, въ числѣ 46,405 человѣкъ, несчитая нестроевыхъ.

Волынская армія, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи графа Буксгевдена.

Первый корпусъ въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска.

Кавалерія. Полки: Московскій и Стародубовскій драгунскіе, Александрійскій и Елисаветградскій гусарскіе, всего 30 эскадроновъ; два казачьихъ полка.

Пѣхота. Мушкетерскіе полки: Ряжскій, Низовскій, Архангелогородскій, Псковскій, Ростовскій, Пермскій; 7-й егерскій, всего 21 баталіонъ.

Одна рота конной и 6 ротъ пѣшей артиллеріи.

Одна піонерная рота и одна понтонная полурота.

Второй корпусъ въ окрестностяхъ Устилуга.

Кавалерія. Полки: Харьковскій, Сѣверскій и Ингерманладскій драгунскіе, Изюмскій гусарскій и Конный Польскій, всего 35 эскадроновъ, четыре казачьихъ полка.

Пѣхота. Полки: Фанагорійскій гренадерскій, Старо-Ингерманландскій, Выборгскій, Воронежскій и Курскій мушкетерскіе; 5-й егерскій; всего 18 баталіоновъ.

Одна рота конной и четыре роты пѣшей артиллеріи.

Одна піонерная рота и одна понтонная полурота.

Всего-же въ Волынской арміи: 65 эскадроновъ, 39 баталіоновъ, 2 конныхъ и 10 пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ, двѣ піонерныхъ и одна понтонная рота, въ числѣ до 30,000 человѣкъ, не считая нестроевыхъ *)

Корпусъ Эссена 1-го въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска.

Кавалерія. Полки: Кавалергардскій, Л. Гв. Конный, Лейбъ-гусарскій, Лейбъ-казачій, всего 17 эскадроновъ. Уланскій Его Высочества Цесаревича Константина Павловича полкъ, 10 эскадроновъ.

---

*) Изъ войскъ этой арміи, поступили въ послѣдствіи въ корпусъ Эссена 1-го полки: Стародубовскій, Сѣверскій драгунскіе и Александрійскій гусарскій.

Пѣхота. Л. Гв. полки: Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій, всего 6 баталіоновъ; Лейбъ-гренадерскій и Московскій гренадерскій полки, 6 баталіоновъ; Тенгинскій, Шлиссельбургскій и Петербургскій мушкетерскіе полки, 9 баталіоновъ; Л. Гв. егерскій баталіонъ.

Полторы роты конной и 6 ротъ пѣшей артиллеріи.

Піонерная рота и понтонная полурота.

Всего-же въ корпусѣ Эссена 1-го: 27 эскадроновъ и 22 баталіона, съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею, въ числѣ около 20,000 человѣкъ.

Десантный корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Толстаго.

Кавалерія. Лейбъ-кирасирскій Его Величества полкъ, 5 эскадроновъ, и два казачьихъ полка.

Пѣхота. Полки: Павловскій и С.-Петербургскіе гренадерскіе; Бѣлозерскій, Рязанскій и Кексгольмскій мушкетерскіе; 1-й и 2-й егерскіе, всего 21 баталіонъ. 3-го Морскаго полка два баталіона.

1-го артиллерійскаго полка одинъ баталіонъ и 1-го конно-артиллерійскаго баталіона два орудія.

Всего 5 эскадроновъ и 23 баталіона, 2 казачьихъ полка и артиллерія, въ числѣ около 20,000 человѣкъ.

На Іоническихъ островахъ прежде находились:

Полки: Сибирскій гренадерскій, Витебскій мушкетерскій, Куринскаго мушкетерскаго два баталіона; 13-й и 14-й егерскіе. Одинъ гарнизонный баталіонъ на полевомъ положеніи. 6-го артиллерійскаго полка двѣ легкія роты. Гарнизонной артиллеріи 200 человѣкъ: всего-же 10,700 человѣкъ.

Въ послѣдствіи посланы туда-же:

Полки: Переяславскій драгунскій; Колыванскій, Козловскій, Алексопольскій и Нижегородскій. 6-го артиллерійскаго полка двѣ роты. Одинъ казачій полкъ: всего-же 10,500.

А вмѣстѣ съ находившимися прежде на Іоническихъ островахъ 21,200 человѣкъ, не считая нестроевыхъ.

Резервный корпусъ, на молдавской границѣ, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Тормасова.

Кавалерія. Глуховскій кирасирскій, Бѣлорусскій и Ольвіопольскій гусарскіе полки, всего 25 эскадроновъ; 8 казачьихъ полковъ.

Пѣхота. Полки: Крымскій, Старооскольскій и Нашебургскій мушкетерскіе, 11-й егерскій, всего 12 баталіоновъ.

6-го артиллерійскаго полка 1 баталіонъ, 2-го конно-артиллерійскаго баталіона 1 рота и понтонная рота.

Всего въ числѣ 15,200 человѣкъ.

(Извлечено: 1) изъ вѣдомостей о войскахъ, Арх. Гл. Шт. № 3,767; 2) изъ вѣдомости о войскахъ, приложенной къ письму отъ графа Ливена къ князю Чарторыскому, отъ 9-го августа 1805 года, хранящейся въ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ).

(8) Въ донесеніи отъ 16 (28) августа, Алопеусъ писалъ, что Король Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился соблюдать строжайшій неутралитетъ и охранять его противъ кого-бы то ни было оружіемъ. По свидѣтельству

Алопеуса, прусскій министръ Гарденбергъ сказалъ ему: «Бога ради, незаставьте насъ усилить наполеонову армію двумя стами тысячъ человѣкъ».

(9) Повелѣніе генералу Михельсону, отъ 6-го сентября 1805 года.

(10) Изъ письма Императора Александра I къ Королю Шведскому Густаву IV.

(11) Повелѣніе графу Воронцову (Семену Романов.), отъ 3-го и 4-го сентября.

(12) Высочайше утвержденныя правила для Комитета Министровъ, на время отсутствія Государя, 4-го сентября 1805 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,896).

(13) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. VII. 280.

(14) Письмо князя Чарторыскаго графу Разумовскому, отъ 20-го сентября.

(15) Высочайшій рескриптъ генералу отъ инфантеріи Римскому-Корсакову, отъ 6-го октября 1805 года, о сформированіи резервной арміи, въ составѣ 56-ти баталіоновъ, 70-ти эскадроновъ и 15-ти казачьихъ полковъ.

(16) «Je compte d'avance parmi les jours les plus heureux de ma vie celui, où je pourrai serrer contre mon coeur le Souverain bienfaisant et loyal, qui a donné le premier le mouvement à tout ce qui va s'entreprendre de grand et heureux». (Считаю въ числѣ счастливѣйшихъ дней моей жизни тотъ, когда прижму къ моему сердцу благодѣтельнаго и прямодушнаго Монарха, который первый подвигнулъ все, что предпримемъ великаго и счастливаго). Изъ письма Императора Франца, отъ 4-го октября 1805 года.

(17) Нота Гарденберга Дюроку и Лафорè, отъ 14-го октября н. ст. 1805 года, о нарушеніи неутралитета Пруссіи французскими войсками (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(18) Garden. Histoire générale des traités de paix. IX. 68 — 72.

(19) Joh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 153 — 157.

(20) Arm. Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. II. 175.

(21) «Mackah» на еврейскомъ языкѣ значитъ: пораженіе, ударъ. Scherr. II. 187.

(22) Составъ и сила колоннъ арміи Кутузова.

1-я колонна, генералъ-маіора князя Багратіона.

Полки: Павлоградскій гусарскій, Кіевскій гренадерскій, Азовскій мушкетерскій, 6-й егерскій. Двѣ артиллерійскія роты, казачій полкъ, всего. . . . . 7,733 челов.

2-я колонна, генералъ-лейтенанта Эссена 2-го.

Полки: Черниговскій драгунскій, Малороссійскій гренадерскій, Апшеронскій и Смоленскій мушкетерскіе. Одна рота конной и двѣ роты пѣшей артиллеріи, піонерная рота, казачій полкъ . . . . 8,116 челов.

3-я колонна, генералъ-лейтенанта Дохтурова

Полки: Маріупольскій гусарскій, Бутырскій и Московскій мушке-

терскіе, одинъ баталіонъ 8-го егерскаго полка, одна пѣшая артиллерійская рота, понтонная полурота. . . . . 6,948 челов.

4-я колонна, генералъ-лейтенанта Шепелева.

Полки: Новгородскій, Нарвскій и Подольскій мушкетерскіе, одна пѣшая артиллерійская рота. . . . . 6,881 челов.

5-я колонна, генералъ-лейтенанта барона Мальтица.

Полки: Лейбъ-кирасирскій Ея Величества, Вятскій, Брянскій и Ярославскій мушкетерскіе, два баталіона 8-го егерскаго полка, одна рота конной и двѣ роты пѣшей артиллеріи, піонерная рота, казачій полкъ. 8,572 чел.

6-я колонна, генералъ-лейтенанта барона Розена.

Полки: Санктпетербургскій и Тверской драгунскіе, Новоингермандскій, Владимірскій и Галицкій мушкетерскіе, двѣ роты пѣшей и одна рота конной артиллеріи, понтонная полурота, казачій полкъ. 8,155 чел.

Итого въ арміи строевыхъ чиновъ 46,405.

(23) Въ инструкціи на счетъ продовольствія арміи за границею, данной генералу Кутузову, за подписью Императора Александра, повелѣно:

«Войска, во все время своего пребыванія въ австрійскихъ владѣніяхъ, будутъ получать провіантъ и фуражъ отъ Вѣнскаго Двора, на счетъ русскаго правительства. Пять австрійскихъ порцій, считать за четыре русскихъ. Три вѣнскихъ раціона сѣна — за два русскихъ. Одинъ вѣнскій раціонъ овса — за одинъ русскій. Деньгами-же за каждый раціонъ получать по шести копѣекъ серебромъ. Въ замѣну крупъ, полагается по двѣ копѣйки и пополуфунту говядины въ день, по вѣнскому вѣсу.

«Козеницы въ Галиціи.

«Октября 7-го, 1805 года».

(Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(24) Lefebvre. II. 145 — 147.

(25) Письмо эрцгерцога Фердинанда Кутузову, изъ Гюнцбурга, отъ 26-го сентября (8-го октября) 1805 года.

(26) Письмо Кутузова эрцгерцогу Фердинанду, изъ Браунау, отъ 5 (17) октября 1805 года.

(27) Письмо Кутузову графа Меерфельдта, отъ 9-го (21-го) октября 1805 года.

(28) Донесеніе Государю Кутузова, отъ 10-го (22-го) октября 1805 года.

(29) Dumas. Précis des évènements militaires etc. XIII. 245 — 248.

(30) Dumas. XIII. 258 — 262.

(31) Rüstow. Der Krieg von 1805. 241.

(32) Въ аррієргардѣ князя Багратіона состояли полки: Кіевскій гренадерскій, Азовскій мушкетерскій, 6-й егерскій, всего 9 баталіоновъ, Павлоградскій гусарскій; 4 баталіона Кроатовъ и Гессенъ-Гомбургскій гусарскій полкъ графа Ностица.

(33) У Милорадовича, въ дѣлѣ при Амштетенѣ, были полки: Малороссійскій гренадерскій, Апшеронскій и Смоленскій мушкетерскіе, 8-й егерскій, всего 12 баталіоновъ; Маріупольскій гусарскій.

(34) «Dans ce combat où l'infanterie française et l'infanterie russe s'abor-

dèrent corps à corps, les grenadiers d'Oudinot montrèrent la plus grande intrépidité; les Russes un courage féroce: blessés, mutilés, ils combattaient avec fureur jusqu'à ce qu'on les eût désarmés; les prisonniers même attaquaient leur escorte» ,.. Dumas. XIII. 303.

(35) Rüstow. 250 und 257 — 258.

(36) Rüstow. 259 — 260.

(37) Rüstow. 256.—Dumas. XIII. 299.

(38) Rüstow. 264 — 265. — Dumas. XIV. 3 — 5.

(39) Составъ отряда князя Багратіона, полки: Кіевскій гренадерскій. Подольскій и Азовскій мушкетерскіе; по одному баталіону Нарвскаго и Новгородскаго; Лейбъ-кирасирскій Ея Величества, Черниговскій драгунскій и Павлоградскій гусарскій полки.

(40) Составъ войскъ Дохтурова, полки: 6-й егерскій, Московскій, Ярославскій и Вятскій мушкетерскіе; по два баталіона Брянскаго и Нарвскаго; два эскадрона Маріупольскихъ гусаръ. За ними слѣдовалъ генералъ Штрикъ съ Бутырскимъ мушкетерскимъ и двумя баталіонами 8-го егерскаго.

(41) Составъ авангарда Милорадовича: Апшеронскій мушкетерскій полкъ; по одному баталіону Малороссійскаго гренадерскаго, Смоленскаго мушкетерскаго и 8-го егерскаго; два эскадрона Маріупольскихъ гусаръ.

(42) Составъ войскъ Эссена 2-го: по два баталіона полковъ: Малороссійскаго гренадерскаго, Смоленскаго и Новгородскаго мушкетерскихъ и одинъ баталіонъ Брянскаго мушкетерскаго полка; шесть эскадроновъ Маріупольскихъ гусаръ.

(43) Dumas. XIV. 10.

(44) У Эгельзее оставался генералъ Штрикъ съ Бутырскимъ полкомъ и двумя баталіонами 8-го егерскаго.

(45) Источниками для описанія дѣла при Дюрнштейнѣ (близъ Кремса) служили: Рапортъ Государю генерала Кутузова изъ Эберсбрюна, отъ 2-го ноября (ст. ст.) 1805 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ). — Dumas. Précis des événements militaires etc, XIV. 10—16. Rüstow. 272—279.

(46) Бюллетень 23-го брюмера XIV (14-го ноября н. ст. 1805 года).

(47) Предписанія Мюрату, Сульту, Бернадотту и Мортье, за подписью начальника главнаго штаба (major-général) Бертье. Dumas. XIV. Pièces justificatives. 201—215.

(48) Dumas. XIV. 29—30.—Rüstow. 285.

(49) Dumas. XIV. 31.

(50) Dumas. XIV. 34—36.

(51) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. VI. 283.

(52) Dumas. XIV. 37.

(53) Извлечено изъ бюллетеня отъ 24-го брюмера XIV. (15-го ноября н. ст. 1805 года).

(54) Составъ отряда князя Багратіона въ дѣлѣ при Шенграбенѣ: полки Кіевскій гренадерскій, Подольскій и Азовскій мушкетерскіе, 6-й егерскій, по одному баталіону Новгородскаго и Нарвскаго полковъ; Павлоградскій гусарскій, Черниговскій драгунскій и два казачьихъ полка; рота батарейной артиллеріи. Австрійскій полкъ Гессенъ-Гомбургскихъ гусаръ графа Ностица. Всего до 7,000 человѣкъ.

(55) Донесеніе Императору Александру генерала Кутузова, отъ 3-го ноября ст. ст. изъ Ецельсдорфа (на французск. языкѣ).—Rüstow. 291—292.

(56) Донесеніе Государю Кутузова отъ 7-го ноября ст. ст. 1805 года, изъ Вишау. — Dumas. XIV. 50—55.—Rüstow. 293 — 295.

(57) Изъ бумагъ графа П. А. Строганова.

(58) Донесеніе Императору Францу Кутузова, отъ 6-го (18-го) ноября 1805 года.

(59) Вѣдомости о состояніи русскихъ войскъ. Показаніе Рюстова (стр. 325), будтобы въ Союзной арміи 22-го ноября н. ст. было 86,000 человѣкъ, несправедливо. Въ арміи Кутузова, до присоединенія къ ней корпуса Буксгевдена, немогло оставаться болѣе 34,000 человѣкъ; въ корпусѣ графа Буксгевдена и гвардіи было столько-же; число австрійцевъ не превосходило 12,000 человѣкъ.

(60) Rüstow. 324.

(61) Rüstow. 322 — 324.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XIV.

(1) Joh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 167—170.

(2) У Союзниковъ подъ Ольмюцомъ было около . . .	80,000 чел.
Ожидали прибытія генерала Эссена 1-го съ.	10,000 »
Въ половинѣ (въ концѣ) ноября н. ст. арміи эрцгерцоговъ Карла и Іоанна находились у Цилли и Виндишфейстрица, въ числѣ около	90,000 »
Изъ числа 240,000 человѣкъ прусскихъ войскъ можно было выдвинуть къ Дунаю, по крайней мѣрѣ. . .	120,000 »
Итого . .	300,000 чел.
Наполеонъ могъ собрать у Брюнна и въ окрестностяхъ Вѣны до	110,000 чел.
Армія Массены и часть войскъ отряженныхъ въ Тироль составляли не болѣе.	40,000 »
Итого . .	150,000 чел.

Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. VI. 308.

(3) Thiers. VI. 303 — 307.

(4) Донесеніе Государю Кутузова, отъ 9-го ноября ст. ст. 1805 года, изъ Просница.

(5) Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire etc. IV. 437 — 438.— A. Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. II. 203.—Thiers. VI. 322.

(6) Mémoires du duc de Rovigo. II. 171 — 188.—Correspondance de Napoléon 1-er. XI. 436. № 9,524.

(7) Высочайшій рескриптъ, отъ 13-го ноября, полученный въ Петербургѣ 24-го числа того-же мѣсяца (С.-Петербургскія вѣдомости 1805 года. № 95).

(8) Oestreich. milit. Zeitschrift. 1822.—Dumas. Précis des évènemens militaires. XIV. 129 — 131.

(9) Rüstow. Der Krieg von 1805. 351.

(10) Dumas. XIV. 136—139.

([11]) Bignon. IV. 441.

([12]) Mémoires du duc de Rovigo. II. 191—197.—Thiers. VI. 311 — 313.

([13]) Oestreich. milit. Zeitschr. 1822. — Rüstow. 356 — 357.

([14]) Бюллетень 12-го фримера XIV (3-го декабря н. ст. 1805 г.). — Dumas. XIV. 147.

([15]) Dumas. XIV. 152 — 154.

([16]) Correspondance de Napoléon 1-er. XI. 442 — 443. № 9,535.

Составъ и число французской арміи.

Правое крыло:

Корпуса Даву дивизія Фріана 10 бат. . . . . 6,000 чел.
Дивизія Бурсье 18 эск. . . . . 1,700 »

Итого. 7,700 чел.

Центръ:

Корпуса Сульта три дивизіи: Леграна 11 бат. 7,500 чел. Сентъ-Илера 10 бат. 7,300 чел. и Вандамма 10 бат. 7,300 чел. всего . . . . 22,100 чел.
Дивизія Маргарона 12 эскадр. . . . . 1,600 »

Итого. 23,700 »

Лѣвое крыло:

Корпусъ Бернадотта: дивизіи Друэ, 9 бат. 5,300 чел. и Риво, 9 бат. 5,000 чел. всего . . . . 10,300 чел.
Дивизія Келлермана, 8 эск. . . . . 1,000 »
Корпусъ Ланна: дивизія Кафарелли корпуса Даву, 9 бат. 6,400 чел. и дивизія Сюше корпуса Сульта, 9 бат. 7,000 чел. всего . . . . 13,400 »
Бригада Мильгò, 8 эск. . . . . 800 »
Резервная кавалерія Мюрата: дивизіи: Лассаля, 16 эск. 1,600 чел. Нансути, 24 эск. 2,300 чел. д'Опу, 16 эск. 1,500 Вальтера 18 эск. 1,700 чел. и бригада дивизіи Бомона, 9 эск. 900 чел. всего-же. . . . . 8,000 »
Гренадерская дивизія Удино, 10 бат. . . . . 5,800 »
Гвардія: 6 бат. 3,300 чел. и 8 эск. 800 чел. . . . . . 4,100 »

Итого. 43,400 чел.

Всего-же до 75,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ около 60,000 пѣхоты и 15,000 кавалеріи. Rüstow. 364 — 365 und 370 — 371.

([17]) Dumas. XIV. 148 — 149.

([18]) Dumas. XIV. 149.

([19]) Scherr. II. 198.

([20]) Описаніе войны 1805 года, генерала Михайловскаго-Данилевскаго. Изъ записокъ графа Орурка.

([21]) Подъ начальствомъ Уварова состояли полки: Елисаветградскій гусарскій, Черниговскій и Харьковскій драгунскіе.

([22]) Составъ колоннъ Союзной арміи.

Лѣвое крыло, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи, графа Буксгевдена.

Авангардъ, подъ начальствомъ фельдм.-лейтен. барона Кинмейера.

Бригада генералъ-маіора Карневиля (Креневиля).	1-й и 2-й полки Шеклеровы	4 бат.
	Броодера Кроаты	1 »
	Двѣ позиціонныя батареи.	
	Три роты піонеръ съ понтонами.	
Генералъ-маіора Штутергейма.	Орельи Легко-конный полкъ	8 эск.
	Полуэскадронъ уланъ Меерфельда.	
Генералъ-маіора графа Ностица.	Гессенъ-Гомбургскій легко-конный полкъ.	8 »
	Полуэскадронъ уланъ Шварценберга.	
	Шеклеровъ гусарскій полкъ, подъ командою принца Морица Лихтенштейна	6 »
	Казачьи полки Исаева и Мелентьева.	

Всего 5 батал. 23 эскадр. 2 батареи, 3 роты піонеръ и 2 казачьихъ полка, въ числѣ 3,440 челов. пѣхоты и 2 940 челов. кавалеріи.

1-я колонна, генералъ-лейтенанта Дохтурова.

Генералъ-маіора Левиза.	5-го егерскаго полка	1 бат.
	7-й егерскій полкъ	3 »
	Ново-Ингерманланд. мушкетерскій полкъ.	3 »
Генералъ-маіора князя Урусова.	Ярославскій мушкетерскій полкъ	3 »
	Владимірскій » »	3 »
	Брянскій » »	3 »
Генералъ-маіора Лидерса.	Вятскій » »	3 »
	Московскій » »	3 »
	Кіевскій гренадерскій »	3 »
	Двѣ роты батарейной артиллеріи.	
	Одна піонерная рота.	

Всего 25 баталіоновъ, въ числѣ 13,800 челов.

2-я колонна, генералъ-лейтенанта графа Ланжерона.

	8-й егерскій полкъ	3 бат.
	Выборгскій мушкетерскій полкъ	3 »
Генералъ-маіора Олсуфьева.	Пермскій мушкетерскій полкъ.	3 »
	Курскій » »	3 »
Генералъ-маіора гр. Каменскаго 1-го.	Ряжскій » »	3 »
	Фанагорійскій гренадерскій полкъ.	3 »
	Двѣ артиллерійскія роты	
	Одна піонерная рота.	
	Казачій полкъ Денисова.	

Всего 18 баталіоновъ и одинъ казачій полкъ, въ числѣ 10,840 чел. пѣхоты и 500 челов. кавалеріи

3-я колонна, генералъ-лейтенанта Пржибышевскаго.

Генералъ-маіора Миллера.	7-го егерскаго полка	2 бат.
	Галицкій мушкетерскій полкъ	3 »
	Бутырскій » »	3 »
Генералъ-маіора Штрика.	Нарвскій » »	3 »
	Азовскій » »	3 »
	Подольскій » »	3 »

Одна піонерная рота.
Австрійской артиллеріи 12 орудій.
Всего 17 баталіоновъ, въ числѣ 8,000 человѣкъ.

Центръ, подъ личнымъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Кутузова.

4-я колонна, графа Колловрата и генералъ-лейтенанта Милорадовича.

Генералъ-маіора Репнинскаго.	Новгородскій мушкетерскій полкъ. . . .	3 бат.
	Апшеронскій » »	3 »
Генералъ-маіора Берга.	Смоленскій » »	3 »
	Малороссійскій гренадерскій »	3 »
Австрійскихъ генералъ-маіоровъ Юрчека, Ротермунда и Воднянскаго.	Зальцбургскій полкъ	6 »
	Резервныхъ баталіоновъ	9 »
	Рота вѣнскихъ егерей.	
	Драгуны эрцгерцога Іоанна.	
	Піонеровъ русскихъ 2 роты.	
	Одна рота русской артиллеріи.	
	16 австрійскихъ орудій.	

Всего-же 27 баталіоновъ, 2 эскадрона и 5 ротъ, въ числѣ 15,900 челов. пѣхоты и 120 челов. кавалеріи.

5-я колонна, фельдмаршалъ-лейтенанта князя Іоанна Лихтенштейна.

Генер.-лейтенанта Эссена 2-го.	Уланскій Его Высочества Цесаревича полкъ, ...	10 эск.
Генер.-лейтенанта Уварова.	Елисаветградскій гусарскій полкъ . . .	10 »
	Харьковскій драгунскій » . . .	5 »
	Черниговскій » » . . .	5 »
Фельдмаршалъ-лейтенанта князя Гогенлоэ.	Кирасирскій Императора	6 »
	» Нассаускій	6 »
	» Лотарингскій	6 »
	Рота русской конной артиллеріи.	

Всего 48 эскадроновъ, въ числѣ 4,500 человѣкъ.

Правое крыло, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Багратіона.

Пѣхота, генералъ-адъютанта князя Долгорукаго.

Генералъ-маіора Уланіуса	5-го егерскаго	2 бат.
	6-й егерскій полкъ.	3 »
Генералъ-маіора гр. Каменскаго 2.	Архангелогородскій мушкетерскій. . . .	3 »
	Псковскій »	3 »

Кавалерія

Генералъ-маіора Энгельрдта.	Ингерманландскій драгунскій.	3 эск.
	Лейбъ-кирасирскій Ея Величества. . . .	5 »
	Тверской драгунскій	5 »
	С.-Петербургскій драгунскій	5 »
Генералъ-маіора гр. Витгенштейна.	Павлоградскій гусарскій	10 »
	Маріупольскій »	10 »

Казачій полкъ Малахова.
» » Ханженкова.
Рота конной артиллеріи.

Всего 14-ть баталіоновъ, 35 эскадроновъ, 2 казачьихъ полка, въ числѣ 8,000 челов. пѣхоты и 4,500 чел. кавалеріи.

Резервъ, подъ начальствомъ Его Высочества, Цесаревича Константина Павловича.

Пѣхота, подъ командою генералъ-лейтенанта Малютина.

Л.-Гв. Преображенскій полкъ	2 бат.
» Семеновскій »	2 »
» Измайловскій »	2 »
» Егерскій баталіонъ	1 »
Лейбъ-тренадерскій полкъ	3 »

14-ть батарейныхъ орудій.

Кавалерія, подъ командою генералъ-лейтенанта Кологривова.

Кавалергардскій полкъ	5 эск.
Л.-Гв. Конный »	5 »
» Гусарскій »	5 »
» Казачьяго полка	2 »

8 конныхъ орутій.

Всего 10 батал. и 17 эскадр. въ числѣ 6,500 челов. пѣхоты и 2,500 челов. кавалеріи.

Вообще-же въ Союзной арміи вмѣстѣ съ нестроевыми было около 81,500 человѣкъ (Русскихъ 66,000 и Австрійцевъ 15,500 человѣкъ), и въ томъ числѣ пѣхоты 66,480 и кавалеріи 15,060 человѣкъ. На лицо-же въ строю не болѣе 70,000 человѣкъ.

(23) Записки графа Ланжерона. — Михайловскій-Данилевскій. — Rüstow. 363—364.—Thiers. VI. 324 — 326.

(24) Oestreich. milit. Zeitschr. 1822.

(25) Расположеніе французской арміи утромъ 20-го ноября (2-го декабря).

На оконечности *лѣваго крыла,* впереди бозеницскаго ручья, Ланнъ съ дивизіями Кафарелли и Сюшè; за нимъ, по правую сторону ручья, Бернадоттъ съ дивизіями Друэ и Риво̀; вправо отъ нихъ, по обѣ стороны брюнской дороги, резервъ Мюрата, именно дивизіи: Нансути, д'Опу, Вальтера, Бомона, Келлермана, Лассаля, и бригада Мильго̀: легкая кавалерія впереди, а кирасиры и драгуны—позади бозеницскаго ручья. За ними, вправо отъ большой дороги, гренадерская дивизія Удино̀, а позади гренадеръ и наполеонова бивака — гвардія.

Въ центрѣ: корпуса Сульта дивизія Вандамма — впереди Гиршковица; дивизія Сентъ-Илера — впереди Пунтовица; пять баталіоновъ дивизіи Леграна — впереди Кобельница; наконецъ — *на правомъ крылѣ:* шесть баталіоновъ той-же дивизіи и шесть эскадроновъ дивизіи Маргарона (прочіе шесть тогда еще не прибыли на поле сраженія) занимали теченіе Гольдбаха отъ Кобельница до Тельница, въ ожиданіи дивизій Фріана и Бурсьè, подъ начальствомъ маршала Даву, двигавшихся отъ Райгерна къ Тельницу. Dumas. XIV. 143—146.—Rüstow. 373—374.

(26) На счетъ числа французской арміи, показанія весьма различны. Французскіе писатели, несмотря на свидѣтельство самаго Наполеона, въ бюллетенѣ отъ 12-го фримера XIV (3-го декабря н. ст. 1805 года), что у него было 80,000 человѣкъ, показываютъ число французскихъ войскъ не болѣе 65,000 или 70,000 человѣкъ. Dumas. XIV. 124.—Thiers. VI. 319. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они преувеличиваютъ силы Союзниковъ до 90,000 человѣкъ. Въ дѣйствительности-же, если на нашей сторонѣ и было превосходство въ числѣ войскъ, то оно не превышало 7-ми или 8-ми тысячъ человѣкъ.

(27) Донесеніе Кутузову графа Буксгевдена.—Dumas. XIV. 160—163.—Oestr. milit. Zeitschr. 1822.

(28) Донесеніе Кутузову графа Буксгевдена. Dumas. XIV.163 — 165.—Oestr. milit. Zeitschr. 1822.

(29) Rüstow. 377.

(30) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1805 года.

(31) Письмо Кутузова Милорадовичу, отъ 26-го іюня 1806 года.

(32) Генералъ Михайловскій-Данилевскій.

(33) Донесеніе Государю Кутузова, отъ 30-го ноября ст. ст. 1805 года.

(34) «Послѣ ретирады четвертой колонны, оставался я при бригадѣ графа Каменскаго до окончанія дѣла и до наступленія ночи». Письмо Кутузова къ графу Ливену, отъ 15-го іюля 1806 года.

(35) Генералъ-Михайловскій-Данилевскій.

(36) Донесеніе полковника графа Мантейфеля.—Dumas. XIV. 180.—Oestreich. militair-Zeitschrift. 1822.

(37) У Блазовица, подъ личнымъ начальствомъ Цесаревича, тогда находились: два баталіона Преображенскихъ, два Семеновскихъ, одинъ Измайловскій и Лейбъ-егерскій; пять эскадроновъ Конной гвардіи и пять эскадроновъ Лейбъ-гусаръ. Одинъ баталіонъ Измайловскаго полка былъ отряженъ къ праценскимъ высотамъ, а Лейбъ-гренадеры, Кавалергарды и Лейбъ-казаки оставались назади. Исторія Лейбъ-гвардіи Коннаго полка.

(38) Dumas. XIV. 191 — 192.

(39) Исторія Кавалергардскаго полка. — Dumas. XIV. 192 — 195.

(40) «Der Fürst Bagration entwickelte in solchen Augenblicken einen seltenen Grad von Standhaftigkeit und Geistesgegenwart». Oestreich. milit. Zeitschrift. 1822.

(41) Oestreich. milit. Zeitschrift. 1822. — Dumas. XIV. 185 — 188.

(42) Rüstow. 373 — 374 und 388.

(43) Oestr. milit. Zeitschr. 1822.—Dumas. XIV. 198 — 200.

(44) Уронъ Пермскаго полка въ сраженіи при Аустерлицѣ: 5 штабъ-офицеровъ и 39 оберъ-офицеровъ, 1,684 нижнихъ чиновъ и 6 орудій. Строевая записка отъ 1-го декабря 1805 года.

(45) Oestreich. milit. Zeischr. 1822.—Dumas. XIV. 200 — 205.

(46) Rüstow. 393.

(47) Строевые рапорты генерала Кутузова.

(48) Вѣдомость, поданная послѣ аустерлицскаго сраженія, графу Аракчееву, начальникомъ артиллеріи генералъ-маіоромъ Богдановымъ.

(49) Въ то время у насъ въ каждомъ пѣхотномъ баталіонѣ было по четыре знамени. Замѣчателенъ поступокъ унтеръ-офицера Азовскаго

мушкетерскаго полка Старичкова. Среди совершеннаго разгрома колонны Прибышевскаго, израненному Старичкову удалось сорвать съ древка и спрятать подъ одежду свое знамя, въ ту минуту, когда оно могло достаться непріятелю. Находясь въ плѣну и чувствуя приближеніе смерти, онъ передалъ свою тайну товарищу неволи, Бутырскаго полка рядовому Чайкѣ, заклиная его беречь знамя, какъ святыню, и возвратить полку, что̀ и было исполнено.

(50) По свидѣтельству Дюма̀, потери союзниковъ вообще простирались до 40,000 человѣкъ. Précis des événements militaires, etc. XIV. 207. У Тьера уронъ союзниковъ показанъ въ 35,000 человѣкъ. Histoire du Consulat et de l'Empire. VI. У Рюстова — въ 33,000 человѣкъ. Der Krieg von 1805. 394.

(51) Письмо Новосильцова къ графу П. А. Строганову, отъ 6-го генваря ст. ст. 1806 года.

(52) Генералъ Михайловскій-Данилевскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XV.

(¹) Garden. Histoire générale des traités de paix. IX. 25.

(²) Armand Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. II. 219 — 220. Показаніе Шерра, будтобы Императоръ Францъ пріѣхалъ на свиданіе съ Наполеономъ въ сопровожденіи одного лишь изъ своихъ адъютантовъ Ламберти, неосновательно.—Correspondance de Napoléon. XI. 457. № 9,546.

(³) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. VI 359 — 360.

(⁴) Записка Государя была слѣдующаго содержанія: «Le général Meerveldt est autorisé à dire au maréchal Davoust, de Ma part, que l'armistice de vingt quatre heures a été conclu pour l'entrevue que les deux chefs suprêmes de leurs nations ont aujourd'hui ensemble à Utchitz.

«Alexandre».

(⁵) Schulz. Geschichte der Kriege in Europa seit 1792. VI. 2. 166 — 167. Донесеніе маршала Даву начальнику штаба Бертье, отъ 4-го декабря н. ст. 1805 года. Тамъ-же. 267 — 281.

(⁶) Geschichte der Kriege in Europa. VI. 2. 167 — 168.

(⁷) Garden. IX, 27.—Moniteur du 26 frimaire an XIV. (17 decembre 1805).

(⁸) Письмо Императора Франца къ Королю Фридриху-Вильгельму III, отъ 8-го декабря н. ст. изъ Голича.

(⁹) Письмо генерала Граверта отъ 4-го декабря н. ст. 1805 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(¹⁰) Письмо принца Гогенлоэ, отъ 7-го декабря н. ст. 1805 года изъ Эрфурта (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(¹¹) Рескриптъ графу Гаугвицу, отъ 19-го декабря н. ст. 1805 года изъ Берлина. — Garden. IX. 74 — 75.

(¹²) A. Lefebvre. II. 228—230.

(¹³) .....«après la malheureuse bataille d'Austerlitz entre l'Autriche et la France, après la retraite de la grande armée russe, et dans l'incertitude totale où nous nous trouvons sur les intentions de Napoléon à l'égard de la Prusse, la plus grande circonspection devient indispensable»............ (Изъ письма барона Гарденберга къ лорду Гарровби, отъ 22-го декабря н. ст. 1805 г.).

(14) Lefebvre. II. 231.

(15) Garden. IX. 74.

(16) .....«cent cinquante mille ennemis de plus n'aurait fait autre chose que de rendre la guerre plus longue...... toutes les intrigues ont échoué devant la volonté du Roi»...... Бюллетень 19-го фримера XIV года (7-го декабря н. ст. 1805).

(17) «Le compliment que vous m'adressez était destiné à d'autres; c'est la fortune qui en a changé l'adresse». Lefebvre. II. 232.

(18) Lefebvre. II. 238 — 241. — Garden. IX. 78.

(19) Thiers. VI. 386.

(20) Garden. IX. 78.

(21) Нота барона Гарденберга повѣренному въ дѣлахъ Англіи при берлинскомъ дворѣ, Г. Джаксону, отъ 14-го (26-го генваря) 1806 года.

(22) Отзывъ прусскаго государственнаго совѣта графу Мюнстеру отъ 15-го (27-го генваря 1806 года).

(23) Garden. IX. 80—81.

(24) Garden. IX. 51.

(25) Lefebvre. II. 246—248.

(26) Garden. IX. 49—50.

(27) Изъ донесеній Государю генерала Ласси, отъ 2-го (14-го) мая и 9-го (21-го) іюня 1805 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(28) Высочайшее повелѣніе адмиралу маркизу де-Траверсе, отъ 29-го сентября ст. ст. 1805 года изъ Пулавъ.

(29) Изъ донесенія Государю генерала Ласси, отъ 17-го (29-го) ноября 1805 года.

(30) Донесеніе Государю генерала Ласси отъ декабря 1805 года (генваря 1806 года) (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ). — Lefebvre. II. 270.

(31) Garden. IX. 63 — 64. — Correspondance de Napoléon 1-er. XI. 567. № 9,724.

(32) Mémoires du roi Joseph.

(33) Garden. IX. 66—67.

(34) Garden. 291—292.

(35) De Maistre. Mémoires politiques et correspondance diplomatique. 201.

(36) Изъ письма Императора Александра къ Кутузову, отъ 22-го декабря ст. ст. 1805 года изъ Петербурга.

(37) «Les suites de la journée du 20 novembre ayant été particulièrement facheuses pour la colonne, qui s'est trouvée sous les ordres de Votre Excellence, et Sa Majesté étant peu satisfaite de la manière dont cette colonne a été conduite, pour menager votre delicatesse, Vous accorde par mon organe la permission de demander votre retraite».

(38) По заключенію Государственнаго совѣта: «Пршибышевскій не снабдилъ генераловъ своей колонны надлежащими наставленіями къ точному исполненію диспозиціи, не принялъ заблаговременно мѣръ къ отступленію на дорогу въ Венгрію, не содержалъ безпрерывнаго сообщенія съ другими колоннами и съ своимъ резервомъ, раздробилъ на части войска, такъ что не имѣлъ средствъ подкрѣплять отдѣленные имъ отряды, снабжать людей снарядами, соединиться съ резервомъ, отступить къ назначеннымъ мѣстамъ, и, долженъ былъ идти съ кучею

разстроенныхъ людей въ противную диспозиціи сторону, гдѣ, въ совершенномъ безпорядкѣ, окруженный непріятелемъ, сдался въ плѣнъ».

(39) Высочайшій приказъ 25-го ноября 1810 года.

(40) Докладъ Генералъ-Аудиторіата 19-го августа 1807 года.

(41) Высочайшій приказъ 16-го марта 1806 года.

(42) Записки Вигеля. — Письмо Новосильцова къ графу П. А. Строганову, отъ 6-го генваря 1806 года (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

(43) Письмо къ Императору Александру князя Чарторыскаго, отъ 22-го марта 1806 года.

(44) Записки Вигеля.

(45) Выписка изъ протокола засѣданія Государственнаго Совѣта, въ генварѣ 1806 года, о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ.

(46) Соображеніе мнѣній, поданныхъ Гг. Членами Государственнаго Совѣта, по дѣламъ политическимъ, въ засѣданіи бывшемъ въ генварѣ 1806 года.

(47) Lefebvre. II. 254 — 262. — Garden. IX. 80—81. — Höpfner. Der Krieg von 1806 und 1807. I. 26—31.

(48) Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 204.

(49) Lefebvre. II. 262.

(50) «La Poméranie suédoise est tellement à la convenance de S. M. prussienne, qu'Elle ne peut laisser échapper l'occasion qui Lui est offerte de s'en saisir avec justice». Подлинныя слова Лафореста графу Гаугвицу, 16-го мая 1806 года.

(51) Изъ бумагъ графа П. А. Строганова.

(52) Lefebvre. II. 306—307.

(53) Lefebvre. II. 307. — Garden. IX. 292—293.

(54) Письмо Фокса къ Талейрану, отъ 14-го (26-го) марта 1806 года.

(55) Garden. IX. 297—299.

(56) Инструкція статскому совѣтнику Убри, отъ 2-го мая 1806 года.

(57) .....«à conclure et signer un acte ou convention sur des bases propres à affermir la paix qui sera retablie entre la Russie et la France, comme à la préparer entre les autres Puissances belligérantes de l'Europe».

(58) Note pour servir d'instruction au négociateur russe qui traitera avec la France. (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(59) Отчетъ по министерству иностранныхъ дѣлъ за 1806 годъ, за подписью князя Чарторыскаго.

(60) ....«Je me decidai alors à signer l'acte tel que j'ai eu l'honneur de le presenter à V. Excellence. Je ne recapitulerai point de nouveau les motifs de cette détermination. Il me suffira de dire qu'en rompant je faisais éclater une nonvelle guerre, qui de la part de la France serait poussée avec une grande énergie contre des Etats nullements préparés à s'opposer à elle; qu'en signant, au contraire, je fournissais à ces Etats le tems de se mettre en mesure. Reconnaissant cependant combien je m'étais écarté des directions qui m'avaient été données, je sentis le besoin d'exposer moi-même tout ce qui m'avait fait agir ainsi, sachant que je ne pourrais le faire par écrit avec assez de précision et de détail. J'avais annoncé à M-r de Talleyrand et à lord Yarmouth la résolution de me rendre à Pétersbourg, pour me justifier d'avoir depassé les

bornes de mes instructions». (Изъ письма къ кн. Чарторыскому ст. сов Убри, отъ 26-го іюля 1806 г.).

(61) Трактатъ 8-го (20-го) іюля 1806 года, за подписью генерала Кларке и статскаго совѣтника Убри.

(62) Garden. IX. 309—310.

(63) Такія сужденія встрѣчаются въ *Avgus* и другихъ французскихъ періодическихъ изданіяхъ.

(64) Изъ письма къ Императору Александру Лагарпа, отъ 21-го іюля н. ст. 1806 года, изъ Парижа.

(65) Переписка Сенявина съ графомъ Разумовскимъ. — Сенявинъ, Бантышъ-Каменскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XVI.

(1) Актъ Рейнскаго Союза, заключенный въ Парижѣ 12-го іюля н. ст. 1806 года, за подписью министра иностранныхъ дѣлъ принца Беневентскаго (Талейрана) и повѣренныхъ всѣхъ владѣтелей приступившихъ къ Союзу.

(2) Нота, сообщенная регенсбургскому сейму Г. Бахеромъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи, и Декларація, предъявленная сейму повѣренными 14-ти владѣтелей Рейнскаго Союза, 1-го августа н. ст. 1806 года.

(3) Декларація 6-го августа н. ст. 1806 года.

(4) Что юридическое убійство Пальма было совершено по повелѣнію самаго Наполеона, въ томъ могутъ служить свидѣтельствомъ предписанія начальника штаба Бертье маршалу Сульту, отъ 12-го августа н. ст. 1806 года. Dumas. Précis des événements militaires. XV. 399 — 401.

(5) V. Schladen. Preussen in den Jahren 1806 und 1807.

(6) Нота лорда Лаудердаля, отъ 7-го августа н. ст. 1806 г.

(7) Нота генерала Кларке, отъ 8-го августа н. ст. 1806 года.

(8) Armand Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. II. 340 — 341.

(9) Höpfner. Der Krieg von 1806 und 1807. I. 37 — 38.

(10) Изъ письма Императора Александра I къ Королю Фридриху-Вильгельму III.

(11) Höpfner. I. 39 — 42.

(12) Höpfner. I. 115.

(13) Dumas. XVI.

(14) Joh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 222—226.—Höpfner. I. 77—81.—Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. I. 353—354.

(15) Höpfner. I. 52 — 55, 59, 63 und 65.

(16) Scherr. II. 229 — 231.

(17) Изъ письма къ министру иностранныхъ дѣлъ, генералу Будбергу графа Нессельроде, отъ 26-го августа (7-го сентября), изъ Гофа (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(18) Garden. Histoire générale des traités de paix. X. 15 — 16.

(19) ....«Императоръ получилъ съ курьеромъ изъ Майнца, отъ принца беневентскаго, двѣ важныя депеши: въ одной изъ нихъ было письмо Короля Прусскаго на двадцати страницахъ, плохая статья противъ Франціи, въ родѣ тѣхъ, которыя составляютъ для англійскаго Кабинета писаки, получающіе 500 фунт. стерл. годоваго жалованья. Императоръ, не дочитавъ письма, сказалъ окружавшимъ его: «жалѣю моего брата Короля Прусскаго; онъ не смыслитъ французскаго языка и вѣрно не читалъ этой чепухи (rapsodie).» Къ письму была приложена знаменитая нота Г. Кнобельсдорфа (ultimatum). Императоръ, обратясь къ маршалу Бертьè, сказалъ: «намъ сдѣлали вызовъ къ 8-му; Французъ никогда отъ него не отказывался, а—какъ сказываютъ—при этой встрѣчѣ хочетъ присутствовать прекрасная Королева, то, соблюдая вѣжливость, пойдемъ безъ роздыховъ въ Саксонію. Дѣйствительно Прусская Королева сопровождаетъ армію, одѣтая амазонкою, въ мундирѣ драгунскаго имени своего полка, посылая ежедневно во всѣ стороны по двадцати писемъ, для возбужденія пламени войны, подобно Армидѣ, зажегшей въ изступленіи свои собственные чертоги».... (Изъ бюллетеня 8-го октября н. ст. 1806 года).

(20) Höpfner. I. 44.

(21) Письмо къ Наполеону Короля Фридриха-Вильгельма III, отъ 7-го ноября н. ст. 1806 года, изъ Грауденца.

(22) Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt. VI. 43—49.—Lefebvre. II. 423—425.

(23) .....«Dans cet etat d'anxiété et d'incertitude j'ai un devoir de Vous adresser la présente pour réiterer á V. M. l'assurance la plus solennelle, que quels que soient, les résultats des Vos généreux efforts, je ne me départirai jamais des dispositions que V. M. me connait. Doublement lié à Elle en ma qualité d'allié et par les noeuds de la plus tendre amitié, il n'y a pas de sacrifice, ni d'efforts, que je ne sois prêt à faire pour Lui prouver toute l'étendue de mon attachement aux devoirs chéris que ces titres m'imposent»......

«Réunissons-nous plus étroitement que jamais; restons fidèles aux principes de l'honneur et de la gloire et abandonnons le reste à la Providence, qui ne peut manquer enfin de mettre un terme aux succès de l'usurpation et de la tyrannie en fesant triompher la plus juste et la plus belle des causes».

(Изъ письма Императора Александра къ Фридриху-Вильгельму III, 22-го октября (3-го ноября) 1806 года).

(24) Изъ письма Короля Фридриха-Вильгельма къ Императору Александру, отъ 28-го ноября н. ст. изъ Ортельсбурга.

(25) Bignon. VI. 50—55.

(26) Протоколъ конференціи князя Чарторыскаго съ секретаремъ баварской миссіи, Г. д'Ольри, 3 (15) марта 1806 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(27) Декретъ о континентальной блокадѣ, 21-го ноября н. ст. 1806 года. Correspondance de Napoléon I-er. XIII. 555—557. № 11283.

(28) Höpfner. II. 394.

(29) Письмо Наполеона къ Фридриху-Вильгельму, отъ 6-го декабря н. ст. 1806 года, изъ Познани. Correspondance de Napoléon. XIV. 38. № 11394.

(30) .....«Nous avons pris pour principe invariable de notre conduite de

n'évacuer ni Berlin, ni Varsovie, ni les provinces que la force des armes a fait tomber dans nos mains, avant que la paix générale ne soit conclue, que les colonies françaises, espagnoles et hollandaises ne soient rendues, que les fondements de la puissance ottomane ne soient affermis et l'indépendance absolue de ce vaste empire, premier intérêt de notre peuple, irrévocablement consacré».

(Message au senat, 19 novembre 1806. Correspondance de Napoléon I-er. XIII. 552—554. № 11281).

(31) Эта прокламація была слѣдующаго содержанія: «Наполеонъ великій, непобѣдимый, вошелъ въ Польшу съ арміей, въ 300 тысячъ человѣкъ. Не дерзая проникать въ тайны его видовъ, потщимся заслужить его великодушное покровительство.

«Я увижу—сказалъ онъ намъ—я увижу, достойны-ли вы быть народомъ. Я ѣду въ Познань; тамъ я составлю себѣ о васъ понятіе. Поляки! Отъ васъ самихъ зависитъ существовать и имѣть отечество. Вашъ защитникъ—среди васъ.

«Спѣшите отвсюду ему на встрѣчу, какъ дѣти при видѣ отца своего. Вручите ему ваши сердца, ваши руки. Спѣшите всѣ и докажите ему, что вы готовы пролить вашу кровь для возстановленія отчизны. Онъ знаетъ, что вы безоружны; онъ снабдитъ васъ оружіемъ. А вы, Поляки, принужденные вашими притѣснителями сражаться за нихъ, противъ собственной вашей пользы, присоединитесь къ намъ подъ знамена вашего отечества.

«Вскорѣ Косцюшко, отвѣчая на призывъ Наполеона великаго, заговоритъ съ вами по его приказанію *). Въ ожиданіи того, пусть наши слова будутъ залогомъ его высокаго покровительства. Помните, что голосъ, призвавшій васъ для образованія легіоновъ въ Италіи, не обманулъ вашихъ надеждъ. Эти самые легіоны, заслуживъ одобреніе непобѣдимаго героя, дали ему понятіе о духѣ и характерѣ сыновъ Польши».

«Главная квартира,
въ Берлинѣ, 3-го ноября 1806 г.»

Домбровскій.
Выбицкій.

(Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(32) «Le trône de Pologne se rétablira-t-il, et cette grande nation reprendra-t-elle son existence et son indépendance? Du fond de tombeau renaitra-t-elle à la vie? Dieu seul, qui tient dans ses mains les combinaisons de tous les évènements, est l'arbitre de ce grand problème politique; mais certes il n'y eut jamais d'évènement plus mémorable, plus digne d'intérêt».......

(Изъ бюллетеня отъ 1-го декабря н. ст. 1806 года).

(33) Mémoires du comte Oginski. I. 339 et 343.

(34) Bignon. VI. 91—92.

*) Наполеонъ дѣйствительно приглашалъ Косцюшко принять участіе въ войнѣ, но этотъ честный воинъ не измѣнилъ данному имъ слову и отклонилъ предложеніе наполеоново.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XVII.

(1) Mémoire sur l'état des affaires après les désastres de la Prusse. (Составл. въ Минист Иностр Дѣлъ).

(2) Именной указъ Сенату, 18-го сентября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,275).

(3) Именной указъ Сенату, 11-го ноября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,348).

(4) Именные указы Военной Коллегіи, отъ 13-го іюня и отъ 16-го августа 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. №№ 22,174 и 22,245).

(5) Высочайшій приказъ 10-го мая 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,122).

(6) Именной указъ Военной Коллегіи, 27-го августа 1806 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,252).

(7) Высочайше утвержденное Положеніе 25-го августа 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,249) и Росписанія артиллерійскихъ бригадъ 23-го августа и 11-го сентября того-же года.

(8) 4-го мая 1806 года.

(9) Именной указъ Военной Коллегіи, 12-го декабря 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,393).

(10) Именной указъ малороссійскому генералъ-губернатору, отъ 1-го сентября 1806 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,261).

(11) Учреждены склады: въ Поневѣжѣ, Биржахъ и Баускѣ 21,000 четв. муки, 2,000 четв. крупъ и 18,500 четв. овса; въ Вильнѣ 31,000 четв. муки, 3,000 четв. крупъ и 52,000 четв. овса; въ Минскѣ, Пинскѣ и Кобринѣ 31,000 четв. муки, 3,000 четв. крупъ и 58,000 четв. овса.

(12) Именные указы, отъ 3-го іюля и 3-го ноября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. №№ 22,199 и 22,340).

(13) Именной указъ отъ 2-го декабря 1806 года, объявленный Военной Коллегіи графомъ Ливеномъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,382).

(14) Манифестъ о войнѣ съ Французами (Полн. Собр. Зак Т. XXIX. № 22,356).

(15) Именной указъ Сенату, отъ 28-го ноября (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,371).

([16]) ...«La cour de Berlin se bornait à demander 50,000 hommes, lorsque l'Empereur était disposé à lui en donner 180,000. Sa Majesté en ayant marqué Sa surprise à M-r Krusemarck, celui-ci a repondu, que la Silésie et la Pologne prussienne, que ces troupes doivant occuper d'abord, n'en pouvaient pas nuorrir un plus grand nombre». Mémoires du comte de Stedingk. II. 219 — 220.

([17]) Высочайшее повелѣніе генералу Беннигсену, отъ 6-го октября ст. ст. 1806 года.

([18]) Höpfner. Der Krieg von 1806 und 1807. III. 32

([19]) Высочайшее повелѣніе отъ 27-го октября.

([20]) Въ составъ резервной арміи были назначены: Невскій мушкетерскій полкъ, двадцать одинъ гарнизонный баталіонъ, тринадцать запасныхъ эскадроновъ, шесть казачьихъ полковъ и большая часть рекрутъ послѣдняго набора.

([21]) Росписаніе числа людей съ каждой губерніи для составленія милиціи.

I Область. Санктпетербургской 11,000; Новгородской 19,000; Тверской 30,000; Олонецкой 6,000; Ярославской 24,000, всего-же. 90,000 чел.

II Область. Эстляндской 8,000; Лифляндской 20,000; Курляндской 12,000; Псковской 20,000, всего-же. . . . . 60,000 чел.

III Область. Витебской 23,000; Могилевской 25,000; Смоленской 30,000; Черниговской 33,000, всего-же . . . . 111,000 чел.

IV Область. Московской 29,000; Тульской 29,000; Калужской 24,000; Владимірской 29,000; Рязанской, 29,000, всего-же . . . . 140,000 чел.

V Область Орловской 19,000; Курской 23,000; Воронежской 18,000; Харьковской 15 000, всего-же . . . . 75,000 чел.

VI Область. Кіевской 21,000; Полтавской 26,000; Херсонской 4,000; Екатеринославской 8,000, всего-же . . . . 59,000 чел.

VII Область Костромской 15,500; Вологодской 11,000; Нижегородской 16,500; Казанской 16,000; Вятской 18,000, всего-же . 77,000 чел;

Вообще-же всей милиціи . . . . 612,000 чел.

([22]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. №№ 22,374, 22,384 и 22,389.

([23]) Высочайше утвержденная записка министра внутреннихъ дѣлъ (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,380).

([24]) Манифестъ 13-го февраля 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,455).

([25]) Объявленіе Св. Синода въ слѣдствіе Именнаго указа 13-го декабря (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,394).

([26]) Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire (novembre 1799) VI. 108 — 109.

([27]) Письма Императора Александра къ Императору Францу и эрцгерцогу Карлу, отъ 8-го (20-го) декабря 1806 года.

([28]) Составъ корпуса генерала отъ кавалеріи Беннигсена.

2-я дивизія, генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстаго.

Генералъ-маіора Мазовскаго.	Павловскій гренадерскій полкъ. . . .	3 бат.
	Ростовскій мушкетерскій	3 »
Генералъ-маіора Сукина 2-го	С.-Петербургскій гренадерскій полкъ .	3 »
	Елецкій мушкетерскій » . .	3 »

Генералъ-маіора графа Ливена 3-го.	1-й егерскій полкъ	3	бат.
	24-й » »	3	»
Генералъ-маіора Кожина.	Лейбъ-кирасирскій полкъ	5	эск.
	Каргопольскій драгунскій полкъ	5	»
	Изюмскій гусарскій »	10	»

Казачьи полки Иловайскаго 9-го и Ефремова 3-го.

Флигель-адъютанта полковника Ставицкаго.	Двѣ батарейныя роты	24	оруд.
	Двѣ легкія роты	24	»
	Одна конная рота	12	»

Одна піонерная рота.

Всего-же строевыхъ: 544 офицера, 15,700 нижн. чиновъ.

3-я дивизія, генералъ-лейтенанта барона Сакена.

Генералъ-маіора Ушакова.	Таврическій гренадерскій полкъ	3	бат.
	Литовскій мушкетерскій »	3	»
Генералъ-маіора Титова 2-го.	Капорскій » »	3	»
	Муромскій » »	3	»
Генералъ-маіора Бреземана ф. Неттинга.	Черингорскій » »	3	»
	Днѣпровскій » »	3	»

21-й егерскій полкъ (шефъ генералъ-маіоръ Лаптевъ) . . 3 »

Генералъ-маіора графа Палена (Петра Петр.).	Малороссійскій кирасирскій полкъ	5	эск.
	Курляндскій драгунскій »	5	»
	Сумскій гусарскій »	10	»

Казачьи полки Иловайскаго 10-го и Папузина.

Генералъ-маіора Левенштерна	Двѣ батарейныя роты	24	оруд.
	Три легкія роты	36	»
	Одна конная рота	12	»

Одна піонерная и одна понтонная роты.

Всего-же строевыхъ 644 офицера, 18,829 нижн чиновъ.

4-я дивизія, генералъ-лейтенанта князя Голицына 5-го.

Генералъ-лейтенанта Сомова.	Тульскій мушкетерскій полкъ	3	бат.
	Тобольскій » »	3	»
Генералъ-маіора Арсеньева.	Навагинскій » »	3	»
	Тенгинскій » »	3	»
Генералъ-маіора Барклая де-Толли.	Полоцкій » »	3	»
	Костромской » »	3	»
	3-й егерскій полкъ	3	»
Генералъ-маіора барона Корфа.	Орденскій кирасирскій полкъ	5	эск.
	Псковскій драгунскій »	5	»
	Конно-Польскій »	10	»

Казачьи полки Грекова 9-го и Грекова 18-го.

Полковника князя Яшвиля.	Двѣ батарейныя роты	24	оруд.
	Три легкія роты	36	»
	Одна конная рота	12	»

Одна піонерная и одна понтонная роты.

Всего-же строевыхъ 649 офицеровъ, 18,609 нижн. чин.

6-я дивизія, генералъ-маіора Седморацкаго.

Генералъ-маіора Рахманова.	Волынскій мушкетерскій полкъ. . . .	3 бат.
	Низовскій » »	3 »
Генералъ-маіора Быкова.	Ревельскій мушкетерскій полкъ . . .	3 »
	Виленскій » »	3 »
Генералъ-маіора Багговута.	Староскольскій » »	3 »
	4-й егерскій полкъ.	3 »
Генералъ-маіора графа Ламберта.	Екатеринославскій кирасирскій полкъ.	5 эск
	Кіевскій драгунскій полкъ	5 »
	Александрійскій гусарскій полкъ . . .	10 »

Конно-Татарскій полкъ (шефъ полковникъ Кноррингъ).

Казачій полкъ Попова 5-го.

Полковника Глухова.	Двѣ батарейныя роты	24 оруд.
	Три легкія роты	36 »
	Одна конная рота.	12 »

Одна піонерная рота.

Всего-же строевыхъ 606 офицеровъ, 16,099 нижн. чиновъ.

Вообще-же въ корпусѣ Беннигсена:

78 баталіоновъ	50,000 чел.
80 эскадроновъ.	11,000 »
8 казачьихъ полковъ	4,000 »
23 артиллерійскія роты.	2,700 »
6 піонерныхъ и понтонныхъ ротъ	900 »

Всего, не считая офицеровъ, 69,000 человѣкъ съ 276-ю орудіями. (Строевые рапорты, отъ 11-го (23-го) октября).

Въ дѣйствительности-же состояло на-лицо не болѣе 60,000 человѣкъ.

(29) Составъ прусскаго корпуса графа Калькрейта (въ послѣдствіи ген.-лейтен. Лестока).

Авангардъ.

Фузелерные баталіоны: Бергена, Вакеница, Рембова, Шахтмейера, Бюлова и Штутергейма, всего-же . . . . 6 бат.

Полки: гусарскій Притвица, Легко-конный (Товарищей) и драгунскій Ауэра.

Первая линія.

Пѣхотные полки Шёнинга и Рюхеля, баталіонъ Бесьера и гренадерскіе баталіоны: Массова, Шлифена (Schliefen) и Фабеки (Fabecky) всего . . . . 8 бат.

Вторая линія.

Пѣхотные полки Плеца (Pletz) и Рюца (Rütz), гренадерскій баталіонъ Брауна, всего . . . . 5 бат.

Полки: кирасирскій Вагенфельда и драгунскіе: Рукета (Rouquette), Эзебека и Бачко.

Батареи: 12-ти фунтовыя №№ 34, 35, 37, 39; 6-ти фунтовая № 8-го; конныя №№ 6, 7, 8, 9, 10 и 13.

Въ прусскомъ корпусѣ, по спискамъ состояло:

19 баталіоновъ	14,800 чел.
55 эскадроновъ.	8,903 »
11 батарей	1,638 »

Всего 25,341 человѣкъ. Въ дѣйствительности-же было отъ 14-ти до 15-ти тысячъ человѣкъ. Höpfner. III. 8 — 10.

(30) Письмо Короля Фридриха-Вильгельма III генералу Беннигсену, отъ 6-го ноября н. ст. 1806 года, изъ Грауденца.

(31) Письмо Беннигсена министру иностранныхъ дѣлъ генералу Будбергу, отъ 2-го декабря ст. ст. 1806 года

(32) Собственноручныя записки Беннигсена.

(33) Письмо Беннигсена генералу Будбергу, отъ 2-го декабря ст. ст. 1806 года.

(34) Составъ корпуса генерала отъ инфантеріи графа Буксгевдена

5-я дивизія, генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го.

	Сѣвскій мушкетерскій полкъ.	3 бат.
	Калужскій » »	3 »
Генералъ-маіора Леонтьева.	Пермскій мушкетерскій полкъ	3 »
	Могилевскій » »	3 »
Полковника Огарева.	20-й егерскій полкъ	3 »
	25-й » »	3 »
Генералъ-маіора Сакена 2-го.	Рижскій драгунскій полкъ	5 эск
	Казанскій » »	5 »
	Елисаветградскій гусарскій полкъ. . .	10 »
	Конно-Литовскій полкъ.	5 »

Казачій полкъ Гордѣева 1-го.

Двѣ батарейныя роты . . :	24 оруд
Двѣ легкія роты	24 »
Одна конная рота.	12 »

7-я дивизія, генералъ-лейтенанта Дохтурова.

Генералъ-маіора Запольскаго	Екатеринославскій гренадерскій полкъ	3 бат.
	Московскій мушкетерскій полкъ . . .	3 »
	Владимірскій » » . . .	3 »
	Воронежскій » » . . .	3 »
Генералъ-маіора Маркова.	Псковскій » » . . .	3 »
	Азовскій » » . . .	3 »
5-й егерскій полкъ (шефъ полковникъ Гогель).		3 »
Генералъ-маіора Чаплица.	Московскій драгунскій полкъ	5 эск.
	Ингерманландскій драгунскій полкъ. .	5 »
	Павлоградскій гусарскій полкъ. . . .	10 »

Казачьи полки Малахова и Андронова.

Двѣ батарейныя роты	24 оруд
Три легкія роты	36 »
Одна конная рота.	12 »

Одна піонерная и одна понтонная роты.

8-я дивизія, генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

Принца Карла Мекленбургскаго.	Московскій гренадерскій полкъ . . .	3 бат.
	Выборгскій мушкетерскій » . . .	3 »
Генералъ-маіора Энгельгардта.	Шлиссельбургскій мушкетерскій полкъ.	3 »
	Старо-Ингерманландскій полкъ. . . .	3 »
Генералъ-маіора Каменскаго.	Подольскій	3 »
	Архангелогородскій	3 »
7-й егерскій полкъ (шефъ генералъ-маіоръ Бестужевъ) . .		3 »
Генералъ-маіора Мантейфеля	С.-Петербургскій драгунскій полкъ . .	5 эск.
	Лифляндскій » » . .	5 »
	Ольвіопольскій гусарскій » . .	10 »
Казачьи полки Сысоева 1-го и Киселева.		
	Четыре батарейныя роты	48 оруд.
	Одна конная рота.	12 »
	Одна піонерная рота.	

14-я дивизія, генералъ-лейтенанта Анрепа.

Генералъ-маіора Алексѣева.	Бѣлозерскій мушкетерскій полкъ . . .	3 бат.
	Рязанскій » » . . .	3 »
Генералъ-маіора Герсдорфа.	Углицкій » » . . .	3 »
	Софійскій » » . .	3 »
Полковника Фрича.	23-й егерскій полкъ	3 »
	26-й » »	3 »
Генералъ-маіора Шепелева.	Финляндскій драгунскій полкъ	5 эск.
	Митавскій » »	5 »
	Гродненскій гусарскій »	10 »
	Одна батарейная рота	12 оруд
	Двѣ легкія роты	24 »
	Одна понтонная рота.	

Вообще-же въ корпусѣ Буксгевдена:

78 баталіоновъ	31,200 чел.
85 эскадроновъ	7,000 »
5 казачьихъ полковъ	1,600 »
18 артиллерійскихъ ротъ	1,200 »
Двѣ піонерныя и двѣ понтон. роты.	400 »

Всего, не считая офицеровъ, до 40,000 человѣкъ съ 216 орудіями.

([35]) Составъ корпуса генералъ-лейтенанта Эссена 1-го (Ив. Иван.).

9-я дивизія, генералъ-лейтенанта князя Волконскаго 3-го.

Астраханскій гренадерскій полкъ . .	3 бат.
Галицкій мушкетерскій » . .	3 »
Орловскій » » . .	3 »
Украинскій » » . .	3 »
Крымскій » » . .	3 »
Пензенскій » » . .	3 »
10-й егерскій полкъ	3 »
Глуховскій кирасирскій полкъ . .	5 эск.
Новороссійскій драгунскій » . .	5 »
Маріупольскій гусарскій » . .	10 »

Казачьи полки Чернозубова 4-го и Андреянова 2-го.

Двѣ батарейныя роты.	24 оруд.
Три легкія роты.	36 »
Одна конная рота	12 »
Одна піонерная рота	

10-я дивизія, генералъ-лейтенанта Меллера-Закомельскаго.

Кіевскій гренадерскій полкъ	3 бат.
Ряжскій мушкетерскій »	3 »
Курскій » »	3 »
Ярославскій » »	3 »
Брянскій » »	3 »
Вятскій » »	3 »
8-й егерскій полкъ.	3 »
Харьковскій драгунскій полкъ . . .	5 эск.
Черниговскій » » . . .	5 »
Ахтырскій гусарскій полкъ	10 »

Казачьи полки Карасева и Кирсанова.

Четыре батарейныя роты	48 оруд.
Одна конная рота.	12 »
Одна піонерная рота и одна понтонная рота.	

Вообще-же въ корпусѣ Эссена 1-го.

42 баталіона	16,800 чел.
40 эскадроновъ	3,600 »
4 казачьихъ полка	1,200 »
11 артиллерійскихъ ротъ	900 »
Двѣ піонерныя и одна понтон. роты.	300 »

Всего, не считая офицеровъ, 22,000 человѣкъ съ 132 орудіями.

(36) Изъ донесенія Государю фельдмаршала Каменскаго, отъ 10-го декабря ст. ст. 1806 года.

(37) Составъ отряда графа Остермана: Павловскаго и С.-Петербургскаго гренадерскихъ по одному баталіону; Ростовскаго мушкетерскаго два баталіона, 4-го егерскаго одинъ баталіонъ и 20-го егерскаго два баталіона; Александрійскаго и Изюмскаго гусарскихъ полковъ по два эскадрона; одинъ казачій полкъ; полторы артиллерійскія роты.

(38) Извѣстный своею правдивостью военный историкъ, очевидецъ боя при Чарновѣ и отступленія Остермана къ Пултуску, Плото говоритъ: «только громъ пушекъ напоминалъ, что я нахожусь не на учебномъ полѣ». Tagebuch 1806 und 1807. 26.

(39) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ.

(40) Письмо Беннигсена къ генералу Будбергу, отъ 24-го декабря (5-го генваря 1807 года) изъ Новогрода.

(41) Полки отрѣзанные войсками Даву: *дивизіи Сакена:* Таврическій гренадерскій, Днѣпровскій мушкетерскій, 21-й егерскій. Малороссійскій кирасирскій и Сумскій гусарскій; *дивизіи князя Голицына:* Костромской мушкетерскій, Орденскій кирасирскій и Псковскій драгунскій; *дивизіи Дохтурова:* Павлоградскій гусарскій. Кромѣ того — два казачьихъ полка.

(42) .....«Завтра надѣемся имѣть непріятеля въ гостяхъ. Хорошо, еслибы дивизіи ваши (Тучкова и Дохтурова) могли подоспѣть къ дѣлу, хотя безъ большихъ пушекъ. Повелѣніе графа Каменскаго графу Буксгевдену, отъ 13-го декабря, изъ Пултуска.

(43) Письмо Беннигсена къ Будбергу, отъ 24-го декабря (5-го генваря 1807 года) изъ Новогрода.

(44) Донесеніе графа Каменскаго, отъ 18-го декабря ст. ст. 1806 года. изъ Остроленки.

(45) Записки Беннигсена.—Донесеніе графа Буксгевдена.

(46) Боевое расположеніе русскихъ войскъ въ сраженіи подъ Пултускомъ:

Пѣхота: въ 1-й линіи полки: Литовскій, Капорскій и Муромскій мушкетерскіе, С.-Петербургскій гренадерскій, Елецкій и Ростовскій мушкетерскіе, Павловскій гренадерскій; *во 2-й линіи:* Черниговскій, Полоцкій, Навагинскій, Тобольскій, Волынскій и Низовскій мушкетерскіе; *въ резервѣ:* Тульскій мушкетерскій и два баталіона Ревельскаго.

Впереди Мошинскаго лѣса, *въ отрядѣ Барклая де-Толли:* Тенгинскій мушкетерскій, 1-й, 3-й и 20-й егерскіе полки; Конно-Польскій полкъ.

Впереди Пултуска, *въ отрядѣ Баговута:* Старооскольскій, Виленскій, 4-й егерскій полки, баталіонъ Ревельскаго, Конно-Татарскій полкъ и два эскадрона Кіевскихъ драгунъ.

Между передовыми отрядами, *кавалерія:* Кіевскій и Каргопольскій драгунскіе, Екатеринославскій кирасирскій, Александрійскій и Изюмскій гусарскіе, Лейбъ-кирасирскій Его Величества.

(47) Составъ войскъ Ланна: пѣхотныя дивизіи: Сюше, Газана и въ послѣдствіи Гюдена; легкая кавалерійская дивизія и драгунская дивизія Беккера: всего 30 баталіоновъ и 26 эскадроновъ. Dumas. XVII. 160.

(48) Донесеніе Беннигсена о сраженіи при Пултускѣ.—Dumas. XVII. 164 — 174.

(49) За сраженіе при Пултускѣ получили орденъ Св. Георгія 3-й степени: генералъ-лейтенантъ Остерманъ Толстой; генералъ-маіоры: Баговутъ, Барклай де-Толли, Кожинъ и Дороховъ; полковникъ Давыдовскій (вскорѣ умершій отъ раны). Въ числѣ представленныхъ за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ генералъ-маіоръ принцъ Евгеній Виртембергскій, получившій орденъ Св. Георгія 4-й степени.

(50) Войска, собравшіяся у Голымина, подъ начальствомъ князя Голицына: полки Таврическій гренадерскій, Днѣпровскій и Костромской мушкетерскіе, Псковскій драгунскій и Орденскій кирасирскій; въ резервѣ были: Малороссійскіе кирасиры, два эскадрона Сумскихъ гусаръ и полки дивизіи Дохтурова: Московскій мушкетерскій и Московскій драгунскій: всего-же было 12 баталіоновъ и 17 эскадроновъ, (о составѣ артиллеріи нѣтъ никакихъ свѣдѣній), въ числѣ отъ 7-ми до 8-ми тысячъ человѣкъ. Къ концу дѣла прибыли: графъ Паленъ съ 21-мъ егерскимъ полкомъ, восемью эскадронами Сумскихъ гусаръ и конно-артиллерійскою ротою Пирогова, и генералъ-маіоръ Чаплицъ съ Павлоградскимъ гусарскимъ полкомъ и конно-артиллерійскою ротою полковника Ермолова.

(51) Донесеніе Беннигсену князя Голицына, отъ 24-го декабря ст. ст. 1806 года — Höpfner. 111. 122 — 126 — Dumas. XVII. 180 — 185.

([52]) За дѣло при Голыминѣ получили орденъ Св. Георгія 4-й степени: генералъ-маіоры: графъ Петръ Петров. Паленъ и князь Щербатовъ и Орденскаго кирасирскаго полка подполковникъ Раденъ.

([53]) Бюллетень отъ 30-го декабря н. ст. 1806 года.

([54]) «Maître d'une grande partie de l'artillerie ennemie, de toutes les positions ennemies, ayant repoussé l'ennemi à plus de quarante lieues, l'Empereur à mis son armée en quartier d'hyver»........ Бюллетень отъ 30-го декабря н. ст. 1806 года.

([55]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ

([56]) Донесеніе графа Буксгевдена, отъ 28-го декабря 1806 года.

([57]) Отношеніе къ Будбергу генерала Кнорринга, отъ 31-го декабря 1806 года.

([58]) Собственноручное письмо Государя графу (Петру Александр.) Толстому, отъ 3-го генваря 1807 года.

([59]) Вызовъ графа Буксгевдена, 11-го марта, и отвѣтъ Беннигсена 9-го апрѣля 1807 года.

([60]) Составъ отряда генерала Дирпке (Dierícke): пѣхотные полки Рюхеля и Шёнинга, драгунскій полкъ Бачко и двѣ конныя полубатареи: Ренцеля и Кюнемана. Höpfner. III. 136.

([61]) Höpfner. III. 135 — 150. — Dumas. XVII. 185 — 190.

([62]) Dumas. XVII. 190 et 198 — 204.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XVIII.

---

(1) Строевые рапорты о состояніи войскъ. — Höpfner. III. 172 — 173.

(2) Собственноручныя записки Беннигсена.

(3) При фланговомъ передвиженіи войскъ Беннигсена, кромѣ дивизіи Седморацкаго въ Гоніондзѣ и отряда въ 1000 человѣкъ въ Бялѣ, были оставлены: Конно-Татарскій полкъ, для содержанія порядка въ слѣдованіи обозовъ къ арміи отъ Гродна и Бѣлостока, и нѣсколько казачьихъ сотень, для прикрытія магазиновъ.

(4) Dumas. Précis des évènements militaires. XVII. 306—307.—Höpfner. III. 177 — 180.

(5) .....«Ces courageux soldats s'opiniatrèrent à défendre un bourg enveloppé par des forces trop supérieures; ils furent presque tous pris ou tués; les cent dragons furent entièrement détruits. Le colonel Barthe, blessé dans une charge, sauva à la faveur de la nuit les restes de ses husards.» Dumas. XVII. 311. У Французовъ здѣсь были: 4-й гусарскій полкъ, сто драгунъ и двѣ роты вольтижёровъ.

(6) Составъ отряда Маркова въ дѣлѣ при Морунгенѣ: полки Екатеринославскій гренадерскій, Псковскій мушкетерскій, 5-й, 7-й и 25-й егерскіе, Елисаветградскій гусарскій: всего 15 баталіоновъ и 10 эскадроновъ.

(7) Составъ французскихъ войскъ въ дѣлѣ при Морунгенѣ: подъ личнымъ начальствомъ Бернадота 9 баталіоновъ и 12 эскадроновъ; дивизія Дюпона 8 баталіоновъ.

(8) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ.— Dumas. XVII. 317 — 318. — Höpfner. III. 182 — 185.

(9) Höpfner. III. 186.

(10) Dumas. XVII. 318—319.— Höpfner. III. 187 — 188.

(11) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ

(12) Предписаніе Бернадоту, отъ 26 генваря н. ст.

(13) Для сосредоточенія французскихъ войскъ были назначены пункты: Бернадоту съ 20,000 человѣкъ у Остероде, Нею съ 16,000 у Гогенштейна, Ожеро съ 16,000 у Нейденбурга, Сульту съ 26,000 у Вилленберга; Мюрату съ 15,000, впереди Сульта, на дорогѣ въ Ортельсбургъ; Даву съ 19,000, правѣе Сульта, у Мышинца; гвардіи, въ числѣ 9,000 челов. при-

казано идти чрезъ Пршасницъ въ Хоржель. (Предписанія отъ 28-го генваря н. ст. 1807 года маршаламъ: Даву, Сульту, Мюрату, Ожеро́, Нею, Бернадоту и Бессьеру).

(14) Предписанія командирамъ корпусовъ, отъ 27-го генваря н. ст.— Dispositions générales pour les subsistances, le 28 janvier, 1807.

(15) Предписаніе и инструкція генералу Савари, отъ 31-го генваря н. ст. изъ Пршасница

(16) Предписаніе Бернадоту, отъ 31-го генваря н. ст.

(17) Предписаніе маршалу Лефевру, отъ 27-го генваря н. ст. изъ Варшавы.

(18) По другимъ свѣдѣніямъ, депеша посланная къ Бернадоту была перехвачена казаками отряда Юрковскаго. Михайловскій-Данилевскій пишетъ, будтобы депешу перехватили Елисаветградскіе гусары, а дубликатъ ея — казаки.

(19) Записки капитана Андреева о дѣлѣ при Бергфридѣ (Арх. В. Т. Депо № 47,348-й). — Höpfner. III. 199 — 201. — Dumas. XVII. 344 — 347.

(20) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ.

(21) По показанію Французовъ, арріергардъ Лестока потерялъ въ дѣлѣ подъ Вальтерсдорфомъ 2,000 человѣкъ и 16 орудій. Dumas. XVII. 355—356. — Но въ дѣйствительности Пруссаки не потеряли ни одного орудія. Höpfner. III. 211.

(22) Составъ арріергарда Барклая де-Толли: полки Костромской мушкетерскій, 1-й, 3-й и 20-й егерскіе, Изюмскій и Ольвіопольскій гусарскіе; одна конная и одна пѣшая артиллерійскія роты.

(23) Предписанія отъ 6-го февраля н. ст. въ два часа по полуночи, изъ Аренсдорфа, маршаламъ: Даву, Мюрату, Сульту и Нею. — Предписаніе отъ того-же числа Бернадоту.

(24) Двумя орудіями, въ передовомъ отрядѣ у Зинкена, командовалъ поручикъ, въ послѣдствіи генералъ отъ артиллеріи, Иванъ Онуфр. Сухозанетъ.

(25) Донесеніе Беннигсену Барклая де-Толли, 9-го февраля ст. ст. изъ Мемеля. — Записки Сухозанета. — Dumas. XVII. 363 — 364. — Höpfner. III 214 — 216.

(26) Составъ войскъ на позиціи впереди Прейсишъ-Эйлау, 26-го генваря (7-го февраля): полки Московскій гренадерскій, Псковскій и Софійскій мушкетерскіе, 24-й егерскій. Въ резервѣ стояли мушкетерскіе полки 8-й дивизіи и конные полки: С.-Петербургскій, Каргопольскій и Ингерманландскій драгунскіе, Литовскій уланскій, Изюмскій гусарскій и кирасирскій Его Величества.

(27) Изъ всей русской арміи Беннигсена неучаствовали въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау только 6-я дивизія Седморацкаго и изъ состоявшихъ въ отрядѣ Лестока нашихъ войскъ Калужскій полкъ. У Гёпфнера показано 126 баталіоновъ, вѣроятно потому, что полки Костромской и нѣкоторые другіе, будучи малочисленны, находились въ двухъ, и даже въ одно-баталіонномъ составѣ.

(28) Въ концѣ генваря, у Наполеона было:

Въ гвардіи	9,199	челов.
» корпусѣ Даву	19,000	»
» » Сульта	26,329	»

Въ корпусѣ Нея	15,158	челов.
» » Ожеро	16,000	»
» » резервной кавалеріи Мюрата	14,868	»

Всего-же 100,554 челов. въ числѣ коихъ около 16,000 человѣкъ кавалеріи. Dumas. XVIII. Вѣдомость, приложенная къ сему тому.

(29) Dumas. XVIII. 9—10 et 14—15

(30) Подробное донесеніе Беннигсена о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. — Dumas. XVIII. 18—19. — Höpfner. III. 240—242.

(31) Подробное донесеніе Беннигсена. — Dumas. XVIII. 19—20. — Höpfner. III. 242—244.

(32) Подробное донесеніе Беннигсена. — Dumas. XVIII. 21—28. — Höpfner. III. 245—248.

(33) По другимъ свѣдѣніямъ, самъ главнокомандующій выѣхалъ навстрѣчу Лестоку и приказалъ ему идти, на Шмодитенъ, въ помощь лѣвому крылу арміи.

(34) Составъ лестокова отряда по прибытіи къ Альтгофу: прусскіе полки Шёнинга и Рюхеля, Выборгскій мушкетерскій полкъ; баталіонъ прусскихъ гренадеръ Фабеки; прусскіе полки: драгунскіе Ауэра и Бачко (Baczko), легко-конный «Товарищей»; прусской конной артиллеріи: батарея Бредова, полубатареи Декера и Ренцеля

(35) Записка Жерве, бывшаго адъютантомъ у графа Штейнгеля. — Dumas. XIII. 28—29.

(36) Dumas. XVIII. 33.

(37) Plotho. Tagebuch während des Krieges 1806 und 1807. 72—73. — Höpfner. III. 249—250.

(38) Въ донесеніи Беннигсена о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау упоминается объ атакѣ Чаплица на Куштенъ прежде прибытія Лестока къ этому селенію. По всей вѣроятности, это одна изъ тѣхъ неточностей, которыя такъ часто встрѣчаются въ реляціяхъ Беннигсена.

(39) Höpfner. III. 250—251. — Dumas. XVIII. 33—35.

(40) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ.

(41) Höpfner. III. 252—253. — Донесеніе Беннигсена. — Въ донесеніи самаго Нея сказано: «L'ennemi craignant d'être coupé par sa droite, point de retraite, rassembla toutes ses forces (!) sur Schloditten pour écraser les troupes que j'y avais postées. Le 6-me et le 39-me repousserent une charge de cavalerie de plus de 1200 chevaux russes; enfin à dix heures du soir cette brigade se replia sur Althof, sans autre perte que 6 blessés et 4 morts de coups de bayonettes».

(42) Источниками для описанія битвы при Прейсишъ-Эйлау служили: Донесенія генерала Беннигсена; Записки его-же. — Записки Арнольди и Жерве. — Plotho. Tagebuch 1806 und 1807. 68—78. — Dumas. XVIII. 8—37. — Höpfner. III. 252—256. Ни объ одномъ изъ новѣйшихъ сраженій нѣтъ столько противорѣчащихъ и несогласныхъ между собою показаній, какъ о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. Кромѣ того, что оффиціальныя извѣстія изъ бюллетеней Наполеона и донесеній Беннигсена отличаются неопредѣлительностью и искаженіемъ истины, густая мятель, въ нѣкоторые моменты боя, препятствовала собрать вѣрныя свѣдѣнія о многихъ обстоятельствахъ этой достопамятной битвы.

(43) Изъ собственноручныхъ записокъ Беннигсена.

(44) Показаніе состоявшаго въ 1813-мъ году въ Сѣверной арміи Павла Христофор. Граббе

(45) Журналъ военныхъ дѣйствій, съ ноября 1806-го по 7-е іюня 1807-года. — Höpfner. III. 255 — 258.

(46) Dumas XVIII. 38 — 41. — Höpfner. III. 257.

(47) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Донесеніе генералъ-лейтенанта Платова, отъ 5-го февраля ст. ст. 1807-го года.—Dumas. XIII. 51 et 54.

(48) Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt. VI. 147.

(49) Кромѣ того, получили: орденъ Св. Владиміра 2-й степени генералъ-лейтенанты Сакенъ, Тучковъ 1-й, графъ Толстой, князь Голицынъ 5-й (Дмитр Владимір.), князь Багратіонъ и графъ Остерманъ-Толстой; генералъ-маіоры Барклай де-Толли и Богдановъ 2-й; золотыя шпаги съ алмазами: генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ и генералъ-маіоръ Мицкой.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XIX.

(1) Письмо Короля Людовика XVIII къ генералу Беннигсену, отъ 3 (15) февраля 1807 года.

(2) Донесеніе Императору Александру Беннигсена, отъ 15-го февраля.

(3) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ.

(4) Mémoires du roi Joseph. III. 309.

(5) Извлечено изъ письма Талейрана къ генералу Цастрову, отъ 29-го генваря н. ст.

(6) Генералъ Михайловскій-Данилевскій.

(7) Höpfner. Der Krieg von 1806 und 1807. III. 271. — Correspondance de Napoléon. XIV. 301 — 303. № 11809 et 11810.

(8) Höpfner. III. 272.—Генералъ Михайловскій-Данилевскій.

(9) Письмо Наполеона къ Королю Прусскому, отъ 26-го февраля н. ст. 1807 года.

(10) Höpfner. III. 292.

(11) Донесеніе Государю генерала Эссена, отъ 14-го февраля и Высочайшій рескриптъ на имя Эссена, отъ 1-го марта 1807 года.

(12) Именные указы министру военно-сухопутныхъ силъ, 14 марта 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,491-й) и 29 апрѣля тогоже года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,526-й).

(13) Повелѣнія Лефевру, Нансути и Эспаню, отъ 9-го февраля, Удино отъ 13-го и Домбровскому отъ 15-го февраля н. ст.

(14) Dumas. Précis des événemens militaires. XVIII. 75 — 78. — Предписаніе генералу Савари, отъ 21-го февраля н. ст. — Инструкція Массенѣ. отъ 25-го февраля н. ст.

(15) Dumas. XVIII. 79 — 80.

(16) Составъ отряда Платова: Павлоградскій гусарскій полкъ; казачьи полки: Атаманскій, Иловайскихъ: 5-го, 8-го, и 10-го, Карпова, Андронова (потомъ — Исаева 2-го), Сысоева, Грекова и Селиванова, рота донской артиллеріи.

(17) Донесенія генералъ-лейтенанта Платова.

(18) Записки князя Щербатова.

(19) Донесенія Платова.

(20) Provinzialblätter. 1847 IV. 274.

(21) Mémoires de Louis XVIII. VIII. 67.

(22) Генер. Михайловскій-Данилевскій.

(23) *Составъ 1-й дивизіи.*

генер. лейтенантъ Кологривовъ.	Конная гвардія	5	эск.
	Кавалергарды	5	»
	Лейбъ-гусарскій полкъ	5	»
	Уланскій Е. И. Высочества	10	»
	Лейбъ-казаки	3	»
генералъ-маіоръ Депрерадовичъ 2-й.	Преображенскій полкъ	4	бат.
	Семеновскій	3	»
	Великолуцкій мушкетерскій	3	»
	Петровскій	3	»
генералъ-маіоръ Башуцкій.	Измайловскій полкъ	3	»
	Лейбъ-гренадерскій	3	»
	Кексгольмскій мушкетерскій	3	»
	Баталіонъ Императ. милиціи	1	»
	Л. Гв. егерскій полкъ	2	»
	2-й егерскій	3	»
	Баталіонъ стрѣлковъ С.-Петербургской милиціи	1	»
	Двѣ гвардейскія батарейныя роты .	24	оруд.
	Гвардейская конная артиллерія . .	12	»

Всего 17,080 человѣкъ съ 36-ю орудіями.

(24) Обывательскихъ лошадей требовалось: въ Кавалергардскій полкъ 596, въ Уланскій Его Величества Цесаревича 1192, въ каждый изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ 784. Извлеч. изъ Записки объ участіи гвардіи въ походѣ 1807 года.

(25) Генер. Михайловскій-Данилевскій.

(26) Конвенція, заключенная въ Бартенштейнѣ 14-го (26-го) апрѣля 1807 года, за подписью генерала Будберга и барона Гарденберга (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(27) Донесеніе Наполеону министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 12-го апрѣля н. ст. 1809 года.

(28) Нота графа Стадіонъ, отъ 3-го апрѣля н. ст. 1807 года.

(29) Нота барона Будберга, отъ 16-го апрѣля н. ст. изъ Бартенштейна.

(30) Нота государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ Каннинга австрійскому посланнику въ Лондонѣ, графу Старембергу, отъ 15 апрѣля 1807 года.

(31) Нота французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Талейрана графу Стадіонъ, отъ 19-го апрѣля 1807 года изъ Варшавы.

(32) ....La cour de Vienne trouve les bases du traité de Bartenstein tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité de succès les plus brillans, et elle met en doute les moyens qui pourraient nous les procurer»... (Изъ донесенія графа Разумовскаго, отъ 24-го мая).

(33) ....La circonspection de la Cour de Vienne et le désir d'éloigner de plus en plus le moment de se décider ont été fortifiés par la disposition de la diète

d'Hongrie, dont les débats ont toujours été fondés sur la nécessité de la paix et le danger d'une guerre nouvelle. Ce cri tumultueux de paix a fait impression sur l'Empereur François, et je sais que ce Prince a répété dans les épanchemens de sa confiance: point de guerre!» (Изъ донесенія графа Разумовскаго, отъ 22-го мая).

([34]) Извлеч. изъ «Статистики австрійскихъ владѣній» барона Лихтенштейна.

([35]) Копія письма къ Государю Будберга, отъ 6-го мая 1807 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. 1807. № 33-й).

([36]) Письмо князя Александра Борисовича Куракина къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 23-го мая (4-го іюня), изъ Тильзита. (Русск Арх. 1868. I.).

([37]) Отзывъ лорда Говика сэру Карлу Стюарту, англійскому резиденту въ Петербургѣ, отъ 4-го ноября н. ст. 1806 года.

([38]) Письмо лорда Говика англійскому послу въ Петербургѣ, маркизу Дугласу (герцогу Гамильтону), отъ 13-го генваря н. ст. 1807 года.

([39]) Предположеніе графа Васильева, о продажѣ выкупленныхъ голландскихъ облигацій, Высочайше утвержденное 6-го мая 1807 года.

([40]) Отзывы лорда Говика маркизу Дугласу, отъ 4-го декабря 1806 и февраля 1807 года.

([41]) Garden. Histoire générale des traités de paix depuis la paix de Westphalie. X. 220.

([42]) Эта конвенція была заключена 20-го апрѣля н. ст. 1807 года.

([43]) Перемиріе заключено въ Шлатковѣ (Schlatkow) 18-го апрѣля н. ст. 1807 года.

([44]) Трактатъ о субсидіяхъ заключенъ въ Стральзундѣ 23-го іюня н. ст. 1807 года.

([45]) Составъ отряда генерала Каменскаго.

Русскія войска.

Могилевскаго мушкетерскаго полка . .	1 бат.
Навагинскаго » » . . .	1 »
Полоцкаго » » . . .	2 »
Тобольскаго » » . . .	2 »
Архангелогородскаго » » . . .	2 »
21-го егерскаго полка	1 »

Одинъ казачій полкъ.
Двѣ піонерныя роты.
Всего 5,300 человѣкъ.

Прусскія войска.

Бессера	1 бат.
Фузелерный Шахтмейера	1 »

Одинъ эскадронъ драгунъ Королевы.
Всего 1,300 человѣкъ.
Вообще-же 6,600 челов. съ 18-ю орудіями.

Прусскій отрядъ полковника Бюлова.

Гренадерскій баталіонъ Брауна	1 бат.

Пѣхотный полкъ Плёца (Plötz) . . . . 2 бат.
Фузелерный баталіонъ Бюлова . . . . 1 »
Кавалеріи 280 человѣкъ.

Всего-же въ отрядѣ около 2,800 человѣкъ съ 4-мя орудіями.

(46) Составъ войскъ генерала Олсуфьева, отряженныхъ въ помощь Лестоку: Сѣвскій, Пермскій и Могилевскій полки (Калужскій полкъ 5-й-же дивизіи, былъ отряженъ къ нему прежде).

(47) Письма адмирала Сенявина къ графу Андрею Кирилов. Разумовскому, въ Вѣну, 1805—1807 годовъ (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(48) «Répètez à chaque occasion que S. M. l'Empereur, entièrement persuadée que ce n'est que la force qui puisse ramener Bonaparte à la raison, ne rallentira pas ses efforts dans la présente guerre, quand même la convocation du congrès en question devrait avoir lieu».

(49) Письмо къ генералу Беннигсену князя Щербатова, изъ Данцига, отъ 18-го (30-го) апрѣля.

(50) Генер. Михайловскій-Данилевскій. Со словъ князя Чернышева, тогда стоявшаго близъ Императора.

(51) Донесеніе Императору Александру генерала Беннигсена, отъ 3-го мая ст. ст. изъ Бартенштейна.

(52) Изъ письма генерала Сакена къ графу Петру Александровичу Толстому, отъ 9-го генваря 1807 года (Арх. В. Т. Депо, № 41,778-й).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XX.

(1) Höpfner. Der Krieg von 1806 und 1807. III. 353 — 382.

(2) Dumas. Précis des évènemens militaires. XVIII. 126 — 127. Tables à la fin de ce volume.

(3) Журналъ князя Щербатова, 1806 — 1807 г.

(4) Въ дѣлѣ при Вейхсельмюнде, 3-го (15-го) мая, Русскіе потеряли 54-хъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,348 нижнихъ чиновъ; Пруссаки — 160 человѣкъ. Журналъ дѣйствій графа Каменскаго.

(5) Журналъ дѣйствій князя Щербатова. — Переписка князя Щербатова съ генераломъ Беннигсеномъ.

(6) Высочайшій рескриптъ князю Щербатову, отъ 20-го мая ст. ст. изъ Тильзита.

(7) Журналъ дѣйствій россійской арміи, съ ноября 1806 по 7-е іюня 1807 года. — Höpfner. III. 522 — 523.

(8) Письмо Беннигсена къ генералу Михельсону, командовавшему арміей противъ Турокъ.

(9) Диспозиція на 24-е мая ст. ст. 1807 года.

(10) Донесеніе Беннигсену Платова, отъ 20-го іюня. — Журналъ дѣйствій россійской арміи.

(11) Донесеніе Государю генерала Беннигсена, отъ 26-го мая.

(12) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ. Совѣтъ, по повелѣнію Государя, составленный изъ генераловъ: графа Татищева, князя Салагова, Меллера-Закомельскаго, Обрескова, Сукина, Вердеревскаго и Вельяминова, заключилъ, что «за упущеніе въ дѣлахъ 24-го и 25-го мая слѣдовало-бы наказать Сакена по артикулу Воинскаго Устава, то есть лишить чести, но, во уваженіе прежней сорока-четырехъ-лѣтней отличной его службы, просилъ, вмѣнивъ ему въ наказаніе трехъ-лѣтнее нахожденіе подъ судомъ, отставить его отъ службы». Докладъ Совѣта, отъ 29-го апрѣля 1810 года.

(13) .....«ce général commit l'imprudence de s'engager dans le village de Kleinenfeld avant qu'il eût été reconnu: il y fut envellopé, pris à dos avec toute sa brigade qu'il y avait compromise. Ses régimens durent se faire jour par des charges réitérées; mais ils furent très maltraités, et dans cette mêlée le brave

général Guyot et plusieurs de ses officiers furent tués, trente soldats restèrent avec eux sur le champ de bataille, 90 furent blessés et 116 prisonniers». Dumas. XVIII. 256.

(14) Въ предписаніи было сказано: «какъ непріятель перешелъ черезъ Пассаргу, то главнокомандующій рѣшился принять 9-го сраженіе въ позиціи у Гутштадта. Одна изъ непріятельскихъ колоннъ, переправившаяся у Эльдитена, угрожаетъ правому флангу нашей арміи, и по тому главнокомандующій предлагаетъ генералу Лестоку двинуться противъ сей колонны, чтобы задержать ее».

(15) Составъ отряда графа Каменскаго: русскіе полки: Сѣвскій, Пермскій, Калужскій, Архангелогородскій, Навагинскій, Могилевскій мушкетерскіе и 21-й егерскій, всего 21 слаб. баталіон. 27 прусскихъ эскадроновъ, пѣшая и конная прусскія батареи, легкая русская полубатарея, одинъ казачій полкъ. Всего, кромѣ казаковъ, 9,672 человѣка.

(16) Составъ авангарда князя Багратіона: полки Московскій гренадерскій; Псковскій, Тенгинскій, Старосокольскій мушкетерскіе; 5-й, 20-й и 25-й егерскіе; Гродненскій гусарскій и Конно-Польскій, съ ротою конной артиллеріи. Всего до 7,000 человѣкъ. Журналъ дѣйствій Российской арміи.

(17) Составъ отряда Бороздина: полки Низовскій и Ревельскій мушкетерскіе, Финляндскій драгунскій и казачій Селиванова; шесть орудій: всего до 2,500 человѣкъ.

(18) Составъ авангарда Мюрата: дивизіи кирасирская д'Эспаня, драгунская Латуръ-Мобура; двѣ легкія кавалерійскія бригады; за ними корпусъ Сульта: всего болѣе 30,000 человѣкъ.

(19) Составъ отряда генералъ-маіора Львова: полки Кіевскій драгунскій, 2-й егерскій, Кексгольмскій мушкетерскій, баталіонъ милиціи, взводъ конной артиллеріи: всего до 2,500 человѣкъ.

(20) Составъ кавалеріи праваго фланга, подъ начальствомъ Уварова полки Елисаветградскій гусарскій, Курляндскій, Псковскій и Лифляндскій драгунскіе.

(21) По представленію Ермолова, за выручку орудій, три кавалерійскихъ офицера: Буняковскій, Римскій-Корсаковъ и Фитингофъ, получили георгіевскіе кресты.

(22) Войска генералъ-лейтенанта князя Горчакова, занимавшія позицію впереди Гейльсберга, были расположены слѣдующимъ образомъ: на правомъ крылѣ, подъ командою графа Каменскаго, въ 1-й линіи: генералъ-маіоръ Варнекъ, съ полками Сѣвскимъ, Пермскимъ и Калужскимъ мушкетерскими и съ прусскою полубатареею поручика Любе, во 2-й генералъ-маіоръ Арсеньевъ, съ полками Архангелогородскимъ, Могилевскимъ и Навагинскимъ мушкетерскими, 21-мъ егерскимъ и прусскою полубатареей поручика Ведекинга; на лѣвомъ крылѣ, подъ командою генералъ-маіора Кнорринга въ 1-й линіи: полки Бѣлозерскій, Волынскій и Перновскій, а во 2-й Ревельскій и Низовскій. Журналъ дѣйствій Российской арміи.

(23) Въ атакѣ, подъ начальствомъ Алексѣева, участвовали полки 14-й дивизіи: Рязанскій, Углицкій и Софійскій.

(24) «Le général Bennigsen s'était maintenu dans sa position et avait repoussé

sur tous les points les attaques impétueuses des Français avec beaucoup de vigueur et d'activité»........ Dumas. XVIII. 279.

(25) Журналъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи съ ноября 1806 по 7-е іюня 1807 года.

(26) Dumas. XVIII. 283 — 287.

(27) Журналъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи. Dumas. XIX. 3—4.— Въ журналѣ военныхъ дѣйствій Русской арміи, сказано, что эскадрономъ Его Высочества Цесаревича командовалъ ротмистръ князь Манвеловъ.

(28) Höpfner. III. 650 — 651.

(29) Донесеніе Беннигсена.—Журналъ дѣйствій Россійской арміи.— Dumas. XIX. 12.

(30) Подробности расположенія Россійской арміи, въ сраженіи подъ Фридландомъ, въ точности неизвѣстны. Въ донесеніи Беннигсена, дивизіи, стоявшія на различныхъ пунктахъ позиціи, показаны весьма сбивчиво, и потомъ, при изложеніи дѣйствій князя Багратіона на лѣвомъ крылѣ, упоминаются полки, состоявшіе въ дивизіяхъ показанныхъ на правомъ крылѣ.

(31) Записка начальника штаба Бертье великому герцогу Бергскому (Мюрату). — Correspondance de Napoléon. XV. 334 — 335. № 12756.

(32) .....«des files entières étaient emportées, et le feu devenait tel que les troupes même les plus braves ne pouvaient pas le supporter longtems». Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. VII. 678.

(33) Для описанія сраженія при Фридландѣ служили: Журналъ дѣйствій Россійской арміи; Исторія Л. Гв. Измайловскаго полка; Dumas. Précis des événemens militaires. XIX. 4 — 24; Höpfner. Der Krieg von 1806 und 1807. III. 648 — 649.

(34) Въ сраженіи при Фридландѣ:

Корпусъ Ланна потерялъ	4,118	чел.
» Нея »	2,873	»
» Мортье »	2,570	»
» Виктора »	925	»
Резервная кавалерія и гвардія	1,500	»
Всего-же Французы потеряли	11,986	чел.

(Relation de la bataille de Friedland, par Derode).

У Тьера уронъ Французовъ показанъ отъ 7-ми до 8-ми тыс. человѣкъ.

(35) Выписка изъ дѣлъ Артиллерійскаго Департамента.—Гёпфнеръ приводитъ слѣдующія цифры урона русскихъ войскъ въ сраженіи подъ Фридландомъ:

Въ бюллетенѣ Наполеона, отъ 15-ти до 18-ти тысячъ человѣкъ.

У Жомини (Vie politique et mil. de Napoléon) 20,000.

У Дюма: 10,000 убитыхъ, 15,000 раненыхъ, 80 орудій.

По донесенію Нея: болѣе 6,000 убитыхъ и 20 орудій.

(36) Журналъ дѣйствій Россійской арміи.

(37) Dumas. XIX. 33.

(38) ....«Je prends une position derrière le Pregel, où je me tiendrai sur la defensive, jusqu'a ce que les renforts que j'attends seront arrivés. Néanmoins je croirais indispensable et conforme à la prudence d'entamer quelques negociations de paix, ne fut ce que pour gagner du tems pour reparer nos pertes, dont

Votre Majesté décidera»..... Донесеніе Государю генерала Беннигсена, отъ 3 (15) іюня.

(39) Wolzogen. Memoiren. 43.

(40) Письмо Императора Александра къ тайному совѣтнику Попову, отъ 4-го іюня 1807 года.

(41) Высочайшій рескриптъ генералу Беннигсену, отъ 4-го іюня 1807 г.

(42) Полномочіе князю Лобанову было слѣдующаго содержанія:

«Le prince Lobanoff, lieutenant-général de mes armées, est autorisé à entrer en pourparlers pour la conclusion d'une paix avec celui qui sera nommé par le gouvernement français. Il s'en acquittera avec toute la loyauté et la franchise d'un brave militaire, en foi de quoi je le munis de cette autorisation. Schawl, le 6 juin. Alexandre».

(43) Schladen. Preussen in den Jahren 1806 und 1807. — Höpfner. III. 702.

(44) Конвенція о перемиріи, хранящаяся въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

(45) Изъ донесенія Государю князя Лобанова, отъ 9-го іюня 1807 г.

(46) Слышано отъ князя Дм. Иван. Лобанова княземъ П. А. Вяземскимъ.

(47) Конвенція о перемиріи, заключ. 13 (25) іюня, за подписью маршала Бертье и фельдмаршала Калькрейта.

(48) ....«et d'autres circonstances ont engagé l'Empereur Alexandre à conclure avec Napoléon un armistice qui a pour but le rétablissement de la paix. Je n'ai pas besoin de demander à V. M. si, dans la situation affreuse où je me trouvais, je pouvais me séparer de la Russie. Ce n'est pas sans une vive anxiété que j'ai cédé à la dure nécessité, signé un armistice et nommé des ministres qui, conjointement avec S. M. J-le, mon allié, doivent traiter de la paix». Изъ письма Короля Фридриха-Вильгельма III-го, отъ 30-го іюня н. ст. 1807 года.

(49) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ.

(50) Письмо генерала Будберга къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, графу Александру Никол. Салтыкову, отъ 15 (27) іюня 1807 года. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(51) Большая часть подробностей о пребываніи Императора Александра въ Тильзитѣ извлечена изъ сочиненія генерала Данилевскаго, которому они были сообщены современниками Тильзитскаго мира.

(52) Изъ пяти писемъ Наполеона къ Императору Александру, первое отъ 21-го іюня (3-го іюля), заключаетъ въ себѣ изъявленіе желанія согласовать свою политику съ крайнимъ желаніемъ угодить нашему Государю; при письмѣ были препровождены проекты мирнаго и союзнаго договоровъ и двѣ записки: въ одной, объ Іоническихъ островахъ, Наполеонъ старался доказать, что Россіи, по отдаленности отъ этихъ острововъ, вредно удерживать ихъ за собою, и что имъ слѣдуетъ быть подъ покровительствомъ Франціи; во второй запискѣ, говорилъ о пользѣ естественныхъ предѣловъ и предлагалъ Государю постановить границу Россіи по Нѣману до устья его въ Балтійское море. Во второмъ письмѣ, отъ 22-го іюня (4-го іюля), и приложеніи къ нему, находимъ увѣренія въ желаніи сохранить дружество съ Россіею и устранить всѣ поводы къ столкновенію, сей державы съ Франціей. Наполеонъ изъявлялъ намѣреніе не распространять своего вліянія за Эльбу, такъ чтобъ земли между этою рѣкою и Нѣманомъ составили границы обѣихъ великихъ

Имперій, и снова предлагалъ расширить владѣнія Россіи по Нѣманъ, а въ замѣнъ Мемеля отдать Пруссіи часть саксонскихъ владѣній на правомъ берегу Эльбы. Въ третьемъ письмѣ, отъ 24-го іюня (6-го іюля), идетъ дѣло о вознагражденіи Пруссіи и опредѣленіи западной границы Россіи. Съ нашей стороны хотѣли провести границу до Сероцка. Наполеонъ сдѣлалъ замѣчаніе, что, въ такомъ случаѣ — «русскаго орла увидятъ изъ Варшавы, и это былъ-бы слишкомъ ясный признакъ, что Варшава назначена принадлежать Россіи». Въ четвертомъ письмѣ, отъ того-же числа, Наполеонъ, на случай разрыва Россіи съ Англіей, писалъ: «если В. В. найдете нужнымъ объявить войну Англіи, то лучше всего это сдѣлать въ декабрѣ. Какъ тогда останется до весны пять мѣсяцевъ, то Англичане будутъ имѣть время взвѣсить всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ столь неблагоразумной войны. Къ тому-же, эскадра адмирала Сенявина успѣетъ возвратиться изъ Корфу въ Россію». Наконецъ, въ двухъ запискахъ къ пятому письму Наполеона, отъ 27-го іюня (9-го іюля), упоминается о дѣлахъ съ Англіею и на Востокѣ. Correspondance de Napoléon I-er. XV. 381—385. 389—391. 392. 400—403. №№: 12846, 12849, 12862, 12865 et 12884.

Приведемъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ трехъ Собственноручныхъ писемъ Императора Александра.

Въ первомъ, отъ 22-го іюня (4-го іюля), Государь, возвращая Наполеону проекты мирнаго и союзнаго трактатовъ, съ своими замѣчаніями, писалъ: «Mes demandes sont modérées; elles sont désintéressées, puisque je ne plaide que la cause d'un allié malheureux. La puissance de V. M. n'en souffrira pas la moindre atteinte. Vous acquérerez au contraire une gloire nouvelle, celle de pacifier l'Europe d'une maniere solide». (Мои требованія умѣренны и безкорыстны: я только отстаиваю несчастнаго союзника. Могущество Вашего Величества отъ того не умалится, и напротивъ — Васъ ожидаетъ новая слава, прочнаго умиренія Европы). Въ письмѣ отъ 24-го іюня (6-го іюля) и приложенной къ нему запискѣ, Императоръ Александръ, изъявивъ свое искреннее желаніе утвердить союзъ съ Наполеономъ на незыблемыхъ основаніяхъ, писалъ: «J'ai témoigné à l'Empereur Napoléon, que j'étais prêt, pour acquiescer à ses plans, de céder Jéver et les Sept-Isles, mais il se rappelera en même tems combien mes voeux étaient prononcés pour améliorer par ces cessions le sort d'un allié malheureux. C'est avec confiance que j'en appelle à sa justice, à cette amitié qu'il me témoigne, et qui m'a fait concevoir un espoir si riant pour l'avenir. Il ne dépend que de l'Empereur Napoléon de me prouver cette amitié, de changer mon espoir en certitude et de cimenter à jamais cette union entre la Russie et la France qui doit faire le bonheur du globe entier. Quant à Memel et à son territoire, je suis prêt à y renoncer». (Я объявилъ Императору Наполеону готовность, согласно его мыслямъ, уступить ему Іеверъ и Семь Острововъ, но онъ также вспомнитъ мои настоятельныя желанія улучшить этими уступками судьбу несчастнаго союзника. Обращаюсь съ довѣріемъ къ справедливости Императора Наполеона, къ его дружбѣ мнѣ изъявляемой, подающей радостныя надежды въ будущемъ. Отъ него зависитъ доказать мнѣ свое дружество, осуществивъ мои надежды и навсегда укрѣпивъ между Россіею и Франціей союзъ, долженствующій составить благополучіе всего міра. Что-же касается до Мемеля и его округа, я готовъ отъ нихъ отказаться). Въ

третьемъ письмѣ, отъ 25-го іюня (7-го іюля), находимъ; «Prêt a conclure le traité d'alliance que V. M. m'a envoyé, je lui rappele l'article qu'Elle etait disposée à y ajouter sur ma reconnaissance du roi Joseph, comme roi de Sicile, aussitôt que la conquête de cette isle sera faite. En réciprocité V. M. voulait assigner au roi Ferdinand les isles Baléares, ou celles de Rhodes et Candie». (Я готовъ утвердить присланный мнѣ Вашимъ Величествомъ союзный трактатъ, но напоминаю вамъ о статьѣ, которую Вы были намѣрены помѣстить въ немъ, по поводу признанія мною Короля Іосифа Королемъ Сициліи, коль скоро будетъ завоеванъ этотъ островъ. Во взаимность, В. В. хотѣли назначить Королю Фердинанду Балеарскіе острова, либо Родосъ и Кандію).

(53) Thiers. VII. 702.

(54) Scherr. Blücher und seine Zeit. II. 302—304.

(55) Черновой Тильзитскій мирный трактатъ, съ Собственноручными поправками Императора Александра и Наполеона, за подписью князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго и Талейрана, Принца Беневентскаго, хранится въ Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

(56) Секретныя статьи, присоединенныя къ Тильзитскому мирному трактату, за подписью Куракина, Лобанова и Талейрана, хранятся въ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

(57) Traité d'alliance offensive et défensive, conclu à Tilsitt le 25 juin (7 juillet) 1807, за подписью князя Куракина, князя Лобанова и Талейрана (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(58) Thiers. VII. 733—734.

(59) Thiers. VII. 734.

(60) F. v. Smitt. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. 134.

(61) .....«prenez la Finlande comme dédommagement de la guerre que vous aurez été amené à faire contre la Suède. Le roi de Suède, il est vrai, est votre beau-frere et votre allié; mais puisqu'il est votre beau-frère et votre allié, qu'il suive les changemens de votre politique, ou qu'il subisse les conséquences de sa mauvaise volonté. La Suède, répéta souvent Napoléon, peut être un parent, un allié du moment, mais c'est l'ennemi géographique. Pétersbourg se trouve trop près de la frontière de Finlande. Il ne faut plus que les belles Russes de Pétersbourg entendent de leurs palais les canons des Suèdois». Thiers. VII. 721.

(62) Thiers. VII. 717.

(63) Traité entre la France et la Prusse, conclu de la part de la France par M. Ch. Maur. Talleyrand, prince de Bénévent, et de la part de la Prusse par M. le feld-maréchal Kalkreuth et M. le comte de Goltz, le 9 juillet, et ratifié à Königsberg, le 12 du même mois.

(64) Höpfner. III. 709—711.—Correspondance de Napoléon I-er. XV. 407—411. №№: 12895 et 12896.

(65) Генералъ Михайловскій-Данилевскій.

(66) Изъ письма отъ 15-го іюня ст. ст. 1807 года.

(67) Изъ записокъ Барона М. А. Корфа.

(68) Изъ Записокъ Льва Николаевича Энгельгардта. 221.

(69) Mémoires du comte de Stedingk. II. 355—356. (Письмо его къ Королю Густаву IV, отъ 28-го сентября ст. ст. 1807 года).

(70) Это мнѣніе, изъявленное Барклаемъ де-Толли знаменитому Нибуру, изложено въ сочин. генер. Дюма: Précis des évènemens militaires. XIX. 447—448.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXI.

(¹) Именной указъ генералу отъ артиллеріи графу Аракчееву, 1-го іюля 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,545).

(²) Высочайшій приказъ 12-го августа 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,588).

(³) Именной указъ сенату, 16-го сентября 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,621).

(⁴) Манифестъ и Именной указъ военному министру, 27-го сентября 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,634 и 22,636).

(⁵) Именной указъ военному министру, 27-го сентября 1807 года. (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,635).

(⁶) Именной указъ военной коллегіи, 22-го генваря 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 22,768).

(⁷) Высочайшій приказъ 8-го апрѣля 1808 года.

(⁸) Ясскій трактатъ.

(⁹) Составъ Южной арміи генерала отъ кавалеріи Михельсона: 1-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Эссена 1-го (9-я дивизія князя Волконскаго и 10-я Меллера-Закомельскаго); 2-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Мейендорфа (11-я дивизія Милорадовича и 12-я князя Голицына, потомъ Каменскаго 1-го) и 13-я дивизія герцога Ришельё: всего до 50,000 человѣкъ съ 286-ю орудіями.

(¹⁰) Высочайшій рескриптъ отъ 23-го октября ст. ст. 1806 года (Арх. В. Т. Депо № 32,579).

(¹¹) Отзывъ министра иностранныхъ дѣлъ, генерала Будберга къ генералу Михельсону, отъ 28-го апрѣля 1807 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(¹²) Журналъ военныхъ дѣйствій Молдавской арміи. За дѣло при Обилешти, Императоръ Александръ пожаловалъ Милорадовичу золотую шпагу съ алмазами и надписью: «За спасеніе Бухареста».

(¹³) Изъ донесеній вице-адмирала Сенявина.

(¹⁴) Thibaudeau. Histoire du Consulat et de l'Empire. III. 220.

(¹⁵) Главныя условія Слободзейскаго перемирія заключались въ слѣдующемъ: 1) прекратить военныя дѣйствія до 3-го апрѣля 1808 года и

открыть переговоры о заключеніи мира; 2) вывести русскія войска изъ Молдавіи и Валахіи, въ продолженіи 35-ти дней со дня подписанія настоящаго перемирія; 3) турецкимъ войскамъ также очистить Молдавію и Валахію, оставя лишь въ крѣпостяхъ Измаилѣ, Браиловѣ и Журжѣ гарнизоны, достаточные для ихъ охраненія; 4) вывести русскія войска съ острова Тенедоса и всякаго другаго мѣста въ Архипелагѣ; 5) возвратить взаимно захваченные корабли; 6) освободить всѣхъ военно-плѣнныхъ и невольниковъ. Особенною статьею постановлено: «оттоманскимъ войскамъ не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ Виддина и Фетъ-Ислама, гдѣ есть русскія войска присоединенныя къ Сербамъ» (Арх. В. Т. Депо № 36,743).

([16]) Письмо графа Румянцова къ барону Мейендорфу, отъ 2-го сентября 1807 года (Арх. В. Т. Депо № 32,579).

([17]) Rapport à l'Empereur Napoléon du général Savary. Pétersbourg, le 18 novembre 1807.

([18]) Précis des relations diplomatiques entre la Russie et la Suède, depuis l'avènement de l'Empereur Alexandre I (рукопись К. К. Злобина).

([19]) Précis des relations diplomatiques etc.

([20]) Донесеніе повѣреннаго въ дѣлахъ при стокгольмскомъ дворѣ, (Давида Макс.) Алопеуса, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1802 года.

([21]) Précis des relations diplomatiques etc.

([22]) Собственноручное письмо Императора Александра къ королю Прусскому, отъ 22-го генваря 1805 года, врученное королю генералъ-адъютантомъ Винцингероде.

Напомнивъ своему Августѣйшему союзнику принятое имъ на себя обязательство — охранять безопасность сѣверной Германіи, Государь писалъ: «Сенъ-Клудскій Кабинетъ, искусный въ возбужденіи раздора, хочетъ поселить его между сѣверными державами. Въ ожиданіи полученія отъ В. В. свѣдѣній о вашихъ намѣреніяхъ, касательно предположеній Бонапарта противъ Швеціи, Я приму мѣры, согласно съ вашимъ желаніемъ, для внушенія стокгольмскому двору должной умѣренности».

([23]) Précis des relations diplomat. etc.

([24]) Précis des relations diplomat. etc.

([25]) Mémoires du comte de Stedingk. II. 292.

([26]) Précis des relations diplomathiques.

([27]) Англійскій флотъ, отправленный противъ Даніи, состоялъ изъ 25-ти кораблей, 8-ми фрегатовъ и 32-хъ меньшихъ судовъ. Транспортный флотъ, съ дессантными войсками, провіантомъ и боевыми припасами, состоялъ изъ трехъ сотъ судовъ. Число дессантныхъ войскъ простиралось до 20,000, а вмѣстѣ съ находившимися въ Стральзундѣ, которые также должны были принять участіе въ экспедиціи, до 28,000 человѣкъ. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. VIII. 209.

([28]) Капитуляція о сдачѣ Копенгагена подписана 7-го сентября н. ст. со стороны Даніи, отъ имени генерала Пеймана, генералъ-маіоромъ Вальтерсдорфомъ, контръ-адмираломъ Люткеномъ и адъютантомъ Короля Карльгофомъ, а со стороны Англіи, отъ имени адмирала Гембира (Gambier) и лорда Каткарта, сэромъ Артуромъ Веллеслеемъ (въ по-

слѣдствіи — лордъ Веллингтонъ), капитаномъ корабля Попгамомъ и подполковникомъ Мюрреемъ.

(29) Belcham. Memoires of the reign of George III. I. 251.

(30) Нота министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцова шведскому посланнику барону Стедингку, отъ 24-го сентября ст. ст. 1807 года.

(31) Отзывъ графа Румянцова къ повѣренному въ дѣлахъ при стокгольмскомъ дворѣ Г. Алопеусу, отъ 16-го (28-го) ноября 1807 года.

(32) Письмо Стедингка къ Королю Густаву IV, отъ 23 го ноября (5-го декабря) 1807 г. изъ Петербурга. — Précis des relations diplomatiques etc.

(33) Нота графа Румянцова, отъ 30-го декабря ст. ст. 1807 года.

(34) Письмо Стедингка къ генералу Клеркеру, отъ 16 (28), и къ Густаву IV, отъ 17 (29) генваря 1808 года изъ Петербурга.

(35) Précis des relat. diplomat. etc.

(36) Составъ корпуса генерала отъ инфантеріи графа Буксгевдена:

Пѣхотные полки дивизій: 5-й Тучкова 1-го, 17-й графа (Ник. Мих.) Каменскаго 2-го и 21-й князя Багратіона . . . . 36 бат.

Полки: Гродненскій гусарскій, Финляндскій драгунскій и Лейбъ-казачій . . . . 17 эск.

Казачій полкъ Лощилина.

Нѣсколько гарнизонныхъ ротъ.

Кромѣ того, въ послѣдствіи должны были прибыть третіе баталіоны полковъ выступившихъ въ походъ и четыре полка 14-й дивизіи.

(37) Конвенція о сдачѣ Свеаборга заключала въ себѣ слѣдующія условія: 1) прекратить съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія до 22-го апрѣля и сдать сего числа крѣпость, если къ тому времени не получено будетъ ею вспомоществованіе; 2) уступить укрѣпленіе Лангернъ и острова Вестеръ-Сварто и Остеръ-Лилла-Сварто, со всею на нихъ артиллеріею; 3) въ случаѣ прибытія подкрѣпленія прежде условленнаго срока, Русскіе возвратятъ помянутые острова, но удержатъ за собою Лангернъ; 4) если не придетъ подкрѣпленіе къ 22-му апрѣля, Шведы сдадутъ Свеаборгъ съ артиллеріею, снарядами и запасами, принадлежащими къ флоту. Природные Шведы, офицеры возвратятся въ отечество, обязавшись не служить противъ Россіи въ нынѣшнюю войну, а нижніе чины отправятся въ Выборгъ; финскія войска будутъ распущены. Флотилію возвратить Швеціи, если Англичане отдадутъ взятый ими у Даніи флотъ.

(38) G. Swederus. Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814. I. 24 — 25.

(39) Журналъ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи, генерала Буксгевдена.

(40) Подкрѣпленія, прибывшія къ арміи Буксгевдена въ маѣ 1808 года: 3,000 старыхъ солдатъ, изъ плѣна во Франціи; 2,000 рекрутъ; 6-й пѣхотной дивизіи полки: Азовскій, Низовскій, Ревельскій и 3-й егерскій; Лейбъ-гренадерскій полкъ, баталіонъ Л. Гв. егерскаго полка, баталіонъ уланскаго полка Цесаревича, рота гвардейской артиллеріи и два казачьихъ полка.

(41) Составъ корпуса Раевскаго полки: Сѣвскій, Калужскій, Бѣлозерскій, Петровскій, Великолуцкій, части Пермскаго и Могилевскаго; егерскіе полки: 2-й, 23-й, 24-й и 26-й; два эскадрона Лейбъ-казаковъ.

(42) Составъ корпуса Барклая де-Толли полки: Азовскій, Низовскій, Ревельскій, 3-й егерскій, Лейбъ-гренадерскій, баталіонъ уланскаго Его Высочества Цесаревича и три эскадрона Финляндскаго драгунскаго полка.

(43) Журналъ дѣйствій Финляндской арміи Буксгевдена.

(44) Журналъ дѣйствій Финляндской арміи.

(45) Вотъ какъ говоритъ о Каменскомъ шведскій историкъ: «...Roth bekam keine Verstärkung; dagegen erhielt Rayewsky's Corps eine solche, die eben so viel werth war, wie die ganze bisherige Heeres-abtheilung, nämlich einen neuen Befelshaber, den aus gezeichneten Grafen Kamensky». Swederus. I. 28. (Ротъ не получилъ подкрѣпленія; напротивъ, корпусъ Раевскаго получилъ такое, которое равнялось его прежней силѣ, именно новаго начальника, отличнаго генерала, графа Каменскаго).

(46) Составъ корпуса графа Каменскаго 2-го: полки: Сѣвскій, Калужскій, Бѣлозерскій, Петровскій, Великолуцкій, Азовскій, Пермскій, одинъ баталіонъ Низовскаго; егерскіе полки: 2-й, 3-й, 23-й, 24-й, 25-й и 26-й; по два эскадрона Гродненскаго гусарскаго и уланскаго Цесаревича полка и три эскадрона Финляндскихъ драгунъ.

(47) Журналъ дѣйствій Финляндской арміи.

(48) Письмо герцога д'Абрантесъ къ вице-адмиралу Сенявину, отъ 3-го (15-го) іюля и отвѣтъ Сенявина 4-го (16-го) іюля 1808 года (Арх. Мин. Иностран. дѣлъ).

(49) Письмо адмирала Коттона Сенявину, отъ 18-го (30-го) іюля 1808 года.

(50) Письмо Сенявину Жюно, отъ 28-го іюля (9-го августа) 1808 г. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(51) Письмо герцогу д'Абрантесъ Сенявина, отъ 28-го іюля (9-го августа) 1808 года (Арх. Министер. Иностр. дѣлъ).

(52) Конвенція и добавочныя къ ней условія, подписанныя въ Лиссабонѣ 23-го и 24-го августа (4-го и 5-го сентября) 1808 года.

(53) Изъ донесеній Сенявина: 9-го декабря 1808 года; 24-го сентября 1809 года, и проч. (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

(54) Путешествіе шлюпа «Діана» изъ Петербурга въ Камчатку, въ 1807 — 1809 годахъ.

(55) Письмо Алопеуса къ капитанъ-лейтенанту Ховрину, отъ 18-го (30-го ноября) 1807 года.

(56) Письмо графу Румянцову Алопеуса, отъ 10-го (22-го) декабря 1807 года.

(57) Высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ морскихъ силъ П. В. Чичаговымъ.

(58) В. Шульцъ. Плѣнъ въ Англіи фрегата «Спѣшный» и транспорта «Вильгельмина».

(59) Записки мичмана Г. М. Мельникова (рукопись). — Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1847. III. 239 и 242.

(60) Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ. Военн. Сборникъ 1863 — 1864 г.

(61) Воспоминанія Вигеля. — Показанія современниковъ.

(62) Свѣдѣнія о графѣ Аракчеевѣ. Военный Сборникъ. 1861 года.

([63]) Свѣдѣнія о графѣ Аракчеевѣ. Военный Сборникъ 1864 года.

([64]) Высочайшіе приказы 1-го и 2-го февраля 1798 года.

([65]) Высочайшій приказъ 18-го марта 1798 года.

([66]) Высочайшій приказъ 11-го августа 1798 года.

([67]) Высочайшіе приказы 22-го декабря 1798 и 4-го генваря 1799 годовъ.

([68]) Воспоминанія Вигеля.

([69]) Воспоминанія Вигеля. — Bernhardi. Toll's Denkwürdigkeiten. Zw. Aufl. I. 25 — 31.

([70]) Именной указъ военной коллегіи, 12-го марта 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 22,892).

([71]) Инструкція для пріема артиллерійскихъ орудій, 30-го апрѣля 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 22,986).

([72]) Инструкція для пріема артиллерійскихъ снарядовъ, 18-го августа 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 23,233).

([73]) Высочайше утвержденный докладъ военнаго министра, 12-го августа 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 23,218). — Положеніе о подвижныхъ арсеналахъ было составлено генералъ-маіорами Тимлеромъ и Бухмейеромъ и подполковникомъ Зуевымъ.

([74]) Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 23,399.

([75]) Изъ «Записокъ артиллеріи», составленныхъ по лекціямъ полковника (нынѣ генерала) Платова.

([76]) Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 104.

([77]) Jos. de Maistre. Mémoires politiques et correspondance. 300 — 301.

([78]) Воспоминанія Вигеля.

([79]) Rabbe. Histoire d'Alexandre I. I. 241 — 242.

([80]) Thiers. IX. 338 — 340.

([81]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. IX. 455. — Письмо къ Императору Александру I графа Николая Петровича Румянцова, отъ 4-го (16-го) сентября 1808 года, изъ Герцберга (Herzberg). (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

([82]) Слова Наполеона, переданныя графу Румянцову г-мъ Шампаньи.

([83]) Донесеніе Государю графа Румянцова, отъ 17-го (29-го) сентября 1808 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

([84]) Письмо къ Королю Великобританскому, за подписью Императоровъ Александра и Наполеона, отъ 12-го октября н. ст. 1808 года изъ Эрфурта (Копія хранится въ Минист. Иностр. дѣлъ).

«Sire, les circonstances actuelles de l'Europe nous ont réunis à Erfurth. Notre première pensée est de céder aux voeux et aux besoins de tous les peuples, et de chercher par une prompte pacification avec V. M. le remède le plus efficace aux malheurs qui pèsent sur toutes les nations. Nous en faisons connaître notre sincère désir à V. M. par cette présente lettre.

«La guerre longue et sanglante qui a dechiré le continent est terminée sans qu'elle puisse se renouveler. Beaucoup de changemens ont eu lieu en Europe; beaucoup d'Etats ont été bouleversés. La cause en est dans l'état d'agitation et de malheur où la cessation du commerce maritime a placé les plus grands peuples. De plus grands changemens peuvent encore avoir lieu, et tous contraires à la politique de la nation anglaise. La paix est donc à la fois dans l'intérêt des peuples du continent comme dans l'intérêt des peuples de la Grande Bretagne.

«Nous nous réunissons pour prier V. M. d'écouter la voix de l'humanité, en faisant taire celle des passions; de chercher, avec l'intention d'y parvenir, à concilier tous les intérêts, et par là garantir toutes les Puissances qui existent, et assurer le bonheur de l'Europe et de cette génération à la tête de la quelle la Providence vous a placé.

«Erfurth, le 12 octobre 1808».

(signé)

Alexandre. Napoléon.

([85]) Письмо къ Каннингу графа Румянцова, отъ 12-го октября н. ст. 1808 года, изъ Эрфурта. (Копія хранится въ Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

«J'envoye à V. E. une lettre que les Empereurs de Russie et de France ecrivent au Roi d'Angleterre. S. M. l'Empereur de Russie se flatte que l'Angleterre appreciera la sincerité et la grandeur de cette demarche. Elle ne peut attribuer à la faiblesse ce qui est le résultat de l'union intime des deux plus grands Monarques du continent, unis pour la paix comme pour la guerre.

«S. M. m'a chargé de faire connaître à V. E. qu'Elle a nommé des plénipotentiaires qui se dirigeront sur la ville de Continent où S. M. le Roi d'Angleterre et ses alliés dirigeront leurs plénipotentiaires et que quant aux bases de la négociation, LL. MM. n'ont pas d'inconvenient d'adopter toutes celles précédemment proposées par l'Angleterre même, savoir l'*uti possidetis* et toute autre base fondée sur la justice et sur la réciprocité et l'égalité qui doivent regner entre toutes les grandes nations».

([86]) Донесеніе Государю графа Румянцова, отъ 17-го (29-го) сентября 1808 года.

([87]) Письмо Каннинга графу Румянцову, отъ 26-го октября н. ст. 1808 года.

([88]) Проэктъ конвенціи и замѣчанія на него (contre-projet) Императора Александра (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ). — Сравнить конвенцію, подписанную графомъ Румянцовымъ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, 12-го октября 1808 года. (Correspondance de Napoléon I, XVII. 544 — 547. № 14,372).

([89]) Bignon. Histoire de France sous Napoléon. VIII. 2 et 25. — Thiers. IX. 353.

([90]) Thiers. IX. 376 — 379.

([91]) Thiers. IX. 366 — 367.

([92]) Bignon. VIII. 24.

([93]) Correspondance de Napoléon I-er. XVII. 556. № 14,379.

([94]) Thiers. IX. 387.

СЛУЧАЙ, ПОДАВШІЙ ПОВОДЪ КЪ УДАЛЕНІЮ АРАКЧЕЕВА, ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Въ артиллерійскомъ арсеналѣ хранилась старинная колесница для артиллерійскаго штандарта, обитая бархатомъ съ золотыми кистями и галуномъ. Какой-то артиллерійскій солдатъ, найдя возможность пролезть сквозь довольно рѣдкую чугунную рѣшетку окна, обрѣзалъ галунъ и кисти и унесъ ихъ незамѣтно отъ стоявшаго при арсенальномъ зданіи караула. Въ то время, надлежало немедленно донести о томъ Государю, и эта обязанность, по званію Инспектора всей Артиллеріи, лежала на графѣ Аракчеевѣ. Въ настоящемъ случаѣ, Аракчеевъ былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе: родной братъ его Андрей Андреевичъ командовалъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго стоялъ караулъ во время покражи. Аракчеевъ донесъ Государю, что тогда караулъ былъ наряженъ отъ полка генералъ-лейтенанта Вильде, который, за то, былъ исключенъ изъ службы. Изумленный внезапною немилостью Государя, Вильде обратился къ защитѣ графа Кутайсова и открылъ ему истину; а Кутайсовъ, тогда бывшій не въ ладахъ съ Аракчеевымъ, передалъ все, слышанное отъ Вильде, Императору Павлу.

Въ тотъ самый день, ввечеру, былъ балъ у Государя въ Гатчинѣ. Аракчеевъ явился во дворецъ, но лишь только Павелъ его увидѣлъ, какъ послалъ, чрезъ флигель-адъютанта Котлубицкаго, ему приказаніе — ѣхать домой. На слѣдующее утро, 1-го октября 1799 года, послѣдовалъ Высочайшій приказъ—объ исключеніи Аракчеева изъ службы «за ложное Его Величеству донесеніе» *).

---

*) Изъ Записокъ П. А. Тучкова.

ГЕНЕРАЛЪ МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА РОМАНА ВЪ ДАНІИ *).

Наполеонъ, желая обезсилить Испанію и извлечь пользу изъ тамошнихъ войскъ на другомъ театрѣ войны, еще весною 1807 года, отправилъ дивизію маркиза де-ла Романа въ сѣверную Германію. Сперва эти войска были расположены близъ Гамбурга; въ послѣдствіи-же ихъ перевели частью въ Ютландію, частью на датскіе острова. Несчастные Испанцы, окруженные въ далекой странѣ французскими и союзными имъ датскими войсками, лишенные всѣхъ сношеній съ своими единоземцами, казалось, были навсегда потеряны для своего отечества.

Начальникъ этихъ войскъ, маркизъ де-ла Романа происходилъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій острова Маіорки. Сорока шести лѣтъ отъ рода, небольшаго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія, онъ отличался способностью къ перенесенію трудовъ и лишеній. Въ молодости своей онъ получилъ хорошее образованіе, провелъ два года въ Лейпцигѣ, (что̀ весьма рѣдко случалось съ его соотечественниками), и изучилъ древніе и нѣсколько новѣйшихъ языковъ.

Число войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ де-ла Романы, простиралось до 14,198 человѣкъ. Въ іюнѣ 1808 года, они получили отъ наполеоновскаго правительства Испаніи повелѣніе принести присягу Королю Іосифу. Положеніе испанскихъ войскъ было крайне затруднительно; они зна́ли только по слухамъ о событіяхъ происшедшихъ въ ихъ отечествѣ. Два полка отказались повиноваться и были обезоружены; прочіе присягнули новому правительству, но съ оговоркою, что ихъ присяга дѣйствительна только въ такомъ случаѣ, если Іосифъ вступилъ на престолъ по желанію испанскаго народа.

Испанское народное правительство, противодѣйствуя Наполеону, старалось возвратить на Пиренейскій полуостровъ полки де-ла Романы, могшіе оказать важное вліяніе въ рѣшительной борьбѣ съ Французами. Но депеши, посылаемыя изъ Испаніи, не доходили до генерала де-ла Романы, и потому англійское правительство, для открытія съ нимъ сношеній, отправило съ острова Гейлиголанда тайно католическаго священника, по имени Робертсона, который, назвавшись него-

---

*) Составленіемъ Записки о маркизѣ де-ла Романа авторъ обязанъ К. К. Злобину.

ціантомъ, прибылъ въ Шлезвигъ и оттуда пробрался къ Одензее, гдѣ тогда находилась главная квартира де-ла Романы. Встрѣтясь съ испанскимъ генераломъ на улицѣ. Робертсонъ толкнулъ его локтемъ, сталъ извиняться въ своей неловкости, и притворясь, будто не знаетъ его, предложилъ ему купить партію отличнаго кофе, а между тѣмъ, поднесъ ему открытую табакерку. Генералъ, опустивъ туда руку, нашелъ маленькую записку, въ коей была изложена цѣль поѣздки въ Данію мнимаго негоціанта. За этимъ свиданіемъ послѣдовали другія, съ глазу на глазъ.

Оставалось удостовѣрить генерала въ полномочьѣ данномъ англійскимъ правительствомъ. Какъ Робертсону изъ предосторожности не было дано никакого письменнаго свидѣтельства, то онъ воспользовался слѣдующимъ обстоятельствомъ. Де-ла Романа, большой знатокъ испанской литературы, говоря однажды съ англійскимъ посломъ въ Мадридѣ Фриромъ, о значеніи какого-то стиха поэмы о Сидѣ, нашелъ замѣчаніе Англичанина совершенно справедливымъ. Робертсонъ, напомнивъ своему собесѣднику объ этомъ обстоятельствѣ, которое было извѣстно только ему и Фриру, убѣдилъ испанскаго генерала въ томъ, что дѣйствительно былъ уполномоченъ англійскимъ правительствомъ. Де-ла Романа и Робертсонъ рѣшили между собою, какимъ образомъ дѣйствовать для отплытія испанскихъ войскъ въ ихъ отечество. Въ августѣ 1808 года, англійская эскадра приблизилась къ берегамъ Фіоніи. Де-ла Романа, собравъ ближайшіе свои полки, овладѣлъ Ниборгомъ, посадилъ войска на англійскія суда и отправился въ Испанію. Предательство нѣкоторыхъ частныхъ испанскихъ начальниковъ не позволило тремъ полкамъ, въ числѣ 5,160 человѣкъ, соединиться съ прочими десятью тысячами человѣкъ де-ла Романы, которыя, достигнувъ береговъ своего отечества, приняли дѣятельное участіе въ войнѣ противъ Французовъ (Toreno.—Röder).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXII.

---

(1) Журналъ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи.

(2) Донесеніе адмирала Ханыкова, отъ 15 августа ст. ст. 1808 года.

(3) Журналъ дѣйствій Финляндской арміи.

(4) Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ вѣдомостямъ, 25-го октября 1808 года.

(5) Swederus. Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814. I. 28 — 29.

(6) Составъ корпуса графа Каменскаго, полки: Сѣвскій, Бѣлозерскій, Великолуцкій, Калужскій, Пермскій, Литовскій, Могилевскій, Петровскій, Вильманстрандскій, Брестскій, 23-й, 24-й, 25-й и 26-й егерскіе; три эскадрона Гродненскихъ гусаръ и два эскадрона уланскаго Е. Выс. Цесаревича полка.

Составъ корпуса Тучкова 1-го, полки: Ревельскій, Навагинскій, Тенгинскій, баталіонъ Низовскаго, 3-й и 4-й егерскіе и Лейбъ-гренадерскій полки; Л.-Гв. егерскій баталіонъ и 6 эскадроновъ уланъ Цесаревича.

(7) Журналъ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи.

(8) Донесеніе генерала Тучкова 1-го, отъ 31-го октября ст. ст. 1808 г.

(9) Чтобы получить понятіе о несогласіяхъ между графомъ Аракчеевымъ и Буксгевденомъ, достаточно прочесть письмо послѣдняго къ первому, отъ 13-го сентября ст. ст. 1809 года (Составленіе этого письма приписывали Гавердовскому).

(10) A. Th. v. Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. I. 49 — 50.

(11) Воспоминанія Вигеля. — Jos. de Maistre. Mémoires et correspondance diplomatique. 326 — 327.

(12) Jos. de Maistre. 327 — 328.

(13) Составъ Финляндской арміи, 1-го генваря 1809 года:

Улеоборгскій корпусъ	11,358	чел. съ	20	оруд.
Вазаскій »	13,197	»	22	»
Абоскій »	10,284	»	20	»
Гельсингфорскій »	9.245	»	25	»
Куопіоскій отрядъ	1,373	»	12	»

Резервная артилл. въ Тавастгусѣ .	104	» 28	»
Морскаго вѣдомства	2,917	» —	»
Всего . . .	48,478 чел.	съ 127 оруд.	

Въ томъ числѣ:

Пѣхоты	40,868 челов.
Кавалеріи	2,730 »
Артиллеріи	1,963 »
Морскихъ	2,917 »

Всего-же 48,478, а съ нестроевыми 52,439 человѣкъ.

(Извлечено изъ 10-ти-дневнаго рапорта, отъ 1-го генваря 1809 г.)

(14) Swederus. I. 36—39.

(15) Составъ корпуса князя Багратіона: Пѣхота. Полки: Вильманстрандскій, Брестскій, Кексгольмскій, Невскій, Либавскій, Петровскій, Перновскій, Рязанскій, Бѣлозерскій, 1-й, 2-й, 30-й и 31-й егерскіе, по одному баталіону полковъ: Л.-Гв. Преображенскаго, Измайловскаго, Егерскаго, и Великолуцкаго. Кавалерія. 4 эскадрона Гродненскаго гусарскаго полка. Двѣ артиллерійскія роты, одна рота піонеръ. Всего 30 баталіоновъ, 4 эскадрона, 6 казачьихъ сотень, въ числѣ около 15,000 человѣкъ съ 22-мя орудіями.

(16) Swederus. I. 44. — Précis des relations diplomatiques, entre la Russie et la Suède, depuis l'avènement de l'Empereur Alexandre I-r (рукопись).

(17) *Правое крыло.* 1-я колонна, генералъ-маіора Тучкова 3-го; 2-я колонна, генералъ-маіора Кнорринга 2-го; резервъ праваго крыла, генералъ-маіора Вельяминова. *Лѣвое крыло.* 3-я колонна, генералъ-маіора Сазанова; 4-я колонна, генералъ-маіора Демидова; резервъ лѣваго крыла, генералъ-маіора Алексѣева; 5-я колонна, генералъ-маіора графа Строганова.

(18) Составъ отряда Кульнева: Лейбъ-Уральская сотня, по двѣ сотни казачьихъ полковъ Лощилина и Исаева; три эскадрона Гродненскихъ гусаръ, подъ начальствомъ маіора Гирша.

(19) Сочиненія Ден. Вас. Давыдова. 4-е изданіе. II. 279—282, 285 и 289—290.

(20) Составъ отряда Барклая де-Толли, полки: Лейбъ-гренадерскій, Тульскій и Полоцкій: всего 6 баталіоновъ, 300 казаковъ и 8 орудій.

(21) Диспозиція Барклая де-Толли, отъ 4-го марта ст. ст. 1809 года.

(22) Составъ войскъ, направленныхъ прямо къ Умео, подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-маіора Берга: Лейбъ-гренадерскій и Тульскій полки, 200 казаковъ и 6 орудій.

(23) Составъ войскъ, направленныхъ на островъ Гольменъ, подъ начальствомъ полковника Филисова: Полоцкій полкъ, 100 казаковъ и 2 орудія.

(24) Донесеніе генералу Кноррингу Барклая де-Толли, отъ 11-го марта ст. ст. 1809 года.

(25) Донесеніе Государю графа Аракчеева, отъ 7-го марта ст. ст. — Описаніе зимняго похода на острова Аландскіе, въ мартѣ 1809 года. Сочин. Хатова (В. Т. Депо № 17,292-й).

(26) Донесеніе шведскаго полковника Лагербринга о переговорахъ на Аландѣ, отъ 12-го апрѣля н. ст. 1809 г.

(27) Донесенія генералу Кноррингу Барклая де-Толли, отъ 14 и 19 марта ст. ст. 1809 года.

(28) Строевая записка, врученная графу Шувалову генераломъ Грипенбергомъ, 13 (25) марта 1809 года.

(29) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ.

(30) Н. Путята. Сеймъ въ городѣ Борго, въ 1809 году.

(31) Прибавл. къ Уложенію Великаго Герцогства Финляндскаго.

(32) Порядокъ открытія сейма, по древнимъ обычаямъ, былъ слѣдующій:

16-го (28-го) марта, въ 10 часовъ утра, дворянство собралось въ домѣ Государя, а прочія сословія въ соборной церкви. Сойдя съ лѣстницы, Государь сталъ подъ балдахиномъ изъ парчи, держанномъ 4-мя генералъ-маіорами, при коихъ состояли 4 штабъ-офицера ассистентами. Шествіе въ соборъ, посреди стоявшихъ по обѣ стороны войскъ, происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

Два финляндскихъ герольда.

Депутаты и чиновники финляндскіе, по два въ рядъ.

Генералъ-губернаторъ.

Два герольда Россійской Имперіи.

Императоръ подъ балдахиномъ.

Свита Государя.

По вступленіи въ соборъ, при звукахъ музыки, Императоръ занялъ мѣсто на тронѣ, приготовленномъ по правую сторону алтаря. Герольды Россіи стали впереди трона, финляндскіе позади; свита — на ступеняхъ трона; дамы — насупротивъ. По окончаніи литургіи, Государь шествовалъ въ залу общаго собранія сейма, въ томъ-же порядкѣ, какъ въ церковь, только не было балдахина.

(33) Выписка изъ составленнаго архіепископомъ Тенгштрёмомъ описанія Боргосскаго сейма въ 1809 году. — Н. Путята. Сеймъ въ городѣ Борго. Русск. Вѣстн. 1860 г. — Баронъ М. А. Корфъ. Нѣсколько словъ о сеймѣ въ Борго, въ 1809 году (рукопись).

(34) Извлечено изъ абоскихъ вѣдомостей, 5-го апрѣля 1809 г. № 27-й. Сеймъ въ городѣ Борго. — Бар. М. А. Корфъ. Нѣсколько словъ о сеймѣ въ Борго, въ 1809 году.

(35) Высочайшее повелѣніе генералу Барклаю де-Толли, отъ 23-го апрѣля ст. ст. 1809 года.

(36) Въ корпусъ генерала Демидова поступило по одному баталіону полковъ: Петровскаго, Перновскаго, Невскаго, Лнбавскаго, Рязанскаго и Брестскаго.

(37) Число войскъ Финляндской арміи въ апрѣлѣ 1809 г.

Улеоборгскій корпусъ, графа Шувалова, вмѣстѣ съ назначенными къ нему подкрѣпленіями	10,000 чел.
Вазаскій корпусъ, генералъ-маіора Кнорринга 2-го	6,000 »
Абоскій корпусъ, князя Багратіона	8,000 »
На Аландскихъ островахъ, у генерала Демидова	4,000 »
Въ Свеаборгѣ	4,000 »
Нюландскій отрядъ графа Витгенштейна	2,000 »
На флотиліи	5,000 »
Всего	39,000 чел.

(38) Высочайшее повелѣніе, отъ 10-го апрѣля ст. ст. 1809 года.

(39) Составъ Улеоборгскаго корпуса, графа Шувалова, при выступленіи изъ Торнео, въ апрѣлѣ 1809 года, полки: Низовскій, Ревельскій, Сѣвскій, Калужскій, Могилевскій, Пермскій, Азовскій, Тенгинскій, Навагинскій, 3-й, 23-й, 24-й и 26-й егерскіе: всего 26 баталіоновъ; эскадронъ Митавскихъ драгунъ и нѣсколько казачьихъ сотенъ, въ числѣ 8,000 человѣкъ.

(40) Журналъ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи.

(41) Swederus. I. 78—81.

(42) Донесеніе Государю Барклая де-Толли, отъ 23-го іюня ст. ст. 1809 года.

(43) Донесеніе графу Аракчееву генерала Алексѣева, отъ 16-го іюня, и предписаніе Аракчеева Алексѣеву, отъ 27-го іюня ст. ст.

(44) Въ журналѣ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи показано число войскъ Сандельса, на рѣкѣ Эре, 3,000 человѣкъ съ 8-ю орудіями; у Сведеруса — 2,000 человѣкъ.

(45) Составъ отряда генерала Казачковскаго, отряженнаго къ Гернефорсу: Калужскій, Сѣвскій, 24-й и 26-й егерскіе полки съ 6-ю орудіями (Журналъ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи). — У генерала Данилевскаго, кромѣ того, показаны: Низовскій полкъ и часть Митавскаго драгунскаго.

(46) Журналъ военныхъ дѣйствій Финляндской арміи.—Swederus. I. 58.

(47) Распредѣленіе войскъ графа Каменскаго, въ концѣ іюля (въ началѣ августа) 1809 года: два баталіона Кременчугскаго полка оставлены въ Улеоборгѣ; одинъ баталіонъ Могилевскаго въ Торнео, наблюдая пространство отъ Кеми до Каликса, Тульскій полкъ и одинъ баталіонъ Пермскаго отъ Каликса до Шёлефте; 23-й егерскій отъ Шёлефте до Умео; Тенгинскій и Навагинскій полки должны были, при наступленіи корпуса, охранять его съ тыла отъ высадокъ. Полки: Низовскій, Ревельскій, Сѣвскій, Калужскій, Азовскій, 3-й, 24-й и 26-й егерскіе, и по одному баталіону Могилевскаго и Пермскаго, были назначены для наступленія отъ Умео къ рѣкѣ Эре.

(48) Отношеніе графа Румянцова Барклаю де-Толли, отъ 5 (17) августа 1809 года.

(49) Составъ войскъ графа Каменскаго, выступившихъ изъ Умео къ рѣкѣ Эре, полки: Калужскій, Низовскій, Азовскій, Ревельскій, 24-й и 26-й егерскіе; по одному баталіону Пермскаго и Могилевскаго полковъ.

(50) Составъ отрядовъ: Сабанѣева, Сѣвскій и 3-й егерскій полки, 1,600 человѣкъ; Ершова: Тенгинскій полкъ и баталіонъ Навагинскаго, 1,000 человѣкъ; Фролова: 23-й егерскій полкъ и баталіонъ Навагинскаго, 800 человѣкъ.

(51) Составъ войскъ, собранныхъ графомъ Каменскимъ, въ ночи на 7-е (19-е) августа: авангардъ, Сабанѣева: полки 3-й и 23-й егерскіе и баталіонъ Сѣвскаго; главный корпусъ Алексѣева: Азовскій полкъ и по одному баталіону полковъ: Сѣвскаго, Тенгинскаго, Навагинскаго и Ревельскаго; резервъ: по одному баталіону Ревельскаго и Могилевскаго полковъ. Въ послѣдствіи прибылъ баталіонъ Пермскаго полка.

(52) Swederus. I. 67.

(53) Журналъ дѣйствій Финляндской арміи.—По свидѣтельству Сведеруса, Шведы потеряли только тысячу человѣкъ.

(54) Журналъ дѣйствій Финляндской арміи. — Swederus. I. 74 — 76.

(55) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ.

(56) Русскій Вѣстникъ. 1811. № 1-й.

(57) Бар. М. А. Корфъ. Нѣсколько словъ о сеймѣ въ Борго, въ 1809 г.

(58) Инструкція дѣйствительному камергеру Алопеусу, отъ 15-го февраля ст. ст. 1809 года.

(59) Протоколы совѣщаній уполномоченныхъ на конгрессѣ въ Фридрихсгамѣ (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(60) По IV-й статьѣ Фридрихсгамскаго трактата, Швеція отказалась въ пользу Россіи, отъ притязаній на губерніи: Кюменегардскую, Нюландскую и Тавастгускую, Абоскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазаскую, Улеоборгскую и часть западной Ботніи до Торнео.

(61) Трактатъ, заключенный въ Фридрихсгамѣ (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(62) Воспоминанія Вигеля.

Приложеніе 2-го тома къ стр. 396-й.

ШВЕДСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ 1809 ГОДА.

(Извлеченіе изъ депеши Г. Алопеуса, отъ 25-го апрѣля 1809 года).

Объявленіе войны русскимъ правительствомъ Англіи распространило въ Швеціи общія опасенія. Король Густавъ IV не замедлилъ готовиться дѣятельно къ войнѣ противъ Россіи: трактаты съ Англіею, союзный и о субсидіяхъ, вооруженіе всѣхъ шведскихъ военныхъ судовъ, казались ему достаточными средствами для отраженія грозившихъ ему ударовъ. Озлобленный вторженіемъ русскихъ войскъ въ Финляндіи, онъ клялся не положить оружія, пока прольется послѣдняя капля шведской крови. Въ продолженіи всего лѣта 1808 года, Король содержалъ болѣе 100 тысячъ человѣкъ, что было чрезвычайно несоразмѣрно съ народонаселеніемъ страны, не превышавшимъ два съ половиною милліона душъ. Войска эти были весьма дурно вооружены, снаряжены и одѣты. Новобранцы, получивъ платье изъ холста, оставались въ немъ до ноября на канонерскихъ шлюпкахъ и гибли отъ стужи; въ арміи и флотѣ свирѣпствовали повальныя болѣзни, распространившія смертность и ужасъ въ Стокгольмѣ.

Войска шведскія, привыкшія сражаться подъ начальствомъ своихъ Государей, ожидали, что Король станетъ во главѣ ихъ, но Густавъ ограничился составленіемъ операціонныхъ плановъ, исполненіе коихъ, по свидѣтельству его адъютантовъ, находилось въ зависимости отъ Календаря, Апокалипсиса, либо сновъ королевскихъ. Въ продолженіи пребыванія на Аландѣ, онъ предпринялъ высадку въ Финляндію и выслалъ туда три отряда, но не сдѣлалъ никакихъ распоряженій на счетъ ихъ дѣйствій. Начальникъ одного изъ отрядовъ, баронъ Вегезакъ, не получая отъ Короля повелѣній, рѣшился сдѣлать высадку въ Якобштадтѣ, присоединилъ свои войска къ корпусу фельдмаршала Клингспора и нанесъ намъ много вреда. За эти самостоятельныя дѣйствія онъ былъ отданъ подъ военный судъ и, по настоянію Короля, приговоренъ къ смертной казни, отъ которой спасся только переворотомъ, низвергнувшимъ Короля съ престола. Прочіе два отряда, проведя въ морѣ четыре мѣсяца до самой зимы, возвратились въ гавань, потерявъ половину людей отъ голода и стужи. Тогда-же три гвардейскихъ полка, въ числѣ всего до 2-хъ тысячъ человѣкъ, получили приказаніе высадиться въ Гельсингѣ, взять Або и идти къ Петербургу. Эти полки, лишась трети наличнаго числа людей, были принуждены сѣсть на суда и отплыть обратно, за что лишились всѣхъ преимуществъ

отборнаго корпуса войскъ, не смотря на то, что сражались весьма храбро. Такая неумѣстная строгость поселила общее неудовольствіе въ арміи. Король, узнавъ о томъ и, не довѣряя шведскимъ войскамъ, ввѣрилъ охраненіе своей особы двумъ нѣмецкимъ полкамъ, стоявшимъ прежде гарнизономъ въ Стральзундѣ.

Возвратясь въ столицу, Густавъ выказалъ еще болѣе свое самовластье, испытывая повиновеніе своихъ подданныхъ мелочными, но нестерпимыми требованіями. Состоявшія въ его распоряженіи суммы были употребляемы на плату шпіонамъ, а войска оставались безъ жалованья. Не довольствуясь ни субсидіями, ни займами, онъ потребовалъ, въ видѣ чрезвычайнаго налога, подать, въ пятеро большую той которая была постановлена государственными чинами: такой огромной суммы не существовало въ обращеніи во всей странѣ. Наскучивъ общими возгласами о необходимости мира, Король объявилъ измѣнникомъ отечеству каждаго, кто только осмѣливался говорить о мирѣ. По словамъ его, Шведы еще не были по надлежащему наказаны за убійство отца его. По его понятіямъ, всѣ военные люди, бывшіе въ дѣлахъ и сохранившіе жизнь, были малодушны. Не заботясь о безопасности лицъ, онъ стольже мало уважалъ частную собственность. Узнавъ о недостаткѣ въ лѣсѣ, онъ приказалъ рубить деревья въ имѣніяхъ зажиточныхъ помѣщиковъ.

Густавъ обходился весьма дурно и съ англійскими резидентами. Будучи недоволенъ Г. Торнтономъ, котораго находилъ упрямымъ и скупымъ, Король домогался, чтобы на мѣсто его прислали Г. Мерри, считая его человѣкомъ робкимъ и мало способнымъ. По прибытіи его въ Стокгольмъ, Густавъ потребовалъ увеличенія получаемыхъ отъ Англіи субсидій, и когда Г. Мерри прочелъ ему депешу своего двора, заключавшую въ себѣ отказъ въ этомъ требованіи, Король выхватилъ шпагу, что̀ заставило тучнаго англійскаго посланника искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда-же Густавъ наложилъ амбарго на англійскія суда, но 24 часа спустя отмѣнилъ его.

Узнавъ, что генералъ Буксгевденъ едва не попался въ плѣнъ на островѣ Кимито, Король изъявилъ сожалѣніе, что ему удалось спастись. Густавъ имѣлъ намѣреніе судить его, какъ виновнаго въ государственной измѣнѣ, за то, что онъ старался отторгнуть жителей Финляндіи отъ Швеціи.

Аландскій корпусъ, въ составѣ котораго находилась разжалованная гвардія, получилъ предписаніе: сражаться до послѣдняго человѣка, не отступать, не сдаваться на капитуляцію и не вести переговоровъ. Полагали, что Король, отдавая такое приказаніе, имѣлъ въ виду истребить весь этотъ корпусъ. Такая-же участь готовилась и Западному корпусу, который предупредилъ намѣреніе Короля сверженіемъ его съ престола.

Подполковникъ Адлерспарръ, одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ шведской арміи, склонивъ къ возстанію субалтернъ-офицеровъ, арестовалъ всѣхъ старшихъ начальниковъ, заключилъ перемиріе съ принцемъ Августенбургскимъ и двинулся съ тремя или четырьмя тысячами человѣкъ къ Стокгольму. Неудовольствіе общее противъ правительства не позволило Королю узнать о возстаніи прежде, нежели Адлерспарръ

подошелъ къ столицѣ на четыре перехода. Баронъ Стедингкъ, первый извѣстившій о томъ Короля, подвергся оскорбленіямъ и упрекамъ. Густавъ, приставя съ угрозою кулаки къ его лицу, сказалъ ему, что онъ хочетъ этими выдумками испугать его и придать вѣсу своимъ трусливымъ совѣтамъ. Офицеръ, сообщившій извѣстіе о возстаніи барону Стедингку, былъ посаженъ подъ арестъ и угрожаемъ потерею головы, если слова его окажутся ложными.

Но въ тотъ-же день вечеромъ прибылъ курьеръ, подтвердившій полученное извѣстіе. Король, вмѣсто того, чтобы собрать войска стоявшія въ столицѣ и идти противъ бунтовщиковъ, думалъ только о томъ, чтобы уйти съ семействомъ своимъ и съ важнѣйшими чиновниками, подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ полковъ, въ Никöпингъ, въ 110-ти верстахъ отъ Стокгольма, гдѣ предполагалъ собрать армію, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вахтмейстера, для противодѣйствія Адлерспарру, а самъ хотѣлъ искать убѣжища въ Сканіи, и даже удалиться въ Англію. Увѣряютъ, будтобы онъ имѣлъ намѣреніе увезти съ собою все золото и серебро, находившееся въ Государственномъ Банкѣ, и предать городъ на разграбленіе черни.

Въ эту-же ночь въ Стокгольмѣ былъ большой балъ, на которомъ многіе изъ присутствовавшихъ, желая предупредить междуусобную войну, условились между собою просить министровъ и старшихъ генераловъ, чтобы они упросили Короля остаться въ столицѣ. Но какъ важнѣйшіе изъ недовольныхъ, собравшіеся въ Стокгольмѣ, для содѣйствія Адлерспарру, считали такую мѣру недостаточною для охраненія общей безопасности, то положено было обратиться къ генералу Адлеркрейцу съ просьбою спасти отечество. Адлеркрейцъ, не давъ никакого положительнаго обѣщанія, отвѣчалъ, что онъ поступитъ смотря по тому, какія послѣдствія будутъ имѣть представленія министровъ.

Отъѣздъ Короля былъ назначенъ въ полдень. Но еще въ девять часовъ утра, старый графъ Вахтмейстеръ, давно уже лежавшій на одрѣ смерти, приказалъ принести себя въ кабинетъ Густава и заклиналъ его не оставлять столицы и ввѣрить защиту себя своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Прибывшій вслѣдъ за нимъ во дворецъ, фельдмаршалъ Клингспоръ, предложилъ Королю принять самыя энергическія мѣры для сопротивленія Адлерспарру. Представленія обоихъ маститыхъ сановниковъ не имѣли успѣха. Густавъ обошелся съ ними довольно грубо и сказалъ графу Клингспору, чтобы онъ не мѣшался не въ свое дѣло, и что въ его совѣтахъ нѣтъ никакой надобности.

Между тѣмъ генералъ Адлеркрейцъ, съ пятью адъютантами, войдя въ пріемную, нашелъ тамъ полковника Сильверспарра и объяснивъ, ему, что отъѣздъ Короля угрожалъ странѣ междуусобіемъ и безначаліемъ, склонилъ его на свою сторону, и вошелъ съ нимъ и со всѣми адъютантами въ королевскій кабинетъ. Густавъ, удивленный ихъ появленіемъ, спросилъ, что́ имъ нужно? Вмѣсто отвѣта, Адлеркрейцъ пожелалъ знать—дѣйствительно-ли Король былъ намѣренъ оставить столицу? — «Да, отвѣчалъ Густавъ, но какое вамъ до того дѣло?» — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Адлеркрейцъ, я объявляю, именемъ всѣхъ главныхъ государственныхъ и военныхъ сановниковъ, Ваше В-во арестованнымъ».— «Измѣна», вскричалъ Густавъ, но въ туже самую ми-

нуту Сильверспарръ, отнявъ у него шпагу, передалъ ее одному изъ адъютантовъ.

Услыша крикъ Короля, драбанты и слуги, всего до пятидесяти человѣкъ, сбѣжались къ дверямъ кабинета, и найдя ихъ запертыми изнутри, стали ломать ихъ. Адлеркрейцъ приказалъ отворить двери настежъ и, встрѣтивъ драбантовъ, указалъ Короля, который, совершенно потерявъ присутствіе духа, стоялъ спокойно въ углу комнаты. За тѣмъ, Адлеркрейцъ, усмотрѣвъ въ толпѣ генералъ-адъютанта Меллина съ присвоеннымъ его придворному званію жезломъ, вырвалъ этотъ жезлъ изъ рукъ его, сказавъ, что онъ недостоинъ носить его, и приказалъ разойтись драбантамъ и слугамъ. По его-же приказанію, Меллинъ, капитанъ драбантовъ Левенгауптъ и дежурный капитанъ конной гвардіи были арестованы, но чрезъ нѣсколько часовъ выпущены изъ подъ ареста. Еслибы Король сталъ во главѣ сбѣжавшихся на его крикъ людей, то могъ-бы поставить заговорщиковъ въ опасное положеніе, но у него не достало рѣшимости, и удобная къ сопротивленію минута была невозвратно потеряна. Спустя полчаса, всѣ выходы изъ дворца уже были заняты участниками въ заговорѣ. Король покушался бѣжать, но былъ задержанъ, и къ вечеру отведенъ въ замокъ Дротнингольмъ, но какъ тамъ было много выходовъ, затруднявшихъ наблюденіе, то заговорщики внушили Густаву сомнѣніе въ его безопасности отъ русскихъ войскъ тогда прибывшихъ въ Грисcельгамъ, что̀ заставило Короля просить о перемѣщеніи въ Грипсгольмскій замокъ, гдѣ содержаніе его подъ стражею было гораздо удобнѣе.

Герцогъ Зюдерманландскій, принявъ бразды правленія, по просьбѣ фельдмаршала Клингспора и членовъ верховнаго совѣта, отнесся весьма благосклонно къ подполковнику Адлерспарру, извѣстивъ его, что предпринятый имъ переворотъ совершился, что столица пользуется тишиною и спокойствіемъ, и что совѣтъ, приглашая его и подчиненныхъ ему офицеровъ въ Стокгольмъ, проситъ отправить войска на прежнія мѣста̀ ихъ стоянки, потому что пребываніе ихъ въ столицѣ могло-бы имѣть послѣдствіемъ недостатокъ въ жизненныхъ запасахъ.

Адлерспарръ отвѣчалъ, что онъ не оставитъ своихъ войскъ, и что ихъ присутствіе въ столицѣ необходимо. Герцогъ не только не оскорбился такою дерзкою выходкою, но выѣхалъ на встрѣчу войскамъ мятежной дивизіи. Адлерспарръ занялъ одинъ изъ лучшихъ домовъ столицы; у входа къ нему былъ поставленъ почетный караулъ, подъ начальствомъ капитана и двухъ поручиковъ, съ двумя пушками. Его назначили въ совѣтъ регентства и, по его настоянію, исключили изъ совѣта трехъ членовъ.

Баронъ Лагербильке, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ, говоря съ Алопеусомъ о наслѣдствѣ престола Швеціи, упомянулъ о русскихъ Великихъ Князьяхъ и принцѣ Георгіѣ Ольденбургскомъ; въ особенности-же назначеніе послѣдняго было желательно Шведамъ, которые надѣялись, вмѣстѣ съ выборомъ принца, супруга любимой сестры Императора Александра, удержать за собою Финляндію. Но Алопеусъ разувѣрилъ ихъ въ томъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ его, принцъ Ольденбургскій, занимающій почетное мѣсто въ Россіи, никогда не согласился-бы быть орудіемъ надменной шведской аристократіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIII.

(¹) Высочайшій рескриптъ графу Румянцову, отъ 2-го февраля ст. ст. 1809 года.

(²) Bignon. Histoire de France sous Napoléon. VIII. 177.

(³) Составъ пѣхоты дѣйствующаго корпуса, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя Голицына.

7-я дивизія генералъ-лейтенанта Дохтурова.
9-я » » » Суворова.
10-я » » » Левиза.
18-я » » » Горчакова.

Резервами пѣхотныхъ дивизій командовали:
7-й и 10-й генералъ-маіоръ Игнатьевъ.
9-й и 18-й » » Ермоловъ.

Въ кавалерійскомъ резервѣ, состоявшемъ изъ дивизій барона Корфа и Меллера-Закомельскаго, находились полки: кирасирскіе: Ея Величества, Екатеринославскій и Орденскій; драгунскіе: Рижскій, Казанскій, Кіевскій и Псковскій; уланскіе: Польскій, Татарскій и Литовскій; Елисаветградскій гусарскій: всего 60 эскадроновъ съ 40 конными орудіями.

(⁴) Высочайшій рескриптъ, отъ 6-го мая ст. ст.

(⁵) Отношеніе графа Румянцова князю Голицыну, отъ 6-го мая ст. ст.

(⁶) 10-я дивизія Левиза переправилась у Дрогичина; 18-я князя Горчакова (потомъ — графа Ламберта), у Бреста, и 9-я, князя Суворова, въ Устилугѣ: всего 34 баталіона, 44 эскадрона, 102 орудія. Конный резервъ перешелъ къ Устилугу. Дохтуровъ съ 7-ю дивизіей, остался въ Бѣлостокѣ.

(⁷) Письмо князя Понятовскаго князю Суворову, отъ 28-го мая (9-го іюня), изъ Тржесни.

(⁸) Донесеніе князю Голицыну князя Суворова, отъ 28-го мая, изъ Люблина.

(⁹) Составъ авангарда дивизіи Суворова, подъ начальствомъ Сиверса: 2 баталіона егерей, 4 эскадрона гусаръ, рота піонеръ, 4 казачьихъ сотни и 10 конныхъ орудій.

(10) Донесеніе Государю князя Голицына, отъ 4-го іюня ст. ст.

Еще въ то время, когда наши войска находились на Бугѣ, князь Горчаковъ, стоявшій съ 18-ю дивизіей въ Брестѣ, получилъ отъ главнокомандующаго австрійскими войсками въ Галиціи, эрцгерцога Фердинанда, слѣдующее письмо:

«Пользуясь курьеромъ, проѣзжающимъ чрезъ Брестъ, желаю сообщить вамъ объ успѣхахъ арміи Императора Франца въ Италіи и въ Германіи; подробности найдете въ прилагаемыхъ при семъ бюллетеняхъ. Зная вашъ образъ мыслей въ разсужденіи дѣла, составляющаго дѣло всей Европы, и за которое русскія арміи недавно сражались столь храбро, я увѣренъ, что вы примете участіе въ происшествіяхъ, долженствующихъ, какъ надѣюсь, имѣть вліяніе на мнѣніе правительствъ. Я очень радъ находиться въ вашемъ сосѣдствѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаю времени, когда наши храбрыя войска вновь соединятся на полѣ славы».

Князь Горчаковъ отвѣчалъ эрцгерцогу:

«Спѣшу изъявить Вашему Императорскому Высочеству живѣйшую признательность за лестный отзывъ, коимъ Вы меня удостоили, и поздравить Васъ съ славными успѣхами, одержанными вашимъ Августѣйшимъ братомъ, и въ особенности съ успѣхами вашими. Осыпанный милостями Императора Франца и Его Высочества Палатина Венгерскаго, молю о благополучіи Австрійскаго Дома. Желательно, чтобы наши храбрыя войска дѣйствовали вмѣстѣ на полѣ чести. Нетерпѣливо ожидаю времени присоединенія моего къ Вашему Высочеству, съ войсками, коими имѣю честь командовать.

«Брестъ. 22-го апрѣля 1809 года».

Письмо Горчакова было перехвачено варшавцами и отправлено Понятовскимъ въ подлинникѣ Наполеону и въ копіи Коленкуру, который довелъ о томъ до свѣдѣнія Императора Александра. Государь приказалъ судить князя Горчакова, (на мѣсто коего начальство 18-й дивизіи было поручено графу Ламберту), арестованнымъ. Горчаковъ оправдывался тѣмъ, что онъ считалъ Австрію дружественною державою и отправилъ письмо къ эрцгерцогу еще тогда, когда о разрывѣ съ нею не было объявлено. Тѣмъ не менѣе однакоже, онъ, по приговору Генералъ-Аудиторіата, утвержденному Государемъ, былъ отставленъ отъ службы, съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы.

(11) Предписанія князя Голицына генераламъ Левизу, Меллеру-Закомельскому и барону Корфу, отъ 3-го и 4-го іюня ст. ст.

(12) Донесеніе князю Суворову графа Сиверса, отъ 3-го іюня ст. ст.

(13) Донесеніе князю Голицыну генерала Меллера-Закомельскаго, отъ 17-го іюня ст. ст.

(14) Рапортъ фельдмаршалу князю Прозоровскому князя Голицына, отъ 11-го іюня ст. ст.

(15) Донесеніе Государю князя Голицына, отъ 4-го и 23-го іюня ст. ст.

(16) Извлечено изъ письма графа Румянцова къ князю Голицыну, отъ 15-го іюня ст. ст. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ). На подлинномъ Собственноручно приписано Румянцовымъ: «Прошу В. С-во, отдѣляя сію депешу отъ прочихъ, хранить ее подъ собственнымъ ключемъ вашимъ».

(17) Высочайшій рескриптъ, на имя князя Голицына, отъ 8-го іюля и отношеніе къ нему Румянцова, отъ 2-го іюля ст. ст.

(18) Предписаніе князя Голицына князю Суворову, отъ 1 (13) іюля.

(19) Донесеніе Государю князя Голицына, отъ 5-го іюля ст. ст.

(20) Предписаніе князя Суворова графу Сиверсу, отъ 4-го іюля ст. ст.

(21) Изъ донесенія князя Голицына, отъ 5-го іюля ст. ст.

(22) Изъ донесенія князя Голицына, отъ 11-го августа ст. ст.

(23) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны противъ Австріи въ 1809 году (рукопись).

(24) Донесеніе графу Румянцову статскаго совѣтника Анштета, отъ 16-го сентября.

(25) Письмо князя Голицына князю Понятовскому, отъ 21-го іюля ст. ст.

(26) Изъ письма князя Понятовскаго князю Голицыну, отъ 24-го іюля (5-го августа).

(27) Донесеніе Государю князя Голицына, отъ 2-го августа ст. ст.

(28) Высочайшій рескриптъ, отъ 14-го августа ст. ст.

(29) Отношеніе графа Румянцова Коленкуру, отъ 15 (27) іюля.

(30) Письмо Императора Александра Наполеону, отъ 9-го августа ст. ст.

(31) Письмо Императора Александра Наполеону.

(32) Шёнбрунскій трактатъ, 14-го октября н. ст. за подписью французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Кадорскаго (Шампаньи) и уполномоченнаго Австріи, принца Іоанна Лихтенштейна.

(33) Конвенція, заключенная 7 (19) марта 1810 года, въ Лембергѣ, за подписью уполномоченныхъ Россіи, генерала Дохтурова и статскаго совѣтника Анштета, и уполномоченныхъ Австріи, фельдмаршала графа Беллегарда и графа Вурмзера.

Дохтурову было поручено начальство надъ арміей и разграниченіе съ Австріей, по смерти князя Голицына, скончавшагося 20-го генваря ст. ст. 1810 года.

(34) Письмо графа Румянцова Коленкуру.

(35) Письмо графу Румянцову министра Шампаньи, отъ 14-го октября 1809 года

(36) Discours au corps législatif prononcé le 3 decembre 1809. (Донесеніе русскаго посланника въ Парижѣ, князя Куракина).

(37) Число жителей подвластныхъ Наполеону въ 1810 году:

Во Франціи, съ Голландіей, Ганзеатическими городами и проч.	42.000.000
Въ Италіи	10.600,000
Въ Иллирійскихъ провинціяхъ	1,000,000
Во владѣніяхъ Рейнскаго Союза и въ Вестфаліи	13,100,000
Въ Герцогствѣ Варшавскомъ	3,600,000
Въ Швейцаріи	1,600,000
Всего	71.900,000

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIV.

(¹) Высочайшій рескриптъ князю Прозоровскому отъ 5-го февраля ст. ст. 1809 г.

(²) Составъ арміи князя Прозоровскаго, 24-го марта 1809 года.

Главный корпусъ Кутузова, у Фокшанъ. Дивизіи: 8-я Эссена 3-го, 12-я графа Каменскаго 1-го, 15-я Маркова, 16-я Ртищева и 22-я Олсуфьева, всего, вмѣстѣ съ авангардомъ Платова, 53 баталіона, 35 эскадроновъ, 6 артиллерійскихъ ротъ и 6 казачьихъ полковъ.

На правомъ крылѣ:

Корпусъ Милорадовича, у Бухареста, 21 баталіонъ, 20 эскадроновъ, двѣ артиллерійскія роты и 4 казачьихъ полка.

Отрядъ Исаева, въ Малой Валахіи, 6 баталіоновъ, 1 артиллерійская рота и 3 казачьихъ полка.

На лѣвомъ крылѣ:

Отрядъ Засса, въ Галацѣ, 10 баталіоновъ, 5 эскадроновъ, одна артиллерійская рота и 2 казачьихъ полка.

Корпусъ графа Ланжерона, подъ Измаиломъ, 13 баталіоновъ, 5 эскадроновъ, одна артиллерійская рота и 3 казачьихъ полка.

Резервный корпусъ Эссена 1-го, въ Яссахъ, 9 баталіоновъ, 25 эскадроновъ, 1½ артиллерійскія роты и 3 казачьихъ полка.

Наблюдательный отрядъ Ребиндера, у Хотина, 4 баталіона, 5 эскадроновъ ½ артиллерійской роты.

На флотиліи 7 баталіоновъ.

Въ крѣпостяхъ на Днѣстрѣ 8 баталіоновъ.

Осадная артиллерія 5 артиллерійскихъ ротъ.

Въ разныхъ командировкахъ 6 эскадроновъ и 6 казачьихъ полковъ.

Всего-же было: 131 баталіонъ, 101 эскадронъ, 18 артиллерійскихъ ротъ, 3 понтонныхъ и 2 піонерныхъ роты, 27 казачьихъ полковъ, въ числѣ до 80,000 человѣкъ. (Большая часть кавалеріи, по недостатку подножнаго корма, находилась, до начала апрѣля, по лѣвую сторону Днѣстра).

(³) Составъ войскъ штурмовавшихъ Журжу, 24 марта ст. ст. 1809 года: полки гренадерскіе: Сибирскій и Малороссійскій; мушкетерскіе:

Апшеронскій, Олонецкій, Новоингерманландскій, Орловскій и Одесскій; 6-й егерскій (въ 3-хъ баталіонномъ составѣ): всего 17 баталіоновъ; 8 эскадроновъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, 2 артиллерійскія и одна піонерная рота, 6 казачьихъ сотенъ.

(4) Составъ колонны полковника Лопухина: баталіонъ Сибирскихъ гренадеръ, эскадронъ Бѣлорусскихъ гусаръ, 50 казаковъ, 4 орудія.

(5) Донесеніе фельдмаршалу князю Прозоровскому генералъ-лейтенанта Милорадовича, отъ 25 марта ст. ст. 1809 года.

(6) Отношеніе военнаго министра графа Аракчеева князю Прозоровскому, отъ 10-го апрѣля ст. ст.

(7) Составъ арміи обложившей Браиловъ 8 апрѣля ст. ст.

1. *Правое крыло*, графа Каменскаго 1-го, 12 баталіоновъ, полковъ: Фанагорійскаго, Украинскаго, Нижегородскаго, Пензенскаго, Выборгскаго и 29 егерскаго; 2 эскадрона Тверскихъ драгунъ, 10 батарейныхъ и 6 конныхъ орудій.

2. *Центръ*, Маркова, 14 баталіоновъ, полковъ: Новгородскаго, Воронежскаго, Витебскаго, Староскольскаго, Козловскаго, Вятскаго и 13 егерскаго; 6 эскадроновъ Тверскихъ и С.-Петербургскихъ драгунъ, 10 батарейныхъ и 10 конныхъ орудій; позади его стали: осадный паркъ, инженерное депо и главная квартира.

3. *Лѣвое крыло*, Эссена 3-го, 10 баталіоновъ, полковъ: Московскаго, Шлиссельбургскаго, Старо-Ингерманландскаго, Камчатскаго и 14 егерскаго; 2 эскадрона С.-Петербургскихъ драгунъ; 10 батарейныхъ и 6 конныхъ орудій.

(8) Составъ колоннъ штурмовавшихъ Браиловъ, въ ночи съ 19 на 20 апрѣля: *1-я, Рѣпнинскаго:* баталіонъ Новгородскаго и два баталіона 29 егерскаго полка; *2-я, Хитрова:* два баталіона Фанагорійскаго и одинъ Нижегородскаго; *3-я, князя Вяземскаго:* одинъ баталіонъ Вятскаго и два баталіона 13 егерскаго полка. Резервы состояли изъ полковъ: Новгородскаго, Нижегородскаго, Украинскаго, Витебскаго и Вятскаго; позади ихъ шли 5 эскадроновъ Тверскаго и 3 эскадрона С.-Петербургскаго полка.

(9) Донесеніе Государю князя Прозоровскаго, отъ 23-го апрѣля ст. ст.

(10) Донесеніе князя Прозоровскаго, отъ 23-го апрѣля.

(11) Высочайшій рескриптъ, отъ 10-го мая.

(12) Донесеніе Государю князя Прозоровскаго, отъ 23 апрѣля.

(13) На военномъ совѣтѣ, кромѣ фельдмаршала, присутствовали: Кутузовъ, Платовъ, начальникъ артиллеріи Рѣзвой и начальникъ инженеровъ Гартингъ.

(14) Донесеніе Государю князя Прозоровскаго, отъ 30-го апрѣля ст. ст.

(15) Донесеніе Государю князя Прозоровскаго, отъ 9-го мая ст. ст.

(16) Донесеніе Государю князя Прозоровскаго, отъ 11-го мая ст. ст.

(17) Высочайшее повелѣніе, отъ 20-го мая ст. ст.

(18) Извлечено изъ письма князю Прозоровскому графа Аракчеева, отъ 27 мая ст. ст.

(19) Составъ отряда генерала Исаева, подъ Кладовымъ: по одному баталіону полковъ гренадерскихъ Сибирскаго и Малороссійскаго, муш-

кетерскихъ Старооскольскаго и Тенгинскаго, и 6 егерскаго: всего 5 баталіоновъ, 2 казачьихъ полка и 500 пандуровъ.

(20) Донесеніе генералу Милорадовичу генерала Исаева, отъ 10 іюля ст. ст. 1809 года.

(21) Высочайшій рескриптъ князю Прозоровскому, отъ 4-го іюля.

(22) Донесеніе Государю князя Прозоровскаго, отъ 18-го іюля.

(23) Составъ отряда Маркова подъ Мачиномъ: полки Колыванскій, Украинскій, Старо-Ингерманландскій, 13 егерскій и баталіонъ Алексопольскаго: всего девять баталіоновъ; 7 эскадроновъ Ольвіопольскихъ гусаръ, 125 казаковъ; 20 полевыхъ орудій, двѣ пудовыя мортиры и одинъ пудовой единорогъ.

(24) Отрядъ Платова, высланный къ Гирсову, находился въ составѣ 6-ти баталіоновъ, 15-ти эскадроновъ, 9-ти казачьихъ полковъ, 12-ти орудій и полуроты піоперъ.

(25) Журналъ военныхъ дѣйствій Молдавской арміи.

(26) Отношеніе графа Аракчеева князю Багратіону, отъ 3-го сентября ст. ст.

(27) Составъ дѣйствующей арміи князя Багратіона:

Корпусъ праваго фланга, подъ начальствомъ Милорадовича: 10 баталіоновъ, 15 эскадроновъ, 3 казачьихъ полка и 21 орудіе.

Корпусъ авангардный Платова: 13 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 8 казачьихъ полковъ и 24 орудія.

Корпусъ лѣваго фланга Маркова: 8 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 1 казачій полкъ и 14 орудій.

Всего 31 баталіонъ, 45 эскадроновъ, 12 казачьихъ полковъ и 59 орудій.

При корпусѣ Милорадовича состояла полурота, а при корпусѣ Платова рота піонеръ.

(28) Донесеніе Государю князя Багратіона, отъ 29 августа.

(29) Составъ войскъ князя Багратіона, въ сраженіи при Рассеватѣ, 4 (16) сентября 1809 года.

Корпусъ Милорадовича. Первая линія, графа Цукато: полки Сибирскій и Малороссійскій гренадерскіе, 6-й егерскій, Бѣлорусскій гусарскій съ 6-ю конными орудіями. Вторая линія, Уманца: полки Апшеронскій и Одесскій мушкетерскіе, Кинбурнскій драгунскій, съ 4-мя конными орудіями.

Корпусъ Платова состоялъ изъ пяти колоннъ, трехъ пѣхотныхъ и двухъ конныхъ. 1-я, князя Трубецкаго: 7-й егерскій полкъ, баталіонъ 14 егерскаго и 6 донскихъ орудій; 2-я, Рѣпнинскаго: полки Новгородскій и Украинскій съ 6-ю батарейными орудіями; 3-я Бахметьева: полки Архангелогородскій и Вологодскій съ 6-ю батарейными орудіями. Конныя колонны: 1-я графа Палена: 4 эскадрона Стародубовскихъ и 4 Дерптскихъ драгунъ съ 6-ю донскими орудіями; 2-я, Лисаневича, Чугуевскій уланскій полкъ.

(30) Донесеніе князя Багратіона, отъ 7-го сентября ст. ст.

(31) » » » » 16-го » » »

(32) Журналъ военныхъ дѣйствій Молдавской арміи.

(33) Донесеніе Государю князя Багратіона, отъ 30 сентября ст. ст.

(34) Изъ частнаго письма князя Багратіона графу Аракчееву, отъ 25-го сентября ст. ст.

([35]) Боевой порядокъ русскихъ войскъ въ сраженіи подъ Татарицею: 1-я линія изъ 6-ти казачьихъ полковъ; 2-я линія изъ 6-ти каре, именно: *на правомъ крылѣ:* 1-е, принца Карла Мекленбургскаго, Московскій гренадерскій полкъ; 2-е, полковника Палагейка, Малороссійскій гренадерскій; *въ центрѣ:* 3-е, Бахметьева, Воронежскій мушкетерскій и три роты Архангелогородскаго полка; 4-е, Кушникова, Украинскій; 5-е, Рѣпнинскаго, Новгородскій; *на лѣвомъ крылѣ:* 6-е, князя Трубецкаго, 7-й и баталіонъ 14-го егерскаго полка. Артиллерія находилась при кареяхъ, а въ интервалахъ между ними были размѣщены полки: Бѣлорусскій гусарскій; Стародубовскій, Дерптскій и Сѣверскій драгунскіе, и 4 казачьихъ.

([36]) Донесеніе Государю князя Багратіона, отъ 14 октября ст. ст.

([37]) Войска, посланныя въ подкрѣпленіе генералу Эссену 3-му: Малороссійскій гренадерскій, Апшеронскій мушкетерскій и Кинбурнскій драгунскій съ батарейною полуротою маіора Веселитскаго.

([38]) Донесеніе Государю князя Багратіона, отъ 22 октября ст. ст.

([39]) Высочайшій рескриптъ отъ 25-го октября.

([40]) Донесеніе князя Багратіона, отъ 30-го ноября.

([41]) Донесеніе его-же, отъ 17-го ноября.—Собственноручное письмо его-же отъ 17-го-же ноября.

([42]) Донесеніе Государю князя Василія Сергѣевича Трубецкаго, отъ 25-го ноября, изъ Гирсова.

([43]) Письмо Государю канцлера графа Румянцова, отъ 6-го декабря.

([44]) Журналъ посѣщенія Москвы Его Императорскимъ Величествомъ Александромъ I-мъ, въ 1809 году. Москва. 1810. — Воспоминанія Вигеля.

([45]) Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 114 — 115.

([46]) Даневскій. Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи. 55 — 57.

([47]) Журналы Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, 1810—1812 годовъ.

([48]) Полн. Собр. Законовъ. Т. XXXI. № 24,064. Образованіе Государственнаго Совѣта. — Жизнь графа Сперанскаго. I. 115 — 117.

([49]) Графъ Сперанскій. О государственныхъ установленіяхъ.

([50]) Первыми членами Совѣта были назначены 1-го генваря 1810 года: генералъ-фельдмаршалы: графъ Николай Ивановичъ *Салтыковъ* и графъ Иванъ Васильевичъ *Гудовичъ;* государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ;* дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ;* дѣйствительные тайные совѣтники: графъ Александръ Сергѣевичъ *Строгановъ;* и графъ Петръ Васильевичъ *Завадовскій;* генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Михайловичъ *Философовъ;* дѣйствительные тайные совѣтники: князь Алексѣй Борисовичъ *Куракинъ* и князь Сергій Ѳедоровичъ *Голицынъ;* адмиралы: Вильгельмъ Петровичъ *фонъ Дезинъ* и Николай Семеновичъ *Мордвиновъ;* дѣйствительные тайные совѣтники: князь Петръ Васильевичъ *Лопухинъ,* графъ Сергій Петровичъ *Румянцовъ,* графъ Викторъ Павловичъ *Кочубей* и Александръ Александровичъ *Саблуковъ;* адмиралы: маркизъ Иванъ Ивановичъ *де-Траверсе* и Михаилъ Кондратье-

вичъ *Макаровъ;* дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Александровичъ *Гурьевъ;* генералъ отъ артиллеріи графъ Алексѣй Андреевичъ *Аракчеевъ;* дѣйствительные тайные совѣтники: Василій Степановичъ *Поповъ,* графъ Алексѣй Кириловичъ *Разумовскій,* оберъ-гофмейстеръ Родіонъ Александровичъ *Кошелевъ* и Иванъ Алексѣевичъ *Алексѣевъ;* генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Богдановичъ *Барклай де-Толли;* тайные совѣтники: Иванъ Николаевичъ *Неплюевъ,* Иванъ Васильевичъ *Тутолминъ;* графъ Александръ Николаевичъ *Салтыковъ,* князь Адамъ Адамовичъ *Чарторыскій,* Иванъ Ивановичъ *Дмитріевъ,* Осипъ Петровичъ *Козодавлевъ,* Иванъ Андреевичъ *Вейдемейеръ,* Захаръ Яковлевичъ *Карнѣевъ,* графъ Северинъ Осиповичъ *Потоцкій* и князь Александръ Николаевичъ *Голицынъ;* генералъ-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ *Балашовъ.*

(50) Даневскій. См. Прилож. IX.

(51) Даневскій. 81 — 82.

(52) Воспоминанія Вигеля. — Взглядъ на мою жизнь. И. И. Дмитріева. — Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть 2-я. Кн. I-я.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXV.

(¹) По вѣдомости о состояніи молдавской арміи, въ мартѣ 1810 года, въ ней находилось:

	шт. и об. оф.	ниж. ч.
134 баталіона	1,833	53,476
117 эскадроновъ, 10 полуэскадроновъ и 27 казачьихъ полковъ	918	21,927
Артиллеріи 18 ротъ, понтонныя 3 роты и піонерныя 3 роты.	217	6,706
На флотиліи 8 баталіоновъ	110	1,902
Итого.	3,078	84,011

Но изъ этого числа слѣдуетъ исключить больныхъ 7,534 и нѣсколько тысячъ нестроевыхъ.

(²) Отзывъ военнаго министра Барклая де-Толли графу Каменскому, отъ 4 марта ст. ст. 1810 года.

(³) Проектъ мирнаго трактата, лично врученный Румянцовымъ Каменскому, 7 февраля ст. ст. 1810 года.

(⁴) Отзывъ Каменскаго Румянцову, отъ 21 марта 1810 года.

(⁵) Росписаніе войскъ графа Каменскаго въ 1810 году (въ послѣдствіи часто измѣнявшееся).

Подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Цукато.

Отрядъ генералъ-маіора Исаева 1-го.

Олонецкій мушкетерскій полкъ.	2 бат.
Новоингерманландскій мушкетерскій полкъ . . .	2 »
Староскольскій » » . . .	2 »
Пензенскій » » . . .	2 »
Резервные баталіоны Новоингерманландскаго, Орловскаго и 6-го егерскаго.	3 »

Казачьи полки.

Исаева 1-го, Исаева 4-го и 1-й Уральскій.

Полурота донской артиллеріи.

Отрядъ генералъ-маіора Ермолова.

Ладожскій мушкетерскій полкъ	2 бат
Нашебургскій » »	2 »
Резервные баталіоны Сибирскаго гренадерскаго, Апшеронскаго и Олонецкаго	3 »

Казачьи полки.

Чернозубова, Власова и Мелентьева 3-го.
Полурота батарейной артиллеріи Лакса.
Отрядъ генералъ-маіора Назимова.

Резервные баталіоны Нижегородскаго, Камчатскаго и Одесскаго	3 »

Житомирскій драгунскій полкъ.
Конная рота, Облеухова.

1-й корпусъ генералъ-лейтенанта Засса.

Малороссійскій гренадерскій полкъ	2 »
Выборгскій мушкетерскій »	2 »
Апшеронскій » »	2 »
Нижегородскій » »	2 »
Вятскій » »	2 »
Украинскій » »	2 »
Одесскій » »	2 »
13-й егерскій полкъ	2 »
29-й » »	2 »
Резервный баталіонъ Малороссійскаго гренадерскаго полка	1 »

Переяславскій драгунскій полкъ.
Тверской » »
Волынскій уланскій полкъ.
Казачьи полки: Грекова 8-го и Астахова 4-го.
Батарейныя роты Веселитскаго и Богуславскаго и полурота Лакса.
Полурота піонеръ, Гебенера.

2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Ланжерона.

Колыванскій мушкетерскій полкъ	2 бат.
Мингрельскій » »	2 »
Охотскій » »	2 »
Воронежскій » »	2 »
15-й егерскій полкъ	2 »
27-й » »	2 »
Резервные баталіоны Охотскаго, Витебскаго, Новгородскаго, 13. 14 и 27 егерскихъ полковъ . .	6 »

Кинбурнскій драгунскій полкъ.
Смоленскій » »
Казачьи полки Мельникова 5-го и Платова 5-го.
Батарейныя роты Бастіона и Поля.
5 осадныхъ ротъ.

3-й корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Каменскаго 1-го.

Фанагорійскій гренадерскій полкъ		2 бат.
Орловскій мушкетерскій	»	2 »
Нарвскій »	»	2 »
Витебскій »	»	2 »
Козловскій »	»	2 »
Смоленскій »	»	2 »
Тамбовскій »	»	2 »
Днѣпровскій »	»	2 »
6-й егерскій полкъ		2 »
11-й »	»	2 »
32-й »	»	2 »

Чугуевскій уланскій полкъ.

Ольвіопольскій гусарскій полкъ.

Стародубовскій драгунскій »

Казачьи полки: Денисова 6-го, Сысоева 3-го, Андріянова 2-го и Сулина 9-го.

Батарейная рота Ансіо и конная рота Новака.

Главная армія.

Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Уварова.

Костромской мушкетерскій и 7-й егерскій полки . . 4 бат.

1 баталіонъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка.

Казачьи полки: Атаманскій, Иловайскаго 2-го, Иловайскаго 5-го, Иловайскаго 10-го, Иловайскаго 11-го, Иловайскаго 12-го и Кутейникова.

2-я рота донской артиллеріи.

Принадлежащій къ авангарду, *аванпостный отрядъ*, генералъ-маіора Кульнева.

28-й егерскій полкъ . . . . 2 бат.

1 баталіонъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка.

Казачьи полки: Гордѣева, Барабанщикова, 2-й Уральскій.

Полурота донской артиллеріи.

1-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Маркова.

Московскій гренадерскій полкъ		2 бат.
Камчатскій мушкетерскій	»	2 »
Куринскій »	»	2 »
Новгородскій »	»	2 »

Тираспольскій драгунскій полкъ.

Лифляндскій » »

Конная рота Кривцова.

2-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

Сибирскій гренадерскій полкъ	2 бат.
Староингерманландскій мушкетерскій полкъ	2 »
Шлиссельбургскій	2 »
Архангелогородскій	2 »

Сѣвскій драгунскій полкъ
Дерптскій.
Батарейная рота, Францевича.

3-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Раевскаго.

Якутскій мушкетерскій полкъ	2 бат.
Нейшлотскій	2 »
Брянскій.	2 »
8-й егерскій полкъ.	2 »

Серпуховскій драгунскій полкъ.
Арзамасскій » »
Конная рота Бушуева.

4-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Левиза.

Кіевскій гренадерскій полкъ	2 бат.
Ярославскій мушкетерскій полкъ	2 »
Курскій мушкетерскій полкъ	2 »
Крымскій » »	2 »

Александрійскій гусарскій полкъ.
С.-Петербургскій драгунскій полкъ.
Батарейная рота Рутковскаго и конная рота Игнатьева.

5-й резервный корпусъ, генералъ-лейтенанта Олсуфьева.

Резервные баталіоны полковъ: Фанагорійскаго гренадерскаго; мушкетерскихъ: Вятскаго, Колыванскаго, Архангелогородскаго, Украинскаго, Куринскаго, Староингерманландскаго, Смоленскаго, Пензенскаго, Выборгскаго, Нарвскаго, Воронежскаго и Мингрельскаго; егерскихъ: 11-го и 29-го; Тираспольскій гарнизонный баталіонъ, всего 16 баталіоновъ.

Запасные эскадроны гусарскихъ полковъ Бѣлорусскаго и Ольвіопольскаго; запасные полуэскадроны драгунскихъ полковъ: Сѣверскаго, Кинбурнскаго, С.-Петербургскаго, Тверскаго, Дерптскаго, Тираспольскаго, Стародубовскаго, Житомирскаго, Лифляндскаго и Смоленскаго.

Казачьи полки: Кутейникова; 1-й и 2-й Оренбургскіе.

На флотиліи, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Попандопуло.

Резервные баталіоны полковъ: Московскаго гренадерскаго; мушкетерскихъ: Старооскольскаго, Бутырскаго, Нашебургскаго, Козловскаго, Алексопольскаго, Нейшлотскаго и 7-го егерскаго . . . . . 8 бат.

Понтонныя и піонерныя роты были размѣщены по корпусамъ.

(6) Отношеніе военнаго министра Барклая де-Толли графу Каменскому, отъ 4-го апрѣля ст. ст. 1810 года.

(7) Высочайшій рескриптъ графу Каменскому, отъ 20-го апрѣля.

(8) Линіи магазиновъ въ 1810 году были устроены въ слѣдующихъ пунктахъ: *первая:* въ Каменцѣ-Подольскомъ, Жванцѣ, Могилевѣ на Днѣстрѣ, Ямполѣ, Рашковѣ, Дубосарахъ, Тирасполѣ, Бендерахъ, Овидіополѣ и Акерманѣ; *вторая:* въ Яссахъ, Фальчѣ и Измаилѣ; *третья:* въ Бырладѣ и Галацѣ; *четвертая:* въ Бузео, Бухарестѣ, Слободзеѣ на

Яломицѣ и Гирсовѣ (Приказъ по арміи графа Каменскаго, отъ 21-го марта 1810 года).

(9) Графъ Каменскій разрѣшилъ: корпуснымъ командирамъ, дежурному генералу, начальникамъ артиллеріи и инженеровъ и генералъ-квартирмейстеру, брать повозокъ и лошадей сколько пожелаютъ; отряднымъ начальникамъ 3 повозки, 12 упряжныхъ и 4 верховыя лошади; прочимъ генераламъ 2 повозки, 8 упряжныхъ и 4 верховыя лошади; полковымъ командирамъ 2 повозки, штабъ-офицерамъ по одной, въ каждый баталіонъ для офицеровъ 2 повозки съ 6-ю лошадьми; каждому офицеру верховую лошадь. Полкамъ велѣно взять съ собою: палаточные ящики, провіантскія фуры, лазаретныя кареты, казенный и аптечный ящики, кузнечную фуру, артельныя ротныя повозки и лазаретныя дроги для сухарей. Казакамъ дозволено брать лошадей, сколько захотятъ.

(10) На штурмѣ Базарджика, войска графа Каменскаго 1-го были раздѣлены на четыре колонны, подъ начальствомъ: Маркова, князя Долгорукова, Воинова и Цызырева.

(11) Донесеніе графа Каменскаго 2-го, отъ 27 мая ст. ст. 1810 года.

(12) За взятіе Базарджика получили слѣдующія награды: Стародубовскій драгунскій полкъ—георгіевскій штандартъ, Фанагорійскій гренадерскій—георгіевскія знамена, Московскій гренадерскій—георгіевскія трубы; Нарвскій—знамена, въ замѣнъ потерянныхъ при Аустерлицѣ.

(13) Донесеніе графа Каменскаго, отъ 30 мая ст. ст. 1810 года.

(14) Въ отрядахъ Сабанѣева и Сандерса состояли полки: Архангелогородскій, Украинскій, 7-й и 29-й егерскіе; Атаманскій казачій; по одному баталіону полковъ Выборгскаго и Нижегородскаго; по баталіону (пяти эскадроновъ) полковъ Александрійскаго гусарскаго и Волынскаго уланскаго. Батарейная рота.

(15) Донесеніе Государю графа Каменскаго, отъ 3-го іюня ст. ст. 1810 года.

(16) Приказъ по арміи, 9-го іюня ст. ст. 1810 года.

(17) Донесеніе Государю графа Каменскаго, отъ 14-го іюня ст. ст. 1810 года.

(18) Донесеніе Государю графа Каменскаго, отъ 6-го іюля ст. ст 1810 года.

(19) Составъ колоннъ штурмовавшихъ Рущукъ, 22-го іюля (3-го августа) 1810 года.

Первыя двѣ колонны съ ихъ резервомъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса.

1-я колонна, генералъ-маіора Сандерса:

27-й и 29-й егерскіе полки.

2-я колонна, генералъ-маіора Ушакова:

Украинскій, Колыванскій и Одесскій мушкетерскіе полки.

Резервъ 1-й и 2-й колоннъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гартинга

Малороссійскій гренадерскій, Якутскій и Воронежскій мушкетерскіе полки.

8 полковыхъ орудій.

Переяславскій драгунскій полкъ.

Три казачьи сотни Мелентьева.

Всѣ піонерныя роты.

Сверхъ того, для диверсіи со стороны сада, у берега Дуная, взять съ флотиліи резервный баталіонъ Алексопольскаго мушкетерскаго полка.

3-я колонна, генералъ-лейтенанта Олсуфьева, раздѣлена на двѣ части:

Первая, подъ командою артиллеріи *генералъ-маіора Сиверса.*

Нижегородскій и Выборгскій мушкетерскіе полки.

Вторая, или резервъ, *генералъ-маіора князя Вяземскаго 1-го.*

Архангелогородскій и Камчатскій мушкетерскіе полки.

Казачій Астафова 4-го полкъ.

4-я колонна, генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, раздѣлена на двѣ части:

Первая, *генералъ-маіора князя Вяземскаго 2-го.*

Апшеронскій, Охотскій мушкетерскіе и 13-й егерскій полки.

Вторая, или резервъ, *генералъ-маіора Сназина.*

Шлиссельбургскій и Староингерманландскій мушкетерскіе полки.

Кинбурнскій драгунскій полкъ.

5-я колонна, генералъ-лейтенанта Уварова, раздѣлена на двѣ части.

Первая, *генералъ-маіора князя Щербатова.*

Костромской и Вятскій мушкетерскіе полки.

Вторая, или резервъ, *генералъ-маіора Бахметьева.*

Сибирскій гренадерскій и 28-й егерскій полки, одинъ баталіонъ Волынскихъ уланъ и двѣ сотни казачьяго Мелентьева полка.

Сверхъ того, для фальшивой атаки съ лѣваго фланга, въ садахъ, по берегу Дуная составлена *6-я колонна, полковника Бердяева.*

Спѣшенный Тверской драгунскій полкъ.

Одинъ баталіонъ Александрійскихъ гусаръ.

2-й казачій Уральскій полкъ.

Полурота конной и 4 орудія батарейной артиллеріи.

(Подробная диспозиція приступа къ Рущуку, отъ 22-го іюля ст. ст. 1810 года).

([20]) Журналъ военныхъ дѣйствій 1810 года.

([21]) Приказъ по арміи, отъ 26-го іюля ст. ст. 1810 года.

([22]) Донесеніе Государю и отношеніе Румянцову графа Каменскаго, отъ 27-го іюля ст. ст. 1810 года.

([23]) Высочайшій рескриптъ графу Каменскому, отъ 15-го августа ст. ст. 1810 года.

([24]) Въ донесеніи къ Государю, отъ 31-го августа 1810 года, графъ Каменскій писалъ:

..... «Долгомъ поставляю, касательно здѣшняго штурма, повторить прежнія мои донесенія, что большая часть войскъ невыполнила своего долга, но на кого обратить ту вину? Большая часть чиновниковъ были переранены или убиты, и вообще и тѣ, которые остались въ живыхъ, выполняли свой долгъ съ особеннымъ усердіемъ и храбростью, но нижніе чины почти всѣхъ полковъ, взошедъ на верхъ вала, далѣе никакъ впередъ двигаться не хотѣли, не смотря на неоднократныя поощ-

ренія ихъ начальниковъ, которые, жертвуя жизнію, подавали имъ собою примѣръ; вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, всѣ обстоятельства сего штурма, и по той откровенности, съ каковою угодно, чтобы я Вашему Императорскому Величеству объяснилъ свои мысли, я дерзаю просить, чтобъ сіе дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій».

(25) Донесеніе Государю графа Каменскаго, отъ 25-го іюля ст. ст. 1810 года.

(26) Составъ отряда Кульнева: Воронежскій и Шлиссельбургскій мушкетерскіе, Бѣлорусскій и Александрійскій гусарскіе и три казачьихъ полка. Въ послѣдствіи къ нему прибылъ 14-й егерскій полкъ. Всего-же у него было до 2,800 человѣкъ.

(27) Составъ войскъ, выступившихъ 24-го августа ст. ст. къ Батину.

I. *Подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго.*

Колонна генералъ-маіора Кульнева.

Бѣлорусскій гусарскій полкъ.

Казачьи полки: Атаманскій, Сулина, Барабанщикова, Гордѣева 1-го, Мельникова, Платова 5-го, 2-й Украинскій.

Конная рота донской артиллеріи.

Колонна генералъ-маіора Сабанѣева.

По два баталіона полковъ: Московскаго гренадерскаго, Крымскаго и Брянскаго мушкетерскихъ, 7-го и 11-го егерскихъ: Александрійскій гусарскій, казачьи Сысоева 3-го и Луковкина полки; полурота батарейной и рота конной артиллеріи.

Колонна генералъ-маіора графа Сенъ-При.

Три баталіона Малороссійскихъ гренадеръ; по два баталіона полковъ: Нарвскаго и Козловскаго мушкетерскихъ и 6-го егерскаго; Стародубовскій и Лифляндскій драгунскіе полки; рота конной артиллеріи.

Во всѣхъ трехъ колоннахъ: пѣхоты 7,450, кавалеріи 4,760 человѣкъ.

II. *Подъ начальствомъ графа Каменскаго 1-го.*

Колонна генералъ-маіора Иловайскаго 2-го.

По два баталіона: Тамбовскаго, Днѣпровскаго мушкетерскихъ и 32-го егерскаго полка; Ольвіопольскій гусарскій и казачьи Денисова 6-го, Иловайскаго 2-го и Иловайскаго 12-го полки; рота конной артиллеріи.

Колонна генералъ-лейтенанта Уварова.

По два баталіона полковъ: Фанагорійскаго гренадерскаго, Витебскаго, Орловскаго, Новгородскаго и Нашебургскаго мушкетерскихъ. Драгунскіе полки: С. Петербургскій, Смоленскій и Дерптскій; казачій Андреянова 2-го полкъ. Полторы роты батарейной артиллеріи.

Въ обѣихъ колоннахъ пѣхоты 6,300 и кавалеріи 2,240 человѣкъ.

(28) Журналъ дѣйствій 1810 года.

(29) Число орудій взятыхъ русскими войсками въ крѣпостяхъ на Дунаѣ:

въ Систовѣ	50
» Рущукѣ и Журжѣ	234
» Турно	39
» Никополѣ	99
Всего . .	422

(30) Размѣщеніе войскъ графа Каменскаго въ концѣ 1810 года.

На правой сторонѣ Дуная.	10-я дивизія	Инзова	въ	Силистріи.
	8-я »	Эссена	»	Рущукѣ.
	22-я »	князя Вяземскаго . . .	»	Никополѣ.
На лѣвой сторонѣ Дуная.	18-я дивизія	князя Щербатова . . .	»	Хотинѣ.
	12-я »	Воинова	»	Яссахъ.
	11-я »	Раевскаго	»	Фокшанахъ.
	15-я »	Маркова	»	Измаилѣ.
	9-я »	князя Суворова . . . . и главная квартира	»	Бухарестѣ.
	16-я »	Засса	»	Краіовѣ.

(31) Уронъ Молдавской арміи въ 1810 году:

Убитыми	6,811	чел.
Умершими въ госпиталяхъ	12,934	»
Умершими при полкахъ и во время перевозки	7,000	»
Плѣнными	150	»
Тяжело ранеными до.	9,000	»
Всего.	35,895	чел.

(32) Составъ отряда графа Орурка: Ладожскій мушкетерскій полкъ; одинъ баталіонъ Волынскихъ уланъ, казачій полкъ, 300 арнаутовъ, 10 орудій: всего 1,800 человѣкъ.

(33) Журналъ дѣйствій 1810 года.

(34) Число войскъ Молдавской арміи, въ началѣ (въ половинѣ) апрѣля 1811 года:

	пѣхоты.	кавал.	артил.	оруд.
Въ 8-й дивизіи	7,608	1,750	992	60
» 10-й »	5,469	2,141	464	36
» 16-й »	6,067	2,121	540	36
» 22-й »	6,167	1,693	600	48
Казаковъ	—	6,539	—	—
Полевой и осадной артиллеріи			2,315	—

На флотиліи 4,089 человѣкъ.

Всего-же 46,240 человѣкъ съ 190 полковыми и полевыми и 38 осадными орудіями.

(35) Расположеніе арміи Кутузова, въ апрѣлѣ 1811 года.

Въ центрѣ:

	батал.	эск.	каз. пол.
У Бухареста корпусъ графа Ланжерона . . .	14	25	1
Въ Рущукѣ корпусъ Эссена	12	5	3
У Журжи отрядъ Энгельгардта	3	5	—

Правое крыло:

Въ Малой Валахіи корпусъ Засса	9	15	3
Въ Бѣлградѣ и Неготинѣ отрядъ Орурка . .	4	10	—
Въ Турнѣ отрядъ Турчанинова	3	1	—

Лѣвое крыло:

Въ Слободзеѣ отрядъ Воинова	6	15	1
Въ Браиловѣ и на нижнемъ Дунаѣ Тучковъ .	11	3	3
На флотиліи	2	—	—
Всего .	64	78	11

(36) Донесеніе Государю Кутузова и отношеніе его-же военному министру, отъ 28 мая 1811 года.

(37) Боевой порядокъ русскихъ войскъ, въ сраженіи подъ Рущукомъ, 22-го іюня 1811 года.

Первая линія.

1-е каре справа, три баталіона Староингерманландскаго полка, съ 4-мя батарейными орудіями, имѣя правѣе себя Лифляндскихъ драгунъ и 150 казаковъ; *2-е каре*, три баталіона Архангелогородскаго полка, съ 4-мя батарейными орудіями; *3-е каре*, три баталіона Шлиссельбургскаго полка, съ 4-мя батарейными орудіями; *4-е каре*, три баталіона Старооскольскаго полка, съ 3-мя батарейными орудіями; *5-е каре*, три баталіона Выборгскаго, два баталіона 29-го егерскаго, съ 12-ю батарейными орудіями; *6-е каре*, два баталіона Олонецкаго полка, съ 3-мя батарейными орудіями.

Вторая линія.

7-е каре, (первое справа), три баталіона 37-го егерскаго полка, съ 2-мя батарейными и 3-мя конными орудіями; *8-е каре*, три баталіона 7-го егерскаго полка, съ 2-мя батарейными и 3-мя конными орудіями- *9-е каре*, три баталіона Бѣлостокскаго полка, съ тремя батарейными орудіями. Кромѣ того, при каждомъ баталіонѣ находилось по два легкихъ орудія.

Третія линія.

Съ праваго фланга: казачій полкъ, Ольвіопольскій гусарскій, С. Петербургскій драгунскій, Чугуевскій уланскій, Бѣлорусскій гусарскій Кинбурнскій драгунскій, два казачьихъ полка, съ 18-ю конными орудіями.

Всего было: 28 баталіоновъ, 40 эскадроновъ, 3 казачьихъ полка, съ 114-ю орудіями, въ числѣ 18,000 человѣкъ. Кромѣ того, оставлены были въ Рущукѣ восемь баталіоновъ и въ Журжѣ одинъ, въ числѣ всего отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ.

(38) Донесеніе Государю Кутузова.—Донесенія Кутузову графа Ланжерона и Воинова, отъ 28 іюня ст. ст.— Письмо графа Ланжерона къ графу П. А. Строганову отъ ....1811 года.

(39) Предписанія Кутузова, отъ 2 августа ст. ст. 1811 года.

(40) Отрядъ, ввѣренный генералъ-маіору Булатову, состоялъ изъ 5-ти баталіоновъ, 5-ти эскадроновъ и 20-ти орудій.

(41) Боевой порядокъ отряда Булатова: *въ 1-й линіи:* правое каре Шеншина, по двѣ роты Архангелогородскаго и 7-го егерскаго полковъ; среднее каре Жабокрицкаго, баталіонъ Староингерманландскаго полка; лѣвѣе каре Шкапскаго, баталіонъ Старооскольскаго полка; *въ резервѣ:*

сводный баталіонъ Архангелогородскаго и 37-го егерскаго полковъ, баталіонъ Чугуевскихъ уланъ и 8 орудій.

(42) Донесеніе генерала Булатова, отъ 4-го сентября ст. ст. 1811 г.

(43) Составъ главнаго корпуса Молдавской арміи, у селенія Слободзеи, близъ Журжи: 37 баталіоновъ, 40 эскадроновъ, 10 казачьихъ полковъ, орудій батарейныхъ 41, конныхъ 36; кромѣ того, при каждомъ баталіонѣ по два легкихъ орудія.

Въ нѣкоторыхъ баталіонахъ, по причинѣ повальныхъ болѣзней, оставалось подъ ружьемъ по 200 человѣкъ.

(44) Составъ корпуса Маркова, отряженнаго на правую сторону Дуная, въ тылъ арміи верховнаго визиря: полки Нашебургскій, Бѣлостокскій, Витебскій, Куринскій, 8, 10, 13, 14 и 38 егерскіе, Ольвіопольскій гусарскій и 4 казачьихъ полка; артиллерія: батарейная и двѣ легкихъ роты, два конныхъ орудія; понтонная команда. Всего 18 баталіоновъ и 10 эскадроновъ, въ числѣ 7,500 человѣкъ съ 38 орудіями.

(45) Описаніе походовъ Россіянъ противъ Турокъ. IV. Рукопись, хранящаяся въ Арх. Гл. Штаба, за № 36,743. — Aperçu historique de la campagne de Turquie en 1811, par le général Essen.

(46) Донесеніе Государю Кутузова, отъ 18 іюня ст. ст. 1811 года.

(47) Описаніе походовъ Россіянъ противъ Турокъ. IV.

(48) Повелѣніе графа Кутузова графу Ланжерону, отъ 24 ноября 1811 года.—Донесеніе Государю Кутузова, отъ 27 ноября 1811 года.

(49) Генералъ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе турецкой войны 1806—1812 годовъ. III.

1/2

